XLVII K 23.
2
Р19Ср II 150/2.1

...ифъ Николичъ
негдашни житель Бечки
путуючи изъ Беча по Маћарс-
кой у 861 Години Мца Новемб.
на Свѣт. Архангела Михаила
у Београду купиогатъ ову Книгу
Іосифъ Николичъ
изъ Воиводства Срѣие
рођенъ у Сретски Карловци
а садашни трговацъ и житель
Бачки

У Бачи оженѣнъ 8го Новембера
у Недели на Свѣт. Архангела
Михаила 864. Године.

771
23.

БИБЛИОТЕКА
МАТИЦЕ СРПСКЕ

13644

БИБЛИОТЕКА
МАТИЦЕ СРПСКЕ
13644

Дед' сад' нещастный сыне!

Р II 88 /2-3
Р19 Ср II 150/2.1
БИБЛИОТЕКА МАТИЦЕ СРПСКЕ
13644

ЛЮБОМИРЪ
у
ЕЛІСІУМУ,
или
СВЕТОЗАРЪ и ДРАГИНЯ,
морална повѣсть,
сачиньена
МИЛОВАНОМЪ ВИДАКОВИЧЬЕМЪ.

II. Часть.

БИБЛИОТЕКА МАТИЦЕ СРПСКЕ
Ш. Ф. 779

Друго изданіє.
Издао
ГЕОРГІЄ СТАИЧЬ,
изслуж. Словослагатель Правит. Тѵпографіє.

У БѢОГРАДУ.
У Правителственной Тѵпографіи
1858.

Ашто си ты Светозаре тако утъутіо? Вальда ти є жао, сыне, гдѣ полазишь? О Мамице! Како ми не бы жао было одъ оваква дивна предѣла разстатисе, оваки' священны' єстества пріятностій лишитисе, годину дана' нѣжно ово птичица' пѣніє не чути, Васъ не видѣти! Све тьешь ты то, сыне, заборавити, докъ у Призренъ одешь. Друге пріятности тамо тебе чекаю, пріятности, коима тьесе срдце твоє младо лагко плѣнити. Знамъ, Мамице! знамъ я то; но ово су оне, коима се чувства наша нигда затупити не могу; ово су, Мамице, пріятности божественне, коє намъ света природа изъ любезны' нѣдара свои' просипа и дає, и съ коима никаква смѣса порока' ніє: а оно су човѣческе и измышльене, коима се највышше они наслађаваю, кои су одъ свете природе нѣшто удальени. Добро! сыне! Но ове намъ у єсенъ изумру; а оне човѣческе остаю. Изумру, Мамице, зато, да у пролѣтьє опетъ ове воскресну, и источникъ ньинъ, изъ когъ намь оне извиру, нигда се поцрпсти не може. Нема ништа! Мамице, рекне Драгиня, онъ намъ веть Філософира. Нека га! Само докъ удье у царскій великій вертоградъ! О видитьешь ты сыне и познати, како є и човѣкъ своє художество умѣо у само єстество преобратити. Буди како, Мамице; лѣпше є опетъ видѣти любезну весну у овой одежди, кою она одъ миле матере своє — природе — пріима, нежели у оной, на коіой мы, ако и нѣке само знаке руку' човѣчески' познаємо.

Не вѣруйте му, Мамице; онъ єдва чека, да иде. Хмъ! То ты велишь! Ал' право ми кажи Драгиня! хотье л' ти быти жао, кад' изидьешь овуд' шетатисе безъ мене? Ко? Я кад' изидьемъ? А заръ онъ, Мамице, не зна? Пстъ! (Косара на дѣвицу). Но! Шта є то, што я не знамъ? Та ка-

БИБЛИОТЕКА МАТИЦЕ СРПСКЕ У НОВОМ САДУ

жи, кажи, кад' си заустила! Шта таите? Но Мати заметне сад' овдѣ другій разговоръ, и младить узме дѣвицу исподъ руке, и подье съ њомъ лагано брегомъ поредъ потока, у кой гледаютьи, како се рибице у води по златномъ песку играю, удалесе одъ прочи', и зауставившисе пречекати и' поведе юноша нѣжный разговоръ съ дѣвицомъ. Послѣдньій путъ, рекне іой, ове године, мила моя Драгиня! я се съ тобомъ по овомъ цвѣтоносномъ полю сад' пролазимъ; послѣдньій путъ ове ти'е гаѣве, ова зелена брдашца, на коима су ме често ютрењи зефири про'ладьавали, данась гледамъ, и по овымъ роснымъ ливадама съ тобомъ 'одимъ! О любезни срдцу момъ предмети, кои мене у великолѣпномъ граду не чекате! Мили зефири! Вы мене тамо измедьу горды' оны' зданія' нетъете овѣявати. Тамо є шумъ, моя Драгиня! Тамо є угнѣтанье само людій и метежъ великій! И помысли, любезна моя! како тье мени, особито изъ почетка, тамо безъ тебе и безъ Чедомиля быти! Вама ако и буде по одлазку момъ несносно; утѣшитьетесе єдно съ другимъ; — ал' я самъ, одъ Васъ свію удальењъ, у тудьемъ мѣсту! — Е, па Бога ти Светозаре, єдна година ніє вѣкъ! Мы тьемо те. Мамица каже, на єсень по'одити; а медьутимъ почесто тьемо ти и писати. Драгиня! Драга моя! — но да те не увреди ово, што тьу ти ретьи — немой на мене заборављяти! Немой да умали одсуство моє нѣжность твою къ мени! Она є мени паче свега на овомъ свѣту блага. Я знамъ, да тье и теби потежко быти, кад' съ Мамицомъ и Чедомиљемъ овуд' изидьешь, и кад' те ови предмети мене опомену: но како є мени? моє бы ти срце болье казало, кад' бы оно само проговорити могло, нежели моя уста. Немой само мысао у срдце твоє, любозна моя! пустити, — коє бы ми заиста тежко было — да тье Призренъ и найманю какву измѣну могъ къ теби наклоньења учинити мотьи. Не годину, Драгиня моя! но и десеть година' да останемъ, и не у Призрену, но кад' бы, не дай Боже! и накрай

свѣта био, увѣрисе, да нити бы дужина времена, ни велико свѣта разстоянье могло моє срдце одъ тебе удалити, любовь мою къ теби у ньему, коіомъ се оно оживлява, и найманье умалити.

На ове рѣчи ньегове чиста суза ороси дѣвици красне трепавице ньене. Она нѣжно повуче очи своє на юношу и рекне: Тежже є за нашъ слабый полъ, любезный Светозаре! што мы у овакомъ случаю чувства нашега срдца, као што бы намъ оно желило, излити предъ Вама мужкима не смѣмо, да тимъ не увредимо добродѣтель нашу, коіомъ се нашъ полъ краси, стыдльивость. Мы смо принудьене, таква у тѣсномъ срдца нашегъ предѣлу стезати. Суза само єдна, кою выше пута' нисмо у станью задржати, може нашу нѣжность, ако іой се вѣрує, малымъ чимъ Вама изявити. Но я той, Любезна моя, вѣруємъ, о вѣруємъ, зато, што добро познаємъ источникъ ньенъ, изъ кога она иде! Но кажи ми, добра моя Драгиня! шта си ми оно хтѣла ретьи: Мамице! а заръ онъ іошт' не зна? Она се на ово пытанье окрене и погледи назадъ, є ли имъ дружство близу? Мени є жао, да ти не кажемъ, рекне она, но не знамъ, изъ кога узрока и они одъ тебе такво што тає? Мамица є на мене мало пре и помркла, да ти не кажемъ; — я судимъ, да они то само зато чине, да се теби што на жао не учини: али ово, милый мой Светозаре, кад' разсудимо, нама є све єдно. Мы за єдну годину разстатисе на свакій начинъ морамо. Кад' ты дакле одешь у Призренъ: нетье ли теби готово свеєдно быти, или я была овдѣ дома, или гдѣ на другомъ мѣсту за годину, — сирѣчь, докъ си и ты у Призрену?

На другомъ мѣсту? Како то? — Ал' ты немой Мамици казати, да си одъ мене чуо, но постуши другимъ начиномъ, па да те они сами о томъ извѣсте. Они су одредили, да и мене — пита? ніе л' одкуд' у Призренъ? — Не у Призренъ, Любезный мой! но да ме у Петьи одправе. У Петьи! На єдну само годину, и Мамица тье ме съ Брацомъ Космомъ сутра водити, како ты са

Старымъ одешь. И то в истина? Драгиня! Я се чудимъ, да ти казали нису! Старый ме є хтѣо у Призренъ водити; но Мамица не допусти. Може быти, што я тамо идемъ? Хмъ! Мал' да и зато не! — Дакле Мамица о нама — А не, не, Светозаре! — у'вативши му руку — Мамица наша има право, — она добро о нама мысли. О мой Любезный! Зна Мамица шта чини. Зна она, да раана любовь младыма вредителна быти може. Болье она разумѣ то, неголи мы, — собственнымъ є она искусствомъ, мой Светозаре, то познала. Мы ступамо къ савршенномъ веть нашемъ возрасту. Опасуймосе, Любезный! и сами, да наша чиста и дѣтиньска любовь не измѣни у себи свойство. Єръ рано, и при младомъ іошт' разуму, пре сходногъ вѣку нашемъ времена, любовлю оживляєма чувства претворесе вышше путій у страсть, ова пакъ узнепокои срдце у нама, одузме намъ юношеску бодрость, и на нѣкій начинъ разслаби чисто и духъ младыма; — а ово є за насъ, брате, све вредовито, све убитачно. — И ты то кажешь, Драгиня? Я повторавамъ само, Светозаре, Мамичине рѣчи, ков у момъ срдцу мѣсто имаю, и ово є узрокъ, сбогъ кога мудра наша Мамица нiє рада, да мы безъ ньи' у єдномъ мѣсту будемо; — ово є и Старый за добро признао. Драгиня! цвѣте мой любезный! Я се не стыдимъ теби исповѣдити, да ты мени при свимъ моимъ, не худымъ, као што ти є познато, разсудьеніяма, крѣпка іошт' подпора у многима быти можешь. Хмъ! Подпора быти, драгій мой Светозаре, то не знамъ; но да желимъ и срдцемъ и душомъ теби, као и самой себи, сваку могутьу на овомъ свѣту срѣтьу, о томъ, мыслимъ, нiє ни требе, да те увѣравамъ, то ми свагда на срдцу момъ съ тобомъ заєдно лежи. И шта є узрокъ, любезный мой! што я одъ нѣкогъ времена себе много чувствителнію къ теби осѣтьамъ, нежели предъ тимъ? Я сад' кад' те и поо дана не видимъ, чисто зебемъ у срдцу момъ, и Богъ єданъ зна, шта ми у главу не додье! Я ову необычну

у мени промѣну писамь ни разумѣвала, докле ме ніє Мамица извѣстила, и свр' ове страсти совѣте ми дала За умалити дакле ову страсть, коя наша срдца узнепокоява, средство є найболье, насъ на нѣко време разставити. О мой Светозаре! Друго є, разумно любити, а друго, пристрастно. Кад' є мени Мамица о томъ почела говорити, я самь є, сузама орошена, тако слушала, као да какво божество изъ нье говори. Она є своима рѣчма тако у мени мысли развіяла, да ми се учинило, да самь оно све и найпре знала, но као у нѣкомъ сну и забуньено нисамь умѣла мысли моє расправити, докъ ме она къ чистіємъ понятію о томъ не доведе. — Ты дакле желишь, Мила моя, манье чувствителномъ къ мени постати? Ты ово, Любезный! валя да разумѣшь, како я то желимъ, и да я то изъ добра намѣренья желимъ, захтѣваютьи то исто и одъ твоє стране, да настоишь, срдце твоє одъ страстій оградити. Ты сад' меня велишь: Драгиня моя! Немой заборавити на мене: а я теби кажемъ, да я желимъ, да ты на мене мало и заборавишь, и кад' ме се опоменешь, да ме се као сестре опоменешь: а шта наши родительи намѣраваю, о томъ мы, любезный Светозаре, не треба засад' ни да мыслимо. Остаїмо само мы іошт' при той мысли, да си ты мой братъ, и я твоя сестра: — но доста! ево и' близу. Мамице! мени се чини, да сте се Вы уморили. Яо дтьери моя! заръ є то какво чудо? Кад' є Мамица была тако лагка, као што си ты сада: и она се ніє могла одма уморити. Иди Светозаре, дѣте моє, приложи, и набери съ Чедомильемъ траве Старомъ Отцу за ѳееве; сад' тьемосе и мы вратити. Юноша оде, а она узме Драгиню съ Милиссомъ, коя и малогъ Светолика за руку водяше. Но! єсте ли се доста наразговарали? упыта честна мати дѣвицу. На кое она осмѣнесе и на страну погледи, па потьутивши мало: Мамице, рекне, а зашто не кажете Светозару, да тьете и мене сутра водити? Но не у Призренъ! Е! я знамъ, да у Призренъ не, али —

Мамице! бытье плача сутра! рекне Милисса. Е да! зашто бы плакала? Ню тье Мамица на єсень и у Призренъ одвести. Нек' она само слуша Мамицу, и памти оно, што самь іой казала; па тье све добро быти. Дѣвици се наводне очи; но окренесе на страну, и сагнесе, польско цвѣтьє брати, само да є не виде.

Светозаръ медьутимъ набрао траве, и бяше стао поредъ Старога, па и' одбираше. Онъ се єдва накани, пошто веть Чедомиль къ матери оде, да запыта Старога, є ли истина, да тье Драгиню у Петьи водити? Истина є, сыне, да како. Мамица тье ню у Петьи на єдну годину одвести. Мы имамо и тамо свои' людій, кодъ кои' тье намъ она быти. Ради смо, да се дѣте баръ іошт' за єдну годину градьанскимъ обычаима болье поучи. Но кажи ты мени, приложи Старый, смѣшетьисе, и одбираютьи траву, бы ли ты волio, да є у Призренъ дамо? О Отацъ! та то самь Вамъ и хтѣо ретьи! Нiє ли и болье у онакавъ градъ, гдѣ тьу и я быти, и гдѣ намъ є и дѣдъ нашъ, нежели у Петьи? Чему тьесе тамо научити? О иматьесе она чему и тамо научити. За ню тье оно доста быти, што она тамо научи. Ал', любезный Отацъ! и за мене бы, као у непознатомъ мѣсту, много лагкше было, кад' бы ми и она тамо была. О дѣте моє! познатьешсе ты тамо лагко. Имамо мы и тамо много наши' людій. И ты тьешь искусити, да тье многи одъ младе Господе сбогъ мене и дѣде ти Бучиногъ и за срѣтьу себи држати, съ тобомъ се познати. Само ты, сыне, буди добаръ, и знайсе са свѣтомъ добро обходити

Сѣди, дѣте моє, овдѣ кодъ мене, и послушай ме, што тьу ти сад' говорити — послушай, и упамти рѣчи моє тако, да и', сынко, нигда не заборавишь. Сами ови предмети, кои насъ овдѣ окружаваю, кад' и', буди бы и гдѣ было, себи уобразишь, нека ти повторе моє рѣчи, нека те опомену мога поученья, и нек' пробуде у теби као из-а-сна срдце твоє. Я у име Божіє намѣравамъ

тебе, као што самь ти казао, сутра у Призренъ водити, мѣсто царствуютье, велико и многолюдно. Я, кад' самь тебе првый путъ съ братомъ твоимъ Космомъ у *Лариссу*, а потомъ съ другимъ братомъ у *Авину* шиляо, нисамь се, сынко, толико за тебе бояо; нисамь се толико о теби сумняти могао, да тьешь ты у какве и мале погрѣшке поклизнути, а камо ли у пороке пасти; да тье тебе страсть каква са златногъ пута твоє невинности и твога беззлобія свести, єдно зато, што си поредъ старієгъ брата био, а друго, што си се у ономъ времену іошт' на'одіо, кад' те єи само єстество одъ невалялства чувало и предохрањивало; кад' є сирѣчь крвь твоя, блага іошт', и съ чистымъ смѣшана млекомъ, крозъ твоє младе жиле протицала; кад' є срдце твоє беззлобно, и порока непричастно, увесельењє своє и забаву само у невинной игри налазило; кад' є за тебе, као дѣте іошт', и свакій предметъ на овой Божіой земльи, кой ти є само у очи пасти могао, нѣке пріятности на себи садржавао; и кад' іошт' никаква узмутителна страсть у теби нієсе појављяла, коя бы срдце твоє узнемирила, обезпокоила, — срдце младо, коє іошт' никакве горести на овомъ свѣту окусило нієбило; — словомъ, кад' си іошт' у твомъ златномъ вѣку био, и кад' си само као цвѣтъ, іошт' у своіой пупи суштій, изъ любезны' нѣдара священе наше матере природе на овомъ се свѣту указивао.

Но будутьи да ты сад', сынко, Божіомъ милоштью у юношескій вѣкъ ступашь; сад' къ оной точки у своемъ животу долазишь, при коіой ти найопаснііимъ быти надлежи: зато нуждна су ти сад' и нѣка нова правила, по коима животъ твой, на новый степенъ узведеный, валя да устроишь, ако хотьешь, и дѣйствително желишь, да такавъ срѣтьно, и предъ Богомъ и людма честно проводишь.

Юношескій вѣкъ, сыне, єсть онай степенъ живота нашегъ, на комъ разумъ нашъ и душевне у нама силе, соразмѣрно тѣлу нашемъ расту-

тьи, ветьма се развіяти почну. Развієньє ово ньино велику промѣну у младитьу чини. Крвь се млада и топла почне у ньему волновати; но волнованьемъ овымъ єстественне у ньему страсти напрасно осиляваюсе, и одовуда чувствителность срдцемъ младога лагко завлада; постати може у нарави плаовитымъ, у предпріятіяма своима неразсудльивымъ и устремителнымъ; исхитьенъ изъ своє сфере высоко о себи умствує, и по лагкомыслію ньеговомъ ньему сє ништа немогућнымъ не чини. Почне себи мечтавати, да є силанъ, да є мударъ, лѣпъ, и у свему савршенъ. Слѣдователно нерадо вышше одъ други' совѣте пріима, не лагко укротитисе допушта.

У оваком дакле станью младить, кой є и изображенъ, поклизава, и пасти може; а кой іошт' нема у себи добра и моралнa основанія, коя се даю у добромъ воспитанію; ако му се сирѣчь нієсрдце изъ почетка одма, докле є іошт' чисто было, као што га є єстество само донело, изобразило, и ако по несрѣтьи своіой нема сад' кога поредъ себе, кой бы надъ ньимъ власть имао, да га у оной устремителности мало задржава и чува, да га совѣтує и често опоминье: — онъ, сироматъ, може, као што насъ о томъ примѣри многи' уче, пропасти. Истина, да на найветьу срѣтьу нашу юноша у овакомъ бурномъ станью своmъ, у овой врутьой грозници, дуго не остає, но само за нѣколико година', ал' потомъ крвь се у ньему утиша, напрасна чувствителность мало му се укроти, и живостне страсти оне прву свою силу изгубе; онъ додье къ себи, и као из-а-сна пробудисе; тргне ногу свою одъ оне пропасти, къ коіой се устреміо быо, и самъ се себи чуди, шта є чиніо, и шта є почео быо. За многа се тада и раскає: али шкодльива нѣка слѣдства безумногъ поступка ньеговогъ остану му и потомъ. Єрбо мнѣніє ружно о себи, кое є єданпутъ свѣту дао, тежко тье, и то не безъ великогъ и особитогъ поправльенья своегъ, людма изъ памети изгладити мотьи, и тежко тье такавъ знатне до-

бродѣтельи, као украшенье срдца нашегъ, мотьи вышше тако у своє єстество обратити, да се као ньєму уродьене свѣту покажу.

Съ овымъ стои, мой сынко, тако, као и съ єднымъ сосудомъ. Ако се сосудъ првый путъ каквомъ смрадью запои, онъ на ону и потомъ свагда воня, и нек' се потомъ и найкрасніе питье у ньега успе, свагда тьемо опетъ познати у ньему слѣдство ружне, предье у ньему бывше вонье.

Страсти су намъ одъ єстества дане. Оне су съ нама родьене, и оне ништа друго нису, него природна нѣка срдца и душе наше къ чему нибудь наклоность, но у силну желю преобратьена, коя или захтѣва пріятности нѣке, коима чувственность нашу гледимо задовольити, или ньіте сходна средства, коима бы могли себи славу какву приобрѣсти, себе знатныма учинити, и знаменито име по смрти нашой оставити, было то у богатству, было у юначству, было у высокимъ наукама, было у чему му драго Оне су и єдне и друге по єстеству невинне и благородне, и одъ насъ само зависи, да намъ се и єдне и друге у порокъ не обрате. Средство є томе, како у пожеланью чувствителность нашу задовольити, тако и у благородномъ побудьенью славу себи снискати, хранити мѣру, и не преступати границе, кою намъ разумъ, ако се ньему повинуємо, и совѣсть наша налажу.

Пожеланья она, коя намъ се изъ чувственности наше радьаю, єсу силнія, нежели коя се къ духу нашемъ односе, и у првыма вышше и' има кои поклизну, єръ друга видесе да су у нама благороднія, као што є и душа наша одъ тѣла благороднія; но сбогъ тѣсногъ тѣла съ душомъ нашомъ союза нѣкій путъ она прва искваре и изштете у нама и втора; а нѣкій путъ втора измѣне намъ се и претворесе у прва. Но и ово є дѣйство чувственности, єръ духъ по себи не бы се на худо што измѣніо, но потрзаємъ быва одъ чувственности.

Алеѯандеръ Великій, Філіппа, Македонскогъ Краля, сынъ, као што намъ исторія о томъ показуе, съ почетка имавши добро одъ Арістотела філософа воспитаніе, покаже у свему прекрасне нрави; потомъ, осѣтивши у себи особите и высоке даре, зажели и' у дѣйство привести, и себе паче родителя свога прославити. И онъ испрва, докле су му ове душевне наклоности у естественномъ своме станью и положенью быле, у преду-зетцима своима благородно поступаше. Но кад' потомъ покори многе народе, измѣни свою наравь, и преобрати благородне свое желье у пагубну страсть, коя му зауставитисе и онымъ задовольитисе, што е веть получіо быо, не дозволи, него побудьаваше га и даље, и распаляваше духъ у ньему, цѣлу вселенну себи подчинити. Па шта е найпослѣ одъ ньега было? Гдѣ си быо? Нигдѣ! Шта си учиніо? Ништа!

Єръ устремителной ньеговой страсти слѣпа срѣтьа отвори путъ, и онъ продре съ воинствомъ своимъ пространну Асію, пренесе мачъ свой даже до послѣдньи' краєва ньены', потомъ опіесе излишномъ такомъ славомъ, и мало му се учини, царемъ надъ царевима быти, но пожели, да га и за земнога Бога признаду. При овой пагубной мысли ньеговой было е: *Съ Богомъ памети*! будутьи да помысли себе Господина быти, комъ се и цѣло естество повиновати мора, слѣдователно, може чинити, шта 'отье. И тако оддасе сад' сирома'ъ піянству, женскомъ полу, и свакой раскоши; Монархію свою, кою е одъ запада къ востоку пружіо быо, пренебрегне. Новозавоеване землье при овой прилици поишту себи опетъ, у коіой су быле, слободу. У истомъ времену онъ у раскоши, у кою га е страсть низвргла была, источивши силе свое тѣлесне, разслаби, падне у болесть и сконча свой животъ. Говорисе, да су га отровали; но ако е и то, самъ е узрокомъ и томе быо.

Видишь сынко, шта страсть, кад' іой се човѣкъ одда, одъ ньега учини. Зато, дѣте мое лю-

безно, чувайсе, да те ова тако млада не избезуми, да те не заслѣпи, и не сведе те съ правога пута, коимъ те чистый разумъ води.

Твоє є срдце до данась у єстественной своіой цѣлости чувано. Оно є чисто и изображено, и то ме увѣрава, да се петье тако лагко страстима оддати; но будутьи да дѣтетомъ, као што ти реко', престаєшь веть быти, и у юношескій ступашь вѣкъ; при комъ ступльеиью осѣтитьешь найпре нѣкій у себи поносъ; почетьешь себе одъ многи' и у нравима, и у науки, и у благородію, одликовати; о чему досад', као дѣте невинно, ни мисліо ниси: то чувайсе, да ти се овай благородный поносъ не претвори у луду гордость и нѣку кичельивость. Пагубна ова страсть повукла бы са собомъ и упорностъ, сестру свою; а гдѣ є єдашпутъ, сынко, упорность, ту є и самовольство. Обладаю ли по нещастію — Но Богъ милостивый да уклони то зло одъ тебе! — срдцемъ твоимъ ове страсти: паштьешь у сваку раскошь, піянство, расточеньє новца, найнослѣ и у блудъ, кой допуни мѣру погибели бѣдномъ юноши.

Овакимъ, дѣте моє, начиномъ младъ човѣкъ као по степени' спуштасе у погибель. Зато те молимъ и заклиньемъ, буди предосторожанъ, не дай се успавати, не дай изъ почетка іошт' мѣста худымъ мыслима у срдцу твоме. Знай себе, но само спрамъ себе, одъ други' одликовати. Знай твоє даре, твоє добродѣтельи, цѣнити и ньима се дичити, но само благородно, не на друге, коє бы си познао, да се съ тобомъ не могу у чему сравнити, мрзити, не зато друге презирати, и ньи за тебе недостойне вмѣнявати. Удали таку мысао одъ твога срдца. Она є гордость, коя бы обезчестила сва прва твоя преимутьства и добродѣтельи. У дружство добро и честно временомъ своимъ отиди, провеселисе съ ньиме; но само буданъ буди, и срдце твоє у цѣлости сохрани. Чествуй и красный полъ. Не кажемъ, да га као дивльій избѣгавашь, но само у саобраштаванью съ овымъ найопаснiимъ ти быти треба, да

ти се твоя честна и луховна къ овомъ полу любовь не обрати у страсть, да ти се твое чисте о њему мысли не претворе на худе. Теби, као младомъ, у овомъ тьесе найветьа прилика и давати, єръ на благозрачный цвѣтъ свакъ се лакоми. Ово мени найветьма, сыне мой, и угрожава. Не говоримъ я, сыне, ово, што бы самь о теби худо мисліо, но говоримъ по оной нашой пословици: *Кога су зміе угрызале, тай се потомъ и гуштера' бои.*

При овымъ рѣчма честный Старацъ запласе и мало говорити престане. Младить, нескидаютьи очію свои', такодье сузомъ орошене, съ њега внимателно слушаше га. Ово, дѣте моє любезно, бришутьи очи Старый настави рѣчь, ово мени угрожава, и сузу ми изъ ока изгони, кад' помыслимъ само, шта ти се съ родительемъ догодило, когъ самъ, тако исто млада, као и тебе сад', у Призренъ послао, па се боимъ, дѣте моє сладко, да судба моя не повтори ударъ свой на мени, и да не повреди ону рану на моме срдцу онымъ истымъ. кой ми є лѣчи, а то си, сыне, ты!

И онъ ми є, Богъ да ми га прости! такодье честанъ єданъ и цѣломудренъ юноша, лѣпо воспитанъ и наученъ быо, и при свемъ томъ ніе быо кадаръ, избѣтьи прилику и поводъ, кой му є, као што ти є познато, данъ, да се не залюби. Любовь му заслѣпи очи, да съ твоіомъ родительницомъ, дтьерію онака мужа, царскогъ Міністра, побѣгне! Е! поступакъ његовъ затимъ мало и мени главе не додье! Жао ми є, и срдце ме и сад' боле, што самь онда, у оной срдитости, као и свакій мужъ, комъ є честь паче свега на овомъ свѣту драгоцѣннія, рекао: Ей сынко! Шта учини, да одъ Бога надьешь! Ей сынко, Богъ нека ти суди! Ты уби себе; но уби и честь мою! И тако ожесточенъ нисамь вышше ни маріо за њега. Нек' иде, рекнемъ, колико мой одсад', толико Божій быо! Потомъ, кад' се болье извѣстимъ, како є было, тежко ми падне, и раскаємсе, опростимъ

му, и обратимъ мою клетву на благословеніе: но всуе! Я се њега лишимъ на вѣки!

Зато Сыне Светозаре, дѣте моє мило, Богомъ те опетъ заклињемъ, чувай себе одъ подобне погрѣшке. Чувай, сыне, честь и твою и мою. Ты си родьенъ, да отацъ будешь. Благодатно єстество на то є тебе опредѣлило, и — съ дозвољењемъ ретьи — за умноженье рода човѣческогъ, као и другимъ смртнымъ крвь твою на то успособило, — слѣдовательно, оно є и време на то одредило. Ты у име Божіе текъ сад' на оно ступашь. Божественный дакле онай даръ природе наше, и ону искру, одъ коє вѣчногъ Бога повелѣніемъ словесный човѣкъ бытье своє получава, при появљењу њеномъ да не опорочишь; да священно єстества намѣреньє не обезсветишь, и да те мысао худа не приведе на порокъ; да те не исхити изъ предѣла', теби и свакомъ положены', кои се безъ велике штете своє претьи не могу. Страъ Божій, дѣте моє любезно, да ти буде мачъ противу Сірена и паклены' Фурія'; стыдьењє, тврдый штитъ; Іосифа прекрасногъ цѣломудріє, огледало; а примѣри грозни многи' на свѣту, кои нису были кадри побѣду надъ своіомъ страштью одржати, да ти у случаю совѣтъ даду! Возлюби цѣломудріе, и чувай чистоту тѣлесну. Око твоє, говори Богъ, ако те соблажнява, ископай га паче и баци одъ себе, єръ ти є болье, и съ єднымъ окомъ у животъ вѣчный утьи, нежели съ оба у погибель пасти. Младъ си. Єстество те є украсило. У разне тьешь прилике долазити. Зато чувајсе, не дајсе оволшебствовати, позорствуй, да ти тай благозрачный цвѣтъ на лицу не увене; да ти то любезно невинне твоє крви руменило не исчезне; да ти изъ сладки' и умилны' рѣчій какве страштью заслѣпљење порокъ у срдце ти'о и полагко не упузи, као што се змія єдовита крозъ траву у лѣпу ружицу може увутьи. Дичисе твоіомъ непорочношћу као драгоцѣнымъ сокровиштемъ. Єръ свако друго благо можесе изгубити, но можесе

случаемъ и добыти: али непорочность свою ко єданпутъ изгуби, изгуби є навѣкъ. А особито, сынко, здравље наше, прво на овомъ свѣту благо наше, ничимъ се тако не порушава, као тимъ, ако кой несрѣтьный юноша рано, и пре свога времена, у тѣлесный порокъ ступи; ако кукавацъ крвь свою у оно исто време кварити почне, кад' му єстество найбольма снагу и крѣпость у жиле и кости ньегове чрезъ ню уливати зачне. Грѣхъ е дакле смртный, єстество у благомъ ньеговоиъ дѣйствію препятствовати, дѣйствію, коимъ оно хотье, да наше тѣло оснажи, и онако га оснажи, и онако га сазида и здравльемъ укрѣпи, да можемо найдублю старость безъ свакогъ бола доживити; да можемо на славу Божію, као чисто зрно пшенично, сазрѣти, и тако да благу, ти'у, и безъ мученья смрть дочекамо, да нашу душу изъ тѣла, као изъ каквогъ чистогъ, но састарѣлогъ храма, ангьео Божій изнесе, и у горньій Іерусалімъ, у вѣчный нашъ животъ, пресели.

Зато Светозаре, дѣте моє, свакій младитъ, кад' бы само разсудити умѣо, колико бы за ньега паметніе было, страстима себе не оддавати, и на време своє чекати, да га єстество савршеннымъ човѣкомъ учини, да му тѣло ньегово, као што треба, устрои, и да га у оне године крѣпка и здрава доведе, за коє є опредѣльенъ, да онъ безъ повредьенья свога здравльа и живота другоме може животъ дати, и тако да избере себи честна друга, и ступи у светый бракъ, кад' бы, велимъ, свакій младитъ то, колико є болье, разсудити хтѣо: не вѣруємъ, да бы се избезуміо, и своєвольно погибель себи желіо. Овы' дакле мои' рѣчій опоменисе сынко, и чувай твою невинность, ако желишь, да се не лишишь оногъ небесногъ благослова, кой те подъ брачнымъ вѣнцемъ чека. — У саобраштенью съ честнымъ женскимъ поломъ знай, како се валя обходити са старіима Господьама и Матронама, како ли пакъ съ младыма и дѣвицама, и што се овы' тиче, буди само равнодушанъ, сирѣчь, као у дружству дужанъ

си єдной онолико се благонаклоннымъ показивати, колико и другой. Не држишь ли ты у такой прилици твое срдце предъ ньима у равновѣсію: увредитьешь коюгодъ страну. Ты, као паметанъ, и ктоме благороданъ младитъ, валя да помыслишь: Я овдѣ нисамь дошао дѣвице избирати, но само време съ ньима провести, са старыма господьама у лѣпомъ, паметномъ и благонравномъ разговору, а съ дѣвицама у веселой и невинной шали, у умѣренномъ и неувредителномъ смѣю. Зато не треба ми, да рекнешь, на лица гледати, и по вкусу мога срдца єдне избирати, ньи' се ветьма лѣпити и ньима угодьавати; а друге, иначе такодье честне и разумне дѣвице, благе нарави и учтиве, презирати, и као клонити и' се. Боже сохрани! То да не буде! Или да се съ дѣвицама толико забавишь, да на старе господье, матере ньине, и не гледишь. Ово є такодье за младитьа весма непристойно. Насамо желити съ дѣвицомъ разговаратисе, пада младитъ у подозрѣніе, и паметніи родительи не само то негодую, но нипошто и не допуштаю. Не гледай на оне безумне и покварене младитье, кои и за нѣку дику себи држе, да какву сироту дѣвицу обаяти могу, да се у ньи залюби, — не! тога се острегавай, и не само повода томе не дай, но ако бы ти се одъ какве лагкомыслене такавъ и подао, не пріимай, избѣгавай, и чинисе на оне ньене умилне погледе, као да и' ты и не разумѣвашь; найпослѣ дай іой и познати, но весма благороднымъ начиномъ, не грубо, да ты оне исте знаке любови негодуєшь; но притомъ да є ты, као честну дѣвицу, не изъ каквогъ ружногъ намѣренья, любишь и почитуєшь. Тимъ тьешь іой одузети суєтну ону надежду, коіомъ є она срдцу своме поласкала; дотьитье къ себи и застыдитьесе, престатье одъ оны' мыслій, и повратитье спокойство срдцу своме.

Но што є іошт' найгоре, сынко, има и таки' младитьа', кои кад' виде, да ты много на твою честь држишь, и избѣгавашь сваку прилику, гдѣ-

годъ видишь, да ти ова у опасность долази, согласесе медьу собомъ, и траже начинъ, како тье те избезумити, па ако никако иначе не могоше, а они гледе, да те развеселе и опію, па веть онда готовъ є посао! На што се младить піянъ наговорити не може! И шта ли разума лишенъ учинити нетье! Піянство є, сынко, да и о њему пробесѣдимо, єданъ гадный и мрзкій порокъ, єдна одветь вредителна за човѣка страсть. Піянство насъ у сваку погибель води. Чрезъ піянство су многи велика своя иманья изгубили, чрезъ піянство здравље своє порушили, и пре времена конацъ жалостномъ свомъ животу пріимили. При піянству се за косе вуку, при піянству се мачевы єданъ на другогъ потрзаю, и крвопролитіє се чини, и при піянству — блудъ найвышше быва, — словомъ ретьи, у піянству се свако зло прикључава. А и како нетье? Кад' смо мы, као смртни люди, по самой природи нашой страстима и слабостима нѣкима подвргнути: то намъ є Божество дало разумъ, да мы ове њимъ управлямо, да њимъ страсти наше умѣравамо, и на нѣкій начинъ да и подъ уздомъ држимо. Кад' пакъ піянство коме разумъ одузме: онда све оне страсти, и сва она дивля свойства у њему появесе, па оно чини, што и скотъ не чини.

Но ова страсть — піянство — не видисе нама као друге страсти свойствена быти. Она одъ самогъ обычая, а найвышше у млады' лѣти' постане. Но зато заръ и не престає као друге єстественне у нама страсти, коє се баръ одъ поо вѣка и подъ старость у нама нѣшто измѣне, или и сасвимъ престану, изгубе свою силу и омразе намъ се; ова пакъ до найдубље старости човѣка прати. Іошт' шта вышше! у старость найбольма свою роллу играти почне. Зато, дѣте моє, видишь ли кога, — за тебе нетьу да рекнемъ — да се піянству оддао, знай, да се свакомъ злу оддао.

При обѣду и вечери, као што самъ те привыкао, употреби мало, и то съ водицомъ, вінца,

и помысли, да ти оно умѣсто какве медіціне служи, а не, сыне, ньимъ жедь да гасишь. Вода намъ є зато дана, да жедь гасимо, благословена вода, при коіой човѣкъ трезвенъ остає. Она є право и єстественно питьє наше; она намъ и єла у желудцу болье скува; болье се и они питателни изъ єла', ньомъ скуваны', сокови у нашу крвь, жиле и кости раздѣлюю и приносе.

Зато є єстество воду свуда по свѣту и пролило; зато є и земльи заповѣдило, да изведе изъ себе кріштале источнике.

Не гледай само на оне юнаке, кои нѣко жалостно юначство у дружству гдѣ стану показивати, кой може вышше попити! Кои чашу о чашу куцаю: Пій брате! За твоє здравльє! Да живи овай и онай! па чашу на искапъ! Овако се піє, а не као ты! Тако жене пію! и проча овака піяне главе лупаю, текъ да те опію, да си имъ раванъ. Клонисе, сыне сладкій, таквы', уклонисе, живымъ те Богомъ закліньемъ! Или, ако си принудьенъ за оно време съ ньима у дружству быти, претрпи паче укоре ньіове, буди предъ піяныма очима ньіовыма и жена и кукавица. Зато, што не можешь да піешь, као они; ништа зато! Сутрадањъ они сами нетье знати, шта су говорили, и онда долази редъ на тебе, да се и ты ньима смѣешь. Но ты се чини и невѣштъ; нек' се они сами смѣю будалаштини своіой: а ты се задоволявай собомъ, што си юнакъ быо, кой се нисси преварити дао, и кой си надъ страштью побѣду одржао, подъ кою су они, као слабе жене, пали.

Но съ овымъ изятіемъ ово правило наблюдавай, да ако додьешь гдѣ у дружство отмѣпны' лица', благообразны' и иначе умѣрены' людій, но у прилики, на то имъ данной, хотье да се провеселе, почну викати: У здравльe Ваше! у здравльe овогъ и оногъ! и стану се такодье чашама куцати, — али чашу или и не напуне, или ако є и пуна, обычествую віно водомъ растварати, и не натеруюсе, чаше наискапъ испіяти, но као па-

БИБЛИОТЕКА МАТИЦЕ СРПСКЕ У НОВОМ САДУ

метни люди пію толико, да су весели, а не, као они први простацы, да се опію, — овако, велимъ, дружество сасвимъ другчіе одъ првогъ треба да сматрашь и почитуєшь. Додье ли и на тебе редъ, чашомъ се куцнути, учини, и медьу таквыма у себи не чини изятія. Ты можешь єдномъ чашомъ ил' двѣма и 20 путій наздравити, къ устма чашу принети; но не морашь є испити, — нико те нетье на то терати. Господа паметна пію умѣрено, и остаю при памети. Зашто, сынко, ніе віно винно, но проклето піянство.

Сатимъ сад' устану, и ходаютьимъ имъ полагано къ дружству Старый настави бесѣду свою. Не знамъ, сынко, іошт' ни самъ, рекне младитьу, како тье быти? Дѣда ти єднако навалює, да те дворянином учини, а моя воля никако на то ніе; — найпослѣ видитьемо, како тье быти. Но то ти, моє дѣте, препоручуємъ, да не будешь на єзыку проливенъ, и то не само зато, што тьешь у двору быти, но зато, што єзыкъ сила путій, кад' не мыслимо, шта тьемо гдѣ ретьи, у велику опасность насъ приводи. Тебе тье Дѣда и у тайне дворске послове пуштати: зато учисе тайну хранити. О красна є ово добродѣтель, полагати *хранило устомъ своимъ*, и оно, што ніе за казиванье, никомъ не говорити. Не буди ни у томъ, сыне, лагкомысленъ, и све као да те нѣшто копка не можешь да трпишь, докле другомъ не кажешь оно, што си чуо. Я тьу само овомъ казати, ретьитьешь, као момъ вѣрномъ другу, ал' вышше никоме! Не шалисе тимъ! Єръ истый вѣрный другъ, можесе догодити, да є као продрта вретьа, и казатье другомъ, и тако одъ уста' до уста' пукне найпослѣ и проспесе рѣчь свуда. Зато велимъ, што є тайно, и ніе за казиванье, тьути! нек' иструне у теби, да бы те ико пытао, да бы те ико искушавао! Признаешь ли єданпутъ, да є тайна; тьути, па тьешь быти безъ бриге. Ты тьешь самъ искусити, колико ову добродѣтель высока лица почитую!

Буди само опасанъ, и чувайсе лукавы' людій. Не вѣруй, сынко, свакомъ предье, него га сасвимъ познашь, и доклегодъ оне сладке и умилне ньегове рѣчи, коима бы те ко, као 'итрый політікъ, обаяти намѣравао, не искусишь, имаю ли оне правый коренъ у срдцу ньеговомъ, или само на зміиномъ єзыку стоє. — Много се путій, мой сынко, права лажь и притворность у чисто бѣлу одежду добродѣтельи обуче, докле те, као неискуснога, превари. Много путій лукавый лисацъ одкрыє ти сасвимъ срдце своє и Богъ єдиный зна, какве ти измышльене тайне повѣри, докле твоє срдце не отвори, докле одъ тебе рѣчь какву не исчепрка и не ископа, па є онда добро чува, и као єдно средство, коимъ ти може, кадгодъ хотье, досадити, гледи и сматра. Любезно моє дѣте! ако ты будешь одъ твогъ простогъ и безпристрастногъ срдца на све друге заключавао; ты си пропао! Я самь увѣренъ, да ты никога нетьешь увредити, и одъ себе какавъ поводъ дати, да ти ко што злоби, и у чему досадити гледи: али зависть є чудна, — о чудна страсть! Она свагда больемъ навѣтує. Ты тьешь ондѣ чрезъ дѣду, кой прво мѣсто при Цару има, кодъ многи' быти у чести и любови; а то се опетъ многима нетье допадати, почетье на тебе мрзити, и гледатье, да ти у чему нибудь досадѐ.

Зато буди благоучтивъ, буди свакоме по чину и достоинству соразмѣрно снисходителанъ; старіимъ и господи высокопочитаніе, а себи равнымъ любовь и искренно пріятельство показуй. И нуждно ти є, сыне, да будешь мало и притворанъ, да се и оныма, коє бы си искусіо да ти нису прави пріятельи, споляшнье политике ради, мало снисходителанъ и учтивъ показуєшь. Буди свагда трезвенъ и у присутству духа. Съ людма кад' што говоришь, да добро мотришь, шта тьешь ретьи. Мало говори, но смысленно и благоумилно, да се свакомъ бесѣда твоя допадне. Пристрастно у усхитьенье, кад' говоришь, долазити, викати, и руке разметати, а особито предъ вели-

кима лицама, отнюд' не пристои, нит' валя: но умѣрено говори и сходно оной матеріи, коя ти се предметомъ разговора учини. Особито на редъ позорствуй, другогъ у разговору не предтичи, и ако бы ти се чій разговоръ толико и не допадао, кой иначе не бы био скареданъ, но само мале важности; или бы теби оно боље, него и њему, познано было: не показуй му се, да негодуєшь, но стрпљиво саслушай га и не квари му волю. У гостбини, при тудьемъ столу, и у дружству, наблюдавай правила сваке пристойности, и гледай, да се како у бесѣди, изъ коє тьеду разумъ твой и карактеръ духа судити, тако и у движенью тѣла, како сѣдишь, како руке држишь, и њима послуєшь, и т. д. твоє воспитаніє примѣчавати, гледай, велимъ, у овакой прилики, да се присутствуютьимъ благопріятанъ покажешь, а нарочито у таквомъ дружству лице да ти є ведро, и на чертицама његовымъ малчицо као нѣкій смѣй съ благообразіємъ да ти се показує; одкуд' заключаваю люди, да имашь благу наравь и весело срдце, да имашь чисту совѣсть и бодаръ духъ. Єръ простой дѣци и невоспитанной свойственно є то, да су понайвышше намргодьена и као забленута, дивля погледа и невесела. Ово є теби и до данась казивано, и ты си то све и при мени научіо, но само ти повторавамъ и опоминьемъ, да све, што си кодъ мене научіо, точно извршуєшь; а што одсад', као нове нѣке и добре обычає одъ вышше свѣта и людій примѣтишь и видишь, да скоро научишь и себи присвоишь.

У прочемъ, сыне мой любезный! Богъ свеблагій, комъ се я за тебе и молимъ, нека те настави, нека те одъ свакогъ невалялства сохрани, и мене сподоби, да одъ тебе сваку утѣху и сваку радость доживимъ.

А што бы си ты желіо, да и Драгиню у Призренъ пошљемо, то быти не може. Драгиня є моє дѣте, као и ты што си, и я, кой о срѣтьи њеной, какогодъ и о твоіой промышлявамъ, и-

мамъ мой узрокъ, зашто є тамо не шиљемъ, и време тье ти показати, да смо я и Мамица твоя у томе право имали. Нама є мило, да Вы єдно друго радо имате, и я ти препоручуємъ, да твою любовь къ њой ово мало време за годину дана' у твомъ срдцу не бы умалило. Драгиња є дѣте добро, и Вы сте сви при мени до данась добри были; надамсе, да тьете одсада и больи быти, докле у зрѣліи разумъ додьете, докле болье, шта є добро, шта ли є зло, познате, — само да Васъ Богъ милостивый поживи. — Завѣштаваш ли се, сыне мой, да тьеш ове моє совѣте памтити, и да тьеш и' на твою вѣчиту ползу, а нама на радость, у дѣйство привести? Младить му приступи къ руци: О любезный Отацъ! на сваку се Вашу рѣчь моє срдце завѣштало; я тьу и' свето хранити, я тьу и' на ползу мою употребити, и у свакомъ момъ предпріятію на Васъ помыслити, на Ваше се совѣте позвати, и у мени ретьи: Шта бы мени сад' Старый Отацъ рекао, кад' бы самь я то и то, што є противъ његовы' совѣта', учиніо? Тако, дѣте моє, придода Старый, тако сыне сладкій! Ово іошт' упамти, што тьу ти сад' ретьи: Ништа не говори тайно, за коє бы си се пред-а-мномъ, или предъ коимъ честнымъ мужемъ застыдіо, и ништа такво не чини, о чему савршено признаєшь, да тье те совѣсть изобличити. Одъ людій се, сыне, много коєшта и сакрыє; одъ совѣсти пакъ ништа. Она є правый судія, одъ самога Бога у срдце наше поставльенный, да насъ и за мале наше погрѣшке опоминье, а за велике у трепетъ приводи.

Видишь, сыне мой, настави Старый, какавъ намъ є красанъ овай свѣтъ, какве намъ пріятности милостиво Божество у простой природи око' насъ просипа! Какавъ намъ се сладостанъ мирисъ одъ польски' цвѣтова по воздуху разноси! Какво є умилно оно невинны' птичица' пѣніє, и какви ли су сладки ови дари Божіи, коє намъ земля ова изъ свои' нѣдара богато дає, коє мы посведневно уживамо! како є Божество за свако

наше чувство друге и друге пріятности устроило! кушенью нашемъ земне плодове разнога вида, разнога вкуса; ушима нашимъ дивно пернаты' созданія' пѣніе, многогубу мусіку, и друга къ увеселъенью нашемъ разумомъ измышльена за слухъ нашъ орудія; къ обонянію нашемъ найпріятніи одъ многородны' цвѣтова мирисъ; очима нашимъ сву красоту овога свѣта милостиво є небо нама представило. Коме се не бы овай свѣтъ любіо! Коме се не бы миліо и допадао! развѣ глупоме, и пороцима чувства сва затупившемъ, ономе сирѣчь, кой одступи одъ сладке природе, и залюбасе у њене суетне ствари, кое се по споляшњемъ само виду чине, да су кадре, човѣка срѣтънымъ учинити.

Светозаре, дѣте мое, природно намъ є то, да свакъ себи желимо срѣтьу: мало насъ пакъ има, кои правый путъ, праву ону стазу, насъ къ истинной срѣтьи водетьу, наодимо. Ербо суетне желье тако нѣкій путъ човѣку затупе чувство, да нимало готово не мари, нити умѣ чувствовати красоту овога свѣта, нити уживати сладке даре на овой земльи Божіой. Зато, велимъ, дѣте мое, хранисе ове слабости, дай позоръ, да ти каква страсть не облада срдцемъ, и не удалисе одъ сладке природе, као источника, изъ кога сва блага поцрплявамо.

Повторавамъ ти опетъ рѣчи мое, кое самъ ти много путій говоріо, да се сви они вараю, кои срѣтьу свою у стварма изванъ себе полажу, — она є, сынко, у нама. Чиста совѣсть наша єсть право основаніе нашой срѣтьи, къ овой добро здравље, задовольство, благо и безпристрастно срдце, любовь къ Богу и къ ближњемъ своимъ, — ова управо човѣка срѣтънымъ чине, будутьи да сва проча блага, коя се у споляшњима стварма састое, као богатство, слава, высоки чинови и достоинства, безъ чисте совѣсти, безъ здравлья, безъ задовольства и любови къ Богу и къ ближњемъ нашемъ, не може њинъ стяжатель уживати. Зато трудимосе, и попечително о томъ,

сыне, настоймо, да она прва себи усвоимо, а потомъ постараймосе и за втора, но само толико, съ колико може быти безъ уштрба првы', и свагда да намъ є на срдцу и у памети то, да су намъ она прва блага съ єстествомъ нашимъ скопчана, кои' кад' бы се лишили, могли бы себе за несрѣтне признати, а не втора, — втора су намъ само за време, и првы' ради дана.

На то приближи имъ се и дружество. Мати опетъ примѣти на младитьу, комъ рѣчи Старога іошт' у ушима звоня'у, нѣку промѣну и нѣку ти'у унылость, у'вати га кротко за руку: Но сыне! шта си се тако опетъ замысліо? Я кажемъ, да ты жалишъ, што одлазишь! Жали, да! рекне Старый, милуютьи га по челу. Ньему тье добро и тамо быти као и дома; онъ тье и тамо кодъ свога дѣде быти. Драгиня му пружи цвѣтъ, кой онъ пріимивши изъ шале поклони іой се. Дѣвица на то: Хмъ! Іошт' ниси у градъ ни отишао, а веть компліменте знашъ правити. Мамице! Овай тьесе іошт' и поносити одъ насъ, кад' намъ се изъ Призрена врати! Па шта намъ є до ньега? одговори добра мати, и мы тьемосе поносити одъ ньега. А! нетье то быти одъ нашегъ Светозара, приложи Милисса; онъ тье намъ ово исто срдце донети, коє сад' са собоиъ носи. Не знамъ за мене, рекне младитъ, како тье быти, но ты докле одешь у ону славну варошь Петьи, да се не залюбишь у она лѣпа ношива ньіова? Пакъ? Не допадаю ти се Петьска ношива? запыта мати. О! како ми се не бы допадала! (подсмѣятелно) Особито, Мамице, оне ньине парте, што имъ дѣвице на єдну страну накриве, па кад' іошт' и бѣло перьє задѣну, а витійце издигну, и загладе и' пусте, да бы имъ се могло на челу цѣло *Помилуй мя Боже* написати.

Они овако у разговору додьу дома. Сунце веть рѣдке луче своє одъ западне стране указиваше. При вечери Старый заповѣди слугама, да рано устану, и да конье, и што за путъ треба, оправе. Косара сѣдне и напише родителю своимъ

писмо, потомъ спреми сыну свомъ у ковчежить ньеговъ сва ньему потребна. Косма имъ бяше на села отишао, и Светозаръ жаляше, што се съ ньимъ нетье опростити мотьи. Онъ узме малогъ Светолика, Милиссиногъ Сына: Сладкій мой! любетьи га рекше му, ты тьешь веть знати и говорити, кад' се я вратимъ; ты тьешь Чики твомъ великій быти; ты тьешь мени на срѣтенье истрчати; теби тье Чика саблю донети, и проча овако дѣтету тьеретаютьи погледи на Драгиню, коя се машила бяше, да младенца одъ ньега пріими. Драгиня! ти'о смѣшетьисе, може л' што одъ овака беззлобна отрока любезніе быти? Є л' да и ты малу дѣцу милуешь? Ал' право ми, Драгиня, кажи — на то удье имъ мати, одъ коє се онъ тргне и рѣчь свою пресѣче, и мати га зовне у другу собу, у коіой Господинъ и старый Палимонъ вечерню молитву свршива'у, поредъ кои' и онъ сад' съ матеромъ стане, и тако у тишини спрам' светогъ распятія, предъ коимъ воштана свѣтьа горяше, Богу се помоле.

Кад' сврше молитву, и цѣлую свету ікону, приступи младить къ Отцу, да му руку полюби, но Старый му рекне, да найпре Палимону то учини. Овай честный Старацъ пригрльивши га заплачесе: Сыне мой любезный! рекне му любетьи га, можно є, да те сад' — но како буде Божія воля — пріими отеческо одъ мене цѣлованіе. Я сузу мою на тебе, дѣте моє, изливамъ као єданъ вештественный знакъ моє къ теби отеческе любови: но Богъ свевышньій пек' изліе на тебе небесный свой благословъ, кой моє срдце, изъ кога ова суза истиче, жели. Младить му опетъ узме руку, и полюбивши є принесе є къ прсима своимъ. Іошт' єданпутъ Светозаре, сыне любезный, да те загрльимъ; іошт' єданпутъ да те сузомъ моє къ теби благодарности за твою сыновню къ мени любовь оросимъ. Ты си, сыне, мою Милиссу срѣтьномъ учиніо; ты си мене подъ старость утѣшіо; ты си ми ангьео мой быо, кой си ме у оной пустыньи посѣтіо, кой си ме изъ ньe

съ моимъ дѣтетомъ извео, и у нѣдра добродѣтелногъ твогъ Отца и мене и моє дѣте намѣстіо. Богъ нек' ти плати, чедо моє сладко! а я ти на вѣки дужанъ остаємъ. Любезный Отацъ! рекне младить, све є то по Божіой вольи сбылосе. Вы сте за Вашу добродѣтель у томъ не одъ насъ, но одъ Бога нѣко наградьење пріимили. Знамъ, сыне, знамъ, бришутьи честный Старацъ очи, съ колико Богу, съ колико ли и оныма, подъ кои' кровомъ остатакъ мои' дана' срѣтьно проводимъ, благодарити самъ дужанъ. Свойствено є то, Любезный, у'вативши га кротко за руку рекне Старый Господинъ Любомиръ, свойствено є то добрымъ душама, да и за мало какво, кад' имъ се одъ кога учини, добро, благодаре, и весма признаю: али нашъ младить, нашъ сынъ Светозаръ, добро каже: Вы сте за Вашу добродѣтель одъ Бога себи у томъ нѣку награду пріимили. — Сладко и любезно моє дѣте, приложи Палимонъ Светозару, ты одлазишь. Богъ зна, сыне, хотье л' те моє очи вышше и видѣти. Дни се мои веть исписую. Храмина є ова, у коіой самъ — душа моя — лѣпо число година' провео, сасвимъ обветшала; она се къ своимъ срушенью клони; врата вѣчности мени се веть отвораю; луче мога свѣта веть исчезаваю; вечерня зора моя ступа веть у ноть; ню слѣдує густый мракъ, крозъ кой тье мене ангьео мой провести, и наєданпутъ у пристанишите, невечерньимъ свѣтомъ озарено, ставити. Зато, сыне мой любезный, посѣти ми гробъ мой, кад' се изъ Призрена вратишь, посѣти съ моіомъ Милиссомъ и съ моимъ малымъ унукомъ. Ты му, сыне, рецы, кад' веть разумѣвати стане: Овдѣ почиваю кости твога дѣде! Сад' иди, сыне, спавати; сутра не вѣруємъ да тьемосе видити. Ево, Господинова є воля была, да се вечерась опростимо. Я тьусе за тебе, као за моє найлюбезніє дѣте, докле самь іошт' живъ, Богу молити, да те млада одъ свакога зла храни. То изрекши и опетъ полюби га и вратисе у свою собу.

Младитъ, за растерати унынiе свое, ушавши у другу собу узме опетъ малога Светолика и почне га миловати. Драгиня сѣдне и стане му ударати у арфу, а Милисса съ Косаромъ почне пѣвати. На то ето ти имъ Косме. Сви му се радую, кад' га тако изненада видѣше, комъ се нису надали, да тье дотьи. Братацъ! као да самъ по Васъ поручiо, рекне Светозаръ, каже му, како сутра рано у Призренъ полази, и како є жалiо, што се съ њимъ не бы опростiо.

Старый Господинъ удье, Светозара зовнути, да спава; но кад' усмотри Косму, заустависе и самъ, сѣдне, и почне га пытати, како є по сели'? како имъ се плодови земни показую? како люди у економiи поступаю? тужел'се на што? и прочa. По маломъ овако разговору сви прочи разидьусе спавати, само Старый съ Космомъ заостане. Айде, сынко, рекне найпослѣ и Косми, да се спава. Ты си, вели, съ пута дошао, уморанъ си; а я у име Бога рано на путъ полазимъ. Мыслiо самъ и самъ, продужи рѣчь на ногу', изитьи по сели'; но 'итимъ у Призренъ. Чуємъ радостну новину, да тье намъ се Царъ скоро вратити, да є славну надъ Татары побѣду оддржао, па говоре, да тье га градьани на побѣдоноснымъ колесницама у градъ увести.

Текъ што они, свакiй у свою собу, подьу; ал' у селу загрми крикъ народа, и ударе звона наопако Шта? Ватра! Одма Старый съ Космомъ сѣдне на коня и доле у село стрчи. Но докле є онъ тамо доспѣо, осамь є веть домова у пламену было. Слуге су Господинове ту прве быле, коє су гасити почеле. Господинъ Любомиръ, као чадолюбивый Отацъ, съ Космомъ стане на коню облетати, и люде на помотъ страдаютьимъ ободравати. Онъ заповѣди на нѣки' домови' крововe посвальивати, да се огань даље не простире: но у истый ма'ъ запалисе предъ њимъ єданъ низкiй домъ. Овай бяше савъ одъ дрвета, и сламомъ покрывенъ. Стане вриска єдне сироте жене съ неякомъ унутра дѣчицомъ. Сбуњена ку-

кавица не знадяше, чега тье се найпре пріимити? Она хотяше сви троє дѣчице наєданпутъ на поље да понесе, а не може, нити срдце њено материње знадьаше, коє тье пламену жертвовати, да друго двоє спасе, єръ дѣца бя'у мала, и из-асна изненаднымъ стра'омъ поражена сасвимъ клонула бя'у. На срѣтъу њену велику Старомъ се Господину ту догоди быти. Юнацы! повиче, овамо скоро! да спасемо ове душе. То рекши сбаци свою горню 'аљину са себе и полети у пламенъ; но у исто ока магновенье младъ єданъ и весма крупанъ момакъ предвари га, и изъ самогъ пламена сви троє дѣце ограби, а Старый повуче бѣдну матерь, коя веть клонула ништа о себи не знадяше. И тако срѣтьно сви' четворо избаве.

Пошто веть жалостну матерь, полумртву, у єданъ домъ склоне, и огань се веть мало утиша, Старый прилѣжаваше о њой, да се поврати, коя у нѣко доба єдва очи мало отвори: Оставте ме, слабымъ гласомъ проговори, оставте ме да умремъ! Кад' су ми дѣца погинула; кад' ми є домъ изгорѣо: на што ми бѣдной и животъ? Не бойсе, Драга моя! рекне благодѣтелный Господинъ, не бойсе, и повратисе. Я тьу теби новъ домъ дати начинити; а дѣца су твоя ево жива. И тако іой сви троє дѣчице сасвимъ невредимы' представи. Она на то скочи, загрльи дѣцу свою, клекне предъ Господина: но онъ іой покаже рукомъ оногъ младитьа: Богу, сынко, рекне іой, захвали, па овомъ юноши за твою дѣцу; єръ онъ и' изъ пламена исхити. Какво є твоє име, сынко? упыта момка. *Татомиръ Бурямъ*! одговори юноша. Старый га како за храбрость, тако и за усрдіе оно, коє є бѣднымъ у нужди показао, похвали, и хтяше га и одарити, но сад' узме на умъ, да му 'аљине нема, у коіой и кесу съ новцы имадяше. Текъ се онъ зато вайкаше; ал' ето ти му єднога съ 'аљиномъ и съ новцы безъ уштрба, коє новце сад' Старый пола даде ономъ, кой му и' съ 'аљиномъ донесе, похвалюютьи његовъ честный карактеръ, а полу сиротой жени: а *Бурямa* по-

томъ, одведши га у домъ свой, почасти и обдари. Медьутимъ огань се сасвимъ угаси, и зора имъ заплави. Погорѣвшымъ Господинъ обѣтьа помоть, и заповѣди, да оной сиротой удовици о трошку његовомъ одма имаю домъ сазидати. Потомъ сидье съ Космомъ опетъ у село, и наредбе нѣке учинивши, како тье се унапредакъ одъ подобна случая хранити, вратисе дома и спремисе на путъ.

Нашъ младый Светозаръ о томе ништа знао нiе. Кад' су се они найвышше бунили; онъ имъ є найсладье спавао. Зачудисе уютру, кад' чуе, шта є было. Сад' се одма оправе на путъ. Драгиня сузама оросила своє румене образе, као красна, и подъ нѣжномъ росомъ предье сунца ружа уныло стояше поредъ матере своє. Милиса іой потайно донесе нѣшто у свиленой марами. Она, заваравши свима очи погледи, шта є. Кад', ал' прекрасанъ, одъ разнога цвѣтья исплетенъ вѣнацъ! Повуче нѣжный погледъ на Милиссу, као шта то значи? Мамица є, пришаптье іой ова, рекла, да га Светозару, кад' се съ њимъ цѣлуєшь и опростишь, на главу метешь. У тай ма'ъ одтрчи нѣшто и Косма на высокій алтанъ, и време буде, да се путницы опросте. Светозаръ, пошто се веть са свима опрости и срдачно излюби, купно и са старымъ Палимономъ, кой є мысліо, да тье Господинъ, као што є быо и наредіо, са зоромъ кренутисе, найпослѣ приступи и къ любезной своіой Драгиньи: Съ Богомъ! сладка Драгиня моя! Съ Богомъ! штуцаютьи говараше. Она се на то заплаче, и любезно га загрльивши цѣлуєсе съ њимъ, и лѣвомъ рукомъ дигне му вѣнацъ на главу, на коє трубе съ алтана засвираю. Како то, Драгиня моя! лѣвомъ рукомъ вѣнацъ ми на главу метьешь! Она се на то ти'о осмѣне: Лѣва є ближже къ срдцу, любезный мой Светозаре, одговори цѣломудрена дѣвица. Право! Право! повичу сви унаоколо, рукама весело таптьутьи, Драгиня има право.

Сатимъ одтиснусе на путъ. Кад' дођу у Призренъ; градъ царствуютьій, одъ много хиляда' домова, коє царски Дворови, горде палате, све надвышава'у. Светозаръ, сад' првый путъ у животу туда 'одаютьи, не знадьаше, на кою тье страну пре погледати. Онъ не-мало удивисе градьанскомъ великолѣпію. Улице широке и велике, каменомъ поставльене. Піяца четвороуголна съ узвышенномъ насредъ нье одъ бѣлогъ мермера пѵ́рамідомъ. Людство се силно по ньой угнѣтаваше. Господа многа, и прекрасно обучена. Продавалишта (дутьани) пуна, разным' и драгоцѣнным' стварма накитьена. Цркве прекрасне съ высоки столпови, на коима златни крстови блистаньємъ своимъ у очима трепта'у. Царски вертогради, дивно устроєни, и у ньима лѣтни Дворови, кои' се измедьу высоки' єла' само кровъ видьаше. Быстри потоцы, изъ дубрава' доведени, крозъ зелену траву ти́о се извія'у. Предъ Дворомъ царскимъ многе страже, крупни и одабрани отечества сынови. На ньима велики и прекрасни калпацы са златным' челенкама. Не знашь, кой є одъ кога ветьій, кой є лѣпшій и крупніи. Дворови Господина Патріарха Іоаннікіа, не далеко одъ царски', одъ кои' се малымъ чимъ и разликова'у. Ове є Дворове, рекне Старый младитьу своmъ, блаженопочившій и вѣчногъ спомена достойный Господинъ Данiилъ, Архі-Епіскопъ Србскій, іошт' при Кралю *Милутину*, дѣди садашньегъ Цара, сазидати дао.

Предъ великомъ браномъ царске палате два ужасне величине одъ црвена мермера лава тако су художественно начиньена и живымъ уподобльена, да бы се мыслити могло, сад' тье скочити.

Господинъ Любомиръ сва ова у ти́омъ разговору младитьу своmъ показиваше, сва му усладьаваше. На конацъ слуге своє пошлье съ коньма у єданъ гостилникъ, а онъ подье съ младитьемъ къ великой соборной цркви, при коіой и высока училишта свуд' унаоколо бя'у. Удьу у

велику и широку порту, по коіой саме липе, два реда, одъ браие къ вратима цркве, а два одавдѣ къ школама пружиласе. Нѣколико дѣчице ту се по трави игра'у, кою Господинъ запыта, гдѣ ту обытава Професcоръ Філософіе, именомъ *Анастасъ?* Дѣца и' одма къ єдной соби одведу, и кажу имъ, да ту обытава.

За овогъ є мужа Господинъ Соколовичь слушао, да є изъ Софіе родомъ, и да га врло похвалюю. Зато є было и радъ, пре ньега посѣтити, єдно, за познатисе съ ньиме, докле се съ другомъ Господомъ не састане, коя му може быти времена на то не бы дала, а друго, и за извѣститисе о коєкаквымъ новинама, како є сирѣчь сад' у Двору? Шта се чуе о войни, кою у исто време Србльи противу Татара водя'у? Єсу ли, и съ каквомъ судбомъ, была сраженія? и т. д.

Кад' удьу у собу, застану Професcора съ єднымъ младитьемъ при нѣкомъ разговору. Имамъ ли честь, рекне Старый, поздравивши и', овдѣ Господина *Анастаса*, Філософіе Професcора, поздравити? На коє Професcоръ, мужъ около свои' 40 лѣта', учтиво поклонивши му се: Честь одъ моє стране, Господине, рекне, я самь тай. Вы сте Ку'ръ *Анастасъ*? На службы! Я самь! Драго ми є! Ту се сад' цѣлую и любезно поздраве. Младить онай, тронутъ, погледи на Любомира, поклонисе: Я се праштамъ, рекне Професcору, и подье. Професcоръ, пратетьи га къ вратма: Захвалюємъ Вамъ, любезный мой, рекне му, на радостнымъ новинама. А ко Вамъ є тай младить? упыта Любомиръ, пошто онай изидье. Онъ є изъ Двора, одговори Професcоръ, сынъ нѣкогъ Барона, *Лазара Гргбляновичьа.* О Господине! то є честанъ єданъ младить и бодра глава, да му се мало пара може натьи. Онъ є великій любимацъ Цара нашегъ, — но молимъ, съ кимъ имамъ срѣтьу познатисе? Я самь старацъ *Любомиръ* — *Соколовичь* — а овай є юноша мой унукъ. Вы сте Господинъ *Любомиръ Соколовичь*? съ удивльеньемъ возопи Професcоръ. Є л' то могутье,

Господине? На служби, Любезный, я самь, ако Вамъ є моє име познато, и Вы сте првый, когъ самь я моимъ данась у градъ долазкомъ посѣтити дошао. О Господине! одговори Професcоръ, простите ми; Ваше є изреченьє мене смутило. Одкудʼ да се я те чести данась удостоимъ? и коме не бы, молимъ Васъ, Ваше честно, Ваше славно име познато было? Сатимъ загрльи и младитьа: Светозаре, мило моє дѣте, полюбивши га сердачно, рекне, нисамь се данась заиста надао, да тьу ову срѣтьу имати. Я самь и давно желіо, приложи Старый, съ Вама се познати. Измѣна моє срѣтье пре 17 годинаʼ, ако Вамъ є познато, измѣнила є, любезный мой, и духъ и срдце у мени, и савъ карактеръ мой. Я самь у првомъ момъ станью, као єданъ одъ юности моє войникъ, доста плѣньенъ био славомъ, достоинствомъ, тітуломъ, и шта Вамъ я знамъ: но затимъ постанемъ Вамъ слободнымъ, слѣдователно управо срѣтьнымъ човѣкомъ. У младыʼ моиʼ лѣтиʼ я самь живіо више за другога, нежели за себе; а садʼ живимъ за себе; живимъ као філософъ, и съ мени подобныма увесельенье моє иштемъ. Тишину мою у дивномъ предѣлу, гдѣ живимъ, предпочитуємъ не само Призрену, но и свимъ на свѣту градовима. — О дивный мужъ! у усхитьенью рекне Професcоръ, за какву срѣтьу, и за какву честь пріимамъ, што сте ме посѣтили! Колико самь желіо, съ Вама се познати! И познатъ ми є само изъ чувенья філософскій духъ Вашъ?

Сатимъ сѣдну єданъ поредъ другогъ, и Професcоръ му почне казивати радостне новине, ков му є тай младитьъ изъ Двора донео было, да є сирѣчь Царъ Душанъ Татаре сасвимъ разбіо и найсрѣтьнію побѣду надъ ньима одржао, да иʼ є за Црно Море одбіо и да тье до кой данъ у Призренъ дотьи, гдѣ га савъ народъ и сва Господа съ радоштью и нестрпѣльиво чекаю. Зато, вели, и Вы сте намъ, Господине, у добро време дошли. — Право! повиче радостанъ Любомиръ, Богъ да поживи Душана! Я самь о томъ, придо-

да, мало и быо извѣштьенъ; но, хвала буди свевышньему Богу! то су намъ радостни гласови. Чуємъ, да намъ є и Маджарскій краль помоть послао быо? О да како? Господине! Маджари су намъ у овомъ рату лѣпо помогли, и да нису намъ они у помоть дошли, Царъ бы одъ цѣле границе Грчке сву свою войску тамо одвео быо, буди бы онъ и каква нова условія съ Грцима имати морао. Но хвала Богу! овако є болье. Грцима нієе се морало ништа одпуштати, и дѣло се срѣтьно окончало. О болье! те како болье, Господине, рекне Любомиръ. Похвале є заиста достойно дѣло Маджарскога Краля, да є онъ своме сосѣду тако пріятельство показао. Похвално дѣло, Господине, и заиста паметанъ поступакъ, будутьи є показао тимъ, као што рекосте, и своме сосѣду пріятельство, и удаліо є зло одъ себе, молимъ Васъ. Єрбо искусство насъ о томе учи, да, кад' се у мѣсту гдѣ огань появи, бранимо сосѣда нашегъ домъ, ако хотьемо, да намъ се нашъ не упали.

Текъ што се они овако разговараю; ал' єто ти имъ нѣки' одъ Господе на врати'. Єръ Любомировъ долазакъ ветъ се у Двору чуо быо. Онъ сад' не знадьаше, коме тье пре отитьи, кога ли тье пре посѣтити. Честь є и любовь ньега свуда спроводила. И къ коима онъ нієе могао отитьи, они су къ ньему у онай домъ сами долазили, гдѣ бы онъ при обѣду быо. Господинъ *Бучинъ*, бывшій му нѣгда непріятель, нієе му мѣста могао натьи, како тье му и у чему болье угодити мотьи. Воєнни Чивовницы за четыри дана не мога'усе съ ньимъ довольно наразговарати. Стари и сврстницы ньегови непрестанно споминя'у младо своє време, коє су съ ньиме у разнымъ войнама подъ оружіємъ проводили, са усладьеньємъ преповѣдаютьи све оне воєнне случає, а младьи су то са усхитъеньємъ нѣкимъ слушали,и себи одтуда нѣку науку поцрплявали. Светозара су свуда по великимъ и благороднымъ домовима одводили, сви су га возлюбили и похвальивали.

Петый данъ долазкомъ *Цара* учини имъ се даномъ торжественнымъ. Народъ савъ као на Воскресеніе обучесе; звона по свимъ црквама загрме; цѣло благородство, вельможе, и силноименити, сви градьани и прости земльедѣлцы, любовлью къ своме цару побудьени, радоштью о славной побѣди усхитьени, потеку му на срѣтеніе. Великолѣпна продавалишта сва се сад' затворе; многи рукодѣлцы и фабріканти забораве на свой посао; весела юность изъ школа' съ кньигама поврви; за часъ све улице пусте остану, и изванъ града полье широко силнымъ се людствомъ покрые. Колесница высока, сва позлатьена, и црвеномъ кадифомъ покрывена, коє свуд' унаоколо ивице, златным' ройтама отеготьене, спрам' сунца блиста'усе, насред' поля и народа *Цара* чекаше. Ову су му градьани, сами купцы, приправили, да га на ньой у градъ увезу. На колесницу ову, гдѣ тье имъ Монархъ сѣсти, благородство съ лѣве стране положи златный скиптаръ, а съ десне, брілліянтима у крашенный мачъ.

Съ благовольеніемъ и нестрпѣливоштью сад' сви на ону страну гледа'у, одъ коє тье имъ *Царъ* сад' дотьи. Кад' ал' наєданпутъ силне трубе съ мусікомъ загрме, и *Царъ*, окруженъ многимъ воинствомъ и господомъ, у великолѣпно одѣяніе обученъ, засвѣтли имъ се изза горе као сунце, кад' у ти'омъ ютру на орізонтъ изидье. Народъ сад' савъ, у реду стоєтьи, громовитымъ гласомъ ускликне: *Да живи Царъ!* Гласъ овай преко свію около лежетьи' планина' и дубрава' ужасно преламашесе, и грому подобно произнесесе. Приближившусе Цару цѣло Свештенство, у златоткане одежде обучено, съ *Патріархомъ* му на срѣтеніе посред' народа подье. Кад' веть *Царъ* ступи у великій кругъ народа, загрми радостный гласъ народа и опетъ: *Да живи благочестивый Царъ нашъ! Да жцви премнога и срѣтьна лѣта!*

На то Владатель скочи съ коня, и свима се учтиво, у колико му пристои, и съ умилнымъ лицемъ поклони. Сад' га Свештенство са златным'

кадилницама окружи, и почне му пояти: *Многая лѣта!* За овымъ є слѣдовала побѣдоносна пѣснь: *Возбранной*, кою *є савъ Народъ са Свештенствомъ* одпояо. Іошт' послѣдньій стіхъ пѣсне *Народу* изъ уста' извіяшесе, ал' 4. Вельможе изъ Господе приступе къ *Цару*, узму га, и на побѣдоносну колесницу дигну. На то *Юговичъ* съ Младымъ *Краљемъ* даду му у руке скиптаръ и мачъ. Сад' 4. оне Вельможе повуку колесницу подъ њимъ, но одма приступе и 4. градьанина и 4. земљедѣлца, сви по своме чину обучени, и у'ватесе редомъ 12. њи' колесницу у градъ вутьи. Дѣчица су радостна предъ колесницомъ трчала, и путъ разнымъ цвѣтьємъ предъ своимъ Монархомъ застирала; дѣвице, найкрасніе и господске дтьери Србске, одъ цвѣтья исплетене вѣнце предъ *Цара* бацати стану, и тако га у градъ повезу.

Сад' се све улице народомъ испуне. *Царъ* є часъ на єдну, часъ на другу страну погледао, и марамомъ кадшто бы чисту и радостну свою сузу обрисао.; Кадшто бы и на небо очи своє дизао и узданувши рекао: О великій Боже! кога є мышца мене прославила, *не мени, не намъ, но имени твоєму* слава отъ насъ, Господи, буди! Мени само духъ укрѣпи, да узмогу свагда ове чисте любови народа мога достойнымъ учинитисе! Свештенство є съ благородствомъ Колесници слѣдовало, и сынъ є царевъ, младый *Урошъ*, измедьу два Княза съ голымъ у руци мачемъ, и са зеленомъ масличномъ гранчицомъ предъ колесницомъ посред' два реда велике Господе полагко ишао.

Царица Єлена, любезна супруга силнога Монарха, многима дворскима Господьама и своима нѵ́мфама окружена, предъ њега є истрчала. Низъ весело њено и царско лице потеку бисерне капље; 12. нѵмфій сад' стану у два реда, посред' кои' *Цару* сад' протьи надлежаше. Оне све, као изъ єдногъ грла, ти'имъ, но яснымъ дѣвичкимъ гласомъ пѣвати му почну *побѣдоносну пѣсну*, на коє савъ се Народъ наєданпутъ утиша; власи на

глави чиня'усе свакоме одъ милине да расту; свакій духъ у себе чисто устезаше, да чує само анѣелско ово пѣніе, коє све у сладку нѣку унылость поражаваше; свима крвь крозъ цѣлый животь као мрави помили. Колесницу средомъ овогъ кора провезу. и предъ саме двери велике сале стану. Сад' *Царица* утрчи унутра, а 4. Жупана *Цара* изъ колеснице на зелену чою спусте, по коіой *Царъ* у велику салу удье. Насред' сале *Царица* га срѣтне. Она га изъ десне руке поспе златомъ и бисеромъ, а изъ лѣве пшеницомъ и ружицомъ. Онъ се на ню нѣжно осмѣне, и баци іой на прси масличну гранчицу: Тимъ ти знакомъ благодаримъ, Любезна моя! рекне іой, єръ онъ теби миръ у домъ приноси. То рекши загрльи є, и као свою вѣрну супругу цѣлує. Испуниссе сад' сала силномъ Господомъ, кою *Царица*, бришутьи радостне сузе своє, найлюбезніе пріимаше. Вельможе и Жупани поведу *Цара* преко сале ове у другу. Врата отворесс, высокій одъ слонове кости єронъ у ньой забѣлисе, надъ коимъ два млада отрока прекрасна, у бѣлу свилу обучена, и ангьелима уподобльена, у воздуху крылима паря'у. Они бя'у развукли вышше єрона вѣнацъ, кой само лѣвомъ рукомъ држа'у, а у десной єдномъ мачъ, а другомъ златный крстъ бяше.

У тай ма'ъ *Патріархъ* нову Порфу́ру одъ єдногъ Міністра пріими, кою кад' развіе, озарисе сала одъ драгоцѣнногъ по ньой каменья. *Патріархъ*, приступивши съ ньомъ къ *Цару*: Ово є *Вашемъ Величеству* новый даръ, и новый знакъ сыновнье къ своме Монарху любови, кой се Вашемъ Сіятелству одъ Вельможа' Ваши' съ подданничкимъ почитаніемъ подноси. То изрекши заогрне га ньоме, и поведу га 4. Вельможе къ Єрону. На то она два ангьела съ вѣнцемъ исчезну, како є *Царъ* на Єронъ ступіо, и на мѣсто ньино сад' друга два, онако исто обучена, на мало дальe спрам' Єрона у воздуху укажусе. Ови пружили бя'у дугъ одъ чисто бѣле свиле убрусъ, на коме златным' словима извезено бяше:

Вѣмъ дѣла твоя и труды теоя, и за имя мое трудился еси. И имадя'у свакій у руци по єдну малу трубу, коіомъ сад', како се *Царъ* спусти на Θронъ и сѣдне, затрубе му, и исчезну.

Царъ на то погледи око' себе силну Господу. Види и нѣколико честны' стараца подъ сѣдым' власима и съ бѣлым' брадама, гдѣ съ лѣве стране Θрона смиренно, као нѣки светительи, стоя'у. Ови су были єдни у градьанскомъ одѣянію, а други у сеоскомъ, у дугимъ 'альинама, одъ лѣпе и чисто бѣле вуне као снѣгъ. Први су представляли градьане, а други просте селяне. Видъ овы' честны' стараца Цара особито побуди. Онъ имъ рекне: Благодаримъ Вамъ, любезни Отцы! Благодаримъ цѣломъ Благородству (: окренувшисе и къ другима рекне:) цѣломъ градьанству, на Вашой, мени данась указаной любови, на Вашемъ сыновномъ почитанію! О колико сте Вы дубоким' словима знакъ овай у срдце моє записали! Оно є, Любезни мои, и досад', и свагда, за Васъ куцало: но любовь Ваша, вѣрность Ваша и почитанье Ваше къ мени, а особито, коє сте ми данась указали, заиста му є іошт' и вету силу дало. Я вышше мене, и много вышше срѣтьнымъ признаємъ, видетьи Ваша любезна срдца къ мени благонаклонна, нежели за исту побѣду надъ непріятельима. За ову, Любезни мои, благодарите купно самномъ Богу Єдиноме, Богу, и цару царева, єръ мышца ньегова сакруши враге наше: слѣдователно и славу, не мени, *не намъ, но имени его дадимо!* А што се тиче мене, пріятна ми є и мила признателность Ваша, коіомъ Вы оживлявате данась духъ мой у мени: али Ваше согласіе, Ваше о отечеству нашемъ усердіе, Ваша къ дому моме любовь, и пламенна Ваша къ цару Вашемъ ревность, принела су намъ овай славный плодъ, о комъ се мы данась сви радуємо. И тако далье изговори благочестивый царъ овай слово собранномъ око' себе благородству.

Време веть буде, и у свету велику соборну цркву итьи, у кою кад' третьій путъ звона бла-

говѣстише, съ великолѣпнымъ спроводомъ цѣлый Дворъ подье. Усреди *Царъ*, окруженъ своіомъ фамиліомъ, сву Господу, свиту свою, и толикій народъ, цѣломъ своіомъ, царскимъ вѣнцемъ украшенномъ главомъ надвышаваше.

Светозаръ, кой ни очію свои' съ Монарха не скидаше: Дивна мужа Отацъ! рекне полагко Староме. Я самь га и пре видьао, али нисамь толико на ньега внимао, као сад'. Ньеговъ величественный возрастъ, ньеговъ поступъ, и благородно оно тѣла ньеговогъ движеніе; ньеговъ поноситый, но притомъ любови пуный изъ царски' ньеговы' очію погледъ у усхитьенье све приводи, свакогъ внимателнымъ твори. Свакъ бы о ньему и безъ оногъ царскогъ одѣла, безъ людій и драгоцѣнне оне круне, и у пустыньи гдѣ, да га сама види, морао помыслити: Овай є родьенъ, да надъ другима влада и да другима заповѣда. Богъ, сыне, да намъ га поживи! рекне Старый. Красанъ є и великъ и душомъ и тѣломъ. Видишь, дѣте моє, приложи, да ниси дошао у Призренъ, не бы си данась то видѣо, што сад' виднш; не бы си познао духъ и карактеръ *Народа* нашегъ. Заиста, Отацъ! одговори младить, Аргосъ самъ, за кога поете баснослове, да є сто очію имао, могао бы данась, и имао бы шта, съ удовольствомъ гледати.

У Цркви 12. царски' пѣвчика' съ єдне стране, и толико съ друге, кад' почеше: *Благослови душе моя Господа* , пояти, пѣвнице се небеснымъ хоровима уподобише. Црква превелика, злато се свуда блисташе. Свети образи по іконостасу рекао бы живи су и сад' тье проговорити. Кандила премногa одъ чистогъ сребра бѣлесе као снѣгъ. Сребрни ланцы, о коима вися'у, као да се иньє одъ мраза по ньима у'ватило *Патріархъ*, кад' съ Владыкама и многима Свештеницима свр-ши божественну літургію, простре народу слово поученія, у комъ спомене и славну побѣду надъ Татарима. У слову ободраваше сваку душу, да само своме цару вѣрни буду, да у ньему сматраю

свеобштега Отца свога, и мужа, коме су небеса благоволила жребіє свію у руку вручити. Зато да га любе, као срѣтьу свою; да су свагда согласни, къ свакомъ добру благосклонни, и да бране своє отечество, свою славу и землю, кою су имъ праотцы њини скупомъ крвлью купили, и коя имъ блаженне њине кости покрыва.

Наконацъ сви су съ приклоньенным' къ земльи колѣнима Богу благодарили; за оне, кои су имъ у рату пали, свакій се усрдно Богу моліо, и за Патріархомъ свакій є трипутъ рекао: Богъ да имъ вѣчный покой и вѣчно блаженство дарує! По светой служби народъ многъ и цѣло благородство Цара до Двора допрати и разидьесе: но Господа велика сва буду у Двору заустављена. Многа отмѣнна лица измедьу градьана, а такодье и 12 просты' земльедѣлаца заустави *Царъ* на обѣдъ.

Дванаєсть царски' астала', свакій за 24. лица' постављенъ, сребромъ и златомъ искитьени бя'у. *Царъ* сад' заповѣди, да за свакій има и по єданъ селянинъ, простъ земльедѣлацъ, сѣсти. Ову классу людій онъ особито љубляше. Слуге, избране юноше, прекрасно обучене, и на редове раздѣљене, коє тье кою службу чинити. Ови су подъ строгимъ Двороначалника управљењємъ службу свою найточніе и безъ најмање погрѣшке извршавали.

Съ десне стране до *Цара* сѣо є *Патріархъ*. Ово є правомъ Србину свагда нѣшто свойствено было, да свештенство своє, подъ кога благословомъ живи, особито почитує. Съ лѣве стране до себе посади нѣкогъ Вельможу Маджарскогъ, до когъ онъ дуго принудьаваше *Љубомира* узети мѣсто: али овай смиреномудреный мужъ, філософъ, захваливши цару, учтиво себи испроси милость, нижже мѣсто узети. *Царъ* погледи на ньега, и ти'о се осмѣне: Правый си заиста *Љубомиръ*, рекне му, кой *миръ љубишь*; узми дакле мѣсто, гдѣ є твоя воля, но знай, полагко му придода, да си ты зато опетъ момъ срдцу најближ-

жій, и я ти благодаримъ — наслонивши му руку на раме — што си ми данась дошао. Затимъ Старый подье на мѣсто, при столу найнижже: но сва Господа погледе на *Цара*. Я самъ га моліо, рекне *Царъ*, но кад' нетье? На то Вістіеръ Бучинъ: Брате! Та шта є то? Нисте ли Вы гостъ нашъ? Овамо! и тако силомъ га принуди на своє мѣсто, до Маждарскогъ Вельможе, сѣсти

Саетозара узме *младый Неманьичь* за другій асталъ, кой понайвышше женска лица окружава'у. Посади га до себе и матере своє. Ту бяше и воспитатель Урошевъ, правый Гркъ и сестрить Царице, човѣкъ у зрѣлы' свои' лѣти', мударъ и благообразанъ, великій мужъ, како у філософіи, тако и у політички' дѣли.' Овай, примѣтивши изъ самогъ вида на Светозару Граціє и рѣдке оне дарове, кои га освѣтлява'у, пустисе съ њимъ у великій разговоръ; а кад' искуси, да младить овай и Гречески савршено говори, немало удиви му се. При столу обрате очи на юношу овога: сви съ удивльењемъ њега гледа'у. Бодрость његова юношеска, и веселость непорочна срдца, съ благомъ наравлю и умѣренномъ бесѣдомъ, свимъ га любима, свимъ почитаєма учине. Ко є тай младить? єдно друго при асталу полагко пыташе, чій є сынъ? и одкуда є? Єръ његовъ разговоръ, рекну, његовъ любезный нѣкій погледъ. и умѣрена смѣлость, издаю га, да є одъ великогъ дома. *Царица* ово узме на умъ, погледи на све и рекне: Овай є честный юноша нашъ *Светозаръ*, за когъ вамъ є сынъ мой казивао. Онъ є унукъ старогъ Господина *Соколовичьа*, и сынъ *Младена* и *Косаре*, дтьери *Бучина*. *Светозаръ*! и то намъ є *Светозаръ*! съ нѣкимъ удивльењемъ пыта'у. Младить, заруменившисе, покланяше имъ се, и тиъ погледъ, пунъ чистогъ беззлобія, на све бацивши: На служби Вашимъ Благородіямъ! рекне имъ, я самъ, и за особиту себи срѣтьу пріимамъ, приложи благоучтивый Юноша, да є моє мало име Вашимъ Вы-

сокоблагородіяма чувено: но притомъ не знамъ — погледавши на Младогъ Краля — коме имамъ честь зато благодарити? О любезно моє дѣте! рекне Царица, како имъ не бы твоє име чувено было? Ко ти є єданъ и другій Дѣдъ? Ко ли ти є и Отацъ быо? Посѣти му, любезный сыне, гробъ, видитьешь, какавъ смо му споменникъ дигли! Сви се при асталу младитьу срадую, кад' чую, да є онъ сынъ оногъ славногъ ироя, коме Призренъ градъ за избавльенье своє єднако благодаряше.

Одъ поо обѣда затруби имъ мусіка у великой сали, зазвече чаше єдна о другу: Уздравльє нашега *Цара*! пѣснено ускликну. Потомъ: У здравльє *Благородства! Войника'! Градьана!* даже и до *Земльедѣлаца*!

Сунце веть къ западу превали и данъ имъ за'ладн. Ударе звона и на вечерню. По вечерньи нѣки се разидьу, нѣки пакъ, спроводетьи цара и ньегову царску фамілію, удьу у царскій великій вертоградъ по 'ладу измедьу зелены' дрва' проодатисе. Вертоградъ овай до полакъ художественно бяше посадьенъ и Лавірінѳу уподобльенъ, тако, да првый путъ ту ушавшій не знадьаше, на кою тье страну пре погледати, шта ли нетье ту видити. Нѣке чудесне планте, изъ Асіє донете; лиственe стѣне, єдне у наокругъ, друге на четыри-и шесторо-уголне фігуре изображене; высоке пірамиде; одъ гѵпса и каменя статуе, жива изображенія древны' царева, філософа', Ироя' и други' знатны' мужева. На среди, при самомъ каналу, кой вертъ одъ полакъ раздѣляваше, црня'усе древноштью лѣтньи владѣтеля' двори. Преко канала ти'о се узвышаваше гора, по коіой и горди растови, као нѣки лѣсима началницы, дрема'у и чиня'усе, да имъ є іошт' почетакъ свѣта бытьє дао. Одъ єдне и друге стране брда густе шуме пружа'усе. Ове бя'у пуне разнога звѣрья. Ту су срне, ту кошуте, прекрасни єлени, дивље козе, коє по испученнымъ каменнымъ стѣнама скака'у. Видьа'усе ту и нѣколико слонова,

чисто бѣлы', као снѣгъ, коє є царъ одъ Персіана при условію нѣкогъ мира на даръ добыо. Птице такодье свакога рода, коєкаква древна зданія, пустыньичке пештере и древна нѣка, у самымъ веть развалинама лежетьа зданія.

Светозаръ нашъ ова разсматраютьи: Ніє мени, рекне, Мамица овай вертъ, као што я сад' видимъ, похвалити умѣла. О любезна моя Драгиня! узданувши помысли, ты ово іошт' видѣла ниси. О кад' тье намъ дотьи оно време, да я тебе овуда проведемъ! Твоя бы лѣпа душа, твоє бы чисто срдце ове пріятности паче свію насъ уживати знало! Ты тьешь дотьи, мила моя! продужаваше мысао свою, али на єсень, кад' намъ ове пріятности по вѣтьой части веть исчезну. Про'одаютьимъ имъ се овако и сунце веть къ западу спустисе; птичій гласъ престане; ноть почне све предмете у црну одежду завіяти, и свѣжи вѣтритьи изъ листвены' дрва' почну и' овѣявати. И тако съ густымъ веть мракомъ приспѣю Господа къ великимъ вратма, на коя су ушла.

Градьани то вече цѣлый градъ освѣтле. Стотинама су свѣтье, све воштане, на высоке прозоре пометали. Ужасне высине пирамида насредъ піяце огньеннымъ се столпомъ учинила бяше. Све улице тако озарене бя'у, да никакавъ предметъ сѣнке одъ себе бацити не могаше. На хиляду заръ мѣста' мусіка се по граду чути могаше.

О любезный Отацъ! рекне Светозаръ, како ми є жао, што нисте и Чедомиля и Драгиню довели, да и они ово виде. Богъ зна, Отацъ, кад' тье се вышше овака парада догодити! Старый се на то осмѣне, и погледи мало на нѣко на страни одъ себе дружство: И самомъ ми є сад' жао, рекне му, но доста ти є, вели, и мати у томе крива. Овако у разговору изидьу изъ верта, и Господа се почну праштати и разилазити; само прва лица до Цара съ Ньеговомъ фамиліомъ заосташе, полагко къ Двору идутьи. Дошавшымъ имъ

предъ Дворъ Царъ Любомиру, стиснувши га за руку: Добрый мой Соколовичь, рекне, я Васъ не пуштамъ; но и опетъ, придода, ако може съ Вашомъ вольомъ быти — будутьи данась нисамь се могао съ Вама ни разговорити. Ваше Величество! одговори съ дубокимъ почитаніемъ Старый, Вы сте данась съ пута дошли, и цѣо данъ у овакомъ дружству провести, толико се много разговарати, и по отеческой Вашой къ свима нама благости соразмѣрно благонаклоннымъ се показати, ніе Вамъ безъ труда быти могло. Поштедите дакле себе. Ноть є кратка, и тако не укидайте часе, покою нашемъ опредѣльене; иматьемо мы време, и сутра разговарати-се, — найпослѣ, я тьу са усрдіемъ на заповѣсть Вашегъ Величества и заостати. Ты тьешь се бавити коє време при мени? То зависи одъ Ваше волье, милостивый Царе! Сутра да ме по'одишь, стиснувши му опетъ руку, рекне му, а сад' ти желимъ добру ноть! Ты имашь право, Любезный, да намъ є нуждно одпочивати. Старый му се на то поклони и опростисе, пакъ се окрене къ Бучину, кой Светозара за руку држаше, и кой се такодье сад' съ царемъ опрости. Айдмо, брате, сад', рекне Бучинъ, да при чаши лѣпогъ Мостарскогъ віна рекнемо по єдну и двѣ, па да идемо спавати. А шта бы за ньи? Нетьею дотьи? Тежко! не пушта и' онай. Ты знашь, какавъ є Богданъ, кад' кога счепа. Е добро, добро, нека и'! Кад' бы намъ овай знао! рекне полагко Бучинъ за Светозара, кой ходникомъ напредъ идьаше. Е! да онъ то зна; одперяо бы онъ одма.

Сатимъ додьу къ Бучинову обиталишту. Слуге и' многе у ходнику послугомъ дочекаю; удари имъ ароматскій мирисъ изъ свію соба', кад' и' отворише. На што ти, брате, оволике собе и убори толики? кад' живишь самъ, као пустынньикъ. Право велишь, одговори Бучинъ, но ништа зато. Кад' умремъ, имамъ коме оставити.

Овако у разговору предьу преко єдне велике сале, посадесе насредъ ње за єданъ округлый асталчить, на кой сад' донесе имъ се віно, и на єдной сребрной паници бискота'. Светозаръ са Секретаромъ и прочима изъ канцелларіе Чиновницима исподъ руке изъ єдне собе у другу про-'одьавашесе, и гледаше дѣдино намѣштьє и коєкакве богате утвари. Но заповѣди му Старый Любомиръ, да напише матери єдно писмо, будутьи сутраданъ намѣраваше имъ се єданъ слуга дома вратити. Младить се посади за єданъ, одъ ньи' мало удальенъ асталъ, и умѣсто да матери пише, почне найпре писати своіой милой Драгиньи, и то овако:

Сладка и любезна моя Драгиня,

Здравствуй!

Ово є писмо, Мила моя, прво, коє я теби изъ славногъ града Призрена пишемъ. Я самъ се съ Тобомъ текъ ономадъ разстао, и веть ми се, любезна сестрице, на нѣкій начинъ чини, да веть има и година, како те видѣо нисамь. Блаженъ буди, велимъ, споменъ онога, кой намъ є писмо измысліо. О ово є паче свію човѣчески' художества' найкрасніе за насъ средство, коимъ мы, удальени єдно одъ другога, разговоритисе можемо. Я прежалити не могу, Драгиня моя, што ти Мамица дозволила ніе, да съ нама у Призренъ подьешь. О какву бы си ово дана' славу, какву великолѣпну параду овдѣ видѣла, кад' су Вельможе царства съ Градьанима *Цара* нашегъ у тріумфу у градъ увезле. Я бы се всуе, Любезна моя! и трудіо, Теби и десету часть оне красоте — хотяше дальe, но зовне га дѣдъ Бучинъ, да имъ чаше наліе віномъ (будутьи разговора ради бя'у слуге на поље одправили). Онъ то учини, и опетъ вратисе на своє мѣсто, и немало удивисе, кад' видѣ на мѣсто свога писма друго нѣко писмо, другу руку. Онъ погледи болье. О! рука Драгиньина! Шта є то? са удивльеньемъ рекне у себи. и погледи на Старе, кои му се и невѣшти чиня'у. Ніе могутье, рекне опетъ у себи, мене

вальда очи моє вараю. Не заиста! Ово є Драгиньина рука писала! Погледи око' себе. Нигдѣ никога! Рука є њена! о њена! познаємъ я свако писме њено! Ал' опетъ, како є могло то быти? Та нисамь ли я ово магновеніє одавдѣ устао, и само три четыри корака до њи' отишао? Та ево є іошт' и мокро! Хмъ! Ово є нѣко волшебство!

Текъ се онъ овако недоумѣваше; ал' наводме му се очи. Онъ извади мараму и бришутьисе: О суєтно мечтаніє! рекне у себи. Сатимъ погледи опетъ на свой пергаментъ, и смотри право своє писмо. Гле сад' чуда! вели. Та я моимъ очима свакій путъ и да не вѣруємъ! Ово є мой рукописъ! И да како ми се врагу найпре другій чиняше? Мане главомъ, и почне даље писати. Кад' ал' нѣко удари му руку, коіомъ писаше, састрагъ у лакатъ, и тимъ помрля му писмена. Онъ се на то тргне, и хотяше обазрѣтисе. Но наеданпутъ у'вате му изза ледьа' двѣ мале и мегке руке очи. Стари при асталу почнусе смѣяти, а онъ пипа и испытує рукама, ко є? На то дѣвица почнесе смѣяти, и загрльи га: Видишь, мужка главо! како самь те лѣпо преварити умѣла! О Драгиня! Є л' то могутье? удивльеньємъ пораженъ рекне юноша. Одкуд' тако? за волю Божію! Сатимъ смотри и Матерь, коя се на њега смѣяше. О Мамице! скочивши на ноге, та шта є то одъ Васъ? Кад' сте Вы дошле? Да! Ты мыслишь, сыне, да си само ты данась ону параду гледао! Є л'? О, о! да си ты живъ и здравъ! и мы смо све видѣле, мой Светозаре, какогодъ и ты. И гледайте Мамице, шта є написао! Онъ іой тргне писмо изъ руке, савіє и метне га у джепъ, и приступивши къ матери: Идте, молимъ Васъ, не могу іошт' да къ себи додьемъ. Сатимъ дигне Материну руку и принесе є къ устима. Нама на путу, близу веть Петьій, рекне Мати, тай гласъ донеше, те мы сироте по'ити овамо, и додьемо како валя, текъ што є Народъ у поље изишао быо. Па гдѣ сте обѣдовале, и цѣло послѣподне бы-

ле? Кодъ Господина Югoвичьа! А нисте му, Отацъ, казали за насъ? Мы му нисмо хтѣли ништа говорити. Я самь молила Старогъ Отца, рекне дѣвица, да ти не казую. Мыслишь, да те нисмо у верту видѣле, кад' си се шетао? Ал' я самь се чудіо, придода Любомиръ, како Васъ ондѣ не видѣ, кад' смо веть къ великимъ вратма ишли. Онъ мени каже; Ала, Отацъ, да сте и Чедомиля и Драгиню довели, да и они виде! Право! гдѣ намъ є Чедомиль? Ніе дошао съ Вама? Та Отацъ! видѣли сте га данась съ нама! Ал' сад', велимъ, ніе дошао? Не хтѣше га пустити! Тамо є заостао кодъ Г. Богдана. Ал' молимъ те Светозаре, рекне Драгиня, право ми кажи, шта си мысліо, кад' си видіо предъ собомъ друго писмо? Руку си мою познао, о томъ и не сумнямъ. О ты морала си вальда из-за мои' ледьа' писати. Я се лагано прикрадемъ, па прочитамъ преко твога рамена све, што си написао быо, а Канцелистъ ми скоро донесе мастило и што треба, па овдѣ на орману исто оно напишемъ, и потомъ, кад' ты онамо одешь, а я съ твоимъ писмомъ промѣнимъ.

По маломъ овако и веселомъ разговору додье имъ и Чедомиль. Братъ га любезно загрльи и полюбисе съ ньиме. Али, братацъ, шта самь данась видѣо, да се не каємъ. Но како є то было, Чедомилю! и ты си вальда съ ньима у Петьи быо пошао? И я, да како! Мамица є и мене повела была, па смо се одъ поо пута вратили. Быо си дакле съ дѣдомъ другимъ? Како не бы быо! Но я и Драгиня молили смо дѣду, да теби за насъ не кажу. Айде Чедомилю! молисе кодъ нашегъ првогъ дѣде, да и тебе овдѣ остави. Хотьу да! волемъ я дома, нежели овдѣ, баръ іошт' за єдну годину: ал' ми є, братацъ, много коєшта необычно безъ тебе, а сад' тьу веть и безъ Драгинье быти.

При овомъ разговору опростисе Косара са Старыма, па съ Драгиньомъ и слугама оде опетъ къ своіой тетки, Богдановици, а Чедомиль имъ

заостане съ братомъ. Сутраданъ пошлье Богданъ слугу свога, и позове и' све къ себи на обѣдъ. Косара намѣраваше одма по обѣду путъ у Петьи узети; но Отацъ є не хтѣ одпустити, и тако три дана ту кодъ њега и тетке съ Драгиньомъ и Чедомильемъ проведе. Четвртый данъ навали Љубомиръ, да се иде. Онъ при по'оду своме опетъ оде къ Цару, и препоручи му унука свога, кога Царъ на найлюбезніе пріимаютьи увѣри Старога, да се ништа о њему не брине. Светозаръ тье быти, рекне му, момъ сыну оно, што си ты мени сад', съ томъ само разликомъ, што тьу одъ њега желити, да свагда при њему буде, а не као његовъ дѣдъ што нie радъ у Двору быти. Чекай ты, Старино! смѣшетьисе благій Монархъ, другу тье буквицу Бучинъ одсад' съ њимъ започети: упоитье онъ њега мало и дворскимъ духомъ. Ваша Свѣтлость! рекне Старый, моє є попеченіе о њему свагда то было, да онъ добаръ буде, а желя, да на ползу своме любезноме отечеству поживи. Хотье онъ, добрый Отацъ! приложи Царъ, наслонивши руку свою младитьу на главу, хотье намъ онъ добаръ быти, и ако га Богъ поживи, столама свои' дѣдова потьи. Сатимъ Љубомиръ Цару се поклони и опростисе. Царъ, пратетьи га къ вратма, обѣтьа му се, да тье му се свратити, кад' подье у Столацъ.

Бучинъ радъ бяше Косару съ Драгиньомъ и на вышше времена уставити; али се она учтиво изговори, обѣтьаваютьи му се, да тье му на друго време дотьи, и дужже при њему заостати. Бучинъ њи по поодне задржи, докъ имъ време мало за'лади, и потомъ подье са Светозаромъ и многима, испратити и'. Старый Љубомиръ умѣсто дома вратитисе, предузме путъ съ Косаромъ и Драгиньомъ у Петьи. Они колеснице своє пошлю напредъ, и полагко у разговору пѣшке идя'у.

Ходетьимъ имъ тако сусрѣтну и' два благородна младитьа на коньма, кои имъ се учтиво поклоне, и єданъ се одъ њи' на дѣвице осмѣне.

Светозаръ погледи на *Милицу*, Богданову дтьерь, кою исподъ руке съ Драгиньомъ водьаше. Познаєте л' тога Господина? упыта га дѣвица. Опоминьемсе, одговори юноша, да самь га ономадъ, кад' самь дошао, съ Отцемъ моимъ застао кодъ Професcора Анастаса. То є *Гребляновичь Баронъ*. То самь чуо: но ко є онай съ ньимъ? Оно є изъ Касторіє нѣкогъ Дуке сынъ, *Влайко* му є име. Шта Вамъ се види, пріятелю, одъ овогъ младитьа съ десне стране? запыта Богданъ Любомира, кои одстрагъ за дѣцомъ идя'у, пошто и' они на коньма младитьи мимоидьоше. Старый погледи за ньимъ: Младъ є, вели, лѣпъ є, и здравъ се дѣчко види, но у прочемъ не знамъ. Ономадъ самь га кодъ Професcора Анастаса застао, и онъ га весма похвалює, — та онъ є сынъ Лазара Барона! Єсть, Єсть! О то є єданъ изреданъ юноша, финый младить, и Царъ га є особито возлюбіо. Навалює (лагано Любомиру рекне) за то моє дѣвойче, да за ньега узме. Па зашто не? одговори Старый. Я чуємъ, да му є отацъ лѣпа добра оставіо. О да! Онъ има толика села. А ко є онай другій съ ньимъ? Е оно є нѣкій вѣтрогоня, рекне Бучинъ, Дуке, ако га познаєте, кой моє земльe држи, сынъ. Отацъ му є честанъ мужъ: но одъ ньега тежко тьесе што истесати мотьи. Тобожъ дао га є у Канцелларію, ал' нѣкако — слаба надежда!

Овако у разговору изидьу изванъ града Господинъ Старый Любомиръ не дозволи, да га дальe прате. Ту се сердачно изгрльe и излюбе. Бучинъ хотяше и Чедомиля задржати; но Любомиръ не допусти. Єдно баръ, рекне му, дѣте валя да є кодъ мене, и мы смо, вели, сад' лѣпо и' подѣлили, ты узе єдногъ сына, я водимъ другогъ, а нашой Косари дтьи. Ово говоретьи посадисе са сна'омъ и Драгиньомъ на кола, и Светозаръ съ дѣдомъ и многомъ Господомъ, коя су му дѣду испратила, вратисе мало невесео у Дворъ.

Бучинъ весма прилѣжаваше о Светозару. Онъ га одма одведе у Канцелларію, и препору-

чи га Префекту, позна га ту съ благородныма младитьима, но заповѣди му насамо, да се съ Влайкомъ нипошто не мѣша.

Светозарово изображенье, оштаръ умъ и лѣпа знанья, одма су се сад' у дѣлма његовымъ открыла; одма є себе одъ многи' младитьа' отликовати почео. Съ дана на данъ дѣдъ његовъ съ радоштью похвале о њему у Канцелларіи слушаше. Отмѣнна лица њега къ себи призива'у, и свакій се младить, кой само знадьаше, шта тье ретьи честный карактеръ, радо съ њимъ дружаше и разговараше. Господинъ Бучинъ метне га и на нѣке пробе. Разнымъ начиномъ стане га искушавати; найпослѣ саобштаваше му инѣке, само измышльене, тайне, да га види, да ніе на єзыку проливенъ, и да л' тайна при њему остати може? Онъ подговараше и друге нѣке одъ свои' искренны', да ту пробу чине съ њиме, и да гледе на свакій начинъ, могу ли одъ њега, као одъ єдногъ младитьа, рѣчь какву, коя му є за тайну повѣрена, исчепркати? но бадава, — ніе ни єданъ у своме съ њиме намѣренью успѣти могао. Немало сви су му се дивили, да у єдномъ дѣтету младомъ таква добродѣтель, таква тврдость душе быти може, коя се рѣдко и кодъ зрѣлы' людій надье. Господинъ є Бучинъ, као Дворянинъ, и кой њега Дворянином учинити желяше, ову у њему добродѣтель врло почитовати знао. Само му се то єдно у овомъ младитьу не допадаше, што му се видьаше, да є одветъ нѣжнога чувства, одветъ моралномъ наукомъ одъ Любомира запоєнъ, слѣдователно нетье мотьи у случаю и нѣке обиде одъ други' сносити, нетье умѣти као 'итрый політікъ мало се кадшто и претварати, но слѣдоватье своме искренномъ срдцу у свему, и тимъ може лукавымъ людма у замке падати. Зато намѣри духъ његовъ мало измѣнити, и срдце у њему, коє никакве горести іошт' куцало ніе, и за противне случае приправити.

Онъ почне съ ньимъ весма строго поступати, почне га безъ узрока карати и срдитъ му се показивати. Но младить све є то съ кротошћью сносіо, све є и безъ найманье у себи промѣне дуго трпіо; само бы кадшто уздануо, кад' бы се Старогъ свогъ Отца Любомира опоменуо, како є онъ съ ньимъ любовно и отечески поступао, како га є кротко и разумно у свачемъ исправляти знао. Онъ истина зато одма се очаянію не предаваше, но дѣло своє у Канцелларіи найохотніє извршиваше, Префекту и свимъ старіимъ онъ се повиноваше, предъ Бучиномъ бы се свагда као анђео небесный смиравао; али кад' на конацъ види, да се овомъ светцу никако угодити не може, немало смутисе, и будући да ту сад' нигдѣ никога одъ свои' присны' не имадьаше, коме бы се потужіо, да бы му и тимъ мало лагше было, почне у себи скорбити и унывати, почне споминяти блажене оне часове, коє є онъ у простой, пустиньи проводіо, и почне за кутьомъ своіомъ удити.

Бучинъ, кой внимаше на ньега, примѣти ньегово неспокойство и печаль, и падне му сад' то у паметь, да искушава ньегово срдце и унутрашня качества ньегове младе душе. Онъ на то подговори свога Секретара, да овогъ младитьа, кад' га є веть ожесточіо, сад' на пробу метне. Онъ научи Секретара, шта тье предъ младитьемъ говорити. Секретаръ, на то готовъ, узме младитьа у свою собу насамо у време, кад' Бучинъ нѣкуд' изидье. Я примѣчавамъ, Любезный мой, рекне му, да ты нѣшто тужишь. Я самъ теби хтѣо ї'ошт' одъ ономадъ о томъ говорити; али нисамь се смѣо усудити. Господинъ нашъ, како ми се види, съ тобомъ, као што не бы требало, да не рекнемъ тѵ́рански поступа. Ніє могутье, любезный юноша, Светозаре мой, да ты при ньему останешь. Зашто не пишешь твомъ Старомъ Отцу, оной благой души, и не потужишсе на овогъ? Ако смо мы принудьени, ньега трпити; не вѣруємъ, да си ты. О любезный Госпо-

дине! одговори младитъ, а бы л' я то могао чинити? Онъ истина да самномъ строго, не могу ретьи тѵ́рански поступа, али я судимъ, да онъ, као паметанъ мужъ, мора имати узрокъ свой у томе. Я тьу трпити; я се на ньега потужити не могу; онъ є мой дѣдъ, мой отацъ; ньему се велики люди повиную; зашто не бы я? Да се онъ вара о мени у томъ, што мысли, да своіомъ одветъ великомъ строгоштью мене на болье што доведе, и савршенія ме учини; то є истива: али ко бы ньему сад' то и доказати могао! — Мени єжао, добрый мой Светозаре, да худье съ тобомъ поступа, нежели съ другима. А! немойте, Господине, тако мыслити. Я Вамъ благодаримъ на Вашемъ къ мени пріятельству, и усердномъ Вашемъ о мени сажальенью; но што кажете, да онъ худье са мномъ, него съ другима поступа, у томъ се Вы, Господине, варате; єръ худо поступати съ кимъ, и строго поступати, есть разлика. Онъ строго поступа и съ другима, но са мномъ строжіе, изъ узрока, што двогубу и власть над-амномъ има, єдну има, као и надъ другима, другу, као надъ своимъ. Ко зна, любезный Господине, шта є онъ, као єданъ старъ и паметанъ мужъ, на мени примѣтити могао! Я самъ мени вѣровати не могу, да самъ у свему добаръ. Можно є, да и самъ мой вѣкъ са собомъ доноси, да се са мномъ овако поступати мора, и я самъ увѣренъ, да онъ све то изъ добра намѣренья чини. Та добро, любезный Светозаре, ал' се вышше путій стари люди вараю у томъ. Они тобожъ изъ добра намѣренья чине; ал' не погоде свакій путъ ни они како валя. Я Вамъ то и самъ исповѣдамъ, да се и мени тако чини, да се онъ вара о мени: ал' опетъ вышше могу вѣровати, да онъ има право, нежели я. — Секретаръ при овымъ рѣчма погледи на ньега као сажалително, и у'вати га за руку: Любезный мой, рекне му, ты добро мыслишь; но ты ї'ошт' не познаешь велике люде. Вы имате право у томъ, я признаемъ, да є мени нуждно, учитисе познати и'. Но опетъ, кад'

бы Старый знао, како овай съ тобомъ поступа! О молимъ Васъ, можно є, да є Старый мой Отацъ овоме тако и наручіо. И онъ є мене строго држао! те како строго! само другимъ начиномъ: али дѣте самь быо, и као съ дѣтетомъ поступао є са мномъ; одсад вальда бы и онъ другу сѵстему са мномъ предузео. Чуданъ є, мой Господине, и онай светацъ! Вы га не познаєте. Онъ є мене любіо, као своє дѣте; но я нисамь нигда и ни у чему ону границу преступити смѣо, коюю є онъ мени полагао. Само то кажемъ, што онай има нѣкій особитый начинъ. Њему се изъ саме къ њему любови сви, коима онъ управля, повинновати мораю. Онъ не виче ни на кога; онъ не псує никога; а никога заръ у своме животу ніе ударіо: но при свемъ томъ погледъ єданъ његовъ, изъ кога свакій чисту добродѣтель примѣтити може, све укротьава, све насъ у чувство приводи; єръ власть велику онъ надъ срдцама нашима има.

— Добрый юноша! Я молимъ, овай нашъ разговоръ нека при теби остане. Немой, любезный мой, што гдѣгодъ ретьи. Поштеди честь єдноме, кой є изъ доброгъ намѣренья, изъ праве къ теби любови и нѣкогъ сажальенья усудіосе, противъ свога Господина нѣколико рѣчій изретьи. О Господине! о томе и не мыслите. Боже сохрани, да бы я коме што о томе проговоріо. Я Вамъ благодаримъ на Вашемъ къ мени пріятельству: но знайте, да сте такво ономъ и показали, кой тъе умѣти, себе достойнымъ таквога учинити.

Текъ Секретаръ изидье: ал' ето ти Светозару у собу Бучина! Онъ баци на њега єданъ строгій холерическій погледъ, па манувши главомъ: Дѣчко; прстомъ нѣшто прететьи му, узмисе на умъ! — сатимъ смотасе у другу собу. Младить наново буде тронутъ. Я не знамъ, рекне у себи, да самь што противно рекао, ако буде и чуо.

Другій данъ додье Бучинъ у Канцелларію, у коіой Светозаръ съ прочима писаше. Сви младитьи сад' као предъ упитеромъ устану, и сви,

БИБЛИОТЕКА МАТИЦЕ СРПСКЕ У НОВОМ САДУ

учтиво стоєтьи, испытива'у изъ очію његовы', у каквомъ є расположенью. Само Светозаръ што се безъ найманьегъ смутьенья быти видьаше; єръ срдце є непорочно у свакомъ случаю слободно. На то єто ти имъ и Влайка. Тришутъ му се лице промѣни, докъ до Префекта за нѣко дѣло приступи. Бучинъ попреко погледи га, гдѣ чисто на прстима идьаше; А шта си се ты тако укочіо? загрми на њега, што не идешь природно, као што треба? Сатимъ узме прегледати дѣла нѣка и рукописе младитьа', за кое нѣке ту похвали, нѣке пакъ искара и запрети имъ небрежльиво у дѣли' поступати: къ Светозару пакъ не хтѣ ни приступити, аки бы ту и не быо. За коє други сад' съ удивльеньемъ сгледа'усе, и Влайко, кой іошт' и не знадьаше, да є онъ унукъ Бучина, подмигльиво смѣшетьисе: Не хтѣ, вели, новайлію тога ни да погледи. По свой прилици, придода лагано другоме до себе, нетье намъ тай у Призрену скрасити; загребштье онъ, одкуд' є и дошао. Светозаръ то чу, и бы му жао; погледи на њега, но нищта му не рекне. Онъ недоумѣваше, изъ когъ узрока овай младитъ Влайко, кой ветъ око' свои' 26. година' имадьаше, на њега мрзи? и зато запыта єданшутъ єдногъ одъ познаты' свои', бы л' му знао казати, зашто Влайко на њега нѣшто дува, особито позиваше се и на оно, што му є Бучинъ рекао, да се съ Влайкомъ не мѣша. О любезный мой! одговори му честанъ єданъ младитъ, именомъ Андрей, а зашто свакій на њега мрзи? Онъ є човѣкъ, познатьешь га, безъ карактера, пристрастанъ и суєтанъ. Онъ да умѣ любити себе; любіо бы и друге, — но шити валя себи, ни другоме. Онъ є тебе видѣо нѣгдѣ съ нѣкима дѣвицама, — я незнамъ, кад' є брже и то могло быти — па рекне предъ другима непристойну рѣчь за тобомъ, што си ты іошт' младъ, и не пристои ти се, съ дѣвицама обходитисе: а дьаволи други, познаваютьи слабу његову страну, стану му описивати и што ніє, да све дѣвице тебе веть и у пѣснама пѣваю, и

да њега вышше нетье ни гледати, — будутьи онъ се усилявао, измедьу свію прочи' юноша' прву играти роллу у Призрену.

Ако є то, рекне Светозаръ, на часть му одъ моє стране све Призренске и найкрасшіє дтьери! и слободно можете га, ако се съ њиме састаєте, увѣрити, да онъ нимало ніе погодіо, кога се, што се дѣвица' тиче, бояти има. Я чествуємъ све Призренске дтьери, чествуємъ и любимъ, како благородне и господске, тако и градьанске и саме майсторске; али што се каса мога съ њима саобраштьаванья, познатье ме, да нисамь женаръ, ни дѣвойчаръ. Толико само, колико младить єданъ градьанскогъ ради обычая и цівилне политике одретьисе не може, да кадшто коіой явисе, или приликомъ, на то даномъ, посѣти и', и мало съ њима пробесѣди: но честно, у присутству њины' родителя'! И я се заиста нигдѣ нисамь наметао, него Господа многа, добри пріятельи, а многи и сродницы наши, изъ любови къ моимъ дѣдовима, зовну ме сами. и будутьи да имаю дтьери своє, то съ њима кадшто време проведемъ. — Та онъ се сирома'ъ и наметье; ал' га ни єдна нетье, зашто є вѣтрогоня и суєтанъ. Ни єдна паметна дѣвица не смѣ съ њимъ у разговоръ пуститисе, и лѣпу му рѣчь дати, или компліменте његове са усердіємъ пріимити, будутьи такитрчи и хвалисе, да га веть та и та Господична милуе, да онъ веть толико има, коє су у њега смртно залюбльене. Дѣвице то дознаду, и на њега савсимъ омрзну: само по гдѣкоя несташна явля му се, и дозволява му нѣкій приступъ къ себи, да се само съ њимъ смѣю, и да га као своґъ плѣника сматраю. Колико є онъ кукавацъ обіяо прагъ около дтьерій Углѣшины': но ништа успѣти не може! — Тай ли є посао! И зато самь я даклe њему као трнъ у оку! Сирома'ъ! како се люто у томе вара! Зато онъ жели, да я не скрасимъ у Призрену! О дедакъ єданъ! Има і'ошт' нѣки', коима ніе по вольи, што си у Призренъ дошао, но ніе ни єдань у томъ лудъ као Влайко.

Зато ти, любезный мой Светозаре, искренно кажемъ, никомъ се съ почетка немой повѣрити, докле се годъ добро не познашь, и не искусишь, кой є какавъ. Могу те изъ пакости и по лагкомыслію своимъ као млада у што заплести, и на гласъ ружанъ изнети, а Господинъ є Бучинъ, што се тога тиче, преко мѣре чувствителанъ, и као знатно лице на свою честь весма опасанъ и тугальивъ. Я Вамъ благодаримъ, любезный мой друже, на Вашемъ братскомъ совѣту, когъ тьу се я заиста држати; но нек' се они слободно увѣре, да я нисамь дѣвица' ради у Призренъ дошао, и показатьу имъ, да я могу безъ саобраштенья съ дѣвицама быти. Єдна лежи — то само Вама кажемъ — на моме срдцу, коя све проче на свѣту исключава. — Мы смо, любезный мой, приложи Андрей, и одъ саме природе красномъ полу наклоньени, као што є и онъ нама; али ову єстественну у нама наклоность, ово священо любови чувство, коє є Богомъ самымъ къ светомъ бракосоюзу опредѣльено, не треба попустити, да намъ се у страсть претвори, не треба даръ овай, къ добромъ концу одредьенный, на зло обратити и худо съ ньимъ поступити; єръ свакій благоразумный младить, и свака честна и цѣломудрена дѣвица, на своє време валя да чекаю; дѣвица стыдомъ да се краси, и да чека изъ руке свештенника предъ Божіимъ олтаромъ супруга себи, кой іой у жребіє падне; а тако и честный младить супругу. Разуму, любезный мой, валя да се повинуємо', а не страстима.

Светозаръ внимателно гледаше на овога младитьа, саслуша ньегову бесѣду и преко мѣре возлюби та. Онъ бяше около свои' 23. лѣта. Онъ имадьаше темпераментъ меланхолійскій, намргодьенъ готово увѣкъ, но срдце любезнѣйше и душу благородну притяжаваше. Характера бяше одветь морална и разсудьенья дивна: само строгій, и за найманье преступльенье изобличитель Онъ се нигда не хтяше насмѣяти; а кад' бы што у дружству рекао; да му се иски-

даю одъ смѣя! На коє бы онъ само погледао и мануо бы главомъ, као чему се смѣяти имаю? Али рѣдко є было, ньега у дружству и видити; найвыше бы време надъ кньигомъ проводіо. Онъ Светозара често увѣштаваше, да се само клони Влайка, и да не вѣрує ньеговымъ ласкателнымъ рѣчма. Али устремителна младость и при найлѣпшымъ своимъ качествама поклизне и попусти себе обаяти. Влайко науми Светозара на танакъ ледъ навести. Светозаръ, имаютьи, као што смо и на вышше мѣста' рекли, чисто и просто срдце, ніє могао оштрымъ своимъ разумомъ ухитрена коварства и притворности други' проникнути.

Єданпутъ у Недѣлю изидье нашъ Светозаръ съ прочима изъ Канцелларіє младитьима шетатисе, и случайно усмотри Влайка, кой се съ нѣкима дѣвицама исподъ руке водьаше, коима три господье, времените веть жене, лагано у разговору слѣдова'у. Светозаръ хотяше и' са своимъ дружствомъ мимоитьи; но Влайко осмѣнесе любко на ньега, приступи му, и дружески стиснувши' га за руку поздрави га. Светозару се то сад' допадне, тимъ ветьма, што є овай пре све нѣшто на ньега дувао, и непріятель му се показивао: — а човѣкъ, колико є срдца поштенія, толико му тежже пада, кад' види, да се ко на ньега срди.

Они сад' подьу заєдно. Любезный мой! рекне онъ Светозару, зашто ми не додьете? зашто ме не посѣтите? Я Васъ искренно любимъ и желіо бы самь съ Вама, кога за паметна младитьа почитуємъ, у тѣшньe познанство дотьи. Я свагдѣ, и при свакой прилици, добре рѣчи о Вама говоримъ, и нигда не знамъ да самь Васъ у чему увредіо: — при свемъ томъ я самь примѣтіо, да се Вы мене нѣшто одтудьавате, и да ми опростите, любезный, што тьу Вамъ ретьи, као да ме све нѣшто избѣгавате; а мени то весма тежко падне, и чудимсе, да Вы, као єданъ паметанъ младитьь, даєтесе одъ други' о мени варати. О мой

любезный Светозаре! Не валя свакоме вѣровати. Я многе непріятелье имамъ.

Светозару се ове рѣчи косну срдца. Онъ одъ своґъ простодушія заключаваютьи и на друге у овомъ се превари, и мало помало напослѣдакъ видетьи, да овай заиста ніе онакавъ, као што су му га прочи описивали: Може быти, рекне у себи, да овай младъ човѣкъ и има какве у себи погрѣшке; и камо намъ такавъ, кой и' не бы имао: али они су се сви у њему варали, кои су га кодъ мене онако худо описивали; будутьи я на њему оне пороке не примѣчавамъ.

Овай 'итрый лисацъ почне еад' Светозара и на онака мѣста помало одводити, гдѣ невинность у опасность долази, и почне му ово усладъавати, што є отровъ благовоспитанномъ младитьу. Али онъ є тако у томъ поступати знао, да Светозаръ ни на умъ ніе узети могао, како га є вѣшто къ невалялству повео био. Прво є было Влайково дѣло, нашегъ Светозара одъ свію честны' младитьа' одвратити, и коєкуд' съ њиме у вече поздно 'одити. Но много є и строгость Бучина у овомъ виновна была, овога юношу, кой є весма нѣжна чувства био, мало ожесточивши. Зато валя найпре срдце дѣтета искусити, и спрамъ његовоґъ срдца съ њимъ и поступати. Єръ нѣка дѣца, или одъ саме природе, или одъ добра воспитанія, а їошт' вышше кад' се догоди при коме и єдно и друго, постану весма делікатна, весма чувствителна. Съ овакима ако узпоступамо кротко, лѣпо и благороднымъ начиномъ, бываю весма добра, и у свему лѣпо напредую: напротивъ окренемо ли съ њима сурово, грубо, или одветь строго поступати, оскорбесе, и могу лагко измѣнити добру наравь свою на зло. Нѣка су пакъ дѣца такодье или одъ природе, или одъ худа воспитанія, тврдоглава, упорна, и къ добру не тако удобосклонна; съ коима видисе нуждным строго поступати. Нашъ Господинъ Бучинъ, иначе паметанъ мужъ, Светозара, и његовъ моралный характеръ, ніе добро познавао.

Овай честный младить, премда мало заборави на себе; и съ правогъ се пута сврати: ипакъ іошт' не ступаше у невалялство; іошт' Влайко у худомъ съ ньимъ намѣренью успѣти не могаше; нити онъ одъ овога тако оволшебствованъ и успаванъ бяше, да се спасителны' совѣта' свога Старога Отца не опомене.

Влайко га съ дѣвицама упознаваше, и све на то идьаше, да бы се онъ у кою залюбіо, да онда може съ ньимъ нѣку роллу изиграти. Овай пакъ, єдно позиваютьисе на примѣръ свои' родителя', друго, опоминютьисе любезне своє Драгинье, при коіой му свагда срдце бяше, све труде Влайкове у томе уништи, све осуєти, себе оддержи, и ни къ єдной се не склони. Влайко, кад' то примѣти, окрене другу ноту съ ньиме.

Єданпутъ, у одсутству Г. Бучина, кой бяше на нѣколико дана' на путъ отишао, зовне Влайко Светозара къ нѣкой Госпои на вечеру. Светозаръ се дуго затезаше; но напослѣдакъ съ дозвольеньємъ домостроителя Бучинова оде. Госпоя ова удова бяше, и жена млада іошт' и богата, живляше сама са своіомъ старомъ матеромъ у собственномъ дому. Она и' дочека на найлюбезніе и прекрасномъ вечеромъ. Изъ бесѣде ньене искуси одма Светозаръ, да є она єдна честнѣйша душа, и сожали о ньой, да є сирота 'уде срѣтье, — нико є не проси. У разномъ при столу разговору продужи Влайко са Светозаромъ и ньомъ добру часть ноты. Влайко на Светозара навальиваше віномъ, а она имъ лѣпо пѣваше. Светозаръ є одъ свега мало пити могао, но одъ природе лѣпогъ расположенья будутьи буде весео тако, да време ни на умъ не узимаше, да дома итьи треба. Влайко скочи наєданпутъ одъ астала: Сѣдите, любезный, рекне Светозару, и разговарайтесе; я тьу одма дотьи. То рекне и отиде. Мало затимъ и старица, мати младина. такодье устане и удье у другу собу. Светозаръ мысляше, да тьесе она опетъ вратити, будутьи да ни: Лагку ноть! ніе имъ рекла; но она

сасвимъ изостане. Сад' онъ, самъ сѣдетьи съ Госпоіомъ Маромъ, нестрпѣльиво изгледаше на Влайка; али не долазаше му ни овай. Мой другъ дуго изостаде, рекне Госпои доматьици, и я тьусе задоцнити. Я и сама примѣчавамъ, одговори она, да Вамъ є дуго време са мномъ: но не знамъ, гдѣ се тай задржа? Пречекатьу га іошт' мало; но ако не додье, на време кутьи итьи морамъ. Е Бога Вамъ, та кодъ Васъ є лагко, кад' хотьете утьи, стража Вамъ є на врати', а Дворъ є отворенъ цѣлу ноть. Ал' ако тай не додье; како тьу самъ итьи? Я се нисамь научіо, самъ нотьомъ итьи. Е пакъ бы сте заръ морали итьи? Хвала Богу! ниете на зломъ мѣсту, могли бы сте и овдѣ спавати, изберите себи постелю, кою Вы хотьете; но и онъ тье безъ сумнье дотьи; — Я се сѣтьамъ, приложи, куд' є онъ отишао. Вражкій човѣкъ! а нетье да ми каже. Светозару то мило не буде, и текъ што почне мыслити, да се опрости, захвали на вечери и дома иде, ал' имъ предъ собным' вратма почне арфа ти'о ударати, узъ кою танкій и умилный гласъ сложисе.

Светозаръ на то скочи и полети къ вратма, на коимъ га три прекрасне дѣвице, у чисто бѣлымъ као млеко альинама съ арфомъ у руци срѣтну. Младить се томе удиви и погледи на доматьицу. О вражке дѣвойке! рекне имъ ова, ко васъ тако дотера? Моє сестре! придода Светозару. Драго ми є, одговори младить, поклонивши имъ се. Насъ посла Господинъ Влайко. Дьавоо проклетый! Дотле намъ є на прозору лупао, докле иисмо устале, — но ако се не варамо (смѣшетьисе рекне найстарія) — Младый Господинъ Соколовичь! одговори Мара. А! право! Драго намъ є! поклонияши му се рекну дѣвице. И я се радуємъ одъ моє стране, одговори младить, премда немамъ срѣтьу — погледавши на доматьицу. Но! Страилове дтьери! Драго ми є! одговори младить, и тако сѣдну. А я текъ у намѣренью бя' дома итьи. Чека' на Влайка; но онъ не долази. Та гдѣ є остао? молимъ

Васъ. Свратисе мало на єдно мѣсто: но сад' тье и онъ дотьи. Та куд' Вамъ се 'ити? рекне найстарія, имате доста времена спавати. Сатимъ узме у арфу ударати и узъ ню пѣвати, а друге двѣ ти'имъ гласомъ почну іой помагати.

Мара сѣдне съ друге стране до младитьа, и пребаци му руку око' врата, и тако кадшто повукла бы очи своє на ньега, и кадшто бы уздануда. Я бы самь Вамъ овако, Господине, и заспала, рекне, и мазетьисе наслони му главу на прси. Онъ ово съ негодованьємъ одъ нье пріими. Да видите, вели, и мени се очи склапаю; но не знамъ, што тай не долази, — а мрзи ме самогъ кутьи итьи. Заръ Вы не смѣте єдну ноть и у момъ дому провести? Ово ньено изреченьє видьашесе да іой изъ тѣсны' прсію изидье. Младить се осмѣне и пребаци іой руку преко рамена, па є гледи, и изъ очію ньены' испытивати почне неспокойство ньенога срдца, будутьи да она не бяше у очима ньеговыма она, коя му се учинила была, кад' їой є у домъ ушао. Онъ сад' позна лукаво и худо намѣреньє Влайково, и онъ искуси и ове персоне, одъ кога су реда; онъ се весма раскає, што се избезуміо, за Влайкомъ се повести. Но ништа зато, опетъ рекне у себи, ово є прва на мени проба; ово тье мени за правило служити; собственно моє искусство потврдьава ми за истину све оно, што ми є до данась о Влайку речено. Онъ овако тьутетьи погледаше на Мару: но она изъ погледа ньегова заключаваше, да є у свомъ намѣренью съ ньимъ веть успѣла, и да се ласка ньена коснула веть срдца ньегова. По довольномъ тьутанью рекне іой: Вы сте нѣшто невесели; да Вамъ ніє што зло? На ову рѣчь она се мало промѣни у лицу, и умѣсто одговора само баци на ньега нѣжноумилный погледъ и уздане; но притомъ ти'о се и насмѣє. Младить се сад' претвори, као да не разумѣ, куд' се мысли ньене клоне? Вама нѣшто ніє добро, рекне і'ой, у'вативши є за руку. Вы сте одъ свега врутьи, и пулсъ є Вашъ у необыч-

номъ нѣкомъ движенію, — као да имате малу грозницу. На коє *Стана* и *Ружица*, среднье сестре, почнусе смѣяти; но *Милойка*, наймладьа, и невѣшта се томе чиняше. Госпоя! а не бы л' болье было, да мало легнете? Е водите є, Господине, рекне Стана, у другу собу, нек' легне. Мени то не пристои, любезна Господична, одговори младить, и устане: но одведите є Вы. Шта? Заръ Вы хотьете да идете? Та сѣдите, Господине, сад' тье намъ и Влайко дотьи. Простите ми, любезне Господичне, я на ньега вышше чекати не могу. Онъ се нѣгдѣ задржао: ко зна кад' тье? и хотье ли дотьи? А! сѣдите, Господине! навали Мара, сѣдите іоште! вели, и забавитесе съ моим' сестрама, сад' тьу и я дотьи. Сатимъ оде.

Моє неволье и съ ньима! рекне у себи младить. кой не бяше радъ, замѣрити имъ се. Сѣдне опетъ, и оне му почну у арфу ударати. Милойка смотри на орману нѣкій везъ, оде и гледи; а оне двѣ узъ арфу почну нѣке любовне пѣсне. Ружица бы часъ по часъ младитьа загрльила; часъ бы му ньегове косе по челу намѣштала; часъ бы га по руци гладила и похвальивала, како су му бѣле, пуне и мегке руке. Но видетьи, да овай улагиванья' ньены' не пріима; Ала сте Вы, Господине, нечувств — (: но одма метне себи руку на уста:) не хотяше изретъи, и сестра є попреко погледи. Онъ се насмѣє: Санльивъ самь Вамъ, Господичне! зѣваютьи рекне, спавао бы самь. На то старія: Айдете у собу, да видимо, шта намъ ради доматьица. Е она є вальда веть и заспала; но я заиста, Господичне моє любезне, простите ми, итьи морамъ, — ово є веть поздно за мене. Я Влайка вышше чекати не могу; онъ мене превари. Само ако не буде Госпоя заспала, да се опростимъ, и рекнемъ їой: Добру ноть!

Сатимъ удье съ овыма у собу, у коіой кандило свѣтляше. Сва соба замириса ароматомъ: но кад' погледа младить на постелю, на коїой

Мара лежаше, окаменисе чисто, окрене главу и поиште врата. Ове двѣ безобразнице, кликотаютьисе, сад' угасе свѣтьу и кандило, пакъ утрче у прву собу и врата затворе. На то у помрчини скочи Мара съ кревета: Пстъ! пстъ! Господине! (у'вати га:) Извините слабость мою, пріимите за шалу и поштедите честь, и свою и нашу! Ово є шала дебела и сасвимъ непристойна, одговори увредьенный юноша, шушкаютьи око' врата, да изидье: Али сладкій Господине! — Онъ є тури срдито одъ себе: Идите одъ мене! Нисамь я Влайко. Но хотьу му захвалити и пытатьемосе сутра, гдѣ ме є довео? Сатимъ видетьи, да на врата не може, 'итисе крозъ прозоръ и избѣгне у дворъ (:авлію:) полети къ великимъ вратма; но и ова бя'у затворена.

На то повиче му ти'ій гласъ изъ ходника: Господине! Господине! Нетьете мотьи туда; но ево Вамъ лѣствице, и бѣжте преко стѣне! Ко си ты? намѣштаютьи лѣствицу повиче Светозаръ. Не пытай, ко самь, пруживши му палицу и капу, пошто се онъ веть на зидъ узпео бяше, но бѣжте! Светозаръ на мѣсечини позна у овой персони Милойку. Господична! Вы сте? Я самь, сладкій Господине! крозъ плачъ ова говораше, я самь! и Бога ради Васъ молимъ, претьутите случай овай. Оне су бѣдне и саме свою срѣтьу убиле, немойте и' Вы, кое и тако безъ штете, и безъ нарушенья Ваше чести бяше, на гласъ износити, и осветy надъ ньима искати, кое су паче сажальенья достойне нежели казни. Любезно дѣте! рекне юноша, воліо бы твою добродѣтель буди чимъ другимъ наградити, нежели тимъ, да за такву мени учиньену обиду такву увреду снесемъ и претрпимъ: али за любовь твою я ти се завѣштавамъ, да се одъ мене чути нетье.

На то отвореcе врата у ходникъ и засвѣтлисе дворъ одъ луча. Светозаръ скочи одма са зида на полье, и Милойка свали лѣствицу са стѣне на землю. Гдѣ є? тражетьи га сад' лучемъ

по двору, гдѣ є? да му таки нздробимъ кости у мѣшину, макаръ ме таки сутра обѣсили. Светозаръ съ поля чуе и позна Влайковъ гласъ. Онъ єданъ балаваць! єданъ нитковъ! жестетьисе продужаваше Влайко по двору. Тако ли се онъ у честномъ дому обходити зна! Чекай дѣчко! Хотьемосе разговарати!

Светозара сад' 'ладный зной крозъ цѣлый животъ пробіяше. О свесилный Боже! погледавши на безчисленне звѣзде рекне, и полієсе сузама, та ови су наумили мене у бѣду бацити! О у какву ли є опасность овдѣ моє невинно житіе дошло было! Сатимъ наслони свою печалну главу на студену стѣну, исплачесе и раскає, што се избезуміо и съ Влайкомъ се сдружіо, за когъ су му веть толики честни люди говорили были, да є худа характера и да є раскошна живота. — Ово є прва горесть, бришутьи сузе своє рекне, кою я у момъ животу кушамъ! Ово є првый опытъ, коимъ се я учимъ люде познавати! Ко бы игда, ходетьи у себи говораше, ко бы игда што ружно о оной персони и помыслити могао? Ко ли съ почетка и о дѣвицама? докле се потомъ не издадоше, какве су. О проклетый Влайко! Кад' умремъ, онда тьу те заборавити. Ты си мене на танакъ ледъ навео быо: но благодаримъ ангьелу моме, благодаримъ милостивымъ небесама, коя су ме сохранила, и нису дозволила, да се дьаволска на мени испуни воля! А што онъ прети и нѣшто говори, да се я нисамь честно обходіо, я, имаютьи Бога и мою у томъ чисту совѣсть за свидѣтелье, нимало се не боимъ.

Онъ овако у себи разговараютьисе опрезавашесе то на єдну, то на другу страну, да га нотьна стража тако сама, и тако поздно, не спопадне. Нигда вышше я съ Влайкомъ не идемъ! Нигда вышше я у вече не заостаємъ! Ово є и првый и послѣдныій путъ самномъ се сбыло! И као какву бы корысть бездѣлникъ одавдѣ имати мысліо, што бы другогъ на зло навео? Какву ли бы радость осѣтіо? жалостна му мати! невинногъ

єдногъ юношу у погибель бацити. О спасителни совѣти! о преполезна поученья мога Старога Отца! Сад' Васъ разумѣвамъ! Сад' тьу, и одсад' тьу Васъ цѣнити мотьи!

Сатимъ додье предъ дворъ и запыта стражу, коє є доба? Поонотьи є превалило, одговоре му войницы. Онъ сад' удье полагко унутра, да га нико не осѣти. Онъ легне у своіой соби, и одъ мыслій єдва предъ саму зору заспи. Сутрадаиъ не може никако да себи избіє изъ главе, шта се съ њимъ догодило. Немало бояшесе, да онай бездѣлникъ съ оныма персонама не договорисе, и не баце бѣду какву на њега; но опетъ мысляше у себи, и уздашесе у невинность свою, да они нетье то чинити смѣти.

И тако продье и нѣколико дана', а Влайка нигдѣ не видьаше, єръ у Канцелларію сад' выше не долазаше, у кою Светозаръ идьаше. Додье и Господинъ Бучинъ съ пута, и по поодне зовне га насамо у свою собу: Но, Сынко! рекне му, будутьи да си се, колико самь разумѣти могао, у момъ одсутствію (: при овомъ изреченью юноша тронутъ буде, — шта наопако! помысливши у себи, Господинъ є нѣшто чуо:) какогодъ и у присутствію честно владао, и нѣка те отмѣнна лица и Господа похвалюю: Зато те я любимъ, као могъ сына, и препоручуємъ ти, налажемъ и заповѣдамъ, да увѣкъ настоишь, похвали овой сходно владатисе. Я самъ тебе, приложи, мало и строжіе држати почео; но ништа зато, — я знамъ, зашто самъ то чиніо.

Сатимъ отвори орманъ, и изнесе му єданъ прекрасанъ мачъ съ два на рукоятки драга камена, и єдне златне часе. Ево, дѣте моє, ово самъ теби донео, само буди добаръ, и чувай твою честь сыне. Ты имашь лѣпе дарове, лѣпо воспитаніе, коє мене обнадеждава, да тьешь временомъ великій мужъ быти, и полезнымъ се своимъ любезномъ отечеству сыномъ учинити, коє я съ надеждомъ одъ Бога просимъ и одъ тебе очекуємъ. Видишь, дѣте моє добро, мы смо стари,

мы се ко гробу приближавамо; но ради смо, да смрть наша съ нашимъ живота свѣтомъ и славу нашу не угаси; настоимо и трудимосе као стари люди обоица, да оиа на теби и на твомъ брату возсія, да не умру имена, у народу чувена; *Соколовичь, Бучинъ.*

На ове рѣчи ньегове ти'а радость съ пристойномъ учтивоштью орумени юноши образе. Онъ се ньему поклони, пріими даръ и цѣлує му руку. Одъ истогъ дана почне Бучинъ съ ньимъ кротко и любезно поступати, съ ньимъ се у разне, и не мале важности разговоре упуштати, ньега совѣтовати, и у дворскимъ обычаима и дѣлма политичкимъ прилѣжно учити.

Єданъ данъ случайно Светозаръ састанесе съ Андреомъ, съ коимъ веть пооддавно не бяше было. Они сад' обоица сѣдну на своє лагке коньице и подьу мало изванъ града у шетню. Недѣля будутьи, народъ многъ, и лѣпо обученъ, закрыліо бяше нѣке зелене равнице. Єдни се полагко про'одьава'у, други на чопоритье бя'у посѣдали; ондѣ се млади момцы съ дѣвицама играю; овдѣ се несташна дѣчица утркую; свако є весело; свако се смѣє. Бя'у многи и одъ Господе на коньма изишли, кои се зауставля'у и гледа'у невинне забаве оне.

Светозаровъ конь, кой, рекао бы, на землю не стаяше, Светозарова горня свита, златомъ извезена, ньегова высока капа съ прекрасномъ челенкомъ, и бѣлымъ китнястымъ перомъ, ньеговъ мачъ, кой му се по бедри', спрамъ сунца блисташе, ньеговъ виткій и благородный стасъ тѣла, кой се на коню као нѣжный струкъ рузмарина превіяше, свима ту у очи падну и Светозаръ се любезнымъ свима предметомъ учини. Ко є тай младить? кои га не познава'у стану пытати; то є нѣкій странный.

Светозеръ се на то зарумени и окрене своегъ коня мало на страну. У истый ма'ъ падну имъ у очи єдна зелена шума и нѣки віногради. Айдемо, рекне своме другу, шта тъемо мы овдѣ?

имамъ Вамъ, придода, и тако нѣшто говорити. Подьу дакле странце поляномъ, кою до полакъ 'ладна сѣнка высоки' дрва' покрываше, а одъ полакъ сунце западно косыма своима лучама зеленость траве раствараше, и жутькастый їой шаръ изображаваше.

Пошто се они мало одъ народа удале, почне Светозаръ Андрею за Влайка преповѣдати, како є худо съ ньимъ поступіо. Я самъ теби казао, одговори овай, да се ты ньега клонишъ, да ньему нога нози добра не мысли. Онъ є, любезный, као шугава овца, но не заслужує, да га овци уподобимъ, кою сврби кожа, па трчи къ другой, и све гледи, да се о ню очеше и шугу їой свою сприобшти. Ово є нѣшто природно у людма, да, какогодъ што се добаръ добромъ радує; и мило му є съ ньимъ дружитисе: тако исто и неваляо тражи неваляла и себи подобна, и у овомъ се хармоніа людій састои, по коіой какогодъ што добаръ о невалялом негодує, о ньему сажалує и гледи прилику, бы л' му се сирома'у могло помотьи: тако и неваляо доброме завиди, мрзи, и настои, ако га може къ себи привутьи и у свой редъ ставити. Свакій дакле по качеству своє душе и срдца дѣла и ради. Добаръ зато се зове добрымъ, што о добру и мысли и добро ради; напротивъ зао и неваляо, што о злу мысли и зло ради: *по зли злѣ погибнутъ.*

Ушавши у шуму сяшу конье, и пусте и' по єдной поляници пасти, а они сѣдну подъ єдно зелено дрво у 'ладъ, и продуже бесѣду свою свр' карактера нѣки' людій. Нико на свѣту, любезный мой, рекне Андрей, не грѣши ветьма, него онай, кой другога своєвольно соблажнява, другога гледи да избезуми, поквари и оштети. Колико бы манье зла на свѣту было, кад' бы се они окаяни баръ одъ тога задржавали, да друге не трую, но да смрде сами у своимъ пороцима, и да колико є могутье слабости своє одъ други' крыю. Ако є самъ страштью ослѣпльенъ да л' онъ може ньой тимъ ветье удовольство учинити,

што тье и другога къ ньеномъ служенью склонити? Ако се самъ робомъ страстій учиніо: зашто да убія другога? За овога вели нашъ светый законодаваць, да му є болье о шію жрновный каменъ обѣсити, да потоне у пучини морской, нежели да и єднога соблазни и на зло наведе. Други су, любезный мой Светозаре, и они пороцы, кои се у нама одъ нѣке слабости појаве, и коє треба по могутьству предварити, да се у нама у страсть не преобрате: а други су своєвольни! Онъ се кукаваць страстима поработіо; айде да рекнемо, да є ньему то и одъ саме природе: — али да и Васъ плѣнникомъ ньинымъ учини: ово є одъ собственне ньегове неваляле волье. Прво се може признати за порокъ, кой є колико толико и простителанъ: а второ є смртный грѣхъ. И разумимо, изъ каква безумія онъ происходи, безъ сваке своє ползе другога убіяти, коє толико, любезный мой Светозаре, значи, колико, кад' бы я у какву болесть пао, изъ коє избавитисе не бы се вышше надао, па бы видіо при мени благозрачна и здраваюношу, кой ми нигда никаква зла не бы учиніо био, но іошт' бы сажалѣвао о мени и бѣди моїой, дошао бы ми изъ любови посѣтити и разговорити ме: и я бы му завидіо, што є онъ здравъ, и исту бы му мою болесть пожеліо и гледао бы, ако бы самъ икако могао, и ньему є прилѣпити, безъ и найманье надежде у мени, да тьесе и съ єдпымъ горушичнымъ зрномъ болесть моя зато умалити! но рекао бы самъ само: я тако хотьу, — кад' я умиремъ: зашто да онъ живи? или, кад' се я мучимъ, нек' се и онъ мучи, — ово є управо злоба, и ово веть ніе простителный порокъ, но грѣхъ, кой вопіє на небо. Та помыслимо и то, за волю Божію! приложи Андрей, да разбойникъ, кой отме, изъ кога то узрока чини? развѣ, заслѣпи га она жалостна корысть, да безъ труда ужива тудьу муку: али изъ кога узрока онай безумный настои одузети одъ другога оно, што онъ и тако себи присвоити не може.

При овомъ разговору чую близу себе на страни нѣко пѣніе. Они познаду гласъ женскій. Послушавши мало, знате л', ко є ту? упыта Андрей. То су, вели, Страилове дтьери, и мал', придода, да и Влайко нетье ту быти. Устану, и изъ любопытства подьу на онай гласъ ближже: кад' ал' заиста оне съ нѣколико іошт' дѣвица', и Влайко медьу ньима, и два войничка чиновника сѣде на трави, разговараюсе, шале и пѣваю. Ови двоє не бя'у ради, да имъ се укажу; но младъ єданъ Чиновникъ (: оффіціръ:) смотри и' и яви имъ се. Айдемо! сад' є веть поздно; видѣли су насъ. Приступе имъ дакле и поздраве и'. Страилове двѣ дтьери поклопилесе бя'у и не гледа'у на ове, показуютьи, да имъ ніе мило, што имъ ови додьоше. Влайко као и невѣштъ Светозару чиняшесе, къ коме оба оффіціра усхитително притеку и найучтивіе га пріиме. Дѣвице друге, коє Светозара не познава'у, не скида'у съ њега погледа свога, коима оффіціръ єданъ рекне: Ово намъ є, Господичне моє, ако познавале нисте, нашъ младый *Соколовичь*. Драго намъ є, одговори єдна, и све се друге поклоне. Честь одъ моє стране, приложи Светозаръ, любовно и веселымъ лицемъ сваку пріимаютьи.

По маломъ ту разговору Светозаръ примѣти, да є своимъ изненаднымъ посѣтьеньемъ смутіо оне двѣ гиздавице, коє ни честито погледати на њега не смедьа'у, а Влайка веть и разсрдіо, кога мало нѣшто бркова бяшесе накострешило. Онъ, неспокоянъ, чешкашесе по глави, и ни єдне рѣчи са Светозаромъ проговорити не хотяше. Светозаръ то видетьи устане: Господо моя, рекне, и Господичне моє любезне, я се праштамъ, но Оффіціри, кои се радо съ ньиме разговара'у, задрже га і'ошт' мало. Стана и Ружица, то негодуютьи, устану и подьу мало на страну: устане на то и Влайко. Светозаръ то видетьи поклонисе ошетъ, и стиснувши Оффіціра за руку: Съ Богомъ, Любезный, рекне му, и простите намъ, што смо Васъ мало узнемирили. А куда

сте Вы тако навалиле? повиче Влайко на своє яранице, на коє ове нѣшто му лагано рекну, и онъ се на то продере: Не чудимсе, вели, ни ньему, као овыма, съ кимъ су пристали. Нашли разговоръ нѣкій съ дѣтетомъ! Чудна ми човѣка! На то Стана: Пстъ! метнувши му руку на уста и утишаваютьи га. Пустите га, рекне Светозаръ, пустите, нек' се изговори, да му што не шкоди. Оффіціри на то сгледашесе, будутьи имъ стваръ не бяше позната. Шта є то? Господине, упыта єданъ Светозара. Не знамъ, одговори юноша, шта самъ овоме натруніо, те забада трнъ у здраву ногу; вальда мысли — ал' нек' се не бои! На часть му одъ моє стране! На то Влайко изврати на ньега очи и набере чело, па съ нѣкомъ важноштью гледаше га. Светозару то смѣшно падне: По свой прилици, Влайко, рекне му, ты мыслишь, да се я тебе боимъ. О избаци то изъ главе! Мрзи ме съ тобомъ починяти: но бытье време, — имамо мы іошт' и нѣкій рачунъ медь нама. На коє Влайко као золя скочи: Какавъ рачунъ ты имашь са мномъ? Као шта си ты? и у што ли се уздашь? То говоретьи приближавашемусе.

Светозаръ. Иди злотьо, иди! Шта си се тако наєжіо? Айдмо брате! Видите, да онъ има нѣку малу грозницу. Оставимо га!

Влайко. А! є ли айде? Ніє то, айде! но овамо! ако си човѣкъ. Кажи ми, какавъ самномъ рачунъ имашь? Светозаръ га на то погледи: Али као што ме тако гледишь? Шта си ты?

Свет. Шта самь я? Я самь оно, што ты нисси, нити тьешь кадгодъ быти мотьи.

Влайко. Ха! ха! ха! А я самь онай, кой ты нисси, нити си вреданъ да будешь.

Свет. (: Насмѣесе :) Право велишь, да нисамь; но и не желимъ да будемъ. Одономадъ си то хтѣо; али ніє ти нѣкако за рукомъ пошло; єръ рдьа за гвождьє, а не за злато прияня.

Влайко. Али кажи ми, молимъ те, као у че-

му ты себе за больегъ одъ мене држишь? Ты си єдно дериште море!

Свет. Доста веть, Влайко! Узмисе на умъ Влайко! На то Оффіціри и дѣвице почну и' мирити.

Влайко. Та пустите ме, молимъ Васъ, шта сте узели коєшта? да га тьушимъ, па нек' ме памти.

На ову рѣчь ньегову младитьу се чисто запламте образи. Онъ погледи на Оффіціре, и ови почну га утишавати; али онъ сада и не внимаше на рѣчи ньове.

Свет. Нигда се, Влайко, томе одъ тебе надао нисамъ, и кад' имашь срдце, тьушити ме, коє я їошт' и не вѣруємъ да бы си ты, брайко, смѣо учинити, покажи твою куражь. Ево мене! Оди! ако смѣшь! а Вы, Господо моя, одступите мало, оставите насъ, да му покажемъ, єсамь ли дериште? Влайко на то дуне и окрене главу: Молисе Богу, вели, што су се ова Господа овдѣ догодила; а ты бы си познао и памтіо Влайкову руку.

На то скочи и Андрей: Влайко! я те сожалуємъ! Зашто ме сожалуєшь? Зато, брате, што си лудъ, или одветь бѣсанъ. Шта си скочіо на овогъ младитьа? У чему те є увредіо? Ніє ти срамота? Ты савршенъ човѣкъ! Пфуй! Андреа! а шта си ты самномъ помѣшао? Знашь ли съ кимъ говоришь? Говоримъ съ єднымъ нитковомъ! ако тьешь да знашь, повиче срдитъ Андрей. Влайко се па то залети къ Андрею: но Светотозаръ у'вати га за прси: О о! стани момче! куд' си нагао? Влайко савъ поблѣдіо бяше, и затегне руку, да младитьа тьуши: но єданъ Оффіціръ притрчи имъ, и у'вативши Влайкову руку почне и' мирити. Онъ сад' на Оффіціра: Зашто ми не допустисте, да га одъ све неволье тьушимъ? Ахъ! Влайко брате! рекне Оффіціръ, то не пристои! Како бы сте се Вы тьушали? Андрей сад' повуче Светозара! Айдемо! Оставимо га! Можда є мало, као послѣподне, дирнутъ. Господо

моя! Съ Богомъ! Любезни мои! рекне Светозаръ Оффіцірима, Вы сте видѣли све, како є было. То рекне, опростисе съ ньима, поклонисе и дѣвицама, и подье.

Влайко. Захвали само овой Господи! Но жао ми є, што га не тъуши! Ал' Вы сте ми криви.

Свет. (Окренувшисе) Но! то є много! Влайко! Овамо ако смѣшь са мномъ на удвой! Шта то тъушатисе? Нисмо мы бабе! Овамо! ако имашь срдце.

Влайко. Ты са мномъ на удвой?

Свет. Я, я, море! но 'оди, ако си юнакъ, и ова честна лица нек' намъ свидѣтельи буду.

Влайко. (Залетившисе Оффіціру за мачъ) Господине сладкій! дайте ми само мачъ Вашъ, да му покажемъ, съ кимъ тьесе онъ удваяти! Оставтесе люди тогъ! повичу Оффіціри, како бы сте Вы то чинили? а Вама, Влайко, особито ніє слободно, то чинити, будутьи онъ є младъ. Андрей моляше Светозара, текъ што ніє клекнуо предъ ньега. Найпослѣ окренесе Влайку: Влайко море! узмисе мало у паметь! Знашь ли, кукавче! ко є онъ? и съ кимъ ты такво што починьешь?

Свет. (Потргнувши мачъ свой и разяренъ скочи на страну) Овамо, нитковъ єданъ! Пустите га, да видимъ, шта тье чинити. Дѣвице сад' врисну и почну бѣгати, а Оффіціри у'вате Влайка посреди и не пуштаю га. Онъ, закрвавіо очима, и одъ лютине савъ бяше пребледіо. Отимаютьисе овыма: Пуштайте ме, пуштайте ме, ако сте люди, виче, я валя да честь мою бранимъ! Люди Божіи! рекну Оффіціри, кад' сте веть согласни у томъ, да се удвоите, умѣритесе дакле, и као юнацы поредачно мачевима се поборите, и гледайте, да єданъ другогъ не осакатите: но и єдна и друга страна тимъ да се задовольи, ако єданъ другога мачемъ окрзне и мало га рани, друга одма да престане; єръ мы, у овакомъ случаю свидѣтельи, моратьемо на обоицу позоръ дати, и противъ правде ништа дозволити нетьемо.

Дѣвице све, као плашљиве кошуте, скупилесе бя'у у чопорить подъ єданъ растъ, и гледе, шта тье сад' одъ овы' быти. Сад' по наредби Оффіціра' Влайко съ мачемъ изидье предъ Светозара. Андрей сирома'ъ, кой ово нигда іошт' ни видѣо ніє, савъ бяше претрнуо за Светозара. Оффіціръ єданъ стане на страну Влайкову, а другій притрчи къ Светозару. Сад' да видимо, юнацы, рекне старіи Оффіціръ одъ стране Влайкове. Само, приложи Оффіціръ, и єданъ и другій да не скидате съ ума то, да сте Вы овдѣ изишли, не да се сѣчете, не да єданъ другога осакатите, но само да се покажете, кой како у овакомъ случаю съ мачемъ владатисе зна; да свакій одъ Васъ гледи, свога противоборца само мало окрзнути мачемъ, и то тье веть быти знакъ, да є тай юнакъ, и да бы тай и у правомъ сраженію способніи быо. Ктоме іошт' и то да Вамъ напредъ кажемъ, рекне Оффіціръ, да изговора одъ побѣдьеногъ пріимати нетьемо, ако бы стао себе извинявати: Е, ты си мене преваріо, или ты си моє очи заварао, у онай ма'ъ мало на страну, и проча овака, то тье быти праздни изговори; свакій валя добро да гледи, за чимъ є. Сад' айдете у име Бога!

Влайко се сад' раскорачп предъ Светозаромъ и дигне мачъ свой; но видетъи, како му младить смѣло и безъ найманьегъ смутьенья у очи погледи, измѣни опетъ шаръ на своме лицу и у срдцу затрепета. Онъ зама'ну на Светозара; но овай му тако яко мачъ одбіє, да су варнице изъ мачева полетѣле, и сатимъ одма узм'ане на ньега; ал' и Влайко одбіє ньеговъ, само што не съ онако живымъ ударомъ. Светозаръ сад' опетъ дигне мачъ свой на ньега, а Влайко му га и другій путъ и весма живо одбіє, тако, да є младитьу и цѣла рука протрнула. Стана на то: А ха! То є ударъ! Влайку то мило буде, осмѣлисе мало болье и затегне мачемъ, да младитьа управъ по десномъ рамену удари: но овай скоро примѣти ньегово намѣреньє, па тилутьємъ свога мача при

самомъ руке Влайкове движенію удари му тако страшно мачъ, да му є одма на два комада пребієнъ изъ руке излетіо, и у исто магновенье проболе му раме. Плюсне му крвь низъ 'альине, и онъ, кад' то види, као громомъ ударенъ, савъ затрепета. Младить сад' окренесе къ Стани, коя къ Влайку пораженномъ притрчи: Но, Господична! рекне іой, допада ли Вамъ се овай ударъ? Влайко сад' коє стыдомъ, коє и стра'омъ тронутъ, клоне на землю. Андрей одъ радости погледи на небо: О хвала ти, свевышньій Боже, рекне, кад' се дѣло на томъ мимоидье, те єданъ другогъ не осакатише, єръ онъ у оной радости ни на умъ узео не бяше, да є Влайко раньенъ: но кад' дѣвице, видѣвши га у крви погружена, врисну, и станусе бунити око' ньега, Андрей погледи и ужаснесе: Шта є то боланъ? Шта си учиніо? повиче. Светозаръ се осмѣне: Ништа! вели, ништа! Не бойтесе! Нетье му ништа быти. Нек' му отиде мало оне неваляле крви, коя га є у бѣшенство и доводила! Оффіціри съ удивльеньемъ погледе на младитьа. На мою душу, рекне му єданъ, я се, Господине, нисамь одъ Васъ томе надао. Іо! Влайко брате, шта си тражіо, то си и нашао! Ништа то, повиче другій, медьу людма и то быва; но дайте скоро ону чутуру съ віномъ, да му се мало рана испере, па да є лѣпо завіемо. То одма учине, и Влайко додье сад' къ себи. Я самь Вамъ, Господине, рекне Оффіціру, за мачъ дужанъ. Е за то тьемо лагко! одговори овай; но гледатьете, вели, да Вамъ се та рана на зло не да, єръ Васъ є дѣчко — смѣшетьисе на Светозара — добро раніо. Светозаре! ты мене осрамоти! Я се заиста томе нисамь надао. Іо! ко ти є кривъ? Зашто насртьешь на другогъ? одговори младить.

Сад' се завѣштаю медь собомъ сви, кои су ту были, ни подъ кой начинъ о овомъ случаю никомъ ништа не казивати. Оффіціри навале на обоицу, да се помире, и Светозаръ хотяше, мыслетьи у себи: Могу се я съ ньиме помирити; но

нигда се съ ньимъ не дружити. Али Влайку се сад' чиняше срамота, миритисе съ онымъ, кой га є тако осрамотіо, па іошт' предъ дѣвицама, коима сад' и у очи погледати стыдьашесе. Мени га є сад' и жао, рекне Светозаръ Оффіцірима, што самь га тако осрамотіо; али ко му є кривъ? Другій путъ нек' не насртье ни на дериште, кад' є веть искусіо, да му є и съ ньимъ лоша срѣтьа. И кажемъ му ево у очи сад', Господо, и предъ Вама, да ако ме іошт' єданпутъ дирне, или чуємъ, да коєшта за мномъ говори, тако тье отитьи изъ Призрена, као да у ньему нигда ни было ніе; а мал' да нетье и што друго слѣдовати, само ако пустимъ ономе у уши! А шта самь я за тобомъ говоріо? И ты можешь учинити, да я изъ Призрена отидемъ? О мой брайко! Малый си ты іошт' за то! И као коме да пустишь у уши? Твомъ Господину? Хмъ! Погоди момче! Мари онай Господинъ за тебе! Е ніе, него за тебе мари! рекне Андрей, иди, молимъ те, немой се срамотити, доста є веть было.

Сатимъ дѣвице повуку Влайка на страну. Сметенякъ єданъ! рекне Андрей, онъ вальда и не зна, шта є Вама Господинъ. Е, да онъ зна, смѣо бы онъ тако са мномъ и поступати? За когъ то Господина велите? упыта єданъ Оффіціръ Андреа. За Господина *Бучина*, одговори му овай. А Господинъ є *Бучинъ* родъ штогодъ овомъ младомъ? И Вы дакле не знате? Та *Бучинъ* му є дѣдъ! Онъ є сынъ *Бучинове* дтъери! Овай младить? Да шта мыслите? Оффіціри се на то зачуде, и нове сад' компліменте почну Светозару правити. Светозаръ имъ притомъ рекне: Господо моя! Ако се ово дѣло наше одкуд' прочує, Вы сте видѣли, изволте, ако Васъ гдѣ упытаю, казати, какогодъ што є; а я тьу знати казати, одкуд' є поводъ овоме датъ. Сатимъ се сад' опросте и разидьу.

Послѣ нѣколико дана', кад' се Влайко о Светозару зацѣло извѣсти, да є онъ родьенный сынъ дтьери Бучина, немало уплашисе и раскає, шта є чиніо. И будутьи да вышше у єдну Канцелларію

ишли нису, не знадьаше сад', како тьесе съ ньимъ састати, да иште одъ ньега опроштенье и да га моли, да се съ ньимъ помири. Єданпутъ лажно буде одъ други' извѣштенъ, да Господинъ Бучинъ ніе дома, и по'ити къ Светозару. Онъ, како удье къ младитьу у собу, и на срѣтьу свою самогъ га надье, клекне предъ ньимъ: Простите ми, Господнн Соколовичь, рекне му, я самь Васъ увредіо; я самъ признаемъ, придода, и молимсе, опростите ми; я се Вама завѣштавамъ, да вышше нигда нетье быти, што є было. Светозаръ се сад' сбуни, гдѣ овай пустокасъ неразумнымъ своимъ поступкомъ предъ старымъ Г. Бучиномъ, кога іошт' не видьаше, да у истой соби мало далье поредъ єдногъ стола сѣдьаше, издаєи себе и ньега. Онъ приступи къ ньему, дигне га, и погледи на свога дѣду. Шта є то? повиче старый Господинъ. Шта є теби, Влайко? повтори и устане. Овай сад', као громомъ ударенъ, чисто се одрвени. Старый на то предузме обоицу пытати. Влайко стане мутити и рѣчма заплетати; но Светозаръ, кой не знадьаше, и не хотяше лагати, искаже све по реду, како є было. Старый, кад' се о случаю извѣсти, одма Влайка изъ Призреиа дома одправи, а Светозара искара и посовѣтуе, да се вышше за животъ не усуди, съ кимъ на удвой изитьи. Ты тако младъ, рекне му, на удвой изитьи! Какво є то дерзновеніе! Младитъ, смирено предъ ньимъ стоєтьи, кршаше само прсти своє, и ништа му не говораше. Напослѣдакъ повуче своє лѣпе у сузи очи на Старога: Я се молимъ, любезный Отацъ! рекне му, я се молимъ, опростите ми само сада! Погрѣшіо самь; но вышше нигда! На кое Старый окренесе къ прозору, и дуго потьутивши повратисе мало: Но! я теби праштамъ! одговори му, и у'вати га за руку, — я теби праштамъ: али унапредакъ узмисе у пameть. Младъ си, учисе страсти твое зауздавати. Дѣте си, не уздайсе у себе, но слушай, шта ти старіи люди говоре. Совѣте мудры' на твою ползу употреби. Сыне мой!

настави рѣчь, кога я и имамъ осимъ тебе и твога брата? Вы сте мени нѣшто вышше, нежели унуцы мои, Вы сте сынови и наслѣдницы мои. Котье мени, кад' умремъ, очи затнорити? Чія ли тье рука све ово, што видишь, по смрти моіой притиснути, нежели Ваша? Другій ти є дѣдъ, приложи Бучинъ, Губернаторомъ у Ерцеговини надъ 25 села' постао. Царъ га є и у Дворъ звао; и столицу му у Міністерству прву до мене давао, — но онъ не хтѣ нипошто. Найпослѣ, нисамь ти ни казивао, Царъ узме Радослава у Дворъ намѣсто ньега, кой єдва дочека, и Губернію ньегову да нашемъ Старомъ, и тако смо кодъ Цара и у Двору окончали, да по смрти ньеговой Вы, дѣца наша, наслѣдити можете. И ты, дѣте мое, као прворођный сынъ, іошт' и за живота ньегова надъ истым' селма бытьешь за Господина и Правителя проглашенъ купно съ Космомъ. Зато ти препоручуємъ, гледай, да себе овы' царски' благодѣянія' и милостій, коима насъ є Царъ, као старе люде, за заслуге наше одаріо, себе достойнымъ покажешь, као што Царъ и рече: Ваша дѣца, вели, да бы наслѣдила сва ова блага, коя се Вама даю, валя да найпре наслѣде Ваше добродѣтельи.

По нѣкомъ времену отацъ Влайка опетъ доведе у Призренъ, и Господинъ Бучинъ на велику просбу отчину пріими га опетъ у Канцелларію. Светозаръ се ньему изъ човѣчества свагда лѣпо являше; но дружбе съ ньимъ нигда вышше не имадьаше. Онъ се истина сад' за нѣко време ту и побольша, будутьи да се оногъ, себи найлюбезнієгъ ту у граду предмета, лиши, єръ Страилове дтьери, кодъ кои' є онъ найболье пріиманъ бывао, обадвѣ се удаду; а наймладьа, любезна наша Милойка, коя у своимъ лѣтама текъ као пролѣтна ружица процвѣтаваше, покаже му се 'ладна, и нипошто га трпити не могаше. Онъ, кад' примѣти, съ каквымъ га негодованьемъ ова красна волшебница гледаше, немало оскорбисе. Єръ суетна и лагкомыслена ньегова къ другоме полу любовь тако му є чувства затупила была, да онъ ни за

какву цѣлога града красоту маріо ніе; никакве пріятности у естеству, коју чиста срдца уживаю, ніе вышше осѣтьао; нити своє луде ролле, као предъ тимъ, имадьаше съ кимъ играти. Онъ, као што смо напредъ рекли, кодъ честны' дѣвица' нигда приступа ніе ни имао: но сад' буде искључењъ и одъ оны', коє су мало одуздане быле, будутьи да є све оно, што є као юноша пріятно на себи имао, наскоро проиграо и изгубіо. Зато падне сад' у унынієи изгубисе у лицу, ослаби и читаво се разболе. Овъ бы се по сто путій зарънаогледало погледао, и по толико бы се путій, кад' се види, оскорбіо. Онъ уздысаше за свои цвѣтаютьи лѣты, и чисто завидьаше, кад' бы видіо каквогъ благозрачногъ и цѣломудренногъ юношу. Онъ се много сад' и каяше, шта є чиніо; но всуе!

Єданъ данъ изишавши Светозаръ и Андрей изванъ града про'одатисе наидьу на Влайка, кой сѣдьаше самъ на трави, замышльењъ. Ови изъ човѣколюбія сажале о ньему, приступе му и поздраве га. На то приближи имъ се и іошт' нѣколико младитьа'. Влайко имъ се почне тужити, да му ніе добро, да яко вене, и да волье ни къ чему на свѣту нема, да су му сва чувства као изумрла, ништа му сладко ніе што еде, ништа му пріятно не пада што піе, не може нотьомъ да спава, и проча. Андрей, то слушаютьи, погледи на друге и Светозара: А како Вы, Господинъ Соколовичъ, спавате ли Вы добро? и имате ли вкусъ къ єлу и питью? О, те како! одговори Светозаръ. Вѣруємъ Вамъ, Любезный, вѣруємъ, рекне Влайко, и на Вама се познає. Е, видите, Влайко брате, приложи Андрей, узмите и Вы начинъ ньегова живота, па тьете и Вы быти здрави. Е, мой брате! Нигда вышше као онъ! одговори Влайко. Хмъ! Нигда као овъ, ал' опетъ и окрпльењъ лонацъ послужи. Вы ону драгоцѣнность Вашу, коју сте изгубили, ни за мілліоне вышше достати нетьете: но будите и тимъ задовольни, ако и штогодъ узможете себе поправити.

Видишь, любезный мой, рекне потомъ насамо Светозару, видишь слѣдства лагкомысленны' поступака. Онъ' є сирома'ъ сад' текъ около свои' 26. лѣта', у найбольемъ цвѣту; и погледай га, какавъ є! По лицу починю му се веть пруге; погледайте му очи, како су му у главу упале; желудацъ му є ослабіо, не може єла' да свари; крвь му се покварила, бодрость исчезнула; волю є на све изгубіо; — Како є сѣяо, тако сад' и жанье. О безумна юности! како не умѣшь себе да заштедишь! Шта ли не учини устремителна у човѣку страсть, кад' ї'ой се младъ їошт' одда! Тежко ономе, рекне Светозаръ, о коме почну сажалѣвати онда, кад му се веть помотьи не може. Я самъ ньему, приложи Андрей, много путій говоріо: Влайко, Умѣрисе! Влайко! Дотьитье време, кад' тьешисе каяти! Влайко! Ты одъ свега брзо живишь; брзо тьешь море и животъ окончати! Твоє, велимъ му, нотью неспаванье є, твоє оно безвременно єсти и пити, твоє излишно игранье, твоя непрестанна она, гдѣ не треба, посѣтьенья, хотье те, Влайко, разслабити! Є да! рекао бы ми, я видимъ, да то мени ништа не шкоди. Та море, ты то сад' ї'ошт' не осѣтьашь; но дотьитье време, кад' тьешь осѣтити. Ето му є и дошло! Немамъ, каже, волье нн къ чему. Вѣруємъ! Но шта є томе узрокъ? Затупіо си чувства веть у себи! Немашь вкуса къ єлу и питью! Было є време, брайко, кад' си и нотью єо и пити могао. Не могу да спавамъ! Нехотьенье онда, кад' си могао, учинило є то, да сада не можешь, кад' хотьешь. Онъ ніе хтѣо разсудити, да узрокъ не производи свагда одма дѣйство своє, и да зло посѣяно дотле не ниче, доклегодъ дубоко коренъ свой не баци, тако, да га потомъ нико исчупати не може.

Дѣйство наши' страстій подобно є ти'ой води. Оно нашъ животъ све лагано подрива и подкопава, какогодъ и ти'а вода брегъ, докле га єданпутъ не свали и у пучину не погрузи.

Данъ на данъ Влайко све слабіи бываше. Найпослѣ остави Призренъ и оде дома; одтргнесе жало одъ опогъ унынія и начне умѣреніе живити. Промѣна ова ньему прилично поврати здравље, и онъ осѣти сирома'ъ нѣку сладость спокойногъ и умѣренногъ живота: ал' при моралной болести заостане. Ову є ньему требало — но то є было веть поздно за ньега — найпре излѣчити; требало є, да страсти своє подчини разуму, и мысли своє, чувственоштью разсуте, у лѣцу сѝстему доведе и да почне што благородно одъ себе, да се смири и додье у чувство, и тако бы повратіо спокойство совѣсти своіой, и осѣтіо бы нѣшто пріятно у души и срдцу своме— а на овомъ истомъ много се и здравље оснива, — но тежко ономе, кой єданпутъ у моралну болесть падне! Єръ доклегодъ немотьствує душа, немотьствує и тѣло. Може ко ретьи: Колико има людій, кои заиста душомъ немотьствую, то єсть, у моралной болести на'одесе, но притомъ тѣломъ су здрави и яки? Оставимо оне! Има и' и таквы'; но треба намъ знати, да они или имаю особитый начинъ живота, у коме могу такви быти, или нису унутрашня своя чувства утанчали; нису душевне своє силе развили, и себе одветь чувствителныма учинили, слѣдователно не грызусе ни у совѣсти за сваштa. Мы видимо, да люди прости не оддаюсе толико страстима, као гдѣкой нѣжногъ чувства градьанинъ. Прости люди остаю при своіой природи и малымъ се задоволяваю; а градьани, колико се ветьма изображаваю, толико се ветьма разнѣжаваю, и за своя нѣжна чувства друге и друге пріятности себи измышляваю, неузимаютьи ни на умъ, да тимъ себе и здравље своє кваре и нарушаваю, и да дуга старость у постоянномъ здравлью оснивасе на умѣренномъ у младости животу. Колико стараца чуємо, гдѣ уздышутьи говоре: Ей младости, ей лудости! Гдѣ си сада? Сад' бы самъ знао, како бы требало живѣти! и пр. — Но повратимосе къ нашой повѣсти, одъ коє се мало удалисмо!

У єдно лѣтньe вечe, кад' се царскій великій вертъ при залазку сунца отвори, и народъ многъ про'ладьенья свога ради тамо поврви, стара Господьа Илинка, стрына нѣка Господина Бучина, коя съ двѣ своє младе дтьери, Юломъ и Видосавомъ, при ньему обитаваше, подье съ Господиномъ, Светозаромъ и дтьерма такодье у вертъ. Кад' удьу у вертъ, Господинъ Бучинъ састанесе съ другомъ Господомъ, и у разговору посѣдаю на зелена канабета. Стара Господьа Илинка рекне Светозару, да узме сестре и проведе и' по верту. Младить узме ове подъ руке, и подье съ ньима шетатисе. У ти'омъ вако разговору предьу и мостъ, и ту састанусе съ другимъ їошт' дружствомъ. Єдна прекрасна, млада, и у струку као цвѣтъ крінъ дѣвица приступи къ ньима, и съ Юломъ и Видосавомъ полюбисе и поздрави. Юла іой сад' уступи мѣсто своє, и да є подъ руку Светозару. Я самъ имао ту срѣтьу, рекне младитъ, ову Господичну и вышше пута' видити, но немамъ честь познавати и'? Та ово намъ є Гонодична Любица, одговори Юліана, Г. Ледичьа дтьи. А право! Я самъ желіо прилику, и Васъ, Господична, познати, — драго ми є. Дѣвица му на то учини пристойный компліментъ и закрасисе у лицу. Но зашто се тако рѣдко даєте видити? запыта юноша. На кой вопросъ она се нѣжно осмѣне, и погледавши на ньега: Я слабо куд' идемъ, рекне му, моя є сва шетня изъ єдне собе у другу, а кад' за'лади, сидьемъ у вертъ, прегледимъ моє цвѣтьє, па се опетъ вратимъ у домъ. Знате, братацъ, рекне Юла, скоро су намъ дошли, па се стыде излазити. Є, да! одговори она, мои су родительи скоро дошли; а я самъ овдѣ у Призрену ово веть третья година, овдѣ самъ и у школу ишла. А имате л' у Вашемъ верту лѣпа цвѣтья? О да како? Изволте намъ само дотьи; ево Господичне знаю нашъ домъ. А, благодаримъ, Господична, да ме те чести удостоявате! Сатимъ погледи и на дружство ньено, и веселымъ лицемъ поздрави све! Онъ, примѣтивши

свію добру волю и наклоность къ себи старашесе свима угодити, и са свакомъ одъ ньи' разговарашесе. Оне бя'у прекрасне, особито Ледичьева дтьи ньему се допадне, но мысао єдна на Драгиню ньегову све, и хиляда да и' є было, изъ срдца ньеговогъ исключаваше. Драгиня! любезна моя Драгиня! рекао бы у себи, нема тебе, нема подобне теби. Кад' тебе съ ума сметнемъ; онда ми се ове нѣшто и чине, и єсу лѣпе; али докъ се тебе опоменемъ, све ми ове съ лѣпотомъ своїомъ, као звѣзде предъ ютреньимъ сунцемъ, исчезну и нестане и'.

'Одаютьимъ имъ тако по верту єдна около свои' 17—18. лѣта' дѣвица, преко мѣре веселе нарави, много говораше и непрестанно се смѣяше. И она бяше у лицу лѣпа и струка дична: по компліменти ньени, коє свакій часъ главомъ, то на єдну, то на другу страну правляше, младитьу се не допадну, а особито ньене очи, коє їой као на зейтину игра'у. Бесѣда ньена такодье ништа благосмысленно у себи не садржаше, коїомъ є она мыслила Светозару угодити, незнаютьи, да овай младить лагкомысленну дѣвицу и вышше продрзльиву, нипошто трпити не могаше. Како вамъ се допада ова дѣвица? братацъ, упыта Юла, пошто она веть оде. Хмъ! као цвѣтъ безъ мириса, одговори младитъ. Да їой є, придода, мало кратъій єзыкъ, вышше бы у моимъ очима важила: но чія є дтьи? Како то? Є да л' Вы ню не познаєте? Сад' є првый путъ видимъ. А ніє Вамъ на єдномъ мѣсту и у арфу ударала? Она се баръ тако хвалила. Светозаръ се замысли. Но кад' сте были на вечери кодъ оне лѣпе удовице Маре! Страилова дакле дтьи? Да како! То є она средня, Ружица! Коприва є она, а не Ружица, одговори младить. На коє ове у смѣй: Ніє л' Васъ опалила? Мал' ніє! Па како є сад' нисте познали? Како самъ имао волю онда на ню гледати: тако самъ є и упамтіо; — та нису л' се оне удале? Старія се удала, а ову испросе, ал' нмъ се нѣшто дѣло поквари. Она имъ є наймладьа сестра

добро дѣте, — о оно є єдна честна душа! Ова сад' чека на Влайка. Но то є за ню добра прилика! мотьитье хармонирати. Ал' не знамъ, гдѣ имъ є сад' сестра Мара? Я ту жену одъ оногъ времена видѣо нисамь; ал' є и не желимъ видити. Є, она се одавдѣ одселила. Право ми кажте, Светозаре, рекне Юліанна, (пошто се мало одъ Старога, дома идутьи, напредъ удале) какву дѣвицу Вы имате у вольи? Младить се на овай вопросъ осмѣне: Паметну, вели, и благонаравну, ктоме іошт' ако є и лѣпа, онда є управо по моме вкусу. Нису ли прве двѣ добродѣтельи у коіой, то нема на свѣту лѣпоте, коя бы у моимъ очима овай недостатакъ надокнадила: а особито лакомыслену, вѣтренясту, као што є та, да ми се опрости ретьи, и суетну, не могу да трпимъ. А како тьете Вы такву и познати мотьи, кад' се дѣвице знаю много претварати? О лако ю є познати! Свака є она дѣвица лакомыслена и суетна, коя се много кити, коя часъ на огледало, а часъ на прозоръ трчи, и гледи, ко куда ходи, коя сву свою лѣпоту само у сполашньой красоти полаже, па кад' иде, а она се чисто укочи као каква лутка, па све исподъ очію краде, гледа л' є ко? а за душевна своя качества, да є сирѣчъ разумна и честна, да є богобоязльива, стыдльива и у дѣлу трудолюбива, и не мысли. Сад' како тье намъ таква супругу своме вѣрна люба быти! каква ли жалостна своmъ породу мати! каква домаћица! Ове ньегове моралногъ размышльенья рѣчи не пріими себи добра наша Любица на изобличенье, као што ни єдна честна дѣвица такво што себи на укоръ пріимити не може, него і'ошт' радуєсе, познаютьи у себи благородна качества, коя разумни люди у ньима похвалюю, и за коя и' любе ветьма, него за лѣпоту ньіову. Любица, умильена срдцемъ, погледи на юношу и мало уздане. Она сад' ветьма почествує у ньему такву добродѣтель и разумъ, нежели што іой се найпре за красоту свою као младъ допао быо. Онъ ню исподъ руке са сестрама своима допрати и до

дома, и њой буде потежко, сад' разстатисе. Она га и за нѣколико дана' не могаше съ ума сметнути, и тимъ ї'ой тежже буде, што га вышше видѣти не могаше. Она найпослѣ почне Юліанну и Видосаву често посѣтьавати, но всуе! Младить по цѣлый данъ у канцелларіи: не може ни ту кодъ другарица' да га застане и види.

Найпослѣ усудисе, свою тугу овымъ двѣма одкрыти. Замоли и', да бы іой оне прилику исходатайствовале, съ њимъ се састати, съ њимъ се баръ кадкад' видѣти мотьи. Ове то младитьу пусте у уши; но тимъ буде іошт' горе за ню. Єръ благоразумный овай юноша, кой срдце своє Драгиньи посветьено имадьаше, никаквой се на свѣту другой приволѣти не хотяше. Ктоме опоменесе и примѣра родителья' свои', и совѣта' Отца и матере своє, и зато нипошто не саизволи, у тѣшнье познанство сад' съ Любицомъ ступати. На пытанье свои' сестара, зашто онъ Любицу избѣгава, и нерадо съ њомъ задржавасе, но све подъ нѣкимъ изговоромъ, да нема времена, остави є и оде? одговори имъ, зато, што є искренно любимъ. Како то? рекну ове. То е противорѣчіе, искренно любити, и одъ њега се клонити. Ніе то противорѣчіе, одговори паметный младитъ, єръ искренно любити кога, значи, не само желити му, но ако є могутье, и учинити му у чемунибудь добро какво, а не зло. Она млада ї'ошт' и не зна, какавъ горкій плодъ цвѣтъ неразумне любови принети може. Грѣхъ є великій, какву честну дѣвицу оволшебствовати, и малосмысленно срдце њено себи присвоити, па є потомъ оставити, и тимъ несрѣтьномъ є можда учинити. Но Вы ню, придода, увѣрите, да я ню чествуємъ и любимъ, као мою сестру, и да самъ у њой благородна душе и срдца качества познао, коя є заиста любведостойномъ чине: али у ближже познанство съ њомъ дотьи, коє бы заиста изъ честогъ саобраштая послѣдовало, не налазимъ ни за мене, а камо ли за ню, добро и паметно. Болье нек' она храни оно своє красно срдце у цѣлости и нек' учини њимъ онога срѣтьнымъ, когъ іой є судба одре

дила, да іой супругъ буде. А ако, братацъ, Вы будете тай? Я? Нигда то быти не може.

При овомъ истомъ разговору Любица є у ближньой соби была и слушала. Сестре хотя'у младитьа и далье о томъ прокушати; но удье имъ Стара Господьа и прекине имъ бесѣду.

По иѣкомъ времену Г. Ледичь учини часть, и сазове многу Господу у свой домъ. Онъ пошлье и по Г. Бучина, Стару и Светозара. Младить се лѣпо обуче, златный поясъ и саблю припаше. Сестре му златну челенку за калпакъ придѣну, и поредъ нье два снѣжнобѣла и златным' шльокама украшена пера. Кад' удье у велику салу съ дѣдомъ и Старомъ Господьомъ, гдѣ многа Господа бя'у и женска лица сабрана, благоумилно поклонисе свима. Истый Отацъ! сгледавшисе рекну єдно другоме. Стасъ отчинъ; но лице материно! одговоре нѣки. Ту му бя'у многи и одъ сродны', о коима извѣсте га сад' дѣдъ и Стара, и кажу му: Ово ти є, сыне, тетка, ово уйна, ово кума и проча, на коє Госпоя Ледичька изъ друге собе изидье съ дтьерію: Добро, добро! но я тьу му быти пуница и втора мати! Любица се зарумени и приступи Господину руци. Право! рекне ї'ой, ты тьешь дакле быти моя дтьи! Госпоя Ледичька, смѣшетьисе на друге: Видите, вели, како моя дтьи зна, изъ чіє се руке овакавъ младить достати може. Любица сирота, да могаше, сад' бы се у лептира претворила, и одатле бы излетѣла была.

При великолѣпномъ обѣду Светозаръ, као младъ, мало говораше, но веселымъ лицемъ Господу при столу сгледаше, и внимателно разговоръ ньіовъ слушаше. Ту многи за ньіово здравльє напію и кад' бы онъ на коє пытанье коме одъ Господе одговорити хтѣо, сви бы на ньега гледали, и сви бы га радо слушали: — сви нѣшто особито у овомъ младитьу налаза'у, и све старомъ Любомиру приписива'у. Нашъ младый Господинъ, рекне Ледичь, мало намъ се разговара, а мы га сви радо слушамо. Младитьу и не при-

стои, много говорити, одговори Бучинъ, но само слушати; шта други говоре.

По обѣду младежь сва устане, и оставивши старе при асталу сидьу у вертъ про'одатисе. Любица сад' Светозара послужи цвѣтьемъ, и довольно се ту съ њимъ, исподъ руке водетьисе, наразговара. И она се младитьу весма повольи: но онъ њой сасвимъ у срдцу остане. Предъ вече почнусе гости разилазити. Станесе и Светозаръ праштати. Любица се наша не може задржати, да се и не заплаче. Рѣчи матере њене къ Светозару: Ты тьешь быти мой зетъ, ты си сынъ мой, ублажава'у срдце њено. Она, као млада, и дѣте іошт', ніе знала, ни могла разсудити, да оваке рѣчи не могу њой судбу опредѣлити, но заиста овога младитьа за будутьегъ своегъ супруга надеждно взираше.

Зато по разсудьенью многи' ніе совѣтно, младой дѣци (а особито весма малой іошт', као што нѣки родитель чине) о женитби и удаи спомињати. Оставимо, любезни родитель, невинну дѣчицу, коя іошт' ни понятія о томе немаю, нека намъ лѣпо расту, и цвѣтъ своє младости у беззлобной и невиной игри проводе, и потрудимосе само срдца њіова лѣпо изобразити, и умъ њіовъ потребным' наукама, колико є коме могутье, освѣтлявати, да съ тѣломъ, коє по природи расти, соразмѣрно у савршенство долази: а оженити и удати, кад' веть и томе време додье, лагко тье быти. Многи родитељи, чрезмѣрно любетьи чеда своя, милую таку шалу съ њима проводити; ал' така шала младой дѣци вредъ приноси. Погледаймо само благообразнога и невиногa отрока, како се съ почетка стыди, кад' му се што о женитби рекне, како се зарумени и крыє очи своє. А шта то чини? Морално оно, одъ самогъ єстества у срдце његово усадьено чувство, коє намъ любезнѣйшій на лицу отрока цвѣтъ показуе! Но кад' дѣтету противъ овогъ чувства быше пута' што споминю, затупе оно у њему, и дѣте обезобрази, изгуби стыдъ и раскалашисе, а тимъ као да су му исчупали ону

клицу изъ срдца, одъ кое бы съ малымъ трудомъ могли сваку добродѣтель произвести. Великій онай у древно време Філософъ Сократъ свагда бы своимъ ученицима стыдльивость и мудрость, као особите добродѣтельи препоручивао.

Зато пошгедите, любезни родительи, чеда ваша одъ непристойны' рѣчій, и не развіяйте у њима предье сходногъ къ томе времена чувство њіово къ брачной любови, будутьи да су намъ дѣца у младымъ своимъ лѣтама цодобна цвѣту, у пупи іошт' завіѣномъ, и какогодъ што овай пре времена не расчепрказамо, и зелено оно лиштье око' њега рукама не развіямо, но чекамо, да га сама природа, коя га постепенно оживлява, у савршенство свое доведе, и да намъ га сунце благодатныма одъ себе лучама развіе и разцвѣта: тако исто и дѣте у томе оставити треба, и попеченіе о њему носетьи све постепенно и времену своmъ сходно валя да поступамо.

Истина, да є наша Любица сад' веть на 16-о лѣто ступила была, кое време къ браку за женскій полъ и опредѣлитисе могаше: но при свемъ томъ могла є Госпоя майка баръ предъ њомъ не говорити младитьу: Ты тьешь быти зетъ мой, докле не бы найпре стварь испытала, може л' то быти? Но она, држетьи много на карактеръ мужа свога, и на свою лѣпу и благовоспитану дтьерь, ніе о томе ни сумняла, — али буде преварена, и мал' ніе свою дтьерь у црно завила, и у дѣвичкій монастыръ одправила.

Она са своимъ мужемъ испыта дтьерь свою, бы л' имала волю, за младогъ Соколовичьа потьи? єръ ради и сами бя'у съ овым' славным' людма, као што су дѣдови младитьа были, опріятельитисе, и получе одъ њье одговоръ, да бы пошла. Є то є готовъ посао, рекне съ мужемъ, єръ и младить ню радо има. Почну сад' Светозара чештье къ себи призивати. Младить будутьи срдца изображена, не одрицаше имъ, њи, као отмѣнне люде, свога посѣтьенья удостоява-

ти. Но кад' потомъ искуси њино намѣренье, узнегодує и почне изостаяти: но изговори његови нису могли свакій путъ пріиматисе. Найпослѣ, кад' види, да се дѣвица у своіой иадежди яко вара, жао му буде, и намѣри, исповѣдити іой искренно, да онъ ню люби и чествує, и да ни єдну на свѣту не бы себи за супругу имати желіо, него ню, кад' му не бы Драгинье было, но срдце његово, одветь благо, не допусти му, тимъ є оскорбити, баръ докъ се іошт' ту у граду узна'оди. Но видетьи, да любовь дубоко коренъ свой дѣвици у срдце пушта, побоисе, да се потомъ ни самъ нетье мотьи одтргнути, и да Г. Ледичь кодъ дѣдова његовы' не испослує, да Драгиня дтьери његовой уступи своє мѣсто, сѣдне и накише писмо дѣди Любомиру, да пошлье по њега, да онъ нієрадъ вышше ту у граду пребывати.

Господинъ Бучинъ случайно у'вати то писмо и прочита, погледи на њега и осмѣнесе: Желишь дакле, сыне, дома итьи? Я бы самь радъ, любезный Отацъ, ако съ Вашимъ дозвольењемъ буде. Како то, рекне Бучинъ, ты другомъ дѣди пишешь, а мени о томъ ништа не являшь. Я самъ найпре желіо, одговори младитьучтиво, извѣститисе одъ другога дѣде, хотье л' ми то дозволити, и потомъ Васъ молити. Добро! дѣте моє, рекне Господинъ Бучинъ, будутье седмице я и тако намѣравамъ на путъ полазити, и моратьу дѣди ти се другомъ свратити; и будутьи, вели, да я може быти и нѣколико мѣсецій на страни задржатьусе, тако и волемъ, да за то време кодъ њега и матере будешь, нежели овдѣ, а друго, приложи, ако они саизволе, узетьу те са собомъ на путъ. Я полазимъ у Француску, у Паризъ, престолный градъ, къ самомъ Кралю Француском, и тако мотьитьешь овомъ приликомъ Француску и многе друге земље видѣти, коє ученномъ младитьу не на малу ползу служити може. Зато, сыне, ты овога писма не шиљи.

Ово саобштеньє усхити младитьа. Онъ єдва чекаше, да се на путъ крену. Онъ веть представляваше себи землье, крозъ коє тье сад' пролазити, и особито желяше Паризъ, градъ на гласу, и найзнатніи у Европи, видѣти. Онъ се у себи радоваше, што Французски прилично говорити могаше, само бояшесе, да л тье га мати пустити да иде, а о Староме толико и не сумняше. Медьутимъ єданъ данъ зовне га Царъ къ себи, и упыта га, бы л' онъ радъ быо, съ дѣдомъ у Француску итьи? Съ милостивымъ дозвольеньємъ Вашегъ Величества, поклонившисе учтиво одговори юноша, и погледи на младогъ Княза. Добро, дѣте моє, рекне Царъ, я ти дозволявамъ, но не знамъ, приложи, шта тье ти Старый и мати ти ретьи? Хотье л' они на то саизволити? О, Ваше Величество, они тье съ радостью на све оно саизволити, на што Ваше Сіятелство саизволи. Ал' кад' се вратишь, рекне Царъ, да ми знашь све преповѣдити, што будешь у Французской видѣо и чуо. Светозаръ сад', сагнувши колѣна къ земльи, полюби Монарху скутъ. На то Царица изъ друге собе изидье съ єдномъ у руци на свиленой свезици звѣздомъ, кою Светозару своіомъ рукомъ на прси пришіє: Овай знакъ да одсад' носишь, кога те Царъ удостоява! Но достойно да га носишь! придода Царъ. Младить, радостанъ, бяшесе заруменіо. Царица, ударивши га рукомъ по рамену: Іошт' тье, вели, у Двору Французскогъ Краля помыслити, да є онъ нашъ сынъ. Нек' они даду, рекне Марко Совѣтникъ, оно, што се одъ ньи' ište, па нека мысле, шта имъ драго. Царъ поздрави Любомира и Косару и младитьа одпусти.

Урошъ младый, незнаютьи іошт', коимъ посломъ Бучинъ у Францію полазаше, станесе молити, да и њега пусте. Не може, сыне, то быти, одговоре му родительи, будутьи да не пристои царевитьу, наслѣднику и препоясаннику, у страну Імперію итьи.

Тай истый данъ и Царъ съ Маркомъ, прво-началнымъ своимъ Совѣтникомъ и Богданомъ оде у Македонію, државу поредъ Аксіе рѣке, кою Марко притяжаваше: а Царица узме Бучина са Светозаромъ и іошт' нѣколико одъ велике Господе, и оде у царскій монастиръ Светогъ Архагтела Міхаила, помолитисе Богу о срѣтьномъ успѣху дѣла, за кое Бучинъ другій данъ у Паризъ потьи намѣраваше. Мы смртни, говораше у себи, судбину нашу ни у чему видѣти не можемо: зато дужни смо, у свакомъ нашемъ предузетью на промысао Божій ослонятисе и Богу помолитисе, ди намъ оно, што предузимамо, ако є добро, благослови и даруе! ако ли ніе добро, нек' учини, да насъ мимоидье. Монастыръ є овай царъ Душанъ на рѣки Быстрици устроити дао, и посветіо га є светомъ Архаггелу, као своmъ и фамиліе царске Патрону у лѣту 1346.

По літургіи, у очекиванью обѣда, Архімандрітъ изидье съ Царицомъ и Господомъ у вертъ, мало про'одатисе. Онъ имъ показиваше ту нѣка нова устроєнія по вкусу есѳетичкомъ, коя му бя'у нѣки искусни Італіяни поправили: а младый Князъ узме Светозара, и подье съ ньимъ лагано у разговору низъ рѣку. И будутьи да ова рѣка мало нижже Монастыра за єдну одъ самогъ камена гору савіяшесе, не мога'у даље итьи, стану ту и гледе, каквымъ страшнымъ шумомъ вода низъ испучене стѣне у єданъ виръ свальивашесе, и у бѣлу пену претварашесе. На то падну имъ у очи и нова нѣка Господа, гдѣ преко воде у монастыръ идя'у, ко коимъ ови сад' кад' приступе, познаду Господина Ледичьа съ Господьомъ и *Любицомъ*, дтьерью ньіовомъ. Сад' младый Неманьичь удье къ своима у вертъ, а Светозаръ изидье предъ ове. Любица се осмѣне на ньега: Нисамь се, вели, ни томе надала. Нисамь заиста ни я, одговори младить, поздрависе съ ньима и узме дѣвицу подъ руку. Мени є весма драго, любезна Господична, да смо се овако случайно овдѣ видѣли. Я истина не бы самь быо ни отишао, да мою дуж-

ность не учинимъ, и да Вамъ не додьемъ; али при полазку момъ не бы ми се време дало, овако съ Вама разговоритисе. Вы дакле зацѣло сутра полазите? У име божіе зацѣло, и рано. Кад' тьете намъ опетъ дотьи? Можно, да тьу се до два мѣсеца дана' и опетъ съ дѣдомъ вратити. Можно! Но пре нетьетесе вратити у Призренъ? Сатимъ ударе іой сузе. Онъ погледи на ню и жао му буде: Вы сте одветь чувствителна срдца: но валя да се умѣрите. Я самь Вашу къ мени наклоность искусіо, и право да Вамъ исповѣдимъ, зато самь се мало и острегавао, Васъ чештье посѣтьавати, будутьи свагда самь се позивао на часъ овай, да тьемо се разстати. И я самь Васъ свагда найсрдачніе любіо, и любимъ Васъ и сад' и почитуемъ: но мы у томъ, мила моя Господична, треба да се умѣримо, и срдце наше овыма естественыма пріятностима забавимо. Чуете ли, како намъ онай косъ лѣпо пое. Она погледи на родителье, кои къ верту пошли бя'у, Срдце е мое, любезный *Соколовичь*, ове пріятности онда осѣтьало, кад' я Васъ іошт' познавала нисамь! О добра моя Господична! Тако я самь узрокъ Вашегъ неспокойства? И есамь ли у томе я што кривъ? Я Вамъ и опетъ кажемъ, да самь я свагда Васъ вышше любіо, нежели самь се смѣо Вама показивати, само да не бы Ваше срдце узнепокоіо, кад' знамъ, да ми судба нетье дозволити, Васъ изъ онога руке узети, когъ е она Вама за супруга опредѣлила; нити тье мени допустити, да ону оставимъ, коя мени у жребіе пада. Вы сте то и могли знати, будутьи да одъ Ваше волье зависи: но право ми кажите Господине, (убрисавши сузе и разведривши лице:) е ли истина, да е Ваша Драгиня тако лѣпа, као што е описую? Лѣпоте ньене, любезна моя, што се тиче, она е лѣпа; лѣпи сте и Вы: но я на лѣпоту толико и не гледимъ, колико на честность и разумъ, а ово е кодъ нье, као и кодъ Васъ, и кодъ сваке благовоспитане дѣвице. Я самь слушала, да іой нема пара у цѣломъ нашемъ царству, и да сама

Венера ніє могла лѣпша быти. Жао ми є, што є лане нисамъ могла видѣти, кад' є у Призренъ долазила: — иматьетесе, Господине, чимъ дакле дичити. — Е молимъ Васъ! Нек' є само добра и здрава; а за лѣпоту лагко тьемо, — нетьу я ню за калпакомъ носити.

На то искрсну имъ єданъ старъ Калугьеръ. Учтиво поклонивши имъ се: Имамъ ли, вели, честь, овдѣ поздравити младогъ Господина *Соколовичьа*? На служби, Господинъ Отацъ! я самъ, одговори младитъ. Драго ми є, любезный Сыне, загрльивши га рекне му, драго ми є, и весма се радуємъ, што Васъ видимъ; — изволите са мномъ! А и Вы, Господична! хотѣли сте насъ мимоитьи, но єсть! Овдѣ є Царица, и обѣдъ є готовъ; ено и родителъи на Васъ чекаю. Айдете дѣцо! Нема ништа, рекне имъ Господинъ Ледичь, свети Отцы насъ не пуштаю. Како є име овомъ Отцу? упыта лагано Светозаръ Г. Ледичьа. То є *Іосифъ*, одговори Господинъ, родомъ изъ Призрена. Онъ є одъ славногъ племена, придода, и Господскогъ рода; али — изъ нѣкогъ узрока додье ту и пострыжесе.

При обѣду истый Отацъ *Іосифъ* не скидаше очію свои' са Светозара, Двапутъ є из-за астала устаяо, и на полье излазіо, и кад' се вратьао, очи му црвене, као да є плакао. Господинъ Архімандрітъ погледи на Бучина, па на ньега, и насмѣєсе: Всує, Отче Іосифе, рекне му лагано, што бы, бы! Бящесе, момче, болье владати! Овомъ на то опетъ сузе потеку. Но! доста веть! придода му Архімандрітъ. Онъ се усиляваше, себе умѣрити; но мегка срдца — не може. Простите ми, Господо моя, бришутьи образе рекне, простите ми! Ово мени сладко пада. Я самь пунъ радости! Извините мою слабость! Светозаръ гледи на ньега. Сувъ човѣкъ, жутъ као восакъ, морштине му велике по лицу, и очи му упале у главу; но при свемъ томъ видьашесе, да є у нѣко време лѣпъ быти морао. Царица се упрочелю

заговорила бяше съ Бучиномъ и воспитательемъ Урошевымъ, — не узимаше ово ни на умъ.

По обѣду Господинъ се Ледичь съ Госпоіомъ своіомъ и дтьерію закасни, на добро своє изитьи, но съ Царицомъ и прочима предузме путъ у градъ. Свети Отцы подалеко и' испрате и сви се врате, кромѣ *Іосифа*, кой съ єднымъ Діакономъ подье за Господиномъ и далье. Светозаръ любопытствоваше у себи, ко є овай мужъ? и зашто се ньему онако особито показує? Видетьи, да га Господинъ Бучинъ радо имадьаше, и съ ньимъ се путемъ на коли' поредъ Царице сѣдетьи разговараше, помысли, да имъ мора какавъ сродникъ быти. Пыта младога Княза; но и онъ му не знадяше вышше казати, кромѣ, да є човѣкъ лѣпе науке и да є кодъ Господе пріимльенъ.

Буде време, да се и онъ врати. Приступи къ Царици, и цѣлує їой руку; потомъ станесе праштати и съ Господиномъ Бучиномъ и желити му срѣтьанъ нутъ. Заговорившусе ньему при колесницама Светозаръ на страни улучи прилику и Діакона запыта, ко є овай Отацъ *Іосифъ*? На коє насмѣєсе Діаконъ: Тако Вы ньега не познаєте? Я заиста не. Та то є Господинъ *Пладичь* Бояръ. *Пладичь*? Да Како? Є шта є тай радіо? какву є роллу онъ, кад' є младъ быо, у граду играо! Та онъ се быо залюбіо у дтьерь Господина Бучина, и по свой прилици Вашу Господьу Мамицу, кад' є была дѣвицомъ, па му лоша срѣтьа буде, не добыє є, и зато падне у очаяніє. По нѣкомъ времену родительи му изумру, а онъ прода сва своя добра, и оде у єданъ монастыръ, те пріими чинъ. Светозаръ га сад' стане внимателно гледати. Є! како є онъ сирома'ъ лѣпъ быо, приложи Діаконъ; но раскошный животъ ето шта му є учиніо! Онъ нема їошт' 40. година'; а на ньега гледаютьи рекао бы ко да има 60. Добаръ є иначе сирома'ъ, добаръ, и врло милостивъ, но само за себе ніє валяо, лагкомысленъ. Онъ є силно благо у єданъ монастиръ, у комъ се постыгао, приложіо, па му се тамо ніє допало, — додье овамо у царскій. Зато онъ мене онако гле-

ди! рекне Светозаръ. На то се и онъ окрене, загрльи га и полюби: Срѣтьанъ путъ, сыне сладкій, рекне му. О великій Боже! Кад' умремъ, онда тьу мою срѣтьу заборавити! То рекшу грону му сузе, поклонисе и съ Діакономъ у монастыръ оде.

Царица погледи на юношу, кой се мало замышльенъ видяше. Шта є, дѣте моє? Познаєшь ли тогъ Господина? Сирома'ъ! Іошт' ніє сасвимъ заборавіо, рекне Бучину. Іо! шта му знамъ? одговори Бучинъ. Чудо одъ човѣка, да лѣпу науку има, а у разсудьенью као дѣте. Што се съ кимъ родило! Тай ти є Мамицу просіо быо, придода Бучинъ Светозару; но ніє му заръ судьено было.

Кад' додьу у градъ, Светозаръ одпрати Любицу съ родительи ньены дома. Тамо се лѣпо опрости, и єдва га одпусте.

Другій данъ рано Господинъ Бучинъ съ избранны' нѣколико лица' и са Светозаромъ предузме путъ у *Саввине*. Истый данъ при залазку сунца угледаю ветъ и вр'ъ горе, кою *Саввинъ высъ* зову. Забѣли имъ се и рѣка *Брзава*. Светозару сад' заигра срдце одъ радости. Сви предмети, свако дрво, као да се насмѣю на ньега. Пастырске свирале по веселымъ долинама миліє му сада бяше чути, него икакву Призренску мусіку, и не знадьаше самъ, коме тьесе у дому ветьма срадовати? Старый Отацъ, Мати, Драгиня, Милисса, Чедомиль, Старый Палимонъ, малый Светоликъ, Милиссинъ сынъ) стара Ευδοξία (коя є га оддржала) — све то ньеговомъ беззлобномъ срдцу єдно бяше. А кад' видѣ вышше дома на высокомъ холму дивно устроєнъ замакъ, кой є старый Господинъ у одсутству ньеговомъ на захтѣванье Цара сазидати дао, немало зачудисе. Седамь пиргій, надвышаваютьи зелене унаоколо шуме, бѣлене као снѣгъ, и позлатьене на ньима ябуке освѣтлява'у вечернъи зрацы сунца. Двѣ велике бране, и три унаоколо обкопа, опасива'у овай дворъ. На послѣдньемъ мостъ поставльенъ бяше. Мно-

ге стає поправљене, и штале за конье начињене. Старый Господинъ овай замакъ наименує *Столацъ*, кой се и данась у Єрцеговини на'оди, премда ніє као што є био. Нека ти намъ нетье нашъ Старый! рекне Господинъ Бучинъ прочыма. Гледайте, вели, како се лѣпо оградіо. Као Губернаторъ добро є учиніо, одговоре ови.

Истрче имъ слуге на срѣтенье. Скупесе и селяни, и поздравля'у Светозара, кой и' осмѣяваютьисе съ умильењемъ срдца сгледаше. Изволте найпре у градъ, рекну слуге. Господинъ се ово дана' съ фамиліомъ тамо изселіо: а у старомъ дому само мы младьи пребывамо. Текъ што Светозаръ, изоставивши натрагъ проче, приспѣ къ великой брани (капіи) при коіой стража стояше, уєданпутъ се мостъ на гвоздены' ланци' дигне. Овай погледи горе, и смотри Старогъ, гдѣ се съ прозора на њега любко осмѣне: Чекай момче, рекне му, ніє тако лагко у градъ! Приближившымсе и прочымъ опетъ се мостъ спусти, и гости удьу. Слете имъ се сви доматьи съ радоштью, и пошто се изгрље и излюбе: А на што Вамъ ове страже? Отацъ! упыта Светозаръ. Како на што? Сыне! смѣютьисе добрый Старацъ рекне, не знашь ты, да самь я Губернаторомъ постао? Младитъ погледи сад' на све, и не види Драгиню свою: Мамице! заръ нисте довели Драгиню? Є, сыне, Драгиню ти мы удадосмо! рекне му мати. Онъ укочи своє очи на ню: А Мамице! Я то не вѣруємъ; Вы шалу само са мномъ проводите; — чуо самь я, да сте Вы ню довели. Сатимъ по'ити у другу собу, изъ коє му она истрчи: *Светозаре! Драгиня!* єдно другомъ у обятія полетѣвши, викне, и радостномъ сузомъ єдно друго оросивши єдва проговоре. Сладкій мой Светозаре! Ты си много и за ову годину израстіо! Не чудимсе, Драгиня, што самь я као младъ нарастао, но како намъ се Мамица угоила!

Но сад' кад' разумѣ Драгиня, да онъ съ дѣдомъ у Француску полази, смутисе. Нетьемосе дуго, любезна моя, бавити, рекне іой младитъ,

найдаље, вели, до два мѣсеца мы тьемосе опетъ вратити. Я да самь знала, придода она, не бы самь изъ Петьій іошт' ни долазила была. На то Господа посѣдаю, и Косара съ дѣцомъ изидье.

Я у име Божіе полазимъ у Паризъ, рекне Господинъ Бучинъ Любомиру.

Любомиръ. У Паризъ! Коимъ посломъ?

Бучинъ. Ніе Вамъ Царъ своє намѣреньє саобштіо?

Любомиръ. Мени ніе.

Бучинъ. Проси Краля Француского дтьерь за свога Сына.

Любомиръ. (:Потьутивши:) Тежко да то буде.

Бучинъ. Є, да! Зашто бы было тежко? То може лагко быти.

Любомиръ. Не вѣруємъ, Любезный! Нетье то Светый Отацъ дозволити. Вы знате, да се сви Кральеви ньіови ньеговымъ ауктoритетомъ воде. Иначе бы по свему быти могло; но вѣроисповѣданіе не допушта.

Бучинъ. Не бы то требало гледати.

Любомиръ. Іо! Не бы! Много коєшта не бы требало: ал' быва.

Бучинъ. Пробатьемо срѣтьу.

Любомиръ. Найпослѣ видитьемо, — мы не знамо, шта се за брдомъ валя — Царъ є здравъ?

Бучинъ. О здравъ є, Богу хвала, и поздравіо Васъ є любезно

Любомиръ. (Поклонившисе) Благодаримъ Му понизно, рекне.

Бучинъ. Отишао є ономадъ съ Маркомъ и Богданомъ у Македонію, и рекао є, да тье и Васъ у своемъ повратку по'одити.

Любомиръ. Драго тье ми быти. О я бы самь се врло радовао, кад' бы Вы то дѣло съ Француским Кральемъ испословати могли, и кад' бы се ова два дома посредствомъ брака саюзила. У коіой є ветъ години младый' Князъ?

Бучинъ. Онъ веть 15-у навршує. О красно дѣте! найлюбезнієгъ срдца. И разумъ што то дѣти има! за удивльенье!

Любомиръ. Дигнувши очи горе; Богъ да га дугимъ животомъ одари! Краль бы му безъ сваке сумнье, као царскомъ Сыну, дтьерь свою дао: но нетье смѣти. Хотьете л' се колико бавити тамо?

Бучинъ. Што скоріє дѣло свршимъ.

Любомиръ. Баръ нагледатьетесе Французске землье. Не бы было безполезно, да се мало у Паризу и задржите, — Иматьете шта тамо и видѣти и чути: само нек' су Вамъ потежки джепови.

Бучинъ. Знате ли, пріятелю, шта? Да ми дате и Светозара са мномъ, нек' намъ се дѣте продье и види землье и обычає ондѣшнье. Ньему, као младомъ, може то іошт' на ветьу ползу служити, нежели што велите за мене.

Любомиръ. Добро! Я не кратимъ, нек' иде, зашто не? — Матери то весма мило буде: но Драгиня жаляше; али разумѣвши, колико му то на ползу служи, и она му се срадує.

На велику молбу своє любезне дтьери Г. Бучинъ съ дружствомъ своимъ три дана ту се задржи и почасти. Обигра медьутимъ нашъ любезный Светозаръ съ братомъ цѣлый предѣлъ овай, и четвртый данъ по поодне кренесе съ Господомъ на путъ. Мати, загрльивши га: Немой ты, сыне, да се у какву Французскиию залюбишь! Єсть! Треба ми! Пре тье се она залюбити у мене! Мамице! Пустите и Драгиню съ нама! Ето, сыне, нек' иде, — ал' ако ти є отму Французи? Старый ньега притомъ узме мало на страну и посовѣтує, да се добро влада, внимателанъ и увѣкъ у присутству духа да буде; да добро сматра, кад' што говори; да не скида съ ума, да є у тудьой земльи, и да су Французи делікатногъ карактера люди, и проч. — Притомъ сѣдне на коня и самъ, и испрати и' съ два своя момка подалеко. Драгиня запише данъ и часъ, кад' одоше: но и Старый Господинъ съ великимъ нестрпльеньємъ чекаше, да се врате, да разумѣ, како и' є Краль пріиміо?

и съ каквымъ одговоромъ одпустіо? Изгледаше и на Цара, и не могаше се никудъ одъ дома ни матьи. Села што се тиче, Косма му є све послове одправляо.

По истеченью цѣла два мѣсеца ето ти му Цара, кой мысляше, да тье ту Бучина, изъ Париза повратившегсе, застати, и зачудисе, чега се ради толико задржавати имао? Будутьи пакъ, рекне Любомиру, да и тако немамъ засад особиты дѣла, хотьу, вели, у овомъ здравомъ мѣсту нѣколико дана да останемъ, и съ Вама се наразговарамъ. То Старомъ буде весма мило, — поруче по младогъ Княза, те имъ и онъ додье.

Царъ бы почесто благообразну Драгиню као своє дѣте помиловао: Оваку бы самъ я сна'у, вели, радъ быо имати! Я анамъ, вели, да дтьи Францускогъ Краля ніє одъ ове лѣпша. Косара, шалетьисе, рекне іой єданпутъ: Дтьери моя! Ако се дѣло съ Французскимъ Кральемъ размимоидье, па те Царъ запроси за сына; хотьешь ли потьи? Она, премда у себи тврдо држаше, да то не може быти; ничимъ манье оскорбисе и смути, како бы она руку свою другоме дати могла, кад є срдце своє Светозару сасвимъ оддала, а и ньегово себи силно присвоила была. Она безъ одговора поглелала бы на землю и промѣнила бы се у образу. Косара се такодье за ню бояше. Царъ своє повтораваше, и найпослѣ заключи у себи, коє и саобшти Староме, да ако ништа одъ Франціє не буде, онъ никакву другу на свѣту за свога сына тражити нетье, но Драгиню — толико му се ово дѣвойче понравило бяше!

Єданъ данъ у Недѣлю предъ вече изидье Старый съ Царемъ и прочима по 'ладу про'одатисе. Зелено єдно брдашце исподъ Двора спрамъ села съ нѣколико по ньему растова одмами и на себе. Кад додьу ту, сѣдну по трави, и гледе, како имъ млади момцы и дѣвице поредъ свирца на нѣколико мѣста у селу играю. Царъ є ту као непознатъ пребывао. Прерушенъ могао є, гдѣ є хтѣо, дотьи, — сви су га држали за маньегъ как-

вогъ Господиина и пріятеля Любомирова. Айдете да сидьемо доле, рекне Царъ Староме и да гледамо, како намъ се тіи прости люди веселе.

Текъ што они устану, да се низъ то брдаще спусте; ето ти имъ нѣке странне Господе, гдѣ великимъ друмомъ управо се къ Двору упутили бя'у. Какви су намъ ово? рекне Царъ, нису ли наши посланницы? Шта? вѣра Божія они тье быти, приложи Старый. Драгиня и Чедомиль стрче имъ на срѣтенье. Кола се зауставе, и Светозаръ скочи на землю и полюбисе съ ньима. Медьутимъ додье и Царъ съ прочима, коме се Бучинъ зачуди, и одма съ кола' сидье. Поздравившисе любезнымъ цѣлованьемъ съ ньимъ и прочима подьу лагано у Дворъ. Господьа Косара узме дѣцу и напредъ оде. Светозаръ съ младымъ Княземъ и Драгиньомъ исподъ руке лагано 'одаютьи не знадьаше, шта тье имъ пре почети казивати? Шта самь я, вели, у Француской видѣо, выше дана' потребуемъ, да Вамъ штогодъ казати узмогу. Нашу є Драгиню сад' само интерессирало, да чує єдно, коє є за ню найважніе, и коє тье ньену судбу, добру или злу, опредѣлити. Царска іой рѣчь, *да на свѣту друге за сына тражити нетье, него ню, ако одъ Француіе ништа не бы*, єднако у ушима звоняше, и ню смутьаваше. Она рада бяше сад' Светозара о томе запытати, є ли и ньему стварь та познатомъ учиньена? но предъ Младымъ Княземъ не може.

На то слуге стоваре и поскидаю све съ кола'. Светозаръ узме єданъ завежляй: Мамице, вели, 'одите, да Вамъ покажемъ, шта самь Вама и Драгиньи изъ Париза донео. Изнесе имъ по єданъ паръ прекрасны' — філгранъ посао — съ драгимъ каменьемъ наруквица', и по єданъ многостручный бисеръ, за кой каже имъ да є у Венеціи купіо, и проче драгоцѣнне ствари, коє ньима, коє прочыма, располагаше, Найпослѣ извади єданъ мачъ, одъ кога сва се соба засвѣтли; — сами ситни діаманти, — тако художественно и тако лѣпо испословано дѣло ово бяше, даже до

удивльенья. Ваше Сіятельство! рекне Младоме Князу Урошу: Ово самь Вама донео, Вама, као моме цару, и као єданъ малый знакъ моє къ Вашемъ Сіятелству любови и найветъегъ высокопочитанія. Князъ га на то загрльи и полюби, па мачъ пріими, и рекне му: Любезный мой Светозаре! Я ти сад' благодаримъ; и колико овай твой даръ я уважавамъ, дѣломъ 'тьу ти засвѣдочити.

Медьутимъ Господинъ Бучинъ преобучесе и удье у салу, у коіой Царъ съ Любомиромъ сѣдьаше. Е, Господинъ Бучинъ! рекне му Царъ, сад' намъ кажите, єда ли што бы одъ посла? Како су Васъ пріимили? и съ каквымъ одговоромъ одпустили? Пріимили су насъ на найлюбезніе, одговори Бучинъ, и у пуной мѣри свакогъ почитанія: но дѣла што се тиче, ако Ваше царско Величество са сыномъ исповѣданіе западне цркве пріимити саизволи, то краль Вамъ съ радоштью и найохотніе дтъерь свою за нашегъ Младогъ Княза дає; — иначе не смѣ. Царъ се на то насмѣє: Право сте Вы мени казали, рекне Любомиру, и паметно захтѣванье Французскогъ Краля! аки бы на свѣту вышше дѣвица' не было! Нек' онъ чека на то, па тье скоро дочекати. Я тьу извршити моє намѣреньє; мал' да нетьу учинити, придода, оно, што самь Вамъ и рекао, Господинъ Соколовичь! Каже и Бучину, но коє овоме мило не буде, єдно, што непристойно за царску крвь то држаше, а друго, што и самъ радъ бяше, ово дѣвойче за свога унука узети. Почне дакле Цара одъ те мысли одвратьати, на коє и Любомиръ рекне: Ваше Величество! Дѣло ово, ако тьемо паметно и право судити, полакъ само одъ Ваше волье зависи, а полакъ одъ волье дѣчине. Хотье л' намъ они на то саизвольети? Хотье ли сынъ Вашъ ню себе удостоити? Сва качества нѣена нека є царскогъ имена и удостоє, — ал' ніє царске крви, простогъ є рода. Ако я мога сына, рекне Царъ, на то склонимъ, да онъ само за то ништа не мари, што она ніе царске крви; я заиста ништа на то гледати нетьу. Я ню сма-

трамъ као Ваше родьено дѣте, Вашу мудру и благовоспитану дтьерь; а и вышше се пута у свѣту догодило, да є Богъ *нища отъ гноища* на престолъ дигао; и *съ Князи ясти и пити* удостоіо?

Сутраданъ зовну младогъ Княза, и открыю му намѣру свою. О любезни Родителю! одговори младый, но великодушный *Немањичь*, красный Ясонъ Србскій, кой Драгиню златномъ руну предпочитоваше: То бы, вели, за мене найветье благо было, али — Шта али сыне? Одъ твоє волье зависи. Дужность є моя сыновня, кою за свету почитуємъ, Вашой се, сладкій Отацъ, вольи повиновати: но съ правомъ моіомъ вольомъ у томъ желю Вашу испунити не могу. Срдце є њено другоме тако посветьено и тако оддано, да я њега, зато, што тьу на высокомъ престолу и подъ свѣтломъ круномъ сѣдити, мени придобыти и присвоити у стапью нисамь. Я самь то познао, я самь то искусіо, — простите ми! не може ствaрь быти; не могу я, любезный Родителю, два нѣжна срдца, коя су єдно другоме изъ дѣтиньства прирастла, сада разставити, и њи несрѣтьныма учинити. Она люби Светозара, и онъ люби ню; а нрава и чиста любовь єсть свойство словесне у нама душе, коє се не заслѣплява споляшньимъ блистаньємъ, коє се оволшебствовати не да славомъ и богатствомъ.

Любомира великодушне ове рѣчи крозъ срдце продьу. Онъ погледи на Цара, и ти'о се съ наводньеныма очима осмѣне: Но кад' бы они, приложи Царъ, обоє, изъ любови и почитанія къ теби и мени, као къ цару своме, на то одъ добре волье своє саизволѣли? О! любезный Отацъ, молимъ Васъ, они одъ добре волье то учинити не могу, одговори Младый. Я то знамъ, я њіова чиста срдца добро познаємъ; я волемъ, да се то мимоидье, него да на мене двѣ душе уздышу, и во вѣки туже и жале.

Найпослѣ свршe медьу собомъ, да и ово двоє испытаю. Старый Любомиръ зовне и' насамо. Любезна дѣцо моя, рекне имъ, промысао Божій та-

ко є хтѣо, да се вы моя дѣца назовете, и я самь васъ обоє, као што и сами знате, одъ найнѣжніє младости ваше, као отацъ свою собственну дѣцу, любіо и любимъ васъ, као брата и сестру воспитао, васъ сродіо. Дуго време вы нисте ни знали, да одъ єдны' родителя', єдне крви нисте; но почитовали сте мене за Отца свога, а о матери ни мыслити нисте знали. Богъ є мени потомъ неочекиваннымъ случаємъ за Светозара одкрыо, да є онъ мой, и капля моє крви: съ тобомъ пакъ, дтьери моя, срѣтьа є другчіє поступила была: — я тебе изгубимъ, кой те опетъ и надьемъ. Дужность моя родительска, о вама промышлявати, не престає тимъ, што самь я Васъ до савршеногъ возраста вашегъ воспитао и научіо, но да васъ, колико є могутье, и срѣтьныма учинимъ. И будутьи да сте вы сад' у ономъ веть возрасту, у комъ се и съ вама, што се васъ тиче, я и совѣтовати могу: то самь радъ съ Вама разговоритисе нарочно о оной точки, на коіой се цѣло основаніе будутьегъ вашегъ живота полаже.

Дѣцо моя! Вама су закони єстественни познати. Оно, што смо одъ єстества узаймили, на своє време валя да и вратимо. Вы, докъ сте посредствомъ родителя' свои' получили одъ Бога бытьє своє, самымъ сте Богомъ за родителье другима наименовани. Зато сад' вы мени, любезна дѣцо моя, кажите, као Отцу и Духовнику, єсте л' Вы савршенно испытали ваша срдца, соглашаваю л'се она къ священномъ браку и сачетанью вашемъ? Не чудитесе! Я имамъ важанъ узрокъ, што васъ овако просто и изненада пытамъ. Да вы єдно друго любите; мени є добро познато; но и любовь се на вышше родова дѣли. Я хотьу да знамъ, осѣтьате ли вы у срдцама своима любовь къ брачномъ саєдиньенью вашемъ? Одъ части самь могао я у вама и то искусити: но іошт' ми єдно недостає, и оно опредѣлява судбу вашу.

На ове рѣчи поліюсе они обоє сузама, падну предъ милостива Отца и загрлье му колѣна: Сладкій Отацъ, рекне младить, Вы насъ любите, Вы

насъ срѣтьне учинити желите, — можете л' Вы мени болю срѣтьу на свѣту натьи, него ову, кою срдце моє у ньой имати предосѣтьа? Мени друга, любезный Отацъ, не треба. Ово исто и она одъ своє стране тьутетьи изяви. Добро, сыне, дигнувши и', добро, дтьери моя, я ни о теби не сумнямъ, — суза ова изъ очію твои' довольно мене увѣрити може: али — ако буде Божество ню другоме опредѣлило? а теби сыне другу? На то она, узданувши, знамъ, Отацъ! О знамъ веть, на кога мыслите, и разумѣвамъ, шта хотьете да ми рекнете. То изрешки сва поблѣди, погледи на Светозара и клоне. Онъ є одма при'вати, и тако за нѣколико магновенія' безъ чувства на руку' ньеговы' одпочине. Пробіє є сироту зной, на коє Старый весма се смути, поврати є мало къ себи, и утѣшителным' рѣчма поублаживши є запыта, єда ли іой є што познато о дѣлу? Оно, што є мени познато, одговори она, премда и невѣроятно быти видимисе, ништа манье, Отацъ, мени угрожава. Я Светозара любимъ; я за ньимъ умиремъ. Сладкій Отацъ! клекнувши опеть предъ ньега, дигне руке: Ако є икако могутье, поштедите дтьерь Вашу, поштедите и смилуйтесе, ако не као на дтьерь, а оно баръ као на єдну сироту и оставите ме паче до гроба мога дѣвовати, до гроба мога у црне мысли обучену уздысати, нежели за другога, као безъ срдца, потьи, и Светозара ми оставити; дозволте ми пре умрети, нежели се одъ ньега разстати. Онъ може узети кою му драго, и кою му Вы допустите: но я се удавати нетьу; и я тьу га любити, као сестра брата што люби.

Старый смысленно гледаше на ню, и потьутивши рекне іой: Само да то вышше не чуємъ, што си рекла: Ако не као дтьерь, а оно баръ као сироту, єръ таква рѣчь мене вредьа. Сагрѣшила самъ, сладкій Отацъ! и ни сама не знамъ, како ми та рѣчь изъ уста' изидье, зато и молимъ, простите ми. — Мени се чини, да ты іошт' и не разумѣшь, шта я намѣравамъ теби одкрыти. Мо-

БИБЛИОТЕКА МАТИЦЕ СРПСКЕ У НОВОМ САДУ

же быти, Отацъ! — Тебе Царъ за свога сына имати жели! Светозаръ на то тргнесе, и савъ протрне: Царъ! За свога сына! Драгиню? О Небо! — погледи на ню: Драгиња! — На коє она: Не бойсе сладкій мой Светозаре, о не бойсе! Срдце є моє у моіой власти, ако рука и не буде: но я познаємъ великодушіе Цара, познаємъ и стыдимсе, чега самь се уплашила была, — особито познаємъ благо срдце и разумъ Младога. Онъ да мене узме! іошть преко моє волье! кой може буди кою царску дтьерь имати. Ньегова лѣпота, ньегова добра наравь, ньеговъ разумъ! Онъ царъ! я — О! то быти не може! Светозаре! само — На то Царъ изъ друге собе, изъ коє є крозъ отворена врата гледао и слушао, удье, — они се тргну и обоє предъ Цара клекну. Царъ се милостиво на ньи осмѣне, и рукомъ и дигне: Но! Ниси рада, да моя сна'а будешь? Не любишь мога Сына? Ваше Сіятелство! Много бы то за мене, као за рабу Вашу, было! О много! Я га любимъ, као могъ Господина, любимъ и пучитуємъ даже до обоженья: но ако є истина, што чуємъ, и ако какву шалу са своіомъ рабомъ проводити нисте изволѣли: молимъ найпонизніе поштедите ме одъ тога, и поштедите славу светой фамілiи Вашой, — не смѣшавайте, не помрачайте свѣтлость Ваше царске крви съ крвлю худородне дѣвице. Нисамь я достойна, нумфомъ се назвати оне, кою є Небо ньему за супругу опредѣлило, а камо ли супругомъ ньеговомъ! и ако бы ме Божество по неиспытаємымъ судбама своимъ и благость Ваша царска изъ каквы' нибудь узрока' и удостоила: осѣтьамъ у момъ срдцу, да се оно ужасава таквогъ найвышшегъ достоинства, и да се за животъ склонити не бы могла. — Царъ се ти'о насмѣе: Ніе шала, любезно дѣте моє! узевши є кротко за руку рекне іой, ніе шала, но истина, да самь те за сына мога желіо: ал' видимъ, да быти не може. Повратисе, мило дѣте моє! Ты зато опетъ остаєшь у моимъ очима она, коя си и была. Не бойсе! Пріими изъ моє руке

овогъ честногъ Юношу, комъ си срдце твое оддала! Пріими голубице, и будите срѣтьни! Ты си моя, и онъ є мой сынъ. То рекши пригрльи є са Светозаромъ: Будите добри, и слушайте благодѣтелногъ Отца вашегъ. Они се усхите радоштью, загрље му и излюбе колѣна, и цѣлую Староме руку, па радостни изидьу у другу собу, и обоє падну Младомъ Князу около врата, излію на њега радостне сузе, и преповѣде му повѣсть ову.

Нисамъ я знао, рекне Царъ Любомиру, а ты ми не кажешь, да се дѣца ова тако любе, — а я не бы ни споминяо. Кажу потомъ и Бучину, кой се весма радоваше, што се дѣло ово мимоидье. Другій данъ Царъ се съ Бучиномъ и прочомъ Господомъ врати у Призренъ. Господинъ Бучинъ на по'оду своmъ измоли одъ Старогъ *Чедомиля* и одведе га са собомъ у Призренъ намѣсто Светозара.

Светозару сад' Драгиня у очима іошт' лѣпша и любезнія бяше. Они о бракосочетанію іошт' и не мышля'у; они невинно као дѣца, као братъ и сестра живля'у, и Старый на то одложи іошт' кою годину, да додьу у возрастъ савршенніи. Онъ Светозара често по свои' сели' изводьаше и поучаваше га, како треба економію управляти, како треба съ младьима, и како съ поддапныма своима поступати, како треба народу милостивымъ и правымъ быти, да одъ свакогъ любимь, одъ свакогъ благословляємь буде, да се нико на њега не тужи, да нико на њега не уздане.

Єданъ данъ у Недѣлю сидье Светозаръ послѣ поодне у село, и гледи, како ту селяни коло играю. Млади момцы, весели, окретьу пусти младе и дѣвице около свирца, да вратове поломе. Светозаръ види ту нѣколико старацa, гдѣ на зеленой трави сѣде, и гледетьи свою мл дежь, како игра, ти'о се разговараю. Онъ приступи къ овыма, и учтиво и' поздрави. Старцы сви устану предъ њимъ, на коє онъ повиче: Сѣдите Вы

любезни Отцы, сѣдите, и я тьу поредъ васъ сѣсти, я милуємъ гледати, кад' овако играю.

Єданъ момакъ около свои' 30. година', преко мѣре крупна людина, води коло и 'итро окретье; єръ играчъ одъ свѣта бяше. На њему везене чарапе, искитьене златныма шљокама, и сребрни новцы трепте му на ногу'; кошуля танка съ везены рукавы, и бѣла одъ лѣпогъ сукна долама, по коіой свиленъ поясъ имадьаше; очи велике, као у вола, но бркови црни и кудрави уважава'у му цѣлый стасъ тѣла. Светозаръ, гледетьи на њега, запыта старце: Ко є овай кицошъ? А! То є здравъ юнакъ! одговоре старцы. Онъ є овдѣ кодъ насъ у сеоской служби; онъ є познатъ съ нашимъ Господиномъ. Како му име? Њему є име *Татомиръ*, но зову га *Бурямъ*.

На то ето ти имъ и Старогъ Господина съ фамиліомъ и Леономъ Французомъ, кой се бяше по своmъ обычаю тако обукао, да га сад' сви са удивльењемъ погледе. Овога є Светозаръ довео изъ Француске, изъ єдногъ села близу Париза, у комъ є онъ учительемъ было. Човѣкъ овай бяше сувъ и высокъ, око' 50. лѣта' старъ. Знао є све єзыке у Єропи. Србски є тако могао говорити, читати, и писати, као истый Србинъ. Имао є и науку прекрасну, и 'итаръ є было у свему, тако, да ни самъ дьавоо съ њимъ на край не бы изитьи могао. Шальивацъ великій, да му се искидаю одъ смѣя, кад' што говорити почне, но притомъ весма учтивъ и свакомъ любезанъ. Господинъ є Старый у њему великогъ філософа и найчестнієгъ мужа сматрао, — и єсть было такавъ, кад' є быти хотѣо; но кад' почне своє будалаштине проводити и шалитисе, — дворска будала! Сви су га у Двору марали звати: *Моиъ ами*, коє Француски значи: *Пріятелю*! или друже мой! изъ узрока, што онъ имадьаше обычай свакоме *моиъ ами* ретьи. Посадесе сад' сви кодъ Светозара и стараца. *Бурямъ*, окретьутьи коло, счепати намъ два момка, єдногъ подъ єдну пазуу, а

другогъ подъ другу, па окрстье пустый съ ньима, као да ништа при себи не имадьаше. — Светозару се ово допадне: Ао тужанъ! Да здрава юнака! рекне. На то онъ смотри Старога Господина, баци оне момке, па му приступи къ руци. Но како си сынко? Што не додьешь мени? Онъ се поклони и Светозару: Ово є, вели, сигурно нашъ Младый Господинъ? Драго ми є? Громовитый његовъ гласъ ужасне Леона, кой се у ньега забленуо бяше, и съ набраннымъ челомъ мѣраше га одъ главе до ногу'! Старомъ се то на смѣй даде: Монъ ами! рекне му, шта Вамъ се види одъ овогъ момка? На кое овай: Душе ми моє, Господине, да га одведемъ у Паризъ, па да га затворимъ у какву собу, и добошемъ огласимъ: Ко хотье, да види грдобу у натури човѣческой, нека плати! могао бы самъ силне повце стетьи. Коликій є нашъ Паризъ, за цѣлу годину не бы се обредити могли! Па знате л', шта бы самъ онда чиніо? Таманъ у єданъ часъ по поодне, кад' бы сви градьани при обѣду были, заузео бы самъ се съ ньимъ преко средъ града, — како су Французи лакоми, оно видѣти, што видѣли нису, сви бы супу оставили, и на улицу поврвили.

Бурямъ, смѣшетьисе, гледи на њега: То бы ты дакле ишао са мномъ, рекне му, као Італіани съ медвѣдомъ! Ухъ! Та лагкше говори човѣче, запушаваютьи уши рекне Монъ ами. Господинъ, смѣютьисе, извади бурмутицу и понуди Буряма. Овай одма узме на умъ, зашто є то? метне мало бурмута у носъ, одъ кога тако кине, да сирома'ъ Монъ ами, као громомъ ударенъ, посрне: Иди безъ трага! повиче на њега, та ты си нѣка хала! Господине! Ово є нѣка напасть! Бога Вамъ, гдѣ се родіо! Я самъ видѣо велики' людій; ал' ово чудо їошт' нисамъ видѣо, — говори као изъ каквогъ праздногъ ардова.

Нашемъ се Светозару овай момакъ тако допадне, да га сутраданъ одма съ дозвольењемъ Старогъ изъ службе сеоске извади, и за своегъ слугу узме, и кад' га по маломъ времену искуси,

да у овой великой машини прекрасанъ умъ и найпоштенніе срдце налазисе, возлюби га весма. Да му направити лѣпе 'альине, купи му прекрасно оружіе и добра коня, и заповѣди свимъ младьимъ своимъ, да га признаду за юнака и любимца ньегова. Сад' се веть позна съ ньимъ и Монъ ами и постану велики пріятельи. Доста бы путій Монъ ами Старомъ Господину рекао: Штета велика за овогъ младитьа, што се їошт' учіо ніе! Какавъ є духъ великъ! Какво є лѣпо срдце у ньему!

Пукне сад' гласъ *Буряма* по цѣломъ предѣлу оном. Сва околна Господа ньега радо имадьа'у; свакъ желяше ньега къ себи примамити: али гдѣ бы ньему могло болье быти, него у Столцу, при божественнымъ овымъ людма, при Любомиру, кой га одъ собственне своє фамиліе дѣліо ніе, и при любезномъ ньеговомъ Светозару, кой му є свако угодьенье чиніо? Онъ се съ ньима тако сроди и тако усвои, да се завѣшта, ту и кости своє оставити.

Но, као што смо и на вышше мѣста' рекли, на овомъ свѣту нигдѣ не може човѣкъ само добро безъ примѣсе каквогъ нибудь зла уживати; нико здравъ, да кадгодъ не буде и болестанъ; нико весео, да се кадгодъ и не оскорби; нико славимь и похваляємь, да кадгодъ одъ кога и безчестіе и поругу не пріими; нико найпослѣ у миру и тишини, да се кад' не претресе и не узбуни. Мы то у єстеству признаваютьи, кад' се и у найбольемъ станью на'одимо, валя да се каквой промѣни, каквомъ годъ злу надамо, и готови будемо, могутьа средства къ избавльенью нашемъ употребити. Одреку л' намъ се таква, употребимо великодушіе, опашимосе трпльеньемъ, па рецимо съ кроткимъ Іовомъ: *Благая пріяхомъ отъ руки Господни: Злая ли не претерпимъ?*

Мы смо нашегъ доброгъ *Любомира* доста у миру и тишини гледали; овдѣ тье намъ се онъ сад' мало узнемирити. Мы смо и *Светозару* за ньегову срѣтьу чисто и завидѣли были; но да видимо, како тье срѣтьа сад' съ ньимъ поступити, и

каквымъ ли тье онъ духомъ и противне себи случаєве сносити.

У єданъ прекрасанъ лѣтньій данъ устане онъ рано, и са своимъ Старымъ Отцемъ оде у єданъ градъ, изъ кога кад' се врате ударе на села своя, и коєгдѣ на лѣтньимъ добрама кодъ Господе частетьисе четыри дана остану. Кад' подьу дома, срѣтну єдногъ слугу своегъ на коню: Господине! Айдете скоро дома! повиче и' поклонивши имъ се. Шта є? Тражи ме ко? Не тражи Васъ нико, одговори овай, но да тражимо мы оно, што смо изгубили, и милостива Господьа послала ме є, Вама явити. Шта яданъ? Да намъ се ніе каква штета догодила? Ніе, хвала Богу, штета друга, но нема намъ одъ синоть Господичне Драгинье! Светозаръ ужаснесе и погледи на Старога, на коє Старый: Како бы то было? Да куд' бы намъ се дѣте дѣло? Є ли їой мати дома? Дома є, и послала є на све стране, да се тражи, но нема є нигдѣ.

Они сад' по'ите што брже, и єдва съ дубокимъ мракомъ стигну у Дворъ. Светозаръ се весма уплашіо бяше. Изидье му мати: Светозаре, жалостный сыне, повиче, а гдѣ ти є Драгиня? За Бога, Мамице, шта є то? крозъ плачъ упыта младить, одкад' є нема? Косара полюби Староме руку: О Отацъ, єдва самь чекала, да додьете. Синоть съ Милессомъ, текъ што се мракъ почео 'ватати, додьемъ изъ верта. Гдѣ є Драгиня? упытамъ дѣвойче, да їой дамъ цвѣтья. Она є отишла за Вама, одговори ми. Помыслимъ, да є предъ насъ изишла, па смо се нѣкако мимоишле, и тако повичемъ на єдну, нек' трчи за ньомъ, да гдѣ не замркне; — а потомъ разумѣмъ, жалостной мени! да ньe їошт' одъ малы' заранака нема. Цѣлу ноть, Отацъ, и цѣлый данъ данась на све стране момцы су трчали и тражили є, и нигдѣ, жалостной мени, ни гласа ни трага, као да у землю пропаде!

Скупесе на то младьи сви, у трепету Старогъ окружили, чекаю на нокту заповѣсть одъ

ньега. Онъ замышльенъ стояше, и чисто изванъ себе быти видьашесе. Светозаръ испунисе скорби, печалне мысли ньега свладаю, спустисе на землю, и ништа проговорити не могаше. Старый пресѣче тьутанье своє: Ахъ! Заръ ми и то судьено бы да претрпимъ! То рекши приступи къ младитьу: Не бойсе сыне! не бойсе! Мы тьемо ню натьи; ню є когодъ одвео: но вѣру ти тврду задаємъ, ванъ да є у землю пропала, ванъ да є на небо одлетѣла, те є не надьемъ. Дигне га, и съ матеромъ одведе у собу. Онъ савъ преблѣдіо бяше, и напослѣдакъ за *Буряма* упыта. Кажу му, да, како є їошт' оно вече чуо, одма ю є тражити отишао, нит' се тай вышше вратіо.

Старый Господинъ по реду све младье, гдѣ є кой быо? како є кой пытао? шта є кой за ню чути могао? и проч. испытавши рекне: Светозаре, сыне мой Светозаре! ако си ме игда послушао, послушай ме, сыне сладкій, сада; умѣрисе и вѣруй ми, мени се нѣшто предсказуе, да тьемо мы ню сутра натьи. Ово є веть глуво доба, куд' смо сад' пристали? Свуцисе, дѣте моє, па лези спавати, — старіє намъ є ютро одъ вечера. За Бога, Отацъ! рекне Косара, да ніе ту какво масло Младога Княза? О ніе Мамице, рекне Светозаръ, нетье онъ то чинити! Я не знамъ, приложи Старый, шта то може быти? А да се ніе дѣте и само ньему привольело? придода Косара. О Мамице! Како и то можете говорити, и о ньой тако и помыслити? А, то не вѣруємъ ни я, рекне Старый.

На то ето ти имъ Леона, кой каза, да ю є око' 5 часа' послѣ поодне изъ віограда смотріо, гдѣ є нѣкуд' узъ потокъ съ бабомъ Недомъ 'итно отишла, и потомъ да се иста баба о за'оду сунца сама дома вратила. Онъ ово казує; ал' загрми гласъ Буряма на двору (авліи). Светозаръ, кой не скидаше очію съ Леона. истрчи сад' предъ Буряма: Буряме! Ты си? Я самь, Господине! Сатимъ устрчи узъ степене и унутра, каже, куд' є 'одіо, и како ю є тражіо: но нема є нигдѣ, — а

кад' разумѣ за бабу Неду станару, затресесе земля подъ ньимъ, како къ стану потрчи, и за тилый часъ довуче бабу: Казуй баба, куд' си Господичну одвела! громовито повиче и за прси є у'вати, казуй, докле ти нисамь те старе кости у мѣшину сдрузгао! Баба кукавна стане грцати и сва у лицу чисто помодри. Пуштай є момче, повиче Светозаръ, како тье ти врагу казати, кад' си є за гушу стегао? При овомъ Старый Господинъ изъ друге собе изидье. Баба предъ ньега клекне: Господине сладкій! Смилуйтесе на ове моє сѣде власи, избавите ме ове бѣде! На то притрчи Леонъ: Не, не, немой ты баба мутити! Я самь видѣо, кад' си ты дѣте извела, и кад' си се сама дома вратила, но кажи, мы тьемо сви Господина молити, и старогъ и младогъ, да ти се опрости: ако ли нетьешь казати, казатьу я, кой самь те видѣо, коме си дѣвойче предала, и слушао, шта си съ ньима говорила; но самъ самь быо, нисамь се на ньи' вышше ударити усудіо.

Бурямъ да знакъ Старомъ, да се мало у другу собу уклони, па ти намъ с'вати бабу, и управъ съ ньомъ на прозоръ: Заклиньемъ ти се баба Богомъ и животомъ моимъ, да тьу те таки доле 'итити, ако не кажешь. Не! да одъ Бога надьешь, повиче баба, казатьу. Уведу є сад' къ Старомъ Господину, предъ коимъ опетъ падне на колѣна, и главу спусти къ земльи: Заслужила самь смртъ, о благодѣтелный Господнне! заслужила самь; али за избѣтьи єдну, кою нисамь заслужила была, постиже ме ево друга. Помилуйте ме, сладкій Господине; я тьу Вамъ за дѣте Ваше казати; поштедите животъ мой; я тьу Вамъ све исповѣдити, — я самь є, наопако по мене! єдномъ младомъ Господину издала, и то є было овако: Изидьемъ я у шуму, теоце надгледати; кад' ал' ето ти пред-а-ме три мужа подъ оружіемъ, и съ ньима єданъ доста младъ Господинъ: Познаешь ли ты баба, ко смо мы? упыта ме онай младый. Я не познаємъ, одговоримъ му я уплашена. Мы смо, вели, разбойницы; но ты се не бой ништа. Мала

є стварь, кою тьемо одъ тебе захтѣвати, и малымъ, веле, твоимъ трудомъ мотьитьешь намъ є прибавити; а ево тьу ти платити добро. То рекавши машисе у джепъ, и извади ми пуну шаку дукатa'. Я се, наопако по мою главу, на то полакомимъ, єръ нигда у животу момъ толике новце имала нисамь. Шта є Ваше захтѣванье? Ништа друго, вели онай Младый, но да идешь ту у Дворъ, и доведешь намъ ону младу Господичну, само да є видимъ, само да є полюбимъ, зашто самь се, вели, сь єднымъ за то обкладіо, да тьу є полюбити, те полюбити, лѣпу дтьерцу Старца Любомира, а заклиньемъ ти се, рече, баба, живымъ Богомъ, да никакво їой на свѣту зло, никакво безчестіе, учинити нетьу, него тьу є їошт' обдарити, и съ тобомъ є мирно одпустити. Я, жалостна, помыслимъ, да онъ истинито у Бога вѣруе, потьутимъ мало, па му рекнемъ: Я тьу є Вама, Господине, довести; я тьу є преварити и измамити, но тако, да она не узме ни на умъ, да самь я ню зато довела. Добро, вели, поступи ты, како найболье знашь, па тьешь пріимити новце, — мы тьемо те овдѣ чекати.

Идемъ низъ потокъ, а мыслимсе, хотьу л' я то учинити или не? За єданъ полюбацъ шаку дукатa', мени сиротой лѣпа плата, — а и ньой шта тье быти, рекнемъ у себи, што бы є младъ човѣкъ полюбіо, и то не бы нико знао. Текъ што я на ливаду изидьемъ; ал' ето ти ми Господичне, — упутиласе бяше къ верту. Господична! повичемъ на ню, Вы идете у вертъ? но, чинимисе, нетьете Господьу Мамицу тамо застати. Каза ми єданъ, придодамъ, говедаръ, да є изишла съ Госпоїомъ Милиссомъ предъ Господина, за когъ су чуле, да тье овымъ путемъ преко овы' шума' дотьи, и каже ми, да є и видѣо, но поиздалека, нѣку Господу, да овымъ путемъ иду. Добро, рекнемъ їой, те Васъ видѣ', — айдете, да и мы изидьемо предъ ньи. Она сирота съ радоштью тако по'ити, да є ни ститьи нисамъ могла. Наеданпутъ странни искрсну предъ ню. Она ври-

сне и погледи на мене, коя самъ съ єдне пустимице заостала была, и коя їой садъ потрчимъ. Но єсть. Онай младый стане їой смртью угрожавати, ако узвиче, а єданъ съ мачемъ притрчи къ мени: Ево ти баба, што ти є обѣтьано, (пружившимъ новце рекне) па таки иди, и никоме ништа не говори. Господине! повичемъ на оногъ Младогъ; но овай ми вышше ни гласа пустити не даде, тури ме као бѣсанъ у нѣку яму у копривe и трньє, изъ коє докле се я сва изгребена извучемъ, дотле они ню одведу. Овай є случай было Господине, я Вамъ вышше казати не знамъ. Я да самъ крива, сама признаємъ; а заслужуємъ ли за то смрть? Вы болье знате. Светозаръ, вртетьи главомъ на ню: Проклета бабо! И ты ли си се тако матора на злато, зла ти срѣтьа твоя! полакомити могла!

Господине! рекне Монъ ами Светозару, само да нiє садъ ноть, видѣли бы Вы, шта бы самъ я чинiо, — нiє могутье, да є не надьемо. Старый даде бабу затворити, и младитьа поутѣшивши и посовѣтовавши оде спавати Мати намѣсти и Светозару у ньеговой соби. Светозаръ рекне и Буряму, да додье, и легне онако несвученъ на Чедомильеву постелю. Бурямъ послуша. Младитъ се садъ усиляваше, да очи сведе; но нипошто. Погледи на Буряма: Благо теби! рекне му, како сладко спаваш. Кадъ ветъ видѣ, да нипошто заспати не може, устане и обучесе Свакій часъ на прозору зору очекиваше. Ахъ! на мою душу! рекне у себи, и ова є ноть дужжа. него друге што обычествую быти. О Боже благій! Шта ли она садъ трпи! Сѣдне на столицу, и као младомъ єдва се мало подкраде Морфей: но текъ што му очи склопи, ето ти му Драгинье! Тргнесе, — нигдѣ никога! Нема ту ништа, рекне опетъ у себи, вышше се трпити не може. Буряме! Устай! повиче, и на кандилу свѣтьу ужеже. Айде са мномъ! Я вышше чекати нетьу; я вышше трпѣти не могу. Нигда, чинимисе, нисамь Старомъ Отцу противъ волье 'одiо; садъ морамъ: нигда га нисамь толико увредiо; садъ самь принудьенъ, — но и свакій бы

ме мужъ ньеговогъ разума у овакомъ случаю извинити могао, и свакій бы благодушанъ о мени сожаловао, — а камо ли онъ! Айде само! Ево и зора почиње! Господине! У ватру, у воду! рекне Бурямъ. Куд' є годъ Ваша воля, я идемъ!

И тако узму на себе оружье, сѣдну на конье, и докле їошт' сви у Двору спава'у, оттиснусе на путъ къ страни оной, куд' су по казиванью бабе разбойницы отишли, и дѣвицу имъ одвели. Про'ладителный ютренњій воздухъ послѣ мале кишице оживляваше прси и унылый духъ младитьа: Попаштимосе, Буряме, рекне другу, да бы за 'лада їошт' ону планину прешли. Све тье добро быти: но шта тье намъ Старый ретьи? Ахъ! кад' бы онъ знао мою тугу, одговори Светозаръ, и кад' бы се онъ у момъ станью на'одіо: не бы ни онъ спавао; не бы ни онъ дана чекао. Слушаютьи, како птичице по зелены' лугови' пою, уздане и рекне; Печалногъ срдца човѣкъ подобанъ є болномъ. Какогодъ овай што се ни найпріятніегъ єла не маша; тако и онъ ничимъ се утѣшити, ничимъ развеселити не може.

Чимъ они вр'ъ горе превале, и къ веселой нѣкой страни спуштатисе почну, сунце имъ огране, и младыма своима лучама зелена дрва позлати. Сяшимо, Буряме, овдѣ, рекне Светозаръ, посусташе намъ и коньи, да се мало одморимо и договоримо, куд' тьемо одавдѣ. Пусте конье по росной трави, и сѣдну на єданъ великій каменъ. Светозару падне у очи насредъ друма, кой се преко ти' поля' пружіо бяше, єданъ домъ: Оно тье быти каква крчма, Буряме? Ніє оно крчма, Господине, веть правый гостилникъ, одговори Бурямъ. Договоресе дакле сад', да иду тамо на обѣдъ и пропытаю, не бы л' се што о каквы' разбойници', да су се туда гдѣ ово дана' появили, извѣстити могли. На то залаю нѣки пси. Погледе, ал' стадо оваца пружилосе томъ страномъ бяше. Виде и пастыра, гдѣ се наслоніо на штапъ, па гледи, како му овчице пасу. Приступе сад' къ овоме ближже, поздраве га съ добро ютро, и за-

пытаю, єда ли є одкуд' у прошастый данъ смотріо ту какве люде? Четворица њи' съ єдномъ дѣвицомъ у таки' и таки' 'альина'? Старацъ погледи на њи: А да нисте, вели, и Вы одъ њіова дружства? На ову рѣчь Светозаръ успрене: Дакле си ты видѣо какве? — Но єсте ли, молимъ Васъ, и Вы одъ њи', ил' сте потера? упыта Старацъ. То ты не пытай, рекне му Бурямъ, но одговори на пытанье Господину. Кажи драгій, кажи, придода Светозаръ, мы тьемо те добро обдарити, кога си видѣо? Є ли была каква дѣвица съ њима? Была є, да како? одговори пастыръ. Я нотьась у нѣко веть доба пасемъ моє овце овуд'; ал' ето ти пред-а-ме нѣки' людій на коньма! Н кошe наєданпутъ изъ оне шуме до єдно 7 њи'! Бунесе нѣшто и муте, не могу пута да надьу. Куда тьемо сад', рекне єданъ, потрємо, вели, конье, но да мало сидьемо. Е тако близу дошли до мене, и мене не виде, будутьи малый облачакъ заклоніо бяше мѣсецъ одъ моє стране. Я то чуютьи прилегнемъ у густу траву и слушамъ и' далье. Само да бы Богъ дао, приложи єданъ, да ми отацъ у дворъ не буде дошао. На то другій: Господине? суетанъ тье, вели, савъ нашъ трудъ и быти ако Вы ню у дворъ водити мыслите. Зашто бы было суетанъ? рекне онай. О имамъ я удобно томе средство, не старайсе ты ништа!

Сатимъ посѣдаю по трави њи' 5., а двоица мало далье стоя'у. Сѣдите Вы, рекне имъ онай, кога Господиномъ именова'у, сѣдите, сад' тьу я дотьи. То рекши приступи къ онымъ двоимъ, одъ кои' видимъ да є єдно дѣте, коє овай узме за руку, и поведе га мало на страну. У истый ма'ъ одъ оне стране укажесе моє момче, коє хотяше овце вратити. Овай ти сад', кад' га видѣ, окрене съ дѣтетомъ къ мени, и приближи ми се на єдно три четыри корака, — кад' ал' я у истомъ дѣтету познамъ дѣвицу! Уплашимсе, да ме не види, и притворимсе, као да спавамъ. Но на мою срѣтьу заустависе ту и сѣдне съ њомъ у траву. Сад'

ты мени кажи, любезна моя! почне їой лагано говорити, хотьешь ли се ты къ мени склонити? Я те любимъ, ты тьешь кодъ мене славна быти, и шта я знамъ. А ха! помыслимъ у себи, овай є нѣшто уловіо, ил' гдѣ отео! Пастыру ово казуютьу Светозарь у необычномъ смутьенью часъ на Буряма, часъ на ньега погледаше; срдце се у ньему волноваше; не може края повѣсти да дочека. При овомъ ньеговомъ пытанью, придода пастыръ, мѣсецъ крозъ єданъ облакъ преплива, и съ чистогъ неба све поље опетъ прекрасно озари. Я, дигнувши мало главу изъ траве, видимъ дѣвицу, младо дѣте као капля, у лѣпы' 'альина', коя му ништа не одговори, но само погледа на небо, и уздану. Онъ є загрльи: Добра душо, рекне їой, ты се варашь у мысли твоіой, — онъ тебе узети нетье! О заиста нетье! а при мени тьешь быти срѣтьна. И кажи ми, вели, молимъ те, у чему є онъ и больій одъ мене? А разсуди, придода, да си сад' у мои' руку', у моїой власти; ко тье ти сад' помотьи? ко ли те избавити? Могу те одвести на онако мѣсто, кад' хотьу, гдѣ ни самъ Богъ за тебе знати нетье; гдѣ ни мѣсеца видѣти не можешь: напротивъ ако ме возлюбишь, бытьешь славна Господьа на цѣлой Касторіи! Говори, рече, учини рѣшеніе, да и я знамъ, на чему остаємъ, — кажи ми право оно, што у срдцу мыслишь! На то она; Живъ Богъ мой на небу! вели, нетьу ти се приволѣти! Не могу те любити! Животъ є мой у твои' руку'; душа у Божіи', — а срдце, ахъ срдце моє, во вѣки остає ньегово! То изговори, тури га одъ себе, клоне, и зацѣписе у плачу.

Светозаръ съ удивльеньемъ: Господьа надъ цѣломъ Касторіомъ! Буряме! Я се сѣтьамъ, я знамъ, ко є тай! — Дальe, Старый, казуй, шта тье слѣдовати! Пастыръ настави овако: Онъ їой почне угрожавати; но она га опетъ тури одъ себе и скочи на ноге: Знай, вели, малодушный злодѣю! да я за мой животъ не маримъ, колико за мою честь и за мою срѣтьу. — Младить при овомъ

уздане и падне на слугу: Буряме! добрый и любезный мой Буряме! Богъ! на ты! Бурямъ рыкне као лавъ, загрльи га къ широкимъ своимъ прсима: Господине Младый! рекне му, животъ мой полажемъ за Васъ, умѣрнтесе, претрпитесе! Сад' тьемо мы у трагъ утьи; судба намъ овдѣ путъ къ сраженію отвора, Вы тьете видити, ко є Бурямъ! Вы тьете искусити, шта онъ може, и съ каквымъ усердіємъ, за свогъ Господина учинити! Жиле моє у мышци силно ми удараю, крвь моя мени предсказує — истргнувши мачъ рекне — да тьемосе гдѣ пролупати. Казуй само Старино!

Пастыръ. Онъ, видетьи ню, да се очаянію предає, и да се нимало не бои, што їой онъ угрожава и прети, стане є опетъ молити, клекне најпослѣ предъ ню, и дигне руке своє къ небу: Я ти се, вели, заклиньемъ, о Богиньо срдца мога, да те се нетьу коснути, да ти нетьу нѣжность повредити, твоє цѣломудріє нарушити, докле се годъ одъ добре воље къ мени не склонишь, и докле годъ священномъ са мномъ браку не саизволишь: не буде ли то, я те пустити нетьу, веть тьу те затворити у собу, па живи тамо као калугьерица, — я ти се нигда ни приближити нетьу, — о заиста нетьу! Само велимъ, кад' се я лишавамъ тебе, нек' се ни онъ те срѣтье не удостои! Сатимъ устану и приступе къ дружству, сѣдну на коньe, и управо къ ономъ гостилнику одоше. То є све, што самь чуо и видѣо; вышше Вамъ казати не знамъ.

Но, добро! Хвала ти, Старый! рекне Бурямъ. Светозаръ на то Старога обдари, пакъ одма узяшу коньe и додьу у гостилникъ. Заповѣде себи обѣдъ донети. Младить ништа окусити не могаше, само заиште чашу віна, да колик' толик' растера своє мысли, ков га непрестанно муча'у, сад' жалостне за Драгиньомъ, кою натьи не мысляше, брижне сад' и неповольне за Старымъ Отцемъ, коме є тугу усугубіо, што му ніє явіо, кад' є отишао. Вѣрный слуга тѣшаше га, и шалу заводьаше, само да бы се мало повратіо, да

бы се насмѣяо, и у путу одъ туге не разболѣо. Кад' ал' ето ти имъ крчмарице! Жена доста млада и лѣпа, усхитисе красотомъ Младога, — умилный погледъ баци на њега: А што намъ є Младый Господинъ невесео? любко осмѣяваютьисе рекне, и руку му на раме наслони. Бурямъ превали своє огнѣвите очи на ню: Ніє му нѣшто добро! одговори їой, — вальда су га вѣштице изеле. Жена се ужасне и поплашено погледи на њега, какавъ му є гласъ громовитъ. Онъ то примѣтивши по обычаю своmъ кине, да се сва соба затресе, а крчмарица посрне на землю. Куваръ изъ куйне, єдна служкиня, отворе врата, и уплашени погледе унутра. Бурямъ чиняшесе невѣштъ, сѣди и глади бркъ свой. Светозару мало се смѣй на лицу показа, видетьи, како крчмарица къ вратима заошіяваютьисе намргодьено на Буряма гледи. Она хотяше на-полье; но овай є у'вати за руку: Кажи ты мени, Госпо, рекне їой, какви су люди овуд' нотьась, или одютрось рано прошли? Вы сте први данась наши гости, одговори она; а є л' ко нотьась пролазіо? не знамъ. Богме ты лажешь, Госпо! Овай компліментъ не буде їой по вольи, стане извіяти руку свою, да иде; но овай не пушта — салетіо єднако, да му каже, ко є ту быо? Найпослѣ окрене съ њомъ кротко: но она упрла бяше очи своє у младитьа, и не внимаше толико, шта їой овай Голіяѳъ бесѣди. Та овамо слушай, повиче на ню, испало ти око! Куд' си се загледала? може быти те си ты њега нотьась и изела! Она сирота поцрвени: Жалостна мени! рекне у себи, да сурове людине! Ніє заиста нико быо, одговори му, зашто не бы Вамъ казала? Добро! рекне юнакъ, и скочи на ноге, сад' тьемо видити! Светозаръ извади кесу и плати за обѣдъ, па изидьу на полье. Сад' Бурямъ окупи младье, да му кажу, ко є туда прошао? На коє єдно момче, коє ту дрва цѣпаше, истрчи предъ њега: Єсть, Господине, есть, я самь видѣо, прошли су ютрось рано, и овдѣ су пили палине, єданъ Господинъ съ єдномъ дѣ-

војкомъ на бѣломъ коню дао ми є сребрны' новаца. Крчмарица помркне на овога, и стане му претити прстомъ, да не казує; но овай, нѣкій простакъ, изда є. Бурямъ погледи на ню: Госпо! узмисе на умъ! Казуй ты мой драгій, казуй, кога си видѣо? шта су ту чинили? и куд' су отишли? Господине! не слушайте, вели крчмарица. Та онъ є будала! Зна онъ, шта говори! Не! не! повиче Бурямъ, будала и дѣте найболье истину говоре. Кажи ты сынко; ево теби новаца! Богъ да прости! вели, онай ми є дао, да никомъ не кажемъ, а овай ми дає да кажемъ. То є болье, него дрва цѣпати. Светозаръ се на њега осмѣне: Нека ти га не зна! Мудра є то будала! Они ту напишесе палине, рекне момче, па овымъ путемъ управо къ планини одоше. А є л' знала Крчмарица? лагано упыта га Бурямъ. Да како! одговори овай. Бурямъ погледи за Крчмарицомъ, коя имъ велика врата отвораше Светозаръ сѣдне на свога коня, и баци момчету изъ джепа шаку сребрны' новаца. Притомъ видетьи, гдѣ Бурямъ поведе своегъ коня къ вратма, узме на умъ, да є онъ науміо Крчмарици нѣку освету учинити: Дай мира! рекне му, я видимъ, шта ты хотъешь! Ништа, Господине, вели, само да се съ њомъ опростимъ. Светозаръ напредъ изидье, а Бурямъ: Но! Съ Богомъ Госпо! рекне їой, и у'вати є за руку. Мы Вамъ благодаримо на обѣду, држетьи їой кротко руку любовно се на ню осмѣява, потомъ тако їой руку стисне, да їой све прсте чисто поломи. Она врисне колико игда могаше и падне на землю. Онъ скочи на коия, и подье за своимъ Господиномъ, кой мало одмакао бяше. Когъ си врага радіо? упыта га Светозаръ. Ништа, Господине, Богъ и душа ништа їой вышше учиніо нисамъ, само што самъ є любовно за руку стискао. Онъ мане главомъ на њега, и одтиснусе на путъ.

Светозаръ повтораваше оне рѣчи пастыра у памети своїой: Бытьешь славна Госпоя надъ цѣломъ Касторіомъ. Ко бы то другій могао бы-

ти, говораше у себи, развѣ проклетый Влайко? Єръ отацъ његовъ Касторію држи. Заключи дакле сад' съ Бурямомъ своимъ, управо тамо. Но будутьи да є подалеко: борисе по памети, не бы ли болье было, да се врати, и Отцу своmъ то, колико се онъ извѣстити могао, яви, па да съ њимъ тамо иде? Ал' нестрпльење његово то му сад' не дозволи, єръ му се чиняше на нѣкій начинъ, да тье онъ те злодѣє ститьи, или баръ болье се извѣстити, є ли истина, да ю є Влайко одвео? Я самь се, вели, Отцу замѣріо, те замѣріо! Идемъ іошт' єданъ данъ! Предъ вече смотре поредъ пута у єдномъ єзеру двѣ жене, гдѣ коноплю изъ воде ваде. Снашице! повиче Бурямъ, єсте ли видле какве люде, да су данась овуда на коньма прошли? Ваша милость, одговоре оне, мы смо мало пре овамо дошле, и нисмо видѣле никога. На то єдно свинярче: Я самь, вели, видѣо, прошли су предъ поодне. На пытанье овы' каже, да и' є 6 или 7 было, и да є єданъ на чисто бѣломъ коню био. Каже, куда су отишли и проч. Сад' ови понагле што брже за њима: но у'вати и' ноть; — стану промышлявати, гдѣ тье пренотьити.

Смотре изненада єдну на великомъ потоку воденицу. Приближившисе тамо виде єдногъ подъ сѣдомъ брадомъ старца, и єдну младу жену съ малымъ дѣтетомъ, гдѣ стоє предъ воденицомъ. Додьу дакле къ овыма и поишту пренотьіє. Одма и драговольно пріимльени буду. Справе имъ и вечеру. Текъ што они предъ воденицомъ на 'ладу окруже єданъ низакъ асталчить, и вечерати почну: ето ти имъ єдногъ човѣка на коню! На пытанье старца каже, да є одъ Істрине града. Понуде га вечерати. Нисамъ, вели, толико ни гладанъ, добро самь съ нѣким' путницима у Якову ужинао; но дайте ми чашу віна. Овай бяше трговацъ. По маломъ разговору искаже, да су тіи исти путницы они, за коима ови иду. Испытаю га обширно, ко су тіи люди? одкуда су? Куд' иду? и има ли каква дѣвица съ њима? Я се ни-

самь, одговори овай, съ ньима у разговоръ ни пуштао. Богъ бы и' знао, одкуда су, и видѣо самь, вели, єдно прекрасно дѣвойче съ ньима. Изъ описанія ньеговогъ, какве є Фізіогноміє онай Господинъ? пуно се увѣре, да є то Драгиня была и Влайко. Каже имъ трговацъ, да тье ту у Якову и пренотьити.

Бурямъ навали одма тамо да иду, да не чекаю зоре: но будутьи да Светозару зло буде, не могашесе у тамну ноть и крозъ непозната мѣста одтиснути, премда є врло близу было, — заостану дакле ту и пренотье. Ту ноть младитьа грозница протресе; но на разсвитку осѣти себе болье, и разумѣвши, да истый трговацъ у Доброславъ полазаше, напише Отцу писмо и замоли га, да како тамо приспѣ у *Столацъ* пошлье, не далеко одъ *Саввина'*. Яви у писму, куд' є отишао, и како є за Драгиню веть разумѣо. Притомъ молисе, да му опрости, што га пытао ніе, и увѣрава га, да се за ньега ништа бояти нема, да є Бурямъ съ ньимъ и пр. — Сатимъ сѣдну на конье, и текъ што се сунце роди, стигну у Яково, извѣстесе ту одъ гостителя, да су они заиста ту были, и на поо часа предъ ньима отишли, и каже имъ извѣстно, да є то именно Влайко, Дукинъ сынъ, са своима людма быо, да онъ ньега добро познає, и да є сада отишао на своє добро у нѣкимъ планинама чакъ близу Істріне, при самой граници Македоніе, Сербіе и Албаніе. Є ли то како далеко? упыта Светозаръ. За два дана можете ститьи, одговори гоститель. А одкуд' да онъ ту има добра? приложи Юноша, — та не држи ли онъ Касторію? Отацъ ньеговъ, рекне гоститель, Касторію држи подъ заплатомъ (арендомъ); али онъ има своя собственна добра, има и домъ великій у Істріни, и чуємъ, да є ту у планинама на своимъ добру и нѣкій старый замакъ оправіо, у комъ му Надзиратель добара сад' обытава.

Светозаръ сад' безъ пайманьегъ закашньенья предузме съ момкомъ своимъ путъ къ Істри-

ни, и єдва другій данъ Скардійске горе предьу. Юношу почне опетъ люто глава болѣти. но не хотяше слуги ни казати, єръ у надежди бяше, да тье тай данъ къ Влайковомъ замку ститьи.

Слуга примѣти на образу његовомъ, да му ніє добро: Господине! рекне му, Вы опетъ грозницу имате! Ніє ми добро, одговори онъ, но попаштимосе, вели, на онай брегъ їошт' изитьи, из-за когъ ено нѣкій дымъ видисе, — нетье л' му оно двори быти? Пусти му остали! Сатимъ оставе путъ, па сяшу конье, и узъ брдо пѣшице подьу. Светозаръ посустане, часъ на часъ одмарашесе. Сатимъ настане и ноть, и не видьа'у даље напредовати. Єдва изидьу на єдну поляну, пусте конье да пасу; а они сѣдну одмаратисе. Но! како Вамъ є, Господине? упыта га слуга. По другомъ добро бы ми было, одговори юноша; но тако самъ жеданъ, да су ми уста сасвимъ сува. Бурямъ га дигне и приведе га къ єдной высокой и страшно испученой одъ синьегъ камена стѣни: Сѣдите, рекне му, Вы овдѣ мало у заклону и не бойтесе ништа; сад' тьу я Вама донети воде. То рекне, узме чутуру, и смотасе као олуя у нѣкій лугъ. Младитъ, оставши самъ, пустисе у мысли, раскаєсе весма, шта є учиніо, зашто не пречека ону ноть, и сутраданъ съ Отцемъ на путъ не отиде, кой бы другчіє дѣло изслѣдити могао, и съ коимъ бы онъ, као да бы му у нѣдри' было, путовао; а овако, вели, ако є и надьемъ, шта тьу я кадаръ быти съ єднымъ слугомъ противу многи' учинити? Слуга ми є вѣранъ. сирома'ъ; но човѣкъ силанъ, и нагао, ударитье на многе, и може погинути, па куд' самъ онда я пристао? Шта ли тье ми онда Старый и Мати ретьи? Како тьусе изговорити? Но нека ми ништа не рекну, совѣстъ ме гризе, и срдце ме моє боле, кад' помыслимъ, како имъ є сад', незнаютъимъ за мене, ни гдѣ самъ, ни како самъ! Ове мысли отеготе му срдце. наслони главу на студену стѣну, поліє своє юношеске образе сузама, у коима га и санъ подкраде. Но текъ што му се овай кроъ разслабльене њего-

ве чланке разливати, и њега одъ печалны' мыслій мало ослободьена наслађавати почне, на нѣкій са стране ти'ій шумъ презне! Погледи, — о женскій стасъ! Мѣсецъ крозъ густо лиштье дрва' мало му ово видьење освѣтляваше, — и кога є онъ овдѣ сад' у такомъ стасу и такомъ своме расположенью другога н помыслити могао, него сладку свою Драгиню? Онъ недоумѣваше, єда л' є истинно види? или само саня о њој? Онъ изненаднымъ овымъ видьењемъ тронутъ їошт' ништа проговорити не могаше, протре очи своє: О дѣвица заиста! Ето ти му є управо къ њему! Отацъ! сладкій и любезный мой Отацъ! повиче, и юноши падне око' врата, и принесши своє нѣжне устне на младе юношеске образе тргнесе и одскочи одъ њега. Светозаръ, као из-а-сна: Драгиня! Любезна моя Драгиня! Єси ли ты? Овай као дѣтинъ гласъ ню їошт' увѣри, да се сирота у мысли своїой преварила, и умѣсто кога є желила, другогъ є загрљила, зато и безобзирке сада побѣгне. Онъ скочи на ноге, погледи за њомъ доникле, и хтяше їой слѣдовати; но ето ти му слуге, коме онъ сад' преповѣди, шта є видѣо. Бурямъ насмѣєсе и пружи му воду: Немойте, вели, Вы, Господине, о дѣвицама мыслити, па Вамъ нетье оне на очи ни излазити, єръ не могаше вѣровати, да є овай заиста што видіо, но сніо. Замоли га, да се 'ладномъ водицомъ и умыє. Младить послуша, и буде му таки болѣ, — глава га продье и крѣпчія себе осѣти. Сад' узму конье, и подьу на ону страну, на кою є онай стасъ исчезнуо.

И текъ што они съ єдне пустимице буду, угледаю нѣку малу у каменной стѣни свѣтлость, приступе къ овой, кою и свѣтъ мѣсеца до полакъ осіяо бяше, о! имаю шта и видѣти! Нѣка пештера у самомъ камену! Смотре и єдна мала вратанца, крозъ коя сад' провире, и виде єднога мужа, гдѣ замышльенъ сѣди. Одѣло на њему отмѣнно бяше. Поредъ њега и єдна прекрасна дѣвица, коя му и пребацила десну руку пре-

ко рамена, а лѣву му на прси метла бяше и тако плакаше. А шта си се, дѣте моє, тако уплашила? упыта є Старый. Ахъ сладкій Отацъ! одговори она, гледала самь одавдѣ съ брега, како намъ Дворъ гори, Пакъ нека гори, дтьери моя любезна. Тежка ми посла! Вратимсе плачутьи овамо къ пештери, и смотримъ пред-а-мномъ у присѣнки нѣкій стасъ човѣческій, и помыслимъ, да сте Вы мало изъ пештере изишли. Любезный Отацъ! рекнемъ, загрльивши га: — Кад' ал' оно нѣкій младитъ! Одскочимъ одъ ньега, и овамо побѣгнемъ. Онъ нѣшто викну за мномъ; но я у стра'у ни на умъ не узе'. шта ми онъ рече.

Бурямъ, ово чуютьи, повѣрує сад' Светозару, о комъ є найпре мысліо, да се варао, и у нѣкой фантазіи само свою Драгиню себи уобразіо, и као у сну ню видіо быо. Вы, Господине, имате право, рекне му, Вы сте ову дѣвицу морали видѣти; но дай да се иде сада унутра! Куцну на врата и удьу, и добро вече назову имъ. Дѣвица се наново смути. Но! Но! рекне Старый, шта се плашишь? Светозаръ къ дѣвици приступи и кротко є за руку узме: Не бойсе, любезна сестрице моя, рекне їой, не бойсе ништа. Мы смо путницы, люди мирни и добри, замркнемо у овой пустыньи и пометемо путъ. Сатимъ є мало поврати, и Старый и' учтиво поздрави и понуди сѣсти. Сажалуємъ, придода, любезни мои, што васъ немамъ чимъ, као што бы самъ желіо, дочекати, Вы сте може быти и гладни. Дай, дѣте моє, изнеси гостима 'лѣба и мало сира, нека се при'вате; а ево и мало віна. То рекне, и испод кревета дигне єдну велину тыкву, пуну віна. Добро сте ми дошли, драги мои! Ово є све, чимъ я Васъ угостити могу. То рекне, и напієсе. Напійтесе и Вы по єданпутъ умѣсто палине. Віно є добро, да Вамъ сладье тай залогай хлѣба падне. На то дѣвойче застре асталчить, и метне на ньега поцрнъ, но мегкъ 'лѣбацъ, и єданъ мало начетъ сирацъ. Узмите, братьо моя, рекне имъ Старый, узмите и осолитесе, да сладье и чашу

віна попієте. Светозаръ умилно погледи на дѣвицу. А є л' ово Ваша дтьи Отацъ? Єсте, сыне, моя родьена дтьи, пакъ се ето и она кукавица пати и са мномъ заєдно, и да бы одъ кога, но — ахъ! — при овомъ уздане и потьути — Вы сте, Отацъ, мало печални? упыта Бурямъ. О любезный Брате; и не пытай ме! А имате ли когъ сына? приложи Светозаръ, кад' имате овако лѣпу дтьерь. Ахъ! не синуло му сунце! рекне Старый, камо та срѣтьа, да га и немамъ! — (:По малой почивателной:) Одкуд' Вы тако? — куда иделе? ако смѣмъ пытати. Мы смо изъ Єлеча и идемо у Скоплье, одговори Светозаръ.

Старый. Знамъ. Я самь изъ *Приштине*, но одъ нѣкогъ времена обытавамъ овдѣ у Албаніи.

Бурямъ. Та молимь, є ли ово веть Албаніа, или смо їошт' у Сербіи.

Старый. Ово є, братацъ, на самой граници, и одавдѣ се Албаніа починье.

Светозаръ. А є л' далеко, Отацъ, одавдѣ Македоніа?

Старый. Има єданъ данъ 'ода. То рекши убрише марамомъ очи своє, и узме опетъ тыкву съ віномъ.

Светозаръ. Напійтесе, Отацъ, и растерайте печалне мысли Ваше. И я имамъ тугу нѣку на срдцу; но шта знамъ?

Старый. (Погледавши га) Свакій свою тугу, сыне, чувствує, но чинимисе, да моїой нема подобне. Сатымъ напієсе. Не иште ми срдце, любезни мои, ни єсти, ни пити, но шіємъ одъ бриге.

Светозаръ. Вы сте, Отацъ, може быти нѣшто пострадали. Вы намъ се видите, да сте єданъ отмѣнный мужъ. Шта є дакле Васъ съ овымъ дѣтетомъ у пустыню ову притерало? Вы нѣшто уздышете и на сына свога. Не можете ли насъ удостоити повѣсти Ваше и као непознатымъ Вашу тайну одкрыти? Може быти, да тьемо мы Вама у чему и на рукубыти мотьи, Вашу печаль умалити, Васъ поутѣшити, коє човѣчество одъ насъ изискує.

Старый. (Смысленно опетъ погледи на юношу) Да бы самь баръ знао, съ кимъ имамъ срѣтъу говорити?.

Светозаръ. Мы смо войницы и люди царски.

Старый. — Поклонивши имъ се — Драго ми є, я Васъ любимъ и почитуємъ. Камо та срѣтъа за мене, да сте ме пре нѣколико дана' у моме дому овогъ Вашегъ посѣтъенья удостоили, те може быти не бы ми сад' у пепелу лежао.

Светозаръ. Упепелу! (:Погледи на Буряма:)

Бурямъ — Сажалително смѣшетьисе, машутьи главомъ и погладивши свой бркъ — Хмъ! Хмъ! Само да ми є знати — на то продересе: Кажите Вы мени, Отче и Господине, може ли се Вама у чему помотьи? и тражите ли Вы коме одмаститисе? Ако є то: на поље съ ньимъ! Шта га таите? па тьемо видити, како добродѣтель надъ порокомъ тріумфира! Ай тужанъ! Како бы се прашило!

Светозаръ. Погледи на дѣвицу, коя се одъ овогъ громовитогъ гласа ужаснула бяше, па се окрене къ Буряму: Пстъ! Лагкше мало, човѣче, грме ти рѣчи изъ прсію, као изъ каква праздна бурета. Заръ ты не можешь лагкше говорити?

Старый. Прихвативши рѣчь. Надъ онымъ, любезни мои, кой є мене увредіо, я свету не могу имати; срдце моє мени то не допушта, будутьи вышше бы самь себи — на то почуєсенѣкій шумъ предъ враты, кой имъ прекине бѣседу: Є ли ту? повиче нѣкій съ поля. Овдѣ є, но ево има и' и вышше. Дѣвойка се уплаши. Старый такодье тронутъ да мало слухъ на ньи. Светозаръ запыта: Ко є то? Какви су то люди? Бурямъ устане: Боже помози! И тако се нисамь давно ни съ кимъ тукао. Узме буздованъ у руку, и подье вратима ближже, говоретьи прочымъ: Не бойтесе Вы ништа! Светозаръ, држетьи покрай себе дѣвицу: Али ко су то, Отацъ? Є ли Вамъ што познато? Мы се овдѣ у опасности на'одимо? Старый се сбуніо бяше: Не знамъ управо ни самъ, ко су? одговори юноши, но по свой прилици, ве-

ли, они су, одъ кои самь я овамо и побѣгао, — сатимъ отвори имъ врата, и ето ти и троица съ голы у руку мачевы. Старацъ, ужаснутъ, погледи на Буряма и Светозара, па на ньи, кои Буряма за враты їошт и не видьа'у. Юнацы! кога тражите? На кога ли сте се тако наоружали? На мене, овако стара, и на ову слабу дѣвицу? Богдане сынко! а шта є теби? Заръ си ты заборавіо мою любовь, мою доброту, кою самь ти до юче показивао? Е мой сынко! зло си пошао; зло тьешь и протьи! Господине! одговори овай, Вы знате, одъ кога самь я посланъ; Вы знате, да самь я слуга, и оно чинити морамъ, што ми се заповѣди. На то други: Не! не! мы нисмо дошли, да се овдѣ препиремо, и да се ты нѣему овдѣ правдашь — но овамо ту Господичну! Сатимъ скочи къ *Палмини*, коя сад врисне, и Отцу падне око врата. Светозаръ сад стависе предъ овога: Но! Шта тьете Вы юнацы? Овай Светозара счепа за прси: И ко си ты? и шта тьешь ты овдѣ? На то Бурямъ скочи из-за врата, лупи ногомъ о сподъ, и потргнувъ мачъ продересе: Триста Вамъ мука'! Шта тьете Вы овдѣ? Пуштай таки, докле ниси душу пустїо, кад не знашь боланъ, кога си у'ватіо, пуштай! и пакъ на полье сви! На ове рѣчи сва троица затрепетаю и занѣме. Но на то утрче їошт двоица. Старый сад узме дѣвицу и одтрчи у єданъ угаль пештере, предъ кой Светозаръ стане съ голымъ мачемъ, а Бурямъ се раскорачи у єдной руци съ мачемъ, а у другой съ буздованомъ: Дедъ сад да видимо, ко є юнакъ! Ньи 5. сбунесе, и съ мачевы у руку єданъ на другогъ погледаше; а къ Буряму не смѣ ни єданъ да приступи. Овай ти намъ се на то разяри, рыкне као лавъ, и съ разширенным рукама полети у гомилу на ньи, и сву петорицу къ вратма поваля, на кое сад притрчи Светозаръ, и онако одъ сбуньены стане отимати оружіє. Дотрчи и Старацъ: Не, не! да одъ Бога надьешь! повиче на Буряма, кой грдный мачъ на ньи уздигао бяше, поштеди имъ животъ! Шта си на-

мысліо? Овамо оружіе загрми Бурямъ, па се ништа не бойте! Двоица на то, одъ кои' Светозаръ не бяше одтргао оружье, пруже му одма такво и тако сви се покоре. Сад' Светозаръ истрчи на врата, да види, нема ли и' вышше? Кад' ал' онъ смотри спрамъ мѣсечине, гдѣ се до едно 15. њи' низъ едну страну спуштаю. Зовне Буряма на-полье, и каже му. Овай утрчи унутра, и одма троицу њіовы собственны поясы повеже; а двоица су имъ тако осакатьена была, да и' ніе везати требало. И текъ што они са Старцемъ и дѣвойкомъ побѣгну, и оне у пештери везане и безъ оружія оставе, ето ти имъ и они 15. стигну: Уа! Уа! около пештере станусе дерати. Бурямъ, шунъ крѣпости, и преко мѣре жива духа момакъ, стане у страни и слуша. Онъ не могаше да се одтисне. Найпослѣ рекне Светозару, да оиъ иде са Старцемъ и дѣвицомъ узъ нѣкій, кой се ту видьаше, холмить, и да га ту на вр'у чекаю, докле онъ види, шта тье ови чинити, и хотье ли ту свое конье натьи, кои бя'у мало заишли. Светозаръ то учини; но одма се опетъ къ Буряму врати, когъ срѣтне съ коньма. Но! шта раде тамо? упыта га. А врагъ бы и' знао? Ошт' урличу и дерусе тамо по пештери као луди; а на мою душу! да скочимъ изненада на њи, сви бы се разбѣгли, као и мачке са своє сватбе. Єданъ се, вели, указа спрамъ ватре предъ пештеромъ, кой мало узме на умъ, да я конье терамъ, па држетьи сѣкиру у руци, валяда, зла му срѣтьа! дрва пошао бяше сѣтьи. — стане и слуша на мене. Я на то не будемъ лѣнъ, но счепамъ нѣку велику каменину и у поо главе га лупимъ. Ама да є тай єдну єдину рѣчцу викнути могао! Стропоштасе пустый стрмоглавъ у яругу, при коїой є стояо, као да га громъ тресну, — сатимъ я одемъ; но гдѣ су Вамъ они? Остави' и' чакъ горѣ на холму: но айде, сад' тье намъ Старацъ преповѣдити повѣсть свою, и о тима, ко су? и шта су хтѣли съ њиме? О како намъ благодари, а особито дѣвойка! Трипутъ є сирота пре-а-мномъ

клекла и колѣна ми загрльила. Чудиласе, кад' самь їой казао, да самь я быо, когъ є она у помрчини за свога Отца помыслила была.

Овако у разговору додьу на вр'ъ холма; но зачудесе, кад' ту Старца и дѣвойке не застану. Тіи су одпирили, рекне Бурямъ; но срѣтьанъ имъ путъ! Жао имъ буде, што се о сбывшемсе дѣлу не извѣстише. Пусте опетъ конье да пасу. Укаже имъ се и зора. Светозаръ легне мало спавати, а Бурямъ сѣдне оружіе чистити, и єдва чекаше, да се овай пробуди. Но! како се осѣтьате Господине? упыта га вѣрный слуга, кад'се младить пробуди. Добро! Но знашь ли шта є? Я самь намысліо, да се мы сутра дома вратимо, па да я идемъ съ моимъ Старымъ ню тражити, — мени є весма жао, шта самь учиніо. Вы имате право Я самь и самъ то хтѣо ретьи. Господинъ Старый безъ сумнье за ню тье разабрати, па гдѣ буде, тамо тьемо лагко отитьи, буди бы она и преко мора однешена была: а овако куда мы знамо тумарати, и по непознаты' овуда предѣли' лутати, — ено на што смо и синоть наишли! А! — я вышше нимало не сумнямъ, да є она кодъ Влайка. Мы смо о томе довольно извѣштени. Зато я и желимъ вратитисе, и дѣло Старомъ Херою одкрыти, кой тье узети са собомъ люде своє, и кой тье као старый войникъ паметніе у свему поступити. Богъ и душа Господине, то самь исто и я у мысли имао; но нисамь Вамъ смѣо споменути, кад' кажете, да є безъ сумнье кодъ Влайка, као што изъ толикогъ доказиванья и вѣровати можемо. Влайко ню у своимъ замку, людма окружену, држати мора, заръ се онъ нетье потери надати? Шта бы дакле насъ двоица и могла учинити съ-поля противъ ньегове цѣле силе, кою онъ унутра, и из-за стѣна' има? Знашь, шта є, Буряме? Куд' иде юне, нек' иде и уже! Да мы їошт' мало пропипамо! Кад' смо дошли довдѣ, дай да се и до тогъ ньеговогъ замка потайно приближимо, не бы л' се їошт' болье одъ кога извѣстити могли! Я не бранимъ! Замакъ нье-

говъ одавдѣ нетье тако далеко быти. Нека данась и сутра буде, па прекосутра да се вратимо. Тако и я велимъ, — но мы тьемо тежко Старога дома и застати. И онъ є морао куд' отитьи, или ню или мене тражити, — само да му буде онай моє писмо изручіо.

Сатимъ сѣдну на конье и предузму путъ на ону страну, гдѣ су Дукина добра. Предъ саму ноть спустесе измедьу двѣ высоке горе у нѣке равнице и зелене ливаде, съ кои' ветъ и послѣднье луче сунца одъ польски' цвѣтова праштау-се. Увиде мало на страни древно нѣко зданіє съ два столпа. Ово є нѣкій монастыръ, рекне юноша. То тье быти; но ту нема никога. Што му драго, — мы далье не можемо.

Сящу конье, и пусте и' на траву, па приступе къ развалинама овымъ. Обходетьи и разсматраютьи и' додьу и на єдну часть истогъ зданія, коя їошт' цѣла и непорушена бяше. Стѣне кьелія' бя'у обвештане, съ узкима, не дугима прозорима, около кои' се дивље лозе сплеле, да се єдва видьа'у. Смотре и єданъ великій ходникъ, но затворенъ. Пробаю у цркву; но не могу ни тамо. Виде найпослѣ и нѣке бедомове, одъ кои' се єданъ вертъ, сасвимъ запуштенъ, починяше, но будутьи на узвышенномъ мѣсту, не могу унутра да виде. Бурямъ смотри при врати' зидъ мало порушенъ, протегне крѣпке своє мышце, и како у'вати при рупи зидъ обѣручке, сруши наєданпутъ оно древно зданіє, тако, да провали ямму толику, да се обоица увуку, и узъ степене на столпъ попнусе, съ кога угледаю сад' у ономъ истомъ двору друга зданія, стає коекакве, и на среди єданъ скачутьій источникъ.

Но видетьи, да ту нема никога, и да се не може тамо тако лагко утьи, вратесе опетъ у оно чисто полье и легну спавати. Бурямъ, кой прошасту ноть ніє ништа спавао быо, како легне, заспи, но Светозаръ нипошто очи своє свести не може. Онъ се боряше по памети, хотье л' се сутра дома вратити? или тье путъ свой са слу-

гомъ їошт' кой данъ предузети? Сад' представляше себи оне любезне часове, и оне срѣтьне дане, кое є съ Драгиньомъ одъ млады' свои' ногтію проводіо; сад' є изображаваше, како она, блѣда и сузама поливена, сѣди, у каквой може быти подземной тамници затворена, ил' као робиня дрктье предъ своимъ похитительемъ, кой има властъ, шта хотье съ ньомъ чинити, ако ніе їошт' и убієна. О свемилостиво Небо! О грозна свр'ъ мене судбино моя! Ове му мысли отеготе срдце, полію га грозне сузе и учинисе изванъ себе. Нема ту ништа! мало поутишанъ рекне, — нема ништа! Я се морамъ вратити! Ко зна, можда є ню Отацъ досад' и нашао! О Влайко! Влайко! Сирота! то веть другій путъ страда! Ахъ! Одкуд' да є я онда надьемъ, кад' самь є сад' изгубити морао! Ахъ! На што се имамъ тужанъ и дома вратьати? Съ каквомъ ли тугомъ я безъ нье на оне предмете гледати могу, кои бы ме на ню свагда опоменули? Идемъ паче у свѣтъ! Идемъ, куд' ме очи моє воде! Но могу ли я то чинити? О Боже! Отца, Матерь, и брата оставити и у свѣтъ отитьи! А не! не! Мене тье Богъ утѣшити! Мене тье Небо опетъ помиловати! Я тьу ню опетъ натьи! Судьено ми є заръ и одъ самога Бога, да ми ово преко главе предье. Любезно щастіе моє! Сладка Драгиня моя!

Онъ овако окретьутьисе часъ на єдну, часъ на другу страну їошт' размышляваше и сѣтоваше; кад' ал' укаже му се изъ оногъ древногъ зданія стасъ нѣкій човѣческій. Мужъ струка повысока, у црнымъ 'альинама и съ бѣломъ брадомъ. У єдной руци висе му броянице, а у другой дугу имадяше штаку. Нашегъ Светозара при овомъ видьенью подидьу мрави. Какавъ є ово Архіерей? рекне у себи, и будутьи слуга му мало удальенъ одъ ньега спаваше, не усудисе сад' устати, къ ньему прибѣтьи, нити смѣ да виче. Но потомъ опетъ охрабрисе и помысли, да ніе какавъ изъ монастыра Монахъ, или какавъ пустыньикъ. Гледи на ньега; но овай управо къ ньему додье. Младить

машисе за свой мачъ и гледи га. Овай му се приближи, мане рукомъ, да се мача не маша, и стане предъ ньега. Но! Ко си ты? упыта га юноша. На кой вопросъ овай опетъ мане на ньега рукомъ и тиимъ гласомъ: Я самь духъ, и твой Геній! Духъ и мой Геній? Я то не вѣруємъ! То ніє истина! Ты си дошао мене поплашити; но я се тебе не боимъ. Какавъ духъ? Какавъ Геній? Чистисе ты одавдѣ, ако се казати нетъешь, ко си, и шта тьешь? докле те ніє тай осѣтіо, што р'че, па тье те пропипати, имашь ли костію? Мы нисмо їдолопоклонницы, да се коєкаквы' измышльены' духова плашимо, него смо мужественни и просвѣтьени Хрістіани. То рекши исправисе и сѣдетьи потргне мачъ: Буряме! — Пстъ! Не буди друга! Не срди онога, кой ти є утѣшителанъ гласъ донео! Юноша! Саслушай рѣчи моє. Я се твога мача не боимъ; я се твогъ друга не плашимъ; я самь духъ благій и твой покровитель. Но! па шта тьешь са мномъ? Узми друга, но одма, и иди съ ньимъ преко овогъ брдашца; спуститьетесе къ єдномъ запуштьеномъ градитьу; ту тьешсе састати съ єднымъ лицемъ, коє тебе преко мѣре люби. То изрекне, окренесе, сѣнуше мунье око' ньега и пукне громъ. Тргнесе и Бурямъ: Шта є то? Младить му уплашенъ притрчи; духъ се у бѣло претвори и устремисе къ развалинама; ови полете за ньимъ, и текъ да га при бедему стигну, на єданпутъ букне одъ ньега плаветанъ пламенъ съ мирисным нѣкимъ дымомъ, у коме онъ и исчезне. Ови се на мѣсту чисто окамене, погледе єданъ на другога, и одма одступе одъ тога мѣста. Светозаръ сад' преповѣди другу своимъ све, што є видѣо, и одъ ньега чуо, и овай жаляше, што га ніє одма пробудіо быо.

Дай сад' да иду преко реченогъ брда у онай градить! Съ каквымъ бы се лицемъ я ту састао, коє мене особито люби? мысляше младитъ, ако не съ Драгиньомъ? ахъ любезномъ Драгиньомъ моїомъ! Али бояшесе, да не буде то каква превара. Сѣдну найпослѣ на конье и за четврть ча-

са спустесе у истый градитъ, кой на єдномъ, мало узвышенномъ, и свудʼ унаоколо лѣсомъ обкольенномъ холмитьу бяше. Исподъ ньега само єданъ великій и стрмотекуть потокъ шушташе: иначе у дубокой тишини мѣсецъ съ ведра неба дивно све предмете освѣтляваше. Сидьу ту съ коняʼ, и подьу ближже къ стѣнама града, у коиʼ сѣнку кадʼ ступе, стану и слушаю, — нема никога! Погледе на влашчитье (звѣзде), познаду, да тье скоро и зора быти. Бурямъ повнче: Айдемо Господине унутра! Преко овыʼ бедемова можемосе узпузати. Они се овако разговараю; алʼ єдна велика платина (широка даска) паде имъ преко оногъ предъ ньима рова, коїомъ они, сгледавшисе, съ голымʼ у рукама мачевима као мостомъ предьу, и смотре на нѣколико кораказ одъ себе црна човѣка, кой мане главомъ на ньи, да му слѣдую, и у истый маʼъ падне она платина у ровъ. Светозаръ рекне другу: То є онай духъ! Подьу за ньимъ. Онъ на десетъ кораказ све предъ ньима додье подъ столпъ, и ту имъ отвори єдна низка врататца, на коя како волшебникъ удье, освѣтли овыма одъ самога себе нѣкій уздужь пруженый сводъ, и показує имъ рукомъ, да се ништа не плаше. Вѣра Божія! Старино, смѣшетьисе, рекне юнакъ, узмисе и на умъ, кога и куда водишь? Єръ додье ли до чега, нетье ти ни сви они изъ пакла легеони дьавола помотьи. Не бойтесе, Господине, ништа, приложи младитьу, ево смо на-полю! Изидьу крозъ друга врата и надьусе на єдномъ округломъ и у трави зарастломъ простору. Овдѣ садʼ духъ стане и пружи руку на страну, показуютьи овыма ту нѣшто у трави, али прстомъ назначи имъ, да се тиʼо и тьутаньемъ приближе. Светозаръ узтрепета, погледи на друга: Буряме! Любезный мой Буряме! Срдце мени каже, да тьемо мы овдѣ Драгиню натьи. На то лагано клопнуше врата, на коя су ту изишли, — погледе, алʼ имъ духа нема, и врата се она затворе. Та тай сметенякъ оде, рекне Бурямъ, — но младитъ о ньему толико и не мысляше; онъ

повуче хероя своґъ онамо, куд' имъ є духъ рукомъ показао. Не учине ни три корака, и угледаю єднога мужа, гдѣ у трави, покривенъ финомъ црвеномъ кабаницомъ, спава. Исподъ кабанице свѣтляше му се край мача. Ови сад' уставесе при њему и гледе га. Кад' ал' мало далье єданъ, одтргнувшисе одъ сна, промѣшкольисе и зевне. Шта? та има и' и вышше! рекне Светозаръ, и потегне Буряма за скутъ, да се спусте у траву. Трава будутьи велика, приталожишесе у ню и слушаю. Црный онай врагъ, куд' насъ домами! Само да намъ ко конье не одведе! На то їошт' троица поуздигну главе изъ траве. Но юнацы! четвртый рекне имъ са стране, хотьемо ли? А, їошт' є рано, повиче єданъ, кой ни главе не дизаше, — їошт' и Господинъ спава. Та теби є рано, одговори другій, кад' веть и роса спадне. По роси и не валя итьи; кварисе обутьа. Сатимъ єданъ исправисе, и баци око на ово двоє у трави, па тьутетьи приступи имъ ближе. Бурямъ устане, и држетьи мачъ у руци прекрсти руке и раскорачисе, колико игда може, предъ Светозаромъ, кога странный їошт' и не видьаше, па тако укоченъ великим' очима гледи га. И будутьи у истый часъ облачакъ испредъ мѣсеца баци на ньи сѣнку, тако, да странный, кой и вида кратка бяше, овогъ добро не распознаваше, є ли човѣкъ, ил' є какавъ пань? изъ любопытства приступи му сасвимъ, и стане му пильити у саме очи, на коє овай накостреши бркове, избульи очи и изкези му зубе, па стане на ньега звоцати. Странный се на то ужасне, и одскочи одъ ньега: Юнацы! повиче, та кой є ово врагъ? На то се пробуди и Господинъ: Но! Шта вичете? Шта Вамъ є? Овай любезный гласъ приведе сад' нашегъ Светозара у трепетъ. Отацъ! Сладкій и любезный мой Отацъ! повиче радостанъ юноша, и притрчи Старомъ Господину на прси. Светозаре! Сыне мой! Та ты си! Ао мой сынко! Шта є то одъ тебе? Тако валя? Кога си пытао, кад' си отишао? Простите Отацъ! О простите и изви-

ните погрѣшку сына Вашегъ, коя не изъ упорства, не изъ невалялства, но изъ природне слабости ньегове произидье! Ружно си урадіо, сыне, неразумно си поступіо, дѣте мое, и мене си и Мамицу твою увредіо, у велику скорбь баціо быо: но при свемъ томъ я теби праштамъ, полюбивши га рекне му, — я теби праштамъ и благодаримъ Богу, што те жива видимъ. Я самъ твое писмо на путу веть пріиміо, — зато овамо и по'итимъ: — но одкуд' ты знаде за мене, да самъ я овдѣ? Буряме, Сынко! а шта си ты заслужіо? О Отацъ! при'вати младитъ, ніе онъ ништа кривъ. Онъ заслужуе оно, што и свакій вѣрный слуга, кодъ свога Господара! Дѣцо! Вышше то да не буде! Нигда Отацъ! О нигда вышше! Бурямъ полюби Господина у руку. Є ли Вамъ ко казао за мене, да самъ я овдѣ? О Господине! Ко насъ є овамо довео! Отацъ! Нетьете вѣровати, шта смо мы видли! Духъ нѣкакавъ излазіо є предъ насъ! Старый погледи на своє момке, кои се око' Буряма радостно скупили бя'у, осмѣнесе и рекне: То тье онай быти! Па шта Вамъ є рекао за мене? А и Вама є што о ньему познато? Но! но! Како є само Вама казао? Ништа друго, само то мени рекне, да є онъ духъ благій, мой Геній и мой покровитель, и да тьусе я овдѣ съ єднымъ лицемъ састати, кое мене особито люби, — ахъ! я самъ мысліо на Драгиню! — то є было онамо за брдомъ, и управи насъ на ово мѣсто. Мы овамо додьемо, и ту се опетъ съ ньимъ састанемо. Онъ насъ довдѣ доведе, и нестане га, — извѣститисе не могосмо, ко є и како є? Господине! Оно мора дьавоо быти! рекне Бурямъ. Букну одъ ньега на єданпутъ пламенъ, у комъ га и нестаде: кад' потомъ, ал' онъ опетъ овдѣ искрсну предъ насъ! Но! — не разбіяймо главу о ньему! рекне Старый, ко му драго: но єсте ли Вы што за Драгиню разумѣти могли? Светозаръ на то све по реду искаже, гдѣ є быо, куд' є съ Бурямомъ пролазіо, колико є гдѣ за ню разумѣти могао и пр. — Сатимъ се почне и разсвитати.

Подьу на поље. Господинъ съ петъ свои' слугу', и Светозаръ съ Бурямомъ, њи' 8., видетьи, да се ту ни на єдну страну лагко изитьи не може, єрбо бедеми высоки бя'у, окренусе опетъ къ истымъ вратма подъ столпомъ, на коя' є и Господинъ у вече їошт' са слугама ушао бьо, и крозъ коя є и Светозаръ съ Бурямомъ мало пре прошао. Како ту додьу, врата се предъ њима отворе, и они за Господиномъ крозъ онай сводъ мирно продьу, — нигдѣ никога нит' чую нит' виде. Надьу путъ, коимъ и на-поље изидьу. Ту су были конњи њіови пуштени, на коє сад' сви поузсѣдаю и предузму путъ къ нѣкой шуми, преко коє кад' се предье, долазисе у єдно село Дукино, гдѣ онъ и великій свой дворъ имадьаше. Текъ што они друмомъ у шуму ступе, ето ти имъ єдногъ старца, сѣди на коли', натоварены' дрвы, тера два воочитьа, и єдно дѣте сѣди съ њиме.

Господинъ овога заустави: Старче! Одкуда си? Я самъ, вели, изъ *Острна* Господине! А є л' то село подъ каквымъ Господиномъ! Єсть да како! Сад' є подъ Дукомъ. Обытава ли онъ ту? Рѣдко онъ намъ долази; но бьо му є ово дана' сынъ у Двору, — не знамъ, є ли їощт'? Старче! А какавъ є ово градитъ? Обытава ли ко у њему, и чій є? А ко бы то знао Господине, чій є бьо? Одъ толико заръ стотина' година' како є тако запуштенъ, не обытава сад' у њему нико, но нашъ є младый Господинъ хтѣо га, како чуємъ, оправити, и Отацъ му не допушта, будутьи да онъ сва ова села за време само држи, — нису његова. Чуємъ, да добро живите подъ тымъ Господиномъ? О да! нама є подъ њимъ добро; но нѣкако сынъ му не иде путемъ, а овы' дана' особито ружни гласови о њему чуюсе, свадіосе съ отцемъ, и како чуємъ да га є и напао бьо, те сирома'ъ єдва нѣкуд' побѣгне. Ахъ! Како бы то было? и зашто? Іо, ко зна, шта є медь њима! Казую, да Влайко има ветъ 400 людій свои', и да є нѣкако кассу отчину у'ватіо, па сад' левентує коєгдѣ по сели'. Шта яданъ! Па како са селя-

нима поступа? Да видите, Господине, не тужесе люди ништа на њега, онъ у њи не дира, но одъ ономадъ чусмо, да є єданъ Дворъ Господиновъ у єдномъ селу изгорѣо, и єдни говоре, да га є сынъ чрезъ своє момке запалити дао; други пакъ кажу, да су га нѣки Херцеговцы, не знамъ зашто? напали, и да су га они упалили; но ніє ништа ни валяо, быо є савъ одъ дрвета и старъ. А не чуєте сад' за Старогъ Господина, гдѣ се онъ на'оди? Вѣра и Богъ, Господине, тимъ Васъ не могу служити, не знамъ, — онъ има їошт' 5 Дворова и єданъ замакъ, у комъ онъ са женомъ и дтьерью као понайвышше пребыва. Є л' далеко тай замакъ одавдѣ? Ніє тако ни далеко. За поо дана готово можесе у њега ститьи. Таки є вышше Приштине, ако сте кад' пролазили.

Любомиръ сатимъ старца одпусти и са своимъ дружствомъ предузме путъ у село. Каже Светозару и Буряму, како є онъ 300 момака съ Новакомъ послао, да на све стране Драгиню траже, и зато побоисе сада, да нису одкуд' његови момцы тай Дворъ запалили. Новакъ, вели, то учинити нетье, но онъ не може свагдѣ кодъ коєкуда послаты' момака быти. Рдьаво говорисе за тога момка, приложи, я то дѣло морамъ извидѣти; но чудимсе и Брату Бучину, коме онъ да да своя села! Ніє то за њега. И изъ Ваше бесѣде, дѣцо, мал' да ніє Влайко наше дѣвойче одвео. И ако то буде; тежко њему кукавцу! Ала Господине, рекне лагано Бурямъ Светозару, да се хотьемо гдѣ съ Влайковомъ четомъ пролупати! Тужанъ! Ала бы се пушило!

Они овако у разговору єтигну пре поодне у село. Любомиръ заповѣди своима, да нипошто не огласе, куда, и зашто иду? но да себи дозвати Кнеза, и потайно му наложи, да распыта за Влайка, гдѣ се сада на'оди? и да ніє онъ одкуд' какву дѣвицу довео? Чакъ предъ вече ето ти имъ Кнеза. Каже, да су люди, изъ поля идутьи, видли нѣколико нѣеговы' момака, гдѣ изъ лова управо у Медвѣдацъ оду, у истый градъ, гдѣ є

Любомиръ са своима прошасту ноть провео, — мал' да нетье, вели, и онъ съ ньима быти.

Старый овай Господинъ, кой за своимъ дѣтетомъ весма тужаше, а особито кад' бы на Светозара свога погледао, како се младить чисто упустіо бяше, по'ити сад' са слугама и Кнезомъ тамо. Лѣтня ноть и мѣсечина будутьи, стигну къ граду около 10 часова. Кнезъ вѣштъ, заведе и' око' зида, и надьу, гдѣ се лагко утьи може. Попевшисе на бедеме угледаю крозъ єданъ прозоръ, кой лиственне гране заклоня'у, у соби свѣтьу. Момцы одма ускоче преко єднога зида, и приближесе подъ самый онай прозоръ. Овай будутьи повысокъ бяше, принудьени буду, єданъ на другогъ петисе и тако унутра видѣти. Бурямъ медьутимъ стражу чуваше. Момцы, видѣвши оне унутра, и саслушавши ньіове разговоре, вратесе. Но! шта є? Ко є тамо? Онъ тье быти! одговоре ови. Има и' до єдно 12. Сѣде при столу и пію. Нѣкій младъ, сувъ и лѣпо обученъ сѣди у зачелью замышльенъ. Шта се бринете, Господине? рекне му єданъ, точетьи му віно. Онъ на то потьутивши узме чашу и рекне: Отацъ є мой, вели, мени у свему кривъ. Ніє требало Отцу о томе ни знати, продересе другій, кой у истый ма'ъ, испразднивши чашу и одданувши рекне, то є све могло тайно быти. Ніє путно брате, при'ативши єданъ рѣчь ти'о рекне. Я є, вели, не бы узео, кад' ме не бы миловала, ама да бы и царска дтьи была.

Светозаръ усхитисе: Отацъ! Ту є она! Буряме! Ту є Влайко! Тьути! повиче Старый. Шта є їошт'? казуйте. Вышше, Господине, чути не могосмо, будутьи слуга имъ узме канту испредъ ньи' и на врата удье у ходникъ. Побоимосе, да Васъ одкуд' не види, скочимо и овамо по'итимо. Имаю ли оружіе при себи? Имаю, но о стѣни имъ виси.

Старый сад' размышляваше, хотье л' и' сад' съ момцима напасти? или тье изъ села вышше людій дати довести, па да и' обколи и до дана

држи, — бояшесе, да не буде крвопролитіе: но Бурямъ съ прочима момцима навали, да и' пусти ударити на њи; да тье они изненада поплашити и', и све и' повезати, и да крвопролитіе нетье быти. Отацъ! рекне Светозаръ, не упуштаймо ову прилику! Онъ є сад' овдѣ съ нѣколико њи', а сутра може быти и са стотинама.

На то Старый склонисе и подьу къ ономъ ходнику. Текъ они у њега, ал' ето ти имъ слуге съ лучемъ у руци и пуномъ кантомъ извучесе на єдна врата, коя у поо ходника бя'у. Старый се са Светозаромъ и прочима слугама, из-за овога стоявшимъ, при овомъ видьенью заустави: но Бурямъ съ мачемъ до самы' собны' врата' отишао бяше, кой сад', кад' види слугу, склонисе и самъ за єданъ зидъ, и приправанъ бяше, да га одма широкомъ своїомъ шакомъ за гушу у'вати и ту удави: но на срѣтьу свою овай носетьи віно звиждукаше, на коє їошт' мимо Буряма и не додье, а врата му се собна отворе, и онъ невредимь удье.

Бурямъ сад' на самы' прсти' приступи къ дружству и лагано: Юнацы! Овамо! Сатимъ по'ити къ вратма, и момцы прочи полете за њимъ, оставивши Господина и Младитьа натрагъ. Но при самы' врати' изскочи онай духъ предъ њега, препречи му штапъ свой на врати', и лагано! Пстъ! Безумный юноша! Куд' си нагао? То рекши у'вати га за руку: Друже! умѣрисе! Храбростъ само и мудрость савршена юнака творе, и она безъ ове рѣдко може похвална дѣла произвести. Послушай ты мене! Но ко си ты, да я тебе слушамъ? Нечестивый! На то онъ поведе га мало на страну: Я самь вашъ пріятель! даље ме не пытай. Я знамъ, куд' вы, и зашто идете? Погледи на проче: Претрпитесе любезни мои! Я тьу Вамъ удобно време, кад' тьетесе ударити, казати. А є л' овдѣ Влайко съ нѣкомъ дѣвицомъ? Влайко є овдѣ, и има 13. момака са собомъ; но Драгиня, кою вы тражите, ніе овдѣ.

Сатимъ станесе духъ овай нѣшто мѣшкольити, и рукама исподъ своє црне и широке 'альине шушкати, и око трбу'а нѣшто намѣштати. Бурямъ укочи очи на њега. Но! Шта тье то сад' быти? Шта имашь подъ томъ 'альиномѣ? Да ти нису яданъ гатье спале? Овай їошт' стеняше и нѣшто намѣшташе. На єданпутъ испучи му се трбу'ъ. Но сад' є, вели, добро. Приступи къ Старомъ Господину: Влайко є овдѣ: но Вы одступите одавдѣ мало, и пречекайте, докле я додьемъ. Сатимъ отвори нѣка мала вратанца у ходнику, и узъ нѣке степене оде на таванъ.

Старый бяше нестрпѣльивъ чекати, узме Буряма и їошт' два момка — а Светозара съ прочима на краю ходника остави — па се приближи къ самымъ вратима собнымъ и провири крозъ ключню, да се управо увѣри, є ли ту Влайко? и не само да ту њега одма види и позна, но и самъ разговоръ да чує, гдѣ се они о њему разговараю. Да я могу само, рекне Влайко, оногъ вицкова у'ватити, и гдѣгодъ затворити, па бы я діктирао њему писмо, да онъ пише своїой Драгиньи, и видіо бы онда, бы л' она за мене пошла. Но кукавице су были они, што га нису кадри были у оной пештери у'ватити. О Господине! рекне другій, Вы їошт' Буряма не познаєте! Бы л' се могао тай момакъ подкупити? придода Влайко. А — я Богме! Нема одъ тога ништа! повичу други, — њему є и кодъ Младогъ и кодъ Старогъ, како чуємо, весма добро. — Я самь яко загазіо, приложи опетъ Влайко, я се боимъ оногъ старогъ дьавола, и ако се моє дѣло прочує, я самь пропао! Но кад' бы га могли гдѣ каквомъ удобномъ приликомъ примлатити, то бы за мене найболье было. Старъ є веть и тако, — доста є живіо. Та нетье ни онъ дуго купуса кусати, рекне єданъ, — има заръ преко свои' 70. година? Шта? Онай? Мой брате! якій є оно їошт' старацъ; црвенисе пустый као какавъ младить. Е! Е! Ударіо бы онъ и данасъ на 5. насъ. Шта ты мыслишь? Оно є єданъ юнакъ быо, да му се ма-

ло гдѣ пара натьи могло! Мы се не разговарамо, шта є онъ быо, но шта є сад'! И сад'! И сад'! Па є и оно младо пасче тако у оружію обучіо, и тако га своимъ духомъ напуніо, да тье и онъ знатанъ юнакъ быти; но їошт' є младъ. Влайко на то прочеше главу свою: А нема мени другога къ спасенію средства, но оногъ маторогъ пса потайно убити, а Светозара преваромъ у'ватити, само, да му я диктирамъ писмо, па тъу га опетъ пустити.

Старый се на ове рѣчи смути, окренесе на момке, кои су се сви лагано къ вратма прибрали были. Види ту и свога волшебника: Юнанацы! Ово є веть много! Я идемъ унутра. Вы стойте овдѣ, — єданъ да се нієе макао за мномъ! Хотьу да имъ покажемъ, шта може єнанъ правый мужъ, єданъ старый войникъ учинити! Светозаръ на то: Ахъ Отацъ! Вы идете! Но Старый и не окренесе, тргне мачъ, тури врата предъ собомъ, и изненада као младить улети у собу! Ево ме посредъ васъ, жалостна вамъ майка ваша! Ево ме, єдни разбойницы! и да видимо тога, кой тье руку свою на мене дитьи! Но камо тай, што псе туче? Што другогъ хотье да затвори? О жалостный сыне! А знашь ли, противъ кога си се ополчіо? чію си дѣвицу похитіо? и шта си съ отцемъ своимъ урадіо? То рекне, залетисе, и Влайка пуфъ! узъ уво: Блудиый сыне! Вѣшала си заслужіо! Они сви укочени єданъ на другогъ погледе. Старый се и на ньи окрене: Пфуй! Срамъ васъ буди! Вы сте люди: Вы сте момцы! Вы сте кукавице! Съ кимъ сте пошли? Шта сте наумили? Влайко сад' разрогачи очи: Юнацы! Єсте л' живи? Ови додьу мало къ себи и машесе за оружіе; но Бурямъ имъ се съ врата' продере, и сви се момцы устреме за ньимъ унутра. Бурямъ: Предайтесе! Триста Вамъ мука' ваши'! повиче, и текъ што се медьу ньима єданпутъ окрене, шесторицу на землю простре. Старый тргне Влайку мачъ изъ руке, пребіе га на двое и баци на землю. Светозаръ сад' потрчи Влайку

у косе, и у єдной руци држетьи мачъ другсмъ га за перчинъ преко собе потегли.

При овой буни испучи ти намъ и онай волшебникъ трбу'ъ свой на прагу, отвори своя црна нѣдра, и силный изъ ньи' дымъ и пламенъ по цѣлой соби пусти. Господинъ повиче на момке своє, кои ветъ одъ оны' оружіє отели бя'у: Станте, станте, юнацы! я заповѣдамъ, да станете! Момцы се смире, и духъ узме Господина мало на страну: Вы тьете сад' да изискуєте одъ Влайка Драгиню; но я Вамъ кажемъ, бѣжите! бѣжите одма! Ньима помоть иде, и Драгиня и тако овдѣ ніе. Я тьу Вамъ казати, само се сад' укланяйте! Чуєте ли оно проклето звоно? Слуга имъ є на столпъ устрчао, и ено на буну звони! Но бѣжте, оставте и' тако! Я тьу Вамъ за Драгиню казати, но не овдѣ. То рекне и изчезне. Господинъ погледи на Светозара, кой Влайковъ перчинъ око своє руке обмотанъ имадьаше: Пуштай! повиче. Влайко сад' са своима клекне на колѣна, на кое повиче Старый момке своє на-полье, и текъ што они, покупивши одъ свію оны' оружьє, изидьу, и ньи онако посрамльене у соби оставе: ето ти имъ опетъ предъ ньи духа, но у бѣлы' 'альина: Бѣжте што скоріє, повиче, овамо за мномъ преко бедемова! Што не мого' на тавану вражко оно уже одъ звона одсѣтьи! Но ништа за то! Само за мномъ! Они за ньимъ по'ите и изидьу, и текъ што се на конье посаде, испунисе градъ вике и буне, поврве на-полье, и закрыле цѣле оне равнине; — но то є све за ньи веть поздно было, єръ Любомиръ са своима веть и на брдо изидье, и зоромъ у село приспѣ. Но за духа, куд' имъ се дѣде? ни на умъ не узму.

Но молимъ, Отацъ, рекне Светозаръ, шта Вы мыслите о ономъ духу? ко є„онъ? Старый се осмѣне: А ко бы га знао? Вражкій човѣкъ! Онъ є и пред-а-ме, како самъ одъ дома пошао, нѣколико пута' излазіо, но све нотьомъ, — онъ ме є и у онай градъ довео. Господине! Я и опетъ ка-

жемъ, рекне Бурямъ, да оно дьавоо быти мора! Е! дьавоо! Какавъ дьавоо? Но валяда є вѣштацъ нѣкій, рекну прочи. Вражкій є оно вѣштацъ! придода Бурямъ, — полети му плаветанъ пламенъ съ црнымъ дымомъ изъ трбу'а као изъ истогъ пакла. Како є годъ, одговори Господинъ, онъ насъ нотьась избави. Єсть Богме! приложи Светозаръ, да намъ онъ у малый часъ не каза, да Влайку помоть иде, ко зна, шта бы одъ насъ было! Шта мыслите, колико и' погибе!

Овако у разговору сящу конье предъ Кнежевымъ домомъ. Ту обѣдую, и єдно, да мало поспаваю и конье добро одморе, а друго, да се извѣсте, куд' се Влайко сад' са своима окренуо? є л' їошт' тамо? ил' є куд' съ ньима отишао? пробаве време до предъ ноть.

Каже имъ потомъ Кнезъ (кой є одма на то люде у градъ послао био, да разберу), да тамо нигдѣ никога нема, но да су къ *Приштини* отишли. То тье добро быти, рекне Господинъ, у Приштини я могу, ако узпотребуємъ, и до 5. хиляда' оружаны' войника' имати; но я не вѣруємъ, да тье онъ тамо смѣти отитьи. Али при свемъ томъ да мы идемо у Приштину, нетьемо ли му отца тамо застати, и нетье л' онъ быти тамо дѣвойку одвео? Кнезъ понуди Господина, ако хотье, да му на свакій случай до єдно 30. оружаны' селяна даде, но овай не хтѣ. На што? вели, я се Влайка не боимъ. Не смѣ онъ мене тражити, нит' се са мномъ вышше ударати.

И тако са своим' момцима при за'оду сунца кренесе на путъ, судетьи, да тье до зоре, ако се попаште, тамо ститьи. Али єдва и подъ планину, преко коє имъ требаше претьи, стигну, смркнесе, тако, да далье итьи нису видѣти могли. Нема ту ништа дѣцо! рекне Старый, мы тьемосе морати овдѣ уставити, баръ докле мѣсецъ не изидье.

Пусте конье по ливадама, и подъ самомъ шумомъ наложе велику ватру, отворе своє торбе и почну вечерати. Момцы весели шалесе и смѣю: но Светозаръ спусти свою унылу главу

Староме на прси. Старый се сакрушаваше на срдцу, видетьи ньега тако печална. Не бойсе, сыне мой любезный, тѣшетьи га рекне му, не бойсе ништа! Учисе и противне у животу сносити случає. Мы тьемо Драгиню нашу натьи, — о! о томе я и не сумнямъ. Ню є Влайко одвео! Мы смо веть томе у трагъ ушли. Она мора быти кодъ ньега. И немой мыслити, сыне, да є Влайко толико опакъ младить, да съ ньомъ зло поступи. О! нетье онъ то чинити! Онъ мора быти сирома'ъ у ню смртно залюбльенъ; та ты си га и у Призрену познао, — а залюбльенъ не може у бѣшенство дотьи: Онъ заръ сад' ласка и оди око' нье, да бы се она къ ньему склонила, и умѣсто да є она ньегова робиня, онъ є, мой сынко, ньенъ робъ постао! Ньему ньегово, любовлю умегкшано срдце нетье допустити, да онъ што друго противу волье ньене учини, да є увреди, и тугу їой къ туги приложи, — ванъ то єдно, што тье є затворену држати; али за присвоити ньено срдце, тражитье онъ кукавацъ да їой у свему угоди, да є утѣши. Мой сынко! Не знашь ты, шта є кодъ онаки' любовь! — жао ми є, придода, отца ньеговогъ, — сирома'ъ! шта є дочекао! особито, ако му буду мои люди Дворъ запалили! Помыслитье човѣкъ на мене, да є моимъ наводьеньємъ то учиньено. Я самъ Новака съ людма у потеру послао, и казао самъ му, да у Касторію и Трікалу съ ньима иде, но ни самъ му рекао, да пали, и невинне люде узнемирава.

Они се овако при вечери разговараю; ал' ето ти имъ єдногъ слѣпогъ старца, когъ єдно младо дѣте за руку водьаше. Добро вече назове имъ и замолисе, да га пріиме съ ньима пренотьити. Зашто не? одговори Старый. Сѣди! Понуде га съ дѣтетомъ вечерати. А одкуд' тако идешь старче? упыта га Господинъ. Идемъ, вели, изъ Улпине, па ми дѣте невѣшто помете путъ. А далеко мыслишь? Та идемъ мало у градъ Кратово. Старый! А є л' теби овай предѣлъ познатъ? Да нема овдѣ злы' людій? А Вы сте издалека? упы-

та слѣпый. Мы смо одъ Херцеговине. Да видите кад' и кад' опасно є овуда преко овы' планина' пролазити; но одъ нѣкогъ времена ништа се не чує.

При овомъ разговору Бурямъ узео бяше његове гусле, окретье и' и гледи: А бы л' се могло старино узъ ову твою мусіку мало поиграти? Е сынко зашто не? ако имашь волю. А пошто свирашь єдно коло? Ко ми шта да! я се не погадьамъ, — Вама тьу свирати за туне. Бурямъ се намргоди. Шта яданъ! За юне? Ао мой старче то є много! А є ли и Кратово у твоїой Парохіи? Имамъ тамо нѣколико домова, кои ме увѣкъ угледаю. А бы л' ты радъ старче прогледати? Я самь добаръ лѣкаръ, а не бы те скупо стало. Е мой сынко! Нема одъ тога ништа! Како тьу я сада прогледати? Бурямъ се окрене къ своима, и ти'о: Я не вѣруємъ, рекне, да бы овай желіо вышше прогледати. Старче! Я ти зато добаръ стоимъ. Ако не прогледишь, не дай ми ништа! Иначе заръ морао бы самь ти платити? Да како? Заръ за бабину душу да те излѣчимъ? Туне! Туне! мой сынко, ако можешь, као што су Ристосъ и Апостоли чинили. Е! нека буде и туне! Да како мой сынко! *туне Пріясте, туне и дадите*, каже намъ свето писмо. Глед' сад'! Та ты слѣпъ знашь и свето писмо; а я окатъ не знамъ. Старче! Я веть видимъ, да си ты ученъ мужъ. Зато кажи ты мени, ко є было првый човѣкъ на свѣту? Заръ ниси ни то їошт' чуо? Адамъ сынко! Ко бы другій было? Адамъ? А шта онъ теби пада? Старацъ, смѣшетьисе: то сынко, што и теби.

Они се овако шале, ал' ето ти имъ оногъ волшебногъ духа, у чисто бѣломъ одѣлу, и съ голомъ своіомъ и сѣдомъ главомъ стане наспрамъ њи', и манувши рукомъ, да сѣде мирно, и ништа се не буне, почне имъ овако пѣвати:

Сяйный мѣсецъ из-за горе
Ево намъ се указує!
Не чекаймо овдѣ зоре,

Ветье да се путує.
Новаково добро дѣло
Погибель є предварило,
Отца бѣдна онъ избави
Сына съ людма обколи.
Светозаре! не закасняй!
Буріяме коня сѣдлай!
И спѣшите мал' къ сѣверу,
Да видите, гдѣ гору!
Гору двори блудна сына,
Ахъ тамо є и Драгиня!
Затворена тужи, плаче,
Светозара споминье.

При овомъ послѣдньемъ стіху смотасе нечестивый преко поля. Ови, сви тронути, єданъ на другогъ погледа'у. Бурямъ скочи на юначке своє ноге, и устремисе за ньимъ; но єсть! — Овай намъ се маши луга и нестане га. Отацъ! Шта є то? у устргу упыта Светозаръ: *Двори гору*, и *Драгиня у ньима*? О Боже! Потрчи и самъ за Бурямомъ; но овай га одма срѣтне. Побѣже ни єдна вѣра! рекне Светозару; но гледайте, како се онамо небо црвени! Господине! рекне Старомъ, оно мора ватра нѣка быти! Онай божякъ нѣшто намъ о томъ и рече, да двори ту нѣгдѣ гору, но побѣже. Добро бы было да изидьемо на ово брдо и видимо, шта є то? Старый погледи: А! То є мѣсецъ освѣтліо! Нема ту ватре!

Они се овако буне; ал' имъ се мѣсецъ мало на страни одонуд' из-за горе укаже. Ніе оно одъ мѣсеца, повичу сад' сви. Ено, гдѣ є мѣсецъ! Него є оно права ватра, — но брзо конье овамо! Одма на конье посѣдаю, и слѣпца съ дѣтетомъ кодъ ватре оставе, па по'ите узъ брдо. Яа'у, докле мога'у, потомъ сидьу, и водетьи конье пѣшице изидьу на брдо. О! Цѣо онай предѣлъ освѣтльенъ, као у пор дана. Виде ту и їошт' нѣке люде просте, гдѣ се скупили у чопорить, и на ону страну гледе, одъ кои' єданъ рече: Штета за *Новака*, ако буде погинуо! Ништа! Реля є живъ, одговори другій. Ове рѣчи сад' наше путнике

їошт' у ветье смутьенье баце. Они се бя'у узъ брдо тако задували, да єдва, кад' веть додьу на главицу, съ коє люди гледа'у, проговоре: Шта є то люди? Сатимъ погледе на ону страну. О! Исподъ єдне шуме дворъ нѣкій у пламену гори. Шта є то? Ено видите, шта є? одговори имъ се. Бѣсни люди тукусе. Мы имъ сиромаси дворе правимо, и покрывамо; а они ено и' пале и руше!

А чій є то дворъ? То є замакъ нашега Господина, Кгръ Дуке. Пакъ ко є ударіо на њега? На њега ніе нико; но ударіо є ено онъ на свога сына. А гдѣ му є сынъ? Сынъ му се са своїомъ войскомъ затворіо у градъ, а отацъ, немогутьи га иначе истерати и побѣдити, запали ено у граду дворе своє. Али зашто є сынъ био ударіо на њега, и затворіо га био у нѣкій замакъ? Ови гледе, како спрамъ свѣтлости чакъ Приштина градъ видяшесе, а їошт' средня часть двора, на коїой кровъ высокъ бяше, ніе се запалила была, но само нижже стреє, и многе унаоколо стаё у пламенномъ мору быти видя'усе. Силно людство покрыло цѣло поље предъ дворомъ. Стои и' вика и лупа, да се сва унаоколо брда разлежава'у.

Но шта рекосте за *Новака*, люди Божіи, упыта Старый, да є погинуо? Ко є тай *Новакъ*? *Новакъ* нѣкій, одговоре селяни, кой є съ Херцеговци, како смо разумѣти могли, нашемъ Господину на помоть дошао. Говоре, да є погинуо; — но ко зна? На то другій: Е да погинуо! Ніе онъ погинуо; данась су га люди видли, кад' бы погинуо? ако му се сад' ондѣ не смркне! А да како се тай Господинъ изъ замка избавіо? Како? Срѣтьомъ његовомъ поредъ истогъ замка нотьомъ случайно са своим' людма продье Новакъ, предъ кога изидье нѣкій пустынъикъ, и каже му за Дуку, нашегъ Господина, да є ту у нѣкомъ старомъ замку затворенъ. Овай, кад' то чуе, оде съ момци, и пусти га. Пуштенъ одма удари крозъ села и скупи войску, кою саєдини съ Хер-

цеговцима и потера сына. Сынъ прибѣгне у овай замакъ и ту се затвори. А што говоре, да є їошт' нѣкій дворъ Вашегъ Господина изгорѣо? Е, оно є было старый нѣкій дворъ, одговоре селяни, у коме мал' ніє нашъ Господинъ и заглавіо. Несрѣтьный га сынъ и ту обколи: но старацъ нѣкако съ дтьерью своїомъ подкрадесе стражи и побѣгне. Онъ се на то разсрди, и дворъ запали. Па гдѣ тье потомъ жалостный тай сынъ отца опетъ у'ватити? Бѣда га знала! Єдни говоре, да су га момцы ньегови у шуми у нѣкой пештери, куд' є съ дтьерью было побѣгао, у'ватили, и ньему одвели, кой га да затворити; други кажу, да су га у пештери нѣкой странни люди одъ Влайковы' момака отели, — но како му є потомъ у руке пао, не знамо.

Бурямъ сад' погледи на Светозара: И! Господине! Та то є ондѣ было! И оно є Дука, Влайковъ отацъ было! Ао! Што знали писмо! Безъ сумньe онъ є было, одговори младить, и оно є дтьи ньегова была: — но Отацъ! Шта мы стоимо? По'итимо, што брже! Тамо су наши люди! Тамо є Новакъ! Ту тьесе може быти и судба кукавне наше Драгинье опредѣлити! О Боже! Она є сад' тамо! Ахъ тамо є она, сладкій Отацъ! затворена, стра'омъ на землю повргнута лежи, — лежи, и не смѣ красне своє и у сузи погружене зѣнице да отвори, и пламенно оно око' себе море да погледи! — ако му се ніє веть и жертвомъ учинила! Бурямъ се бяше предъ ньима окаменіо. Онъ часъ на младитьа погледаше, и споляшньим' знацима живый и нестрпѣльивый духъ свой, како се у ньему силно колеба, ньему изображаваше, часъ баци очи своє на Старога, изъ кога уста' рѣшенія не може да дочека, єръ видяше Старога замышльена, и не усудисе ништа проговорити му, да га не бы смутіо, и мысли му ньегове разсуо, одъ кои' за велико сад' предпріятіє мудре совѣте сви очекива'у. На конацъ машисе Старый сыну за руку, и удари юнака рукомъ по рамену: Буряме! Храбрый мой Буряме! Мени є

храбрость твоя врло добро позната! Ты видишь, какво жребіе сад' на насъ пада! Протегнутьешь, сыне, юначке мышце твое: но знай и то, да се онай управо юнакъ може ретьи, кой умѣ и у најжештьемъ сраженію себе умѣрити, кой зна присутствіе свога духа хранити, кой дужность свою извршуютьи и на животъ свой обзиресе. Буди великодушанъ! и у случаю поштеди и непріятеля! Но при свему не сметьи съ ума, да є *Драгиня* — ахъ сладко дѣте моє! — предметъ, за кой се мы сада у сраженіе пуштамо. Ово ти є сыне доста речено. Стани! Стани, не нагли! Нама се време договору тамо нетье дати. Я тьу *Светозара* имати поредъ себе; но и ты тьешь, колико ти случаи дозволе, поблизу насъ быти. Онъ є дѣте, и у таки' догадьаи' їошт' невѣштъ. Видимо л' се у каквой тѣснотьи, и повичемъ ли я: Бѣжи съ ньимъ! таки да си ме послушао! таки да си съ ньимъ, куд' будешь могао, побѣгао! За мене се, дѣцо моя, нимало не брините, — о! нимало! Я самь старый войникъ; я се знамъ у битки владати; я самь у томе и печенъ и куванъ. Ты, сыне, послушай, што ти се рекне! Заповѣсть мою да не преступишь! Дайте конье овамо!

Затутньи сад' земля подъ Бурямомъ. Юнацы! Овамо конье! Скидайте штите и шлемове! Дайте копля и буздоване! И — ю! Старый се насмѣе: Младости! Радости! Такавъ самь и самъ быо. Я самъ радіе у какву у рату битку ишао, нежели у сватове, — дотле ми се веть то у страсть претворило было. Отацъ! Опомените Вы ньега, рекне юноша, да се мало чува; видите, да є то преко мѣре силно. Е, да! ніе одъ потребе! Нек' и оно упамти и послуша, што му є речено! Єръ такавъ и у другомъ случаю слабо совѣту, но бурномъ срдца своґъ чувству слѣдує, а камо ли у овакой прилици! Тай нетье погинути, не бойсе ты; єръ на такву машину не удара свакій.

Кад' се спусте у равнице, лѣпо се обуку. Спрам' мѣсеца засвѣтле имъ се штити и на главама шлемови, као огледало. Припасаше и сяй-

но своє оружьє. Сад' съ пригнутомъ главомъ у редъ стану предъ Господина, надъ коє онъ мачъ свой дигне, и ньимъ свакогъ по рамену дирне: *Одъ мене Вамъ благожеланьє, а одъ Неба Божій благословъ.* То рекне, узсѣдне на коня, и съ дружствомъ своимъ управо къ двору по'ити. Што се они ветьма къ двору приближава'у: то имъ се видьенье ово ужасніе очима представляше. Силный шумъ одъ многогъ людства, рзанье коня', лупа и звукъ оружія, уши имъ заглушава'у. Єдни унутра воду вуку, дворъ гасе, и стреє нѣке доле свалюю, други гомилама врве на бедемове, и войску Дукину, съ Новаковомъ саюжену, унутра не пуштаю. Нѣка часть Влайковы' людій укаже имъ се и на-полю, противъ коє устремесе сад' и Херцеговцы. Юнацы! Држтесе добро! повиче єданъ састрагъ. Реля! Удри съ момцима и одовуд', и узби непріятеля одъ града! Ахъ! Нема мени Новака! На овай гласъ окрене намъ се Любомиръ, и позна у истомъ Заповѣднику кукавногъ нашегъ Дуку. Дука брате! Да одъ Бога надьешь! Шта є то съ тобомъ? Овай на то съ коньемъ приступи му ближже, погледи га внимателно: Господине! Є л' то могутье? съ удивльеньемъ рекне. О благословенно Небо над-а-мномъ! Благословена и судба моя! Дивный херою! Пріими участіе у невольи моїой! Помози бѣдноме Отцу! Дѣли са мномъ, любезный Господине! судбу ову, кою видишь! Присутство тье твоє ньи смутити, и видъ тье твой многе окаменити! — То изрекне и опетъ полети къ бедемима.

Любомиръ повиче на своє юнаке: За мномъ! и управо къ своимъ Херцеговцима потрчи. Загрми радостный гласъ овы',: И — ю! Господинъ *Соколовичъ* съ нама! Старый Херой и Полковникъ: Юнацы! удрите! Наша є побѣда! *Светозару* сад' найчувствителнія радость крозъ цѣлу крвь помили. Чиняше му се, да онъ на коню свомъ не по земльи, но по воздуху лети. Бурямъ затрепета, и съ широкимъ у єдной руци мачемъ, а у другой узду и дуго копльє држетьи тако усредъ непрія-

теля полети, да се земля подъ њимъ затресе. Непріятель, одъ оваке машине човѣка тронутъ, гомилама нагрне подъ бедеме у ровъ. Херой овай окренесе къ Старомъ: Господине! Ови грѣшници живи слетѣше у гробъ! Ама да ме є єданъ дочекао! Притрче сад' къ рову истомъ 'итри Херцеговцы, и све и' живе по'ватаю. Прочу часть овы' на-полю одлучіо бяше Реля са своима людма одъ бедема, и управо къ шуми тераютьи стигну и', узму имъ оружьє, и све заробе.

Сад' се Реля врати къ Любомиру, и понагле къ великой брани, гдѣ найветьа сила бяше. Господинъ Любомиръ запыта Релю за Новака, є ли живъ? и гдѣ є? Живъ є, одговори му онай; но яко є раньенъ, и ту є кодъ нѣки' пастыра'. Бурямъ, видетьи сад', како се овдѣ прибрани непріятель крѣпко држи: Ха! повиче, ово су люди! Баръ тьу знати, съ кимъ тьу се ударити! Дука, сирома'ъ, бяше веть посустао, и гласъ му одъ тежке вике, ободраваютьи момке, сасвимъ промукао. О! вели, само да бы се и горня часть крова запалила! Ондѣ се беззаконный сынъ и угнѣздіо. И ако то, придода, до пов часа не буде, њему тье помоть дотьи, и мы тьемо принудьени быти, одъ града одступити.

У найветьемъ овако очаянію Дука унывати почне; ал' наєданпутъ затутньи имъ земля одъ Херцеговаца, предъ коима Господинъ Любомиръ са Светозаромъ, Рельомъ и Бурямомъ 'итро конье обадаю. Ово Дуку сад' наново ободри; наново и све момке његове охрабри. Живо юнацы! подвикне старый херой — *Соколовичь* — Живо! Єдни на брану, други преко бедема! Бурямъ, као Нумідійскій лавъ, превали своє крваве очи, погледи на своє дружство: Юнацы! За мномъ повиче, и као муня къ брани полети. Ужаснесе сад' и самъ Любомиръ, кад' види, шта му се мачева надъ главу скупи, и како му варнице одъ шлема сѣвати почеше! Е мой сынко! рекне, веть си прошао! Реля! Дай момке овамо! Светозаръ на то уздане и окрене главу, да не гледи. Реля къ Ста-

ромъ одма дотрчи, коме онъ сад' преда Светозара, да га чува, пакъ ободе коня, и съ момцима управо къ брани! Стои лупа штитова и пернаты' оны' буздована'; кршесе коплья, сѣваю мачеви, играю мышце юначке, и текъ се Старый Херой къ брани приближи, непріятель ослаби и предъ њима уступи. Сад' союзницы съ веселымъ крикомъ унутра покуляю: но Любомиръ суетно Бурямa око' себе очима искаше. Коня му ту прободена измедьу мртвы' тѣлеса надьу: но њега нема! Они къ двору по'ите: ал' нѣке жижке (ракетле) као човѣческе главе одъ шуме на дворъ летѣти почну, одъ кои' и горньій кровъ на њему упалисе: но у истый ма'ъ Влайку около свои' 250 новы' момака додье, кои потрче у градъ противу овы'. Съ малымъ сад' на-полю оставшимъ числомъ ополчесе Реля и Светозаръ. Они на срѣтьу свою при самой брани измедьу бедемова себи бусію у'вате, гдѣ дуго, и свима на удивльенье, одпоръ непріятелю даду. Но видетьи напослѣдакъ, да имъ изъ града, одкуда су се они себи одъ свои' помотьи надали, додье за ледьа непріятель, кой є изнутра одъ Любомира потеранъ био, принудьени буду, изъ тога тѣснога мѣста путъ себи напредъ просѣтьи. Али одморни ови Влайкови момцы тако и' скуче, да се Реля за Светозара уплаши и повиче: Юнацы! Само Младога избавляйте, њега браните, оставите мене! Вѣрни Херцеговцы одма младитьа окруже, и єдни штитове своє надъ главомъ његовомъ држетьи, други унаоколо мачевима силно непріятеля одбіяютьи, продру и срѣтьно у полье изидьу.

Сад' имъ дотрчи преко бедема и нѣка помоть, и растркаюсе на понаособна у полю сраженія, и тако сад' свакій са своимъ противоборцемъ забавльенъ, єданъ за другогъ забораве, єданъ другога испредъ очію изгубе. Светозаръ, видетьи себе сад' веть одъ овы' разставльена, помысли: Ово за мене нетье добро быти! Гдѣ є мой Отацъ? Гдѣ є Бурямъ? И куд' се сад' окре-

те Реля? Я остадо' самъ. Онъ имадяше при себи їошт' нѣколико людій: но ови бя'у сами простацы, кои му сад' и на руку даду да се уклони, єръ у очи непріятелю онъ яко падаше. Нагне дакле съ коньемъ къ шуми, єда л' бы се съ друге стране двора какогодъ са своима састао, или и у градъ, ако буде могао, ушао, и Старогъ Отца потражіо, за когъ се бояше, да му погинуо не буде.

Но текъ што онъ на коню крозъ нѣкій шљивикъ по'ити, ето предъ њега троице! Позна и', да су непріятельи. Хотяше имъ се уклонити; али не може. Познаду га по одѣлу, да є єданъ одъ благородны', и зато полете къ њему, да га жива у'вате. Младить изсуне мачь, и станесе витежки бранити. Предайсе! повичу му, боље тье за тебе быти! Но овай ти намъ лупи єднога мачемъ по поф главе, кой се протеже мало на коню, па тресну о землю, и конь исподъ њега станесе по вотьняку утркивати. Она двоица, кад' то видѣше, грдни люди, разяресе као рысови, и потрче къ њему, да га свега на парчета изсѣку. Младить се стане мачемъ у єдной руци бранити, а широкимъ штитомъ у другой себе закланяти, и тако съ њима боретьисе приближисе къ єдномъ великомъ грму (расту), кой широке гране своє къ земльи спустіо бяше.

Єданъ окрене мачъ свой окомице, и полети му, съ намѣреньємъ, да га прободе, видетьи, да младить главу свою штитомъ вѣшто закланяше: но при истомъ његовомъ устремльенью спотакне му се клюсе и штитъ му падне на землю, а шлемъ му остане на грани. Светозаръ сад', видетьи га тако сбуньена, счепа своє копље и 'итисе окомице на њега. Но у истый ма'ъ онай другій потрчи младитьу са стране, и у малый часъ га копльємъ не прободе: но на срѣтьу његову скочи єданъ, сасвимъ непознатъ, мужъ съ грма, и овога єдномъ чворугастомъ батиномъ тако састрагъ по глави лупи, да се одма на землю прострео. Другъ његовъ, кога є Светозаръ копльемъ

само раніо быо, остави коня, баци одъ себе штитъ, пакъ бѣжи! Младить се сад' къ своmъ непознатомъ благодѣтелю обрати, да му захвали; ал' и овога нема! Дигне очи на растъ, и види, гдѣ се нѣшто црни. Ко си ты? упыта га. Но овай ни ромори, ни говори. Младить сад' сидье съ коня, и съ мачемъ у руци приступи къ ономъ смлатьенномъ у трави, и видетьи га, да се и не миче, по'ити, да му коня, кой мало далье одъ ньеда стояше, у'вати: но наєданпутъ повиче му онай съ раста: Светозаре! Светозаре! Чувайсе! Ето га боланъ за тобомъ! Младить се тргне, но докле се онъ окрену, овай мачемъ тако яко юношу удари, да му нису сребрне на каишу одъ штита копче преко рамена' быле, полакъ бы га разсѣкао быо. Сад' изненада тако ударенъ сбунисе, и немаде времена, мачъ свой дитьи, но с'вати овога за прси; али ньегово младо и витко тѣло у руку' овога гиганта сасвимъ бы растргнуто было, да му опетъ онай съ грма не притрча, кой супарника опетъ састрагъ ономъ тьуломъ у самый потылякъ тако удари, да є наєданпутъ о землю грунуо, и Светозара са собомъ повукао: Вышше устати нетьешь! ты, єданъ неблагодарный, кой си се толико на ово младо дѣте ополчіо! Да те ніє сынко несрѣтьникъ раніо? Мало ме є раніо овуд' по рамену, рекне младить, но хвала Богу и теби Отче! те ми є животъ остао. Старацъ извади изъ джепа єдно стакленце балсама и успе му на рану: Ништа, дѣте моє, не бойсе, нетье ти одъ овогъ ништа быти. Срѣтьанъ си, придода, те си мало пре одъ ньи' троице живъ остао, єръ самь я касно, да си ты, на умъ узео быо! Отче! Ако се я не варамъ, ты си онай нашъ духъ! Оставимо, рекне старацъ, сад' разговоръ, но сѣди на коня, и узми ове конье, па иди у дворъ, тражи Отца, и одъ ньега выше да се не разстанешь, — овомъ страномъ можесе непріятелю подкрасти. То рече и узлети опетъ на дрво своє.

И текъ што Светозаръ сѣдне на свога коня, и поведе са собомъ оне друге; ал' ето ти му

непріятеля' на сусрѣтъ, њи 7, задувалисе пѣшице: Камо га? вичу, гдѣ є то пасче? Младить се сад' уплаши, немогавши съ коњемъ на другу страну испредъ њи' побѣгьи, потрчи натрагъ, скочи съ коня, и по'ити, да се гдѣ у коровъ сакрыє: но ето ти му опетъ оногъ старца: Не плашисе сынко! Стани, скачи на коня! Сад' тьу я и съ њима дѣло распачати. Отче! Много и' є! Ништа зато, да бы и' и їошт' толико было! Чимъ младить сѣдне на коня, засвѣтлесе овы' мачеви: но Старый скочи предъ њи, сагнесе, и изъ руке стане предъ њи нѣшто 'итро бацати. Кад' ови на то наидьу, букне имъ пламенъ, и пукне имъ нѣшто подъ ногу' тако страшно, да се сви укоче. Сад' Старацъ почне на њи нѣке округле котуритье бацати, кои како на кога падну, одма се упале и пукну. Стане и' сад' дрека! Кидаю са себе 'альине и чупаю косе изъ главе; а не могу пламенъ да угасе.

На то Реля опетъ сабрао бяше момке своє, и случайно ту се съ њима приближи; на дреку овы' окренусе, и немало удивесе овоме видьенью. Притрче нѣколико њи' и ове по'ватаю. Но каква радость сад' буде свима њима, а особито Рельи, кад' ту надьу Светозара, за когъ су мыслили, да є веть погинуо? Но каква и њему буде, кад' се опетъ види медьу своима, и разумѣ за Старога Отца, да є живъ.

Волшебный Старацъ и сад' тако вѣшто свима се подкраде и исчезне, да га ни самь младить на умъ узео ніє, куд' се дѣде?

И зора се веть приближаваше; но време мало облачно, їошт' се не видьаше. Реля сад' съ момцима обидье на другу страну дворъ, а Светозаръ съ нѣколициномъ одтиснесе опетъ къ великой брани, гдѣ су му казали, да му є Отацъ. Кад' додье близу и види, како се сад' при брани туку, помиле му мрави: За Бога, юнацы! рекне момцима, є л' истина, да є Старый Господинъ живъ? И єсте ли кой кукавна Буряма гдѣ видѣли? Чимъ онъ ово запыта, ето му єднога слуге: За волю

Божію, Господине, гдѣ сте? О радостне вѣсти за мога Господина! Сатимъ потрчи, да каже Староме, но у томъ га другій предвари, будутьи да Старога срѣтне, кой веть къ Светозару пошао бяше. Простресе жуборъ по людству: Ево намъ Младогъ Господина! Ево намъ Светозара! За Бога сыне, повиче съ наводньенныма зѣницама Старый, гдѣ си ты? Младить скочи съ коня, и полети му на рамена. О Отацъ! Благословенъ Богъ нашъ! Мы смо живи! Но еда што за Драгиню? Разумѣли смо веть, сыне, да є ту, одговори Старый; но їошт' не можемо непріятеля да пробіемо. Мы бы могли што учинити: но я, сынко, штедимъ люде. Све лагано и паметно сыне, па тье добро быти. А шта є то? Ты си, сыне, раньенъ? Єсамь, Отацъ, но не бойтесе! Окрзнуо ме єданъ мачемъ, али мало. Старый се маши у джепъ. Ніє одъ потребе, любезный Отацъ! посули су ми балсамомъ: но молимъ Васъ, знате л' што за Буряма, є ли онъ живъ кукавацъ? А ко зна? сынко! Како є утрчао на ову брану, вышше га нисамь видіо: но Іосимъ су намъ и Нікола погинули. За Новака ми рекоше, да му є болье, и да є опетъ овамо дошао; но я га їошт' видѣо нисамь. То рекне, окренесе къ момцима: Юнацы! Шта є сад' тамо? Та оно се наново нѣшто упали! Скоро видите, шта се тамо буне?

На то дотрчи му єданъ: Господине! Овамо наши зло стоє! На то другій: Господине! Помоть! Овамо люде! Реля є съ момцима у саме бедеме стеранъ! Любомиръ на то: Заштита овамо! (Заштита є то, што сада кажу Гвардіа): Овамо скоро! На ову рѣчь затресесе земля, и 60 избраны' Херцеговаца, све сами коняницы, склопесе око' ньега! Стои звука на ньима штитова! Светозаре! Држисе поредъ мене! Юнацы! дайте позоръ на ньега! Сатимъ погледи на страну, гдѣ троица притрче, на заповѣсть готови стоєтьи, на коє Старый повиче: Милутинъ нек' остане съ людма овдѣ; Будимиръ са своима нек' иде къ Дуки, и Углѣша нек' задье одъ Рельине стране непріяте-

лю за ледьа, а мы тьемо у име Божіе продрети крозъ ове, и управо крозъ средъ града къ другой брани путъ нама просѣтьи. Не бойтесе ништа! Храбро се само држите! Плашите, растеруйте и непріятеля 'ватайте; но животъ му до крайнье нужде поштедите!

То рекне, дигне мачъ и подвіе свою полусребрну косу надъ свой сяйный шлемъ, па ободе халовита подъ собомъ зеленка: Юнацы! Време є! Кой што може нек' се покаже! Загрми цѣлый градъ, и облакъ се надъ ньима одъ пра'а съ дымомъ помѣшанъ дигне. Стои звека мачева! Копля се крше и штитови одъ буздована' пуцаю; а одъ вике людства сва се брда разлежу! Видъ Старогъ хероя ужасъ и трепетъ наведе на непріятеля. Нагрну предъ ньимъ бѣгати; но на єданпутъ истрчи Влайко: Юнацы! повиче, не бойтесе! Бацайте окомице копля на Старога! Нек' онъ само падне, па є свршенъ посао!

На ову рѣчь полете на ньи копля непріятельска; но вѣрни момцы Любомирови дигну своє штитове, одъ кои' копля одлета'у, и тимъ свога Полковника заклоне. Старый херой, чуютьи, како му копля око' главе у штитове лупаю, разсрдисе као истый рысъ, погнесе по коню своимъ, и исподъ штитова къ непріятелю истрчи. Онъ ни на умъ не узе, да му шлемъ съ главе спаде, но онако гологлавъ окоми своє дуго и оштро копльє, па управъ медьу непріятелье потрчи: Сынови ада! громовито продересе, окаяни и ума лишени! Сви сте пропали! Влайко на то, као громомъ ударенъ, протрне. Онъ хтяше своима їопит' нѣшто ретьи; но стра'ъ му прси стеже, и уста му се сува учине. Старый сад' потегне мачъ свой: Животъ нама, а душу дьаволу, бездѣлницы єдни! Юнацы! Удрите! сѣците! крвь є у ньима смрзнута! Сатимъ ма'не око' себе, и паденьємъ нѣколицине сви се поплаше и нагну бѣгати. Влайко ободе коня къ нѣкой магази подъ стрею: но лоша му срѣтьа и ту буде; єръ лупи

челомъ о греду и спадне съ коня; но ѝтро се опетъ исправи, и ту се у нѣке яме сакрыє.

Херцеговцы ветьу часть ньи стераю подъ стрею; но они се доѝвате нѣки врата, и скрѝаюсе у нѣкій подрумъ. Ови и ту затворе, и одтиснусе садъ єдни за другима по граду, — други съ Господиномъ и Светозаромъ поѝите на помоть Рельи.

И текъ што они тамо приспѣду, смотре множество непріятеля, кои се бяѝу на єдногъ скупили, и не могаѝу га да савладаю, єръ уѝватіо бяше юнакъ у єдномъ углю себи бусію, па преко єдногъ низкогъ зида изпучіо ужасне величине штитъ свой, и великимъ своимъ мачемъ тако живо непріятельске мачеве одъ себе одбіяше, да ни єдномъ къ себи приступити не даваше. Ово боренье учини на руку, да они, кои су у бедеме стерани, съ Рельомъ наполье поизскачу. Садъ и Реля са своимъ момцима, и Соколовичь съ Херцеговцима, поѝите овомъ момку на обрану. Али то бы за ньега поздно было; єръ ови су морали на криво извієнъ бедемъ обилазити: но онъ, видетьи себе у крайньой нужди, особито кадъ му се и мачъ готово до полакъ преби, тргне десномъ рукомъ шестоперный свой буздованъ, а у лѣву копльє, и тако изъ очаянія нагне посредъ ньи, и видетьи, да не може крозъ толико людій путъ себи пробити, протегне мышцу свою, и дерне нѣколицину окоѝ себе буздованомъ, коє съ црномъ земльомъ састави, па онда хипъ съ бедема у ровъ! и тако побѣгне.

На то и ови приспѣду, и непріятеля ту при бедемиѝ страшно нападну; многе ту потуку, нѣке у ровъ посвалюю, а нѣке и живе поѝватаю.

Ова побѣда садъ приведе проче у трепетъ, тако, да стану изъ града бѣжати: но нѣки, кои су у горню часть двора — найискренніи Влайкови другови — съ ньимъ сакрылисе были, почну викати: Юнацы! Шта є то? Юнацы! Ніє Вамъ срамота бѣгати? И волите у бѣгству изгинути, нежели їоштъ мало држатисе, докле намъ помоть

приспѣ? И ево намъ веть иде! Држитесе! Не шалитесе!

Соколовичь съ Дукомъ и Рельомъ одма своє люде у поредакъ ставе, и скоротека наполье пошлю, да види, иде ли каква помоть непріятелю? Но я то не вѣруєиъ, приложи Старый, то є лажь. Разредесе свуда око' двора, и стану промышлявати, како бы унутра утьи, и Влайка съ ньеговым' угодницима у'ватити могли. Дворъ єднако горяше; но собе, у коє су се злодѣи увукли были, подъ якимъ сводомъ закланя'у и', — врата, свуда гвоздена, пробитисе не мога'у. Особито преко послѣдньєгъ рова, при самы' врати', крозъ коя улазашесе, великій и желѣзомъ окованный мостъ бяше на желѣзны' ужети' дигнутъ. Словомъ, никаквы' начина' не бяше, да се унутра утьи могаше.

Соколовичь намѣри у *Приштину* по войску послати; но їошт' ласкаше му срѣтьа, нетье л' имъ се Влайко, у крайньой нужди будутьи, своєвольно предати? Єръ се бояше, да га у ветье очаяніє не баце, па да дѣвойку сироту, ако є ту, не убіє. — Дука за свою жену и дтьерь и заборавіо бяше, нити за ньи веть, онако опечальенъ, маряше. Светозаръ тужаше весма за Бурямомъ, а свою Драгиню ни съ ума не сбациваше. Натьитьемо є, говораше у себи, но, на ветьу жалость мою, мртву!

Кад' ал' момцы станусе бунити, и многи одъ ньи' полете на другу страну двора. Но! Шта є то? повиче Старый, и опали коня свога онамо. Светозаръ га стигне. На жалостный и плачевный гласъ женскій: Помоть юнацы! Помоть скоро! За име Хрістово молимъ Васъ, помоть! погледа на горнье прозоре, крозъ коє густый дымъ съ пламеномъ покуля, и виде женску персону, гдѣ се у очаянію у прси біє, и своє дуге и расплетене власи изъ главе чупа! Младить на то савъ затрепета, и узду изъ руке упусти. О ужаса преиспуньена случая! возопи, кога я видимъ! О грозна судбо! Кога ты смрти, кога ли печали

предаєшь? Драгиня, ахъ сладка моя Драгиня! То ли є жребіє твоє? Сатимъ облада ньимъ чувство, и наєданпутъ падне съ коня, као раный цвѣтъ польскій подъ остріємъ косе. Старый є, сбуньенъ, мало дальe быо, ово и не видѣ. Но добри момцы одма га дигну и къ себи поврате. Драгиня! о Драгиня моя? слабымъ гласомъ вопіяше, и на ону страну погледаше; но вышше є не видѣ. Шта я чинимъ? рекне. Юнацы! Коня! Жалостью утомльенный духъ ньеговъ опетъ сад' воспряне, крвь у ньему ускипи, и срдце ньегово у движеніе приведе. Пунъ крѣпости скочи на коня: Братьо моя добра! повиче, за мномъ!

И текъ онъ подъ ону стѣну приближисе и на прозоръ погледи, ал' видѣ, да дѣвица изъ очаянія хотье на землю да скочи. Но Старый повиче: Люди! Овамо дайте лѣствице! Седамь, осамь, момака одма повуку єдне грдно дугачке лѣствице, и стану стеняти, како да и' узъ стѣну исправе: ал' ето ти имъ єдне здраве момчине! Тури све око' себе, па ти намъ счепа самъ исте лѣствице, и хити и' подъ самый онай прозоръ узъ высоку стѣну. Сад' с'вати мачъ у зубе и потрчи узъ лѣствице, негледаютьи, да надъ истымъ прозоромъ стрея одъ старогъ крова найветьма распалиласе бяше, и да му се прегорѣла дрва на главу свальива'у. Сад' прочи са земльe узму на умъ. ко є онъ, и сви као изъ єдногъ грла ускликну: Бурямъ! Бурямъ! Господине, оде унутра! Светозару нашемъ ова рѣчь нову крѣпость у срдце уліє. Онъ скочи съ коня, и полети и самъ за ньимъ узъ лѣствице. Докле є Старый Господинъ за ньимъ погледао, онъ є ветъ за Бурямомъ у прозоръ узскочіо быо. Буряме! Любезный мой! повиче, та ты си їошт' живъ! На то имъ и други многи момцы узъ лѣствице се нанижу и унутра скакати почну.

Старый се плѣсну и уздану: Ахъ юнацы! Зашто допустисте? Но момцы му одозго викну: Не бойтесе! Не бойтесе ништа Господине, све є добро! Унутра бяшесе пламенъ утишао; но

одъ дыма ништа се не видьаше. Бурямъ подупрео бяше єдна врата, на коя непріятельи бя'у нагнули: Юнацы! повиче, ту намъ є Драгиня! Тражите є и носите є доле! Господине! Сидьите и Вы! Светозаръ у трепету не знадьаше съ момцима, у кой тье угаль скоріє. Бурямъ, осѣтивши, да му и врата изъ чепова веть дижу, єръ тако и' яко непріятельи подупрли бя'у, рекне лагано момцима, да изведу младитьа крозъ прозоръ баръ на лѣствице, ако и не узхтѣ чакъ доле ситьи Ови то учине. Онда онъ заповѣди имъ, те наєданпутъ съ ньимъ одъ врата' одскоче, — врата падну, и непріятельи предъ ньимъ стрмоглавъ на єдну р'пу свалесе, по коїой ови сад' заопуцаю єдни мачемъ, други буздованомъ. удри! На ово полете изъ ходника непріятельи други; али Бурямъ исправисе, и како се къ овыма окрене, све наєданпутъ съ дрвена ходника као мачитье чакъ доле на саму землю стури.

Сад' Светозаръ одъ єдногъ узъ лѣствице момка трепетьутьомъ рукомъ цѣпаницу луча пріимн, и по'ити унутра. Кад' тамо! Има шта и видѣти! Тринавсть непріятеля' као снопови леже. Нѣки бя'у сасвимъ изданули, нѣки се по споду їошт' превія'у, и крвь изъ ньи' врутьа ліящесе, коїомъ све стѣне орошене бя'у. Младить се сгрози, и съ лучемъ у руци по'ити по буджаци', но на гласъ єднога момка: Ево є, Господине! Ево намъ Господичне наше Драгинье! баци лучъ и потрчи за петь, и на дѣвицу, изванъ чувства сушту, падне: Драгиня! Мила моя Драгиня! Єси ли ты? Любезна моя! Проговори! Момцы се скупе и принесу му лучъ. Но како му сад' буде, кад' умѣсто оне, на коюо є мысліо, позна *Палмину*, Дукину дтьерь! О свето Небо! узданувши рекне, єда л' є твоє свр' мене какво попуштенье? Бурямъ, савъ крвавъ и разбарушенъ, приступи му: Но! Мы смо се преварили! Али ништа зато, Господине, — Живъ Богъ мой, у кога вѣруемъ, мы тьемо натьи и *Драгиню*! Аловъ юнацы доле! Узмите и ову персону! Дигну є, и како є крозъ

прозоръ изнесу, и низъ лѣствице съ њомъ подьу, испунисе цѣлый дворъ радостнымъ вопльемъ: *Да живи Бурямъ! Да живе Светозаръ и Драгиня!* О вы дѣдацы! рекне Бурямъ, и Вы се варате! Дѣвицу свѣжій и веть ютренньій воздухъ приведе сад' у животъ. Гдѣ самъ я? запыта, Отацъ! О сладкій мой Отацъ! єдва проговараютьи рекне. Кад' є спусти на землю, опечалесе сви, єръ су у њой Драгиню быти мыслили. Яве Дуки, кой дотрчи, и у своя є родительска обятія пріими. Мало потомъ ето їой и матере. Съ разсутым' власима трчи сирота по граду и запѣва: Палмина! дтьери моя! Палмина! Гдѣ си? Палмина! Сладко дѣте моє! Што се не одзиваш? Дѣвицу овай гласъ оживи, — врисне кукавица и къ матери полети. Єдна другу сладкима оросивши сузама благодаре своимъ избавительима. Старый Светозара, држетьи га за руку, тѣшаше, и Бурямъ га непрестанно увѣраваше, да тье онъ њему Драгинью, буди она гдѣ была, натьи и довести.

У граду сад' веть одъ непріятеля' нигдѣ никога не бяше, нит' се вышше ко чуяше ни видьаше. Уводе имъ додьу и кажу, да су сви, што и' є остало, прибѣгли ту у нѣку шуму, — нѣки утврдьава'у, да су ту видли и самога Влайка.

Давши времена Дукиной Господьи и дтьери, да мало додьу къ себи, стану пытати: Єда ли имъ баръ оне за Драгиню што казати знаю? Сладкій Господине! рекне Стара Любомиру, Влайко є, по трнью му се да Богъ да црева влачила! онамадъ єдну дѣвицу овдѣ у жалостный тай дворъ нашъ, како самь одъ младьи' чула, довео быо: но Бога себи за свидѣтеля узимамъ, да нити самь є я, нит' ю є ова моя ядна дтьи видѣла, нити знамо, куд' ю є несрѣтьникъ спретао и сакрыо? Но ако ніє, вели, опасно, да пустите момке по подруми' и магацини', ніє л' є гдѣ тамо склоніо! Камо та срѣтьа, придода, да сте гдѣ ниткова у'ватити могли. О у'ватитьесе онъ, рекне Дука, — нема мѣста, коє бы га одъ мене сакрыти могло!

Медьутимъ имъ и сунце иза горе огране, коє имъ и данъ ведаръ и найкрасніи обѣтьа. Бурямъ съ момцима, и нечекаютьи заповѣсти, одтиснесе у подруме, и у све магацине: но нигдѣ Драгиньи ни трага ни гласа! Дука одма пошлье Господьу и дтьерь свою са слугама у Приштину; а онъ остане ту съ Любомиромъ около двора штету свою прегледати и момке своє скупляти. Надьу, да му ніє толика штета ни учиньена, єръ магацини съ ра'номъ, млекари са смокомъ, и подруми съ віномъ, све є то невредимо остало; само што су му кровови изгорѣли, прозори излупани, вертъ савъ искваренъ и изгаженъ био. Но то є за Дуку све маленкость была, само да се ніє толика крвь была пролила, премда су съ Влайкове стране понайвышше разбойницы и скитнице коєкакве быле, што су изгинули, коє одма ту погребсти даду. Было и' є пало свега четрнаєсть. Онъ жаляше много за великомъ старомъ сааломъ, коя му є изгорѣла, у кою му є Господьа съ дтьерью убѣгла была, и не мога'у начудитисе, како є ту ватра ушла, коя му є све по ньой доматье ствари одъ части спалила, одъ части нарушила и искварила.

Дука се сад' весма уплаши, да тье за толике люде сад' подъ одговоръ морати дотьи, за коє моляше добродѣтельногъ Любомира, да му Бога ради сад' пріятель буде. Но кад' му овай каза, колико се и самъ одъ ньегова сына увредьенъ налази, за коє Дука їошт' и не знадьаше, и да є онъ зацѣло ньегову дѣвойку похитіо, опечалисе жалостный отацъ їошт' ветьма, кунесе Любомиру небомъ и земльомъ, да о томе ништа знао ніє, разсрдисе и заключи, сына своегъ дотле гонити, доклегодъ га не ухвати и везана у Призренъ не пошлье, па што му годъ судъ донесе. — За волю Божью! рекне му Соколовичь, какавъ си ты отацъ, да кодъ тебе жива сынъ дотле додье? О сладкій Господине! одговори Дука, не чудитесе томе нимало. Вама є добро познато, да самь дужность мою родительску чиніо,

и ништа, што є годъ зависило одъ труда и трошка, пренебрегао нисамь, да га добро воспитамъ, но всуе! Као да му є одъ самогъ єстества коренъ на свако невалялство у срдце усадьенъ. О блудный сыне! Сунце ти вышше не синуло! бришутьи мокре трепавице кукавный отацъ вопіяше, — Како тьу одсадъ предъ свѣтъ изитьи! Како честнымъ людма у очи погледати!

Любомиръ му на то лѣпы рѣчій ко утѣшенію изговори, и завѣшта му се, да тье га како кодъ Цара, тако и кодъ Бучина, и прочи у двору мотьи извинити, и оправдати: но само да гледи унапредакъ, таквомъ погибелномъ сыну, кой ньегову старость безчести, границу положити. Нема, любезный Господине, одговори Дука, нема мени другога средства, смирити га, и у чувство довести, кромѣ то, да га у войну предамъ, гдѣ тье га лесковацъ исправити и на путъ извести.

Они садъ, видетьи, да су имъ момцы, онако уморни, по обѣду мало спавати легли, сѣдну и сами са Светозаромъ обѣдовати. Запытаю за Буряма, но овогъ ту не бяше. Отишао є тай! рекне Старый, — ко бы га могао и задржати? Отишао є онъ, тражити своє дружство. Пошлю їошт' двоицу, да иду видѣти, гдѣ имъ се они съ Рельомъ на'оде? и шта чине? Сатимъ као стари, при чаши добра віна, заведусе опетъ у разговоръ, а Светозаръ узме слуге своє, оде подъ єданъ великій ора'ъ и легне. Имашь сынко право, рекне Старый, као да си мене пытао, — ніє се сирома'ъ заръ толико нотьій изспавао. Ако имате волю и Вы Господине, рекне Дука, изволите у дворъ, — ніє намъ, хвала Богу, све изгорѣло, — има постеля, наслонитесе и Вы мало. Да є послѣ подне, може быти, одговори Любомиръ; али садъ не могу; него айдете мало, да їошт' видимо, шта Вамъ є остало. О любезный Господине! уставши Дука рекне, Остало ми є доста! Но коме тьу? Лудомъ сыну? Да їошт' лудьій постане! Да самь и све, што имамъ, изгубіо, не бы самь браніо, као што ми є жао за честь мою.

Іо! Што є, ту є! Као предъ Вама, рекне Любомиръ, могу Вамь истину ретьи, да сте мало и Вы неразумно поступили, што сте сына, као млада, и слабогъ ума човѣка, тако напали. Было є ту и други' начина', да се онъ безъ сваке буне и вике, безъ крвопролитія и оволике штете, у'вати, и подъ стражу метне; потомъ да се суду представи, и судъ да га Вама, као отцу, на повиновеніе склони: не бы ли се пакъ онъ ни тако смиріо, исключити га изъ свію добара и наслѣдія. И Вы одсад', любезный брате, приложи му, неразумно бы сте на његово поправльење што и оснивати почели! Шта мыслите? Онъ има веть скоро 30 свои' година'; а кой дотле ніе памети стекао; нетье є заиста выше ни стетьи. Я Васъ сожалуємъ, да сте као съ єдинцемъ тако несрѣтьни! Господине! єсамь и сажальења, али самъ да рекнемъ, выше самь їошт' осудьења достоянъ. Іо! То Вы найболье знате! Я, Господине, я знамъ! И колико самь я у томе кривъ, то ми є жена двапутъ. Я самь на њега, као што самь Вамъ и отоичъ казао, трошіо, и на науке га шиляо; но као єдиче, не было ми га! размазимъ и покваримъ. Сатимъ удьу у дворъ, и овако изъ собе у собу про'одетьи разговара'усе.

Кад' ал' изненада чую нѣку вику и крикъ людій на-полю, и текъ што они низъ степене у придворье стрче, ето ти имъ єднога слуге, гологлава, задуваосе: Господине! возопи, Скоро! Овамо се веть туку! Непріятельи изненада никоше изъ шуме, и наше, кои' є мало, и поспали су были, обколише! Тьути яданъ! повиче Старый, а шта є са Светозаромъ? Сатимъ безъ душе потрчи, и кад' чу гласъ: Светозару на помоть! Светозаръ намъ погину! савъ протрне, баци очи на све ньи, кои се по равницама све на нѣке чопоритье съ непріятельима у'ватили бя'у, и имаютьи готово свакій момакъ по два, по три, и по четыри супарника своя, съ коима се боря'у, не могоще ни єданъ сад' младомъ нашемъ Светозару на помоть притетьи. Стои цака мачева! а Старый

сирома'ъ, сбуньенъ, држи мачъ у руци, окретьесе и виче: Светозаре, сыне мой! Гдѣ си? Светозара люди Божіи дайте! Али на ово немаде нико времена да му одговори, докле му самъ Дука не повика, и къ младитьу не потрча: Овамо Господине! Овамо! Ево намъ Светозара! Влайко сынко! уплашенъ сад' Дука повиче, да одъ Бога надьешь! Шта чинишь? Познаєшь ли, на кога ударашь? Любомиръ на то окренесе, има шта и видѣти! Влайко изненада напао на Светозара, и тако се съ њимъ у'ватіо бяше, да имъ стои звизга мачева око' главе! Влайко зама'не, да га по вр'ъ главе удари, но младить му тако вѣшто мачъ одбіяше, да варнице одъ њега полета'у. Сад' любовь родительска старомъ Любомиру юношеске ноге дарує, юношеску му бодрость у срдце уліє. Онъ самъ ніе знао, како є онако у стра'у узъ нѣко брдашце сыну своимъ на помоть потрчати могао. Не дайсе Сыне! повиче му гушетьисе узъ брдо, не дайсе! Држисе юначки! Тако, тако! Мало ѣошт', мало! Онъ є пропао! Влайко се на то уплаши, и видетьи, да искусномъ младитьу мачемъ не може досадити, коме и Старый сад' на помоть трчаше, разярисе као рысъ: кад' самъ пропао, вели, нека знамъ баръ, зашто? и счепа Светозара за прси. Хотяше га рукама опасати, но и у томъ га искусство младитьа предвари, єръ раскорачи овай ноге, и укочивши своє витко тѣло испучи му прси, па у истый ма'ъ, кад' се Влайко мало на єдну страну уздигне, да га болье поду'вати, 'итро га младить заошія, и тако ти намъ съ њимъ о землю тресне, да му є одма крвь на уста ударила. Сад' с'вати мачъ свой, и стане му ногомъ на прси, а мачъ му наслони подъ котлацъ: Дед' сад' несрѣтьный сыне! повиче на њега; діктірай ми сад' писмо, што си желіо! Давно си бѣсанъ! Давно си смрть заслужіо! Хотьешь красти тудье дѣвице? а? Хотьешь палити дворове отчине? Ниткове єданъ! Видишь, на што те є врагъ твой довео! Забораві о си, шта є и у Призрену было! Є ли? На то

Дука: А! ха! Богъ да прости! Тако теби валя! Веть си доліяо! Убій сынко пса, кой безчести родъ човѣческій! Пролій погану крвь бунтовнику єдномъ! Но Любомиръ повиче: Не! Доста сыне! и младитьу мачъ изъ руке узме: О Боже! рекне, теби благодаримъ! Ей мой Влайко! Ей мой сынко! Шта си учиніо! Отацъ, срдитъ, залети му се и тьуши га: Колико мой, толико Божій! Проклето сѣме! шкрипетьи зубма рекне му, и тргне мачъ, да га удари; но Светозаръ му притрчи: Не, не! Господине! Помыслите, да сте отацъ! Удржите гнѣвъ Вашъ, кад' я мой спрамъ ньега уздржавамъ, кой ме є убити хтѣо; смилуйтесе и Вы. Я Вамъ га изъ моє руке предаємъ, али као отцу предаємъ, а не као судіи. Ове великодушне рѣчи приведу сад' оба Старца у умильењє. Они погледе на ньега, као на нѣкогъ ангьела: Сыне мой добродѣтелный! Чедо моє мило! проговори Любомиръ, испустивши радостну изъ очію свои' сузу, сад' си мой сыиъ! мой любезный сынъ! полюбивши га рекне му, и у моимъ очима за твоє великодушіє юнакъ! То я у теби почитуємъ, и то тебе великимъ чини, а не толико, сыне, храбрость твоя, коїомъ си га, као убійцу твога, на землю поразіо; не ни вѣштина, коїомъ си му тако доскочити умѣо, — но великодушіє твоє, великодушіє, коимъ си као вѣнцемъ храбрость твою сада украсіо! Устай Влайко! Загрльи сынко колѣна увредьенномъ родителю твоме, и утоли праведный овай гнѣвъ ньеговъ противу тебе! — Не ньему, не ньему, но Вама, о дивный мужу! одговори Влайко, и клекне предъ Любомира, — Вама, велимъ, и добродѣтелномъ юноши овомъ, кога є храбрость мене поразила, кога є великодушіє мене сасвимъ посрамило! А ты иди! Иди испредъ очію мои'! рекне отцу, — Немашь власти ни толико, као нокатъ над-а-мномъ! Овай има, кой ме є побѣдіо, кой ми є животъ опростіо, противъ кога си се ты, жалостный тобожъ родитель, сад' съ мачемъ ополчіо быо! — Светозаре! Добрый мой Светозаре! Дозволи ми, колѣна твоя загр-

льити! Я самь тебе, брате, увредіо! Я самь Богу и теби сагрѣшіо! Я самъ признаємъ, я ти се и молимъ! Страсть є мене избезумила, мене заслѣпила была, — я самъ не знамъ, шта самъ чиніо. Прости ми! О прости ми! И благоразуміємъ твоимъ извини слабость мою! Помысли, да самъ човѣкъ, плоть немотьна! Драгиня є твоя овдѣ, овдѣ брате близу. Я ти є предаємъ! Предаємъ ти є, любезный, невредиму. Любовь є моя къ њой толико силна была, да є побѣду надъ страстима моима одржати могла. Моя се рука нiє ње коснула; о томъ ми є свидѣтель, погледавши на небо! и срдце моє.

Младомъ Светозару потеку на то сузе, загрльи Влайка и погледи на Старога: Любезный Отацъ! Срдце му моє пращта; и Вы Ваше немойте му затворити! Онъ є истина насъ увредіо, насъ оскорбіо: али — како є онъ опетъ при свемъ свомъ невалялству благородно съ Драгињомъ поступіо! Старый на то, дигнувши рамены: Докъ видимо їошт', и како намъ дѣте наше каже! Докъ чуємо одъ њье, ако є истина! Влайко сынко, да се ты ниси њейзина дѣвства коснуо? Я похваљуємъ у теби ту добродѣтель, и колико є я цѣнимъ, датьу ти топрвь познати! Я Вамъ Господине! рекне Влайко, рѣчи моє опетъ повторавамъ, и потужи ли се дѣвица за оно што на мене, кромѣ што самь є при мени затворену имао; животъ є мой сад' у Вашой власти! Чините са мномъ, што Вамъ буде драго! — Добро, сынко, то намъ є доста! Дай намъ є дакле! Казуй намъ, гдѣ є? па тьемосе за све проче лагкше разговарати! Айде съ нама! Юнацы овамо! Сатимъ поведу Влайка, онако обезоружана, и момцима, као лавовима окружена: а његови су се медьутимъ сви разбѣгли были, како су видѣли, да га ови у'ватише.

Єдва се они съ Влайкомъ крену и къ шуми нѣкой подьу; наєданпутъ дигнесе предъ њима облакъ одъ пра'а. Затресесе земля одъ топота коня', и зазвече дубраве одъ крика людій. Но! Ово опетъ нетье добро быти! рекне Влайко, мои

су се люди морали наново съ Вашима потутьи! Єръ они їошт' не знаю, да самь я у'ватьенъ: — но ускорите, и гледайте, шта тьете чинити! Я самь, вели, Драгиню предао Філіппу и Луки, найвѣрніимъ моимъ и старымъ служительима, и казао самь имъ, да се съ ньомъ у оной поляни иза она' два' велика' раста' налазе, но тако, ако бы и' каква сила потерала, да бѣгаю съ ньомъ за оно брдо, гдѣ се нѣколико пастырски' колеба' налази, и ту да є сакрыю. — Е мой сынко! рекне Любомиръ, како да ти се опрости, кад' си свемъ овомъ злу началный узрокъ? Дука, кой савъ преблѣдіо бяше, сад' поцрвени, и зашкрипи зубима на ньега.

Но Светозаръ повиче слуге: Дайте конье овамо! Дайте оружіє! Полете сви момцы, и за тилый часъ све то готово буде. Заблистасе младитьу шлемъ на глави, и затрепета на ньему златна челенка. Момцы му сад' пруже оружіє, коє се као млеко свѣтляше, єръ му га наново очистили бя'у, и тако оправльенъ заиграваше подъ собомъ Зеленка, и нестрпѣльиво погледаше часъ на ону страну, одъ коє шумъ сраженія чуящесе, часъ на Старога Отца, хотье л' веть єданпутъ на коня сѣсти? Єръ ту сад' не бяше слободно, ни єданъ коракъ одъ ньега одступити. Старый се съ Дукомъ мало на страни ти'о разговараше, шта тье сад' съ Влайкомъ чинити? и найпослѣ заключе то, да ньега отацъ нипошто одъ себе не пусти, и да га никоме другомъ подъ стражу не повѣри, но да га самъ съ 20 свои' момака и 10 Херцеговаца ту у єдномъ лугу чува, докле се онъ са Светозаромъ изъ битке не врати.

Сатимъ Дука остане, а ови изидьу на єданъ холмитъ, съ кога видѣти мога'у, гдѣ се бія'у. Ту сад' да Старый Соколовичь у рогъ дунути, и момке своє, кои се бя'у коєкуд' разсули, скупи. И текъ што єдну умку, за коїомъ се вика и звукъ оружья чуяше, преєзде; ал' усмотре, како се ту по полю віяю. Єдни на коньма съ дугима у руци копляма 'итро се утркую; онай копльє удес-

но баци, овай штитъ свой подметне и копље му у'вати; другій се залети, да своґъ супарника копљємъ прободе, но овай му варне, а онъ мимо њега на коню посрне; други на земльи яростно окупилисе мачевы, — стои имъ звизга мачева око' главе! Нѣки се бію буздованима, да имъ се одъ лупе штитске горе разлежу; нѣки пакъ и за перчине у'ватилисе бя'у, па єданъ другогъ по равномъ полю вуку и натежу.

Старый Господинъ, видетьи, да є ту разбойника' много вышше, уплашисе за своє, но будутьи да имъ у сраженію никакавъ поредакъ не бяше, усудисе са своима, до єдно 35 њи' добры' юнака', кои сви на коньма бя'у, ударити; али текъ што онъ своє момке, како тьесе ударити, увѣштавати почне; ал' се непріятельи на нѣкій изъ єдне долине гласъ и трубу сви тамо устреме, и момцы Рельини за њима потрче. Любомиръ сад' на своє повиче: Юнацы: за миомъ! Светозаре! Да се єдну стопу одъ мене отитьи ниси усудіо! Момцы! Дайте позоръ на њега! Сатимъ полегну онако на одморны' коньи', Старый са Светозаромъ напредъ, а момцы сви за њима, посредъ непріятеля', одъ кои' веть Рельини момцы и бѣгати почели бя'у, — но видетьи сад' старога свога вожда воспряну опетъ и наново оживе! Удрите юнацы! Весела Вамъ майка! узвикну, Ево намъ и Господина нашегъ! Староме то мило буде, позовесе на своє младо време, колико є онъ путій у ратовима по Марсовомъ Полю овако се съ непріятельима повіяо, особито съ Бугарима при Струмици рѣци, кад' су гордогъ краля Міхаила побѣдили. Онъ сад' пурпурну свою свиту на єдну страну окрене, исподъ коє му се широке токе на прсима као сунце заблисташе. Потргне мачь свой одъ бедрице, па и негледетьи на момке своє, кои му као сѣнка узастопце слѣдова'у, но управъ у гомилу, и єднымъ замашаємъ двоицу и троицу са земльомъ саставляше. А кад' чуше, гдѣ имъ спредъ Рельини момцы вичу: Овамо коняницы! Овамо Господине! Погину намъ

Бурямъ! други на то повикаше: Драгиню люди не дайте! тако ти намъ нашъ старый херой у движенiе додье, и тако се на коню 'итро окретати, и мачемъ, кой му као каквомъ юноши у руци играше, путъ себи просѣцати почне, да непріятельи ни толико времена немадоше, съ пута му се уклонити, но гомилама предъ ньимъ пада'у, кое онъ на огньевитомъ своме Зеленку, да и' погазiо не бы, 'итро прескакаше. Али у истый ма'ъ, кад' се окрене на єдногъ, кой га съ лѣве стране буздованомъ у штитъ лупи, ужаснесе, кад' види, гдѣ копльє непріятельско Светозара окомице у прси удари. На срѣтьу погоди га у токе, и не учини му никаквога вреда. Не бойтесе Отацъ! повиче младить, нiе ме убiо!

Чимъ они овако крозъ непріятеля продру, и съ Рельомъ се и момцима ньеговыма саєдине, проспесе радостный усклик свуда: Ево намъ Драгинье! Ево Буряма! Овамо юнацы! На кой гласъ сви сад' поврве, и Светозаръ ободе коня на нѣкiй брежулякъ, да преко коняника' онамо болье видити може. Но каква сад' радость! Какавъ ли стра'ъ и удивльенье испуни юношеско ньегово срдце, кад' видье вѣрнога Буряма свога, гдѣ Драгиню, полумртву, на раме упртiо бяше, и посредъ непріятеля' съ ньомъ бѣга, а мачемъ се брани! Тронутъ удари коня златномъ остругомъ своїомъ узъ бокове, тако, да є као муня полетiо, и наєданпутъ се посредъ стана, гдѣ се туку, видье, и непріятелю за ледьа по'ити. Момцы ньегови, кои га неодступно свуда пратя'у, полегну сад' на коньи', и съ окренутым' на непріятеля копляма продерусе съ ледьа': Уа! Удри! Сѣцы! и не пуштай! Но нѣка здрава и црна людина, о коме послѣ дознаду, да є Циганинъ бiо, залетiосе на Буряма, и упре му копльє подъ лѣву пазуу, како є сирома'ъ дигао бio руку, носетьи дѣвицу, и у малый часъ га не прободе: но юнакъ се 'итро окрене, и копльє му, якомъ мышцомъ своїомъ къ себи прикучивши, пребiє: на то Светозаръ затрчисе, и овоме по полакъ главу мачемъ

разсѣче. — Сад' непріятельи, сбуньени, єръ напредъ Старый са своима држи и не пушта, а састрагъ потера и' младый Светозаръ, не знадоше, куда тье? Баце оружьє, и сви се, кои су ту были, предаду. Бурямъ, гологлавъ, разбарушенъ, и савъ крвавъ, као да су га месарски пси клали, съ пребієннымъ у руци мачемъ, и съ блѣдомъ на рамени' дѣвицомъ, управо предъ Старога Господина и предъ Светозара: Ево є, Господиие! Хвала Богу, те є живу изъ пасіи' руку' исхитисмо! Юноша и Старый сад' радостни притрче; но Отацъ є у своє руке найпре пріими: Любезно дѣте моє! Мила дтьери моя! любетьи є рекне. Дайте є овамо, Отацъ! Метните є на ову цвѣтну и мегку травицу, радостью трепетъутьи вопіяше Юноша. Сладка моя Драгиня! загрльивши є повиче, бѣдна страдателнице, невинна жертво! какавъ є блаженъ овай часъ за мене! Проговори любезна моя! Не чуєшь ли гласа мога? Не видишь ли, ко те грльи и ко те люби? Доста, сыне, доста! Не плачи! Сад' тье она дотьи къ себи! Дайте водице, да є умыємо! Младить скочи, и кондиръ съ віномъ донесе. Имашь право, сынко, сиртье бы їошт' и болье было. Кад' є мало умыю, отвори своє мутне очи. Старый ма'не на младитьа, да се мало за ньега заклони, да є не бы изненаднымъ своимъ явльеньємъ наново смутіо. Гдѣ самь я? изумрлымъ чисто гласомъ проговори сирота, гдѣ самь я сада? Отацъ є наново къ прсима своимъ пригрльи и полюби: Повратисе, дѣте моє драго! Повратисе! Ты си сад' у наручіяма твогъ Старогъ Отца! Сладко чедо моє! Ты си веть избавльена! Отацъ! Любезный мой Отацъ! Но да се не варамъ? Єсамъ ли я будна? Єси, срдце моє, єси, и очи тебе не вараю. Я самь твой Отацъ! Мы смо тебе избавили! Сатимъ болье додье къ себи, наслони Старомъ немотьну главу свою на прси и бризне плакати. Немой дѣте моє, немой плакати! Доста смо плакали, доста смо тужили! и самъ бришутьи сузе говораше, време є веть, да се утѣшимо, да

се веселимо! О любезный Отацъ! Оставите ме! Оставите ме паче да умремъ овако ти'о на Ваши' руку', на Вашемъ отеческомъ срдцу да умремъ! Немой дѣте моє сладко скорбити! Одтргнисе изъ тогъ унынія! Светозаръ мало животъ не изгуби! Шта Вы говорите? Светозаръ! съ удивльењемъ запыта она, Светозаръ є дакле живъ! Живъ є, да како, голубице моя, а да шта си ты мыслила? О Отацъ! На што ми животъ повратьате? Защто ли онымъ изумрломъ момъ срдцу ласкате, о чему ме вышше увѣрити не можете? Светозаръ є погинуо! На то є младитъ ти'о за руку у'вати, и другомъ є къ себи пригрльи: Драгиня! Светозаре! єдно другоме викне, и найчистія любовъ и изненадна радостъ сад' и' мало занѣми. Потомъ младитъ: Ево се увѣри мила моя и любезна Драгиня, рекне їой и полюби є, увѣрисе, да самъ живъ и повратисе, поврати намъ надежду о твоме животу, осуши веть лице твоє одъ суза'. Она на то прикучи га опетъ у чиста своя дѣвоячка обятія: Светозаре! Сунце моє! Дозволи мало сузама моимъ; оне су сад' мени сладке. Ты ми животъ поврати! О света надъ нама Небеса! Помозте ми снети мою радостъ! Отацъ мой сладкій! любетьи му руку, шта се учини одъ мене? и єсмо ли мы веть у безопасности овдѣ? То рекне и погледи на момке: Ово су наши люди, и сви заръ мои избавительи: но гдѣ намъ є Бурямъ? Да ніє погинуо? Бурямъ, кой мало дальe сѣдъаше, и балсамомъ ране своє посипаше, то чує: Погинуо, вели, да! Ніє то тако погинути, но ево ме изгребли пси; баръ да самъ одъ кога юначку рану могао добыти! Но дьавоо и' знао, како су ме окрзавали!

Светозаръ му съ Драгиньомъ исподъ руке приступи: Буряме! Ево ти благодари Драгиня моя! Сатимъ извади шаку дуката, и састрагъ поспе га по глави. О! О! повиче овай, каква є то златна роса? Младитъ исподъ руке пружи Драгињи кесу єдну са сребрны новцы, а ова му є спусти у нѣдра и стане му ране привіяти. Гле

сад', рекне херой, Господична! Та на што мени ово? Болье, купите Вы мени єданъ добаръ мачъ, зашто самь веть три пребіо! О купитьу я теби и мачъ, рекне юноша, не старайсе ты! Ал' онако што пояко, Господине, єръ коя полза одъ слабога? Не може човѣкъ у нужди ни да кога поштено лупи. Сатимъ устане и насмѣєсе: Ала, Господине, Богъ да прости! Поштено се проиграсмо! Ово є, брате, мѣсто за пролупатисе, а не као нотьась по оны' тьумези' у ономъ проклетомъ двору, гдѣ се умал' не спрльисмо. И на мою душу, да ми онай црный врагъ не додье, крозъ нѣке ме буджаке не проведе, не знамъ, како бы самь изишао био. Кой то? Та онай нашъ вражкій вѣштацъ! Но жао ми є, што ми се онай окорелый изъ руку' измаче; а мал' га не у'вати'. Кога то? Влайка? Та Влайка! Влачили землю по ньему! Тако самь га у двору лупіо, да є одма о стѣну ударіо, — но угради врата и побѣже! — Ма онъ є веть у'ватьенъ! Драгиня! И не кажемъ ти! Мы смо Влайка у'ватили! Бурямъ се зачуди: Та Божья Вамъ вѣра, Господине, єсте л' га у'ватили? Но! кад' ти кажемъ! Сад' тьеду га довести! А! Ево гдѣ га воде!

Бурямъ огрне одма свою диванъ-кабаницу, узме у руку онай пребієнный мачъ, и накриви шлемъ на єдно око, са задѣнутомъ у ньега великомъ одъ раста зеленомъ граномъ, пакъ прекрсти руке, и гордо узнесе главу, накострешисе и подье къ Влайку, коме стане нѣке смѣшне компліменте правити. Влайко га мрко погледи, а онъ ньему: Господине! Вы сте нѣшто невесели! Вальда писте данась у добромъ расположенью, или може быти ніє Вамъ по вольи, што су Васъ у'ватили? Ю! Свака сила за времена, а неволя редомъ иде, — бяше мировати!

Светозаръ погледи на момка, осмѣнесе и намигне, да га се продье, доста му є, да му не поноси. Ахъ! Не могу га моима очима гледати! рекне Драгиня. Онъ є узме мало на страну: Любезна моя Драгиня! Пре, нежели тьешь ты нама

жалостну повѣсть твою преповѣдити, како те є овай беззаконный, или паче безумный човѣкъ у'ватіо, я тъу теби овдѣ єданъ малый вопросъ учинити, коимъ судимъ да нетьу твою нѣжность увредити, и мыслимъ, да ты одъ мене нетьешь таити: Є ли се Влайко твога вѣнца коснуо? О мой Светозаре! Кад' бы то было, не вѣруємъ, да бы си ме сад' овдѣ живу и гледао. Ветьу благодарность я Богу зато, што ме є одъ тога сохранiо, у момъ срдцу осѣтьамъ, нежели за самый животъ мой. И нiє? Нiє заиста! Влайко є ипакъ баръ нѣшто човѣчества у себи имао, и я му зато много праштамъ, што ме є увредiо. Я тъу и Старомъ Отцу нашемъ ово саобштити, и онъ тье такодье имати спрамъ ньега у суду призрѣнiє; а ты тьешь намъ повѣсть твою точно исказати.

Сатимъ додьу Староме, кой се съ Дукомъ и Рельомъ, на трави сѣдетьи, разговараше. Бурямъ заповѣди слугама скупитисе. Скину торбе съ коня', и ту сви заедно обѣдую. Віна су себи изъ двора дали донети. Зазвече имъ сад' чаше о чаше. Измедьу свію храбры' юнака' за Бурямово су здравльє найвышше пили. Светозару жао буде, што Дука и сыну не допусти съ иьима сѣсти. Ньему су, као єдномъ подъ стражомъ, особито єсти дали.

При обѣду на захтѣванье, особито Светозарово, Драгиня преповѣди имъ паденiє своє слѣдуютьимъ начиномъ: Онай данъ, кад' сте Вы Отацъ са Светозаромъ на села отишли, паднемъ я врезвычайно у нѣке меланхолическе мысли, тако, да найпослѣ помыслимъ, ово нѣшто нетье добро быти. Уплашимсе, да се Вама на путу што не догоди, а Светозара ни съ ума сметала нисамь. Три дана учинесе мени три године, — Четвртый данъ, веть къ нотьи, ето ти мени наше бабе Станаре: Господична, вели ми, шта тьете ми дати, да Вамъ лѣпо ново кажемъ? Ево, придода, иде намъ Младый Господинъ! Мамица у истый ма'ъ не буде дома, — айдете, вели, са-

мномъ, да имъ на срѣтенье изидьемо! Те я сирота за ньомъ! И текъ што се съ ньомъ узъ потокъ одъ верта нашегъ удалимъ, изникоше предъ насъ три мужа на коньма! Окаменимсе, кад' умѣсто Васъ страшне и непознате люде видимъ. Изъ рѣчій бабины' познамъ, да су ню преварили. Єръ она, кукавица, и сама нієе знала, да тье они мене одвести. Любомиръ на то: Но! Монъ ами є право имао, а и она є матора бестія точно исповѣдила. Казуй сынко Драгиня, казуй! Слушай брате, како є было, и како ти се сынъ владао! — Ту ме у'вате, и на планину *Орловацъ* изведу, гдѣ поредъ пута їошт' четворицу застанемо, измедьу кои' познамъ Вашегъ сына Влайка. Господине! повичемъ, шта сте Вы намыслили са мномъ. Я веть видимъ, да є Ваше масло! Онъ се на то осмѣне на мене: Не бойсе, вели, ништа! Я самь добро намысліо, ако и ты будешь умѣла за добро признати. Показатьу ти, придода, да тьешь ты при мени много задовольнія быти, нежели при Соколовичьу, само єдно одъ тебе захтѣвамъ, да се трудишь, на младогъ Соколовичьа одсад' заборавити, и време тье те увѣрити, да онъ нієе у станью, онако те срѣтьномъ учинити, као што самь я. Ахъ, накратко да кажемъ, метне ме на коня, и донесе ме у єданъ замакъ. Ту ме на моє упорство затвори. Цѣлымъ путемъ, и ту цѣлый тай данъ затворена, я образа' мои' одъ плача не осушимъ.

Кад' буде у вече, ето ти ми ньеговы' людій! Узму ме одатле, и донесу ме у єдно село. Уведу ме у єдну малу кутьицу, у коїой и ньега застанемъ. Предусрѣтне ме ту найучтивіе, и стане ми оно обѣтьавати, што заръ ни Монголскій Царъ нема: но кад' види, да му се кодъ мене ни єдна рѣчь не пріима, скочи на ноге и стане ми претити, ако се я лѣпымъ начиномъ за ньега потьи не склонимъ, да тье онъ са мномъ поступити, као што не треба. Шта ты, вели, држишь на себе? Ты ниси Соколовичьа дтьи, нити мысли, да тье тебе ньеговъ сынъ узети! Не знашь ты, прило-

жи, да Царъ Светозару свою сыновицу хотье да да? Ты си єдна сирота! Само што си лѣпа! Но коя ти є полза, вели, кад' си слѣпа, и не видишь ону срѣтьу, кою ти Богъ дає, да Господьа будешь? — Господьа, Богме, сынко, придода доматьица, те їошт' каква Господьа! Да живишь, као єдна мала царица! Айде Бога ти баба! повичемъ на ню, гледай ту преслицу! Знамъ я, зашто ты то говоришь?

По довольномъ ту препиранью онъ се разсрди и оде, а баби наложи, да ме чува и заръ да ме совѣтує, да саизволимъ за њега удатисе. Три дана изидье ми та стара жена бабскима своима аргументима на вр'ъ мозга; найпослѣ хтѣла самь є тутьи, єръ у очаянію и туги промѣни човѣкъ и наравь свою. Третьій данъ у вече ето га, гдѣ додье. Онъ, видетьи, да нити є време, нити є баба, ораторъ његовъ, какву нибудь промѣну у мени учинити могла. разсрдисе, и почне ми претити, да тье онъ мене убити, ако за њега не подьемъ. Убій! рекнемъ му мужественно, убій окаяный! Волемъ и црну смрть, нежели тебе. Дуне на то као бѣсанъ, и оде. Господине! Сынъ є Вашъ! но Вы мени опростите! Я самь увредьена одъ њега; я говоримъ истину! О сладко моє дѣте! узданувши одговори Дука, казуй ты само! Престао є онъ моимъ сыномъ быти, докле є онаѓимъ несрѣтьникомъ постао. Онъ оде, а я опетъ кодъ бабе до ономадне останемъ. Юче додьу момцы његови, и донесу ме у тай истый замакъ, што є изгорѣо. Како су ме у придворье момцы увели, продересе съ горњи' прозора' као рысъ: Затворите, вели, ту кучку у єдну собу, па сви узимайте оружье! Яо жалостна! рекнемъ у себи, шта тье то сад' быти? Текъ ме єдни у нѣку собу поведу; ал' други съ врата' повичу: Доле! Доле съ њомъ у тамницу! Господинъ є заповѣдіо!

Уведу ме дакле сад' кукавицу у помрчину, и ту ме саму самциту оставе. Чувмъ, да поставише и стражу на врати', да ме чува. Паднемъ

на колѣна, и пошто се, Богу молетьисе, сита исплачемъ, и не знамъ, како самъ задремала и заспала. На нѣку вику тргнемсе, О! стои вика и праска по цѣломъ замку! Крозъ єдно мало окно смотримъ и ватру, гдѣ дворъ гори! Ноть є, не знамъ, ни кое є доба. Уплашена потрчимъ къ вратма; но скр'амсе у тами на нѣку бурадь, и сѣтимсе, да самъ у каквомъ подруму. Єдва коєкако до врата' напипамъ, крозъ коя провиримъ, и видимъ при врати', гдѣ се нѣшто свѣтли, велико и округло, као глава човѣческа, окретьесе и игра по земльи! Но кад' наєданпутъ пуче, тако се тргнемъ, да самъ пала. — Я се исправимъ, и опетъ крозъ врата виримъ; ал' пукне їошт' єдно онакво; но сад' се тако не уплашимъ, као найпре. Кад' пуче и третьє, изъ кога пламенни млазови потеку, сва протрнемъ, особито кад' чу'ъ, да и стража побѣже. Одъ стра'а склонимсе за бурадь и затворимъ очи, да не гледимъ. Наєданпутъ шушне ми нѣшто, дигнемъ главу и задржаваютьи духъ у мени слушамъ. Опетъ се нѣшто почу. Но! Овдѣ има нѣко, рекнемъ у себи. Слушамъ опетъ, нема никога. Е! помыслимъ, вальда има овдѣ пацова! Устанемъ тражити друго мѣсто, не бы ли самъ сирота заспала! Но ко тье заспати! Наполю єднако вичу и трче, да се земля тресе. Текъ што я онай малый прозорчить напипамъ; ал' мени нѣко руку ти'о на раме спусти. Я вриснемъ, ал' оно суштество: Пстъ! Тьути! вели, и не бойсе ништа! Устай и айде за мномъ! Я самъ духъ твой, кой самъ те избавити дошао.

Поведе ме сад' къ вратма, коя надьемо отворена. Кад' ал' имамъ шта и видѣти! Савъ дворъ гори, и стои звека оружья! Онъ мене држетьи за руку стане мало и мотри, заръ како бы са мномъ крозъ толико людство избѣгао. Гледимъ на ньега, црнъ мужъ у нѣкимъ пустыньичкимъ 'альинама, помыслимъ, да нiє Влайко? Но видимъ, да є крупнiи и вышшiй одъ ньега, — нiє могутье, да є онъ. Додьемъ и на ту мысао, да нiє дьа-

воо: али смотримъ му о лѣвой руци броянице и на њима крстъ, а у десной имадьаше штаку. Ово мора быти, рекнемъ сад' у себи, добрый духъ! но я га у стра'у ономъ засад' и не запытамъ, ко є? Знашь ли, шта є? рекне ми. Мы се сад' оволикомъ людству подкрасти не можемо, но айде ты натрагъ, и не бойсе ништа, — я на тебе заборавити нетьу. Сатимъ уведе ме опетъ унутра, и нестане га. Сѣднемъ ту у єдномъ углю и мало заспимъ. Шума вышие на полю чути и не могаъ, но само єдно топотанье, одъ кога се и земля тресаше.

Кад' у нѣко доба затресесе цѣо над-а-мномъ сводъ тако страшно, да самъ се тргла, и помыслила, сад' тьесе цѣло зданіе оно над-а-мномъ срушити. На тай шумъ отворимъ очи. О! До єдно 7 людій оружаны' за єднымъ, кой буктиню у руци ношаше, упутилисе управо къ мени. Є ли ту? повиче єданъ съ-поля, кога по гласу познамъ, да є Влайко. Ови сад' мене счепавши поведу къ вратма: Овдѣ є! рекну. Сатимъ изведу ме на-поље. Ужасъ обузме ми срдце, кад' видимъ, шта се одъ двора учинило! Съ єдне стране їошт' се пламенъ простираше, гдѣ и множество людій бяше, а съ друге, све безъ пламена тиняше, и видимъ, гдѣ се съ горнье стране поредъ бедемова многи сѣку, медьу коима по одѣлу познамъ нѣке и одъ наши'. Сгрозимсе то видетьи, и не мого'ъ знати узрока, сбогъ когъ се ту туку. Наопако! помыслимъ, ако то мене ради буде. Узму ме сад' до єдно 25 њи' момака у среду на коня, заогрну ме нѣчимъ, и на єдну страну двора крозъ друге люде путъ себи отворе. Я самъ се тако была уплашила, кад' су се стали око' мене сѣтьи, да ни гледати нисамъ смѣла, нит' се опоменути могу, куд' самъ, и како самъ прошла. Они су под-а-мномъ коня водили; они су мене на конію, да не паднемъ, држати морали, и я ништа знала нисамъ, докле наєданпутъ изъ моє задумчивости не презнемъ и не погледимъ; кад' ал' я подъ єднымъ дрветомъ на трави лежимъ, и єданъ

ми момакъ нѣку мирисиу траву, истрвену, подъ носъ приноси. Умилным' нѣким' рѣчма проговори ми: Не бойтесе, Господична! Додьите, вели, мало къ себи. Господинъ є нашъ младый заключіо, да Васъ опетъ Отцу поврати; єръ многи, приложи, на то присовѣтовали су га, и говорили су му, да таква стварь не валя на силу да буде. Ове ме рѣчи мало охрабре, и нове силе у мени осѣтимъ. Погледимъ далье, и видимъ 12 њи' подъ оружьємъ стоє око' мене и чуваю ме. Говоришь ли ты то истину? упытамъ мога утѣшителя: али на ово моє пытанье одговора и не дочекамъ, будутьи ужасный крикъ людства изъ єдногъ предъ нама луга сада загрми, и момцы, кои су ту при мени были, потрче сад' онамо, а само четворицу кодъ мене оставе. Исправимсе на ноге и погледимъ на ону страну, одъ коє се шумъ чуяше; кад' ал' по цѣлой єдной поляни множство людій окупилисе голым' мачевима и немилостиво сѣкусе, медьу коима многи видьа'усе и на коньма. Суетна сад' надежда срдцу момъ поласка, не бы ли я одъ оне троице сад' побѣтьи могла, а као четвртога, кой ме є тѣшіо, ни бояласе нисамь, єръ ми се човѣкъ благе душе быти видьаше, као што се о човѣчеству његовомъ ни преварила нисамь. Знате ли, шта є? лагано рекне ми, я идемъ подъ видомъ нѣке траве тражити, па имъ се ни вратити нетьу, но идемъ управо къ Вашима людма, идемъ предатисе Староме Господину Соколовичьу, будутьи да веть видимъ, шта тье одъ овы' быти. А гдѣ тьешь ты натьи Старогъ Господина? упытамъ я. Како гдѣ? вели, — та онъ є са своима людма заостао ту кодъ двора. Ту є Светозаръ. Они су насъ одандѣ овамо и истерали. Ей тужанъ! приложи, кад' бы они сад' знали, да сте Вы овдѣ! Но я идемъ, и по'ититьу, да имъ явимъ. Сад' бы, рече, найлагкше Васъ добыли. Не затеку ли Васъ овдѣ, я тьу имъ казати, гдѣ тьете Вы быти, — я самь чуо, куд' є Влайко овой двоици — єръ третьій о томъ и не зна — заповѣдіо, да Васъ одведу. То ми изговори,

скочи на ноге и оде. Ова пакъ двоица мало потомъ рекоше трећемъ, да иде и види, куд' имъ се онай дѣде? Боже помози! помыслимъ, остадоше сад' само двоица. Обузму ми срдце мысли благонадеждне. На то єданъ одъ мои' стражара': Та куд' се тіи люди дѣдоше? Оде єданъ па и другій! На коє другій: Дед' вели, да и мы одавде мало дальe одемо! Чини ми се, приложи, да тъе и овдѣ лоша сретьа быти. Они то говоре, и я се чинимъ да дремамъ.

Єданъ одъ ньи' смотри по трави киселякъ, и почне га брати и єсти, а другій метне оружьє поредъ раста, и заклонисе своимъ посломъ за растъ. Я то видетьи скочимъ и счепамъ мачъ ньеговъ и буздованъ и почнемъ бѣгати. Сад' се одтисне за мномъ онай, што є киселякъ брао, и текъ да ме у'вати, лупимъ га буздованомъ и тимъ га много сметемъ. Докле є онай другій из-за раста себе оправіо и потрчао, дотле я подалеко веть одбѣгнемъ, но яко се задувамъ, не могъ'ъ вышше ни да бѣгамъ. Видетьи, да тъе ме да стигне, окренемъ му се съ мачемъ. Онъ на мене мачъ измане; а я му мачъ одбіемъ. Бранимсе сирота, а све къ поляни измичемъ, не бы ли нашимъ людма у очи пала, кои бы ми сви на помоть притрчали. Юначе! повичемъ на ньега, поштеди и мене и себе! Ніе ти срамота, на єдну слабу дѣвицу ударати? Одкошкамосе тако до саме поляне, гдѣ кад' видѣ'ъ наше люде, помили ми сладка крвь крозъ цѣлый животъ мой: Овамо юнацы! Овамо мени бѣдной на помоть! На коє Бурямъ, као да га ко изъ неба пред-а-ме баци, залетисе юнакъ, као иста стрѣла изъ лука, и мога противоборца удари мачемъ, мене счепа, и самномъ, као орао съ пилетомъ, бѣжи! Но текъ што се онъ са мномъ устреми къ свонма бѣгати, и єдномъ се рукомъ бранити, ал' мени додье са стране гласъ: Погину Светозаръ! Наша є побѣда! На ову рѣчь я умремъ, нит' самъ вышше видѣла, куд' ме є момакъ пронео, нити знамъ, како є одъ онолико непріятеля' то учинити могао, до-

кле се нисамь сад у Вашима, сладкій Отацъ, наручіяма мало разабрала, гдѣ при првоме виду ни самой себи не повѣруемъ, да самь їошт на земльи, но да самь већ на другомъ свѣту, и умѣсто Вашегъ Отацъ, на лону Авраамовомъ. Ніе зарь женска глава то претрпила, што самь я претрпити морала.

Они сви овако їошт при столу сѣде, и повѣсть наше любезне Драгиње слушаю; ал ето ти имъ носе *Новака*! Сви скоче и съ трепетомъ га окруже; сви се смуте наново, и притрче му као мртвомъ къ носилама, на кое онъ дигне главу и насмѣесе: Не бунтесе, вели, люди Божіи, но дайте овамо мртвацу тай кондиръ съ віномъ, да піємо за срѣтьну побѣду! Тимъ свима лица разведри; сви му радостно ускликну, и чаше имъ пуне одъ руке до руке полете. Бурямъ се забуніо бяше съ нѣкима гайдама, — оправля тамо и удешава. Старый га Господинъ погледи и ти'о смѣшетьисе рекне: Та дед момче дувай данась єданпутъ у тога твога ярца, нек момцы играю! Одма, Господине, одма! Само докле писакъ поправимъ. — А — добро тье быти! У коло момцы! І — ю! Поведу велико коло и ту се изиграю, и до саме нотьи провеселесе. Найпослѣ салети Светозаръ Драгиню, коя умилно на момке, како се веселе, гледаше, да имъ што пѣва. Она се доникле изговараше: но найпослѣ одретьи му не може. Светозаръ сѣдне спрамъ нье, слушати є. Она хтяше по своме у тай ма'ъ расположенью ти'у нѣку, и къ жалости склонну арію почети, но кад їой онъ рече, да имъ весело што пѣва, ти'о погледи на ньега и мало се осмѣне, па овако поведе пѣсну:

Видишь онай нѣжный цвѣтакъ,
Како намъ є клонуо,
И уныло красно свою
Главу доле спустіо?
Сунце га є препекло!
И крѣпости лишило!

Тимъ му да познати, да она їошт' ніе тако къ себи дошла, и бодрость свою повратити могла. Єръ найпре оноликій стра'ъ и жалость; а сад' избавльење и изненадна радость, ослабила є бя'у, кое онъ разумѣвши одпѣва:

Видимъ Мила! ал' тье ньега
Ти'а роса подитьи,
И силе му нове дати,
Коя пада у нотьи.
Сунце тье му гранути
И ньега намъ развити.

Драгиня.

И мени є Светозарно
Сунце данасъ грануло,
Срдце моє изумрло
У животъ ми ставило:
Радость ньега разслаби,
Не мож' да се поврати.

Светозаръ.

Повратитье она ньега,
Сладка моя сестрице!
И време є да осушишь
Сузно твоє то лице.
Доста си веть плакала,
Сад' намъ буди весела!

Старый.

Піймо єдну! Піймо другу!
Да весели будемо,
Заборавмо нашу тугу!
И дед' да се куцнемо!
У здравіе насъ свію!
Но сви нека исцію!

Бурямъ.

Хотьу Богме, Господине!
До послѣднье капльице,
Юнакъ треба и ту быти,
Гдѣ се суше чашице.
Хо! Хо! Хо! Хо! Хо! Хо! Хо! Хо!
Како паде то сладко!

Они се овако веселе и време се къ нотьи приближаваше, ал' ето ти имъ єдногъ погрбльен-

ногъ съ бѣломъ брадомъ старца, кой поштапаютьисе управо къ ньима идьаше. Сувъ човѣкъ и высока стаса. Бурямъ, осмѣяваютьисе: Богъ и душа ево га! Онъ тье быти! Сатимъ скочи предъ ньега. Старино! Добро вече! Но овай му ништа не одговори, веть само га крмельивым' и дубоко у главу упалым' очима погледи. Старино! у'вативши га за руку опетъ рекне му, єси ли ты онай нашъ вѣштацъ? На мою душу онъ є! И по одѣлу познаємъ га, да є онъ. Старино! Старацъ га опетъ погледи. Но! Єси ли ты онай нашъ нотьньикъ? Єсамь сынко, єсамь я; но гдѣ є тай юнакъ? Бурямъ се почне смѣяти: Тако ты си онай вѣштацъ? Господине младый! Та ово є онай нотьникъ нашъ; но не знамъ, кога тражи? Е да? Душе ми! Ево се самъ каже! Светозаръ приступи къ старцу ближже: Є л' старино — запыта га опетъ Бурямъ — Є л' да си ты онай, што си ноть'ю предъ насъ излазіо? Старацъ окренувши му уво: Вичи болье! Не чуємъ добро! Бурямъ се продере: Єси л' ты онай вѣштацъ нашъ? Ніє ти срамота, мене стара тимъ именомъ безчестити? Яо! Та овай найпре вальда ніє ни чуо быо, шта самь га я пытао! Я му реко'ъ: єси ли ты онай вѣштацъ? А онъ ми рече: Єсамь! Ко си дакле ты старино? Старацъ: Кажемъ ти, да самь я! Шта се дерешь као лудъ? Буряму се сад' то на смѣй даде: Моє неволье и съ ньимъ! Та видимъ, да си ты; но ко си? Старацъ: Како тьу дотьи, кад' ми є синоть поздно казано? А я самь старъ, нотьомъ итьи не видимъ. Господине! Я съ овымъ на край нетьу изитьи. Опетъ се на ньега продере: Старче! Кога тражишь? Ахъ! Што се тако дерешь? Не чуємъ ништа! Нуто моє неволье сад' и съ ньимъ! Не чує, кад' му лагано говоримъ, а каже, да не чує, кад' му се виче. Та то є наравно, рекне младитъ, глувъ нити може чути, кад' му се лагано говори, нити, кад' му се одъ свега виче, но умѣреннымъ гласомъ треба му викати. Сатимъ приступи му самъ: Старино! Кога тражите? Та оногъ Господина,

одговори овай, што є ногу покваріо, да му видимъ ту ногу, може л' їой се што помотьи? А ко Васъ є овамо послао? И како сте Вы знали, да є онай Господинъ овдѣ? Мене є послао єданъ Калугьеръ. Младить погледи на Новака и проче: Знате л' Вы што о томе Господине? Я воистину не, одговори Новакъ. Но што му драго! Дајте га овамо!

Одма ногу Новакъ одрѣши и старцу покаже, кою старацъ кад' видѣ, поиште Новака у свой домъ, ту у нѣкомъ селцу за єднымъ брдашцемъ, казавши, да се нога парити мора. Старый Господинъ и Дука даду дакле Новака одма са тимъ старцемъ однети у село, и будутьи да се ноть починяше, подьу тамо и сви скуша, Господинъ Любомиръ са своїомъ дѣцомъ и съ Дукомъ кодъ истогъ старца пренотьити, а Бурямъ съ момцима и Влайкомъ у другимъ домовима, и сутраданъ Старый Господинъ совѣтуєсе съ Новакомъ и Дукомъ, да Влайка и све иьегове єдномысльеннике, кои су по'ватани были, пошлю у Градъ Приштину, и да и' тамо суду предаду. Нека буду они, рекне Любомиръ, тамо на нѣко време затворени, докле се дѣло болье не извиди, и докле се їошт' нѣки не по'ватаю, — потомъ да се пошлю у Призренъ, и я тьу, рекне Дуки, тамо како спрама Васъ, као увредьена отца, тако и спрама ньега, као Вашега сына, колико будемъ могао, у суду призрѣніє имати. Господине сладкій! рекне Дука, отацъ самь, и боле ме срдце, но толико ме є несрѣтьникъ увредіо, и тако самь надежду о ньему изгубіо, да я вышше нимало за ньега не маримъ; нека му оно буде, што му годъ праведный судъ донесе; — само Бога ради Васъ молимъ, смилуйтесе на ове моє сѣде власи, и смилуйтесе на оно моє, коє іошт' имамъ, єдинче! Браните ме, Господине мой сладкій, и изговарайте ме како знате. Вама є баръ дѣло познато, да я кривъ нисамь. Увѣрите о томе и Господина Бучина, а особито Васъ молимъ, Вы ми опростите, и као разуманъ и благодушанъ мужъ само Вы извини-

те бѣдна отца! Не прострите гнѣва Вашегъ на мене. Я и самъ признаємъ, колико сте Вы одъ могъ несрѣтьногъ сына увредьени: но шта знамъ? Ево! онъ є сад' у Вашой власти! Судите му Вы! будутьи да тье онъ свакояко и у самомъ суду изъ Ваши' уста' животъ или смрть чекати имати. Ахъ! Да ми ніе онога дѣтета, знамъ я, шта бы самъ учиніо! но овако! — Любезный мой! рекне Старый, не бойтесе Вы ништа. Дѣло тье ово истина подъ строгій испытъ дотьи; но Вы се не бойте ништа. Я Васъ у суду и немамъ зашто изговарати, нити се за Васъ што молити. Вы нисте криви ништа, Вы сте и сами сажальења достойни, и моє тье быти, у великомъ совѣту, како є было, казати, — но гледатьу за ньега сирома'а, да га у строгій судъ не узму. — Новаче сынко! Ты остаєшь! Гледайте за ньега брате, не бы л' му се нози помотьи могло, — употребите сва могутьа средства, и — О Господине! при'ативши Дука, нимало се Вы о томъ не брините. Како му мало болье буде, я тьу га са собомъ у Приштину узети, и онъ тье у момъ дому, какогодъ у своме быти. О я самъ и ньему и Вама вышше обвезанъ, него што бы самъ у станью быо, Вама учинити! Буряме сынко! Пріими ово изъ моє руке — пруживши му кесу новаца, — пріими као єданъ малый знакъ моє признателности. Вышше самъ и теби сынко обвезанъ, него што ти учинити могу. Ты си мою дтъерь, мою єдиницу, коїомъ се моє печално срдце тѣши, изъ пламена исхитіо! Ты си и моїой кукавной жени животъ избавіо! Бурямъ одступи, и не хотяше пріимити. Онъ се изговараше, да онъ ньега ничимъ обвезао ніе, и да є онъ, као свакій, само дужность свою чиніо. Знамъ, срдце моє, знамъ, рекне Дука, но мало и' има, кои тако дужность свою испуняваю, и зато мы за нашу признаємо, таквымъ младитьима баръ нѣку награду учинити. Сатимъ силомъ тури му кесу у нѣдра.

Светозаръ бяше медьутимъ Старога заговоріо. Онъ га моляше, да дозове Влайка, и да му

ту предъ отцемъ баръ одъ своѳ стране опрости; а што се отца тиче, онъ нека располаже ньимъ како му драго.

Помыслите. любезный Отацъ, рекне младитъ, на Вашъ карактеръ, помыслите, да сте Србльинъ. Онъ истина да ѳ насъ много увредіо, и по садашньимъ законима могао бы заръ и главу сирома'ъ изгубити; но бы ли мы тимъ штету, што смо се оволико пропатили, што смо толике труде, стра'ъ и жалость поднели, и оне двѣ слуге изгубили, бы ли, велимъ, смрть ньегова нама све то повратити могла? А Вы се и тако завѣштавате, да тьете га у суду бранити, слѣдователно, Вы му веть унутрашнье праштате: Зашто му дакле не бы сте такво великодушіѳ Ваше и овдѣ сад' изявили, и ньему сасвимъ предъ отцемъ опростили? О отацъ! Не мысли онако родительско срдце, као што онъ сад', кипетьи їошт' у гнѣву, говори. — Све бы, сыне, и коѳкако было; но кад' помыслимъ, како се звѣрски противу тебе био устреміо, и да те ѳ убити хтѣо, не могу му безъ казни опростити. Прва ѳ ньегова, да рекнемъ, погрѣшка ѳстественна, и по слабости учиньена была; страсть га ѣ плѣнила, и, колико разумѣвамъ, онъ ніѳ ни знао, како се ово дѣте при мени на'оди, можно, да су га на то и они лагкомысленни угодницы ньегови ободрили, доказуютьи му вальда, да я ню само као ѳдну сироту држимъ, слѣдователно, нетье ме срдце за ньомъ ни болѣти, нит' тьу ѳ я тражити: али онъ онако на тебе съ мачемъ полетѣти, и онако се съ тобомъ душмански борити, па їошт' да си несрѣтьомъ у замаю неискусанъ био! — онда не знамъ, како да му опростимъ! О молимъ Васъ, Отацъ! У Фуріи знао ѳ онъ сирома'ъ шта ѳ онда чиніо! Нисте га видѣли, како се потомъ и раскаяо? Мой сынко! Слабо ѳ оно раскаяніѳ! Ниси л' га чуо, како отцу говори? Та зато и велимъ, онъ се на нашу страну раскаяо; мы дакле да му и опростимо, — а съ отцемъ шта му драго! Бяше и отацъ сына болье воспитати! Како ко сѣѳ, онако и жанье.

Любезный Отацъ! Помыслите само и на то; кад' и я не бы изъ млады' їошт' мои' ноктію на правый путъ изведенъ быо; ко зна, Отацъ, да не бы самь и горій їошт' одъ ньега постао! Старый на то смысленно погледи га, и у'вативши му руку: Я почитуємъ у теби то, рекне му, єръ твоє о ньему сажальење показує човѣчество. Дајте нек' додье Влайко! Зовите и Драгиню! Младить ову зовне крозъ прозоръ изъ єдногъ малогъ верта, у коме она съ простым' доматьим' дѣвицама цвѣтье браше. Она, кад' удье, заруменисе, зачудьена погледи, што су ови тако посѣдали, и као нѣшто замышльени тъуте, — само Светозаръ съ прекрштенным' на прсима рукама стаяше управо као струкъ рузмарина. Онъ се на ню осмѣне. Она стане поредъ ньега, и почне му изъ руке цвѣтье бирати, кое пружившн му: За Бога Светозаре! (лагано) Хотьемолисе мы кренути єданпуть? Цѣлу самь ноть Мамицу саннла! Спаваю нотьась поредъ мене оне просте дѣвойчице као окупане, да самь имъ чисто завидѣла.

На то отворесе врата, и предъ Бурямомъ удье Влайко. Светозаръ баци на ньега єданъ любезный, но и сажалителный погледъ. Дука погледи на Любомира и Новака. Влайко, сынко! почне Старый. Твоє є преступльењье велико. Ты си оно учиніо, што може быти никакавъ сынъ своммъ родителю учиніо ніє. Я се не могу довольно начудити, изъ когъ си ты узрока до оноликогъ бѣшенства дотьи могао? Како ли си се онако противъ своггъ отца ополчити смѣо? Я, сынко, прелазимъ, што си ты мени и овой моїой дѣци сатворіо, но само, како си могао руку на свога родителя дитьи? Оно є твоє крайње избезумљењье было, отца у'ватити и затворити дати, потомъ онако се непріятельски противу ньега ополчити, да се найпослѣ цѣлый дворъ огню, и толики люди мачу предаду. Грозный сыне! Не приводи ли те сад' дѣло твоє у трепетъ? Не обузима ли душу твою ужасъ? Знашь ли ты брайко, шта є отацъ? У найдревніе време, на

нѣколико стотинаʼ лѣтаʼ пре Христа їошт', запытаю Солона, премудрогъ оногъ філософа, кой є Аѳинянима законе написао быо, зашто онъ између прочегъ не написа имъ и то у закону, каквой казни онакавъ сынъ подлежи, кой бы руку противъ родителя свога дигао? На кое пытање філософъ ужаснесе и рекне: Шта наопако? А заръ се може и такавъ натьи? Я, вели, о томе ни помыслити нисамь могао, и кадʼ бы се, придода, по несрѣтьи и такво грозно чудовиште нашло; кое бы родъ човѣческій безчестило, я за ньега не бы самь умѣо казни измыслити, будутьи, вели, не знамъ, какво бы ветье беззаконіе на свѣту и быти могло. Кадʼ се дакле сыновно къ родительима своимъ почитаніе за такву добродѣтель у оно їошт' време, и кодъ ідолопоклонникаʼ, почитовало: како валя да се то садʼ кодъ насъ, као Христіана, почитує! Мой сынко! Мы пріимимо и мало какво изъ чіе руке благодѣяніе; па се зато толико обвезанныма признаемо, да кадʼ бы се ономъ нашемъ благодѣтелю у погибель какву пасти догодило, животомъ нашимъ ньему помотьи жертвовали бы смо се; съколико ветьма єданъ сынъ своимъ родителю обвезанъ и благодаранъ треба да буде! Сынъ, кой не само одъ руке родительске благодѣянія посведневно пріима, но кой є одъ ньега и самъ животъ и изображенье духа своегъ получіо! И їошт' шта выпше! У скоту безсловесномъ, у звѣру неразумномъ, искусили смо нѣку благодарность. Навештьу ти овдѣ малый єданъ примѣръ. У старо време єданъ Римлянинъ побѣгне изъ робства, додье у нѣку пусту планину, и ту се склони у єдну пештеру, да пренотьи. Ето ти му и єдногъ лава съ єдномъ ногомъ уздигнутомъ, гдѣ 'рамаютьи управо къ ньему у пештеру удье. Овай сирома'ъ скуписе, и себи ужасну смрть уобрази, будутьи да побѣтьи не могаше. Лавъ му мирно приступи, и ону му ногу, коя га є болѣла, дигне и покаже. Овай мало додье къ себи, маши му се нози, у коїой види єданъ великій трнъ. Одма

потрудисе, и онай му трнъ извади, послѣ тога притисне му онай отокъ, и лѣпо му исцѣди жутый гной са сукрвицомъ изъ њега, потомъ привіе му марамомъ рану. За ово благодѣяніе толико му овай ужасный звѣръ призна, и тако є умѣо увѣрити га о своїой благодарности, да є овай сирома'ъ дуго време ту кодъ њега у пештери сакрывенъ пребывао, и говоре, да га є їошт' лавъ своимъ ловомъ препитавао. И будутьи да истый лавъ нѣкуд' оде, и вышше му се не врати, усудисе и самъ изитьи, и кудгодъ се у свѣтъ одтиснути, мыслетьи сирома'ъ, да су на њега веть заборавили. Но несрѣтьанъ буде, єръ изъ описа познаду га нѣгдѣ и у'вате га. Даду га одма затворити и послѣ нѣколико дана' осуде га на смрть. Грозанъ є у оно време кодъ поганника' быо обычай, на смрть осудьене лютымъ звѣровима на явномъ позорищу изводити, да и' растрзаваю, а они тимъ да се увеселяваю, како се бѣдный у ономъ кругу одъ гладногъ звѣра, кой се противу њега отвореныма челюстма ужасно устремлява, бранити мора. На овако дакле позорище изведу сад' и овога. Стане кукавацъ на среду, и дрктьутьи чека смрть свою. Тысутьный народъ рукама пльескати почне, на кое пусте єдногъ, кой є сасвимъ изгладніо быо, лава. Бѣдный се при првомъ његовомъ видьењу окамени. Лавъ се къ њему са запѣнутым' челюстма и крвавыма очима залети, но на удивльење свима гледаоцима како до њега додье, стане, почне ма'ати репомъ, и око' њега као кротко псето умиляватисе. Тимъ сужнога мало поврати, кой погледи на њега и позна у њему истога лава, свога пріятеля, съ коимъ є у пештери живіо. На пытање каже сад' судіяма цѣлу повѣсть свою. Ови, удивльењемъ поражени, посрамльени, и чисто у себи ужаснути, да се таква и у єдномъ звѣру благодарность надье, опросте бѣдноме, пусте га, и даду му истога лава.

Сад' разсуди, жалостный сыне, како си могао ты противъ отца, одъ кога си животъ и сва

блага получіо, руку дитьи! кад' є єданъ неразумный звѣръ толику благодарность къ свомъ благодѣтелю у себи почувствовати могао, што му є само єданъ трнъ изъ ноге извадіо. Ужаснисе дакле твога дѣла, кукавный сыне! Додьи къ себи! Пробудисе и погледай пропасть ту предъ собомъ, у коју те є безуміе твоє повело! Тргни ногу твою одъ ньe, їошт' ти є време. Покайсе бѣдный човѣче! Падни предъ овогъ жалостногъ отца! Поврати му опетъ у теби изгубльенногъ сына, за коимъ онъ сузе своє пролива, сузе родительске, коє тье као огньено углѣвльє на главу твою пасти, и тебе, худый сыне, предъ вѣчнымъ Богомъ осудити.

Да є моє, Господине, при'вати слово Влайко, преступльенье велико, да самь я мога отца увредіо и неразумно поступіо, я то вець и самъ признаємъ, и шта мене зато у суду чека, я предвидьамъ; но да є и онъ самъ у томе кривъ, то тьу на свакомъ суду, и исподъ самы', кад' бы было, вѣшала', цѣломъ свѣту казати: но што рекосте, да се раскаємъ, да предъ ньега клекнемъ и за опрощтенье молимъ, то быти не може. Вы велите, да ми є животъ и сва блага дао, да ми є изобразіо духъ и шта я знамъ? Но ніє довольно, животъ само по єстеству дати; а да є онъ мени, кад' є требало, духъ и срдце изобразіо, не бы я данась ово чиніо! О мой Господине! Мени є жао само, што самь Васъ и овогъ благородногъ юношу увредіо, особито ову свету невинность, што се толико пропатила, и овако млада оноликій стра'ъ подпела: а што самь я отцу сагрѣшіо, кад' бы Вамъ дѣло одъ наше обѣ стране познато было, Вы бы сте и сами, као правъ и разуманъ мужъ, вышше могъ отца, нежели мене крива нашли. О велика бы овдѣ повѣсть наша была, докле бы смо мы до оногъ источника дошли, изъ когъ є цѣло ово зло потекло. Ніе, Господине милостивый, моє преступльенье оноликo, колико се оно Вама быти види. Найпослѣ, я самь у Вашой власти; но я и опетъ кажемъ, да

я признаємъ само то, да самь Васъ увредіо: — да самь я пакъ управо знати могао, како се Ваша Драгиня при Вама на'оди, Богъ нек' ми суди, ако бы самь я оно учиніо быо! Я у овоме другогъ себи свидѣтеля сад' и немамъ, кромѣ Бога, и нѣки' мои', ако бы сте имъ вѣровати хтѣли, другова. Я самь о ньой зло и криво извѣштьенъ быо; я самь се одма и раскаяо; — но куд' самь єданпутъ быо загазіо, морао самь и пливати! Я да самь потомъ противъ Васъ и Светозара, коима сад' и у очи погледати стыдимсе, зло умышлявао, истина є; но то є све, Господине, веть было изъ очаянія. Зато я Васъ и молимъ — клекнувши предъ Старога — Вы мени само опростите, Вы, Господине! Любезни мои Светозаръ и Драгиня! О колико мене сад' ублажава то, што я нисамь никаквогъ тиранства надъ ньомъ показао! Што се нисамь ни у ньена чиста дѣвичка нѣдра машіо! Ево ньe! Нека Вамъ сама каже, и ако ніе тако, ето Вамъ мача! и ево моє главе!

На то Старый дигне га: Добро, Влайко! Добро, сынко! у томъ и єси срѣтьанъ быо! Нама є то познато. О колико ты имашь зато Богу благодарити, што се дѣвства ньеногъ коснуо ньиси. Мой є сынъ мало пре за тебе моліо, да ти я опростимъ, коє самь ипакъ съ тежкимъ срдцемъ учинити хтѣо; сад' пакъ, кад' ты самъ погрѣшку твою признаєшь, и кад' се ты тако за ню каєшь, я теби праштамъ! Праштa ти и мой сынъ! На то онъ Старога полюби у руку, пакъ Светозару, съ наводньенным' очима пригрльивши га и полюбившисе съ ньиме, спусти уныло главу свою на прси и подуго умукне. Потомъ окренесе и къ Драгиньи, падне и предъ ню на колѣна: Простите ми, красна моя Драгиня! Простите ми и Вы, кад' су ми Вашъ благодѣтелный Отацъ и Вашъ любезный братъ опростили! Опростите ми и Вы! Я самь Васъ найвышше и увредіо; я самь предъ самымъ Богомъ Вама сагрѣшіо! Она га исправи, и окренувши мало главу одъ ньега: О Боже! рекне, колико намъ є тѣсанъ путъ, и како є трньемъ

посутъ, кой насъ води у животъ вѣчный, кад' мы морамо и нашимъ непріятельима противу нашегъ увредьенногъ срдца праштати! Я ти праштамъ! бришутьи сузу свою, я ти праштамъ! рекне му и желимъ, да ти и Богъ опрости.

Онъ їой узме руку и полюби: Благодаримъ Вамъ любезно, и по хиляду Вамъ путій благодаримъ, добра и прекрасна Драгиня! Мени сад' мачъ спекулатора вышше не угрожава! Не воистину! Данась нек' ми очи моє вежу; данась нек' ме на мѣсто погубльенья поведу: я се смрти не боимъ, — само кад' сте Вы мени, о любезне душе! опростили.

О ты блудный сыне! повиче у сажальенью отацъ, ты се смрти не боишь? Мыслишь, тимъ бы се савъ дугъ твой исплатіо, што бы ти животъ узели? Умалило бы се само єдно зло на свѣту! Кукавче синьій! Ето ти огледала море! Погледайсе! Ты си савршенъ човѣкъ; а онъ є єдно дѣте спрам' тебе їошт'; и мысли ли онъ тако? Жалостный отацъ! рекне Влайко, ево и теби огледала! показуютьи на Любомира; но смѣшь ли се и огледати? Ніє га родіо, нит' є знао, чій є и сынъ быо; па ево како га є воспитао! и колико га є и внутреннье и внѣшнье облагородіо! А ты мене! — Іошт' смѣшь говорити? А єси ли ме слушао ниткове єданъ! кад' самь те у чему и исправити хтѣо? а? А єси ли ме исправляо, неотацъ! онда, кад' є требало? а? Почео си ме исправляти, кад' самь веть у юношескій вѣкъ ступіо быо! кад' є веть она твоя власть, кою си над-а-мномъ, као надъ своимъ дѣтетомъ, имао, силу свою губити почела; кад' є веть было време, не учити ме, и розгомъ претити ми, но као съ одрастлымъ момкомъ и сыномъ своимъ паметно договаратисе, и совѣте са мномъ дѣлити, како намъ валя живити и о благостоянію нашегъ дома промышлявати; кад' су те веть мои пороцы на дужность твою опоменули, кою дотле заръ ниси ни познавао. Кад' си ме у дѣтиньству за мою погрѣшку ударіо? или баръ као дѣте и

покарао? Снисходіо си момъ неразумію; засипао си ме новцима, и пуштао си ме чинити, шта самъ хотѣо. Текъ што самъ честито и говорити почео, давао си ми дѣвойке на свакій прстъ по петь, а кад' додье време томе, и мати ми умре, пошльешь ме онако матора дзиндзова у Призренъ, да се учимъ, а ты се оженишь! То є лѣпо! То є путно!

О Родительи! Любезно име, Родительи! кои чеда своя любите, учитесе, како и' любити треба! Позовитесе на дужность Вашу, позовитесе и затрепетьите при самомъ помышльенью, како дѣте воспитати треба! О отцеви и матере! Кад' бы сте Вы знали, колика се зла на свѣту изъ пренебрегнута у млады' година' дѣци воспитанія радьаю! Чуєте ли овдѣ, како се Влайко тужи, и видите ли, шта отацъ трпѣти мора? Богъ да умножи у Србскомъ Роду Любомире, и да произведе у красны' сынови' Србски' тысутьне Светозаре, у дтьерима любезне и благообразне Драгинье!

Єсть моя у томе, рекше бѣдный отацъ, пѣка погрѣшка и была; но єдинацъ си ми было, не было ми те! — и зато — а! Єдинацъ! пресѣче рѣчь Влайко, бояо си се, да ти не умремъ, зато, што бы си ме кад' и кад' накарао, и што ми не бы у свему по вольи учиніо! Є л'? Добро! Добро! Хотьемосе и попространніе разговарати, кад' додьемо ондѣ, гдѣ треба.

На то Светозаръ при'вати бесѣду. Не! Не! Влайко брате! Изъ самы' твои' рѣчій видисе, да теби правила морална нису позната. Немой отца свога тако осудьавати! Ты то сад' тако говоришь; а сутра да отцемъ постанешь, другчіе бы си безъ сумнье говоріо. Сатимъ га мало на страну поведе, и лагано му почне овако говорити: Да одъ отца зависи, да сынъ буде добаръ, у томе имашь право: али кад' и отацъ самъ таквогъ искусства нема, да дѣте своє на правый путъ изведе? И къ томе ако їошт' преко оне любови, кою не само човѣкъ, но и свако животно къ породу своимъ у себи осѣтьа, срдце їошт' у ветьой мало мѣри, него што бы требало, мегко и благо

има: ту веть силе, любезный мой! престаю. Зато поштеди честь твоме отцу. Вѣруй ты мени, да оне ньегове полубѣле власи, и име *Отацъ*, вышше тье у свакомъ суду повѣренья имати, нежели ты, да бы си и Богъ зна какво краснорѣчіе и доказателства на ньегово осудьење употребіо. О мой Влайко! Мы, као млади люди, мечтавамо само у себи, да много знамо; но Богъ и душа, брате, мы мало знамо. Ниси узео на умъ ону ньегову рѣчь: *Єстъ*, вели, *и моя у томъ погрѣшка была; но єдинацъ си быо*, како се она косну момъ отцу срдца! Како га онъ сажалително погледа? Тако тье быти и у суду. Господа она и мудри они старцы, кад' ты станешъ предъ ньима говорити, свакій тье пред-а-се замышльено гледати, и тако тье мудро умѣти у твоє срдце завирити, да тье те савршенно, у колико ты право имашъ, познати. Изъ цѣле твоє бесѣде они тье само то признати, да є отацъ у томе погрѣшіо, што те ніе болье воспитао: но шта мыслишъ, шта тье му они учинити? Као отцу, ништа! Они тье теби ретьи, да изидьешъ (ты тьешъ изитьи). Они тье ньему учинити пытанье: Є л' истина све то, што се Вашъ сынъ на Васъ тужи? Онъ тьесе заплакати и управъ ретьи имъ: Єсть истина, Господо моя, и я заслужуємъ казнь, а не онъ. Я самъ несрѣтьанъ быо у томъ, што само ньега єдногъ, а вышше имао нисамъ. Любіо самъ га преко мѣре, и любовь моя ньега размази и поквари! И любовь є моя, наставитье рѣчь, до ономадъ тако завѣсу предъ очима моима држала, да я слѣдства ньена видити нисамъ могао. Но Бога ради, придодатье, дайте Вы средства, и гледайте Вы Вашимъ аукторітетомъ, да му се помогне, да се само онъ изъ свога заблудьења избави, а мене, ако праведный Вашъ судъ донесе, низвргните и у найдублю тамницу; я тьу то одъ Васъ драговольно пріимити! Шта вышше, приложитье, я као отацъ и животъ мой за ньега полажемъ, само ако се тимъ ньему животъ дати може! Ньегово болно и разжальено срдце

истину тье овдѣ говорити, кою тье и самомъ сузомъ своїомъ потврдити, и кою истину паметне судіе кад' познаду, дотьитье у сажальење, и опетъ тьесе на тебе ожесточити. О мой Влайко! Не знашь ты, како они єстественну погрѣшку, коя изъ нѣке слабости и недостатка ума происходи, знаю разликовати одъ оне, коя одъ зле волье и покварена срдца быва. Прву тье ньему приписати, а втору теби оставити.

Ты тьешь безъ сумнье и подъ великій одговоръ дотьи, мал' да не у самъ Царскій Великій Совѣтъ, и у отцу парничара имати нетьешь, будутьи кад' бы онъ управо свою тужбу на тебе у суду представіо, ты бы си сасвимъ пропао; но будутьи да тьесе дѣло твое изявити, и по дѣлу теби тьесе судити: мой бы Отацъ у томе найболье помотьи могао; али ако се ты съ твоимъ отцемъ не помиришь, не вѣруемъ, да тье онъ то чинити. Онъ ти є опростіо: но то вышше ништа не чини, но само то, што те онъ нетье прети. А дѣдъ мой Міністеръ докле чує само! Ты га знашь, какавъ є онъ. Узетье Вамъ сва добра, или тье тебе изъ ньи' исключити, ако їошт' и горе съ тобомъ не поступи. Словомъ, нема другогъ средства, да ти се помогне, него, да клекнешь сад' предъ отца и да опроштење иштешь: а найлагкше тьешь такво сад' предъ нама получити. Зато не одлажи, но умоли отца, и видитьешь, да тье онъ сву твою кривицу на полакъ у суду дѣлити. Не учинишь ли то: ты си пропао! Но! Шта мыслишь? На то Влайко вышшимъ гласомъ: Великодушный Юноша! Твое су рѣчи мудре, и я видимъ, да оне изъ искренна срдца произлазе: али нетьу! Како судъ донесе: онако нека буде, — Я на судъ и тако изитьи морамъ. — Оставите га младый Господине, рекне Дука, оставте га, и не трошите суетно сапуна, кад' Арапинъ остає црнъ те црнъ.

По довольномъ овдѣ препиранью видетьи Господинъ Соколовичь, да овай одъ своє упорности родителю своме ништа не попушта, рекне

Дуки насамо, да поступи съ ньимъ, како зна. Я самь му, вели, одъ моє стране опростіо; одсадʼ ни у што се друго мѣшати нетьу, само тьу на испыту явити, како є было: но я ти, придода, совѣтуємъ, да, будутьи другогъ лѣка, ньему помотьи, нема, у суду одъ ньегове кривице и на себе што узмешь, и да га потомъ у войну предашь. Тамо тьесе онъ исправити, и тамо тье у чувстводотьи.

Сатимъ одредивши Любомиръ нѣколико одъ свои' момака, да Влайка у Приштину одправе, опростисе съ Новакомъ, Дукомъ и прочима, и тако са своїомъ дѣцомъ и людма предузме путъ дома.

Дозволимо, любезни мои читательи, нека нашъ Старый Господинъ иде, — мы тьемосе опетъ съ ньимъ їошт' на путу састати; но да видимо, како тье садʼ нашъ Киръ Дука са своимъ сыномъ поступити. Я тьу Вама укратко овдѣ цѣло слѣдство Влайкова поступка описати, нити намъ є требе, дуго се при ньеговы' процесси' задржавати, — како є дробіо, онако нека и покуса!

Отацъ ньеговъ, кадʼ испрати своегъ благодѣтелногъ пріятеля, безъ свакогъ закасньенья да га подъ найстрожіомъ стражомъ у градъ Приштину одвести, и у тамошньій судейскій домъ предати: а онъ тай данъ заостане при Новаку, о коме весма прилѣжаваше. Другій данъ овоме буде болье, нога му сласне, болъ одумине, и старацъ увѣри га, да слободно може потьи, само да мелемъ, кой му даде, почесто на рану измѣнює.

Новакъ садʼ сѣдне на коня и съ Дукомъ додье у Приштину. Дука посредствомъ старѣшинаʼ потрудисе, єда бы како сына на раскаяньє привео, да му се баръ колико толико покори и за опроштеньє моли; но, кадʼ видѣ, да у томе ништа успѣти не може, разсрдисе, и да га одма, заєдно са 17 ньеговы', кои су поʼватани были, бунтовникаʼ, у Призренъ одвести, съ налогомъ, да тамо поступе съ ньиме, не као съ ньеговымъ сыномъ, но као съ єднымъ разбойникомъ и злодѣємъ.

Затимъ да дозвати єдногъ, кога є добро познавао, младитьа, нѣке у сосѣдству благородне,

но осиротивше удовице сына, коме даде прекрасну свою дтьерь *Палмину* и учини га у Магістрату сыномъ и наслѣдникомъ своимъ, съ коимъ се весма утѣши. Нити онъ као богатъ маряше вышше, ако бы му се земля, кою є онъ ту подъ закупомъ одъ Бучина држао, сада и одузела, нити за овакимъ сыномъ, кой му се не покораваше.

Медьутимъ Новакъ сасвимъ изздрави и навали вратитисе у села, коя су му одъ Соколовичьа подъ надзираніе вручена была. Дука се сад' рѣши, ньега са своимъ зетомъ и нѣколико слугу' даже до дома ньегова пратити. Овай то єдва и дочека. Нису далеко одандѣ, рекне му, и Савине и Столацъ, мотьитьете и Старогъ Господина посѣтити. И таки одтиснусе на путъ. И будутьи да другій данъ Новакъ радъ бяше єдно свое селце измедьу нѣки' планина' као мимогредъ надгледати; подьу дакле тамо, но помету путъ, и по довольномъ блудьенью єдва, и то предъ саму ноть, изидьу съ озноєнным' коньма на єданъ друмъ, гдѣ срѣтну нѣке кириджіе, коє имъ кажу, да тье ту близу у єданъ славный гостилникъ дотьи. Текъ они друмомъ у єдну поляну изидьу, забѣли имъ се истый гостилникъ. Коньи имъ сасвимъ посустали бя'у, єдва чека'у у ньега дотьи. Гле сад' чуда! рекне Новакъ, пошто се веть къ овоме приближе, та мы нисмо далеко одъ Саввина', — ово є, вели, Златица Гостилникъ. Што му драго! одговори Дука, само ако насъ добро дочекаю. О о томъ се нимало не брините, приложи Новакъ, ни у самой Приштини оваки' гостилника' немате.

Чимъ они ту уморене конье своє сяшу и себи собу узму, ето ти имъ новы' гостію! Зар'жу имъ коньи и узавру люди. Узбунисе газда съ младьима своима, и текъ што Новакъ, погледавши крозъ прозоръ, запыта Газдарицу, коя имъ свѣтьу у собу унесе, ко су то? ето ти имъ на врата Буряма, кой кад' видѣ Новака тргнесе: О! о! Господине! Одкуд' Вы? повиче, и сатимъ истрчи на полье. На то удье и Старый Господинъ

Любомиръ са Светозаромъ и Драгиньомъ: Но Газда! Є л' готова вечера? смѣшетьисе рекне Новаку. О Господине! Ко бы се Вама надао? буде одговоръ Новака. Пошто се ту сви радостно испоздравляю и излюбе, каже имъ Старый, да се туда по сели' съ дѣцомъ задржавао, и да сада дома иде. Драго ми є, вели, да се у бољемъ здравлью на'одишь. Моє су, придода, нѣке слуге отишле, да яве за насъ и за Драгиню. Сад' ови ньему преповѣде, како су тай данъ блудили и изненада ту дошли. По маломъ ту разговору удье имъ газдарица, и почне имъ асталъ застирати. Имате ли Вы, Господине! и у Приштини у Вашимъ гостилницама такво постольє? запыта Новакъ Дуку, гледетьи силно сребро, коє се ту на асталъ донесе. Бре како самь гладанъ, одговори Кюръ Дука, не бы самь їой ни на дрвеннымъ лажицама замѣріо, само нека донесе єсти. На то Бурямъ, смѣшетьисе и гладетьій бркъ свой, приближисе къ газдарици: Госпо! Є л' истина, да є овуд' пре три седмице нѣкій мой братъ прошао? Овако субтилно момче као и я? Она га попреко погледа: Та видимъ, вели, како си субтиланъ! Светозаръ се почне смѣяти, и намигне на ньега, да їой не споминье предъ Господиномъ, но онъ опетъ: А? Госпо? Чуо самь, да є мой братъ овуда прошао! Є л' истина? Она га опетъ гледи попреко: О познаємъ я тебе добро! Скоро ми є рука и зарастла. Сатимъ приступи къ Светозару, и лагано му рекне: Є ли Вамъ, младый Господине, то она дѣвица, за коїомъ сте онда у потеру ишли? Єсть ово! одговори младить. Гдѣ я онда сирота на сувомъ путу страда'! Одъ чега? Яо мени! Како одъ чега? Та тай ми горопадникъ мал' прсте покршіо ніє! Скоро ми є рука и зарастла! Е оно є шала была. Оно не треба овдѣ ни споминяти. Бурямъ їой прстомъ прететьи: Госпо! Положи хранило устомъ твоимъ! Господине Младый! Буряме сынко! повиче Дука, та шта є то? Заговарате газдарицу. Пустите є, нек' донесе вечеру, па се потомъ и цѣлу ноть разговарати можете.

Одма вечера буде готова. Поврве чаше одъ руке до руке. Господинъ Старый, видетьи Дуку весма весела, обрадуєсе и самъ: Я на тебе, друже, гледетьи, рекне му, не знамъ, шта бы самь о теби мыслити могао. Мало пре, казиваютьи ми, како си сына у Призренъ послао и суду га предао, заплакао си се; а сад' те у лѣпомъ расположенію и весма весела видимъ, коє ми є особито драго. И єсамь, Господине, и єсамь Вамъ управо весео: но пытайте, придода, зашто? па да Вамъ кажемъ! Штета само, што и Вы нисте были! И да самь я предвидѣти могао, не бы я Васъ пустіо быо. Ево нека Вамъ Братъ каже, показуютьи на Новака, колико смо Васъ споминяли! Знамъ, да Вамъ се и штуцало! Старый внимателно то на єдногъ, то на другогъ погледаше, на коє Дука: Сына самь Вамъ добыо! Господине! и зато самь Вамъ весео! Старый се осмѣне: Хмъ! Хмъ! А како да кажешь, да си га у Призренъ послао? Е! Оставите Вы оногъ! Онай є веть за мене умр'о! Да? Другогъ? Та старъ си, човѣче, не могу вѣровати. Е! Не сѣтьатесе! На то Новакъ: Зато є добыо, Господине, зета! А! тай ли є посао? Богъ да прости! Но! то ми є драго! Є ли какавъ младить? Погледайте га! као поносетьисе рекне Дука, Вы сте болыій фгзіологъ! Шта? Тако ово є тай младить? Право! загрльивши до себе сѣдетьегъ младитьа рекне Старый, и пошто се обстоятелніе извѣсти, наново се веселити почну.

И будутьи лѣтня ноть, мѣсечина као данъ, изидьу и на полье. Стари пріятельи и Новакъ посѣдаю по трави, а младитье скупи Бурямъ узъ свирале играти. Нема ту ништа! рекне Старый, я веть видимъ, да мы сутра моїой Косари нетьемо на обѣдъ приспѣти; но ништа зато! Кад' смо се овако састали: будимо весели!

Младый Соколовичь узме Драгиню и Ірину, дтьерь истогъ гостителя, подъ руку, и подье съ ньима поляномъ на мѣсечини шетатисе. Но текъ

што се онъ одъ дружства удали, и дѣвицама преповѣдати почне, како є онъ пре три седмице печаланъ туда съ Бурямомъ прошао; како су се одъ єдногъ ту не тако далеко пастыра за Драгиню извѣстили; како су ту у истомъ гостилнику обѣдовали и проч. ал' се нѣшто предъ њима изъ траве диже! Найпре се видяше и безъ главе, но потомъ станесе указивати вышше, добыє главу и претворисе у човѣка. Дѣвице се ужасну; извіюсе младитьу исподъ руку' и побѣгну къ дружству: но Светозара любопытство задржи на истомъ мѣсту. Ко си ты? дерзновенно запыта га. На коє онай ти'о и крозъ плачъ: О добрый юноша! Іошт' ме можешь пытати ко самъ? А ко ти є нѣколико путій и животъ избавіо, и теби и твоме дружству? нежели я. Не заборавите на моя, ако су и мала, благодѣянія! Ахъ! она су за мене мала! будутьи много є їошт' 355 лѣта'! но за Васъ су она доста велика. Юноша сад' съ удивльеньємъ (у себи) 355 лѣта'! Шта тай говори? Вальда є на толико осудьенъ, као што нѣки о томе булазне, да се по земльи скита. Али могу л' я такво што вѣровати! кад' я ни то, да духови суштествую, поняти не могу, а камо ли, да се по земльи шетаю! И ты си дакле онай духъ, кой си предъ насъ излазіо! Не само да самъ предъ Васъ излазіо, но я самъ, любезный мой! и ту срѣтьу имао, у погибельнымъ случаима Вама и помагати. Ко є твогъ Отца, и ко є тебе и слугу твогъ у оне развалине увео? Ко є Васъ потомъ и одъ Ваши' непріятеля' избавіо? Ко те є найпослѣ и подъ онымъ растомъ одъ она' три' силна' мужа' спасао, а мало затимъ и одъ њи' онолико, кои су се противъ тебе устремили были, ко те избави, ако не я? О я бѣдный! Вы се сад' веселите; а я као сѣнка око' Васъ суетно облетьемъ.

Сатимъ спусти главу и зацѣнисе плакати. Три стотине и четрдесеть пето лѣто, бришутьи сузе рекне, како се я веть скитамъ, како покоя немамъ, и їошт' ни полакъ времена, на коє самъ

осудьенъ, свршіо нисамь! О Серме! Светый душе Серме! Проклетъ є за мене онай часъ быо, кад' самь руку мою я на тебе дигао! О суєто овога свѣта! На што самь се полакоміо быо! — Светозаръ, єдно удивльеньємъ, а друго, и о ньему сажальеньємъ поразисе, и не знадьаше, шта тье съ ньимъ дальe почети, погледи на своє дружство, коє се такодье утишало бяше, и смотри свога Буряма, гдѣ по трави пузи, и къ духу се овомъ састрагъ приближаваше. Ово га охрабри. Онъ приступи къ ньему ближже, и мотри га внимателно, — Онай истый! и у онымъ црнымъ 'альинама! Држи у єдной руци штаку, а о другой му висе броянице. Шта дакле захтѣвашь ты сад' одъ насъ? запыта га, и чимъ мы можемо признати нашу благодарность къ теби? На коє онъ: Малымъ! О весма одъ стране Ваше малымъ! Но нуждно ти є прво, о жалостной моїой повѣсти извѣститисе. Добро! Ако ты признаєшь, да самь ти я у станью помотьи: то увѣрисе о моме къ теби пріятельству, и кажи ми повѣсть твою; потомъ, шта захтѣвашь одъ мене? изясни ми се! — Добрый юноша! Я тьу се лагко о твомъ пріятельству увѣрити, и я тьу теби казати, шта я одъ тебе потребуємъ. Преповѣдитьу ти и повѣстъ мою; али то не знамъ, како тьешь ты мени, кад' ти моє житіє кажемъ, мотьи вѣровати? Ты си їошт' младъ! Ты свѣтъ сад' само, и то мало, и съ єдне стране, као и сви Вы смртни, познавати починьешь! а мы духови, кои измедьу Бога и Васъ смртны' стоимо, цѣлый свѣтъ, и ону вѣчну истину — Бога — ако и мы не тако савршенно, но оиетъ одъ Васъ много савршенніє познаємо. Вы га познаєте само као онай, кой бы се у каквой дубокой и тамной дубрави на'одіо, и гледао бы само, да нѣко сунце око' ньега холмове и высоке горе озарава: но оно вештественно тѣло, изъ когъ се такавъ свѣтъ просипа, нигда га будутьи видѣо ніе, постигао не бы, какво є оно у себи. Или као онай, кой се слѣпъ родіо, осѣтьао бы силу огня, осѣтьао бы зиму, распозна-

вао бы мирисъ цвѣтья, и пріятно оно испаренье одъ лѣпо сготовльенны' єла': но лишавао бы се познаванья оны' стварій, какве су сирѣчь оне по споляшньемъ виду своме, — а нама духовима то є све познато. Зато ти, любезный мой, велимъ, ако ты моимъ рѣчма не узвѣруєшь, и мени не допустишь, да има нѣшто и изванъ сфере човѣческе, коє Вашъ умъ, докле се їошт' тако ограниченъ на'оди, постигнути не може, то тьу я суетно теби говорити, суетно, Любезный мой! какогодъ слѣпоме што ваяти, или глувоме лѣпо свирати; єръ цѣла ваша Філософіа кодъ насъ вышше не значи, нежели азбучна за малу дѣцу кньига. Но я бы тебе о овомъ тежко увѣрити могао, доклегодъ не додье и теби оно време, да те силно Божество изъ тогъ твогъ тѣла изнесе и у другу те сферу пресели, и доклегодъ ты самъ твоїомъ рукомъ велику ону и священнѣйшу єстества кньигу не отвориш. О мой Светозаре! Ты си їошт' онай слѣпый црвъ, кой по земльи и по пра'у пузи; а я самъ ти, ово є веть четврто столѣтіе, изъ таква црва лептиромъ постао, крыла и очи добыо.

При овымъ рѣчма младитьу чисто мозакъ окренесе. Срдце ньегово любопытствомъ трепеташе. Сбуньенъ, или тье му нове сад' давати вопросе, или тье о оном, што є одъ ньега чуо, разсудьавати: Какво є страшно ово, рекне онъ у себи, за човѣка ниспровржень! Філософіа наша, у коїой мы, као у каквомъ волшебномъ огледалу цѣлый овай, како душевный, тако и тѣлесный свѣтъ гледимо, союзъ ньинъ, и самъ ньинъ источникъ, изъ кога они начало своє пріимаю, видимо, предъ овымъ є азбучна само кньига! и човѣкъ, прво Божіе по достоинству созданіе, коє є, као умна тварь, малымъ нѣчимъ одъ ангьела' удальенъ, предъ ньимъ є слабый црвъ! Замышльенъ будутьи погледи опетъ на дружство своє, в видетьи, да му се дѣвице лагано приближава'у, мане рукомъ на ньи, да му не иду, и учини духу овай вопросъ: Я истина противу мога єстества

БИБЛИОТЕКА МАТИЦЕ СРПСКЕ У НОВОМ САДУ

тежко тьу и мотьи оно повѣровати, што умомъ моимъ и фiлософiомъ не могу постигнути: ничимъ манье, кад' си ты правый, као што се издаешь, духъ, и колико изъ твои' рѣчiй докучавамъ, да си и ты найпре човѣкъ, као и я, было, у чему си дакле несрѣтьанъ? Шта ли тебе, као єдно вышше одъ човѣка суштество, коє си, као што кажешь, ближже къ Богу, принудьава, кодъ мене смртногъ нѣку помоть тражити? Да Вы, духови, вышша одъ насъ суштества, такву намъ дати можете, скорiє бы самь допустiо; но мы Вама! Не знамъ, како бы то быти могло? Будутьи да ако духови дѣйствително суштествую; и ако они ништа друго нису, нежели, као што се говори, душе човѣческе; то какавъ бы они союзъ съ нама имати могли, кад' є смрть њи одъ насъ вѣчно разлучила? И то не знамъ, како бы и Божество њима допустило, да они гробове своє посѣтьавати могу, у коима имъ кости њiове труну, и да се они могу людма указивати, и їошт' нѣку помоть одъ њи' захтѣвати! Црвъ одъ пра'а да помогне крылатомъ лептиру!

Не чудисе ты томе, о любезный юноша! Я теби и опетъ кажемъ, да самь я духъ, кой самь пре 345 лѣта', у време їошт' Василiа Порфирогенита живiо. Послушай ме само! Императоръ овай, кодъ когъ самь я као вр'овный вождъ было, кад' покори себи Бугаре, одправи своє воинство и на Хрватску (єръ на Доброслава, краля Србскогъ, онъ не смедяше), а мене пошлье противу Серма, Княза Сремскогъ, у Сремъ, съ налогомъ тимъ, да я овоме одъ стране његове представимъ, да бы онъ одступiо одъ Крешимира, Краля Хрватскогъ, и приклонiосе къ њему, као Императору; да є совѣтнiє єдномъ Князу, у пријательство ступити съ великимъ царемъ, нежели съ кральемъ. Истина, мени и не бяше лагко, овогъ славногъ мужа на то склонити: но будутьи да у исто време и Оттонъ Уресолъ, Князъ Венецiанскiй, бяше Крешимира своим' Флоттама яко разбiо, и Крешимиръ сад' одъ Серма као свога со-

юзника, захтѣваше нѣку помоть, да се Уресолу одмасти: то Сермъ, како є разумѣо, да и Порфирогенитъ на Крешимира силну войску диже, не усудисе овоме помотьи дати. Моя є войска у Горньой Мисіи съ ове стране Саве воде была, и я къ Серму у ньеговъ градъ *Сірміумъ* съ нѣколико само одъ мои одемъ, съ намѣреньемъ, ако се онъ не бы на лѣпа условія къ моме Императору склоніо, да ударимъ съ воинствомъ на ньега. Сермъ будутьи дуго затезашесе, и предложенья моя пріимити не хотяше: али онъ у овомъ случаю весма мудро и полѣтично поступаше, никаквогъ упорства мени непоказуютьи; зато и я не могo' противъ таквога мужа ударати, кой ми нѣку надежду даваше, да тьесе найпослѣ морати онъ и тако мени подписати. Но пошльемъ на конацъ посланника къ момъ вр'овномъ вожду, кой веть на Хрватске границе дошао бяше, и извѣстимъ га, да се онъ одъ Серма ништа бояти нема, но да на Крешимира слободно удари. Онъ пакъ мени поручи, да се я дотле єднако при Серму, и съ воинствомъ око' Саве задржавамъ, докле-годъ онъ Крешимира не побѣди. Я то послушамъ.

Сермъ є мене свагда у свой дворъ найучтивіе пріимао, и я самъ съ ньимъ по вышше часова у найкраснѣмъ разговору проводіо. Онъ имадьаше младу и прекрасну жену, свою вѣрну супругу, у кою се я — ахъ! не зна човѣкъ, гдѣ тье вратъ сломити! — силно залюбимъ. Но будутьи да є она, као честнѣйша супруга, любила свога мужа тако нѣжно и тако срдачно; нимало на то негледаютьи, што є онъ веть постаръ био: то я за цѣла два мѣсеца дана' съ моимъ око' нье ласканьемъ ништа успѣти не мого'. Она се къ мени нипошто склонити не хтѣ, какогодъ ни мужъ ньенъ на страну мога цара. Я се не мого' ньой довольно начудити, како да є я, као єданъ у найкраснѣмъ цвѣту юноша, побѣдити не мого'! Я самъ се на ню часъ лютіо, часъ є опетъ за ону вѣрность къ своемъ мужу, као за особиту добродѣтель, обожавао.

Најпослѣ она мени искренно исповѣди, да и она мене люби; но да за живота њенога мужа нема красоте на свѣту, коя бы їой срдце толико обаяти могла, да она предъ светымъ олтаромъ њему завѣштану вѣрность и љубовъ ону прву наруши. Онъ є, вели, истина старъ; но я и зато га вышше љубимъ пежели мужа, я га, приложи, љубимъ и чествуемъ као отца мога, и онъ мене милує као свое дѣте; нит' се, вели, я нышше уздамъ, ако га као млада преживимъ, да тъу и у каквомъ младитъу ову љубовь и ову негу натъи мотъи, кою бы самь у њему изгубила. И она ово говоретъи заплачесе. Я на ню, тако умильену, и тако къ своме мужу чувствителну, гледетъи, помыслимъ у себи: Боже мой! Може ли што на свѣту за поштена човѣка, као што є Сермъ и было, миліе и љубезніе быти одъ овако лѣпе и овако благе душе! овако честне, вѣрне и добродѣтелне супруге! Моя о њьой овака разсудьења умножава'у съ дана на данъ мою љубовь къ њьойзи. Я вышше ни на красоту њену не гледа', као на доброту срдца и душе њене. Укратко да кажемъ, я толико силно пожелимъ ню себи за супругу имати, да се найпослѣ избезумимъ, и — охъ! — Серма потайно убіемъ!

Сад' она то дочує, и не само што се за мене потъи одрекне, но стане ми явно претити, да тъе и она мене, буди є и главе стало, убити, и тимъ мужа своегъ осветити. Найпослѣ предузме путъ у Цариградъ, да ме самоме Цару тужи. Я то видетъи по'итимъ за њомъ, стигнемъ є на путу и убіемъ и ню! Ето, на што ме є моя несрѣтьа навела, двѣ овакве прекрасне душе, два найљубезнія срдца, съ овогъ свѣта одправити, на земльи уништити! Опишемъ потомъ Цару, како самь найболье лагати знао, да се Сермъ мени упорнымъ показао, да є противъ њега злоумышлявао, да се потайно съ многима союзіо, и да є на конацъ и мене убити хтѣо, кое царъ све повѣрує, и мене за Губернатора надъ Сремомъ постави. По маломъ времену вручи ми подъ надзи-

рателство и землю Хрватску, коїомъ смо ветъ завладали были.

Но я бѣдный паднемъ сад' у очаяніе. Почне ме совѣсть немилостиво грызти. Данъ и ноть я се смирити не мога'. Свѣтле оне тітуле, высоко оно достоинство надъ нѣколико міллiона' найхрабрієгъ и притомъ найлюбезніегъ народа, ктоме силна богатства, любовь Цара, и шта я знамъ, ништа то мени помотьи не може! Свѣтле моє палате у очима моима црне ми буду, тамница ми постану! На сва єла и питья гледао самь мрзко као болный, или паче да рекнемъ гледао самь на њи као на єдно средство, коє ми мой, мени несносный животъ подкрѣплява. Я бы легао на душеке одъ найфиніе кадифе, покрыемсе свиломъ и кадифомъ: и текъ што бы самь очи, и то одъ поноћьи или и предъ зору свео да заспимъ, — ето ми Серма и любезне његове Босанке, у кои' самь крвь я руке моє умочіо! Она бы устремително съ ножемъ къ мени на постелю полетѣла, да ме управо у срдце удари: а онъ бы єзадржао, и кротко бы їой рекао: Немой! Немой, о любезно моє дѣте! Онъ има судію свога. Оставимо га паче, нека га совѣсть грызе. Онъ што є заслужіо, избѣћьи нетье, те нетье!

Мене овако страшно видьенье и пробуди. Ужаснутъ гледимъ око' себе, — нигдѣ никога! Полію ме сузе, и до бѣла дана я вышше не заспимъ, тако данась, тако сутра, докле ми се досади. Сгнусимсе на себе и на самъ животъ мой, узмемъ истый ножъ, коимъ самь Княгиню пробоо и ударимъ себи у срдце. Затрепетье у мени сва крвь, мука паклена разліе ми се по свима членовима моимъ, рыкнемъ као истый вол, исправимсе на ноге, блюне ми крвь и на носъ и на уста, затресусе опетъ ноге под-а-мномъ и лупимъ, колікій самь дугъ, о сподъ. По неописанной муки и по земльи преметанью пробіе ме зной, и на вданпутъ осѣтимъ, да ме ладна смрть прождире, смрть, кою самь я бѣдный и тражіо, да ме туге моє избави.

Но єсть! — Мене врате опеть на землю, и осуде ме на седамь стотина лѣта, да се по земльи скитамъ, да се мучимъ, и одъ немила до недрага претресамъ, и нигда се на єдномъ мѣсту не спокоимъ. Сад разсуди, любезный юноша! колико самь я сажальења достоянъ! Како мени тежко мора быти, одъ людій одлучену, а медьу духове непріимльену! 345 година, како по земльи ходимъ, никаквогъ участія увесельења людій немаютьи 355. їошт ходити морамъ! О Небо!

Юноша, замышльень, гледаше га и у себи говораше: Є ли то могутье, за волю Божію! што овай говори? Онъ одъ чуда єдва къ себи додье, пресѣче своє тьутанье и запыта га, како му є име? Мени є име Діогенъ! одговори духъ. Діогене мой любезный! О свему томъ, што ты мени каза, я се недоумѣвамъ, како бы то могло быти? и судимъ, да ты, као єданъ духъ, можешь нѣко проницанье у мою душу и срдце имати, слѣдователно я одъ тебе таити нетьу оно, што у срдцу мыслимъ, и ты мени, као смртномъ, валя да не замѣришь, што тьу ти искренно исповѣдити, да я ништа, што си ми преповѣдіо, вѣровати не могу, ако ты мени їошт онымъ моє любопытство не задовольишь, што тьу я одъ тебе захтѣвати, то єстъ: да ми дозволишь, опипати те. О любезный! Зашто не? Драге волье я то теби дозволявамъ; но суетно тьешь ты сѣнь мою ипати, и немойсе само уплашити, будутьи да како се смртногъ съ тимъ намѣреньємъ мене рука косне, да искуси, имамъ ли костію? я се морамъ одма у другій видъ претворити, одъ когъ ніе могутье, любезный мой! да се ты не уплашишь: а кад се ты уплашишь; онда се веть я твоє помотьи лишавамъ. — Увѣравашь ли ты мене о томъ, да се мени, што се мога здравля каса, ништа вештественно зло догодити нетье, развѣ єдно необыкновенно и за мене ужасно видьенье? И ако є то: я се уплашити нетьу; я имамъ срдце, одъ страа уздржатисе. О добрый юноша! Камо та срѣтьа за мене? Найпослѣ, можемо про-

бати! Но завѣштавашь ли се ты мени, да тьешь пріимити на себе подвиге, мени помотьи, и то ако не сада, баръ до кою годину, докле и ты зрѣлій будешь, али подъ тымъ условіемъ, да останешь при цѣломудрію, при комъ се сад' на'одишь, да останешь невинъ, као одъ майке родьенъ. Е добро! извѣсти ме, у чему си радъ, да ти я помогнемъ, и признаешь ли, да тьу я быти у станью, то учинити! Да ніе такво што, што бы мое силе превосходило? Можешь, любезный! быти у станью! Зашто не? Єръ стварь, кою я одъ тебе захтѣвамъ, одъ твое само волье зависи. Мене су духови тако осудили, да ми нико другій помотьи не може, развѣ какавъ непорочанъ юноша; а такавъ си ты, любезный Светозаре, ты и твоя Драгиня, коя є такодье непорочна, и у другомъ се чему не состои да ми помогнете, кромѣ, да по брачномъ вашемъ саединьенью годину и єданъ данъ медьу собомъ као братъ и сестра останете, и къ томе да три мужа и двѣ женске особе одъ смрти избавишь; а мое тье быти, у овоме прилику на руку ти дати. И то є све, што ты одъ мене захтѣвашь? Све! Све! добрый мой Светозаре! — Я одъ тебе вышше ништа немамъ захтѣвати! Кад' є то само, чимъ се теби помотьи може; то сигурно сматрай у мени твога избавителя, и дозволи ми, да те опипамъ! Хотьу ти заиста дозволити; но иди, и найпре умый руке, па ми додьи; я тьу те овдѣ чекати. Да умыемъ руке? Добро! Но пре него то учинимъ кажи ми, молимъ те, гдѣ си се ты родіо? и у коїой години? Я самь се родіо у острову Хію 995-гъ лѣта послѣ Христа, а умр'о самь у 1019-мъ лѣту, текъ што самь быо на 25-у годину настао. Ко є у то време управляо Србіомъ? О знамъ добро! знамъ, и преповѣдитьу ти, не као Історікъ, но као самовидацъ, — послушай ме!

У време мога дѣтиньства Петрославъ Краль и Србльима и Хрватима умре. Дѣте самь їошт' быо; но памтимъ добро. Сынъ ньеговъ Владиміръ, овога имена Вторый, числомъ краль 34-ый,

пріими одма скиптаръ правльенія и вѣнчасе на Кральевство. Овай є быо младъ и красанъ даже до удивльенья. Блага и Хрістіанска душа у ньему є обытавала, — Хрістіанинъ є и быо. Онъ тако мудро, и тако кротко народомъ своимъ управляше, какогодъ чадолюбивый Отацъ што свою собственну фамілію управля. Но будутьи да Божество, по неиспытаємымъ своимъ судбама, ніе хотѣло ни о добродѣтельныма изятіе какво на овомъ свѣту учинити, но узаконило є, да сунце тако сія и грѣе беззаконне, какогодъ и праведне, и подчинило є и ове, докъ се на земльи на'оде, неповольнымъ и погибельнымъ у естеству случаима, као и оне; и їошт' доста путій добродѣтеланъ и вышше што пострада, нежели неваляо: за то исто добродѣтель ньіова постає блистателнія, и они претрпльеньємъ своимъ овдѣ на земльи сокровиштствую себи вѣчна блага на небеси. О кад' бы смртни о томъ безъ сваке сумнье себе увѣрити могли, да праведни мазду свою нетье изгубити, какогодъ и грѣшницы што казнь заслужену избѣтьи нетье; колико бы вышше добра на овомъ свѣту было! и колико бы се срѣтьнымъ родъ човѣческій учинити могао! — Али слабость човѣческа! Плоть немотьна!

Самуилъ, Краль Бугарскій, позавиди овомъ добродѣтельномъ Владиміру нашемъ, што га не само ньеговъ народъ, но и сви околни владѣтельи врло любля'у и у свему похвальива'у, скупи много воинство, и подье на ньега, одтргнути му отечество. Владиміръ сад', видетьи га у ветьой снаги, за поштедити люде своє одъ крвопролитія, прибѣгне у нѣку, *Косорогъ* зовому гору, и ту се тако огради и утврди, да му Самуилъ нипошто досадити не могаше, докле га годъ на вѣру измаміо ніе. Добрый нашъ Владиміръ, заключаваютьи одъ себе и свога срдца и на друге, преварисе, и изъ горе овоме изидье. Овай ти намъ га у'вати и съ ньимъ на неизвѣстно време у тамницу! Тамо бы можда сирома'ъ и скапао, да добродѣтельна Косара, дтьи истога Краля Саму-

ила, изъ сажальења и Христіанске любови къ бѣднымъ, не оде у тамницу, сужне надгледати и утѣшити и', коя кад' ту видѣ и Владиміра, о коме ни мыслила ніе была, тронута буде. Ньегова красота, ньегова умилна и мудра бесѣда и великодушно ньегово трпльеньє, усхите ову честну дѣвицу, тако, да є одма одтрчала отцу, руссу косу свою низъ ледья просула, предъ ньега, као предъ Краля и Родителя свога, на колѣна клекла, и тако многима сузама Владиміра себи за мужа одъ ньега испросила.

Овымъ дакле начиномъ Самуилъ Владиміра пусти, да му свою младу, прекрасну дтьерь, и поврати му сву землю, кою му є одузео быо, и тако потомъ буду пріятельи найискренніи.

Но Самуилъ потомъ наскоро умре, и сынъ ньеговъ Бадоміръ Кральемъ постане. Овай, као младъ, поведе ратъ съ Грцима. Лукави Грцы, немогутьи съ ньиме рата водити, подговоре тайно Владислава, Бадомірова нѣкога брата, коме обѣтьаю, да тье га Кральемъ Бугарскимъ поставити, само да Бадоміра убіє. Владиславъ то учини. И текъ што онъ на престолъ Брата свога ступи, побоисе Владиміра, шуре свога, и зато притворно подъ нѣкимъ извѣтомъ позове нашегъ Владиміра на границе, гдѣ га онъ чекаше. Но супруга ньегова Косара досѣтисе коварству своегъ брата, и не пусти мужа, него оде сама. Владиславъ є найлюбезніе пріими, и са заклетвомъ тврдо є увѣри, да се Владиміръ ничега бояти нема, но да слободно може дотьи, да онъ има съ ньимъ особитый, и за обѣ стране особито важанъ посао. Пошлье на конацъ съ ньомъ и два Епіскопа, и пошлье му єданъ златанъ крстъ, као знакъ Христіанске заклетве. Тимъ овомъ хрістолюбивомъ мужу одузме сумню, кой сирома'ъ помысли, да нетье у своме шури Юду Іскаріотскогъ натьи и предузме путъ къ границама. Онъ на путу їошт' смрть свою предчувствує, свратисе ту у нѣку цркву, да се помоли Богу и себе ньему препоручи.

Іошт' се онъ у цркви благоговѣйно Богу моляше, ал' войницы, коє є веть Владиславъ послао быо да га убію, обколе цркву, удьу унутра, и њега многима ранама уморе. Но како тье и самъ протьи? Како ко сѣє, онако тье и пожети! Душу његову злосовѣстну сад' излишный страъ обузме. Рѣдко є онъ спокойно заспати могао, докле єданпутъ у поо стана свога сѣдне самъ подъ шаторомъ своимъ вечерати, и уєданпутъ стане га вика: Помагайте! Помагайте юнацы! Уби ме Владиміръ! Стража одма унутра утрчи, и нигдѣ никога ту кодъ њега не видѣ. Онъ, страомъ трзанъ, падне са столице, и — издане! Невидима рука Вышњега њега порази. То є было у лѣту 1015.

Ко дакле по смрти његовой Кральемъ Србскимъ постане? запыта опетъ юноша. На коє духъ: Послѣ Владиміра Србско Кральевство падне на Драгомира, стрыца Владимірова: но будутьи да по праву круна овоме нієе принадлежала: зато по маломъ времену буде и онъ убієнъ. Жена овога была є дтьи Великогъ Жупана Рассійскогъ, именомъ Лютомира, коя сад' по смрти свога мужа по'ити у Рассію къ своме родителю, и у путу роди сына, кога Доброславомъ наименуе. Овай тье потомъ дотьи на престолъ кральевства Србскогъ, и быо є числомъ 36-ый Краль Србскій. Овай є Грке у време Порфирогенита двапутъ тако силно побѣдіо, да вышше Грци нису нипошто смѣли, срѣтьу свою на Кральевство Србско прокушавати. Е! У то време и я се изъ числа живы' избришемъ! — О ты чудесно суштество! рекне у себи диветьисе юноша и опетъ њему: Кажи ми, молимъ те, є ли и онда ово Кральевство овако, као сад', цвѣтало? — А! Онда їошт' овако цвѣтало нієе, будутьи є народъ Србскій на многе части быо раздѣљенъ: но зато опетъ Србльи су и онда добро стояли, имали су своє Кральеве, Князеве и своє Велике Жупане и Банове славне, као и други народи, кои су земљомъ врло лѣпо управляли, особито имали су юнаке на гласу. Ове су заиста имали, као што и сада ова

земля прекрасне и велике люде радьа. Кад' кога гледишь, израстао є пустый као какавъ боръ, да ти га є чисто мило погледати. Имали су они као за ондашнье време и просвѣтьенье лѣпо; но за ово по ветьой части нашимъ Грцима имали су благодарити. Рукодѣлія' и трговина' што се тиче, нису они ни у томъ одъ други' найзадньи были. Мы Грцы, а такодье и други околни народи, съ почетка сбогъ лѣпе те землье много смо и' и често нападали: но они су се свагда мужественно бранили, и нигда имъ сила у оружію ньіовомъ ніе оскудѣвала, само, што нису свагда медьу собомъ у найбольой слоги были. Но потомъ поправе они и ову погрѣшку и лѣпо се одрже. И ето сад' хвала Богу почели су болье цвѣтати, нежели и наши Грцы.

Любопытный младить хотяше съ овымъ и далье їошт' бесѣду свою продужити; но Отацъ га зовне. Онъ сад' замоли овога, да се спусти ту мало у густу траву и пречека га, онъ тье му се таки вратити: но духъ, како видѣ, да онъ къ дружству своимъ одтрча, хтящесе изматьи. Бурямъ на то, кой є ту састрагъ у трави прелегао, и єднако га слушао быо, скочи уєданпутъ на ноге: Човѣкъ ли си, дьавоо ли си, я те вышше не пуштамъ! Овай ти намъ се стане бацакати и бранити; но єсть! Ко бы се овоме гіганту изъ гвоздены' ньеговы' руку' и отети могао? Упрти га дакле живо на ледьа, и съ ньимъ управо къ дружству. Ево га, Господо моя! повиче, и Богъ и душа! ніе истина, вели, да є сѣнь, єръ има кости као и я. Дѣвице се уплаше и утеку къ газдарици у собу. Светозаръ повиче: Дай га Буряме овамо, да спрамъ свѣтье видимо, ко є? Духъ Буряму претьаше, да нетье добро протьи; да онъ не само себе, но и све проче у погибель баца; на конацъ почне му и силно благо обѣтьавати; да тье му злато и сребро подъ земльомъ казати и пр. — само да га пусти; — придода му и то, да тье му, докле є годъ живъ, и буди бы онъ гдѣ быо, у найпогибельніимъ случаима на помоть

долетѣти; да онъ има нѣку особиту силу, коїомъ онъ то чинити може, и шта я знамъ? — но ништа му то све сад' не поможе! Овамо ты! одговори юнакъ, да мы видимо, є л' истина, да си, за кога си намъ се издавао?

Сатимъ унесе га у собу, у кою се сад' сви, као на особито чудо скупе, и многе свѣтье упале. Юнакъ га спусти: Сад', вели, да се кажешъ, ко си! Духъ смѣло стане насредъ собе, и прекрстивши руке на прси укочисе и гледи на све, ништа неговоретьи. Господине! повиче Бурямъ, хотьемо ли га распопити? Видите, како є учтивъ! Нетье ни капе да скине! Ей море! Поштуйсе! Сатимъ скине му црну шубару съ главе, подъ коїомъ сад' укажесе парока, свиленнымъ гайтаномъ привезана, кой кад' му одрѣши, спадне Духу брада, на кое сви, унаоколо стоєтьи, станусе гроотомъ смѣяти, и Бурямъ одъ чуда намргодисе, и великима своима очима погледи на се, па опетъ на ньега, и єдва проговори: О ты вражкій Монъ ами! Ко бы те се дьавола сѣтіо? Онъ се и самъ зацѣніо бяше одъ смѣя. О вражкогъ Француза! рекне Старый Господинъ, како є хитро знао онъ све насъ обманути! Но не знамъ, є л' икога тако, као мене, рекне Светозаръ. Тьутите, младый Господине! одговори Монъ Ами, одъ смѣя єдва изговараютьи, чули сте баръ лѣпу повѣсть, коя се пре 345 лѣта' сбыла: — но не заборавите годину и данъ! Иди безъ трага! Тако си лѣпо лагати знао, да бы самь те и 5 нотьій слушао. Іо! Мудроме мудро се и лагати мора, — да како Вы мыслите? А! захвалюємъ на таквомъ комплименту! — но одкуд' врагу може онако лѣпо історію извіяти? Отацъ! Да сте га само чули, како є говоріо, као да изъ кньиге чита. Ал' како то, рекне Старый, ніє се онъ ни теби показао, кад' си се онолико съ ньимъ разговарао? Ніє тай! Онъ є мене сасвимъ преваріо! Повео пустый цѣлу історію їошт' одъ Петрослава Краля! — како му є онолико у паметъ пасти могло! Но заиста, Монъ ами, ты знашъ лагати; у томъ си ис-

пекао занатъ, тако, да — И! ніе оно лажь, любезный! оно є истинна повѣсть. Читайте само історіе, па тьете видѣти, — само што я нисамь у оно време живіо. Сатимъ сад' свуче и горню свою црну свиту и поиште єсти. Нисамь, вели, я овогъ делибалту смотріо за мномъ; а Вы не бы сте мене у'ватили. Хтѣо самь Васъ слушати само, како бы сте Вы то дома преповѣдили. Та ты си дакле морао одма за нама потьи? рекне Старый. Другій данъ одма, Господине, како Вы одосте, я спремимъ моє машине и волшебне оправе, па се преобучемъ, и управо за Вама! будутьи самь савршено знао, гдѣ тьете Вы дотьи, — но на єдномъ мѣсту вражки селяни мал' ме не познадоше, и како су были на мене полетѣли съ кольємъ, убише! но на мою срѣтьу 'итро у момъ послу и художеству успѣмъ, те и' поплашимъ. Змай! Змай! повичу, па бѣж' єданъ за другимъ, да вратове поломе: но проклетый фосфоръ умал' ме и самогъ не спржи! Али како си врагу оно умѣо правити?

Подъ онымъ растомъ, знате? ондѣ ми є найлѣпше за рукомъ пошло. Срѣтьа Богме моя! рекне младить, те ти се ондѣ случи быти! Е како не бы? Я самь све на Васъ изъ прекрайка гледао, и све се къ Вама приближавао. Кад' сте се Вы ударили съ Влайковым' людма, я обидьемъ Дворъ, и станемъ пробати, како бы самь унутра ушао; но нѣколико непріятеля' натрапаю на мене, и были бы ме зацѣло у'ватили, но притворимсе за пустынньика, клекнемъ на колѣна, и узмемъ броянице, па се почнемъ Богу молити, и учинимсе, аки бы самь на ньи и не внимао. На коє єданъ смотри ме: А гле, вели, гдѣ є овай чучнуо! Но другій му рекне: Е да! Не видишь, да се Богу моли? И тако ме мимоидьу.

Сад' по овомъ разговору покаже имъ цѣло своє художество, и немало сви се ту чудьа'у ньеговомъ измышльенью, и хемійскомъ ньеговомъ знанью, за коє га Старый Господинъ и Дука особито похвале и богато обдаре. Медьутимъ и

зора имъ се почне указивати, кад' легну спавати; но они продуже време у постеляма и до предъ поодне. Потомъ ту обѣдую, и око' велики' заранака кренусе онако весели на путъ. И тако Старый съ Дукомъ и Драгиньомъ на своимъ лагкимъ колима, а сви прочи на коньма при самомъ сунца за'оду спустесе по 'ладу веть низъ планину у свою домовину. Косара, Косма и сви служительи истрче имъ сад' на срѣтенье, и цѣлый имъ Дворъ радоштью загрми. Дтьери моя любезна! повиче Косара Драгиньи, кад' є видѣ. Дѣте моє сладко! Єси ли жива? Дѣвица їой притрчи у материня обятія: Мамице сладка! паднувши їой на прси пресѣче рѣчь плачемъ. Она є нѣжно пригрльи, и материньомъ милоштью любетьи є єдва и сама проговараше.

Пошто се веть мало по бурной овой радости утишаю, и великій имъ се асталъ застирати почне, да вечераю, сѣдне Косара съ Драгиньомъ на канапе, и слушаютьи одъ нье повѣсть ньену миловаше є и сакрушавашесе на срдцу: Голубице моя мила, опетъ загрльивши є рекне, само кад' те є Богъ избавіо! Дѣте моє любезно! Колико самь туге за тобомъ овы' дана' поднела! Нитковъ єданъ и нечовѣкъ! Могу ли му опростити, кад' се опоменемъ! Но зато опетъ Богу хвала, добро є, кад' є и на томъ прошло! За Бога, Отацъ, како да є одма не пошльете, кад' сте се веть Вы задржавати морали? Старый се на то ти'о осмѣне и погледи на Светозара. Я самь то знала. Ты! Тако ты Мамицу жалишь? Є ли? Светозаръ є нѣжно загрльи: Нисамь, Мамице, заиста нисамь знао, да тьемосе онако дуго задржати? Но зато опетъ мы смо Вамъ писали и слуге слали, одъ кои' могли сте се извѣстити за ню.

На то ето ти имъ и Милиссе са своимъ Отцемъ Палимономъ и малымъ сыномъ Светоликомъ' кои изъ верта лагано по 'ладу идьа'у. Драгиня, коя ньи съ нестрпльеньемъ изгледаше, смотри и' съ прозора и истрчи предъ ньи. Милисса, кад' є изненада видѣ, радоштью воспряне и полети їой

на срѣтенье: Драгиня! Сладка моя! повиче, и найлюбезніе єдна другу загрлье: Сладка моя, ангьеле мой, любетьи є Милисса говораше, хвала Богу, те те опетъ живу видимо! О каква є наша радость была, кад' смо одпре писмо пріимили! На то и старый Палимонъ на стары' свои' ногу' приспѣ: Чедо моє любезно, возопи, сыне мой сладкій! Богъ ми те донео! Благо моє! Были смо те веть и оплакали! Сатимъ є отечески пригрльи и цѣлує. Благодаримо Богу, дѣте моє мило, на свему! Нисамъ се заиста, Отацъ, одговори дѣвица, полюбивши му руку, такой судби надала! Сатимъ дигне на руке малога Светолика, когъ се не могаше довольно намиловати.

При веселой вечери ни о чему другоме сад' разговоръ не бяше, него о догадьаима, кои су имъ се ти' дана' сбыли, особито Француzу, кога Бурямъ шалетьисе задиркиваше, непрестанно морали су смѣятисе.

Господинъ Любомиръ задржи Дуку и Нована и вышше дана' при себи. Онъ за оны' нѣколико людій, свои' наємника', кои су му у оной битки пали, не мало жаляше, а особито за два своя придворна служителя. Онъ по разсудьенью своmъ, као и свакій благоревностный отечеству своmъ патріотъ, за добро налазаше, да се иста земля, кою Дука подъ своимъ надзираньємъ имадьаше, одъ ньега одузме, и другомъ комъ мужу способніємъ подъ управльенье преда: не бяше пакъ радъ, своrъ овогъ пріятеля увредити, да бы о томъ што Цару и Бучину одъ своє стране предложіо. Време веть буде, да се и Дука съ Новакомъ на путъ крене. Любомиръ и' єданъ данъ рано испрати, и намѣри одма другій данъ у Призренъ итьи: но тай истый данъ, кад' се врати предъ вече веть дома, застане єдну кньигу одъ Цара, и застане старогъ своrъ пріятеля Палимона болна и у кревету. Онъ отвори кньигу Цара и почне є читати.

„Любезный мой Соколовичь! (Царъ му самъ своїомъ рукомъ пише). Моя є воля, съ Вама са-

статисе: но будутьи да ми є мало за'одно, къ Вама дотьи: зато молимъ, додьите Вы къ мени на вече у Столацъ. Иматьу съ Вама нѣкій рачунъ, а и єданъ особитый разговоръ. Но доведите ми и Ваше младе унуке, Светозара и Чедомиля, и нѣкога, кой се при Вама на'оди, юнака Буряма. Я, познаваютьи, добрый мой Соколовичь! Васъ, и філософскій духъ у Вама, веть у себи предчувствуємъ, да тьетесе Вы потежко на оно склонити, што я одъ Васъ захтѣвао будемъ: но опетъ, съ друге стране стварь судетьи, ублажавамсе и надамъ, да Вы мени, и дражайшемъ своемъ отечеству нетьете любовь одретьи, пріимити єдно моє предложенье, купно и бреме нѣко съ ньимъ на себе, бреме, подъ коимъ тьете Вы све Ваше до данась священнѣйше, отечеству нашемъ одъ Васъ указане услуге и послѣдньій плодъ свои' способностій ньему принети, и тимъ, као краснымъ вѣнцемъ, сва Ваша благородна и обштеполезна намъ дѣла увеличати и украсити. Моє тье быти, колико є могутье, бреме такво Вама одлагкшати; а што не будемъ могао я учинити, то тье Вамъ оно у човѣколюбивымъ присима Вашимъ желаніе, народъ свой благополучнымъ видѣти, помотьи. Зато, любезный мой! кад' є на насъ то жребіе, као што Вамъ є познато, пало, да мы вышце за другога, нежели за себе живимо, гледаймо, за чимъ смо, и дѣлаймо, дондеже свѣтъ имамо, слѣдователно будите готови, испунити мою желю. — Єсамь свагда

У Глубинскомъ Полю
Маія 6. 1356.

Вашъ
благожелателнѣйшій
Стефанъ Душанъ Н.“

Слѣдує третья и послѣдня часть.

Г.Г. ПРЕНУМЕРАНТИ.

БѢОГРАДЪ.

(Скупльени у књигопродавници Г. Велимира Валожичьа)

Преп. Г. Савва, Іеромонахъ монастира Горњака. — Ч. Ч. Г. Г. Гавріилъ Поповичь, Парохъ Каменичкій, — Гавріилъ Великировичь, Парохъ и Членъ Архідіецез. Консісторіе, — Ефремъ Ѳомичь, Парохъ Зеленинскій.

Высокоблагор. Г. Г. Константінъ Бранковичь, Лицейскій Професоръ, — Маіоръ Миша Анастасіевичь, на поклонъ Читалишту Ломскомъ у Лому.

Благор. Г. Г. Ѳеодоръ Петровичь, Штабсъ-Капетанъ, за сына Любомира, — Коста Д. Сретеновичь, за сына Міяила у Бѣограду, — Нікола Предичь, Казначей Камарашіе, — Міханлъ Петровичь, Столоначалникъ, — Димитріе С. Радивоевичь, Телеграфиста. —

Благораз. Г. Г. Светозаръ Бошњаковичь, Учитель Оструж-ничкій, за сына Владислава, — Георгіе Іоанновичь, Учитель Србскогъ єзыка и літтературе у Темишвару, — Георгіе Петровичь, Дѣтоналставникъ у Старомъ Бечею, — Іаковъ Поповичь, Учитель Зелинскій. —

Г. Г. Димитріе Іоанновичь, Практикантъ Окр. Начальничества Ягодинскогъ, — Конст. І. Ніколичь, Практікантъ Окр. Нач. Тьупрійскогъ, — Іванъ Татаръ-Богдановичь, Практікантъ Окр. Суда Тьупрійскогъ, — Ѳома Іоанновичь, Писаръ Примир. Суда Неготинскогъ.

Благонад. Юноше: Александеръ Вас. Гарашанинъ, ученикъ Гумназіе Бѣоградске, — Димитріе Г. Іоанновичь, ученикъ, — Васіліе Костичь, Бугаринъ, — Іванъ Владыкинъ, Бугаринъ, — Братья Валожичьи Милошъ и Миланъ, ученицы, — Цвѣтко Єздичь, ученикъ. —

Почтенор. Г. Г. Милисавъ Радивоевичь, — Іоаннъ Петровичь, шлоссеръ, — Георгіе Докичь, Лебцелтеръ, — Нікола Илінчь, — Ефремъ Петковичь, — Кузманъ М. Грбичь, трговцы изъ Вел. Градишта, — Миливой Врвичь, майсторъ кроячъ изъ Вел. Градишта, — Трайче Костоичь, изъ Битоля, — Стоянъ Петровичь, лончаръ у Бѣограду, — Іаковъ Радосављевичь, калфа шетьерджійскій, — Гьоргьа Т. Коцичь, калфа Дуванджійскій, — Ст. Ев. Буковаллъ, трговацъ у Идвору, — Богданъ Црноячкій, тргов. калфа у Стар. Бечею, — Драгойло Новаковичь, изъ Лнга, — Ивко Круничь, трговацъ — Стоянъ Філіпповичь, — Стойко Вучковичь, — Светозаръ Саввичь, изъ Ягодине. 43. ком.

(Скупіо Г. Вучко Ніколичь, III. лѣта Богословіе слушатель)

IV. лѣта клиріцы.

Г. Г. Міханлъ Пантелінъ, — Ѳеодоръ Божичь, за с. Єлісавету.

III. лѣта клиріцы.

Г. Г. Іоаннъ Поповичь изъ Ландола, Окр. Смедеревскогъ — Іованъ Тришичь изъ Іошевице, Окр. Подринскогъ, — Міятъ Г. Радосавльевичь Рибарацъ, окр. Ягод. — Філіппъ Поповичь, Ресаваць, Окр. Тьупрійскогъ. на све 3. части.

II. лѣта клиріцы.

Г. Г. Илія Ставричь изъ Босне, — Сумеонъ Чайкановичь изъ Босне, — Стоянъ Станковичь Краинацъ, — Сумеонъ Міхаиловичь Краинацъ, — Стоянъ Ніколичь Рудничаниинъ. 11. ком.

(:Скупіо Г. Коста І. Іоанновичь. калфа трговъ:)

Почтенор. Г. Г. Димитріе М. Коларацъ, трговацъ, за сына Илію, — Аѳанасіе М. Станковичь, трговацъ, за сестру Пауну, — Гьорьа Ц. Гьоргьевичь, — Спурідонъ Крстичь, — Илія Гь. Макимовичь, — Іоаннъ Гьоргьевичь, — Гьоргье Я. Манойловичь, — Іоаннъ Поповичь, калфе трговачке; — Іоаннъ І. Вуковичь, Помоћьникъ трговачкій, — Ѳома Стоичь, Шустеръ Майсторъ.

сви на II. и III. часть.
10. ком.

ЧАЧАКЪ.

(Скупіо Г. Стефанъ Миросављевичь, учитель старіи Разреда')

Препод. Г. Сумеонъ, Настоятель монастыра Воведенія подъ Овчаромъ.

Честн. Р. Антоніе Аджемовичь, Парохъ Заблатскій.

Благор. Г. Васіліе Бошковичь, Писаръ Среза Трнавскогъ, Окр Чачанскогъ.

Влагораз. Г. Г. Радивой Ѳеодоровичь, учитель младье школе Чачанске, — Милое Поповичь, учитель Лазачкій.

На II. и III. часть. 5. ком.

ПОГРѢШКЕ ТУПОГРАФІЙСКЕ.

Страна:		лінія:		мѣсто:		читай:
2.	—	36.	—	любозна	—	любезна
27.	—	36,	—	у'ватило	—	у'ватило.
39.	—	10.	—	Саетозара	—	Светозара
47.	—	29.	—	града	—	града.
50,	—	10.	—	истива	—	истина,
51.	—	34.	—	Дѣчко;	—	Дѣчко!
51.	—	41.	—	упитеромъ	—	Іупутеромъ
54.	—	34.	—	та	—	га
56.	—	13.	—	сад'	—	сад'
58.	—	35.	—	поклоняши	—	поклонивши
60.	—	28.	—	изретъи	—	изретьи
64.	—	4.	—	она	—	она
65.	—	32.	—	каректера	—	карактера
70.	—	13.	—	Нлайко	—	Влайко
71.	—	32.	—	узм'ане	—	узма'не
76.	—	11.	—	Овъ	—	Онъ
71.	—	26.	—	нн	—	нн
79.	—	22.	—	Господична	—	Господична
88.	—	13.	—	ди	—	да
95.	—	3.	—	дѣти	—	дѣте
96.	—	16.	—	анамъ	—	знамъ
„	—	26.	—	глелала	—	гледала
97.	—	38.	—	располагаше	—	располагаше.
105.	—	8.	—	Драго ми в?	—	Драго ми в!
120.	—	35.	—	совѣетъ	—	совѣтъ
123.	—	12.	—	иделе	—	идете
124.	—	3,	—	срѣтъу	—	срѣтьу
„	—	29.	—	бѣседу	—	бесѣду
139.	—	16.	—	внанъ	—	вданъ
142.	—	29.	—	ни самь	—	нисамь
143.	—	25.	—	Пріясте	—	пріясте
152.	—	10.	—	ньеда	—	ньега
„	—	15.	—	полакъ	—	по полакъ
160.	—	6.	—	самъ	—	самь
201.	—	39.	—	в	—	и
204.	—	10.	—	нышше	—	вышше

БИБЛИОТЕКА МАТИЦЕ СРПСКЕ
У
НОВОМ САДУ

Княжества Сербскогъ Каменорезница у Београду. Лит. П. Х. Рерихъ.

P 15 Cp II 150/2. 1/Pv

ЛЮБОМИРЪ
у
ЕЛІСІУМУ,
или
СВЕТОЗАРЪ и ДРАГИНЯ,
морална повѣсть,
сачиньена
МИЛОВАНОМЪ ВИДАКОВИЧЬЕМЪ.

III. Часть.

Ф3 III.

Друго изданіє.
Издао
ГЕОРГІЄ СТАНЧЬ,
изслуж. Словослагатель Правит. Тѵпографіє.

У БѢОГРАДУ.
У Правителственной Тѵпографіи
1858.

БИБЛИОТЕКА МАТИЦЕ СРПСКЕ
У
НОВОМ САДУ

Честный Старацъ садъ, прочитавши ово любезно свога Монарха писмо, осмѣнесе и ньегово священно име у ньему цѣлує. Потомъ ходаютъи горе и доле по соби стане разсудьавати, зашто га Царъ тако позива? На што ли му унуке и слугу захтѣва? Онъ опетъ погледи у писмо: Иматьу, вели, съ Вама нѣкій рачунъ! Хмъ! и особитый нѣкій разговоръ. Не знамъ, какавъ бы онъ другій рачунъ са мномъ имао, развѣ, ако му є што о сбывшемсе случаю нашемъ неповольно; но зато тьемо найлагкше! Я тьу ньему и устмено казати, као што самь му и писменно явіо. Видимисе пакъ овдѣ нѣшто, да є онъ у намѣренью, їшт' нѣко иго на мене метнути — продужаваше Старый у себи — и мал' да нетье онъ земльe одъ Дуке одузети, — и добро бы у томъ и учиніо: но додье ли на то, да и' вручи мени; я и' заиста пріимити нетьу, — не! Ситъ самь я веть тога. Да ми ніє дѣце: захваліо бы самь му колико данась и на овомъ, а не да вышше пріимамъ! Не Богме я! Нисамь я Мрнячевичь! Пріиміо бы самь иначе и срдцемъ и душомъ, колико бы самь годъ могао на овы' мои' стары' ледьи' понети; али да є другоячіє, — но овако не! Я изъ ньегове къ мени наклоности довольно примѣчавамъ, какво онъ повѣренье къ мени има, и колико онъ чистоту моє душе и срдца почитує, коє є быстро око ньегово добро видило; и опетъ нисамь у станью ньега увѣрити, да онъ у єдноме одъ свои' вельможа' єдовиту змію у отечеству, као у свои' нѣдри', пита и угрѣва. Време тье му ово одкрыти; но како касно! И што касніє, то съ ветьомъ обштеству штетомъ. Єръ лукавый лисацъ съ дана на данъ осиливасе, и средства, коима бы могао кадгодъ зауздань быти, съ дана на данъ одузима, орудья

БИБЛИОТЕКА МАТИЦЕ СРПСКЕ У НОВОМ САДУ

себи оштри, и свима добродѣтельныма, на коѥ ѥ онъ курячко своѥ око баціо, яму копа. Съ каквомъ дакле вольомъ зна честанъ мужъ дѣла и пріимитисе? Како ли може неправду и убитачну притворность, коя се за найветьу добродѣтель издаѥ, и очима гледати, да се не люти, и кою не рекне? А противъ такога што ретьи, значи, себе у погибель бацити. Но шта Богъ да!

Сатимъ сад' погледи крозъ прозоръ, и види Светозара и Чедомиля на двору, гдѣ са слугама конье сѣдлаю да по обычаю шетатисе изидьу. Онъ повуче за звонце, на коѥ удье му ѥданъ слуга. Оправите, рекне му, и мога коня, и кажи Младитьима и Буряму, нека не иду, но нек' се лѣпо обуку, — итьитье са мномъ у Столацъ. То рекши обучесе и самъ чинно и сидье къ дѣци у дворъ.

Драгиня, држетьи Светозару коня за узду, да се попне, пркосаше му, што не оде у шетню. Айдете дѣцо, рекне Отацъ, полюбите Староме (Палимону) руку, па да се иде. Како се на ньему види, тежко тьемо га сирома'а, кад' се вратимо, жива вышше и застати.

Милисса, Косара и стара Ердоѯіа прилѣжава'у о овомъ болномъ найусердніѥ, а собито любезна ньегова унука, коя му при постельи сѣдетьи ни очію свои', у сузама огрезнуты', съ ньега не скидаше.

Я съ дѣцомъ полазимъ у Столацъ, рекне Старый сиаи. На коѥ ове све три погледе. Царъ тье ме, приложи, довече тамо чекати, и писао ми ѥ, да му идемъ. Тако и дѣцу водите? Тако ми пише, да водимъ и ньи и Буряма. Косара на то воспряне и устави погледъ свой на Старогъ: Отацъ! А да нетьете Вы сад' подъ какавъ одговоръ за ону буну дотьи? Е да! зато се ніѥ бояти, — я самь Ньега о свему извѣстнымъ учиніо, а знатьу и устменно казати. Зато, велимъ, што зове Светозара и Буряма! Е мамице! Па зашто бы мене звао? приложи Чедомиль. Тебе, сыне, вальда зато, што га ниси у Призрену дочекао,

него си по'итао дома. Е да! Я самъ се явіо Цариди и она ми є дозволила.

На то и болный отвори своє тамне очи. Любомиръ му приступи: Прости ми, Брате! цѣлуютьи се съ ньимъ рекне му, я ево съ дѣцомъ полазимъ у Столацъ. Царъ ми самъ, кой тье такодье данасъ тамо сритьи, пише, да му тамо идемъ. Болный на то захтѣ, те га мало исправе, къ коме сад' дѣца приступе, и руку му полюбе. Онъ и' сви' троє слабыма рукама пригрльивши заплачесе и благослови и', па опетъ спусти немотьну свою главу на постелю и савсимъ утишасе. Гледайте, рекне Старый, и прилѣжавайте о ньему, — я итьи морамъ, и ако буде Божія воля, да се престави, а мене бы Царъ дужже задржао, и не бы самъ дотьи могао: учините спрамъ ньега дужность, као што му пристои, а можно, да тье Вамъ данасъ и Косма дотьи. Милисса Сынко! Знамъ, да те срдце боле, и не кажемъ ти, не плачи, но притомъ дѣте моє помысли, да намъ є онъ доста и поживіо, да онъ честный свой животъ срѣтьно свршує. Зато умѣри себе, и помысли дтьери моя као добра Хрістіанка, да иста смрть ньегова сад' намъ ньега єдномъ рукомъ одузима, а другомъ му врата у вѣчный животъ отвора. Заплачусе сад' сви ту при ньему и ужегу му свѣтьу. Ово сад' нашегъ Господина мало одъ пута задржи. Сви стоєтьи болноме при постельи у найдубльемъ тьутанью сматра'у га, како имъ се ти'о на другій свѣтъ одправляше, и како му смрть благосовѣстну душу ньегову лагано и безъ болова одъ старостью ослабльенна тѣла разставляше. Кад' ал' онъ опетъ наєданпутъ очи своє отвори и наново имъ проговори: Милисса, вели, дѣте моє мило, я задоволянъ умиремъ, — ты си срѣтьна! О како ми є жао, што ми Косма дома ніє! Настой, чедо моє любезно, да и Косма свагда съ тобомъ срѣтьанъ и задоволянъ буде. При овомъ заиште їошт' єданпутъ малога Светолика, кога му одма и донесу. Но текъ што га умилно погледи, заве-

же му се єзыкъ, послѣдньій лучацъ слабогъ живота ньеговогъ при угаснутью своимъ затрепета; онъ се на то мало стресе и као да заспа, тако ти'о испусти духъ свой. Богъ да те прости! рекне Любомиръ, — како є блага смрть предъ Господемъ преподобныхъ єго! Затимъ цѣлива га и съ младитьи свои кренесе на путъ.

У путу погледи на Светозара и Чедомиля, гдѣ се за Старымъ смутили бя'у, и почне и' разговарати: Вама є жао, дѣцо моя! за нашимъ Старымъ. И мени є жао, зато, што га вышше нигда овдѣ на земльи видити нетъемо; но кад' помыслимо, да є то свеобште жребіє наше, и да мы иначе у другій животъ ступити не можемо, развѣ чрезъ мрачный гробъ: то не треба да жалимо, а особито о ньему, кой намъ є, Богъ да намъ га прости! довольно и честно поживіо. За ньега заиста ніє было вышше живѣти. Вы сте видѣли, колико га є старость обременила была. Ноге су га быле издале, зубе погубіо, вида се лишіо, тѣлесни органи у ньему ослабили, чувства се лишіо, тако, да веть сирома'ъ на овомъ свѣту ништа ни уживати ніє могао, — и слѣдовательно, да є дужже живіо, само бы бѣдно поживіо: — Ова-ко пакъ, низложивши тѣлесно бреме, сву теготу на єданпутъ избѣже. Часъ наше смрти, дѣцо моя, приложи имъ Старый, єсть часъ нашега у больій животъ родьенья. Истина, не може быти, да и не пожалимо, єръ да намъ є такво чувство съ нашомъ къ коменибудь любовлю саюжено одъ саме природе познаємо, и што є наша любовь ко коме ветьа, то є и ово чувство у нама ветье, и силніє насъ мучи у случаю, кад' се лишимо онога, кой намъ є тако мио и любезанъ быо. Мати бѣдна умире за сыномъ, сестра за нѣжнымъ братомъ, вѣрна супруга за добрымъ своимъ другомъ вышше пута' као ума лишена и у самъ гробъ ньеговъ стрмоглавъ полети, и т. д. и све ово быва по слабости нашой човѣческой, кою мы, ово разумомъ, а ово упованіемъ на милость Божію валя да растварамо и себе да умѣравамо, да по-

знавши разумомъ законе єстества, садржаютъегъ у себи дивный поредакъ Божій, не усудимосе изванъ њи' ништа захтѣвати, будутьи бы смо то суєтно чинили, но да имъ се трпѣльиво подчинимо, и упованьємъ на Бога да све, што намъ се єстественно и вольомъ Божіомъ сбуде и догоди, помыслимо и духъ и срдце наше о томе тврдо увѣримо, да є оно за насъ по себи добро, но да мы само слабымъ и ограниченнымъ умомъ нашимъ не можемо да постигнемо, како є оно добро, будутьи да око наше оно видѣти не може, што є Божество одъ њега у настоєтьемъ животу нашемъ сакрыти хотѣло.

Они овако у разговору приближава'усе къ замку. За'одетьу сунцу Старый намъ понагли, да бы ту у двору долазакъ Цара предваріо, и њега тамо дочекао. И тако съ мракомъ скоріе они него Царъ приспѣду. Старый сад' овдѣ све готово застане, како тьесе Монархъ дочекати. Онъ, пошто се съ Двороуправительемъ и прочима ту поздрави, и о нѣки' потреба' їошт разговори, заповѣди Буряму и Светозару на конье сѣсти, и съ градоначалнымъ Полковникомъ и нѣкимъ числомъ воинства предъ Цара изитьи; а самъ съ нѣколико лица' подье лагано у разговору пѣшице къ селу, одкуда тье имъ тай великій гостъ и дотьи.

Ти'а свѣтлость мѣсеца озаряваше имъ єдну зелену поляну, коя имъ село одъ Двора разставляше. И текъ што сад' нашъ Старый Господинъ съ дружствомъ на ову изидье, засвираю трубе, коє огласе долазакъ Владателя, кой имъ се укаже на свѣтлымъ колима измедьу два' реда' войника'. Старый сад' по'ити къ великимъ вратима Двора, и ту га дочека. Но Газда! поздравившисе Царъ рекне Любомиру, є л' готова вечера? На коє овай: Ваше Величество! Ово є газда и доматьинъ, указуютьи рукомъ на Полковника, коме самь, вели, и самъ у госте дошао. Сатимъ цѣлуєсе съ младымъ кральемъ, кой такодье съ Отцемъ бяше дошао, и съ Богданомъ Юговичьемъ.

Светозаръ и Чедомиль машесе Цару за скутъ и полюбе га. Царъ и' погледи: О! о! Гиздавцы! Вы сте! Коликій ти намъ є овай нарастіо Любомире! рекне за Светозара. Како є? Є л' было што? Iошт' бы рано было за њега, одговори Старый. А! Рано? Што раніє, то болье! Iошт' онъ, Ваше Величество, придода опетъ Любомиръ, валя да се учи. Сатимъ удьу у Дворъ. Младый Краль узме сад' Светозара и Чедомиля у другу собу; а Царъ, узевши Старогъ за руку поведе га преко сале на єдно канапе. Добрый Старино! рекне му, иек' намъ се прочи мало по соба' шетаю; и мы тьемо овдѣ поразговаратисе, докъ насъ на вечеру не позову. Кажи ми, молимъ те, и опетъ, когъ є врага онай съ отцемъ своимъ чиніо? И какву си и ты кабалу съ њима имати морао? Любомиръ му на овай вопросъ укратко, но съ живымъ израженьємъ и смыслено искаже. Онъ не само да Дуку извиняваше, и као добрый његовъ пріятель лѣпы' рѣчій предъ Монархомъ о њему проспе и изговори; но и сына му много опере и погрѣшку му умали. При свемъ томъ онъ по патріотскомъ своемъ духу не може пропустити, да лѣпымъ начиномъ Цару не даде познати, да бы добро было, оне земльe, као пограничне и новозавоєване каквомъ войводи вручити и подъ управльењє предати, но тако, да и' ко при зависимости одъ Бучина на неизвѣстно време притяжава. И ты то за добро на'одишь? За добро, Ваше Величество! и изъ довольногъ узрока я то за добро налазимъ. Но! Довольно, любезный мой! У овомъ смо єднога мнѣнія. Я самъ исте земльe другомъ и предао, и на тай начинъ, као што ми и ты кажешь, и мыслимъ. да се нисамъ ни у томъ преваріо, коме самъ и' предао, — Шта ти се чини? Ніє л' Богдану? А! Не! Марку войводи! Добро є! Є л' добро? Добро! Ваше Величество! И Дука є и самъ, пре, нежели тье му Вістіаръ о томъ споменути, своєвольно ресігнирао, и сына смо му дали у войну, и то му є отацъ самъ такодье захтѣвао, — тамо тьесе може быти болье научити памети. Та оно є читавъ

бунтовникъ постао! Имао бы самь овдѣ зашто и тебе покарати (наслонивши му руку на раме и смѣшетьисе рекне Царъ) да нисамь само у намѣренью, за нѣшто те молити. Ваше Величество! одговори честный Старацъ, може мени заповѣдити, а не молити. Бре бытьу задоволянъ, ако съ такимъ светцемъ и съ молбомъ на край изидьемъ. Не смѣсе, добрый мой Старино! за овако што тако лагко ни заповѣдати, єръ я познаємъ и предѣле мое. Али кромѣ све шале, немой ми одретьи, ни изговоре коєкакве правити! Изволте ми, Ваше Величество, желю ващу одкрыти, и съ онымъ, што одъ мене могутье буде, єсамь заиста къ услугама Вашимъ готовѣйщій.

Добро! любезный мой Соколовичь! Я потребуємъ за Црну Гору Мужа єдногъ, но Мужа, у комъ бы земля ова Ваше добродѣтельи имати могла. Она остає подъ тітуломъ Княжества, но я самь є сад' на двѣ Жупаніє раздѣліо, — я одтуда сад' и идемъ. Шта мыслите. Земля є она, као што сами знате, мало на страни, и одъ скиптра мога поудальена, а духъ є онога иарода силанъ и одъ свега люби слободу свою, — слѣдователно боимсе, да моє нове уредбе, коє сад' и кодъ ньи' увести намѣравамъ, немаютьи їошт' о ньима чистога понятія, не почну ружно и наопако толковати, при чему могла бы имъ сѐ натьи каква немирна глава, коя бы и' їошт' ветьма подпалила, и на бунтовство подигла, а ово бы, Боже сохрани! ружнымъ примѣромъ, и на соблазнъ свима прочымъ, їошт' не тако у новымъ законима утврдьеннымъ Провінціама служити могло: а иначе Вама є добро познато, да су мени Црногорцы моя десна рука, и да се готово све проче земльe на ньи угледаю и ньима подражаваю. Зато, велимъ, бодрость овога народа и благостоянье ньегово изискує намъ мужа Вашега разума, Ваше оне умѣрене, и нѣкомъ отеческомъ добротомъ растворене строгости и Вашегъ стрпльенья. Дайте ми дакле таквога! Но правый Соколовичь да буде. Цр-

на є Гора државе наше одъ стране западне крыло. Око њено валя да на све наше новозавоєване земльe увѣкъ отворено буде. Я єсамь Царъ, но разговарамсе съ Вама, као са изабранымъ нашегъ политичкогъ тѣла членомъ; єсамь глава, коя починьемъ, но Вы сте членови, кои са мномъ єднако валя да садѣйствуєте, и о обштемъ благостоянью дома, не мога, но нашега, не Немањићьа, но народа Србскога, попеченіе са мномъ согласно носите. А да є свеобште согласіе и хармонія політичкомъ тѣлу и држави здравље, то не треба да я Любомиру казуємъ.

Ваше Величество! Мы и єсмо дужни, и їошт' съ каквымъ смо усердіемъ и радостью дужни о благостоянію нашегъ отечества промышлявати, любезногъ нашегъ отечества, надъ коимъ никада заръ и ніе овако сунце срѣтье сіяло, коє му є сад', Богу хвала, подъ благословеннымъ скиптромъ Вашимъ засіяло: но заиста ли Вы захтѣвате, да я Вама таква мужа за нашу Црну Гору назначимъ? Я то постоянно одъ Васъ захтѣвамъ, рекне Царъ, и погледи на Богдана, кой имъ такодье сад' удье, и до Любомира на свилено канапе посадисе, — то захтѣвамъ, повтори Царъ, и таквогъ валя да ми Вы надьете! Старый, мало потъутивши, Добро! Ево га! Богданъ? Па зашто не? Вѣруємъ! Но мени треба, кой тье у Црной Гори непрестанно и обытавати; а то одъ ньега быти не може. А! И обытавати! То онъ и не може, нити валя да буде, — онъ мора при Вашемъ Величеству быти. — Я имамъ єдногъ, рекне Царъ, мужа по срдцу момъ; но не знамъ, шта тьете ми Вы за ньега ретьи? Я? О Ваше Величество! Я знамъ, да се Вы у таквомъ послу не варате! Я и мыслимъ, да се не варамъ; но я опетъ безъ Вашегъ на то саизвольења то учинити нисамь радъ. Старый на ову рѣчь смысленно повуче очи на Монарха, и дигнувши рамены: Не знамъ, вели, докле се не извѣстимъ. Безъ могъ саизвольења! Како то разумѣвате? Еда л' є онъ у моїой власти?

Вышше, нежели у моїой! я њега морамъ молити. Старый, сѣтьаютьисе мало, осмѣнесе: Царско, вели, молити, готово є заповѣдати, но и не знамъ, придода, кой бы тай и био, кой бы себе за способна признао, а такво подношенье не бы себи за особиту милость пріимити хотѣо? Јо! Има людій свакояки', рекне Богданъ. Не заслѣпљавасе свакій свѣтломъ тітуломъ. Ово нѣшто наравно у људма быти познаємо, да они, кои су управо добродѣтельни, и осѣтьаю себе за какво достоинство савршенно способне, свагда се мало натрагъ затежу, и држећи на свой честный карактеръ нетье да се наметьу, — шта їошт' вышше, нѣкій путъ и кад' имъ се званіе какво и добровольно подноси, но они, видетьи, колико и' има прочи', кои су се на такво устремили, и безобразно силомъ се утурую, да до њега додьу, уступе имъ мѣсто своє, и траже опетъ свою тишину. Вы имате право, любезный мой! рекне Старый; но опетъ, гдѣ вр'овна власть, коя безъ лицезрѣнія избира люде, способне за какво дѣло, признаваюћи у њима будутьу обштеству ползу, надье такве и позове и': то они не треба да изъ нѣке учтивости слабіимъ и неспособніимъ уступаю, будутьи да тимъ вредъ нѣкій обштеству чине, коє они, ако су благодушни, не валя да творе. — Вѣруємъ Господине, но има и власти, коя добрымъ окомъ погледи на оне малодушне ласкателье, кои предъ њомъ пузе. Имате право одговори Старый, по несрѣтьи и то быва, и я знамъ, да Његово Величество данась превали преко єзыка за Црну Гору — О! о! — предвари Царъ — колико бы и' было, кои бы као гладни вуцы на онакавъ залогай са отвореннима челюстима полетѣли, — али: Мнози суть звани; мало же избранныхъ! Но да мы много рѣчій о томе овдѣ не сборимо, приложи Монархъ, нарочито моя є воля, да се Вы овога званія пріимите, и Вы сте тай, за кога я Вама реко', да имамъ єднога. Вы мени Губернаторомъ у Црной Гори валя да будете, нити ми се што на старость изговарайте. Истина, приложи Юго-

вичь, да званіе ово и ніе безъ труда; но добра су їошт' и пояка плетьа ова, а на просѣду браду не треба ни да гледамо.

Я самь одма, рекне Старый, изъ рѣчій Ньегова Величества примѣтіо, да Оно на мене цѣль свою управля; — но молимъ понизно — — Не, не, молимъ, возрази Царъ, то є веть сасвимъ свршено. Видишь Брате, сад' су тамо, као што ти реко', двѣ Жупаніе, и у свакой има по три войводе. Люди су сви добри, и они тье зависити одъ тебе, такодье и оба Жупана. Ты тьешь само посредствовати медь ньима, ньи зауздавати, у согласіе и' свагда лѣпымъ начиномъ приводити, и медьу ньима равновѣсіе у твоіой руци држати. Магістрати и сви Судови теби се подчињаваю.

Старый, потьутивши ма'не главомъ: Хмъ! Хмъ! Хмъ! На мою душу не вѣрую ми Ваше Величество! Богдане Брате! Дозволте ми изразитисе. Ова ствaрь, и дѣло оваке важности, и не валя да изненада и као мимо'одно сьудесе и сврши. Ваше Величество! Я Вамъ смысленно кажемъ, да то бреме ніе веть за мене. Я самь старъ човѣкъ! Шта мыслите? Хмъ! Слушай га сад'! Я самь казао, да тьу тежко съ ньимъ, и съ ньеговымъ на старость ньегову изговоромъ на край изитьи. Али молимъ, Ваше Величество! Дозволте да изговоримъ. Я самь старъ, као што ме видите; а дѣца су моя за то їошт' млада. Сестрићъ мой єсть добаръ и мужъ зрѣо, али онъ є човѣкъ нарави ти'е, — и молимъ, зашто не бы Ваше Величество за Црну Гору узели — Нема ту ништа, Господине, при'ативши рѣчь повиче Богданъ, дѣло є ово веть и у великомъ Совѣту свршено, Вы тьетесе суєтно сад' изговарати. Вы валя да се пріимите, и по смрти Вашой да мѣсто Ваше заступи Светозаръ, а Косма тье му и Братъ быти помотьницы. Кад' бы сте ми могли, приложи Старый, сад' баръ 15. лѣта' изъ числа мои' година' избрисати! Старино! При'ативши опетъ Монархъ, у онако мѣсто сад' долазишь, гдѣ тьешсе, Богъ и душа, подмладити. Мени нѣки у Совѣту рекоше,

ево некъ Вамъ Богданъ каже, да Васъ пошљемъ у Цариградъ, — о и како бы ми то нуждно было, да сте ми Вы ондѣ! али тражіо самь, шта є за Васъ лагкше. и гдѣ тье Вамъ быти пріятніе. Заиста и я самь желіо, придода Југовичь, да є могло быти, баръ кою годину у Цариграду да будете, докле бы се само нови наши закони по Магістратима њинымъ омилили; зашто су Цариградьани врагови велики: но ништа они нетье мотьи ни предъ оныма, кои су тамо постављени, врдати и штогодъ почети. Не бы ми было, рекне Царъ, тако и неповольно, да почну, и воліо бы самь, да они сами са своимъ Царемъ одъ стране своє Уговоръ наруше, нежели да то одъ стране наше буде. па бы самь имъ онда показао, боимъ ли се я анаѳеме њине? Не знамъ, ко бы се, Ваше Величество, томе ветьма и радовао, нежели Гойко, рекне Југовичь. На ову рѣчь Любомиръ погледи на Богдана, и Царъ. примѣтивши изъ његовогъ погледа, да онъ о Гойку не мало негодує, као и о брату његовомъ Вуку: Е, Гойко! вели, Гойко нек' чува само границе. Познаємъ я Гойка, гдѣ онъ и колико важи. Но тако, мой любезный Соколовичь! Вы тьетесе у име Бога што скоріе у Црну Гору преселити. За Васъ є тамо све уредьено. Дворъ Вамъ є оправлѣнъ, само да удьете у њега, па како шта у чему за найболье надьете, онако поступайте. У Епіскопу тьете имати мужа по Вашемъ срдцу, — онъ се радує Вашемъ тамо долазку.

Старый нашъ на ово ти'о смѣшетьисе извіяше бркъ свой: Я не знамъ, душе ми моє, рекне, како да се пріимимъ? И зашто такавъ посао нарочито на мене да падне? Та имамо за волю Божію мы людій за такво званіе много способніи'! Старино! Хотьешсе ты инатити самномъ? Молимъ те Богдане, заишти ми єдне ножнице, да му сву браду ову острижемъ, кад' ме не слуша. На то унесе имъ се у другу собу и вечера. Старый сад' устане. Ту удье и Младый Краль са Светозаромъ и їошт' нѣкима одъ Господе. Старый учтиво Ца-

ру поклонившисе: Я дакле, Ваше Величество, рекне, съ найдубльимъ моимъ и подданичкимъ почитаніемъ испунявамъ Вашу волю, и, кад' иначе быти не може, пріимамъ са усердіемъ на себе то исто бреме, коє изволисте на моя стара ледья натоварити. Завѣштавамсе притомъ, да колико ми силе допустиле буду, трудитьусе, трпѣльиво га носити, и сваку точку овакогъ званія вѣрно и попечително свагда испунити. Право! Любезный мой Соколовичь! веселымъ сад' лицемъ одговори Царъ, — Право, загрльивши га, Богъ да Вамъ силе здравльемъ подкрѣпи, и на обшту ползу народа нашегъ лѣта Вамъ приложи! Да обновится юность Ваша яко орля, и да не оскудѣютъ днiє Ваши, баръ докле и я живимъ. Сатимъ намигне на Богдана, а овай на Буряма, те изъ друге собе зовне прочу Господу, кои сад' намъ Старогъ счепаю, и съ веселымъ усклицаньемъ дигнувши га, и у другу собу къ поставльеной трапези носетьи: Многая лѣта! одпою му.

Сад' сѣдаютьи око' астала Царъ погледи на Буряма, кои му за ледья, дворити га, додье. Та є л' намъ ово онай? смѣшетьисе упыта. То є, Ваше Величество, Бурямъ Татомиръ. Ао! юначкій сыне! рекне му, ал' ти си замашанъ! Добро га є заиста мати доила, рекне Богданъ. Овога момка да са собомъ водите, приложи Царъ до себе сѣдетьемъ Любомиру, єръ слушао самъ о ньему, да є здравъ юнакъ, а притомъ да є и главе добре. Єсть! Ваше Величество, Финый младить у свему, вѣранъ ми є и добаръ ми є. као да є одъ моє собственне фамиліє, нити га я одъ мои' одтудьавамъ. Валя му што учинити, придода Царъ, — оваки су намъ люди у случаю крыла. Светозаръ, сѣдетьи при столу младогъ Наманьитьа, узме на умъ знакъ Старога, устане, и одъ дворослужителя пріими служавникъ са златнымъ пеаромъ и послужи Цара. Живъ и здравъ! рекне му добрый Владѣтель, овако тьешь ты мене и у Црной Гори послужити, кад' ти у госте додьемъ. Коя му є година? ти'о упыта Старога. Веть у име Бога

настає му 18-а. Е! добро! Може намъ веть войвода быти. А шта чини душе ти моя Косара? Є ли здраво! Цѣлує Вашемъ Величеству руку, здрава є, Богу хвала. Она као удовица вальда се сад' наново подмладьує? Да видите угоиласе сад', и то є чини временитомъ, иначе заиста се у лицу подмладьує. Сад' їой є пуно срдце, кад' погледи на ова два сокола, а безъ шале, не пытамъ за мою Драгиню, мою несудьену снаю? Люби руку своmъ Цару раба, здрава є. О любезно дѣте! Но Бога ти, шта чекашь? Я самь дакле болыій отацъ; а добро самь такодье и дѣте довео, — шта ти се чини одъ мога поступка у томъ? Да сте ме предье о томе упытали, знао бы, шта бы самь Вашемъ Величеству рекао быо, а сад' кажемъ, добро є. Имате право! я и єсамь мало по'итіо. — Чуо самь и одъ други' за овогъ Вашега, да є доста окретанъ, и да се у тѣсномъ мѣсту добро съ мачемъ владати умѣ? Старый на то као поносито: Соколовичь да се съ мачемъ не умѣ владати! Царъ погледи на проче: Люди Божіи! вели, мени се чини, да я овогъ нашегъ стародъ войника не бы дуго моліо да пріими комманду, као што га єдва намолисмо за Губернатора. Они ова-
ко у шальивомъ разговору при столу проведу по-
добро време. Найпослѣ устану одъ стола, и Госпо-
2 да подьу по собама шетатисе и у ти'омъ разговору
клавиръ и харфу слушати, узъ коя мусічка оруд-
дія и двѣ прекрасне дтьери Градоначалника, Ан-
на и Іуліанна, лѣпо имъ пѣва'у: а Царъ съ Богданомъ и Любомиромъ сѣдну на єдно канапе, и
піютьи нѣкій ѳей, одъ когъ имъ се цѣлый дворъ
мирисомъ испуни, почнусе лагано разговарати:

Добрый мой Соколовичь! рекне Царъ, моя бы воля была, да бы сте се Вы баръ до єданъ мѣсецъ дана' съ цѣломъ Вашомъ Фамиліомъ сасвимъ тамо преселили. Загорачкій Вамъ є предѣлъ добро познатъ. Мы смо дакле заключили, да Вы цѣлый тай предѣлъ, сву страну ту чакъ до Шкутарскогъ Єзера съ обѣ стране рѣке Бояне подъ Ваше собственно надзирателство пріимите, пакъ

ил' Вамъ є воля у граду Подгорици обытавати, или у Пиперину, дивномъ ономъ подъ планиномъ замку, а видитьете, како Вамъ є сад' лѣпо оправльенъ. Не, Ваше Величество, одговори мудрый старацъ, совѣтніе є, да я у Пиперину, као у мѣсту Княжества обытавамъ, нежели у Подгорици преко рѣке. Є ли? Но! То ми є драго! То самь и желіо! Уроше! Сыне! Ево намъ старый нашъ Господинъ Соколовичь захтѣва, да у Пиперину сѣди. Имаю право, одговори Младый. Е, сыне, кад' є тако, а ты ето учини оно, што си одъ мене захтѣвао. Теби є познато, колико я овога старога Хероя любимъ, — я самь њему зато и поручіо, да свое унуке доведе. Ево они су овдѣ! Хотьу, да имъ Ты изъ Твои' уста' предашь, єръ Ты и єси одъ тога Господаръ, зашто самь я то Теби поклоніо.

Младый Неманьичь, умильенъ, осмѣнесе и Светозара погледи (Царъ намигне на проче): Я Теби, любезный мой Светозаре, рекне му, данась ево предъ Свѣтлымъ моимъ Родительемъ и Твоимъ Монархомъ, и предъ свим' овым' честным' лицама и господомъ покланямъ Пиперинскій замакъ, купно съ цѣломъ земльомъ, шумама и поляма, коя му принадлеже, да буде ово єданъ вѣчный и вештественный знакъ наше дѣтиньске любови. Ваше Кральевско Высочество! возрази Светозаръ, такавъ священный знакъ Ваше царске милости мене вышше може быти сад' обвезує, нежели тьусе я игда у станью видити, каквыма услугама достойнымъ ньега учинитисе, и зато благодарити мотьи. И будутьи да Вы, Господине и старый Херою, приложи Царъ Соколовичьу, одлазетьи тамо собственно Ваше село Саввине овдѣ оставляте: то я Вама покланямъ она три прекрасна села: Пиперъ, Убаву и Дреновацъ. Покланямъ Вамъ, да буду Ваша и Ваше Фамиліе на вѣки. Старый на то са своя два унука приступи къ Цару, и найчувствителніе му захвали, завѣштаваютьи му одъ стране, како своє, тако и дѣчине, сваку подданничку вѣрность, и сваку у све-

му могутьу услугу. Притомъ обѣтьасе Цару, да тьесе и пре мѣсеца дана у Црну Гору преселити.

Каже потомъ Царъ Любомиру, како є онъ веть єднога одъ Вельможа свои наименовао, кой тье ту у Саввине дотьи, и сва она села подъ свою управу пріимити. То исто вече милостивый Монархъ и Буряма єднымъ отмѣннымъ знакомъ за ньегову храбрость почествує и богато га обдари.

Другій данъ попечителный за своє любезно отечество владѣтель зору и не одспава, но кренесе на путъ. Та како то, Ваше Величество! рекне Градоначалникъ съ прочомъ ту Господомъ, Вы буновныма ни изспаватисе не дозволисте? О Вы лѣнштине! одговори имъ благій Монархъ, хотьете заръ, да васъ сунце у постельи застане? Нека намъ они, любезни мои, спаваю, и іошт одпочиваю, кои су намъ се юче у полю зноили, кои насъ лѣбомъ ра'не и надъ коима є насъ судба поставила, да надъ ньима бдимо, и о спокойномъ се ньиномъ животу старамо. Погледайте, вели, на овога подъ сѣдомъ брадомъ старца, кой є синоть найкасніе са мномъ легао, и пре мене веть є буданъ быо, обукаосе лѣпо и готовъ чекао, да насъ испрати; а вы бы сте тако млади їошт спавали.

Сатимъ сѣдне у своя кола, у коя узме Любомира и Богдана, а прочи съ Младымъ Кральемъ на коньма подьу. Царъ сад нашега Старогъ цѣла два дана одъ себе не одпусти. Онъ подье съ ньимъ крозъ села, подъ управомъ Старога бывша, у коима све, што є годъ по ньима лѣпо и поредачно видіо, Староме приписиваше и ньему благодаряше, и похвалюютьи га уподобляваше га Патріарху Авраму. Третый данъ Любомиръ нашъ, испративши Цара до близу Призрена, опростисе съ ньиме, и вратисе съ младитьима своима и съ Бурямомъ дома, гдѣ застане Косму съ Новакомъ, и да су старогъ Палимона погребли были.

Сад Старый Господинъ, сабравши свою милу фамилію. каже имъ, да се мораю у Црну Гору

преселити, да є онъ тамо за Губернатора одъ Цара поставльенъ, а Светозаръ му Войводомъ именованъ, да имъ є младый Краль поклоніо Пиперинъ купно са замкомъ и їошт' два села у собственность ньіову, и да тье Царъ писати Войводама у Црну Гору, и ньему пуномотьну Граммату на оно Княжество што скоріе послати. У єдну руку и волемъ, дѣцо моя, рекне, што тьемосе тамо прибрати. Бытьемо мало заклонитіи одъ метежа, и нетье ми баръ свакій данъ оно быти предъ очима, што гледати нисамь радъ, — зашто, — да Богъ да, дѣцо, да се оно мимоидье, што я нѣшто у моіой души предосѣтьамъ. Улучимъ прилику, вели, и съ Младымъ се мало насамо разговорити, и доста самь му и рекао, ако му се буде коснуло срдца, и коснуло му се, ако само задржи, и задржатье заръ, но не знамъ, докле. — Найпослѣ, придода, я не могу шта силомъ. Надежда намъ є та єдна, што є човѣкъ младъ, мотьитье намъ заръ дуго поживити: ал' Боже сохрани да му се сад' смрть догоди, — пропало све! — А Отацъ! Да Богъ да! да то не буде! рекне Светозаръ; но и у томъ случаю нашло бы се, и Богу хвала и имало людій, кои бы знали ньему предѣлъ положити, ако є онъ и упузіо веть и Младоме у срдце, — и Младый не бы могао, што бы хотѣо, чинити. Мой Сынко! Іошт' си ты дѣте! Любезный Отацъ! приложи Косара, я се за свакій случай весма радуємъ, што мы у Црну Гору полазимо. То исто и я сад' нѣшто мыслимъ, возрази Косма, єръ тамо тьемо быти мирни, и нетьесе свака стварь, Отацъ, Васъ окачивати. Но Отацъ любезный! молимъ Васъ, немойте ми замѣрити, што тьу Вамъ ретьи, зашто се Вы и упуштате, о томъ дѣлу онако съ Царемъ и говорити? Мамице! Душе ми моє я самь стрепіо, да се Царъ не разсрди; Та Вы видите, молимъ Васъ, колико є онъ ньему наклоньенъ! Не знашь ты їошт' ништа! Не боимсе я, да тьесе онъ на мене разсрдити. Онъ види добро, да я ньему правду говоримъ. Добро онъ познає истину мои' рѣчій, но

мысли, да онъ ньега само за єдну машину држи. Но ніє совѣтно, онаку силу истой машини давати, будутьи єдна є рука Ньегова, коя ньомъ владати може: — но данась, Боже сохрани! да она подъ слабу руку сына му додье, шта бы было? Ономе є дао онолику силну войску, па му левентує по Македоніи; даде му сад' онолике земље, и градове! єдноме простаку! и учинити га Княземъ! Но онъ опетъ и коєкако, — видисе, да баръ вышше човѣчествз у себи има, и човѣкъ є простога срдца; али братъ му є лукавый лисацъ, — онъ нѣшто дубоко буши, и изоштрава своя орудія на нѣшто. — Єсте л' се съ Юговичьемъ о томъ разговарали? И шта Вамъ онъ о ньему мысли? Шта мысли? Види и онъ нѣшто, и учиніо самь га и самъ на то внимателнымъ; — но за чудо, да тіи люди то као за нѣку шалу држе; видисе, да люди нѣкако слабо проницателства имаю, шта се у напредакъ родити може. Говоріо самь ти и Отцу: но нѣкако ми се чини, да се онъ нѣкако и ньему много подъ кожу увукао; и да є и ньега обаяти знао. — А друго, шта бы му веть сад' и учинити могао? Онъ постане истина Великимъ Жупаномъ, но онога учини Княземъ! Али то кажемъ, и да Богъ да, дѣцо, да не погодимъ, мал' да онъ у Вукашину, своме любимцу, новога у Сербіи Іеровоама не подиже!

Сад' по истеченію нѣколико дана' пошлье нашъ Старый Новака и Буряма у Црну Гору у Пиперинъ напредъ, да обзнане войводама и тамошньимъ жительима ньеговъ съ фаміліомъ ньеговомъ скорый тамо долазакъ, и да нареде тамо све, што имъ се потребно видѣло буде; а онъ остане съ прочима кодъ кутье, спрематисе. Єданъ дакле данъ пошлье онъ своя два млада служителя у село, зовнути тамо два Священика и Діакона, такодье и Кнеза са Старѣшинама и їошт' нѣкима ту у мѣсту отмѣніима лицама, да му додьу сутра данъ, лицемъ на Св. Константіна и Єлену, на обѣдъ. Селяни су мало и разумѣли были, да тье имъ добрый овай Господинъ отитьи и ньи

БИБЛИОТЕКА МАТИЦЕ СРПСКЕ У НОВОМ САДУ

оставити, и нису за ньимъ, као за Господиномъ своимъ, но као за найдобріимъ отцемъ тужити и жалити почели. Нигда мы вышше, єданъ къ другомъ говора'у, нигда ни во вѣки овака Господина не добысмо! Ніе намъ Господинъ быо, но правый и найлюбезніи отацъ, учитель и утѣшитель.

Другій данъ дакле додьу му сви позвани у домъ на славный обѣдъ. Онъ є и пре тога свакогъ найлюбезніе и отеческомъ милостью у домъ свой пріимао, но сад' особито пріими и', и примѣмѣтивши и', колико имъ тежко пада, што и' тако наскоро оставити мора, жао му буде весма, и заплачесе предъ ньима: Братьо моя любезна! рекне имъ, нисамь се ни самъ надао, да тьу васъ скоро оставити, и съ Вама се предье опростити морати, нежели при послѣдньемъ мога живота часу — али! заръ тако ми судьено бы! при свемъ томъ увѣритесе, да тьете Вы съ Вашомъ добротомъ и у истомъ Господину, кой тье Вамъ данась дотьи, мене, Старца Любомира, натьи и имати, и да я и унапредакъ нигда на Васъ заборавити нетьу. Я тьу Васъ и опетъ као мою любезну Фамілію посѣтити, Васъ, у чемугодъ будемъ могао, утѣшити и разговорити, а и Вама тье свакомъ моя врата и у Црной Гори свагда отворена быти, — срдце пакъ моє смрть єдина, другій Вамъ нико нетье затворити мотьи. Само то Васъ молимъ, и као моїой дѣци совѣтуємъ Вамъ, приклонитесе подобнымъ усердіємъ и къ новомъ Господину Вашемъ, коимъ сте и мене свагда прѣдусрѣтали, и тако тье све добро быти; онъ є такодье благъ човѣкъ и мой найискреніи пріятель. Вы тьете видѣти и у краткомъ времену искусити ньегову доброту, и колико тье моя препорука кодъ ньега важити.

Онъ и' тай данъ гостетьи овако тѣшаше и разговараше. На конацъ да све сироте изъ села сазвати, коє милостиво обдари и уштедри. Такодье и многе своє служителье, кои су му изванъ дома были, и кои ту при новодолазетьемъ Господину остаю, богато награди и посѣтовавши и', да се и унапредакъ честно владаю, одпу-

сти и' опетъ на села. Госте своє заустави и на вечери, и ту се съ њима цѣо данъ провесели, и предъ саму ноть съ њима се найлюбезніє излюби, и одпусти и', говоретьи имъ, да тье се онъ іошт' кой данъ задржати и съ њима се видити, єръ не хотяше имъ точно данъ свога одлазка назначити, што є искусіо быо њино намѣренье, торжественно испратити га, у звона ударати, и до преко своєъ атара пѣснено спровести, коє овай смиренномудренный мужъ, као Фіlософъ, не хотяше. На што мени то? рекне къ своима, да толики люди насъ ради послове своє пренебрегаваю.

И тако ти онъ лѣпо потайно са своима домородцима єдну ноть спремисе. Слуге своє многе съ натоваренныма коньма и камилама пре поонотьи їошт' пошлье, а самъ съ доматьима своима посадисе на четвора кола, и у прве пѣтле у име Бога кренесе. Слугама є казао, да га на поодне съ готовымъ обѣдомъ на Доброславскомъ Гостилнику пречекаю, и ту скотове пора'не и добро одморе.

Сад' овако полазетьимъ имъ никоме тако тежко не бяше, одъ овогъ мѣста разстатисе, као доброй Милисси нашой. Она съ Єудоѯіомъ и малымъ своимъ Светоликомъ утрчи сад' при полазку у зеленый вертъ, падне своmъ Старомъ Отцу на гробъ: Любезна земльице! рекне, коя миле те момъ срдцу кости покрываш! То рекши цѣливаше му гробъ, и орошаваше га топлыма изъ очію свои' сузама. Потомъ подигнувши очи своє къ небу: Блаженна Душо! рекне, саслушай уздысанье срдца мога! Погледай изъ те вѣчности на мене, чедо твоє, и на любезный цвѣтъ овай, кой гробъ твой слабыма своима ручицама осязава! Прiими ове сузе моє, овай вештественный знакъ сыновње моє любови къ теби! О Отацъ мой любезный! На то є Косма, кой такодье за њима лагано ушао бяше, у'вати кротко подъ руку: Доста Милисса, дѣте мило! Доста брате! и самъ крозъ плачъ проговараютьи їой рекне. Оставимо покой-

не те кости на миру, и тѣшимосе тимъ, да намъ є онъ — вѣчна му буди память! — сад' съ блажены на другомъ свѣту духовы! — Но айде, любезна моя! да на насъ не чекаю. Сатимъ изведе є изъ верта, носетьи малога на руци.

Айде Милисса, дтьери моя, видѣвши є Старый рекне. 'Оди овамо, да сѣднешь, дѣте моє, кодъ мене! 'Оди и ты, Космо сынко, сѣди овдѣ до снає, а ты Светозаре, приложи, иди съ Драгиньомъ и Братомъ къ Баби на друга кола. Дайте ми и тога малога! повиче Еѵдоѯіа. И тако се лѣпо сви понамѣштаю. Старый рекне Монъ Амію, да са свои' колы', на коима овай съ нѣколициномъ сѣо бяше, напредъ подье. Сатимъ служительи на двору угасе буктинье, и новопришедшій двороправитель приступи Староме къ руци; но овай, любезно загрльивши га, полюбисе съ ньиме, и опетъ поздрави Господина ньеговогъ, кога тай истый данъ исчекива'у. Казатьешь му, вели, и извѣститьешь га о узроку, зашто самъ овако рано по'итіо. На то отворе имъ се велика врата, и у име Бога одтиснусе на путъ.

Ноть ти'у у Маію мѣсецу дивно имъ луна освѣтляваше. Птица гдѣкоя почне веть гнѣздо своє оставляти, и крозъ лиственне дрва' гранчице пролетати. Любезни и сладкогласни славуи свуд' унаоколо пѣсне своє єданъ съ другимъ саєдинява'у, и као да єданъ другога надпѣвати усилявашесе. Путницы наши, ово слушаютьи, и по разстанку свомъ одъ любезногъ имъ мѣста мало и жалостни, у ти'у нѣку и пріятну меланхолію погрузесе, и тако ништа єдно другоме неговоретьи готово четврть часа у тьутанью воза'усе. На конацъ Старый пресѣче имъ тьутаньє: Ово є третьій періодъ мога живота, умильенъ срдцемъ рекне сѣдетьимъ съ ньиме на коли'; но да видишь Косара сынко, ни полакъ ми не пада срдцу момъ тежко и жао, што се одавдѣ изселявамъ, као што ми є было, кад' самъ овамо изъ Грчке, изъ любезногъ мени мѣста Єлісіума, пошао быо. Мени пада мало потежко, одговори Ко-

сара; но притомъ я се заиста радуємъ, што идемо. И я сынко, и я се радуємъ, не само зато, што смо Богу хвала їошт' и у болье станье дѣце ове ради сад' поставльени, но што тьу мало ветьма одъ двора удальенъ спокойніи быти, и нетьу баръ коєкакве кабале очима гледати, защто самъ чувствителанъ на ствари, кад' видимъ, да путемъ не иду; — а ктоме їошт' мое є порекло изъ Црне Горе. Я самъ се истина мало съ нашимъ Неманьитьемъ и покошкао, и као преко моє волье бяше, да се пріимимъ; али кад' я потомъ нѣшто проразсуди', свиди ми се стварь добра. Баръ, велимъ, уклонитьу ту дѣцу изъ среде ньи' свакоякі': а прекрасно є, гдѣ идемо, мѣсто! О дивный намъ є и тай предѣлъ! Само ако намъ дворъ по вольи оправльенъ буде. Е, за то тьемо, Отацъ, найлагкше, одговори Косма. Што намъ не буде по вольи, мы тьемо оправити.

При овомъ ньиномъ разговору укаже имъ се и данъ. Звѣзде имъ све изчезну, и мало затимъ озари имъ сунце унаоколо брежульке. Дад' сынко Космо ту чутурицу, рекне Старый смѣшетьисе, да видимо, шта намъ є тай нашъ новайлія на путъ дао. Овай му даде. Старый, напившисе, Богъ да прости! рекне; ово вышше вреди, нежели и она кафа. Понуди сад' и дружство своє, и пошлю и прочыма на друга кола. Светозаръ скочи и притрчи къ колима Монъ Амія, кой такодье чутуру бяше натегао. Онъ понуди и Светозара. Хотьу да! рекне овай: но дайте Вы мени ту торбу. Овай му извади єдну пребѣлу погачу и два печена пилета, кое младитъ донесе на своя кола, и съ дружствомъ своимъ на коли' поручавши узме чутуру съ прекраснымъ Мостарскимъ віномъ: Да Богъ поживи, викне, нашега Отца, Црногорскогъ Губернатора! Али, Отацъ, да и Вы мени наздравите! Защто не? одговори добрый Старацъ; но да си ми, вели, овдѣ, да те малко као младогъ Войводу за уво повучемъ. А! Отацъ! Не дамо мы ньему їошт' те тітуле, баръ докле му у сватови' не поиграмо.

Они овако у веселой шали гледаютьи око' себе часъ цвѣтна поля, и по њима стада и пастыре младе, веселетьесе своима свиралама, часъ зелене шуме, преко кои' пролаза'у, наидьу на нѣке прекрасне и крупне поредъ самогъ друма трешњье, при коима се зауставе, и по пуне котарице наберу. Єръ вотья у той благословенной земльи, куд' се годъ човѣкъ макне, у излишномъ изобилію има, нити се зна, ни пыта, чіе є? ни, коме оно принадлежи? будутьи да свуда туд' безпослени пастыри на'одетьисе као одъ игре ово посаде, а ово накаламе, и земля, добра будутьи, роди, шакъ у време своє нека єде, когодъ туда продье, и колико му срдце иште.

Они у само поодне приспѣду у предреченный гостилникъ, гдѣ застану слуге, коє на њи съ готовымъ обѣдомъ очекива'у. Текъ што они сад' овдѣ сѣдну обѣдовати, ето ти имъ Новака и Буряма. Вратилисе изъ Црне Горе и овыма на срѣтеніе по'итили бя'у. Срадуюсе єдни другима, кад' се овако изненада виде. Право! повиче Господинъ Старый ушавшымъ имъ у собу, у коїой они дугъ єданъ асталъ окружили бя'у, — право, на мою душу, вели, као да сте изъ прекрайка одкуд' мотрили на насъ, кад' тьемо сѣсти, или да сте, што-но рѣчь, у бобъ врачали. Новаче! Овамо! Буряме сынко! Ты сѣди до твогъ младогъ Господина! Е! Сад' намъ кажите, како є тамо? Имамо ли на што дотьи? Имате, вѣра и Богъ, рекне Новакъ, те іошт' како имате! Бѣле Вамъ се Двори подъ єдномъ зеленомъ горомъ, да и' се одъ милина нагледати не мож'шь! И савъ онай предѣлъ, кой га опасує, найкрасніемъ царскомъ верту уподобляваше. Ударали сте и крозъ села? Нису, Господине, ово села, возрази Бурямъ, но мали градови. Ал' што ми се она поля одъ Пипериньски' віноградій къ западу и Дреновцу пружева допадаю! Друго Косово! Само што ніе онако широко. Е! Бога ти! рекне Светозаръ, шта ти се чини? Бы ли се могло и по њима мало съ кимъ повіяти? О Господине! Те како! Но мало съ бо-

льимъ (лагано) каквымъ, а не съ дѣвойчары, као Вашъ Влайко што є.

При обѣду сад' овако при веселомъ разговору преповѣде ови посланицы Старомъ Господину све, што су тамо видѣли, и кажу имъ, како су и жителье тамошньe извѣстили, и преко њи' и Войводама дали явити, да тье имъ скоро Старый Господинъ Соколовичь съ фамиліомъ дотьи, и управу надъ обѣ Жупаніе пріимити, и кад' разумѣю Жупани, да є веть дошао, да му имаю одма у Дворъ дотьи и посѣтити га. Ктоме, како имъ є Дворъ лѣпо оправльенъ, высокимъ зидомъ свуд унаоколо, и дубоким' око' овога рововима савъ окруженъ, какве су имъ ту близу двора нѣке дуго и широко пружене касарне, у коима по уредьенью те землье велико число войника' за сигурность цѣле южне стране овогъ Княжества непрестанно пребывати мора и проча овака. Коє Старый саслушавши наздрави чашу у царево здравльe, при коіой здравици цѣо имъ столъ затруби многая лѣта! и зазвече имъ чаше єдна о другу.

Данъ имъ и попревали, кад' одъ астала онако весели устану. И будутьи да велика врутьина бяше; то Старый и нехтѣ се на путъ кретати, но одложи, докъ мало за'лади. Младымъ Соколовичьима дуго се сад' ту време учини, зажеле ситьи ту близу у нѣкій градить, Добрословъ зовомый, и видѣти, какво є то мѣсто. Старый имъ ово дозволи. Младитьи сѣдну на своє конье, кои имъ одморни бя'у, будутьи да на њима нису доя'али, и оду; а онъ заповѣди младьима своима, да му подъ єднымъ великимъ растомъ у 'ладъ простру, да мало по обѣду поспава и накнади, што се прошасту ноть ніе изспавао био. Новакъ и Бурямъ, то видетьи, легну и сами подъ другій растъ, а проче имъ дружство подье мало вышше гостилника такодье исподъ лиственны' дрва' у ти'омъ разговору про'одатисе, и младе птитье, кои имъ на слабы' їошт' крыли' свои' изъ гнѣзда' и дуплый излетьа'у и по трави пада'у, ватати, коє помило-

вавши опетъ летѣти пушта'у. Напослѣдакъ посѣдаю и сами подъ єдно дрво у 'ладъ. У разговору ту сгледа'у предъ собомъ широка нѣка поля и многа по њима стада оваца, коя жаркій данъ на чопоритье коєгдѣ туда подъ зелена дрва стерао бяше.

Наша любезна Драгиня часъ по часъ изгледаше на ону страну, куд' су іой братья отишла была, и време є ту сад' мало неспокойномъ учини, гдѣ се сви поутишали бя'у. Зато узме малогъ Светолика за руку, и подье съ њимъ польемъ, цвѣтье му брати, — дивље ружице, одъ кои' се цѣло ово поље обагрило бяше, ню овдѣ подалеко измаме. Ти'и вѣтритьи кадшто бы їой крозъ плаветный одъ ведрогъ неба воздухъ появилисе, и топлоту ону полудневногъ сунца вѣяньемъ своимъ растваряютьи у пріятность бы є нѣку приводили. Она тако умильена забављяше младенца, исплете му одъ ружица' и разны' цвѣтова великій єданъ и дугъ вѣнацъ, коимъ га сад' одъ врата унакрстъ преко прсію и посреди опасавши завеже му краєве съ лѣве стране на велике ките, а другій му округао вѣнацъ на подобіе круне оплете на главу, исподъ когъ му смедье његове косице низъ рамена расчешља. Сад' му по єданъ струкъ одъ нѣколико ружица' задѣне и за свилене чарапице, и тако га украшена и као малогъ Амора накитьена поведе за ручицу онако весела къ дружству, мыслетьи у себи, како тье сад' Мамици његовой и прочыма мило быти, кад' га сад' овако виде, а особито Старомъ Господину, кой га весма љубляше, и съ њимъ се радо забављяше.

Но у овомъ повратку спази ту нѣке овце, кое се исподъ єдны' велики' брестова изъ 'лада къ нѣкомъ кладенцу (бунару) упутиле бя'у. Поплашисе дакле чобански' паса, узме дѣте на своя наручія, и подье мало на страну, да исте овце обидье. Ходетьи тако съ дѣтетомъ слуша єдну грљицу, гдѣ на єдномъ у бѣломъ полю сувомъ дрву гучаше, у време, кад' све проче птице по шумама одъ врутьине утишалесе бя'у.

Кад' ал' изненада скоче предъ ню два млада момка, кои су заръ на ню изъ траве и мотрили были. Она се тргне и хотяше имъ побѣтьи; но єданъ їой притрчи и у'вати є: Стани, вели, момо, не бѣжи! Она се сирота на то окрене къ гостилнику, но нигдѣ никога не видѣ, — почне викати. Овай, метнувши їой руку свою на уста, другомъ потргне ножъ одъ пояса: Тьути! Сад' тьу те заклати, ако тьешь викати! Она умѣсто да утьути, почне сад' изъ гласа викати; сатимъ и Малый стане їой плакати. На то єданъ младъ, но крупанъ и повысокъ дѣчко, као да изъ неба ту паде, стависе предъ ове: Шта є то? громовито повиче на ове, и залетисе къ оному, кой дѣвицу повео бяше, за прси: Шта си то науміо? рекне, заошія ньиме, и лупи га о землю, пакъ тргне ножъ и окренесе къ другоме. Овай: Не, Господин! измичутьи натрагъ повиче, не мене! Я нисамь кривъ ништа! Они обоица, стра'омъ сбуньени, и као крпа пребледили бя'у. Вы, єдни ниткови, єдне несрѣтье, а не люди! Знате ли, чій 'лѣбъ вте? То онако яростанъ изрече, и опетъ съ мачемъ на првога полети, да га по поо главе лупи, но дѣвица му сад' приникне къ дигнутой съ мачемъ руци: Не! Не! Господине! Умѣритесе! Я имъ сама одъ моє стране праштамъ и Васъ молимъ! Пустите ме, Господична! возрази честный юноша, да премлатимъ обоицу као псе. Срамъ Васъ буди! Вы сте юнаци? Пфуй! Вы сте єдне р'дье, кукавице и ниткови, кой характеръ благородны' юнака' безчестите! А знате ли, окаяни! шта сте сад' заслужили? Ил' мыслите, да сте и сад' у Венеціи, є л'? Женскій полъ! — пакъ їошт' дѣвицу, напасти! Почекай! Хотьемосе разговарати! Любезна моя Господична! окренувшисе къ дѣвици рекне, и узме є кротко за руку, повратитесе! Сожалуємъ, да су Васъ ниткови єдни тако уплашили, и тимъ и мене осрамотили; но сад' не бойтесе ништа, полюбивши їой руку тѣшаше є; не бойтесе! Они тье пріимити своє. О! Нетье имъ на ліо протьи! Но молитьу, чіи сте Вы? Нисте л' изъ овогъ гостилника? На то сад' єданъ са стране исподъ єдногъ дрвета, кой

се на ову буну пробудіо бяше! *Марко!* повиче на овога младитьа, шта є то море! Младить се окрене: А! Да видите, Чико, вели, шта су ови чинили! У'ватили ову дѣвицу, веть їой и ножъ подъ грло поднели были: Тьути, рече, заклатьу те, ако тьешь викати! Шта боланъ! тронутъ онай повиче и дьипи на ноге. И Вы сте то чинили? намгодьенъ приближаваютьисе къ ньима вопіяше, и прекрстивщи руке своє на прси стане предъ ньи, и установивши на ньи свой холерическій погледъ, и за нѣколико магновенія гледетьи и' тако, гдѣ предъ ньимъ клече, ма'аше само главомъ и не проговораше имъ ништа. Драгиня се бяше расплакала, — такодье ништа не говораше, но бришутьи своє сузе погледаше на овога Господина. Онъ бяше у струку высокъ и стаса соразмѣрно скроена и величествена, 'альина на ньему дуга бяше одъ зелене свиле, и друга по ньой до поф тѣла и съ кратки рукавы одъ чисто црвене кадифе. Кукавни сынови! Жалостна Вамъ майка! проговори напослѣдакъ и окренесе къ Марку: Право є, вели, мени мой отацъ рекао: да вукъ промѣни длаку, но тьудь нигда ни до вѣка! Но чудимсе, приложи, за овога: Та ниси ли баръ ты правый Србльинъ? жалостный сыне! Ніє онъ толико ни кривъ, возрази Марко, но овай! Овай! — Ей мой Брайко! рекне на то Господинъ, ниси ты за юнака, ни за честный Дворъ, но да кобыле и свинье чуваш и пасешь. Знашь ли море ты, какви су закони наши, и кое су дужности юнака? Устайте! Ты доле то оружье! Безумный, или паче блудный сыне! Сынко (на уво Марку) да ніє што противу? — А ніє Чико! Текъ што су є повели были, и она є одма викати почела. Срѣтьанъ си! мащутьи прстомъ рекне ономе Господинъ, срѣтьашъ си, да те ніє твоя несрѣтьа мало далье повела была; а ты вышше не бы ту твою тьупасту главу на рамени носіо! Заиста не! Но захвали Богу, ниткове єданъ и крви погана! Чія си ты душо? окренувшисе къ дѣвици упыта є. Любезно дѣте моє! милуютьи є рукомъ по образу, само што су те ови нитко-

ви поплашили! Є л' срдце, ніе те ни єданъ полюбіо? Ніе, сладкій Господине! Но были бы ме заръ я заклали, да овай младый Господинъ ніе однѣкуд' одма предъ насъ истрчао. А! Не бы, дѣте моє мило, не бы они смѣли то учиннти, — само су те поплашили, — но чія сте Вы дтьи? Да нисте одавдѣ изъ гостилника? Не, Господине, я самь изъ Саввина', Соколовичьа. Изъ Саввина'? Старогъ Господина Соколовичьа? На служби! Његова усвоєна дтьи! О любезно моє дѣте! Є л' то могутье? Па одкуд' Вы овдѣ? Съ кимъ сте тако дошли? Овдѣ є и мой Господинъ Отацъ, и Мамица, и сви смо овдѣ, — ту смо данасъ и обѣдовали. Мы се селимо у Црну Гору. О не говорте! Вы сте дакле Драгиня! Я самь на служби. А овай Малый? Ово є мога Браце Косме Сынъ. Па гдѣ Вамъ є дружство? да ме водите, — є л' овдѣ младый Господинъ Светозаръ? Єстъ и онъ, и Чедомиль, и сви смо овдѣ. Сладко моє дѣте! Да ме водите тамо, — но Любезна моя! Я Васъ молимъ, претьутите овай случай предъ Старымъ Господиномъ! Поклоните ми, красна моя Драгиня, то пріятельство одъ Ваше стране. Нетьете мотьи вѣровати, како є то мени тежко пало, и колико ми сад' тежже їошт' пада, да су Васъ моє слуге тако уплашиле; — но одъ данась вышше мои и нису, нити тье они вышше могъ 'лѣба єсти. Овамо Вы! Ту клечите, и иштите опроштенье одъ ове благородне дѣвице! Молимъ Господине, предвари Драгиня, извол'те ме извѣстити, съ кимъ имамъ честь говорити? Лѣпа моя голубице! загрльивши є, я самь Князъ Гойко Мрнячевичь, Вукашина Мрнячевичьа родьеный и младьій братъ, а ово є мой Сыновацъ *Марко*, Вукашиновъ сынъ.

На то му се Драгиня учтиво поклони: Драго ми є, рекне, и за особиту себи честь, или паче, придода, у оваквомъ случаю и за найветьу мою срѣтьу пріимамъ, да самъ Васъ овдѣ видѣла. То рекши окренесе и къ Младомъ, и бяшесе у лицу изненаднымъ овымъ явльеньемъ ньіовымъ заруменила. Любезна невиности! полюбивши є Гойко

рекне, и мени є весма мило и драго, да ме є случай овако нанео, Вама на срѣтенье изитьи. Но молимъ Господине, простит овыма — и я имъ праштамъ. Устайте! — Овамо то оружье наново повиче Гойко: на то ето ти имъ инѣколико други слугу, коима рекне: Узмите ово оружье, и водите ове бездѣлнике. Ты тьешь, кой си манье скривіо, у тамницу о сувомъ хлѣбу и води дотьи; а ты тьешсе одслати онамо, одкуда си и дошао, па ватай опетъ по оны Нарентински слатина раке, и пецай на удици рибу, као што си и најпре радіо, нити є кад было, нит быти може, да одъ єдногъ мачкодера юнакъ буде. И казатьете, вели, Миливою, да ме има съ Вама довече, буди у коє доба было, дочекати ту у селу, зашто можно, да тъусе я при Господину съ Маркомъ задржати.

Сатимъ и одпусти, а заустави сыновца и два слуге съ коньима. Суетно сад наша добросердечна Драгиня ову строгу Србенду за оне осудьене и моляше, єръ имъ овай ни мрве одпустити не хтяше. Онъ сад узме Малогъ, онако накитьеногъ, за другу ручицу, и тако съ Драгиньомъ водетьи га подье польемъ къ дружству купно съ Маркомъ и съ два слуге своя. Старый Господинъ веть устао бяше, и съ Космомъ настояваше, да имъ слуге конье и камиле натоваре и лагано путъ предузму. И текъ што онъ бяше у намѣренью, сад єдногъ слугу по Светозара и Чедомиля, кои їошт изъ села дошли не бя'у, послати, ето ти имъ се ови укажу, но їошт поиздалека, польемъ на коньима. Сатимъ смотривши и странне съ Драгиньомъ : Ко су намъ ово съ нашомъ Драгиньомъ? рекне Косма Старомъ. Старый на то погледавши: Ко тье то быти? Отацъ! Какве намъ госте наша Драгиня води? рекне и Косара, приближивши имъ се. Я не знамъ, одговори Старый, и мы гледимо. Видимъ, вели, да су нѣка Господа.

Медьутимъ ови имъ и ближже буду. Знамъ, да се нисте гостима надали, осмѣяваютьисе проговори Гойко. Гле сад! возопи Старый, и по'и-

ти му на срѣтеніє. Божья вѣра! Нигда ни во вѣки! О любезни гости наши, добро сте намъ дошли! Съ тимъ изреченьемъ сердечно се сад' загрље и полюбе. Старый мой херой! рекне Князъ, радуємсе, да Васъ тако здрава видимъ, и нисамь се воистину овомъ случаю надао. Милостива Господьа! загрльивши Косару и полюбившисе и съ њоме: О овай єданась за мене єданъ особитый случай, да я Вама овако изненада на срѣтенье изидьемъ. Космо мой любезный! Сынъ ме, Брате, твой доведе, полюбившисе и съ њимъ. О срѣтье наше, коїой се заиста не надасмо! рекне Старый. И тако текъ што се они овако любезно испоздравляю, и весели наново сви у'ладъ подъ великій растъ посѣдаю, а Милисса съ Драгиньомъ и служавкама по'ити, да имъ се ужина справи, ето ти имъ и Светозара съ Чедомильемъ, и за њимъ Буряма съ великомъ єдномъ котарицомъ трешаня. Они скоче съ коня' свои', и съ гостима такодье полюбесе и любезно поздраве. Господо моя! рекне Бурямъ, ево самь Вамъ донео прекрасны' трешаня! Господине! вели, оваки' їошт' ели ниете! А Бога ти, кад' ты за њима оде? упыта Старый. Кад' сте Вы спавали, Господине, я одемъ и надьемъ и' у селу. Ту сад' преповѣде имъ младитьи, шта су у селу видѣли, и шта имъ се ту допада, какви су имъ домови, улице, и проча. То ми є мило, Господине, приложи Гойко Староме, кад' видимъ, вели, любопытнога младитьа, кой є свашта радъ видѣти, чути и дознати, па то потоме и другомъ умѣ казати, а не као овай, вели, мой Сыновацъ. Пытамъ га ономадъ, шта є видѣо у Дубровнику? онакомъ граду! као што Вамъ є познато. Видіо самь, вели, Чико! што ми се найболье допало, два лѣпа коня; но што самь Вамъ, вели, єдну саблю у єдногъ видіо, нигда є заборавити нетьу! А шта їошт'? Я, вели, на друго нисамь толико ни пазіо. Е! мой сынко! рекнемъ му, да ты у Дубровнику, онако славномъ граду, и друго што не примѣтишь, кромѣ два коня и єдну саблю! — Има право, рекне Старый, понудивши и' трешня-

ма, то є знакъ, вели, да тье намъ добаръ войникъ быти. Ал' сте Вы чудни Чико! Шта тьу я гледати на оне ствари, коє ме не побудьаваю? Да гледамъ на продавнице? Я Вамъ нетьу трговацъ быти, но юнакъ, да коня яшемъ, и да саблю пашемъ. Право сынко! возопи Старый, — Ты право имашь! Юнакъ валя быти, да како! Чика то само сад' говори; ал' да видишь, како тье дотьи време, да тьесе онъ са сыновцемъ своимъ дичити и поносити, кад' га єдномъ види, да є болыій юнакъ, него и самъ што є.

Но нека Вамъ каже, Господине, смѣшетьисе рекне Гойко, како га є назвао и Турскій царъ: Налетица Марко! Е Чико! Онъ є то мени изъ шале рекао. Изъ шале, но добро є и погодіо, будутьи те є онъ и искусіо Ништа то! Я ньему и тако нетьу вышше итьи. Сатимъ сад' устане и подье са Светозаромъ мало на страну. Колико є было кодъ Цара? упыта Старый. Было є двѣ године, одговори Гойко. — Турски зна? Да видите Турски намъ доста добро говори; но у прочемъ є сирома'ъ простакъ. Нетье да се учи. Но ніе ни чудо, Господине, приложи. Простакъ самь и самъ; а мало му є болыій и отацъ. Хмъ! Дѣте є то іошт' и младо, рекне Любомиръ. Коя му є година? Настав ветъ на 17-у, но гледайте, како се то разрастло и окрупнило, али у лудо расте. Истина, приложи опетъ Любмиръ, да се и на ньему види, да вамъ ніе тако за науку способанъ; но опетъ другчіе е мало требало съ ньимъ їошт' изъ малена поступити. Срдце има добро. Милостивъ є, и разумъ бы имао, да се хотье учити. А! Вѣруємъ, да срдце има добро, єръ є таквымъ и природно, да добра срдца и великодушни буду. Господине сладкій! Кад' се овако у разговоръ о ньему уведосмо, као о єдномъ благородномъ юноши, комъ є срѣтьа такодье медьу племенитородныма мѣсто назначила, кажите ми, молимъ Васъ, шта Вамъ се *од*ъ ньега види, у чему и како бы требало да се съ ньимъ поступи? Отацъ бы му радъ, да га као прворођногъ Сына у дѣли' политички' да изу-

чити, и временомъ да га Дворянином учини; но мени се чини, да онъ то суетно одъ њега захтѣва, и да бы много паметніе было, да онъ њега войникомъ учини. Старый на то потьутивши мало: На строй, вели, тѣла његова, на будрость духа, и смѣлостъ његову сматраютьи, онъ се и види да є за войника родьенъ; али као благороданъ ніе за проста войника, но за началника каквога, за заповѣдника и управителя надъ многима; а овакавъ такодье, любезный мой, потребує науку. Да онъ не притяжава высоке дарове душевне, то се веть види; но да се ніе нимало надъ њимъ настоявало, и мале оне дарове његове баръ на нѣкій степенъ савршенства довести, и то се познає. Єръ дарови наши, Любезный мой, приложи Старый, єсу у нама и одъ саме природе различни. Нѣки имаю душевне ове способности велике, нѣки среднье, нѣки пакъ мале, и єстество є ове све за особенна нѣка дѣйства само опредѣлило. Ово мы искусствомъ постизавамо, видетьи, да нѣкій, као што намъ є и овай нашъ младить, велику наклоность има, войникомъ быти, нѣкій пакъ нетье то, но хотье Свештеникъ да буде; другій се залюби у высоке науке, и найветье себи блаженство налази у књига', строги' о ствarма разсудьенія', и испытиванью єстественны' тайній; другій на конацъ возлюби животъ простый, и не жели друго што, него земльедѣлацъ быти, и т. д. Сад' и за свакій овай чинъ особити су намъ и дарови дани, коє дарове ако се мы сами не потрудимо, колико є ков могутье, съ оногъ њиногъ мѣста, на комъ су они єствествомъ поставльени, подитьи, и на нѣкій степенъ савршенства и' произвести; єстество само у нама то учинити нетье. Слѣдователно не очекуймо одъ њи' ни' онаква дѣйства, коимъ бы смо се надати могли, да су намъ на могутьный степенъ савршенства узведена была. Єстество само, драгій Господине, настави Старацъ, не само у изображенью човѣка, но и други' стварій, видимо да нѣку помоть одъ ума човѣческогъ потребує и захтѣва. Погледаймо дакле у вертови' разно биље и плодоносна дрва,

каква є разлика медьу оныма, коя се у простой природи оставе, и оныма, на коя є човѣкъ руку свою прострео, ньи художественно обдѣлао, и облагородіо! Прва су дивлья, и плодъ одъ себе производе худъ и невкусанъ: а напротивъ втора питома, видомъ красна, и ктоме плодъ изобилный, и колико пріятніи намъ приносе и даю.

Тако, любезный мой Господине! быва и съ човѣкомъ. Онъ потребує, да се у савршенство, колико є коме могутье спрама ньеговы таланта, доведе, и унутрашнье облагороди, ако хотьемо и желимо, да намъ изреданъ и благороданъ плодъ душевный покаже и своимъ временомъ принесе. Мы видимо животна, четвороногa на примѣръ, да, кад се окоте, сама се по природи своїой на ноге дижу, и птице, да и сама природа летѣти научи: човѣка пакъ, кад намъ се роди, немой на своє време ходити научити, онъ тье умѣсто да на двѣ ноге иде, пузити на ногу и руку, као животно четвороногo, крозъ цѣо животъ свой, нити бы се потомъ кадгодъ усудити смѣо, на двѣ ноге исправитисе. Ктоме, не учимо га говорити! онъ тье намъ потомъ само мумлати, и никакве членовне рѣчи нетье намъ у станью быти произнети.

Тако и сви прочи ньегови дари, ако се човѣкомъ, као вторымъ творцемъ, не усаврше, и за она дѣйствія, за коя су му Богомъ и опредѣльена, не успособе, остаю му пуста, и бездѣйствителна: — ово пакъ валя на своє време да буде. У истомъ овомъ нашемъ младитьу, о комъ рѣчь предузесмо, многа су, Гойко брате, коя се вышше не бы ни поправити могла, а доста и има, коя бы їошт и могла, и коима време їошт ніе прошло. Онъ є срдца, велите, добра, и то вѣруємъ; али срдце добро изискує и разумъ добаръ. И ово намъ, Любезный мой, треба признати, коє намъ и само искусство потврдьава, да младитъ благороданъ, колико є у ветьой слави и ветьемъ богатству, ако ніе лѣпо воспитанъ и изображенъ, како споляшнье тако и унутрашнье, и ако ніе просвѣтьенъ и наученъ: толико тье ветьма и лагк-

ше ньимъ обладати страсти, и толико устремителніе у свако невалялство и у сваку погибель пасти може. Защто сирома'у убожество ньегово предѣлъ полаже, мора да се смирава, и одъ свакога уводи, мора да гледа, како тье о себи свакоме и у свакой прилици лѣпо мнѣніе да да, свакоме да се умили, и похвалу какву заслужи, иначе не може до какве срѣтье ни дотьи, — а ово чинетьи валя да се честно влада, и да се одъ свакогъ невалялства чува: шта пакъ на то принудити може єдногъ благородногъ юношу, кой у свакомъ изобилію живи, ако ніе, као што рекосмо, и унутрашнье облагородьенъ, и изображенъ, тако, да му сама ньегова блага наравь, и лѣпъ ньеговъ разумъ, коя саставляю у ньему моралный карактеръ, предѣлъ не положе, и ньега о ономъ, што є добро, што ли є зло, не опомене?

Господине любезный, возрази Гойко, Вы истину говорите, Ваше рѣчи злата важе; но оне су намъ и на наше изобличенье. Мы смо, Господине, заиста у томе дужность нашу пренебрегли; мы смо га веть и почели исправляти, но, како ми се види, у невреме; наравь се у ньему осилила, — особито, сирома'ъ, у єдномъ є дубоко загазіо, коє тьесе у ньему тежко и поправити мотьи, и оно быва причиномъ, да се ни у чему онъ сад' наставити не може. Онъ піе Господине! піе као гуя! — То є зло! О то є єдно найветье, особито за млада човѣка, зло!

На то донесе имъ се и ужина и додье Монъ Ами, кой, поклонившисе ту, каже Старомъ Господину, да є слуге на путъ одправіо. Старый сад' понуди Гойка, кой залогай узети; но овай не хтѣ. Ни я, вели, не могу ништа, но зовите, придода, дѣцу, пека она поужинаю, докле се мы їошт' у разговору продьемо, па да се иде. — Сатимъ подье съ Княземъ и настави бесѣду свою. Я не знамъ, вели, како бы сте Вы съ тимъ дѣтетомъ иначе сад' поступити могли, развѣ, да га пошльете у Призренъ у царско заведеніе, гдѣ намъ се и друга много благородна дѣца за чинъ вой-

ничкій уче, и гдѣ се сви подъ строгим' правилама држе и чуваю. Судимъ, да бы то за њега најболье было, нити тьете Вы мотьи одсад', како ми кажете, њега за другій кой чинъ способнымъ учинити: а за војника заиста нигда болыій. Саобштите Вы то Господину Брату, и учините тако; заиста се нетьете каяти: а онъ има, хвала Богу, и младье дѣчице, нека дакле гледи одъ њи', кога способна види, за політіка воспитати, — само съ други сыновы паметніе да поступи. Но не пытамъ Васъ, єсте л' давно у Дубровникъ прошли? Има веть двѣ седмице. Како є тамо? Како су Васъ дочекали? Добро! Вы знате Дубровничане! Сад' у име Бога дома идете? Дома! Но нетьусе задржавати. Моратьу одма къ цару у лежиръ (станъ) итьи, и одандѣ у мой полкъ, у Македонію.

Любомиръ, познаваютьи овога мужа, да є знатнѣйшій војникъ, храбаръ и са искусствомъ своимъ свагдѣ у побѣдама славанъ, ктоме, да є и у нарави много болыій и простосердечніи одъ брата, изговори му сад' у овой прилици много лѣпы' рѣчій и разны' у чину воєнномъ поученія', съ таквымъ повѣреньемъ, какво є одъ њега себи придобыти могао. И будутьи да намъ є овай у політіки толико слабъ и недостаточанъ, колико є за храбра и силна признаванъ быо: то лагко сад' и буде нашемъ мудромъ Старцу, његово срдце лѣпымъ начиномъ отворити, њега искушати, и све оне планове и намѣренія његова, коя є онъ съ братомъ своимъ предузимао, дознати и у њему одкрыти. Онъ се сад' дѣйствително увѣри, да се нимало у томъ варао није, што є на њи одъ нѣкогъ времена яко подозрѣвати почео быо. Онъ доста о овомъ и жаляше, познаваютьи, да бы овай, иначе по природи своїой честанъ мужъ, и вѣранъ отечеству и цару своимъ сынъ быо; али сбогъ брата своегъ није могао такимъ быти, — братъ му є духъ и срдце кваріо.

Честный нашъ Старацъ, искушавши сад' њега ти'у нѣку радостъ у патріотическомъ духу своимъ почувствуе, и надежда му срдцу, любовлю

къ отечеству свомъ горетьемъ, сад' поласка, да тье онъ све планове ньіове осуєтити, и высока, на погибель царства клонетьасе предпріятія ньіова сасвимъ мотьи уништити, ньіовъ подигнутый рогъ сломити, силу имъ умалити, ньи посрамити, и тимъ све малодушне увѣрити, кои бы се игда у уму своме покусили, противу обштегъ блага штонибудь предузети, да имъ се нетье по жељи сбыти мотьи, и да признаду, да има у отечеству довольно духомъ проницателны' ревнителя', кои їошт' искусніе знаю, надъ свеобштимъ народа благополучіемъ бдити, нежели они ньему вредъ нанети, и да онога око свакій путъ быстріе гледи, у кога є чисто и човѣколюбиво срдце, нежели онога, у комъ се оно мутныма страстима колеба, на погибель свеобшту дыше и зло умышлява.

Онъ дакле науми сад' коварства овы' Цару одкрыти, нити сумняше, да тье га о томъ увѣрити, зашто онъ измысли и начине нѣке, како тье Царъ ньи на нѣке пробе метнути, и своимъ собственнымъ опытомъ стварь искусити и дознати. И тако и' онъ опише Цару, на коє тье потомъ и одговоръ Цара получити, у коме му Царъ усердно благодари, обѣтьаваютьи му се, да тье онъ одсад' на ньи болье мотрити, и да тье и' на оной точки, на коїой се засад' находя'у, оставити, и претрпити и', докле само съ Грцима ратъ оконча; а потомъ да тье онъ знати, како тье съ ньима поступити, сирѣчь, да тье и' обоицу изъ воєнногъ чина узети, и у онакво и' достоинство поставити, у комъ они нетье мотьи, ако бы и хтѣли, ньему и отечеству шкодити. Хотье ли пакъ ньему судба ово дозволити? као історійску повѣсть ніе моє овдѣ описивати. Повратимосе мы паче опетъ къ нашой Романтичкой повѣсти, и не испытуймо судбине оне нашега у оно време народа, коє се и нису заръ безъ промысла Божія ни сбыти могле!

Докле се нашъ Старый съ Гойкомъ по поляни лагано бесѣдетьи шеташе, дотле су се Косара съ Милиссомъ, Евдоѯіомъ и младьима на путъ спремили были, и онако готови, да се текъ крену,

чека'у. Два млада Соколовичьа и Бурямъ съ Маркомъ їошт' на трави сѣдьа'у и у веселой шали ужина'у. Марко почесто на Буряма погледаше, и колико бы се годъ путій овай насмѣяо, онай бы се на ньега мало намргодіо. Чедомиль ово мотраше, и потайно рукомъ брата дирне. Бога ти Побратиме, рекне Светозаръ Марку — кой захтѣваше, да се тако одсада зову, — бы л' миловао имати овака момка? Видишъ, колики су му бркови? и како су црни?

Марко. Видимъ, но да су какви гребени сад', да и' счешля мало. Знашь, шта є Побро! Я да самь тобомъ, натерао бы самь га, да пусти и браду, па онда. —

Бурямъ. (При'вати му рѣчь) Е Бога ти! Па шта онда? Да идемъ у калугьере?

Светозаръ. Та имао є браду! Е! Да си ты ньега Побро подъ брадомъ видіо, какавъ є страшанъ быо! Но я га натерамъ, те є обрія, зашто га є одъ свега маторогъ чинила.

Марко. Вальда кад' си га у Призренъ водіо?

Бурямъ. Не Господине! но кад' смо у Прилипъ шшли, и ондѣ самь чуо, како Васъ дѣвойке у пѣсмама пѣваю.

Марко. Хмъ! Штета, што ты тамо нисн! Како имашь диванъ гласъ, та све бы се само и у твой гласъ залюбиле! Но молимъ те, немой ми вышше говорити *Вы*, я то не трпимъ.

Бурямъ. Е добро! Одсад' нека буде *ты*. Право имашь Господине! И Богу кажемо *ты*. Сатимъ узме бокалъ съ віномъ.

Марко. Дед' Бога ти искапи, па дотрчидеръ їошт' єданъ (сатимъ окренесе на Старога и Гойка) докъ намъ они дошли нису. Ха! Тако! Дедеръ ты сад' Малый Побро! (Чедомилю) Дотрчи їошт' єданъ! Ты си полагкшій нежели тай Ваш дромо. Читава кола меса! Кад' бы се одкотурао?

Бурямъ. Виднмъ, и ты си ми субгилно нѣко момче (пипаютьи му кости) Боже мой! Што ти є оно Господскогъ рода! Мора нѣшто особено быти, какогодъ онай финый филгрямскій посао

(къ Светозару лагано) гвоздены малъевы слупанъ.

Марко. Душе ти Побро, шта ти рече?

Свет. Е Бога ти Побро, не слушай ты ньега! Чуди ти се, како крупне кости имашь.

Марко. Имамъ Богме! И валя да имамъ, зашто тьу войникъ быти. Гледай море, какве су то ноге! Бедре као наливене.

Бурямъ. Єсть Богме Господине! И што ноге, но глава! Глава ти є заиста замашна, и како тьешь лѣпъ и великъ носъ имати (лагано къ Светозару) — но починье му їошт' сад' одъ віна црвенити. Устница ти є истина поширока; но ако узимашь бркове, добро тье быти.

Марко. (Намргодившисе) Шта? Я ако узимамъ бркове? И ты, зла ти срѣтьа! мож'шсе сумняти о томъ? Како да я не бы самь бркове имао! О ты луда главо Србска! и као Србинъ како си, молимъ те, тако лудо и ретьи могао?

Бурямъ. Гле сад'! А заръ є то лудо речено? кад' узимашь бркове.

Марко. А! Кад' узимашь! Мени се чини, да ты мени рече: Ако узимашь. Е прости.

Бурямъ. (Смѣютьисе) Као Србинъ, вели, како си могао тако лудо ретьи? Господине! Дакле Србинъ свакій мора быти паметанъ?

Марко. Да? Да како ты хотьешь? Да буде кой и лудъ? Бога ти Побро, є л' онъ Србинъ?

Свет. Правый, Побро! и отцемъ и матеромъ Србинъ.

Бурямъ. Матеромъ, Господине, знамъ да самь, но отцемъ не знамъ.

Марко. Шта боланъ? И то не знашь, ко ти є отацъ!

Бурямъ. (Лагано на уво) То мати моя зна.

Ето ти имъ на то и Чедомиля съ віномъ. Бурямъ при'вати бокалъ: Здравъ Господине! На коє овай: А! не тако! овамо тай бокалъ! Ты си испіо; сад' є мой редъ. Светозаръ при овомъ смотри сад', да имъ и Монъ Ами иде. Побратиме, вели, ево намъ їошт' єднога госта; но остав-

те те ваше разговоре. Монъ-Ами бяше по обычаю своме обученъ, у краткой єдной лѣтньой 'альиници, бѣлы' одъ памука до колѣна' чарапа, шарены' одъ колѣна' клашня' (плундра'), црвеномъ одъ казимира прслуку, изъ когъ му велики, снѣжнобѣли, и прекрасно набрани одори (шапутле) извадьени бя'у. На глави имадьаше Шпанскій шеширъ, и на ногу' ципеле съ великим' сребрным' копчама (шнолама), на руку' зелене рукавице одъ свиле, и у десной руци єданъ малый штапить. Марко, држетьи у руци бокалъ, бяшесе загледао у нъега и ништа не говораше. Монъ-Ами, као човѣкъ одъ моде, и по обычаю земльe, у коіой се родіо, отличніи и ходъ имадьаше. Онъ мале и скоре кораке уситніо бяше. И будутьи да смотри Старогъ Господина съ Гойкомъ, мимоидье сад' ове, и оде онамо. Марко, пошто га очима пропрати: Е! вели, сад' знамъ, ко є онъ! То є онай, што по ужету игра. И будутьи да онъ тако и мышляше, зато и строго рекне, ков се овыма свима да на смѣй, особито Буряму. Та што се смѣешь, као лудъ? намргодьенъ повиче Марко, — колико самь, вели, таквы' у Дубровнику видѣо, гдѣ се по ужету преметьу!

Бурямъ. Та како бы я лудъ быо, Господине, кад' самь я Србинъ?

Марко. Вражкій си ты Србльинъ, кад' незнашь, ни ко ти є отацъ быо. Та безъ шале? Држи Старый Господинъ таквогъ, што му по ужету игра.

Бурямъ Та то є, Господине, то, Вы сте добро рекли, но ако хотьете?

Марко. Хмъ! Опетъ онъ политичити поче! Вы сте! Ако хотьете! Шта ако хотьу? Казуй де!

Бурямъ. Та велимъ, ако хотьешь, да намъ покаже своє художество?

Марко. А! А може? Има свою оправу заръ и овдѣ?

Бурямъ. Има да како! Но да га зовнемъ! Онъ тье то таки учинити.

Марко. Мани га къ врагу! Нетьу, да га зовешь;

— мрзимъ съ таким' людма говорити, кои велике компліменте знаю правити. Но ако хотье, ено нека пружи уже измедьу она два бреста доле, па нек' се преметье, а мы тьемо одавдѣ гледати.

Свет. Пстъ! тьутите! Ево га къ нама гдѣ иде! Побро! Не слушай ты овога лупежа. Нiє, брате, онъ комедiантъ, овай се само шали съ тобомъ. Онъ є финый єданъ човѣкъ, наученъ, и нашъ двороправитель. Буряме! Доста! Не смѣйтесе! Друго є, кад' се ты съ ньимъ предъ познатыма шалишь; онда ти онъ не замѣрава: а друго є сад' предъ Господиномъ. Онъ сад' нарочито овамо и иде, — знамъ, да су му они казали, да додье поздравити младога Мрнячевичьа. Но Побро! Паметно!

Марко. (Намргодьенъ) Шта? Овамо иде! (Сбунисе сад', станесе неспокойно мѣшкольити и по глави чешкати) Когъ му врага знамъ опетъ сад' говорити? Ха! Нема ми горе него то! Бога ти Побро! Ил' изидьи предъ ньега и одварай га куд', ил', ако додье, говори ты за мене. Мене мрзи!

Свет. А! Побро! То бы лѣпо было! Не треба, брате, ту много говорити, но само на ньегове рѣчи и ты рецы као што є обычно: И мени є особито драго! Честь и одъ мое стране Господине! На службi! и прочая, вальда си чуо градьанске обычае, кад' се поздравляю. Марко намъ стане сад' ову лекцiю брже болье на изустъ учити, и рѣчи исте Светозарове почне лагано повторавати: И мени є особито драго! Честь одъ мое стране Господине! На службi! — Шта оно iошт' бяше? Ха! Знамъ! и прочая. Бурямъ и Чедомиль скоче на ноге, и одъ тежка смѣя у'ватесе за трбу'ъ и побѣгну за єданъ растъ. Но Светозаръ у томъ мудро и мужественно се умѣри, особито, да не бы Монъ Амiа увредiо, кога познаваше, съ коимъ намѣренiемъ сад' иде: Само паметно Побро! Ево намъ га! — Марко сад' устане и укочисе као проштацъ. Монъ Ами съ умилныма на лицу чертицама, као живымъ знакомъ учтивости и любезнога обычая, погледи на Светозара, и на є-

данпутъ на ову меснату штатуу: Ако се не варамъ, вели, я имамъ честь у овомъ Господину поздравити младогъ Господина Мрнячевичьа? На коє Марко сад' предвари и Светозара, и потргне свою лекцію: Мени є особито драго Честь одъ моє стране На служби и прочая. Онъ све ове рѣчи и безъ комме єдно за другимъ на єданпутъ изговори, па пунъ задовольства спусти намъ се опетъ на землю. Светозаръ се мало зарумени; но Французъ, као мужъ наученъ: Право! повиче, и учини му копліментъ, — Право! Драго ми є, да имамъ ту срѣтьу, познати Васъ. Красанъ младить! рекне Француски Светозару, — лѣпо дѣте! Не замѣрите му, рекне Светозаръ такодье Француски, простъ є їошт' сирома'ъ; но срдце има весма добро, чисто и сасвимъ єстественно. Їошт' му обычаи градьански нису тако познати, па се стыди: — иначе онъ има и разумъ весма лѣпъ. А! вѣруємъ, любезный мой. вѣруємъ, видисе и на ньему: но ништа зато! Дѣте є ово їошт' и младо, — има онъ времена їошт' учитисе. Само кад' онъ има одъ природе добре дарове! И мы се нисмо, любезный Господине, научени родили.

Сатимъ опетъ окренесе къ Марку и поклонивши му се: Я се праштамъ, Любезный! Слуга! Слуга! одговори му онъ. Сад' Монъ Ами, видивши Господьу Косару, Драгиню, Милиссу, стару Ердокію, коя малогъ Светолика водьаше, и 5. дѣвица', коє као Нимфе обучене за овыма слѣдова'у, одтрчи предъ ньи, и свима тако у чопору почне комплиментирати. Марко ово і'ошт' онако укоченъ гледетьи: Хвала Богу, вели, те се ты мени съ врата скиде; сад' компліментирай, колико ти є воля. На то ето ти имъ опетъ Буряма и Чедомиля, кои се іошт' одъ смѣя задржати не мога'у: О ты зукване! смѣшетьисе и самъ рекне Марко Буряму: Да си быо само и чуо, како самъ му рекао! Є л' Побро? Добро є Побро! Добро є све было! Е! Шта ты слушашь ньега?

Бурямъ. Та добро, Господине, како не бы добро было? И я самь чуо. Ни єдну рѣчь погрѣшіо ніє!

Чедомиль. Єсть! Господине, Єсть! Вы сте ньему лѣпо казали. Я самь се бояо, да оно *и прочая* не заборавите; но Вы казасте ньему и оно.

Марко. О да! Казао самь я ньему и то. Казао бы самь му и вышше. Но Побра ми є кривъ, онъ га Француски заговори. Но Бога ти Побро, шта ти оно рече, кад' на мене погледаше?

Светозаръ. Ништа Побро! Пыта ме, знашь ли Француски, а я му реко', да не знашь, само нек' иде.

Марко. Право велишь. Но зашто му ниси казао, да я знамъ Турски? Ей! да си му то казао!

Бурямъ. Бре пій то віно, па дай овамо! Не видишь, да намъ се дружство учопорило. Сад' тьемо мы итьи морати.

Марко. На пій, кад' си жеданъ, па тьу и я пити. Бурямъ пріими купу, и видѣвши, да му се Стрыцъ састрагъ приближаваше, а Любомиръ, предъ кога Светозаръ изишао бяше, мало заостао, напіесе и даде Марку: Яо! Побро! мутькаютьи бокалъ, та ты море испи! Сатимъ натегне, да све искапи, и како є яко натегао быо, смотри преко главе Стрыца и тргнесе. Тако! тако! машутьи овай главомъ на ньега повиче. Како си пустый натегао, као да ти є медъ! Е! мой Сынко! Ніе ти срамота, да тако младъ толико піешь? Єси л' се знао баръ людски съ онымъ Господиномъ поздравити? А! Єсть, Господине, єсть, одговори Бурямъ. Онъ се весма лѣпо и учтиво съ ньимъ поздравіо. А! камена се онъ, мой сынко, знао лѣпо поздравити! Онъ зна само бокале и чашице искапльивати! Є то ти намъ онъ зна! Устай да се иде!

На то ето ти имъ и слугу' съ коньма! Ту се сад' лѣпо опросте и излюбе, па сѣдну на своє конье и оду.

Нашъ Старый, гледетьи за ньима, како имъ се сребрне токе спрам' сунца блиста'у, какви су

имъ коньи накитьени, какве имъ одъ злата ките по уздама висе, какве ли су имъ златне за високи калпаци челенке, све ситнымъ бисеромъ ишаране и украшене, потресе само главомъ, и пошлье своґъ двороправителя Монъ Амія у гостилникъ, те за обѣдъ исплати. Садґ заповѣди слугама, да конье одма, єдне у кола упрегну, друге, яґатье, осѣдлаю. И тако єдни на четвора кола посѣдаю, а други на конье узяшу, и веть окоґ малыґ заранака на путъ одтиснусе.

Светозаръ са Старымъ сѣдетьи на єдныґ колиґ чує, гдѣ се на првыґ колиґ, на коиґ Господье съ Монъ Аміємъ сѣдьаґу, нѣшто гроотомъ смѣю, — погледи на Буряма и осмѣнесе. Што намъ се тіи смѣю? упыта Господинъ. Чедомиль имъ нѣшто преповѣди, одговори Светозаръ, коє имъ тако смѣшно пада. О Господине! придода Бурямъ, така смѣя данасъ съ младымъ Мрнячевичьемъ што имадосмо! Нисамъ се, вели, заръ у свой данъ толико насмѣяо. Старый погледи на Светозара. Та то, вели, вальда њему и смѣюсе. Њему, да како? одговори Светозаръ, и преповѣди садґ Отцу цѣлу повѣсть о Марку. О моя дѣцо! рекне Старый, ніє то смѣя, но плача достойно, видѣти благородника, онолико и онако запуштенногъ! А ніє сиромаъ ни онъ кривъ, но криви су старіи његови. И шта друго данасъ, сутра, отечество одъ таквога себи и може очекивати, нежели безчестіє. Сатимъ садґ зовне съ првыґ колаґ Чедомиля къ себи, и заповѣди му, да сѣдне до Буряма. Младить се уплашіо, и савъ порумеиіо бяше, превали своє велике очи на брата, — Светозаръ погледи на Отца; — Сѣди сыне, Старый му рекне, сѣди не бойсе! Илґ признаєшъ, да си што скривіо? О любезный Отацъ! рекне Милисса, та зашто намъ узесте Чедомиля? Како насъ є лѣпо веселіо! Садґ тье онъ и опетъ Вамъ дотьи, одговори Старый. Видишь сыне, съ кротостью почне Старый, видетьи га да се уплашіо, како є ружна, и како намъ смѣшна ствaрь пада, кадґ видимо кога, а особито благородна

младитьа, да є тако простъ и тулъ, као што намъ є Марко, кога си данась видіо: но їошт' ружніє, дѣте моє, за другимъ говорити. Наравно є, да се онакоме за простоту његову мора човѣкъ мало и насмѣяти: али у овомъ нигда не треба мѣру прелазити. Помысли дѣте моє, да онъ ніе кривъ, што є онакавъ, но криви су родитељи му, кои га нису болье воспитали. Зато ако се онаквоме мало и насмѣешь, и о њему што предъ своима, кодъ кои' тье и остати, мало што и рекнешь; свагда текъ нек' ти є на срдцу та мысао, да ништа ни за кимъ говорити не треба, што на умальење чести његове служити може. И то што си о Марку ту рекао, ту тье и остати; но више нигдѣ и нигда да се нисн за животъ усудіо, о њему то говорити. О сыне! Красна є ово добродѣтель, за другимъ не говорити, — красна и света, не само унутрашњегъ нашегъ моралногъ чувства ради, но и сбогъ споляшњегъ мира и спокойногъ живота нашегъ у саобраштьаванью са свѣтомъ. Отацъ любезный! при'вативши рѣчь младить, я нисамь ни почео о њему говорити; ено тье Вамъ и они казати, но Моњ Ами, на кое они почнусе смѣяти, и на то и я добыемъ волю, и кажемъ имъ, шта се съ њимъ и найпре догодило, и како се съ Бурямомъ разговарао, — на ово они — Но ништа, пресѣче му Старый слово, я тебе овдѣ толико и не карамъ, сыне; но само те совѣтуемъ, да се и у подобной прилици знашь владати: а нисамь те нарочито зато овамо ни дозвао, придода честный Старацъ, него да Вамъ укратко кажемъ повѣсть о истой Мрнячевичьа' фамілііи, одкуда они происходе и како се у Дворъ угнѣздише.

Царъ истый нашъ, Душанъ, пре нѣколико година' оде у Далмацію, случайно додье у єдно мало село, не далеко одъ рѣке Наренте. И будутьи да га ту у'вати нотъ, то онъ поиште себи пристойно мѣсто, гдѣ бы є съ малымъ числомъ свога дружства провео. Жителъи тога мѣста одведу га къ нѣкомъ, иначе благородномъ, но убогомъ

мужу, кога є домъ ту медьу сеоским' домовима понайотмѣнніи быо, и доматьина сви су у томе селу Мрньомъ звали. Тай истый Мрня быо є тогъ младогъ Марка дѣда, а Вукашина, Угльеше, и тога Гойка, родьеный отацъ, мужъ довольно наученъ и краснорѣчивъ, о коме Царъ то исто вече толико благоволи, и о ньему зато, што шесторо дѣце имадьаше, а сирома'ъ бяше, саболѣзнує и сажали, да га другій данъ, полазетьи изъ ньеговогъ дома, са собомъ узме, заєдно са три ньегова сына, Вукашиномъ, Угльешомъ и Гойкомъ, такодье са три дтьери и женомъ, — све то онъ узме и у свой Дворъ доведе. Старый Мрня по маломъ времену умре имъ, а сынове му Царъ тако возлюби, да ето сад' видите, до чега су дошли, и на какво и' достоинство узведе и подиже! Е! Сад' иди сыне, рекне младитьу, опетъ къ твоме дружству и разговарай и'.

Путуютьи овако у разговору стигну нѣке трговце. Ово тье быти нѣки Грцы, рекне Старый. По одѣлу и я бы рекао, одговори Светозаръ. Бурямъ, погледавши: Оно є єдно на коню што стои, вели, Господинъ Косма. Какавъ Косма? приложи Старый, та ніе ли онъ съ дѣвойкама на стражньи' коли'? Єсть да! Онъ сидье съ кола' їошт' како смо се кренули, и на коню оде напредъ. Сатимъ приближесе къ страннымъ, у коима заиста познаду Грке. Ови бя'у пустили конье своє пасти; а они посѣдали на трави, и съ Космомъ се разговараю. Староме сад' то мило буде, кад' види Грке, коє онъ, као и єзыкъ кьіовъ, весма любляше. Ту се одма заустави, скочи съ кола' и Грчки и' поздрави. А знате л' Уїо, одкуд' су? предваривши запыта га Косма, — изъ Θесаліе, изъ града Ларіссе! Ово сад' Старога наново усхити, будутьи да онъ свагда градъ Ларіссу, и мало оно у Єфісіуму мѣсто Леониду са усладьеньемъ споминяше, како є онъ ту у любезной тишини, и онако срѣтьно, 13. свои' лѣта' провео. И Вы сте изъ Ларіссе? радостно упыта и'. Заиста єсмо, Господине, одговоре ови, уставши и учтиво поклонивши му се,

— всмо изъ Лариссе, и сад' тамо идемо; но драго намъ є, да у Вама таквога Грка чуємо. О мили мои и любезни Грцы! полюбившисе съ њима умильењъ рекне Старый, сѣдимо мало овдѣ, — сѣдимо на ову мегку травицу, да се мало поразговарамо. Чедомилю сыне! дай те кондире съ віномъ; при чаши віна болье тье намъ се и разговоръ отворити: а имамъ Вамъ прекрасногъ, и онако заматорилогъ Мостарскогъ віна. Пили смо га довольно и у Мостару, одговоре ови, — одтуда сад' и идемо. Космо сынко, а што си ты оставіо твое дружство, и тога коня моришъ? Та я помысли', да тьу слуге ститьи; но они веть умакли. То рекне и скочи съ коня, и прочи сидьу, и подьу мало по трави, ноге протезати. Косара и Милисса такодье приступе и ту сад' ове странне поздраве. Ето ти имъ Чедомиля съ віномъ, и двѣ дѣвице съ нѣки у марама' колачи. Ха! Точи намъ сыне тогъ доброгъ віна, и понуди редомъ ове честне Господаре, а ты Милица подай Госпои те колаче, — Дед' Косара сынко, понуди наше добре госте. Светозаръ стао бяше съ Драгињомъ наспрамъ њи', и съ умильењемъ гледаше оно на њима ношиво, споминютьи сад' съ њомъ любезно оно време, коє су они у првомъ цвѣту свога дѣтињства у Θесаліи и Єлісіуму измедьу таки' людій провели. Узмите любезни мои, рекне Старый трговцима, узмите по кой залогай. Я знамъ, да Вы нисте гладни, но да намъ болье по чаша и друга віна падне.

Та како то, Господине, рекне єданъ одъ странны', Вы сви говорите нашимъ єзыкомъ! Фамілія моя цѣла Грчки зна. Драгиня, сынко! Светозаре! Гле сад'! На то ови двоє заруменесе и приступе имъ, и поздравивши ту странне сѣдну до матере.

Кажите ми сад', любезни мои, рекне Старый, є ли Вамъ їошт' живъ Архіепіскопъ? Умр'о є! О умр'о намъ є, Господине, сви повичу као изъ едны' уста'! Старый на то тронутъ недвижимъ учинисе. Гледетьи на њи подуго потьути, замышльењномъ тако наводне му се очи: Умр'о! То

рекне, и превале му се двѣ велике сузе низъ честно лице. Умр'о Богме, Господине, повторе ови, и много смо добра у њему изгубили. Богъ да намъ га прости! бришутьи очи рекне Старый, — честный мужъ, света душа, и правый є пастыръ словесномъ своемъ стаду быо. Богъ да га прости! При полазку момъ изъ Ларіссе пре двѣ године — можно, велимъ му, Господине, да се вышше нигда видѣти нетьемо. Онъ се на то заплаче: Видитьемосе, вели, любезный мой, ондѣ, гдѣ нетье намъ быти плача ни риданія. О добрый є оно Хрістіанинъ быо! Но благо његовой души! И мы тьемо за њимъ. Но кажите ми, молимъ Васъ, Леоніда, кою Маломъ зову, Вама є позната? О како не? предваре ови, — то село сад' къ нашемъ граду и принадлежи. Е! добро! Познаєте л' нѣкогъ Арістіда ондѣ? Онъ є живописацъ, но бывао є, сирома'ъ, и трговацъ, човѣкъ онако — О знамо га добро! при'вативши рѣчь возразе ови, знамо Господине, онъ є живъ, и онъ се сад' къ нама преселіо у градъ. Купіо є себи домъ, и почео опетъ занатъ свой; но сирома'ъ буде нѣкако несрѣтьанъ. Како? Єдну ноть появи намъ се ватра, изгорѣ му сирома'у и домъ, и све, што є годъ имао. Па їошт' кукавца нападну нѣки наши градьани, и стану одъ њега истязавати нѣке ствари, коє су му были у посао дали, и коє су имъ томъ приликомъ изгорѣле, да имъ плати; а, како чуємо, было є стварій драгоцѣнны', — златны' и сребрны', — но одкуда имъ є платити знао, кад' є сирома'ъ и съ прочима заєдно пострадао? Ао! сирома'а човѣка! у сажальењу рекне Старый са своима. Па како сад'? Гдѣ є? Быо є нѣколико дана' и затворенъ; но пусте га; и сад' є тамо у граду. Склоніосе кодъ єднога, такодье сирома'а, у домъ, и почео є опетъ радити; но чуємо, да нетье вышше тамо у Ларісси остати. Та за Бога ніє л' онъ имао ондѣ близу кодъ Леоніде нѣшто мало добра свога? Шта є дакле чиніо? Е! За онымъ онъ, мой Господине, сад' и плаче. Ніє оно мало было, но да живи као єданъ Госпо-

динъ; ал' се преваріо и другоме продао. Ніе заръ могао судбу свою предвидити, да тье онако страдати. Ао кукавногъ могъ Арістіда! Жао ми га є? А Бога Вамъ, не знате ли ми їошт' што казати и за нѣкога Харітона, кой є ондѣ съ ньимъ живіо? А! за оногъ дьаволастогъ старца? смѣшетьисе одговоре ови. Видьали смо и ньега, — было є до скора у граду кодъ насъ; но одъ нѣкогъ времена, како му Арістідъ пострада, нестаде га. Морао є нѣкуд' отитьи. Та онъ є заєдно са Арістідомъ она добра у Єлісіуму и притяжавао, пакъ су и' заєдно и продали, и Арістідъ га силомъ довуче у градъ. Видишь Косара моя, рекне Старый, каква се то промѣна за кратко време учинила!

Каже Старый сад' овымъ страннымъ, но као мимо'одъ, како є онъ ту у Ларісси было, и како ту многе познае; — претьути пакъ, точно имъ се изявити, ко є онъ. Проведу тако у разговору мало време, и напившисе їоште по нѣколико пута' поздраве ови како Арістіда, тако и друге тамо познате, и рекну имъ, да кажу Арістіду, да га є поздравіо старый Любомиръ са своимъ фамиліомъ своїомъ, съ коїомъ полази сад' у Црну Гору, у мѣсто Пиперинъ. Придода имъ и то, да ако бы се кадгодъ у животу своимъ заканути могао, да предузме путъ и додье имъ тамо. Ово є, рекне имъ, мой Косма, а ово ми є унукъ Светозаръ, за кое тье онъ сирома'ъ прво запытати, — кажите му, да сте и' видѣли. Сатимъ лѣпо по чашу віна и съ ногу' попію, опростесе и разстану. Трговцы путъ свой предузму на Шкутаре; а ови, посадьуютьисе на кола своя, гледа'у за ньима. Нисмо се ни томе данась надали, рекне сад' Старый, да тьемосе тако изненада о наши' пріятельи' извѣстити.

Топлота жаркогъ дана сад' имъ попрестане, и сунчани имъ зрацы, мало помало ослабляваютьи, почнусе губити; ти'а ноть приближаваше имъ се, и испаренный изъ разны' цвѣтова сунцемъ мирисъ стане имъ се по вечерньемъ воздуху пріятно разносити. При послѣдньемъ веть сунца

за'оду, пошто узидьу на єдну узвышену поляну, угледаю ту надесно замакъ, зовомый Клобукъ, кой на самомъ вр'у єдне повысоке горе бяше. Но! Хвала Богу, ево се веть и къ граници приближавамо. Ова гора, дѣцо, разставля намъ нашу любезну Херцеговину одъ Црне Горе. Тако мы данасъ, Отацъ, ни касно у нашу домовину приспѣти нетьемо? О! о! мой сынко! возрази Старый, то ты извади изъ главе. Да се нисмо данасъ сбогъ врутьине на гостилнику онолико бавили, могли бы смо были покасно приспѣти: ал' овакѡ, заиста не! Но ко насъ и тера? Нисамь радъ ни скотове морити. — а друго, да Вамъ и то право кажемъ, дѣцо, да я радо у Маію мѣсецу путуємъ, и не бы самъ маріо, да ми є и тришутъ толико путовати. Отацъ! А я самъ желіо, да у вече у нашъ замакъ стигнемо, рекне Светозаръ. О Отацъ! повичу и други, ала бы то лѣпо и было. Іо дѣцо! То є найлагкше, одговори добрый Отацъ! Мы тьемо сад' ту близу на пренотьіє дотьи, па тьемосе сутра ма касніє кренути, и тако лагано гледатьемо, да око' 10 часова додьемо на єданъ прекрасный, какогодъ што намъ є Златица, гостилникъ, Карлово зовомый. Одандѣ до Пиперина нема вышше одъ два' часа'. Ту се дакле можемо задржати, докле намъ є воля, умѣривши време, како тьемо о за'оду сунца тамо Косми и Монъ Амію, коє тьемо съ Бурямомъ напредъ послати, на вечеру дотьи. На ово се сад' сви и согласе. Тако съ малымъ мракомъ спустесе ту у єдно село, преко кога предьу, и на край ньега у єданъ великій и такодьє лѣпъ гостилникъ додьу, и чимъ они у авлію гостилника ступе, почне имъ помало киша роминяти, єръ мали нѣки, но густи облацы одъ планине бя'у имъ се подигли. Одсад' можешь падати, рекну съ кола' силазетьи и у собе бѣгаютьи.

Гоститель сад' стане за вечеру журитисе. Тако, тако, Газда! рекне му Старый, ступаютьи у собу. Гледай само, вели, да што добро буде. На коє газдарица, жена крупна, и тако у тѣлу

угоена и дебела, да едва проговараше: Не бринитесе, Ваше Высокоблагородіе, одговори, Вы тьете у свему по вольи Вашой быти кодъ насъ послужени, зашто мы смо се, вели, мало Вама и надали, — данась су и Ваше слуге овуда прошле. Сатимъ одма стане съ младьима своима попечително за вечеру гледати.

Гости наши сад' крозъ четыри велике и чисте собе изъ едне у другу подьу шетатисе, а два млада служителя удьу у велику имъ ту салу съ прекраснымъ постольемъ, и стану имъ три астала застирати. На то спусти имъ се и киша. Они сад' отворе прозоре, и наслонесе къ нѣкой ту шуми, гледати, како имъ мунье часъ на часъ 'итро крозъ воздухъ свѣтлацаю, коима и ти'а грмлявина послѣдоваше. Пріятный нѣкій по воздуху, кишомъ растворенномъ, мирисъ на прозоре имъ у собе увѣяваше. Монъ Ами, видетьи Косму, гдѣ се преко собе съ Косаромъ и Милиссомъ исподъ руке проходьаше, узме и самъ подъ руке двѣ дтьери гостителя и подье за ньима. На то удье имъ дебела газдарица нѣшто посломъ своимъ у исту собу. Бурямъ сад' лати ову, и съ ньомъ подье такодье лагано за прочима. Но! рекне газдарица, фаинъ паръ людій — мѣретьи га одъ главе до ногу' -- као да смо се, вели, по свѣту тражили. Е! па шта намъ фали? одговори Бурямъ, гулубче мое мило! како си ми лѣпа, и у струку танка и высока! камо да си ми мало руменія! Зашто я не милуемъ тако господску блѣду и бѣлу шарь. О ты Гіганте! желила бы самь знати, у комъ си се шпіталю и ты лѣчіо? Одъ саме бы ти главе деветь карлица' пихтія' истерати могла. О мила моя и мирисна кито цвѣтья! Вальда ми нигда віна и не пієшь, кадъ такавъ лѣпъ и ясанъ гласъ имашь! Видимъ, какавъ є и твой, одговори она, као да ти є грло вратиломъ пробієно: но пуштай ме, да гледамъ я мой посао! Сатимъ извіе му се исподъ руке и подье преко сале. Бурямъ сад' са склопльенныма рукама унило за ньомъ гледетьи: Боже мой! рекне, што ти

є любовь! Оста ми срдце на њој! Дедеръ се ты мало пошгуй, рекне му смѣшетьисе Косма, докь те, вели, ніе њенъ войно спазіо! А да га, придода, само видишь, коликій є! На то ето ти имъ єднога, на когъ Бурямъ првый устреми погледъ свой, и съ нѣкимъ удивльеньемъ гледи га. За волю Божію! рекне, у што ли є овай године своє провео? Пстъ! То є газда! Ово? То! то! А оно му є друго братъ! Бурямъ приступи къ прозору и лагано къ Светозару: Господине! Гледайте овамо! Єсте л' кадгодъ оволикогъ човѣка видѣли? Жалостный мужъ оне дебеле! Но! Ово є управо: нашла вретьа закрпу! Како се усуди кукавацъ, тако малый, оженитисе! Пакъ їошт' онако грдну жену узети! Та є л' могутье, Божья Вамъ вѣра! Да є онъ њенъ мужъ? Онъ! Онъ! одговори Косма, па погледай, какве су му дтьери! Пстъ! повиче Светозаръ, не смѣйтесе!

При овомъ Теша (ово му име бяше) приступи, и прво Старогъ Господина, а потомъ и све проче учтиво поздрави. О Газда! рекне му Старый, како сте? Любимъ руку, Господине, одговори овай, здравъ самь, но изволте, вели, мало у другу собу на єдну рѣчь. И текъ што Господинъ съ њимъ преко собе подье, на другой се у ту исту врата отворе, у коїой на среди и єданъ малый съ двѣ воштане свѣтье полгелей горяше.

Улѣзши сад' Старый унутра смотри єдногъ болногъ мужа на кревету. Простите, проговори овай Староме, простите ми сладкій Господине, што самь се усудіо, Васъ къ себи позвати. Моя бы дужностъ была, къ Вама у собу утьи; но не могу. Да Вамъ є на здравље, придода, и не буди Вамъ премѣньено, данась у путу добыємъ нѣку колику, па ето донесоше ми ѳей нѣкій, одъ когъ се ево поче' зноити, и, хвала Богу, осѣтьамсе мало болье. Сатимъ газда подмакне Староме столицу. Сѣдите, Господине, приложи странный съ кревета, — сѣдите мало кодъ мене, и дайте ми, вели, руку, да Вамъ полюбимъ. Старый га внимателно гледетьи: Простите ми, любезный мой, —

я не знамъ, съ кимъ — вѣруємъ, Господине, при'ватившци му овай рѣчь, давно є и было, — вѣруємъ, да ме не познаєте; али нетьу Вамъ се ни казати предье, нежели ми руку дате, да є полюбимъ. Не! Любезный мой, приступивши му Старый, но овако тьемо, вели, Србски полюбитисе. Странный притомъ полюби га и у руку: Я самь, вели, Гаговичь изъ Црне Горе. Вы Гаговичь! Димитрій? На служби, Господине, я самь! Младьій братъ Милоя и Веселина? Єсть, Господине, я самь, и ако се можете опоменути, но бытье Богме томе веть и 20. година', како смо у Дубровнику заєдно были, кад' сте оно Вы съ младымъ Княземъ — садашньимъ Царемъ нашимъ — долазили. Знамъ, брате, возрази Старый, знамъ, — како не бы знао? Па кад' сте одъ дома? Петый данъ веть како се ту на момъ добру находимъ, — та вальда сте што и разумѣли, да смо се мы подѣлили. Но найстарій Вамъ братъ Милоє у Ньегушу сѣди? У Ньегушу, Господине! Онъ є тамо градоначалникъ, а сад' како чуємъ — смѣшетьисе на Старога, — мени є особито драго, при'вати Старый, што тье ми онъ быти, — я самь заиста то желіо. О сладкій Господине! Не само да сте Вы то желили, но Вы сте му то кодъ Цара и исходатайствовали, за кое мы Вама съ цѣломъ нашомъ Фамиліомъ, и найдальимъ нашимъ потомствомъ благодарни и обвезани остаємо; и Вы тьетесе, Господине, скорымъ увѣрити, и самымъ дѣломъ тье Вамъ се засвѣдочити, да се ніе могао Вашъ проницателный духъ у томе, кога тье за такво званіе избрати, преварити, какогодъ што є и царско око добро за насъ и нашу землю промотрило, коме є подъ управу вручити валя. Я Вамъ, сладкій Господине, їошт' съ отвореннымъ срдцемъ (уставши мало) честитамъ новополучено достоинство Ваше, — Богъ да Вамъ честный Вашъ животъ на премногa лѣта добрымъ здравльємъ подкрѣпи! Благодаримъ, любезный мой, опетъ цѣлуютьисе съ ньимъ рекне Старый, благодаримъ, и желимъ Васъ, да ми тамо додьете, и ондѣ, лобезный

БИБЛИОТЕКА МАТИЦЕ СРПСКЕ У НОВОМ САДУ

мой, да ми честитате, гдѣ се можемо мало и провеселити. За особиту себи честь пріимамъ, Господине, и нетьу заиста мою дужность у томъ ни пропустити. А како є средньій Вашъ братъ? и прочи? Єсу ли сви здрави? Сви, Богу хвала, Господине. Порѣдко се, да видите, сад' и састаємо; но опетъ чуємо єданъ за другога. Я, кад' се подѣлисмо, приберемсе съ моїомъ фамиліомъ овамо, а Веселинъ намъ понайвише обытава у Крайну, и управля добра, у коима и я нѣшто участія имамъ, и коя смо по дѣоби нашой купили, одъ Ньегуша къ Єзеру идутьи; а я сад' овдѣ у Дубици пребывамъ. Но не пытамъ Господине, — о како ми є жао, што устати не смѣмъ! — не любезный мой! рекне Старый, не! Вы по вольи Вашой чините! Иматьемо време! Не пытамъ Васъ, съ кимъ сте овдѣ? мени каза тай нашъ газда за Васъ; а я не бы самь ни знао.

На то Старый сад' зовне свою фамілію, те се ту съ ньимъ поздраве и познаду. О како ми є драго, Господине, што ми се овако догоди, да я првый ту срѣтьу имамъ, Васъ съ благородномъ фамиліомъ Вашомъ овако изненада видити и познати.

Притомъ удье имъ опетъ газда — гоститель —и позове ове на вечеру. И будутьи да Старый намѣраваше порано одатле по 'ладу їошт' кренутисе, и ту у нѣкій монастыръ свратитисе; зато сад' съ Гаговичьемъ и опростисе. Красни су то люди, ушавши у велику салу рекне своима, — стара є то и благородна фамиліа, — одпре самь, вели, и кньигу одъ найстарієгъ пріимio. То говоретьи предье къ прозору и погледи на полье: А! Како намъ се лѣпо изведри и мѣсецъ освѣтли! Иматьемо дакле лѣпшій данъ него и данасъ, рекну прочи. А! Сутра тьемо, приложи Старый, мало про'ладителанъ и чистъ воздухъ имати. Читай Чедомилю сынко, да се вечера, па да идемо спавати: „Милостивѣйшій Отче нашъ на небесѣхъ, благослови намъ сіе ястіе и питіе, еже ты намъ повседневно и даєши, яко да умѣрено и

разумно отъ сихъ мы нынѣ вкусимъ, и тебе, Бога и Отца нашего, съ радостію во вѣки восхвалимъ, аминь.“ Космо, ты сутра съ Бурямомъ да идешь управо у Дворъ, рекне сад' Старый, сѣдаютьи за асталъ, да видишъ сынко, како є тамо? и єсу ли намъ слуге съ оно добра на миру тамо приспѣле? Идемъ, Господине, и я, повиче Монъ Амъ! Добро! одговори Старый, идите дакле сви троица. Узмите и ту двоицу (за два млада служителя) и гледайте дѣцо, да све у лѣпъ поредакъ ставите, и съ пристойномъ вечеромъ насъ дочекате, ако желите, да Вамъ се Старацъ не разсрди; а мы тьемо Вамъ лѣпо у монастиръ, къ любезнымъ нашимъ Отцима Калугьерима на обѣдъ. О видитьете, какво намъ є и то мѣсто дивно, пакъ велимъ, умѣсто што бы смо овдѣ сутра време мало дужже пробавили, паде ми на умъ, да у Стримонъ Монастыръ одемо.

Чимъ они овако вечераютьи почну и віно пити, удари имъ на страни арфа. Єданъ младъ момакъ око' свои' 25 лѣта' съ двоє лѣпо обучене дѣце сѣдне ту за єданъ округао асталчить, и стане у арфу ударати а дѣца му пѣвати. Ови одъ астала, погледавши на ньи, мало приталожесе. Светозаръ нашъ, као младъ дѣчко, узбудисе и на игру. Добрый Отацъ, примѣтивши пріятно ово ньегово неспокойство: Айде, вели, кад' имашъ волю, протегни мало ноге. Юноша, пунъ радости, скочи, горню свою свиту са себе скине, и онако лагкъ узме Драгиню; Чедомиль понуди Борику, дтьерь гостителя. Монъ Ами сад' умилявајютьисе погледаше то на Косару, то на Милиссу. Косара насмѣєсе на ньега и устане му сама, знајютьи, да му Милисса, коя за старымъ отцемъ жаляше, нетье сад' заиграти.

И тако ова три пара поставесе лѣпо у редъ, и поведу прво ти'у нѣку игру на подобіє мінуеттъ, кою су они у оно време *Шеткомъ* звали. Ова имъ є готово у свакомъ веселью почетакъ играма была. Паръ по паръ стали бы єдни спрам' други', држетьисе мужко и женско за руку. И

тако нѣколико магновенія' сгледаютьисе дали бы позоръ на мусіку, коя, како бы имъ начинъ предузете игре огласила, одма бы почели разне фігуре ногама правити. У толико се игра ова одъ мінуетта разликовала, што бы само послѣ учинѣны нѣколико фігура' свакій свою играчицу у обѣ руке по поясу узео, и тако окренувшисе съ ньомъ нѣколико пута' предао бы є другомъ, одъ кога бы и онъ другу узео, па бы сад' опетъ на прву игру дошли, у коіой свршивши оне исте као и найпре фігуре свакій бы свою играчицу првомъ ньеномъ играчу съ компліментомъ одпустіо, а свою бы опетъ пріиміо, и т. д. За овомъ слѣдовала имъ є нѣка игра *Чобанка*. Ова имъ є была часъ у 'итромъ нѣкомъ съ разныма, но на весма лѣпе такте фігурама окретанью; часъ бы се поутицали, а паръ пару бы, косо заошиваютьисе, лагано приближаваосе, и приближившисе єдно къ другоме опетъ бы истымъ начиномъ назадъ уступили, и тако дошавши на првый поставъ свой опетъ бы се стали 'итро окретати и т. д.

Старый, при столу сѣдетьи, умильєнъ гледаше на ньи и почесто имъ тапташе. На то удье имъ и газдарица съ другомъ дтьерью — Деспомъ. Светозаръ, одпустивши Драгиню, узме сад' ову. Старый понуди газдарицу, мѣсто себи узети до ньега. Нѣке ту дѣвойчице, чисто обучене, стаю'у на страни у чопоритьу и гледа'у на ове. Косара учини мигъ на своє младе служителье, да узму ове и съ ньима играю. Драгиня сад' пріими арфу одъ оногъ младитьа и почне сама ударати. Овай сад' погледи, како іой 'итро и съ каквомъ лагкостью снѣжне руке ньене на арфи заиграю, признасе мало посрамльеннымъ, и гледаше є съ негодованіемъ. Она то на умъ и не узимаше, но Светозаръ смотри, и учини їой знакъ, да арфу опетъ да ньему. Два она пѣвчика изваде сад' свиральке (флауте) и почну узъ арфу тако лѣпо удешавати, да Старомъ буде мило и повиче имъ: Кола мало! Кола! Ова имъ є игра тада національна была. У'ватесе дакле сад' сви у коло.

На кое ето ти имъ и Буряма съ Космомъ, кои су были посла нѣкогъ ради мало изишли. Но! Како е дѣцо! упыта и' Господинъ. Добро! рекну ови, наредили смо све лѣпо. Е айдете и Вы, приложи Старый, ако имате волю, процупкайте мало,— Де! Богме я нетьу, рекне Косма, и спустисе до газдарице. Имате право, Господине, рекне му ова, — за насъ двое, вели, какви смо, то и ніе. На то Бурямъ, кой се тако вѣшто предъ женскима претварати знадьаше, и тако имъ се умилити и улагати умѣяше, да му се ништа честно и могутьно одъ ньи' одретьи не могаше, погледи сад' на Светозара, па на ню. Юноша му намигне, да е повуче у коло. Овай такодье сад' скине горню 'альину (исподъ кое му се засвѣтле сребрна по златомъ извезеной долами дугмета) и управ' предъ газдарицу. Учинивши їой компліментъ пружи їой руку, и найучтивіе е понуди у игру. Гле сад'! рекне ова смѣшетьисе, таманъ си погодіо, ко тье ти заиграти! Ал' кад' Васъ молимъ — умилято гледетьи на ню —, я тьу съ Вама лагано играти, само да се по нѣколико пута' окренемо. Она га погледи, какви су му жаркасти образи, какве велике и ти'о свѣтле любовне очи имадьаше; какви су му велики, и као зифтъ црни бркови, исподъ кои' му се кармазин-шарне устне видьа'у; особито стасъ ньегова тѣла, соразмѣрно устроена, и онай есое-тичкій начинъ, кой онъ и одъ саме природе притяжаваше, и гдѣгдѣ само управо показиваше, — словомъ, онъ обае сад' ову нашу матрону. Она погледи іошт' еданпутъ на ньега, и испытиваше, проводи ли онъ само шалу нѣку съ ньоме? или озбильно захтѣваше? Но врагъ Бурямъ такву истинитость и тако горетьу наклоность на чертама лица своґъ изражаваше їой, да се она зацѣло увѣри, да онъ ньой све то са отвореннымъ срдцемъ чини, склонисе и устане: Вражкій човѣкъ, вели, гдѣ я за любовь ньегову играти морамъ, а и не памтимъ, кад' самъ заиграла. Е! Шта знате? рекне Старый, смѣшетьисе, окренитесе, вели, кой путъ и Вы, кад' Вамъ се тако догоди.

Текъ што онъ съ њомъ у коло стане и играти почне, ето ти їой мужа на врата. Ха! повиче, аршинъ дуга, два широка, де! Сатимъ истрчи, и ето ти га съ єднымъ ястукомъ насредъ кола, — грдна нѣка ястучина, да се мало сирома'ъ исподъ ње и видьаше. Окрене ти намъ се сад' нѣколико пута' съ њимъ, пакъ пуфъ! предъ свою Дмитру! Цѣла сала загрми одъ смѣя и „право!“ Она иъега, онако клечетъегъ на ястуку погледи: О ты, вели, мала авети! Шта теби бы? Хотъешь да се любишъ? Сатимъ лагано, приклонивши колѣна, спустисе предъ њега на ястукъ, но као за пркосити му не хтяше му се баръ мало пригнути, да се съ њимъ полюби, него заєдечи му се мало натрагъ. Овай то видетъи скочи їой као пѣтао на вратъ, и тимъ є као какву табарку превали. О р'дьа те попала! повиче на њега, тако ли є? Чекай! притиснувши га єдномъ рукомъ къ земльи, а другомъ заопуца га тутьи. Но онъ, маленъ, нѣкако їой се исподъ руке измакне и дьипи на ноге: а она сад' стане око' себе окретатисе, ко да є дигне! Бурямъ се бяше зацѣніо одъ смѣя, овдѣ дужностъ свою пренебрегне, докле га други не опоменуше. Онъ є сад' лѣпо исправи; но Светозаръ му очима запрети, ишта їой, што не пристои, учинити. Али и ова бяше веселе нарави жена и шальива, коя све, а особито одъ Буряма, драговольно пріимаше.

Они овако по довольной шали и игри разидьусе спавати. Господинъ Старый свирце лѣпо обдари и захвали имъ. Уютру, кад' имъ се данъ появи, и птице имъ по шума' око' прозора' запою, нашъ Старый устане, и изидье къ слугама своимъ наполье, гдѣ веть Косму и Буряма обучене и за путъ сасвимъ спремльене застане: Ао красна дана што тьемо имати! рекне Старый, и съ Добро ютро поздрави и'. На то ето имъ и Леона. Но! Монъ Ами! Хотъешь ли и ты съ њима? Да како! Господине, одговори овай. Е добро! Сѣдите на коње и идите, приспѣтьемо тамо као што валя на ручакъ; но напійтесе, приложи имъ, мало ракіе, и узмите по кой залогай, ако може-

те, да Вамъ ніе желудацъ сасвимъ празанъ. При овомъ изидье имъ и газдарица, коя имъ изнесе пунъ єданъ сепетъ 'ладны' трешаня. Косма извади стакло своє шльивовице, и ту се по нѣколико пута', єдутьи онако съ ногу' трешньe, напію, и пріимивши одъ Старога о свему наредбу опростесе съ газдарицомъ, сѣдну на конье сви троица, и єданъ служитель съ ньима, и оду.

Старый сад', наручивши газдарици, да имъ одма ручакъ справити гледи, вратисе опетъ у свою собу, гдѣ своє младе унуке їошт' у постельи застане; но прочи му бя'у веть поустаяли, и чуя'усе по собама пролазити. И текъ што онъ привуче столицу къ прозору, и сѣдне ту съ єдномъ кньигомъ провести мало време, докъ мудѣца устану, удье му Косара съ малымъ Светоликомъ. Старый почне сад' и ове будити, укораваютьи и', да имъ є малый братъ тако пораніо, а они іошт' спаваю. Попуштате Вы ньима, Отацъ, рекне мати; но я, вели, не бы тако съ ньима поступала. О морали бы они свагда и пре мене устати! Гледайте Вы Мамице Вашу дтьерь, рекне Светозаръ, Вы сте, вели, ньой Ценсоръ морумъ, а не нама. О ты паще! Одкад' є моя дтьи на ногу'! Отацъ! смѣо бы самь се ставити, да имъ є она іошт' у постельи. Мати на то отвори врата и изъ друге собе зовне Драгиню, коя ушавши: Мамице, повиче, та тіи се іошт' ни обукли нису! О срамъ Васъ буди! Сатимъ полюби Староме руку: Донесидеръ ты, рекне їой, єданъ бокалъ воде; — сад' тье они дьипити! Е! Смѣшь ли се сад' ставити? повиче на ньега мати, а? Говори! Е! то сад' єданпутъ! Но нека бы она и раніе устаяла; опетъ немойте Вы Вашъ српъ у тудьу ньиву уносити! Кад' є нашъ Отацъ Вашу дтьерь будіо? Не Отацъ, Браца, проговори Чедомиль, но кад' имъ она спава, а Мамица и сви преко собе на самымъ прстима иду, — само да є не пробуде. Право, Чедомилю! повиче братъ. Иддеръ ты Драгиня сынко, смѣшетьисе рекне добрый Отацъ, и кажи газдарици, да намъ кафу донесе, да мы лѣпо, вели, поручамо, па да

идемо; а они нек' намъ се тако валюшкаю по кревету, ако тье и цѣлый данъ. Па знате, шта? Отацъ, приложи дѣвица, немойте, вели, ни платьати, што смо дужни, но да и' оставимо у залогу. Ко зна, бы л' за све и залегли! рекне мати.

Овако шалетьимъ имъ се огране и сунце крозъ прозоръ, на коѥ младитьи устану и почнусе сад' облачити. Старый метьутимъ намири гостителя и поиште ручакъ. Донесе имъ се одма кафа, и ту сви поручаю у разговору, како су синоть весело провели. При полазку хотяше Старый іошт' ѥданпутъ посѣтити Гаговичьа; но казаше му, да му ѥ сасвимъ болье, и да ѥ їошт' у прозорьѥ сѣо на коня и отишао. Сатимъ и они посѣдаю на кола и кренусе на путъ. Данъ имъ найкрасніи бяше, воздухъ ономъ у вече кишомъ и грмлявиномъ очиштьенъ, и правымъ оѯігенікомъ учиньенъ, найпріятніи имъ сад' съ роснаты' їошт' поля', и одъ разны' цвѣтова мирисъ издаваше. Сунце имъ веть бяше све зелене унаоколо холмове осіяло, и стада овчія по поля' пуштена паса'у. Они овако лагано путуютьи сгледа'у около себе веселу и пролѣтьѥмъ обновльену природу, и слуша'у по шума' и по поля' раскошны' птичица' поянье.

Светозаръ нашъ, кой съ Отцемъ на коли' сѣдьаше, мане главомъ на брата у предньи' коли', да сидье и да мало пояшу конье. Старый и' гледетьи и самъ то зажели, повиче на служителье, кои имъ конье за ньима водьа'у, да имъ конье приведу, и тако сви троица посадесе на конье, и лагано поредъ кола', разговараютьи дружство своѥ, идьа'у. Они око' 10. часова приспѣду на желаѥмо мѣсто. Свети Отцы, дознавши и', ко су, учтиво и найлюбезніѥ сад' и' дочекаю.

Монастыръ овай бяше малый, у коме само 4. калугьера живля'у; но мѣсто и предѣлъ унаоколо самомъ се раю уподобляваше. Вотьняцы имъ, їошт' подъ цвѣтомъ, прегледатисе не мога'у, — такодье одъ ѥдне стране и лѣпи віногради. Ушавшымъ сад' гостима у кьелліѥ, коѥ имъ истина при земльи бя'у, но прекрасне, чисте и простран-

не, съ широки ходницы, Старый изъ кьелліє угледа и єданъ дивный вертъ, кой му се весма допадне, єръ бяше великій любитель оваки' створій. Како то, люди, рекне Отцу Генадію, кой и' спроводьаше, Васъ, вели, тако мало число, и овако малу црквицу имате, а видимисе, да лѣпа добра притяжавате? Да Вамъ видимо и цркву! Господине, одговори имъ овай, Монастыръ овай ніє самъ за себе, но Філіалъ, — онъ принадлежи Пиви монастыру. Нити є, придода, овдѣ монастыръ и быо, но предье 30 година' изумре єдна богата Фаміліа, коя сва ова добра на нашъ монастыръ Пиву остави, и тако нѣкій Игуменъ, я га и не памтимъ, изъ истогъ монастыра, овы' добара ради, да овдѣ и малый монастыръ сазидати. Кой є храмъ? ушавши у цркву упыта Старый. Светогъ Архістратіга Міхаила, одговори овай. За честъ, придода, Царской Фаміліи да истый Игуменъ цркву посветити Архаггелу. Овако у разговору спустесе къ нѣкомъ великомъ рибняку, преко кога брза єдна изъ планине вода крозъ желѣзне попреке (катре) истицаше.

Одавдѣ мало вышше смотре наши путницы и єдну прекрасну чесму. Изволите и овамо, рекне имъ Отацъ Генадій, тамо самъ, вели, заповѣдіо и асталъ поставити, да ондѣ лѣпо на узвысу (чардаку) обѣдуємо. Удивесе сад' наши путницы, кад' виде, каква дивна, и съ каквымъ изобиліємъ, ту вода на двѣ као нога дебеле цѣви исподъ едногъ каменногъ зданія истицаше. Поведе и' сад' Свештеникъ узъ єдне степене на онай узвысъ, кой имъ савъ прекрасно изваянъ бяше, и съ кога се къ сѣверозападу далеко преко нѣки' поля' видѣти могаше. Ту имъ сад' и асталъ застртъ бяше. Нека ти намъ не знаю наши Отцы Калугьери живити! рекне Старый, спустившисе на єдно канапе. Но право имате! придода, тако и валя! То є толико наше на овомъ свѣту, да честно и добро поживимо. И я тако велимъ, Господине, приложи калугьеръ, нека човѣкъ само наблюдава єлика суть честна и благообразна, єли-

ка праведна и предъ Богомъ и человѣки угодна, нека то наблюдава, и дужность свою нека извршує, па у прочемъ нека ужива што има, и што себи честнымъ трудомъ снискати и имати може. Вы сте овдѣ Намѣстникъ? На служби, Господине! Єсамь! Господине! немате ли каквы' лѣпы' книга'? запыта га Светозаръ. Овдѣ мало нѣшто имамо, одговори Намѣстникъ; но у другомъ монастыру имамо нашу прекрасну библіоѳеку. То є лѣпо, приложи Старый, то ми є мило, да имате свою библіоѳеку. Да видите, Господине. лѣти слабо нѣкако и времена къ читанью имати можемо, особито мы овдѣ, послови су многи, но — зими, брате, возрази Старый, зими заиста можете времена имати, само кой є любитель тога. Благородный Господине! Кой є правый любитель, улучи тай време и лѣти. Я Вамъ истину кажемъ, вели, да бы сте мене рѣдко кад', и кад' надъ самымъ посломъ настоявамъ, безъ какве у руци книге видѣли, — я Вамъ имамъ у томъ нѣко увеселѣнье, Господине. О красно є то, рекне Старый, увеселѣнье! красно! и невинна єдна забава, нити зарь и има каквогъ на свѣту чина, у комъ бы човѣкъ тако мирно, тако безпрепятственно и угодно внутренье себе изображавати, и умъ свой у савршенство приводити могао, нежели што ми се овай Вашъ чинъ, Отче, види. Овай є животъ управо за Філософа! И койгодъ у ньега ступа, ако не осѣтьа у себи особиту нѣку побожность, своєвольно у срдцу своемъ смиреніе, и за сва свѣтска немарность, или не признае духъ свой за Філософскій, сирѣчь такавъ духъ, кой се прелестима овога свѣта плѣнити не да, кой ветъма свѣтъ духовный, него Фісичкій люби, кой мудрость єдину свимъ на овомъ свѣту благама предпочитує, и найветье своє увеселѣнье находи у читанью книга', у разсудьиваню о стварима, у испытиваню закона' естественны', и у трудолюбномъ снискаванью познаванья ньиногъ, — ако, велимъ, кой себе таквогъ быти не познае, онъ се вара, што овакавъ священный чинъ на себе и пріима. Чинъ є

овай по себи светъ, но многи га, неиспытавши найпре душу и срдце своє, могу л' га испунявати, обезсветьую. О любезный мой! многи неразсудно о овомъ чину мысле, и не виде, нит' хотье смысленно да промотре, какавъ прекрасанъ способъ и овай намъ чинъ дає, да многа добра роду човѣческомъ и у ньему учинити можемо. Зависи пакъ одъ тога, да га они, кои га носе, кои му бытье даю, и кои га чиномъ творе, достойно носе, и у свему прилѣжно дѣлаю,— а ово се исто и у свакомъ другомъ чину и званію иште и захтѣва. Ніе виноградъ кривъ, нити причиномъ быти може, ако се запусти и запарложи, тако, да намъ плодъ слабъ или никакавъ приносити почне, но криви су дѣлатељи ньегови.

При овомъ разговору донесе имъ се ту и обѣдъ, и додье имъ їошт' єданъ старъ свештеникъ, а двоица су имъ была за посленицима у виноградъ отишла. Измедьу прочи', лѣпо и вкусно сготовлѣны' єла' донесу имъ се найпослѣ на зейтину попржене пастрмке, кои' они ту у планинскомъ томъ потоку обилно имадьа'у. По обѣду, докле су стари при столу їошт' у разговору, по чашу и другу віна пили, нашъ Светозаръ съ братомъ и єднымъ служитељемъ продьесе по пріятномъ овомъ предѣлу свуда, и наберу прекрасны' по шума' ягода', коима, повративщисе, матерь, Драгиню и Милиссу, срѣтнувши и' на єдной ливади, понуде. Да нисте и' много єли? упыта чедолюбива мати, сѣдши съ ньима на траву. Нисмо, Мамице, одговоре ови, мы знамо, да су ягоде за желудацъ тежке. При маломъ ньіовомъ овдѣ разговору его ти имъ Старога на коню, и служителя за ньимъ на другомъ. Младитьи сад' скоче предъ ньега: Куд' тако Отацъ? У томъ смотре, да другій служитель и ньине конье води. Айдете, рекне имъ Старый, ако имате волю, да изидьемо мало узъ она брдашца и прегледамо овай предѣлъ. Они, весели, одма на конье своє сѣдну, и полагано доникле на коньма, а потомъ, дошавши

къ нѣкой округлой и здраво поузвышеной главици, сидьу, и предавши конье служительима, да и' чуваю, подьу узъ ову пѣшке, и препевшисе на самый вр'ъ ньенъ погледаю къ западу и угледаю Прногорска села. Одъ прилике Старый позна, гдѣ имъ є замакъ ньинъ Пиперинъ, но видѣти га одъ горе не могоше.

Они сад' сѣдну овдѣ мало одморитисе, и гледе свуд' унаоколо овай романтичкій предѣлъ. Кад' ал' ето имъ едногъ старца — пастыра — кой ту на брду говеда пасаше. Господине, вели, ніе совѣтно, у такомъ одѣлу овуд' се пролазити, зашто има овуда злы' людій. Мало пре, придода, изъ оне шуме ньи' 4. указашесе. Старый то чувши захвали му, и одма съ дѣцомъ къ коньма по'ити, и чимъ они, спустившисе низъ брдо сѣдну на конье, ал' имъ се на ономъ истомъ мѣсту, на комъ су посѣдили, 5. ньи' укажу. Но они се ньи' нису вышше бояли: єръ онако на 'итри' коньи' за тилый часъ буду предъ монастыремъ, гдѣ и свое дружство застану.

Преповѣде сад' ту и Отцу Генадію за ньи: О ніє се, рекне овай, Господине, ньи' бояти! Они се поодавно туда врзаю, но нигда се не чує, да на кога удараю. А не боите и' се Вы, да Васъ овдѣ у монастыру не нападну? О не! Господине, они на насъ нигда не удараю. Шта се чує, одкуда су? Єсу л' Србльи? Србльи прави, одговори овай, изъ Херцеговине. Но! Шта имъ драго, рекне Старый, — не казуймо, вели, само Госпама овыма, да намъ се не плаше, и нетьемосе, дѣцо, придода, овдѣ ни задржавати, да намъ се одъ ньи' у путу што не догоди. Жао ме є, вели, што ютросъ одпусти' Буряма.

Сатимъ сящу конье и заповѣде младьимъ, да сва за путъ оправе, и штитове и оружье изваде, да и' у случаю и потреби на мети имати могу. То наредивши приступе къ своимъ, кои имъ на поляни подъ єднымъ растомъ сѣдьа'у.

Отацъ Генадій попашти имъ се сад' што за ужину донети. Светозаръ съ братомъ и сестромъ

почнусе туда по трави віяти и играти. Айде, рекне Старый, нека се мало поиграю, и, ако хотьете, узмите што и поужинайте, па да се иде. Ето ако хотье Милисса, одговори Косара, нек' се съ дѣцомъ понуди, но я не могу, вели, єсти ништа, а и нетъу, — штедимсе за вечеру, него тъу Васъ молити, придода, Отацъ, да ми дозволите, кад' подьемо, мало на Вашегъ коня сѣсти. Іо, сынко, зашто не? одговори Старый, то можешь.

У овомъ разговору додье имъ опетъ Отацъ Генадій, и каже, да тье имъ се ужина таки донети; но послао самъ, вели, момче у виноградъ, да намъ додьу и она два Отца, да се съ Вама виде. То рекне и смотри ове, гдѣ иду. Ха! ево и', гдѣ намъ иду! повиче. Єданъ одъ овы' бяше веть мужъ у година', но здравъ човѣкъ, пунъ и крупанъ у тѣлу, а другій їошт' младъ, съ маленомъ и малявомь їошт' брадицомъ, такодье высокъ, посувъ и и танакъ, — иначе у лицу здравъ младитъ, чисте крви, и бодра духа быти покажесе. Изъ разговора ньеговогъ ту съ ньима примѣти нашъ Старый, да овай младить ніе праздне главе. Сынко, одкуда си ты? упыта га. Я самъ, вели, милостивый Господине, изъ Старогъ Єлеча, села єдногъ исподъ Дурмитора. При изреченью овомъ зарумене му се образи. Ты си, сынко, їошт' младъ, како ми се види; зашто си тако рано ступіо у тай чинъ? Колико имашь година'? Сад' самъ, вели, на 22. настао. Ніе онъ, Господине, предваре ови други, чинъ нашъ їошт' ни пріиміо, само што є самъ захтѣвао, да се зацрни, — иначе онъ на искушенію стои. Єсу л' ти їошт' живи родительи? и шта ти є отацъ? Умрли су, одговори младить, и каже, да му є отацъ Прота быо. О диванъ є мужъ отацъ му быо! одговоре ови, мы смо га познавали, наученъ човѣкъ, и найчестнія душа, Богъ да намъ га прости! Наши су га у Пиви често призивали. Гдѣ Вамъ се онъ, Господине, чуо, да тье слово у цркви говорити, ту се морало раніе у цркву утьи, и мѣсто себи у'ватити, иначе одъ силна людства ніе се могло тамо протиснути и крозъ народъ пробити. На то

сад' Отацъ Сумеонъ рекне своме Младомъ: Ісідоре, сынко, иди, и о'лади намъ єданъ кондиръ оногъ доброгъ віна. Отче! приложи Генадій, у истой мысли, вели, и я бя'?

Господине, рекне овай, отишавшу младитьу, молимъ Васъ, пропытайте га мало, и лѣпымъ начиномъ прокушайте га, изъ когъ є узрока къ нама дошао? будутьи да намъ се види, да њему нѣшто тежко на срдцу лежи, и да оно њега на овай нашъ чинъ понудьава: но нетье никоимъ начиномъ да намъ се одкрые. А таку науку, Господине, приложи другій, и тако будну и бы тру главу има, да му се у многима пара натьи не може: — но да є, да га насамо узмете. Хмъ! Хмъ! Чудно дѣло! рекне Старый. Я самъ га одма, придода, мало на умъ и узео, да онъ у себи нѣшто особито има. А да нієза родительи врло чувствителанъ? Нетье то быти, Господине! Добро! рекне Старый, я тьу сад' на њему учинити нѣку пробу; но Вы се, вели, чините томе и невѣшти. Видитьемо, хотье ли онъ мени одретьи оно, на што тьу я њега понудити, и учини ли то, тимъ тье онъ потврдити моє о њему мнѣніе, и онда тьу я њега мало насамо узети. Быва невесео? Увѣкъ готово! Иначе є у ти'омъ онако расположенью. Нієкадшто срдитъ? Не показує какву суровость одъ себе? О не! Господине, но напротивъ и преко мѣре благъ є, учтивъ, и као каква честна дѣвица найохотніи є, свакога послушати. Самотьу люби? Да видите, радъ се одъ прочи' мало и удалити. Но! Ништа! рекне Старый, видетьи га да имъ съ віномъ иде. Я тьу, вели, њему сад' учинити єданъ малый вопросъ, и видитьемо, шта тье ми ретьи.

У томъ дошавши прво Господина послужи, потомъ Косару и проче, па найпослѣ свете Отце. Ісідоре, сынко! мало смѣшетьисе и кротко на њега гледетьи Старый сад' поведе, а не бы л' ты, вели, дошао у мой монастыръ? Не управ' монастыръ, но у мою капелу, кою сад' намѣравамъ за мою фамілію подигнути? Е, Ваша милость, одговори онъ съ нѣкимъ особитымъ благообразіемъ,

я се нисамь, вели, їошт' у овай чинъ ни посветіо. Ниси їошт'? упыта Господинъ, аки не бы ни знао. Е ништа зато, сынко, приложи, мы на то нетьемо много времена ни потребовати, пакъ їошт' и то, дѣте моє, ако бы се твоя воля могла съ моїомъ согласити, я бы самь те волео у Двору за мірска свештеника имати, нежели за монаха. Нашао бы самь ти гдѣ прилику, и лѣпо бы самь те оженіо. Но промыслисе ово дана', па или ми додьи у Дворъ самъ, или ми преко писма яви, будутьи я свештеника мога имати морамъ. Ей тужанъ! да самь я мало младьій, возрази Отацъ Симеонъ, и да нисамь, вели, овай, кой самь сад', я бы Вамъ се првый, Господине, на то условіе склоніо. Мы смо га и сами, приложи Отацъ Генадіе, ето нек' Вамъ каже, Господине, и вышше путій на то совѣтовали, да бы онъ спрам' свои' дарова паметніе учиніо, кад' бы себи плаветный чинъ избрао, да временомъ оно буде, што му є и родитель быо; но онъ нема воље да се жени, — а овамо каже, да бы волео и мірскимъ свештеникомъ быти. Истина, Господине, проговори младить, я бы самь и воліо, на то ме є и покойный отацъ увѣштавао и моліо, и при смрти ме сирома'ъ и закуне, да будемъ мірскимъ свештеникомъ и да овай светый чинъ не саранимъ у землю съ ньиме, но да изъ 'ладне ньегове руке чашу ευхарістіе я, као єдиный сынъ ньеговъ, пріимимъ: али — двоє є, милостивый Господине, на моме срдцу, коє є медьу собомъ тако противно, да я ни самъ не знамъ, на коє тьу се рѣшити, и чега тьу се пріимити, — тѣсно ми се види одъ обѣ стране. То рекне, па ударе му сузе низъ юношеско лице: Простите, Господо моя, бришутьи сузе рекне, простите моїой слабости! Саме ми пусте изъ очію теку. Старый га и прочи ту погледе, како му се сад' одъ суза' убрисано лице наново заблиста, и на ньему пріятна нѣка смиреногъ ньеговогъ срдца и чистогъ моралногъ у ньему чувства любезность появи. По маломъ овдѣ тьутанью опетъ Старый проговори: Сынко,

вели, наше истина ніе, твою тайну одъ тебе сад' овдѣ истязавати; но будутьи да си младъ човѣкъ, и може быти да ты оно, што тебе на срдцу тишти, вышше у себи мечтаваш, нежели што є ствaрь у себи, зато проразсуди! Одъ оногъ двога, што кажешь да ти на срдцу лежи, ніе заръ обоє тако єднако, да ты не можешь себи єдно, кое ти се лагкше снети види, избрати. Болье ти є и єдноме, ако ти є коначно у жребіе пало, трпѣльиво подчинитисе, нежели измедьу двога срдцемъ волноватисе. Да ми є ствaрь позната, другоячіе бы самь се умѣо, сынко, съ тобомъ разговарати, ал' овако — дигнувши рамены — шта ти знамъ? Свака ствaрь, приложи, има особита нѣка за себе средства, и свакій болъ къ изцѣльенью валя да буде извѣстанъ. Господине милостивый, рекне юноша, кажите ми, молимъ Васъ, кад' бы кога на смрть осудили и рекли бы му: или воле умрети, или на вѣки животъ свой у тамници провести? Шта бы сте несрѣтьноме у такомъ случаю совѣтовали? Коє одъ овогъ двога да пріими?

Старый га на то внимателно погледи: Дѣте моє! То ніе ни єдно добро: али не бы л' се іошт' каква средства натьи могла, коима бы се теби помогло? Нема таквы', Господине, о нема! Судба є мени таква предье одузела, пакъ ме є онда туги овой предала.

При овомъ сад' донесе имъ се ту и ужина и служитель зовне дѣцу. Ови, весели, дотрче, на коє Ісідоръ погледи, и: Благо Вама, помысли у себи! Вы знате, да живите на свѣту! Мы, Мамице, нетьемо ништа єсти, рекне Светозаръ, да не кваримо вечере. А ты Светозаре! пій чашу віна, сыне, кад' ништа нетьешь да єдешь, рекне Старый, пруживши му чашу. Любимъ руку, Отацъ, одговори юноша, Вы знате, да Вамъ я не маримъ за віно. Право имашь сынко, ніе ни за тебе, — то двоє нетьу ни нудити; но айде узмите ево ко шта милує, па да се спремамо дома. Знамъ я, шта они милую, рекне Ісідоръ, и оде и донесе имъ

шунъ чанакъ прекрасны' и крупны' трешаня. А! Право, любезный Господине Брате, повиче Светозаръ и пріими трешньe, коима прво матерь, па потомъ и проче, кои віно не пія'у, понудивши, метне чанакъ предъ брата и сестру, и невнимаютьи на проче почну єсти, и само медьу собомъ разговаратисе и шалити. Светозаръ Драгиньи завара очи и узме іой ружу, кою она у нѣдра своя задѣла бяше. Братъ му се на то почне смѣяти, и тимъ сестру о цвѣту учини внимателномъ. А! Нетьемо тако! повиче она, — Овамо дай ты мою ружу! Гледай ты, како онъ лѣпо зна и изъ очію украсти! Сатимъ почнесе съ ньимъ кошкати, и ружу му свою отимати. Онъ скочи на ноге и дигне руку высоко. Она му се обѣси око' врата, али домашити му ружу изъ руке не могаше, докле їой братъ не поможе. Она сад' доставши цвѣтъ свой стане му пркосити, да су му в отели.

Ісідоръ, спрам' ньи' стоєтьи, са умильеньємъ гледаше на ньи, како є братъ брату, као да си єдну ябуку разсѣкао, подобанъ, нити имъ се сестра одъ ньи' у другомъ чему толико разликоваше, развѣ женскомъ нѣжностью своїомъ; како су имъ лица гладка и свѣтла у сви' троє, коя имъ здравльє бяше оруменило, и умилный погледъ ньіовъ, коимъ они свакогъ безъ разлике предусрѣта'у, особито, кад' бы се коє одъ ньи' и найманье насмѣяло, и появиле бы имъ се у среди, на єдры ньіовы' образи', као двѣ ружице, — сва ова появесе ньему сада као вештественни знацы, да ово нису саме природе дари, но да є и човѣкъ одъ своє стране дѣйствія нѣка томе приложіо. Ово не чини ни богатство, рекне онъ у себи, да су ова дѣца овако здрава и лѣпа, овако учтива и разумна, него чини поредачный ньіовъ животъ, и' ньино мудро воспитаніе. И овако млади їошт' (продужи у себи) — па какво оштроуміе, какавъ моралъ, и какву есѳетіку сви у себи показую! Онъ и' се чисто не могаше довольно сад' нагледати. Онъ позна у ньима и найчистія голубія срдца, свако беззлобіе и священну невиность дѣ-

тиньску. Само бы на Светозару, кад' бы га погледао, примѣтіо и нѣку смысленность, коя бы му се кадшто на челу появила. Но будутьи да и онъ младъ їошт', тек' на 18-у годину ступіо бяше, и само єдномъ ногомъ у юношескій вѣкъ ступіо быти видъашесе; то не могаше ни онъ дуго овай знакъ цѣлованія Мінервина на лицу своmъ задржати, и дѣтетомъ не быти. Шта ти се чини, Ісідоре, проговори му Отацъ Сумеонъ, бы л' волео да їошт' єданпутъ дѣтетомъ будешь? Видишь, придода, како су намъ они весели, нити се знаю зашто бринути. На кое овай сад' као из-а-сна: заиста, вели, Богъ нек' ми опрости! я имъ чисто завидимъ. Иде време, приложи Старый Господинъ, кое, вели, и ньима носи ньово бреме. Истина, Господине благородный, рекне Ісідоръ, да намъ свашта одъ Божіе волье зависи, и да мы судбе наше предвидѣти не можемо, али тврдо ми се види основаніе щастію ньиномъ положено.

При овомъ ето ти имъ два слуге съ штитовы и оружіемъ. А шта тьете Вы са тимъ? упыта и' Старый; та я нисамь, вели, Вама заповѣдіо, да Вы то овамо вучете, но да само у коли' приправите. Айде нек' стои, придода, кад' сте донели, — Вы тьете и однети.

Светозаръ сад' скочи и узме свой штитъ на лѣву руку, а мачъ у десну, и позове брата на удвой (дуеллъ). Чедомиль на то буде готовъ. Раскорачесе сад' єданъ спрам' другогъ као пѣтлови, и почнусе мачевы куцкати. Дружство и' смѣшетьисе гледаше, и младьега брата, кой у замаю тако вѣштъ не бяше, почну похвальивати и ободравати. Господину, као старомъ войняку, то мило бяше, а особито гледетьи, како старіи братъ младьега у томе исправляше и поучаваше.

Кад' ал' наєданпутъ зачую са стране нѣкій тужный гласъ: Помагайте! Яо помагайте! Овамо! Погибо'! Сви сад', тронути, окренусе на ону страну, но Светозаръ, на ногу' будутьи, првый онако съ штитомъ и мачемъ у руци тамо потрчи, за коимъ се устреми и братъ му, — скочи на ноге и

Старый лати свой мачъ и потрчи и самъ, прочи се сви садъ сбуне, и два слуге, кои су имъ ту были, полете такодье съ оружіемъ за своимъ Господиномъ. И чимъ они онако къ ономе гласу поврве, смотре польемъ єдно момче, гдѣ предъ нѣкимъ, кой га съ голымъ мачемъ віяше, бѣга, и за овымъ їошт троица трча'у, но мало назадъ изостали бя'у. И текъ да онай кукавно момче пристигне, и да га дугомъ мачиномъ прободе, Светозаръ се са штитомъ и затегнутымъ у руци мачемъ стави предъ ньега, и лупи га тилутьемъ своґъ мача по десной руци тако живо, да му є одма смртоносный мачъ ньеговъ изъ утрнуте му руке на землю испао, и у истый маъ Чедомиль счепа га съ ледья' за огрльицу, и окренувши га тресне ньимъ о землю. На ово приспѣ имъ и Старый съ двѣ слуге. Да те ніе, сынко, осакатіо? рекне садъ странноме дѣтету, коє сирото ту дркташе, и одъ стра'а капи крви у себи чисто немадьаше, и проговорити іошт не могаше. Не бойсе! сынко, рекне му садъ и Косара, съ коїомъ прочи садъ ньега, онако трепетьутьа, окруже, — не бойсе, вели, ты ниси раньенъ! Ко си ты? окаянный! повиче садъ Старый на овога, одкуда си? И шта си имао са овымъ дѣтетомъ? При овомъ пакъ вопросу баци око, и смотри, да му унуцы съ двѣ слуге своє на ону се троицу устремили бя'у! преда дакле овога двоици младьи свои служителя', да га ту обезоружана чуваю, и 'итро по'ити и самъ за оныма. Она троица, бѣжетьи къ єдной шуми, и узъ ону предречену главицу, трудно имъ буде, — зато ободу мало на страну: но по несрѣтьи своїой натрапаю садъ на три Господинова возара и два коняника, кои ту конье своє на пашу пустили бя'у. Ови садъ скоче на ньи, и кадъ видѣше, одъ кога они тако бѣже, охрабресе їошт болье противу ньи. Двоица одъ слугу не имадьа'у другога оружія, но съ прочомъ троицомъ нападну и батинама, и текъ што они медьу собомъ поборесе, ето ти имъ низъ брдо їошт три злодѣя стрче, кои по'итали бя'у свои-

ма на помоть; но предваре и' сад' састрагъ Соколовичьи съ двѣ своє слуге. Светозаръ у лѣвой руци имадьаше сад' исподъ штита и дуго копльє. Предайтесе! повиче на ньи Старый, и не гините! У кой ма'ъ то изрекне, ону троицу слуге свладаю, и полете сад' овыма на помоть. Злодѣи, то видѣвши, клону, баце своє оружіє, и ту се предаду.

Фаміліа є проча Любомирова у єдномъ чопору стаяла, и на ньи гледала. Отацъ Генадіє ньи є храбріо, да се не боє. Но Косара, кад' є угледала. да се и она троица съ брда стрче, лати и сама копльє по среди и Бурямовъ шлемъ мете на главу, и тако є као Паллада преко поля на помоть своима полетила, нимало неслушаютьи любезнога дтьери своє гласа, коя за ньомъ трчетьи вопіяше: Мамице! Сладка Мамице! Не идите. Ісідоръ є медьутимъ устрчао био на звонару, и на буну ту близу селянима у велико звоно наопако ударіо. И текъ што имъ ту до єдно 15. селяна, кои са оружіємъ, кои са сѣкирама и косама стекусе, ови злодѣє побѣдьене и повезане поведу. Отацъ Сумеонъ, кой такодье при томъ сраженію око' ньи' обтрчаваютьи само викаше, не може одъ стра'а їошт да се поврати. Светозаръ погледи на матерь и почне іой се смѣяти: Та како то, вели, Мамице? Камо и Вама Ваша женска гарда? Или сте се, вели, Вы — погледавши на Драгиню — само на овогъ єдногъ риттера Вашегъ поуздали? Сатимъ іой шалетьисе мете свой шлемъ на главу, и да іой и своє копльє. Она се сад' окомице съ овымъ у руци противу ньега ополчи: Бранисе, повиче, єръ си погинуо! Светозаръ, одскочивши на страну: Драгиня! — Као съ нѣкимъ удивльеньємъ — Душе ми до данась нисамь знао, да си ты у юначки' альина' тако страшна! Мамице! та погледайте є! Богъ и душа све бы по овомъ полю сама она, овако наоружана, скакавце растерати могла! (Сатимъ узме опетъ свой шлемъ и копльє. Дѣвица на то смѣшетьисе погледи га, и заваравши му очи у'вати

на трну єдногъ великогъ скакавца, па му баци на прси. Юноша се одъ тога живо тргне, поскочи, и стане скакавца са себе терати: но овай му се нѣкако у његове ситно набране око' гола врата одоре (шапутле) сад' сплете, не може га одма да стера, почнесе обадати: на коє дѣвица зацѣнисе одъ смѣя: Гледайте, вели, Мамице, єдва проговараютьи, здрава юнака, кой мене изсмѣяваютьи каже, да бы самь све скакавце по полю растерала, а гледайте, шта онъ само одъ єднога чини! Сатимъ стане му опетъ око' врата одоре намѣштати.

Овако сви сад' весели приспѣду къ своме расту, гдѣ застану Милиссу, успављеногъ на руку' отрока држетьу, на ньи съ трепетомъ изгледаютьу, и єдно само служче, коє имъ ту трапезу чуваше, а мало на страни єданъ имъ слуга съ прво у'ватьеннымъ и везаннымъ стояше.

Сад' ту Старый Господинъ као судія съ Отцы калугьеры сѣдне, и понуди нѣке одъ селяна старце такодье мѣсто поредъ ньи' узети. Злодѣи, 7. ньи', стану везани предъ ньи, и слуге и' са селянима окруже. Любомиръ почне и' сад' по реду испытивати, одкуда є кой? Єсу ли прави разбойницы? Одъ кога времена то упражняваю? Има ли и' и вышше іошт' ту гдѣ? и проча. На коє ови имъ кажу, да су єдни изъ Албаніе, а нѣки и одатле изъ Херцеговине, да нису тако одавно заблудили, да нису іошт' нигдѣ никаква ни убійства учинили, само, што су отимали, кад' су што кодъ кога нашли, и да и' вышше нема. На то дѣчко онай: Я овога, вели, Господине, познаємъ, онъ є изъ Вучіяка, Црный Гая, и зато ме є, вели, и повіяо, да ме убіе, што самь му рекао, да га познаємъ. Є л' тако? запыта Старый. Єсть, Господине, одговори онай, зашто я се побоимъ, да ме не изда. Любомиръ сад' окренесс къ слугама своима и запыта и', да ніе кой одъ ньи' раньенъ? На коє єданъ само покаже руку свою, по коіой мало само окрзнутъ бяше. Погледе сад' на дѣте, коє бяше около свои' 16. лѣта', у чисты' 'альиница' и

благообразно быти видяшесе. И текъ што Старый Господинъ ове злодѣе селянима подъ стражу предавши одпусти, и овога дѣчка, одкуда є? и кудъ є пошао бьо? запыта, и старце чашомъ віна понуди, — ето ти имъ опетъ нѣке са стране запѣвке. Но! воспрянувши ови садъ наново: Шта тье опетъ то быти? рекну и погледе, — Кадъ алъ єдна дѣвица съ расплетены власи трчи къ иьима, и тукутьисе у прси виче: Яо Цвѣто! Шта си учинила? Живоине! Жалостна ти майка! Дѣчко овай, то чувши, скочи плаовито и полети къ ньой, коя веть и близу ту бяше. Слишесе єдно другоме у обятія, као двѣ чисте капльице воде, умукну, и као безъ чувства падну ту на зелену траву. Ови имъ садъ сви притрче, окруже и, и као поражени гледе на ньи, и нестрпѣльиви, о овой любезной сцени извѣститисе, єдно друго погледаше, и такодье ништа проговорити не могоше. По малой овако паузи дѣвица сирота дигнувши главу погледи на небо и уздане: О свемилостиво божество! рекне, и опетъ младитьа загрльивши почне любити: Живоине! Милый мой Живоине! Остаде ли кукавици мени живъ? Младить се расплакао бяше, не може ништа да іой одговори. Доста веть, мило моє дѣте, рекне їой Косара, и обоє дигне, доста! Не плачите! Ньему се ніє ништа зло догодило, само што га є онай несрѣтьникъ поплашіо. Дѣвица падне предъ Светозара, и загрльивши му колѣна: Пріими, сладкій Господине! возопи, ове каплье изъ мои очію, пріими као єданъ даръ, као єдну чисту жертву, коїомъ те жалостна сестра за избавльенье свога брата овдѣ обожава. Юноша є дигне. Она погледи и Чедомиля: Ангьеле небесный! Загрльивши и ньегова колѣна, видѣла самь, вели, и твое дѣло. Младить се при овомъ зарумени, погледи као сбуньенъ на проче, ударе му сузе изъ красны очію, онъ є одма подигне, и Старый и почне тѣшити. Косара садъ узме подъ руку дѣвицу, а Светозаръ Младитьа, и подьу опетъ за Старымъ къ расту. Овай є за мене нѣкій данъ

знаменитый, рекне Старый Отцима Калугьерима, сѣдши съ ньима на траву. Отоичъ, вели, мало не бы кровопролитіе, а сад' опетъ ово двое какву намъ сцену радости свое представише.

Погледе сад' на дѣвицу, коя одъ оногъ трепета їошт' не може да се поврати. Іошт' чисти и округли ньени дѣвички образи блѣди видьа'усе, и гласомъ, їошт' разслабльеннымъ, замуцкиваше. Поштеде є дакле запытати, одкуда є? Само што є Косара запыта за младитьа, є ли їой братъ? На кое она! Ахъ! Єсть, милостива Господьа! Єсть ми братъ мой родьеный. То рекне, заплачесе наново, и младитьа опетъ загрльивши спусти му главу на раме, и тако мало потьути. На коеїой Косара! доста, дтьери моя, доста; Не цвили! Хвала Богу, кой га сохрани! Сѣдите, дѣцо! повиче Старый, сѣдите овдѣ съ нама! и ако сте гладни, ево узмите, шта милуете, и поедите, па о томе, што є было, ни мыслити немойте. Мы смо и', приложи, послали куд' треба, и то є заръ промысломъ Божіимъ хотѣло быти, да Вамъ се данась та обида учини, коя имъ се ево сбы причиномъ, да се они лѣпо по'ватаю, и да такоме злу конацъ буде. При овомъ Драгиня устане и на єдномъ послужавнику колача' и млада ягньетьа печенья, а на другой калайліи трешаня принесе имъ, и обое покани: Захвалуємъ Вамъ, любезна Господична, рекне она, и само нѣколико трешаня узме, а дѣте пріими парче колача, и натераю та, те и поо чаше віна испіе. На конацъ Косара, видетьи, да се обое мало повратише, и на ньины' млады' образи' любезно руменило появисе, запыта и', єсу л' изъ далека? и куда су тако пошли? О милостива Господьа, узданувши рекне она, нисмо, вели, тако ни изъ далека, — єданъ данъ одавдѣ, изъ Крупе, (мале єдне у Херцеговини варошице) — но куд' смо, приложи, пошли? ни сама честито не знамъ. Жао ме є само, вели, што то кукавно дѣте ово дана измучи'. Єсу л' Вамъ родительи живи? упыта опетъ Косара. Отацъ само, одговори она, убрисавши очи свое, а мати

намъ се пре поо године преставила, и осимъ насъ двоє вышше ніе по себи ни оставила. Я самь Вамъ, милостива Господьа, — по маломъ тьутанью — сбогъ мои' родителя' — ахъ! — дѣте самь ньіово, не пристои ми ньи осудьавати — несрѣтьна. При овомъ изреченью опетъ ниспустивши очи своє къ земльи утьути, и ови, ништа їой неговоретьи, гледа'у на ню. Косара и Милисса, сѣтьаютьисе мало, шта ню на срдцу тишти, велико сад' участіє туге ньене пріиме, опоминютьисе, одъ чега су и саме у нѣко време страдале. И време будутьи буде, да се ови наши любезни путницы веть одатле и крену, заповѣди Старый младьима своима, 'ватати конье, и намѣстити, шта треба у коли', и сѣтьаютьисе и самъ нѣшто о потайной туги ове дѣвице намѣри при по'оду своемъ єдну пробу учинити, хотье л' се оно, што онъ веть у себи мысляше, са самымъ дѣломъ сгодити?

И тако пошто младьи сва потребна на кола спреме, и конье имъ сѣдлати почну, Отцы Калугьери наново о'ладьеннымъ віномъ стану своє госте нудити. Не! Заиста! рекне Старый, я Вамъ вышше пити не могу, но Драгиня, сынко, придода, иди, вели, къ колма, и узми што треба, па направи по єдну чашу лѣпе лімонаде. Господине благородный! повиче Отацъ Сгмеонъ, а зашто да Вы, вели, то нама не рекнете? Сатимъ погледи на Отца Генадія. Овай скочи и стрчи у монастыръ. Отче! за насъ не правите, рекне Косара, но само за Господина, и ако хотьете за Васъ, єръ мы пити нетьемо, мы смо се и трешняма раз'ладили. На то сад' Старый погледи на Косару и Милиссу, и рекне имъ нѣшто Грчки. Косара сад' захвали Отцима Калугьерима, пруживши свакоме потайно нѣшто у руку, опростисе съ ньима лѣпо, па се окрене къ оной странной дѣвици: Како є име теби душо? упыта є. Мени є, вели, име *Цвѣта*. Цвѣто, дѣте моє, приложи Господьа, ако те не мрзи, съ братомъ твоимъ да съ нама доникле подьете, рада самь, вели, и тако съ тобомъ — пришаптье їой — мало

и насамо бесѣдити, само, придода, насъ три, и ты; а братъ, као мужко, нек' мало съ мои сыновы и са Старымъ Господиномъ и изостане, — мы тьемо и' ту близу преко воде дочекати. Сатимъ, овой склонившойсе, подьу, а Старый съ младитьи и служительи мало изоставши попіе съ ньима лімонаду, и у разговору сидьу къ монастыру: Знате ли шта? Свети Отцы! рекше сад' Любомиръ Калугьерима (пошто имъ на любезномъ ньиномъ дочеку захвали, и свакога одъ ньи' богато обдари) дозволите, вели, Вы мени, ако ствaръ може быти, да я тога младитьа на кой данъ са собомъ поведемъ, — я га морамъ изъ оне ньегове замышльености извести, и у ньему, кад' такве даре, као што ми и сами кажете, притяжава, мужа, буди за Вашъ чинъ и домъ, буди и за што друго, мужа, велимъ, вредна и валяна произвести. Ісідора? Господине! Ісідора! О съ драгомъ вольомъ, милостивый Господине! Нама тье истина потежко быти, съ ньимъ се разстати, будутьи да мы ньега найсердечніе любимо, но нарочно, приложе, и зато, што га любимо, волимо мы нашъ уштрбъ у ньему поднети, нежели да онъ такавъ у своїой срѣтьи трпи. Гдѣ є онъ? Куд' намъ се измаче? Сад' тьу я ньега одма, Господине, довести, — сишао є мало доле у вертъ, да младой Господи лѣпы' трешаня набере. Сатимъ одтрчи и доведе га.

Та камо се? Сынко! кротко смѣшетьисе на ньега рекне Господинъ. Ты насъ, вели, остави; а овамо умал' не бы и крвопролитія! На кое онъ, заруменившисе: Простите ми, вели, милостивый Господине! послѣ самь разумѣо, — но право да Вамъ кажемъ, сидьемъ у кьеллію и при єдной кньиги заспимъ: али мою дужность не бы самь пренебрегао было, Ваше Благородіе испратити. Ніе дужность, сыне, рекне на то Старый, но любовь, — притомъ, дѣте моє, како прочымъ Отцима на дочеканью и пріятельству, тако и теби — пружившши му у руку, коє онъ дуго и пріимити не хотяще — на послуги и труду любезно благодаримо;

но ако ми, придода, у мой домъ додьешь, и вышше тьешь ме їошт' обвезати

Онъ му се на то маши руци. Не! Не дамъ руке! но желимъ одъ тебе, да идешь съ нама. Я ти, Сынко, смысленно кажемъ, да самь я радъ тебе за могъ Свештеника имати, ако не саизволишь мірскимъ, я не бранимъ, остани и Монахомъ, а я тьу ово дана' и тако итьи Митрополіту, па, ако хотьешь, нека те, у кой ти се чинъ свиди, посвети. Не будешь ли, Сынко, имао волю, и не свиди л' ти се, кодъ мене у двору быти: силе ніе, нити тьу я зато теби и найманье замѣрити, него тьемосе лѣпо почастити, па онда додьи овамо и опетъ. Онъ зато, добри Отцы! мѣсто овдѣ кодъ Васъ не губи? Не, Господине, о не! Онъ є нашъ, буди бы и гдѣ быо. Ето, рекне Старый, два часа! Малый комадъ землѣ насъ и разставля, дотьитьемо свагда и мы Вама и Вы нама.

Онъ на то превали своє велике очи на єдногъ и другогъ Отца: Сынко, иди! рекну му ови честни Отцы, иди съ Господиномъ и за срѣтьомъ своїомъ, па їошт' ако тьешь ме као стара мужа, рекне му Отацъ Сумеонъ, и у оба чина искусна — будутьи самь изъ мірскога у овай чинъ ступіо — послушати, женисе! Светозаръ га сад' узме подъ руку: Право велите, Отче! повиче, и я тьу му натьи Цуру! Но ты да останешь овдѣ умѣсто ньега, одговори Господинъ. Ая Богме, Отацъ! Чествуємъ чинъ и Вашу рѣчь; али не бы смо се нигда тако погодити могли. Волео бы самь до какве нужде и Попомъ, нежели Калугьеромъ быти. То за мой стомахъ ніе. Но ево Отацъ — подтуривши брата — нек' Вамъ овай остане. Да! Погоди! Одговори Чедомиль, веть ако онда, кад' ты будешь Архімандрітъ.

При овомъ и Ісідоръ пресѣче своє тьутанье, и поклонившисе Господину маши му се руци, потомъ приступи и Отцима. Онъ се усиляваше малый нѣкій смѣй на лицу своемъ показати, и не заплакатисе, — но суетно! И при ведромъ онако

лицу слію му се нѣколико каплыій изъ очію на подобіе ти'е кишице изъ малогъ каквогъ облачка, коя се и сунцу сіяюћемъ у ситны' капльица' появи. Они га любезно загрлье, и отеческимъ срдцемъ ньега цѣлуютьи благосиля'у: Иди сыне! заплакавшисе на послѣдку и сами, иди съ Божіимъ и нашимъ благословомъ.

Сад' Светозаръ и Чедомиль, као дѣца, съ такомъ радостью узму га подъ руку, и къ колма поведу, као да имъ се Богъ зна шта срѣтьно догодило. Ови тье ньега, рекне Старый, на ньи сад' гледетьи, и съ пріятельи свои любезно цѣлуютьисе, ови тье, вели, ньега своїомъ веселомъ наравлю изъ оне ньегове замышльености извести. Сатимъ сѣдне съ дѣцомъ на кола и приспѣ къ дружству.

Косара и Милисса сѣле на полями поредъ пута, и изгледа'у на ньи. Айде, 'ватайте те конье, рекне Старый слугама, коѥ су ту съ Господиномъ дошле быле: Но Госпе! Ѥсте л' раде, вели, што самь Вамъ и госта ѥднога довео? Ѥсмо, Отацъ, одговоре ове, любко на ньи осмѣяваютьисе; но болье бы смо му се їошт' радовале, кад' бы онъ съ нама и дома пошао. Веть я, дѣцо, ньега довдѣ доведо', и изъ монастыра га изведо'; а одсад' препоручуѥмъ га Вама, и ако Вамъ побѣгне, я тьу одъ Васъ рачунъ искати. Камо Вамъ Драгиня и — ? Иди Никола (своmъ служчету — локаю —) и зови и', — сад' ено съ дѣвойкама и онымъ Малымъ одшеташесе польемъ. Сѣднимо мало Сынко, рекне Старый Ісідору, сѣднимо, докле намъ и дѣца не додьу. Нетьемосе закаснити, вели, близу ѥ. Знашь ли Гречески сынко? Знамъ, Господине, одговори овай. Славенски безъ сумнье разумѣвашь добро? О како не? У Славенски' кньига' я се весма радо и упражнявамъ. Съ покойнымъ отцемъ, придода, докле самь у Пришгини быо, їошт' као дѣте одъ 13 — 14. година', кад' самь се у школа' учіо, па ми ніе слободно было, съ ньимъ просто Србски ни корреспондирати, но све Славенски. Право! То ми ѥ мило, по-

виче Старый. Но! Иматьешь кодъ насъ довольно кньига', и Славенски' и Грчки'. О красно є, сынко, за насъ, и нуждно намъ є, древный овай нашъ єзыкъ знати. И я, приложи, мою дѣцу све терамъ, да се у Славенскомъ упражняваю.

На то Светозаръ: Смѣшно, Отацъ, мени є было изъ почетка, кад' бы сте Вы съ каквы Свештеницы Славенски говорити почели; а потомъ, кад' станемъ и самъ овай єзыкъ разумѣвати, тако га возлюбимъ, да ми є чисто жао, што њимъ уобште сви не говоримо. Како є то лѣпо Славенски речено: Коль пріятно, видѣти сію цвѣтоносну, яже весь кругъ земный краситъ, нынѣ весну! Тиха заря рано низливаетъ своя любезныя слезы на зелена поля. — Онъ хотяше и даље овако нѣшто продужити, но смотри дѣвице, гдѣ иду, и малогъ Светолика, польскимъ цвѣтьемъ као додолу накитьена, за руку воде. Истрчи дакле предъ њи и младенца имъ узме, и онако съ њиме Старомъ Отцу притрчи, кой га отеческомъ милостью на крыло своє пріими и миловати га почне, — на то ето ти имъ и оне приспѣду.

Ісідоръ нашъ оштрый взоръ свой сад' на дѣвице установіо бяше, и наєданпутъ промѣнисе чисто у лицу и скочи на ноге! О Боже! возопи, є ли то могутье? Цвѣто! На ову рѣчь његову дѣвица се окамени, погледи га за нѣколико магновенія' внимателно, потомъ врисне и њему на прси полетивши: Ісідоре! викне, и чисто изумре. Онъ ню къ прсима своима прикучи, и тако разслабльени єдно другоме главу на раме спустивши проговорити вышше дуго не могоше. Дружство и' сад' окружи и єдно друго съ удивльењемъ погледи. Я самь се мало и сѣтіо, рекне Старый, да тье овако нѣшто быти, зато самь ти (Косари) и рекао, да є овамо изведешь. Мени є, придода, дѣчко мало нѣшто о овомъ и наговѣстіо. Цвѣто моя! спустивши є онако разслабљену и блѣду на траву, проговори їой юноша, — Цвѣто любезна! Иди! Иди! Невѣро! Она ти'о проговараютьи тураше га одъ себе. Зашто? бра-

те сладкій! Чему самь я узрокъ быо? Ево насъ є судба опетъ саєдинила! Мы се ево и опетъ видѣсмо! Ахъ! возопи она и исправисе, погледи на ньега пла'овито, и полію є сузе. Видѣла самь те, — но да самь те мртва видла, волѣла бы, него у ти' хальина' што те видимъ! Ты малодушный, ты слабый! клетвопреступниче и лагкомысленный юноша! Ісідоръ на то зацѣнисе у мараму плакати, чимъ одлагкшавши мало себи погледи на проче! Простите ми, вели, Господо моя! Простите намъ! И добротомъ вашомъ извините наша слаба срдца. На то пристуни їой Косара, коя се такодье заплакала бяше. и узевши є за руку! Цвѣто! Дѣте моє мило! Повратисе брате и умѣри себе, — послушай насъ и видѣтьешь, да се ты варашь о ньему сынко, и да онъ ніє оно, што ты о ньему мыслишь! Ніє, ніє, дѣте моє! повичу и Старый и Милисса. Онъ ако є и навукао ову 'альину, но у чинъ се їошт' посветіо ніє.

По довольномъ овако увѣштаванью єдва є сироту увѣре. Она се сад' поврати, и наново заплакавшисе загрльи га: Ісідоре! Сладкій мой Ісідоре! Прости ми! О прости ми любезный мой! и извини мою нестрпѣльивость, мою наглость, мою слабость женску. То изрекши пребаци му руку око' врата, и наслонивши му сузне своє образе на прси: Дозволи ми добрый юноша, Ісідоре мой! Дозволи ми овако мало на твоимъ прсима главу подржати: но о! Да я нисамь увредила ово благодѣтелно срдце у ньима? Ниси Цвѣто! О ниси! Оно є твоє, за тебе куца, ты га сад' оживляваш; твоє те любезне, коима га росишь, сузе, подмладьую у ньему любовь мою къ теби. Она опетъ подигнувши главу свою: И заиста ниси чинъ пріимio? Мила моя! Имай само малчицо овдѣ стрпльенья! Поклони ми поо четврти часа, да те могу савршено о томъ увѣрити. Господине сладкій! цѣлуютьи руку Староме и нѣшто заусти, но одма обратисе къ ньой опетъ: Цвѣто моя! Єсамь ли я у надежди? Како є одъ

твоє стране? Смѣмъ ли я момъ срдцу поласкати? Я о твомъ, любезна моя, и не сумнямъ; но є ли оно одкуд' и у твою власть дошло? или паче да рекнемъ, зависи л' ова рука, коїомъ ме грльишь, веть одъ тебе? Ахъ! сва є веть неудобства, сва у томе нама бывша препятствія, смрть моє матере (ово є веть томе поо године) съ пута намъ уклонила, и како є то было, одма самь те тражити почела. Найпослѣ чуємъ за тебе, да си овдѣ у монастыру, те сирота узмемъ то дѣте — братъ ми є, но ты га ниси ни познавао — и овамо безъ душе по'итимъ. Сад' онъ ньой нѣшто лагано рекне, на кое она радостью воспряне, и предъ Господина клекне: Сладкій Господине! загрльивши му колѣена, пріимате ли Вы насъ подъ Ваше милостиво крыло? Старый, дигнувши є: Я самь га самъ звао, вели, и ето, ако се саглашавате, и стварь одъ Ваше стране быти узможе: то є посао готовъ, шта вышше, и радуємсе томе. Господине милостивый! любетьи му обоє руку, добродѣтелна и велика душа Ваша и иматье зашто радоватисе, єръ Вы насъ сад', данась и на вѣкъ срѣтьне творите, за кое тьемосе мы — полюбивши руку и Косари, трудити, себе Ваше милости, Вашегъ благодѣянія, Вяше сладке и отеческе къ нама любови достойныма учинити. Я самь га радъ, приложи Старый, за мога Свештеника у Двору имати, на то самь га понудіо и позвао, у намѣренью, да га лѣпо оженимъ, и савршенно га срѣтьнымъ учинимъ. Знамъ, Господине милостивый, знамъ, каже онъ мени сад', и мы у томе никаква препятствія немамо. Мати є моя умрла, а отацъ ме є сасвимъ презрѣо, родительске милости исключіо, — и — управ' да кажемъ, одтерао, — а зашто? Зато, што я нисамь могла, ни кадра была, чувства могъ срдца побѣдити, овога добродѣтельнога юношу, коме самь, ово є веть три лѣта, сердце моє посветила, оставити, и за онога, за кога ме є онъ дати хтѣо, потьи. Ту є све моє преступльенье было! Да ніе лѣпа стварь, родительской се вольи противити;

то и сама признаємъ: но да ніе и то право и лѣпо, да нѣки родительи и у овоме власть свою савршенно надъ дѣцомъ своїомъ хотье да имаю, то ми нико, ако тье паметно судити, одретьи не може. Одсад' ето му наслѣдника! Да му га Богъ поживи! Я му не тражимъ ништа!

Сад' Ісідоръ окренесе къ дѣтету. Братъ твой Цвѣто? Родьенный мой братъ, одговори она. Онъ га полюби и одтрчи у монастыръ. Но! рекне Старый, све тье добро быти! Не бойтесе ништа! Ты, ако хотьешь, придода Старый, и онъ волю узима, онъ при мени може и друго каково званіе имати, — не мора нарочито Попомъ быти. Не! милостивый Господине! Є ли само Ваша воля у томе; мы смо обоє увѣкъ на то ишли, — мы обоє то милуємо, и єстество є ньега найветьма на то опредѣлило. Ньегова ти'а наравь, ньегова побожность, учтивость и наклоность къ читанью кньига'; къ томе, ньегова лѣпа наука, ясный гласъ у пѣнію и ньегово сладко слово, — ово су дари за такавъ чинъ. Такавъ му є и покойный родитель быо. Сад' Вы сами, као паметанъ мужъ и Господинъ, судите, колико бы я у томе и предъ самымъ Богомъ сагрѣшила, кад' бы самь была таква младитьа, кои съ даровима своима на ветьу своmъ обштеству ползу быти може, пренебрегла, у црно завила, и — на нѣкій начинъ жива у той пустыньи закопала и саранила!

Многи су родительи у томе криви, рекне Косара, кои коначно нетье да мало и на наклоность срдца сына и дтьери своє погледе, но затегну пусти одъ своє стране тако немилостиво, па куд' пукло да пукло! Истина, приложи, да ніе ни то совѣтно, да се одма младой и лагкомысленной дѣвици на волю остави; али кад' веть видимо, да стварь дотле додье, да немамо средства, развести є: то дозволимо! па што имъ Богъ да! Каже она сад' овдѣ на пытанье овы', да є отацъ ньенъ простъ човѣкъ, но да є добаръ газда и Фамиліомъ благороданъ, кой се Драгичь зове, и у Крупи обитава. Преповѣди имъ укратко и повѣсть свою,

како се случайно са Ісідоромъ при нѣкой гостби у Єлечу првый путъ видѣла, и ту се у ньега залюбила. Онъ се, придода, сад' мало сирома'ъ и упустіо; но такавъ є было красанъ, и таке є, вели, нѣке любезне прелести на себи имао, да му царска дтьи замѣрити не бы была могла. Сва пакъ красота ньегова лица ніе мене внимателномъ на ньега учинила, докле при трапези кодъ нѣкогъ богатогъ трговца, кой є крстно име славіо было, отацъ му покойный не заповѣди, да имъ што одпое. И будутьи да самь я ту у Єлечу мою нѣку тетку имала: то є истый трговацъ купно са мномъ на обѣдъ позове. Отацъ Прота сѣдіо є у зачелью — о красанъ є и тай човѣкъ было! — а сынъ му, истый Ісідоръ, сѣдьаше спрама мене, кой кад' є сад' нѣшто изъ светогъ писма запояо, тако цѣлѣй асталъ у умильенье приведе, да ни єдно заръ ту задржатисе ніе могло, да се сладкимъ чувствомъ не порази, и радостне сузе низъ лице не пусти. Было є ту и нѣколико дѣвояка при трапези, одъ кои' нѣке буду понудьене, да младитьу секундираю. Тетка моя на то, да се покаже са мномъ, намигне на Отца Проту за мене. Я се до душе на то нисамь нигда ни молити дала. Гласъ самь имала (и имамъ га, Богу хвала, и сад) такодье лѣпъ, а срдце ми є весело было. Куд' самь годъ ишла, само ми є у мени чисто пѣвало; — сад' пакъ у оваквомъ дружству и съ овакимъ младитьемъ запѣвати, єдва дочекамъ, — само да ми се рекне. — И тако одпѣвавшымъ намъ нѣку пѣсму заєдно гости намъ се наново усхите. Ту є таптаньє, ту є похвала нама двома даже и до самы' звѣзда' была, и натераю ме, да сѣднемъ сад' поредъ ньега. Радость наша ту, гдѣ се тако лѣпо продуцірамо, и любезный стыдъ, што цѣлый асталъ на насъ гледаше, орумени намъ образе, и свима насъ обое милыма учини. Онай одонуд', а овай одовуд', кротко єдно на друго смѣшетьисе погледа'у насъ, и єдно другоме на уво: Финый паръ людій што бы было! шапташе. Добрый отацъ ньеговъ, кой га є као єдин-

ца одветь любіо быо, погледи такодье на насъ: Бога ти, вели, Марица! (моїой тетки) Чіе ти є то дѣвойче? Каже она за мене, чія самь. Вѣра и Богъ хотьу є за сна'у заискати, па да ми, вели, тако лѣпо пѣваю, и као стара при чаши віна кадшто ме провеселе. Истина, ово є ньегово ту изреченьє као одъ шале было; и насъ є обоє наново застыдило: ал' се оно тако у наша срдца спустило, и тако се найпѣжнієгъ у ньему чувства коснуло, да смо се мы одма єдно у друго залюбили, и будутьи да се я ту при тетки ньега ради и дужже задржимъ, (но весма є рѣдка прилика была, да смо се гдѣ састали): то послѣ три седмице мы єдно другоме и любовь нашу одкрыемо. Но жалости наше! Моя мати нипошто, за животъ главе, на то саизволѣти не хтѣ, да она свою дтьерь Попадіомъ учини: а ньеговъ любезный родитель, кой потомъ ніе дуго ни живіо, при смрти своіой закуне га, да онъ изъ ньегове 'ладне руке жезлъ пастырскій пріими, и стаду Христову вѣрный пастыръ буде. Онъ є ово тако одъ ньега желіо, да му се младить на то заклети морао. Онъ дакле сад' друго и не може быти; а я самь ньега тако силно возлюбила, да сад' ништа и не желимъ, но Попадіомъ быти. Мати ми є умрла; а съ отцемъ вышше ништа и немамъ. По смрти ньеговой овай тье му добра наслѣдити, кой знамъ да нетье хтѣти, ако бы и могло быти, мене, родьену сестру свою, коначно исключити, и оны' добара участницомъ быти препречити. Но благодаримъ прво Богу, па овымъ младымъ Господичитьима, кои га данась смрти избавише. Я самь, жалостной мени, одозгоръ съ брда усмотрила, кад' га є онай повіяо: но сва крвь у мени промрзне, — устанемъ да подьемъ, но ноге ми се стра'омъ разслабиле, тако, да се подуго на ньи нисамь ни исправити могла, — а сама самь га была у монастыръ послала, да распыта, є ли ту Ісідоръ? Отацъ му за то и не зна, зашто самь я ньега изъ другогъ села, гдѣ онъ у школу иде, са собомъ, да не идемъ сама, узела.

На то сад' ето имъ и Ісідора. Обріяо оно што є почео быо имати брадице, очешляосе, умыосе, црнъ свой манторосъ скинуо, и себе у прекрасне мірске 'альине обукао, кафтанъ морастъ и исподъ ньега зелена єчерма, чакшире одъ скупоцѣнна сукна, прстеньє на руку' съ брілліанты, и на глави капа одъ фине любичицешарне кадифе, съ рѣдкима унаоколо златомъ извезенныма гранчицама, — словомъ, као новъ човѣкъ сад' заблиста дружству у очима, коє на ньега нестрпѣльиво изгледаше. Право! повичу сад' ови, и Любица му радостна на срѣтеніє истрчи. Ту се сад' одма за путъ спреме, и узму са собомъ и Живоина на данъ на два, потомъ тье ньега опетъ у исто мѣсто, гдѣ у школу иде, послати.

Старый сад' съ Драгиньомъ, Милиссомъ, Цвѣтомъ и Ісідоромъ сѣдне на єдна кола, а прочи сви служительи и служавке са старомъ Еѵдоѯіомъ смѣстесе у друга двоя, у четврта само посади имъ се єдна одъ служителница' съ малымъ Светоликомъ, у коя тье потомъ сѣсти и Косара, єръ сад' она са два сына напредъ на коню мало подье. И тако сви весели кренусе. Слуге имъ єдне напредъ, а друге састрагъ, такодье на коньима, ньи спроводьа'у. Доспѣтьемо, рекне Старый, како валя, Косми на вечеру.

Сунце се веть на западу ти'о за горе спушташе, и послѣднье своє луче съ вр'ова высоки' дрва' помало прибираше: вечерня заря сву ону страну неба оруменивши дивно позориште путницима нашимъ представляше; нотьна про'ладителность почне имъ топлый воздухъ растварати, и часъ на часъ мали вѣтритьи пріятный мирисъ по ньему съ цвѣтны' и около пута тай данъ покошены' ливада' стане имъ разносити; птичице се сасвимъ веть преталоже, и по трави имъ попцы почну веть журчати.

Наєданпутъ забѣле имъ се села; но два зелена холмитьа, коя се чиня'у, да се єданъ на другога братолюбно наслоніо, замакъ имъ Пиперинъ їошт' заклоня'у. Косара сяше сад' коня и

посадисе у своя кола; а Светозаръ и Чедомиль приступе къ колма Старога, и почну за села, како се коѥ зове, запыткивати, коя имъ садъ Ісідоръ толковаше. На западной страни забѣли имъ се и ѥданъ малый, но лѣпо устроѥнъ градить, за кой имъ каже садъ Ісідоръ, да се Чарновъ зове. Одъ овогъ се простира у равна нѣка поля до саме рѣке Бояне, преко коѥ се видяше и велнкій градъ Подгорица. Унаоколо никну имъ и Дреновацъ, Плевица и проча села. Напослѣдакъ, спуштаютьисе низъ ѥдно понагнуто брдашце, углегаю и градить Убаву. Но, хвала Богу, дѣцо, рекне Отацъ, ево смо, вели, веть дома! Онъ то рекне, и укаже имъ се замакъ — ньіовъ Пиперинъ —, кой имъ се преко нѣки высоки ела и брестова подъ самомъ горомъ на поо четврти часа вышше Убаве видяше. Онъ имъ се изненаднымъ садъ своимъ появльеньѥмъ тако измедьу зелены и чисты шума забѣли, као да имъ наѥданпутъ изъ землье изнич. Они сви радостни сгледавшисе: ево намъ дворова наши! весело подвикну.

Два на Двору не тако высока, но широка четвороуголна столпа, лимомъ покрывена, мѣсецъ бяше веть озаріо. Спустившисе наши путницы къ селу, у коѥ имъ ѥднымъ големымъ, преко нѣке изъ планине текуће рѣке мостомъ претьи надлежаше, не мало удивесе овдѣ садъ водноме шуму. Ништа се ту чути не могаше, што они ѥдно другоме говора у. У овой тьете рѣци, Господине, рекне Ісідоръ, прекрасны пастрма, и велики поточки рака, колико хотьете, добывати.

Прешавшымъ имъ овако мостъ сѣдну и младитьи у кола съ матеромъ, коя садъ зовне и Драгиню. При самомъ ту раскрштью, одъ кога ѥданъ путъ у градить Убаву улазаше, а другій имъ се къ Двору узвіяше, дочека и съ найлюбезніимъ ускликомъ великій соборъ селяна. Съ ѥдне стране пута стале имъ бя у ньине старѣшине, честни старцы подъ бѣлым брадама и мужеви съ женама; а съ друге стране юноше съ дѣвицама, дѣ-

цомъ и малымъ дѣвойчицама. Они су сви, ступившой Господи у среду ньіову, као изъ єдногъ грла: Многая лѣта! и Аминь! повикали. Ови имъ се ту мало зауставе, любезно и' поздраве, и Старый имъ овдѣ тако лѣпо и тако чувствително слово изговори, да се готово свакій ту, дошавши у нѣко умильење, и заплакати морао. Кад' свршн онъ бесѣду свою и попнесе опетъ на кола, загрми имъ гласъ Народа наново. Одавдѣ имъ є цѣлый путъ сад' даже до самогъ Двора польскимъ цвѣтьємъ и ружицомъ быо застртъ, и съ обѣ стране пута по єданъ редъ коняника' съ голым' у руци мачевима быо имъ є стао. Путъ се овай мало за єдно округло и романтичко брдашце савіяше, кое дворъ одъ села разставляше. Оно бяше само травомъ и цвѣтьємъ покрывено, и насредъ ньега само три удивително голема раста видя'усе, кои на широко око' себе простртыма, и уєдно сплетенныма гранама своима, као єданъ зеленый вѣнацъ саставля'у, и ньимъ овай Амфіѳеатру подобный холмить украшава'у. Овдѣ самъ я намѣранъ, рекне Старый до себе Ісідору, моїой Фамілии єдну лѣпу цркву сазидати.

Сатимъ сад' путъ имъ се управо къ Двору савіє, кой савъ освѣтльенъ усмотривши наново воспряну. Одавдѣ имъ се сад' два реда липа' до самы' дворски' стѣна' пружила бя'у, съ коя' мирисъ сад' у Маію савъ овуд' воздухъ испуняваше. Сведозаръ, гледетьи растове, къ коимъ се сад' савиткомъ пута приближе: Отацъ, вели, ала су грдна ова три раста, као да имъ є, вели, їошт' почетакъ свѣта бытье дао. Мило имъ буде, кад' сад' виде, како се одъ Двора управо къ овыма и равно дотьи може. Чимъ они овако къ великимъ замка вратима приступе, засвираю имъ трубе, и изидье предъ ньи градоначалникъ, кой є ту посланъ быо, да нове госте, и Господина Замка дочека, и да му га преда. Изидьу имъ съ ньиме и Косма и Бурямъ, и поздравившымъ имъ се свима тако предъ Дворомъ запыта Старый Косму лагано, има ли ту їошт' какве Господе? Нигдѣ ни-

кога! одговори овай, кромѣ, вели, само Градоначалникъ са своимъ Секретаромъ и служительи. Добро! сынко, рекне Старый, то си ми, вели, по вольи учиніо, што си стварь потайно свршивао, да вечерась будемо сами, и као првый путъ на миру ово вече торжеству нашемъ посветимо.

Сатимъ опетъ приступи къ Милутину Градоначалнику, и стиснувши га пріятельски за руку подьу унутра; Господине, рекне му овай, пріимите за любовь! Како самь могао, єръ касно приспѣмъ, нисамь се ни надао, да тьете Вы — Не! не любезный мой! возрази Старый, ты знашь мою волю. Я нисамь хтѣо мой овамо долазакъ, у кой тьу нарочито данъ дотьи, ни оглашавати, да прво, велимъ, вече съ тобомъ само и моїомъ фамиліомъ у тишини проведемъ, а за проче иматьемо време. Ступившымъ имъ тако на велика врата ето ти имъ и Монъ Амія съ Новакомъ. Поздравесе ту любезно и каже Новакъ, како є Косма нѣкимъ, кои су се о долазку ньеговомъ у Замкъ извѣстити желили, съ цѣломъ єдномъ седмицомъ касніе назначіо. Старый садъ съ фамиліомъ ушавши у дворъ сгледаше, како є све лѣпо, све по вкусу есѳетичкомъ и ньему по вольи уредьено, и оправльено. Мило му буде и похвальиваше Косму: О како є то, Господине, рекне Милутинъ, запуштьено было, и гледайте, како є садъ! Пространный дворъ — авлія — раванъ и чистъ, пескомъ и сытнымъ шлюнкомъ посутъ, да нигда у ньему блата быти не може. Насредъ ньега великій и дивно сазиданый источникъ шумяше, кой воду изъ уста одъ камена изсѣчены китова у єданъ грдно великій и округлый одъ чиста мермера устроєный водоуставъ са све четыри стране изливаше, около кога ивова дрва насадьена витке своє и силнолиственне гране надъ саму воду ниспустила чиня усе, да су рада, быстре ове и студене планинске воде напитисе. Мало даље овдѣ одъ источника бяше и єданъ столѣтный дубъ (растъ), кой своима, премда свуд у округъ подкресанныма гранама велику часть двора осѣ-

няваше. У овай є растъ потомъ дао Старый Господинъ съ єдне стране образъ светогъ Архістратіга Міхаила, у Венеціи дивно исписанный, усѣтьи, предъ коїомъ є їкономъ сребрно кандило сваку ноть, стакломъ заклонѣно, горѣти морало, а съ друге светый образъ матере Божіе, предъ коимъ є такодье єлей горѣо.

Дворъ не бяше тако высокъ, само на єданъ катъ одъ земље дигнутъ, но пространъ, съ широки ходницы, са 32. собе и 6. куйній. Кромѣ овы' имадьаше єдну велику салу горѣ и єдну доле на среди. Изъ горнье се исходило на алтанъ, кой насредъ Двора изведенъ, и тако великъ бяше, да є могло угодно и до 40. лица' у кругъ редомъ на ньему сѣсти.

Ступившымъ сад' нашимъ гостима узъ широке одъ бѣла камена степене на горньій катъ загрми имъ цѣлый дворъ трубама и мусікомъ. На то отворе имъ се одъ велике сале врата, и ступившемъ Старомъ у-ню поспе га Косма чистомъ пшеницомъ. Дедъ ты, Газда, рекне добрый Отацъ, смѣшетьисе, пожурисе за вечеру, а лагко тьемо за те твое церемоніе.

Косма имъ сад' све собе редомъ отвори и покаже. Све бя'у прекрасныма и скупоцѣнныма утварима украшене. Велика Венеціянска огледала, одъ ора'овине дивни ормани, астали, столице, кревети, свилена канабета, златомъ проткане низъ прозоре завѣсе, фини полѓелеи, разни одъ изредногъ порцеллана сосуди, силно сребро постольно, — све є то Косма найпре їошт' изъ Дубровника поиздоносіо, и по вкусу своме разредіо, коя сад' Старый, съ двѣ свое сна'е исподъ руке водетьисе, изъ собе у собу улазетьи прегледаше. Но! Уїо! Како Вамъ се допада? упыта га нетьакъ. Добро! одговори Старый, по вольи ми є. Густъ имашь видимъ добаръ; но не знамъ, вели, докъ ми рачунъ подьешь давати, колико си ми одъ оны' дуката' натрагъ донео? Є! Лагко тьемо за то, само кад' Вамъ є то по вольи! Єсть! Но валя да пыташь ове госпе, є ли и ньима по

вольи? О томъ я и не сумнямъ. Ево Монъ Амія, кой нек' имъ само рекне, да є онъ то и то видѣо у Паризу, па намъ є готовъ посао. Єсть! Браца, повиче Светозаръ, кой сад' Драгиню исподъ руке водьаше, Єсть! вели, ал' ако я кажемъ, да у Паризу ніе тако, и да ни Монъ Ами оны' стварій и драгоцѣнны', све по новомъ вкусу, вещій видіо ніе, коє самъ я у Паризу видѣо! Ты тьути! Што моїой Драгиньи буде по вольи, и ты тьешь оно за найкрасніе држати. При овомъ Старый сад' съ Косаромъ и Милиссомъ располагаше собе, коє тье коме дати, и прво му буде, Светозару и Драгиньи, любезномъ овомъ пару, 6. соба' опредѣлити, и толико Косми. Косара узме за себе само двѣ, и Отацъ двѣ, у коє и Чедомиля узме. Но Косма, тѣлесанъ будутьи, па му се потежко видяше, свакій данъ узъ степене пузати и пенятисе, да своє собе Чедомилю, а онъ съ Милиссомъ своїомъ избере себи 4. прекрасне и велике собе на долньемъ кату при земльи. У друге разреде Монъ Амія, Буряма, Новака, Ісідора и проче своє младье.

На то сад' унесе имъ се и вечера. У великой сали асталъ имъ є био поставльенъ. Отворе сад' изъ сале двокрылна врата на алтанъ, крозъ коя имъ вечерньій воздухъ улазаше. Но! хвала Богу! рекне сад' Старый при вечери, ветъ смо, дѣцо, и овдѣ, — сад' ми, вели, ништа вышше не остає, развѣ — смѣшетьисе на Светозара, и не хтяше изретьи. Бурямъ на то баци очи по сали: Доста намъ є, вели, Господине, пространо, мотьитьемосе окретати. На коє юноша нѣжно застыдисе.

Сутраданъ рано Светозаръ и Чедомиль ни зоре не одспаваю. Устану, обукусе, и Старомъ Отцу, съ коимъ у єдной соби спава'у, лагано подкрадусе, и изидьу, новый Дворъ и све око' ньега прегледати. Сишавши сад' они у дворъ спазе на страни нѣке степене, по коима на бедеме узидьу, и одавдѣ съ высине гледа'у цѣлый предѣлъ унаоколо. Искусе, да се овыма бедемима, по ко-

има се трава зеленяше, свуда око' Двора итьи може. Ходетьи тако погледе къ шуми, коя имъ одъ южне стране до самы' стѣна' допираше, и виде ту єданъ великій и прекрасно насадьенный вертъ. До полакъ овога плодна дрва, съ кои' сад' текъ цвѣтъ спао бяше, и многи кестени насадьени видя'усе, а одъ полакъ разне планте, цвѣтьє и зеленый шимширъ, све на нѣке фігуре, сподъ ньеговъ покрыо бяше. Виде и то, да є вертъ овай высокимъ зидомъ опасанъ, кога каменьє древность потамнила и зеленомъ маовиномъ попала бяше. Но не мало удивесе сад' овдѣ, кад' се съ овы' бедема' доле надвире и смотре, какви су имъ ту дубоки обкопи, кои каменьємъ обзидани цѣлый имъ овай кастеллъ окружава'у. Смотре сад' и одъ запада два столпа, подобна првымъ, коя су їошт' синоть спрама мѣсеца видѣли были, но ови имъ затворени бя'у. Овдѣ сад' падне имъ у очи и другій вертъ; али овай видяше имъ се быти дивльій. Онъ бяше само обкопомъ подзиданнымъ опасанъ, а не стѣномъ узвышенномъ. Ширина се ньегова одавдѣ видяше, но дужина за нѣки' къ западу брдашца' губляшесе. По ньему до полакъ рѣдки растови, зелене ливаде, и гдѣкоя и пытома дрва бя'у, а одъ полакъ густа шума, и изъ овы' гдѣгдѣ нѣки холмитьи испучени видя'усе, одкуда и єданъ великъ потокъ съ кристалльномъ преко каменья водомъ посредъ овогъ єстественногъ верта протицаше, и у єдно грдно єзеро при самомъ у вертъ улазку сливашесе. Насредъ овогъ, округло сазиданогъ єзера, смотре и єданъ скачутьій источникъ, на кога вр'у великій єданъ одъ чисто црна мермера начиньенный орао бяше, кой у клюну нѣко присматичко стакло на єдной мѣдянной жици држаше. Съ овогъ стакла сунчаны' зракова свѣтлость, у чисте и бистре капльице водне одбіяютьисе, свакояку шаръ у ньима издаваше, и увеселително позориште очима човѣческимъ представляше.

Пришавшымъ имъ одавдѣ бедемомъ на вос-

точну страну наидьу на єданъ дивный, и у округъ надъ самый бедемъ сазиданный увеселителный домъ, у кой кад' удьу, виде, како є лѣпо изнутра савъ изваянъ. Изъ овогъ сад' угледаю исподъ оногъ напредъ реченногъ верта нѣкій и другій вертъ, такодье разным' дрвама насадьенъ, и на єдной страни имадяше многе пчелске кошнице. Вышше овога бяше и єдна прекрасна шумица одъ самы' липовы' дрва'; но овай вертъ къ двору ньиномъ не принадлежаше. Видя'усе у ньему нѣки селяни, кои га сасвимъ просто обдѣлава'у. Баце одавдѣ око и даље на красный онай и романтичкій предѣль, на коме они све нове и нове предмете одкрыва'у, и съ ньи' нова увеселъенья себи, нове пріятности за чиста своя юношеска и беззлобна срдца налаза'у.

Они сви, радостью упоєни, по ручку (фрушткуу) изидьу прегледати сву ову страну. Младитьи съ Отцемъ, Космомъ, Ісідоромъ и Бурямомъ, сѣдну на конье, а прочи съ Господьама и дѣвицама посадесе на кола, и тако савъ овай кругъ до обѣда обидьу. И будутьи да при обѣду добыю и нѣколико странны' гостію, кои имъ мало касніє додьу: то продуже време при столу тако, да се младитьима сѣдити досади. Съ дозвольеньємъ дакле старіи' свои' устану, и сидьу на великій исподъ Двора потокъ, продьусе туда мало, пакъ сѣдну на брегъ и гледе у быстру воду, како имъ се по ньой по чистомъ песку рибе пастрмке утркую и играю. На то ето имъ єдно младо дѣвойче, коє и' сад' позове у онай вертъ съ пчелнякомъ, гдѣ застану Старога съ Космомъ и двоицомъ їошт' одъ гостію. Но! Светозаре, сынко, рекне Старый, ево намъ, вели, продає овай Господаръ (за єдногъ одъ гостію) свой вертъ и пчеле; — шта ти се чини, хотьу л' и' узети? Юноша погледи, вертъ мало запуштенъ, но у натури лѣпъ и великъ съ єднымъ понизкимъ, али одъ камена сазиданнымъ, и на многе прекрасне собе и стає раздѣльеннымъ домомъ. Зашто не? Отацъ! одговори юноша, узмите. И тако Старый купи

овай пчелнякъ, шалетьисе, да тье ту намѣстити Чедомиля, кад' га ожени, да му са женомъ буде пчеларъ. Медьутимъ, приложи продавцу, надьите ми, вели, каквога човѣка, кой бы се у томъ дѣлу добро разумѣвао. Не старайтесе, Господине, одговори овай, я тьу Вамъ самъ за то искусна човѣка довести; — но имамъ, вели, я овдѣ нѣшто, кое хотьу Младоме Господину да поклонимъ, зашто да онъ не рече, не бы сте можда са мномъ ни пазарили были. Сатимъ удье у нѣку ту поредъ дома пештерицу, и изведе имъ изъ нье єдногъ младогъ лава: Овогъ лава, вели, и я самъ, малогъ їошт' као штене, на поклонъ добыо, и будутьи да бы се онъ одсад' на другомъ гдѣ мѣсту тежко и привыкнути могао: то покланямъ га ево младомъ Господину. Но ови се сви сад' ужасну, кад' видѣше овогъ страшногъ звѣра. Онъ истина бяше младъ їошт' и недорастао, но величиномъ їошт' сад' надвышаваше и месарскога пса. Газда га є веть тако препитоміо быо, да є ишао поредъ њега као какво кротко псето, нити є онъ на кога, иоле познатогъ, ударити хтѣо.

Светозару нашемъ сад' ово найлюбезніи даръ буде, кой се и помыслити може. Онъ га доведе у дворъ, и за мало време тако га укроти, и тако га са свима у двору упозна, да онъ ни на кога, не само дворянина, но ни на страннога, длаку свою даню накострешіо не бы: нотью пакъ, Боже сохрани! да бы ко, кога гласъ онъ не бы познавао, у дворъ ступити могао. Онъ не само младитьима, но и старыма на велико удивльєньє бяше, како онъ свакога не само по одѣлу, него и у помрчини по гласу распознати могаше. Они њега и на нѣке пробе метну, и не мога'усе довольно начудити, какавъ разумъ, и какво великодушіе у єдномъ безсловесномъ звѣру быти може. Светозаръ га наименує „*Мосіе Бруно*.“ Онъ бы по цѣлый данъ, кад' не бы куд' за Светозаремъ или за Старымъ изишао, насредъ двора подъ онымъ великимъ растомъ у 'ладу прележао, и свакога бы, кой бы ушао, само погледао. По ма-

ломъ времену тако имъ се разрасте, да га є и погледати ужасно было. Но они, искусивши у ньему благородну наравь, пуштали су га и наполье. Онъ бы и поредъ стада прошао, и пастырчадь бы се сва разбѣгла, али онъ бы кротко погледао, и ни наймањегъ у себи движенія никоме никаквогъ вреда не бы учиніо, само кад' бы му се чобански пси приближили, тако бы се наежіо, и тако око врата свога грыву уздигао, и репомъ своимъ узвіяти почео, да су одма одъ ньега одбѣгавали, за коима онъ ни крочити не хотяше.

Єданъ данъ рано нестане намъ Светозару овога лава, о чему се онъ врло оскорби. Цѣлый се Дворъ за ньимъ узбуни, слуге на све стране полете тражити га. Време веть и у ноть наступаше, а онъ не долазаше. Уплашесе, да га не буду селяни, кои су се ньега свагда бояли, каквомъ преваромъ убили. Кад' они веть и одъ вечере устану, и мѣсечина будутьи про'ладьенья ради на алтанъ изидьу, опазе свога *Бруну*, гдѣ се на двору съ єднымъ малымъ єленчетомъ игра. Гдѣ га є, и како га є уловіо, и ту донео? знати не могоше. Бруно! Мосіє Бруно! повиче га Светозаръ радостанъ и истрчи му доле. Онъ сад', машутьи репомъ умилно се око' своегъ Господина савіяти почне: но Светозаръ му ову ласку не пріими, покаже му се срдитъ и стане га псовати, на коє се Мосіє Бруно толико предъ ньимъ смири, и тако му се покоранъ учини, да легне предъ ньега, и почне нюкати, као да му се моли и опроштенье иште. *чудо да није проговорио!*

Одъ тога дана Светозаръ, кад' бы годъ съ братомъ, Бурямомъ, Ісідоромъ (докле овай їошт' чина на себе пріміо не бяше) и са своимъ ловцемъ у ловъ куд' изишао, свагда бы и ньега са собомъ повео, кой имъ є на велико ньіово увесельенье тако вѣшто и тако умно животна ловіо, да су му се свагда смѣяти морали. Особито кад' бы гдѣ на каквогъ медвѣда наишао, и овай бы му на дрво устрчао. Но къ малой и слабой животиньи за удивльенье показиващесе милостивъ и

благодушанъ. Онъ кад' бы кое одъ овы' у свое кандже гдѣ счепао, не хтяше га уморити, но онако живо своmъ Господину донео бы, тако, да бы више путій Светозаръ своmъ дружству рекао, како є, вели, придода нама лѣпъ примѣръ и у овомъ неразумномъ скоту оставила, да и мы къ слабіимъ милостиви будемо, и да се и одъ ньега великодушію учимо.

Но да се мы, любезни мои млади читательи, при свакой маленкости у овой нашой повѣсти фамілiе не бы дуго задржавали, обратимосе опетъ къ нашемъ Старцу Любомиру, како тье намъ онъ и овдѣ, у третьемъ веть періоду свога живота, живѣти почети? у чему тье намъ се сад' упражнявати? и съ каквомъ тье онъ похваломъ у дѣли свои' и овдѣ успѣвати? Онъ, кой добродѣтельно и човѣколюбиво свое срдце и овамо пренесе, као добрый патріотъ, као чедолюбивый отацъ, и мужъ благе совѣсти, кой разумѣва дужность свою, и кой се опоминье слова Божія: „Дѣлайте, донеже свѣтъ имате“, онъ, велимъ, и овдѣ стане сад' промышлявати, како тье званію своме, кое му се съ онакимъ повѣреньемъ поднесе, удовлетворити мотьи? Онъ првы' дана', како є тамо дошао, препоручи цѣлу свою и нову овдѣ економію опетъ своме Косми и Ісідору, а младье свое у Двору, Леону, мужу благонравномъ и у скаки' послови' искусномъ, пакъ узме два своя унука, Милутина, Новака и Петра, Секретара Милутинова, и продье съ ньима сва туда оближня села, прегледа помѣстне гарнизоне, узме войнике, купно съ Началницима ньіовым' на искусъ, како се у оружію разумѣваю? У каквомъ поредку живе? Каке су имъ касарне? Обытаваю ли у чистоти? Има ли и' болестны'? Како се съ овыма поступа? Тужи ли се ко на што? и проча оваква, што се званія ньегова каса, добродѣтелный Старацъ засад' као мимоходно прегледа и по'ити опетъ дома, да не закасни, Войводе у Двору дочекати, кое, кад' се четвртый данъ врати, у двору своmъ и застане, кромѣ Гаговичьа, кой му сад' дотьи ніе мо-

гао, изъ узрока, што є у исто време у Рагузу царскимъ такодье посломъ итьи морао. Съ петь Войвода' и два Жупана сад' дошли бя'у и многи воєнни чиновницы, такодье и одъ дипломатичкогъ реда отмѣннія лица, изъ Магистрата', воєнны' совѣта', изъ Канцелларія', нѣколико Свештеника' съ Митрополітомъ, са села' кнезови и сеоске старѣшине, — пунъ Дворъ сад' Любомиръ застане, кои су ту пре ньега на нѣколико само часова доспѣли были. Но онъ, познаваютьи великій духъ и способность Косаре, своє снає, и Леона, разумна мужа, свога двороправителя, нимало се ни посумняо ніе, да тье они оваке велике и любезне ньегове госте съ пристойношћью дочекати знати. Косара є была єдна жена, коя є преко свію свои' женски' дарова, и женски' добродѣтельій, притяжавала и мужко срдце и мужку главу, коє є даре она и любезной своїой Драгиньи и Милисси као волшебнымъ нѣкимъ начиномъ у великой веть мѣри усвоити, и у єстество имъ претворити умѣла, као што сад' и о Цвѣти матернье прилѣжаваше.

Старый нашъ, ступивши сад' у дворъ, и любезно, съ отвореннымъ срдцемъ, съ єдныма цѣлуютьисе, а одъ други', млады', рукама своима цѣлованьє пріимаютьи, све поздрави и найучтиві є све и' предусрѣтне. На то изидье му насредъ сале єданъ веть у година' мужъ, кой се окрене къ Старомъ Господину, и одъ стране свію овы' найкрасніе поздравително слово изговори му. Слово є ово истина пократко было, коимъ су они ньему ступльенье на ново достоинство честитали; ал' є оно тако сачиньено было, да є у простымъ рѣчма нѣку особиту силу садржавало, и Старога у умильенье привело. Начинъ Оратора у израженіяма ньему се одветь повольи. Онъ, благодаривши имъ на таквомъ поздраву ньіовомъ, запыта за овога мужа', ко є онъ? На коє сад' овъ кажу му, да є онъ изъ Никшитьа' Учитель, мужи врло наученъ и добаръ, искусанъ у єзыци' и дѣли' дипломатички', да є было у млады' свои' годи-

на' и войникъ, чиновникомъ надъ стотиномъ войника', но да потомъ, возлюбивши науку, почне многе моралне књиге читати, и тако изгуби волю, оружје носити. На вопросъ опетъ Старога каже онъ самъ, да се родіо у Станоєвитьи' — у Црной Гори — , но кад' рече, да се зове *Драшковичъ*, именомъ *Сѵма*: Є л' то могутье? съ удивльењемъ возопи Старый, — Ты *Драшковичъ Сѵма*? Я истый, Господине, и дошао самъ овамо съ великомъ радоштью. да їошт' єданпутъ мога Полковника видимъ. Служіо под-а-мномъ, рекне Старый къ прочымъ. Не бы те, Сынко, заиста нигда я познати могао! Быо си онда дѣчко, пакъ си веть и ты обѣліо! О какавъ є онъ лѣпъ момкомъ быо! Та чини ми се, приложи Старый, да си ты и одъ Благородны'? Боляръ, Господине, одговори онъ, и моя, вели, Фамілиа и сад' сва добро стои, — но я слабо, єръ докле самъ у войни быо, отацъ ми умре, потомъ умретье ми и мати, а стрычеви ми се подѣле. Но како су се дѣлили, я їошт' и сада не знамъ; но само то знамъ, да мени одъ мои' родителя' готово ништа остало ніє. И оно мало, што ми є остало было, кад' самъ удао сестру, дамъ њой сиротой, — но не жалимъ, — добыо самъ їой баръ добру срѣтьу, а я, као неоженьенъ, како будемъ могао, тако тьу живити.

Овога потомъ мужа нашъ Старый узме себи за Секретара, и быо му є десна рука у свима дѣлима његовымъ. Онъ, куд' бы годъ за какве публичне послове по сели' изашао, свагда бы Сѵму Секретара са собомъ повео, и любіо га є као брата свога.

Любомиръ сву ову Господу два дана при себи задржи, и у гостби и самомъ веселью найлюбезніе съ њима проведе, у коїой прилики сад' и свое младе унуке, купно са цѣломъ фамілиомъ своїомъ, съ овомъ Господомъ и найотмѣнніима лицама, као цвѣтомъ цѣлогъ Княжества овогъ, упозна, и у пріятельство доведе.

Третый данъ они се разидьу, извѣштени о времену, на кое тьесе опетъ у Никшитье, знат-

но мѣсто, сабрати, и њега тамо дочекати, да га за Губернатора прогласе.

Онъ дакле сад' заповѣди, ту нѣке исподъ Двора касарне исчистити, обѣлити, и што потребно буде, лѣпо оправити, а медьутимъ войнике мѣштанима у квартире пошље. Єданъ само гарнизонъ онъ бяше ту застао, но сад' тье три пріимити, за кое су и касарне ту їошт' пре њега биле повећане и собе умножене. Потомъ пошље съ Ісідоромъ Чедомиля у Добровникъ на нѣкогъ своегъ пріятеля и Сенатора у Магистрату (у комъ є полакъ Србаля было), да га ту практіке ради за єдну годину у Канцелларіи намѣсти — єръ не имадьаше овай младитъ воље, вышше у Призренъ вратьатисе — ; а Светозара, у коме довольно веть савршенства признаваше, почне само їошт' у нѣки' воєнны' дѣли' мало болье обучавати у своіой Канцелларіи, кою сад' заведе, поредъ Драшковичьа вышше упражнявати, и у правама ове земље прилѣжно наставляти. Медьутимъ по налогу његовомъ доведе му Ісідоръ изъ Дубровника искусне зидаре, съ коима сачини планъ за нову цркву. Єданъ данъ дакле онъ изидье съ њима, и на оглавку, кодъ она' три' раста', измѣривши мѣсто, позове Проту и два Священика, те исто мѣсто освете, и тай се данъ лѣпо почасте. Косма сад' пріими и ово на себе, да се матеріалъ одма сбира. На добру плату слегнесе ту людство, и силный се каменъ свуче. Сад' подъ добрымъ Косме надзираньемъ єдни фундаментъ копаю, другій кречъ гасе; ови градьу вуку, они разне одъ камења древны' царева, філософа', и други' знамениты' мужева статуе праве, и у дивльемъ и' верту поставляю. Найпослѣ искусный нѣкій Венеціанинъ докаже Староме, да се ту изъ горе прекрасно може исподъ земље вода довести, и на томъ истомъ оглавку єданъ лѣпъ источникъ сазидати. Старый сад' саизволи и на то. И све є то, свако дѣло саобразно времену раздѣльено, єпѣшило скоро къ своему концу.

Благодѣтелный Любомиръ, коме благополучіє народа данонотьно на срдцу лежаше, єдва сад' чекаше, да само кормило ове землье савршенно у руку свою пріими, и о ньеномъ изображенью постарасе, добре їой юности учителье прибави, школе имъ у лѣпшій поредакъ доведе, и изъ ньи' имъ способне Священике временомъ произведе. Онъ, кад' бы и у постелю спавати легао, свагда бы о обштемъ благу промышляваютьи дуго буданъ, то на єдну, то на другу страну окретаосе, и заспати не бы могао, — и то ньему ништа шкодило ніє, — єдно, што є све то изъ правогъ усрдія чиніо, а друго, што є видѣо, да у свему срѣтьно и успѣва.

Онъ єданпутъ призове Ісідора, кога човѣчество и способности искусіо бяше, и испыта га їошт' єдномъ, є ли радъ при ньему заостати? и є ли їошт' у мысли, да друго не буде, него Священикъ? На коє каже му овай, да бы онъ суєтно и подъ сунчанымъ заръ свѣтомъ себи подобну срѣтьу потражіо оной, кою є онъ ту при ньему са своїомъ Цвѣтомъ уживати почео. Ктоме, да онъ своє мнѣніє нимало не промѣнює, но да є радъ, завѣтъ свой отцу предъ Богомъ испунити. На то Косара доведе и Цвѣту, коя такодье, закрасившисе у лицу, каже имъ: Господине! Одъ Ваше волье све зависи. Вы сте єдномъ насъ подъ своє крыло милостиво пріимити изволѣли, одсад' Ваше є, съ нама заповѣдати, и мы себе срѣтьныма признаємо, Васъ слушати, и таквога Господина за патрона имати. Добро! дѣцо, одговори имъ Старый, довече да буде ябука, а у Недѣлю у име Божіє да приступите къ светомъ олтару. Они му сад' у трепетьутьой радости загрлье колѣна, и оросивши трепавице єдва проговоре: Цвѣто моя! Ісідоре мой! — загрльившисе — мы смо срѣтньи! О како смо срѣтьни! Господине! мы у станью нисмо, Вама захвалити. Срдце наше, коє се у нама сладкимъ сад' чувствомъ прелива, чисто намъ говорити не да. Облакъ радости разумъ намъ, као душевно сунце,

сад' є заступіо. Нѣма само ова изъ очію суза єстъ знакъ наше благодарности. И колико мы ветьма Вашу добродѣтель, Господине, и Милостива Господьа, приложи Цвѣта, бришутьи своє мокро лице, колико ветьма Вашу добродѣтель познаємо, да Вы изъ благороднієгъ побудьенья насъ данась срѣтьныма чините, нежели што бы сте за благодарность нашу чинили; толико мы манье у нама рѣчій находимо, и толико манье дерзновенія имамо, Вама достойно возблагодарити. Вы сте Господинъ нашъ! Вы Благодѣтель! Вы Отацъ нашъ! Вы насъ срѣтьне творите! Вы насъ и благословите! И благословъ Ващъ благословъ тье намъ отеческій быти! — На то Старый отечески и' и загрльивши благослови и изговори слово поученія. То вече буду весели, и четвртый данъ, у Недѣлю, оду у цркву и вѣнчаюсе. Потомъ напише Старый Митрополіту кньигу, съ коїомъ пошлье Ісідора, те га Митрополітъ за нѣколико дана' и у Діякона и у Священика произведе. Сад' му Старый опредѣли три собе, гдѣ тье са своїомъ любезномъ Цвѣтомъ медьутимъ пребывати, докле имъ се домъ новъ съ вышше соба' поредъ будутье цркве не сазида.

Медьутимъ Любомиръ пріими изъ Двора одъ Цара и Граммату, коїомъ га за Губернатора проглашава, и то тако, да по смрти ньеговой фамилія ньегова ову тітулу за свагда себи задржи. Пріими и привилегію одъ Пиперина замка и села, и одъ проча' два' села', коя имъ є Царъ за собственна поклоніо, купно и съ писмомъ царскимъ, у коме обѣтьава му се, да тье му скоро дотьи. Любомиръ се ньеговомъ долазку особито сад' радоваше, да се томъ приликомъ съ ньиме о многимъ стварма разговори, Онъ сѣдне, и напише по исты' посланици' Цару кньигу, у коїой му на царской милости найтопліє благодари, и каже, съ каквомъ радостью онъ ньега, купно, ако быти узможе, съ младымъ кральемъ чека, коме сад' и Светозаръ кньигу напише, и наново му на дару и на Ньеговой царской любови и милости благодари.

Истый данъ, кад' одпусти царске ове посланике, по поодне, око' три' часа', їошт' Любомиръ съ миломъ своїомъ фаміліомъ при столу сѣдяше, ал' ето ти му загрме трубе на двору. Скочи Светозаръ на алтанъ, а Бурямъ стрчи доле. Два Господина подъ сѣды власи на коли' и 4. млада на коньи', сидьу, и весели подьу съ Бурямомъ узъ степене. Кад' є овдѣ Младый, вальда тье намъ ту быти и ньеговъ Бабайко, рекне єданъ, на коє Старый, дознавши, да су то Депутирцы изъ Никшитьа', кои по ньега иду! Ніє овдѣ! повиче, ніє! Умр'о є веть! А! Ха! Ево га! Како бы умр'о? Кад' є оно дрво їошт' текъ у младомъ прутитьу, одъ кога тьемо Вамъ ківотъ правити. Сатимъ и' Старый любезно загрльи, и излюбившисе ту поздраве га странни одъ све Господе у Никшитьима, — поздраве купно и Светозара и проче. Они, посадивши и' за асталъ, поведу разговоръ, и двороправитель пожурисе нове діаконіє (єла) за госте на асталъ донети.

Овдѣ сад' овако при столу до саме нотьи провеселесе. Потомъ Старый имъ покаже свою пуномотьну Граммату, кою є одъ Цара пріиміо,— но да тье му и Царъ дотьи, предъ овыма не хтяше говорити. Сутраданъ на позивъ ньіовъ оправисе Любомиръ са Светозаромъ, и узму са собомъ и Косару съ Драгиньомъ. Поведу и Буряма съ нѣколико служителя'? И тако у спроводу овы' приспѣду у Никшитье, гдѣ и' Господа Црногорска у свой ту соборъ торжественно пріиме, и на самый данъ Св. Петра и Павла нашегъ ти намъ Старогъ Соколовичьа, славнога нѣгда хероя, потомъ філософа, а на конацъ велике фаміліє своє честнѣйшегъ патріарха, и царскога сад' любимца, за Княза изберу, и са сверадостнымъ ускликомъ ньега ту у Никшитьи' прогласе, а любезногъ ньеговогъ Светозара, кой сад' у овомъ честномъ ньіовомъ собору своїомъ красотомъ тѣла, своимъ благообразіємъ, своїомъ разумномъ бесѣдомъ, коя му чиста на румене ньегове устне истицаше, као быстра вода изъ кристаллногъ каквогъ источника,

кога се їошт' нико коснуо, и кой їошт' нико замутіо ніе, а найпаче своїомъ къ свакоме, саобразно достоинству ньеговомъ, учтивостью и есѳетичкомъ нѣкомъ любезностью, свію сад' овдѣ очи на себе обрати, сви єднодушно мысли своє на ньега усредоточе, да га себи за Войводу изберу. Рѣчь єдна царскогъ овдѣ Коммiссара изъ свію уста' радостный имъ произведе ускликъ: Войвода! Нашъ Войвода, Младый Соколовичь! Господо моя! возрази ньеговъ честный Отацъ, рано є то їошт' за ньега! Та не видите ли, да є то дѣте їошт'? За волю Божію! Iошт' нема ни наустница'! Ништа то! О ништа! Данась, сутра, и онъ тье быти мужъ! И тако га торжественно за Войводу прогласе. Онъ имъ сад' изидье на среду, и тако имъ слово изговори, у комъ имъ на любови ньиной захвали, да су сви на ньега, као на какавъ оракулъ гледали, говоретьи свакій у себи: О каве царске даре, царске добродѣтельи, юноша овай притяжава!

Сад' изъ велике соборне ту цркве сву Господу Митрополітъ у Дворъ свой на обѣдъ позове. Преко 150. лица' ту се саберу. Злато и сребро чисто гори на Господи. Славну часть Митрополітъ учини, мусікомъ и' любезно провесели, и найпослѣ даде довести изъ мѣста тога младе момке и дѣвице, кои у'вате насредъ двора грдно єдно коло, у коє се сад' съ дозвольењемъ Светозара у'вати и нашъ Бурямъ, кога искусивши сад' дружство, какавъ є играчъ, одма съ ньимъ на вр'ъ кола, и учине га коловодьомъ. Господа съ высоки' алтана' на ньи гледетьи не мога'усе Буряму, онаквой замашной людини, довольно начудити, како пустый игра, као да на землю не стає.

Кад' ал' ето ти имъ и Радосава, у цѣлой той краини на гласу свирца. Ха! повичу, кои га познава'у, сад' тье быти, што тье быти! Овай ти извади изъ своє велике торбе нѣке чудесне свирале, коє кад' надува и састрагъ отвори себи преко рамена двѣ велике трубе, и многе и разногласне нѣке пискове, кое све то у самомъ сребру и злату бяше оковано, пакъ поче свирати, такавъ

МАТИЦЕ СРПСКОТЕНА У НОВОМ САДУ

концертъ онъ самъ учини, да се чисто коса свакомъ на глави подиже, и да бы ко, кой га не бы гледао, помысліо, и за животъ се ставіо, да ньи 12. ту свираю. Изъ удивльенья сва Господа ту му сад' гайде ньегове прегледа'у, но како є то учиньено, дознати не могоше.

Сутраданъ одавдѣ Любомира и Светозара Митрополітъ и сва Господа до бѣла брда испрате, и ту и' два гарнизона дочекаю. Съ Господомъ се ту лѣпо излюбе и опросте, и съ войницима весели тай данъ съ мракомъ у Дворъ приспѣду. Хвала Богу! рекне Старый, ступивши у Дворъ, и то, вели, свршисмо. Сад' пошлье Светозара, те съ Чиновницы ова' два' Гарнизона', коя веть ту и заостаю, одведе у касарне, и саєдини и' съ бывшимъ Гарнизономъ, надъ коима сад' Старый постави Новака за Коммандanта. Светозаръ, наредивши све войнике у квартире, обдари свакога одъ ньи' богато, и да имъ съ дозвольеньємъ Отца нѣколико акова віна изъ Двора однети, а Чиновнике позове све са собомъ на вечеру.

Сад' Старый Господинъ, пріимивши надъ овымъ Княжествомъ власть, коя му се пуномоћьномъ Грамматомъ и Народа изборомъ савршенно потврди, съ новомъ нѣкомъ ревностью почне о свеобштемъ добру промышлявати. Онъ радъ бяше крозъ цѣлу землю путъ сад' предузети, сва села и градове видѣти, народъ, кога жребіе у своє старе руке пріими, као свою собственну фамілію посѣтити, своимъ долазкомъ ублажити, и цѣло ово полічко и цивилно тѣло, као искусный медікъ, прегледати и испытати, шта коїой части оскудѣва? у чему немотьствує? и на што се ко тужи? да бы му одатле и сходна средства ко исцѣльенью ньеговомъ и къ повратку у прежньe здравльє ньегово изнатьи и изумѣвати могао; онъ, велимъ, ово намѣраваше, али га одъ намѣренья ньеговогъ задржаваше рѣчь Цара, да тье му скоро дотьи. Зато сада само доматьим' дѣлма станесе забавляти.

Онъ єданъ данъ стояше при цркви, коя му

се на вратъ на носъ, штоно рѣчь, зидаше, ето ти му се донесу нове, одъ чисто бѣла мермера штатує, кое є онъ у Подгорици (граду преко Бояне) нѣкимъ Італіанцима наручіо быо да му направе. И великій будутьи любитель древностій подье съ людма и самъ у дивльій вертъ — у коме и єданъ обелискъ своmъ цару Душану подигао бяше — и стане ту наредьивати, и самъ помажутьи, гдѣ тье му се коя штатуа поставити. Радетьи тако до саме нотьи уморисе, и текъ што се онъ, сунцу веть на за'одъ, съ Ісідоромъ и Светозаромъ на травно єдно канапе спусти, да се одмори; ал' ето ти му Чедомиля съ матеромъ, Драгиньомъ и прочима. Отацъ! Издалека їошт' весели повичу, Єсте ли ради госту? Докле видимъ, смѣшетьисе рекне Старый, съ чимъ ми є? и съ каквымъ є гласомъ дошао? На то му се юноша маши къ руци, кой и одъ ньега отеческо пріимивши цѣлованіе поцѣлуєсе сад' и съ братомъ и са Ісідоромъ, потомъ честита Отцу и брату достоинства ньіова, и пружи Отцу кньигу одъ истогъ пріятеля, на кога є и препорученъ быо. Загледавшусе Староме у кньигу Светозаръ нѣшто на брата намигне. Старый, прочитавши кньигу, смутисе мало, погледи любопытно на младитьа и ништа му засад' ретьи не хтѣ, но стане га пытати, како є по Дубровнику? Допада ли му се? Є ли жаліо за кутьомъ? и проча, и изъ свега ньеговогъ на то одговаранья искуси нѣшто мудрый Отацъ, и примѣти у ньему, да изгуби волю, вышше га натрагъ у Дубровникъ и шиляти. Найпослѣ, рекне у себи, докле видимъ, како тье быти? и є ли истина, што ми се о ньему пише? Погрѣшка истина ньегова їошт' никаква не бяше, но малый нѣкій поводъ къ таквой данъ быти видяшесе.

Подьу дакле сад' лагано у разговору дома, и текъ што они предъ Дворъ додьу, и Старый ту съ прочима заустависе, гледетьи, како му се Светозаръ съ братомъ по зеленой туда трави віяше и као дѣте трляше, смѣшетьисе рекне Косари: Ето ти, вели, майкина Войводе! Гдѣ тьешь ты, придо-

да, оно младо пре времена зрѣлымъ учинити? кад природа иште своє, — ал' ето ти имъ исподъ оглавка никоше два мужа на коньи', кои крозъ алл,ее управо къ Двору упутилисе бя'у. Какви су намъ ово? рекне Косара. То су нѣки странни, одговори Старый, гледетьи на нѣи. На то изидьу имъ Косма съ Бурямомъ и Монъ Ами. И будутьи вечерньій сумрачакъ, странне познати не могоше, докле имъ се годъ ови сасвимъ не приближе, и съ „добро и' вече“ не поздраве. Ахъ! Є л' могутье? у радостномъ усхитьенью повиче сад' Старый, и сви трепетно странне окруже. Одкуд' тако за волю Божію? повтори Господинъ, и страннога, кой ништа проговорити не могаше, любезно загрльи. Арістіде! добрый мой Арістіде! Тако изненада! и тако внезапу! Као да намъ съ неба спадосте! Харітоне! Старино мой! полюбившисе и съ ньимъ, їошт' си ми живъ! О любезни намъ гости! Ко се игда Вама надао! О великій Боже! погледавши на небо возопи Арістідъ, благодаримъ на милости твоїой, да я ньи опетъ видимъ, опетъ и' загрльимъ! То рекне, опетъ Старога загрльи, и главу му на прси наслонивши одъ радости плакаше. Потомъ окренувшисе къ Косми и прочыма! Космо! Любезный мой! цѣлуютьисе съ ньимъ, — Светозаре! милый мой! Чедомилю! Сладко дѣте моє! — любетьи и' — я Васъ опетъ видимъ, опетъ, Ангьели мои мили! Но кога одъ Васъ предье да загрльимъ? Кога предье къ прсима да приключимъ? Срдце є моє свима Вама отворено, све Васъ на єданпутъ люби, на єданпутъ све Васъ поздравля. Сатимъ полюби Косари руку, и она се съ ньиме полюби: Но! Хвала Богу! говоретьи, те се видѣсмо! О Боже! бришутьи Арістідъ сузе своє: Хвала! и по тысутьу путій хвала буди Богу! те Васъ здраве — а гдѣ є Драгиня? Текъ што онъ запыта, ето ти му Драгинье! коя є по Милиссу одтрчала была. Онъ съ разширеным' рукама потрчи имъ: Драгиня: Голубице моя мила! любезно пригрльивши є повиче, — Милисса моя сладка! О колико є срѣтьанъ! Колико є знаме-

нитъ овай данъ за мене! А гдѣ намъ є Старый? Є ли живъ? Умр'о намъ є! Умр'о! Богъ да му душу прости! На то ето ти имъ и Евдокіє съ малымъ Светоликомъ, кога сад' Арістідъ, полюбившисе и са Старомъ, дигне на руке своє, и сердечно излюби га.

Сатимъ сад' подьу у Дворъ. Светозаръ и Чедомиль, радостни, поредъ ньи', то къ Арістіду, то къ Харітону воденичару притрчава'у, и незнадя'у сад', шта тье и' пре запытати? О люди Божіи! рекне Старый, миліє ми є заиста, што се видѣсмо, нежели да ме є ко свега данась златомъ обасуо! Деветый данъ веть, Господине! како идемо. Изъ Лариссе? Изъ Лариссе, Господине!

Слуге имъ на то приступе и пріиме имъ коньe. Они, ушавши сад' у Дворъ, зачудесе дивнымъ зданіяма и великолѣпію Двора. Ево видишь, мой Арістіде, рекне Старый, гдѣ насъ Богъ сподоби! Ово є све, што видите, Божіє, пакъ моє, съ моїомъ фамиліомъ, одъ кое ни Васъ, ако хотьете, не исключавамъ. Право! Но иматьемо разговоръ! Ниєдна вѣро Грчка — шалетьисе, — точно те укеба', кад' валя: — но не пытамъ, єсте ли пріимили нашъ поздравъ? Да како: Одъ оны' трговаца! И да намъ они не казаше, одосмо Вамъ чакъ у Сербію!

Узпевшымъ имъ се тако узъ степене Косма узме Арістіда (као бывшегъ своегъ майстора у молераю) исподъ руке, и изъ собе у собу поведе га, и показиваше му скупоцѣнне ствари и нѣке своє молерає. Онъ зовне и Воденичара; но овай: Хотьу да! каже, волемъ се я съ моимъ Господиномъ разговарати. Остави га Космо, рекне Арістідъ, ты знзшь, да онъ за лѣпе ствари нема чувства; ньему да є само воденица. Хмъ! Лѣпо момче! возрази Старацъ, — а одкуд' хлѣбъ достаєшь? Господинъ се насмѣє: Богъ Васъ, вели, видіо! Шта га сте ме путій насмѣяли съ Вашимъ надкачиваньемъ!

Монъ Ами и Бурямъ запытаю сад' Косару, ко су имъ ови! На коє она каже за Арістіда, да

є живописацъ, и къ томе паметанъ и любведостоянъ мужъ, блага срдца човѣкъ, као да ни жучи у себи нема, и нашъ, вели, добаръ пріятелъ,— Косма є при њему и живописство учіо: а Старацъ є, вели, био истина само нашъ воденичаръ, но мы и њега, придода, изъ нѣкогъ важногъ узрока почитуємо такодье и любимо, као нашегъ пріятеля, нимало на то несматраютьи, што є онъ простъ сирома'ъ.

При вечери сад' медьу прочимъ разговоромъ преповѣде ова два любезна госта Старомъ Господину, како су имъ се обоици жене преставиле, и да є сынъ воденичаровъ у войну отишао: како су они сва она своя польска добра за лѣпе новце Платону и Пелопіди, фабрикантима, продали, у Ларіссу се были преселили, тамо себи заєдно єданъ домъ купили, и Арістідъ опетъ наново свой занатъ почео био радити, а Харітона фарбу му трти био научіо, те му є у томъ помагао. Потомъ кажу, како є ту био великій оганъ, како су погорѣли, у очаяніє пали, и найпослѣ, како су се были договорили, да предьу у Сербію, и да имъ додьу у Саввине. Коє Старый съ прочима саслушавши: Знатє ли, вели, шта? Кад' сад' и тако, као што кажете, немате тамо никога, я не знамъ, приложи, зашто бы сте се Вы одавдѣ у отечество и вратъали? Останите кодъ насъ! Я самъ и тако, настави, ово дана' хтѣо Косму у Венецію по живописце шиляти, да намъ цркву, коя тье ето и до мѣсецъ дана' быти готова, молую. А не само то, но я самъ у намѣренью, и многе у наши' сели' цркве у молераю обновити. Тако, ако — О Господине! повиче Арістідъ, нечекаютьи Старога ни да изговори, — само, вели, дайте Вы нама посла, па не старайтесе. Ево, придода, Старацъ ми веть зна фино шарь правити, трти, и као што треба мѣшати; а я тьу ваяти. Старый, видетьи, како га Воденичаръ попреко погледа: А хотье ли, вели, то нашъ Старина чинити? Не пыта онъ то, Господине, рекне Воденичаръ, него располаже мноме, као да ме є пустый за новце купіо! — Е!

А да шта тьешь? А ты бяше научити занатъ море, као и я! Айд' съ Богомъ! Ако тьешь на то; я и два заната знамъ, кои су заиста и нуждніи одъ твога. — Хмъ! Боже мой! Што ти є воденичаръ! Хмъ! Боже мой! Што ми є молеръ? Какавъ дакле знашь другій занатъ? Знамъ овце чувати, вуну стритьи, коїомъ се свѣтъ одѣва, млеко музти, сиръ и масло правити, коє людма море на препитаніе служи, и ово су све онаке ствари, ако тьешь ты да знашь, безъ кои' быти не можемо. Хмъ! Благо теби! А што не рече їошт', да и фарбу знашь правити? На часть ти! Волемъ я моє прсте по сладкой по млеку павлаки мрляти, него по твои' смрдльивы' фарба'. Нуддеръ ты, Старино мой, приложи Господинъ, послушай ты мене, да я теби нѣшто друго кажемъ, у чему тьешь ты прсте твоє мрляти. Да чуємъ! Господине! Знашь ли ты што около кошница' и пчела'? Я самъ скоро купіо овдѣ єданъ прекрасанъ пчелнякъ, и потребуємъ човѣка у њему. Ты тьешь само настоявати; а што се раднье на своє време тиче, я тьу имати людій; (на то Арістідъ Светозару лагано: Сад' тье онъ казати, да и то зна) Притомъ, настави Старый, ако што не будешь ни знао, ніе велико художество, могу ти и я што казати, само ако имашь на то волю! О зашто не? Господине! Хотьу я заиста! И Вы тьете видѣти, да се я и у пчела' разумѣвамъ. Но! Єсамь казао? возрази Арістідъ. Онъ све зна! Онъ се у свему разумѣ. Сад'! Найпре є быо чобанинъ, постаде затимъ воденичаромъ, научи трти фарбу, сад' хотье да буде и пчеларъ! Кой тье бѣсъ далѣ одъ тебе быти? А да! Као ты? Гдѣ скочіо, ту и остао, — іконописацъ до смрти! Оно є море човѣкъ, кой се на сваку руку окренути зна; а не као ты съ твоїомъ ономъ пераичицомъ само по табли знати мазати, пакъ живописацъ! Какавъ живописацъ? Мазало си ты, а не живописацъ.

Старый съ прочима при трапези смѣютьисе намигне нѣшто на Светозара. Младить се сѣти, и истрчавши на алтанъ: Мосіе Бруно! повиче,

Мосіе Бруно! Какавъ Вамъ є опетъ тай? упыта Арістідъ. Вы, вели. Господине, саме нѣке Французе сад' имате. Та имамо нѣкогъ Господина, — као немарльиво одговори Любомиръ — кой ту сѣди, па говоріо тамо дѣци, да се радъ дати измалати. Тако велимъ да га видишь найпре, хотьешь ли га мотьи погодити? Зашто има и фізіогноміа' свакояки'. Имате право, Господине, и ніе лагко свакога погодити; но я о томе не сумнямъ, — само дайте ми, молимъ, парче пергамента и мало црвене крете, да како га видимъ, одма онако їошт' моим' очима нове черте съ лица његовогъ мало уграбимъ, па тье потомъ лагко итьи. Донесу му дакле таки што заиска, и у себи напрегнусе смѣяти, да се єдва задржава'у, каква тье га сад' страва спопасти, докъ види, кога тье да абриссуе. На то ето ти имъ лава! Као юнацъ! Ниспустіо рутаву свою грыву, коя га до ноо ледья' покрываше и закрвавіо очима, рекао бы, ватра тье изъ њи' сѣвнути. И у истый ма'ъ Господинъ Арістіда бяше мало заговоріо, да не смотри ово чудовиште, докле му се сасвимъ не приближи. Лавъ по наговѣштьенью Светозара приступи къ самой трапези и Арістіду съ ребара стане. Ево намъ, рекне Старый, тога Господина! Арістідъ, као човѣкъ нѣжна чувства. тргнесе, и скоріе му полети на уста рѣчь: Сервіторъ мос — не може изретьи — нежели што бы га видѣо: а кад' га види: Кіріе имонъ! дрекнувши падне на Господина, и да могаше, у тай бы му паръ у нѣдра побѣгао. Цѣлый асталъ сад' одъ смѣя загрми, гледетьи на њега, како ти намъ се уклупчіо и ушепртльіо бяше. А ха! повиче сад' Воденичаръ, дед' га сад' малай, ако смѣшь: но єсть! Смрзласе рука! Светозаръ на то лаву нѣшто рекне, на коє овай ти намъ се тако страшно продере, да кукавный Арістідъ мал' не свиште одъ стра'а.

Старый дакле ова два своя любезна пріятеля, кои му се одъ много година' съ фамільомъ његовомъ чисто сродили бя'у, вышше одъ себе и не

одпусти. Онъ Арістіду одма даде посла и у своме Двору довольно, а Воденичара одведе у Пчелнякъ, и вручи му кошнице съ цѣлымъ вертомъ онымъ и челядма, коя у њему дѣла'у, подъ надзираніе.

Єданъ данъ нашъ Светозаръ, комъ се долазкомъ ове двоице изъ Елісіума возобнове сад' идее о свима у ономъ романтичкомъ мѣсту предметима, опоменесе и любезне своє *Агапіе*, и премда му срдце къ овой дѣвици мила његова Драгиня сасвимъ затворила бяше, нити онъ икаквой другой на свѣту вышше наклоности у њему осѣтьаше, нежели къ Драгиньи: ничимъ манье онъ, опоминютьисе, колико є њега и Агапія у првомъ цвѣту своме силно возлюбила была, да се завѣштала, ни за кога се вышше и не удавати, кад' се њега лишава, не мало сожаловаше о жребію њеномъ, и зажели, о њой сад' што извѣститисе. Изъ два' пакъ узрока' онъ се устручаваше доникле Арістіда о томъ запытати, єдно, да не чує, да се она веть у црно обукла, као што му є казала, да тье то учинити; коє бы га заиста смутило, да є онъ узрокъ томе био; а друго, да не осѣти то Драгиня, кою бы то пытанье оскорбити могло, єръ бы помыслити могла, да његово срдце їошт' при Агапіи стои, кад' тако о њой любопытствуе.

Найпослѣ поуздасе у Арістіда, да тье онъ ово у тайности сохранити, удье му у собу, у коїой онъ са два Італіанца пословаше, и запыта га за фамілію Платонову. На коє овай каже му, да се старія дтьи његова Агра удала за єдногъ младогъ и врло лѣпогъ юношу, кой є Агапію одъ родителя' њены' было поискао, но она ніе хтѣла за њега потьи. Онъ є, приложи Арістідъ, такодье сынъ нѣкогъ Фабріканта, и заостане съ њомъ у дому и трговини њены' родителя'.

А како Агапія? запыта юноша, шта є съ њоме? Она є отишла, рекне Арістідъ, у онай истый дѣвичкій монастыръ, у комъ є, вели, твоя Мамица была, и постала є Ду'овномъ.

Младитьу сад' ово весма жао буде. Онъ обо-

ривши очи своє къ земльи потьути, и ударе му сузе. Онъ у себи и признаваше, да кад' се не бы онако случайно догодило было, да у исто време, кад' се онъ съ Агапіомъ познао быо, Драгиня ту буде, остао бы быо навѣкъ при Агапіи, — толико є силно прва любовь у чистомъ їошт' и юношескомъ срдцу ньеговомъ дѣйствовала, нити бы ньему добрый ньеговъ Отацъ забраніо быо, ню себи за супругу узети, коє су ньени родительи єдва и чекали. Али текъ што ньегово младо срдце къ овой дѣвици отворисе, ето ти му Драгинье у истый вертъ,гдѣ є онъ Агапію мысліо натьи, и ова сад' красна волшебница изящныма своима прелестима испуни га на єданпутъ и побѣди младу їошт' онако къ првой ньегову любовь. Можно, да се промысломъ овако сбыти морало, будутьи видисе, да є судба овдѣ срѣтьу, како є коя заслужила, на свомъ мѣрилу праведно и лѣпо измѣрити знала. Агапіа є иначе была дѣвица, такодье любведостойна, но сгнуси овомъ благовоспитанномъ юноши све своє лѣпе даре тимъ, што му се покаже горда, и што онако немилостиво поступи са смиренномъ Θеодоромъ.

Онъ сад' изидье одъ Арістіда, срѣтне у ходнику Матерь съ Драгиньомъ и прочима дѣвицама, у чисто бѣло обученныма. О! О! вели, куд' сте Вы, Мамице, тако наумиле? Ніє ли їошт' врутьина? Айде, рекну му оне, и ты съ нама у великій вертъ, тамо намъ є и Старый, чека насъ на лімонаду. На то ето ти имъ изидье и Милисса: А! право! вели, дакле тье и братацъ съ нама! На служби! Милостиве Господье, одговори юноша, но тако, вели, ако ме молите. Зашто не? Као Войводу морамо и молити, кад' самъ нетье. Но што нисте їошт' по коє перо за те шешире задѣле? Сатимъ узме Драгиню подъ руку, и ступивши у вертъ савіє другомъ стазицомъ одъ прочи'? — Онъ сад' стрпити не може, да їой не каже, шта є одъ Арістіда чуо, да се сирѣчь Агра удала, но сирота Агапія їошт' ніє, но не хтяше їой казати, да се закалугьерила. Онъ поведе овдѣ и

даље о њима разговоръ; али иараженья његова покажу му се одъ срдца, умилѣннымъ нѣкимъ чувствомъ пораженногъ. Ово учини сад' дѣвицу на њега внимателномъ; зашто испредъ быстрогъ любови ока тежко се што сакрыти може. И будутьи да свака любовь, колико є чистія, и колико є, особито у младомъ срдцу, чувствителнія, толико она ветьма подозрѣва, и толико скоріє за свакій, и найманьій повод', къ своимъ уштрбу поданъ, уплашисе и оскорби, и тимъ вышше путій она се — таква любовь — о своимъ предмету и превари, као што намъ се сад' и наша Драгиня о Светозару, кога найнѣжніе љубляше, превари. Она сад' скрушисе на срдцу, повуче своє лѣпе очи на њега и необычно уздане. Юноша правогъ томе узрока не примѣти, па да їой таку мысао изъ главе избіе, и да є, увѣривши є наново о своїой непремѣнной къ њой любови, утѣши, — но помысли, да она само о худой Агапіе срѣтьи саболѣзнує, и да себе, ако се она заиста не уда, за виновницу признаютьи, тежко іой пада.

И тако она младитьу о томе ништа неговоретьи заостане сад' у той мысли, да онъ зацѣло Агапію у срдцу своимъ носи, и да она нетье нигда кадра быти, њему ню изъ њега искоренити. Она не сумняше истина, да онъ и ню найсердечніе люби, али, рекне у себи, тимъ горе за њега сирома'а, єръ єднымъ срдцемъ двѣ любетьи, иматье свагда неспокойно у њему волнованьє, а ово тье, вели, мени у срдцу момъ свакій данъ скорбь причињавати. Но кад' бы хтѣо, продужи у себи, я бы му паче Агапіи мѣсто уступила, и лагкше бы ми было, да сама себе туги моїой подвргнемъ, и њему навѣкъ као сестра останемъ, него да њему супруга будемъ, у коїой онъ савршенне своє срѣтье натьи не бы могао.

Овако идутьимъ имъ она забринута честито и не слушаше, шта онъ њой говораше. Окренувшымъ имъ се стазицомъ сад' къ дружству Старый отацъ съ умильењемъ гледетьи на њи: Како намъ се, вели, Косара! любезно наше прво весе-

ље лѣпо шета! Дедте Вы, Отацъ, приложи она съ Космомъ, гледайте, да мы њима у сватови поиграмо! Па зашто не, одговори Старый. дорастли су намъ, вели, Богу хвала, и обоє, — то веть бити може. Сатимъ и они имъ додьу, и дѣвица посадисе поредъ матере. Юноша машисе за єдну грану, съ коє узбере нѣколико лѣпы' крушака' и понуди є. Потомъ окренесе и къ прочымъ и почнесе ту весело шалити. На коє имъ додье и Бурямъ, кой имъ стане нѣшто преповѣдати о новомъ Пчелару, како є три млада роя, коя су му наєданпутъ была излетѣла, съ кошницомъ одъ єдногъ къ другомъ трчетьи съ дрва' смамљивао, и матицу имъ у кошницу звао. Я се, вели, съ Арістідомъ бя' у траву склоніо, па гледимо, како га Баба Пола учи, да трчи съ кошницомъ и виче: *Сѣди майко, сѣдо' я; Ту ти кутьа; ту ти домъ! Не у шуму! зла ти кобь!* Онъ тако почне говорити, и трчетьи преко верта съ дигнутомъ главомъ горѣ не смотри предъ собомъ яме, у корову обрастле, у кою ти намъ онъ сад' пуфъ! съ кошницомъ заєдно. И будутьи са засукаты рукавы, опале га коприве по голы' руку' тако, да не остане ни матица, ни рой, ни кукавна Баба Пола одъ псовке његове. Иди, вели, одсад'! Дьавоо да Васъ носи, и съ Бабомъ заєдно! А кад' чу и насъ, да му се у трави смѣємо, счепа ти онако срдитъ кошницу, пакъ хипъ съ њоме на Арістіда!

Буряму ово казуютьу насмѣюсе сви, но Светозару тако то смѣшно падне, да се чисто подбочи. Драгиня, на њега гледетьи, осмѣнесе и сама, — но не тако одъ срдца. Мати сад' ово узме мало иа умъ, и као искусна жена осѣти, да се ова дѣвица не находи у природномъ своемъ расположенью. Да позоръ на ню болье, и позна, да она има нѣшто на срдцу. Другій данъ зовне є насамо, и запыта є, зашто є невесела? Она сад' изговорисе, да є глава боле, и ніе їой добро. Косара, коя є весма любляше, мало смутисе, и поиште средства, да їой се помогне. Светозаръ, кад' то чу, утрчи їой у материну собу. Добро, те си

дошао, рекне му мати, сѣди, вели, мало кодъ нье, докъ їой я нѣшто донесемъ, да їой главу привіемо, и бытье їой таки болье. Сатимъ изидье, и подуго изостане, нѣшто праветьи, да їой на главу метне. Онъ, смутьенъ, сѣдетьи на канапету поредъ нье, погледи на ню, и нѣжно осмѣнувшусе на ню ударе му сузе. На то она бризне плакати и падне му на прси: Светозаре! Сладкій мой Светозаре! Можно, да се я и — не хтѣ изретьи. Но! Драгиня! Шта є теби? Ты одъ мене нѣшто таишь! То ніе досад' одъ тебе было! О любезна моя! Ахъ! Светозаре мой! Но оставимо засад', дотьитье намъ Мамица, — сутра тьу ти нѣшто казати. Жао ме є, — о како ме є жао! што Мамицу, — при овой рѣчи ето ти имъ Матере, коя є, при врати' поуставившисе, нѣшто рѣчій ньіовы' и саслушала, но чинетьисе сад' свему и невѣшта: Дѣте моє любезно! рекне їой, дед' да ти Мамица привеже главу; а ты айде иди у твою собу. Юноша изидье, а она, повезавши їой главу, одведе є къ прочымъ дѣвицама, мыслетьи у себи, ово мора друго нѣшто быти, — но не треба ми 'итити.

Та є ноть Светозару неспокойна была. Онъ єдва дочека, обучесе и по'ити къ Матери у собу. Запыта на врати', є л' му мати устала? и каже му служавка, да може итьи унутра. Ушавши унутра поздрави матерь съ „Добро ютро!“ и любетьи їой руку погледи на Драгиню, коя їошт' у постельи спаваше. Како їой є, Мамице? упыта, є л' могла спавати? Спавала є доста добро, одговори мати, но и будиласе, вели, двапутъ, и каже ми, да осѣтьа себе болье. Но оставимо є, придода, нек' намъ се изспава. Ево тье Милица сѣдити кодъ нье, а мы айдемо, имамъ ти и тако нѣшто говорити. Сатимъ изидьу.

Но текъ што они овако оду, Драгиня, коя се само чинила была да спава, скочи и обучесе и пои'ти за ньима у вертъ, но тако, да є мати и младитъ не виде, но да имъ се лагано прикраде и чує, шта тье сад' мати сыну говорити, и будутьи да се сад' мати съ младьима, кои ту вертъ зали-

ва'у, мало позабави, и съ младитьемъ говорити ѓошт' не бяше почела, то се да прилика дѣвици, крозъ єдно аллее приступити къ самоме мѣсту, гдѣ тье они сѣсти подъ єдномъ зеленолистственномъ сѣнью, да и' састрагъ заклоньена точно саслушати могаше. Она є истина по благонравію своме ово за непристойно држала, нит' є игда до тада овако што притворно чинила: ал' сад' себе побѣдити не може. Склонисе дакле ту за зелено и густо листье и чека и'. Ето ти ѓой матере, коя сѣдне ту на єдно канапе и рекне юноши, да и онъ себи до нье мѣсто узме. Она сад' смысленно погледавши на њега: Светозаре, вели, дѣте моє, ово тье веть двѣ године быти, како мы Драгиню кодъ насъ имамо — не споминьемъ, што є предье мене было —. Любовь, како твоя къ њой, тако и њена къ теби, нама, сыне, ніе непозната. Разумъ њенъ и благу наравь, честность њену, цѣломудріе, срдце голубіе, и све проче њене добродѣтельи, мы смо, дѣте моє, искусили, мы смо и' съ разсудьењемъ измѣрили. Оне ню толико у очима, и моима и Старога, уважаваю, да се срдце наше томъ, сыне, надеждомъ пита, да бы ты сыне съ њомъ задоволянъ и срѣтьанъ быти могао. И мы, кои ню не манье любимо нежели и тебе, попечително настоимо о томъ, и настоятьемо, да є такодье, као и тебе, и као наше собственно чедо, благополучномъ учинимо. Но гдѣ бы мы њой на свѣту болю прилику натьи могли, нежели у теби? Гдѣ ли бы мы у непознатыма и за тебе болю и лѣпшу дѣвицу поискати знали? Зато, сыне мой любезный, мы смо се медьу нама совѣштали, и тврдо заключили, — но ако се и Васъ двоє къ томе добровольно согласите — да мы теби за супругу и любу твою никакву другу на свѣту не тражимо, него Драгиню. Чедо моє мило! Светозаре, сыне мой! Ово теби мати твоя говори! Мати, дѣте моє, коїой и само Божество чрезъ сладку ону къ крви своїой, и утроби своїой, сумпаѳію и чувство дає, нѣшто познати, шта є за тебе добро, шта ли ніе. При овымъ рѣчма навод-

не їой се мало очи и она потьути. На ков младить: Мамице любезна! Я добро и не разумѣвамъ, куда се Ваше рѣчи клоне? И оно, што бы самь и мысліо, то ми ово Ваше необычно расположенье вѣровати не да. Зато изясните ми се, Мамице, шта є Ваша воля? Кой є узрокъ, да ме сада тако пытате? И шта Вы желите одъ мене? Ништа друго, сыне, пребацивши му руку преко рамена, рекне мати, ништа друго, него, да ты ову твою срѣтьу, на кою те є помотьію Бога мудрый онай и благодѣтелный Старацъ попео, Драгиньомъ, као лаґровымъ вѣнцемъ украсишь, и ньомъ савршенномъ учинишь. То є, сыне, моя желя, желя и Старога и свію насъ. — О Мамице! Шта Вы говорите? Єсамъ ли я игда себе томе противна показао? или баръ и найманьій поводъ томе дао, да се Вы о мени што посумняти можете, да я Драгиню любимъ? Ниси, сыне, ты до данась повода намъ о твоїой къ ньой любови дао, ниси! Но опетъ хотьу, да ты їошт' себе испыташъ, и да намъ искренно исповѣдишь, да твоя къ нама сыновна любовь не крые у твомъ младомъ срдцу потайно какву наклоность къ другой коїой дѣвици? Немой, дѣте моє любезно, да ти се овай мой вопросъ неразумнымъ учини, нити да онъ тебе што смути, єръ я имамъ узрокъ, зашто те овако пытамъ, и твоє є, мени управо и съ отвореннымъ срдцемъ одговорити, любишь ли ты тако нашу Драгиню, да ты ню драговольно изъ наше родительске руке себи за супругу пріимити желишь? О Мамице! Како Вы то — Стани, сыне, стани, да ти све кажемъ! єръ разговоръ овай нашъ опредѣлява судбу Вашу, — зато тьу я теби на то и времена дати, да се промыслишь, и да мой вопросъ добро проразсудишь, па ми и послѣ нѣколико дана на ньега одговоришь. Онъ се састои само у овой рѣчи: Любишь ли ты Драгиню? Али любишь ли є тако, да ни за какву другу на свѣту не маришь? Но у овомъ случаю ты срдцу твомъ, а не нама да се повинуєшь. У овомъ єстество твоє, а не мы заповѣдамо. Наше є, теби и у овомъ добре совѣте дати

а не на то те као силомъ скланяти. Многи се родитељи у томъ и преваре: но мы нисмо ради. Любовь наша къ теби насъ предосторожне на свашта твори. Зато я тебе сад' не пытамъ овдѣ, аки бы я до данась їошт' не искусила твою къ ньой любовь. Я знамъ, да ты ню любишь, но знамъ и то, да ты їошт' управо и не разумѣвашь, шта тье то и ретьи: *любовь* и *любимъ*. Ты сад' само слѣдуєшь у томе твоме несташномъ срдцу: но разумъ є нашъ нама свѣтилникъ, и мы њимъ свако дѣло валя да испытамо, а не као неразумно дѣте, кое полети голыма рукама на красный цвѣтъ ружицу, негледаютьи, да є она оштрыма бодљикама оградьена, и да тье окрвавити руку, ако не гледа, како тье є узбрати. Да є Драгиня лѣпа, у томъ се ты не варашь; да ню и качества душе и срдца ньеногъ найлюбведостойніомъ чине, и то си видіо и у посведневномъ съ ньомъ саобраштаю искусити могао. Ниси ли ты, као тако младъ іошт', у ньой све то савршено познао, познали смо, сыне, мы, и мы смо то, као што ти и напредъ реко', искусили. Само їошт' єдно остає намъ, о чему се я извѣстити желимъ, сирѣчь, осѣтьашь ли ты у твоме срдцу къ ньой такву сумпаѳійску любовь, да бы си ты ню и самой царской дтьери предпоставити могао? као што є и она овакву къ теби освѣдочила, кад' те є царскомъ сыну предпоставила. Зашто, Светозаре, дѣте моє мило, ово су у єстеству нашемъ мудрацы искусили, да, гдѣ се крвь съ крвлю не подудари, и гдѣ другъ къ другу оваку сумпаѳію нема, ондѣ ни найизреднія унутрашня качества нису свагда у станью, любовь тако утврдити, да є какви противни случаєви, кои намъ се догодити могу, не поколебаю, а їошт' манье споляшня красота лица и тѣла може то учинити, да любовь постояна заостане и пребуде. И то знай, да свака она любовь, коя се само на споляшньой красоти оснива, рѣдко може заостати, да се у срдцу временомъ не измѣни, Зашто, какогодъ што време юношескій цвѣтъ и блистателность лица мало помало измѣни и у старость га приведе: тако и лю-

бовь она горетьа промѣнисе и силу свою изгуби, ако нiе и на душевнымъ даровима, и ктоме, као што реко', на правой сумпаѳiи основана и утврдьена. Но ово ты до данась не вѣруемъ да си испытао; а време нашемъ съ Вама намѣренью настаѥ. Да ты дакле ово испыташь, и мени, матери твоiой, саобштишь. Испытай, али разумно испытай ову стварь. Зашто многи' има, коима се чудимо, како тай и тай да свою, онако лѣпу, онако разумну и онако добру жену не люби, него ѥ презире? а напротивъ другой се, коя оной ни честита служавка быти не може, на нѣкiй начинъ лѣпи и радiе ѥ има? О великiй ѥ овдѣ вопросъ, одкуд' то быва! но изъ овака правила изузимаюсе они, кои су — было мужко, или женско — чувства покварена, кои су раскошна живота, и кои су худымъ страстима оддани, — словомъ, кои своѥвольно на невалялство оддаюсе, а не што бы у унутрашньой сумпаѳiи оскудѣвали. Зато, велимъ, я самь тебе овдѣ сад' мало внимателнымъ учинила, и даѥмъ ти времена, промыслитисе, и точно срдце свое испытати, хотье л' оно къ Вашемъ бракосочетанью саизволѣти? И ако то буде, мы време вышше одлагати нетьемо, — ѥръ самь я и ючеръ съ Отцемъ о томъ бесѣду имала.

Мамице моя сладка! возрази юноша, кога срдце чувствованiяма веть отеготьено бяше, што се тиче нашега сачетанья, то остаѥ на Вама — одложите време, докле ѥ Ваша воля, и докле вы за добро признаѥте: — но што се каса могъ срдца, да га я испытамъ, на то времена отнюдъ не потребуѥмо. Я чествуѥмъ Ваше рѣчи и Ваша разсудьенiя я признаѥмъ за паметна, али — Мамице! Моѥ ѥ срдце сад' отеготьено! Оно се пiятныма чувствованiяма сад' преливати починье. Дозволите ми дакле, да я ова сад' овдѣ предъ Вама излiѥмъ, — дозволите ми, мила моя родительнице, да предъ Васъ клекнемъ, и отвореннымъ срдцемъ и пламенным' рѣчма у овомъ магновенью ока оно искажемъ, и оно предъ Вама исповѣдимъ, што ми на ньему лежи. Драгиня ѥ моя! О моя сад' и во

вѣки моя остає! Судба є моя неизвѣстна, но я ню смртно любимъ, я самь ню изъ царске руке истргао, я самь за ню животъ мой жертвовао, за ню у ватру и крозъ шумъ силна оружія као слѣпъ трчао. Чиста моя любовь къ ньойзи мене є храбрила, мени посредъ непріятеля' путъ отворала, мене оживлявала, и као на крыли' свои' мене она крозъ ужасне случаєве пронесе и избави, — и то є све одономадъ было; она є све то видѣла; она то све зна! Шта ми дакле остає іошт', чимъ бы я мою къ ньой любовь больма засвѣдочити могао? Словомъ, Драгиня є єдна, коя мени на срдцу и у души моїой лежи; она є єдна, коя срдце моє сладостью нѣкомъ напоява, срѣтьу мою увеличава, животъ мой мени сладкимъ и блаженнымъ твори. То Вамъ, Мамице, сынъ Вашъ исповѣда; то Вамъ Светозаръ Вашъ каже, кой Светозаромъ на вѣки остає. А она се о мени вара, — варатесе и Вы! Суза бы є ова заръ моя и увѣрила; но я тьу є предъ ньомъ поштедити. А ако самь ючеръ предъ ньомъ нѣколико рѣчій о Агапіи чувствително и изговоріо, оно є было само по благости моє душе изъ сажальенья речено, а не да бы самь я за Агапіомъ на срдцу удіо, и ню Драгиньи предпочитовао. Зато ты ньой, сыне, не можешь — Не, Мамице, знамъ, шта тьете, — я ньой праштамъ; я ньой зато не замѣравамъ; я ню зато їошт' ветьма любимъ; — но тежко ми, Мамице, пада, што є може быти о любови моїой довольно увѣрити нетьу мотьи.

На ову рѣчь сад' дѣвица, коя све ово слушаютьи чистыма сузама зелено оно листье орошаваше, не може вышше чувствама своимъ одолѣти, не можесе даље задржати. Она врисне и као муня къ юноши потрчи: Светозаре! Сладкій мой Светозаре! повиче: Доста! То рекне и падне му на прси. Доста, любезный мой! Ты си ме увѣріо! Но прости ми! Мамице сладка! Простите ми! Я момъ срдцу нисамь могла одолѣти! Она и', тако пригрльене, заплакавшисе и сама, любезно загрльи, и погледавши на небо: О источниче, вели,

наше срѣтье, буди имъ свидѣтель! Саслушай чувство матернье, и пошльи имъ благословъ твой! Светозаре! проговори опетъ дѣвица, бришутьи сузе своє, прости ми! Мамице! Я се стыдимъ, Вама и у очи погледати! Ово нієе пристойно было, што самь я учинила! Но я не знамъ, Мамице, шта є мени и было, и каква є маленкость мене онолико уплашила! Ахъ! Како самъ се я о ньему посумняти могла! Драгиня моя мила! загрльивши є юноша. я ты, вели, немамъ шта праштати, но напротивъ, приложи, радуємсе о овомъ случаю, кой ти є, може быти, овако изненада вышше моє срдце одкрыо, нежели што бы ти я то учиніо. Добра мати, убрисавши сад' своє сузе, милостиво насмѣєсе на ньи, и загрльивши и єдно и друго полюби и', и подьу у разговору дома.

Косара послѣ нѣколико дана' насамо опомене Старога Господина, не бы л' веть време было, да ово двоє млады' благослови, и да и' къ светомъ олтару приведу. На коє Старый, осмѣнувшисе, дигне рамены: Истина, вели, да су намъ и обоє їошт' млади, но мы, придода, нетьемо на то глєдати, єръ разуманъ поступакъ вреда ни у томъ не наноси, — само, вели, чекамъ на Цара, а и отацъ ти ништа не пише, не вѣруємъ, да намъ и онъ не намѣрава съ Царемъ дотьи; зато одложижимо їошт' на кой данъ. Него Косара! придода, имамъ ти нѣшто за овогъ младьегъ казати. Сатимъ извади изъ джепа єдно писмо, и да їой га, да га прочита. Она доникле читаютьи погледи на Старога и осмѣнесе. Зато, рекне Старый, нисамь радъ вышше га тамо ни шиляти. А єсте л' ньему што о томъ споминяли? Єсамь га ономадъ мало прокушао; но пасче сѣтисе, порумени, пакъ обори очи къ земльи. — Хвала Богу, погрѣшка никаква нієе, као што ми тай поштенный мужъ пише, но добро є, што ми явля. Єръ дѣте младо, у найлѣпшемъ цвѣту сад' — ко зна, до чега бы стварь дошла! Но ништа се такво, Отацъ, на ньему примѣтити не може! Хмъ! Малый є само почетакъ быо; но можно є, приложи, да намъ є и судьено Коса-

ра! да се съ томъ фамиліомъ опріятельимо. Фамиліа є добра? О славна є то фамиліа! Красни су то люди! Само да дѣте буде добро! Она дакле валя да є тамо на науци? Не знамъ; но тако тье нѣшто быти. Писао самь, да намъ додьу; но жао ме є, што не стави' и то, — али и не пристои; бытье време. Буди она каква была, не бы она као моя Драгиня!

Старый овай нашъ Ирой, кой о свакомъ напредку свои' млады' унука' попечително настояваше, и кой сваку точку званія свога прилѣжно и благоохотно испунити свагда се пашташе, заповѣди єданъ данъ, да му изидьу два гарнизона войника' исподъ Двора на єдну широку поляну, да и' онъ самъ съ унуци свои, поученья ради ньіовогъ, ту ехерцира. И тако послѣ поодне, кад' имъ веть мало за'лади, обучесе лѣпо са свои' младитьи у свою войничку галлу, мету на себе оклопе, припашу своє свѣтло оружье, узму штитове, копля и проча, и съ Буряномъ и нѣколико свои' слугу', такодье чинно обучены', подьу на коньи' тамо.

Кад' тамо додьу, застану войнике, у два реда на коньи' расположене, кои сви чисто обучени, и свакій за клобукомъ зеленомъ гранчицомъ накитьени, на ньи изгледа'у.

Чимъ и' Старый сад' по начину ондашньемъ на нѣке части раздѣли, и съ ньима маневре правити поведе, ал' ето ти имъ изъ Двора и Господьа', гдѣ лѣпо обучене иду, и съ ньима нѣка страна Господа. Светозаръ сад', пошто имъ се ови приближе, позна своги дѣду Бучина. Радостанъ скочи съ коня и притрчи му. Но Старый, кой їошт' ове на умъ не узимаше, сь мачемъ се на коню около войника' 'итро окреташе, докле му годъ Чедомиль не приступи, и не яви, ко є дошао. Светозаръ, цѣловавшисе съ дѣдомъ са истомъ учтивостью поздрави любезно и друга лица, на кое ето ти имъ и Любомира, коме малый вѣтрить сребрне власи исподъ шлема колебаше, и бѣлу му браду по свѣтлымъ токама низъ прси расче-

шляо бяше. Хотье нашъ Старый,! Хотье! смѣшетьисе на ньега рекне му Бучинъ. На мою душу, пріятелю, савіяшь пустый тога зеленка, као какавъ юноша! Да видишь, пріятелю, многоме їошт' и юноши я уступіо не бы! одговори Любомиръ, и скочи съ коня: Добро сте намъ дошли! цѣлуютьисе съ ньима редомъ поздрави и'. Драго ми є, веле, извѣстившисе ту и о странной троици; каже, како є онъ на таке госте тій дана' и изгледао, а нарочито за Васъ, вели, Брате, кажемъ одономадъ нашой Косари: Отацъ ти намъ не пише; мал' да намъ нетье дотьи. А знашь ли Брате, ко тье ти їошт' дотьи? Ко? Е мы смо само предтече! Но! молимъ, да чуємъ! Светозаре сынко, айд' одпусти момке, другій тьемо путъ мы съ ньима лекцію нашу продужити. Стани сыне! повиче Бучинъ, не одпуштай момке! Царъ? Онъ! одговори Вістіаръ!, и дотьи тье намъ до кой часъ; но дайте, да се изидье предъ ньега. А куд' тако? У Шкутаре! а одандѣ тьемосе преко Венеціє вратити у Дубровникъ. Є ли и Младый съ ньимъ? Єсть и онъ, и їошт' нѣколико съ ньимъ! Югъ Богданъ безъ сумнье? Е! а иде ли онъ куда безъ ньега? Путъ є нашъ быо на Никшитье; но онъ не пожали труда, овуда ударити. Морамъ, вели, я могъ Старину видѣти. Благодаримъ, рекне Любомиръ, на царской ньиной милости! Сатимъ погледи на Косару. Наредьено є, одговори она, Отацъ, веть све, — тамо се ради.

Сад' овако у разговору подьу пѣшице къ Двору, и Светозаръ и' съ голымъ у руци мачемъ предъ момци напредъ, а братъ му острагъ, стигну. Сад' Господо моя, рекне Любомиръ, Вы изволите съ доматьицомъ; а я, вели, идемъ съ момци, и съ нашомъ, брате, дѣцомъ предъ Цара. Добро, одговори Бучинъ, айдете Вы, и мы тьемо овдѣ на ово брдашце стати и Васъ дочекати. Єдва Любомиръ съ два своя унука предъ войницы къ потоку се спусти, ето ти имъ Цара съ друге стране низъ брдо на высоки' коли', окружена одъ нѣколико одъ свои' вельможа' и єднымъ гарнизономъ. Здрави нѣки и млади момцы на лагки' свои' коньи',

и лѣпо обучени, царску свиту слѣдова'у. Старый нашъ Ирой, кой сад' свію войника' очи на себе обрати, мане мачемъ на своє момке, кои се одма у два реда разступе, и царске спроводителье у среду узму. Стоєтьи тако мимоходетьу Цару на коли' Любомиръ съ два своя унука и съ момци свои, ниспустивши смирено главу, постои. Царъ му са сыномъ изъ кола' рукомъ и веселымъ лицемъ знакъ свога съ тимъ задовольства покаже. Старый сад', пропративши и све царске войнике, мане опетъ мачемъ на своє, и Новаку и' преда, а самъ младитьима воспослѣдує свити царской. Дошавши тако до предъ Дворъ преда и царске войнике Буряму, да и' води у касарне, а онъ съ унуцы скочи съ коня и притрчи къ царскимъ колма, скине са своє бѣле главе шлемъ, и Цара и Краля младогъ Уроша съ найдубльимъ поклономъ поздравивши при'вати и' самъ изъ кола' на землю. Пурпурна на Цару одежда, одъ свилене вуне ткана, и свуда златомъ провезена, засѣни чисто свима очи. Звѣзда съ великимъ драгимъ каменомъ съ ньеговы' царски' прсію свѣтозарне просипаше одъ себе луче. Старино мой добрый! рекне великодушный Монархъ Любомиру, полюбивнисе съ ньиме, єси ли ми живъ? На служби, Ваше Величество! одговори весео Старацъ, живъ самъ, вели, и духъ ми се Вашимъ пришествіемъ сад' чисто наново оживлява. Млади Соколовичьи сад' съ приклоньенымъ къ земльи колѣномъ учине Цару компліментъ, и цѣлую му скутъ порфуре, на ков благодушный Монархъ окренесе, и любезно и' пригрльивши пружи имъ руку, да є полюбе. Любезне, вели, гранчице, хотьу ли я, или баръ сынъ мой у Вама вторе Любомире доживити? Ова ньегова царска рѣчь исцѣди радостну сузу нашемъ Старомъ изъ очію, кою убрисавши загрльи Младога, и съ отеческимъ полюбцемъ поздрави га. На то приступе му Богданъ и Мирко Войвода и прочи нѣки, кои найпре са Старымъ полюбесе, а потомъ и съ младитьима. Цѣлый се сад' Дворъ испуни радостнымъ шумомъ. Монархъ дивнымъ своимъ и высокимъ стасомъ свє ту око' себе надвишаваше. Нье-

говъ оштрый, но притомъ и любовный погледъ изъ његовы' велики' и царски' очію сад' као муня све у трепетъ приводьаше, сад' изъ њега нѣко умильење, као пролѣтње сунце свима срдце оживляваше. На лицу његовомъ, на коме дарови свію Граціа' прелива'усе, рѣдкій и умѣренный смѣй његовъ све у радостный восторгъ подизаше. Онъ се паче свію съ Любомиромъ найрадіе разговараше, и сви бы нестрпѣльиво изъ уста' Любомировы' на какву нибудъ царску рѣчь одговоръ чекали. Сви ту подражава'у и благородномъ примѣру Старца, како онъ, колико му се Царъ любезніе показиваше, толико се онъ спрам' њега ветьма благоображаваше, и ветьма га понизностью своїомъ обожаваше. И то све честный и мудрый овай Старацъ особитымъ нѣкимъ, и свима, кои ту бя'у, любезнымъ начиномъ чиняше, безъ притворности, чистосердечно, — не раболѣпно, но слободно и великодушно.

Но! како є? любезный мой Соколовичь! запыта га опетъ Монархъ, ступившымъ имъ у собе, єсте ли се ветъ добро намѣстили? И єсте ли ми задовольни? На кое Старый, наслонивши руку себи на прси, поклонисе: Ваше Величество! рекне, ко и не бы овакимъ благомъ задоволянъ быо? Ко ли бы игда? и чимъ бы знао, за такву милость Вашу царску довольно возблагодарити, кою Вы на мене, немотьногъ веть старца, тако богато изливате. На то га Царъ стисне за руку: А како дѣца? Како Косма? Моя Косара? Слушаю ли Васъ? Мораю, Ваше Величество, о мораю да ме слушаю и добри да буду! Е! Хвала Богу! приложи Царъ, видимъ, вели, да Вамъ є све лѣпо оправльено. Све лѣпо, и све красно, Ваше Величество! Само признаємъ себе много обвезана, и валя ми трудитисе съ моїомъ фамиліомъ, Ваше Высоке царске милости достойнымъ се учинити; — но старъ самь, придода, скратьуе ми се време. Е! Ништа! одговори Монархъ, колико можешь, — само, вели, гледай, да ми у овы' твои' унуци' по смрти твоїой тебе оставишь, пакъ ти вышше не

захтѣвамъ! О Ваше Величество! а ко бы се томе ветьма радовати могао, нежели я? И кой добрый отацъ не жели, да му сынови їошт' и больи буду?

Овако у разговору ступе къ великой сали, на коїой двокрылна отворе имъ се врата. Косара, Арістідъ, Монъ Ами, Милисса, Драгиня, Бурямъ, Стара Еѵдоѯія са Светоликомъ, Косма и нѣколико дѣвица' одъ отмѣнны' служавкій, — све то лѣпо и чинно обучено, сад' Цара са найдубльимъ почитаніємъ и трепетьутьомъ любовлю поздрави, коима благій Монархъ умилнымъ погледомъ и смѣютьимсе лицемъ захваливши съ Косаромъ се полюби, коя сад' съ ньега и порфѵру пріими. Є л' ово Косара, рекне Царъ за Драгиню, она моя несудьена сна'а? На кою рѣчь дѣвица, закрасившисе у лицу, приступи му къ руци: То є, Ваше Величество, одговори Косара. Царъ є рукомъ милуютьи по гладки' ньены' образи', и погледавши на Светозара, кой съ младымъ кральемъ исподъ руке преко соба' ходьаше: Любомире! вели, море я се на тебе веть за ову дѣцу и срдимъ! Немойте, Ваше Величество, одговори радостанъ Старацъ, я самь, приложи, ову благодать све и желіо, да ми сирѣчь Вы съ младымъ и съ моимъ Братомъ (за Бучина), кой равно са мномъ и участіє у томе има, присутствіємъ Вашимъ ово моє прво весельє увеличате, па їошт' како самь, вели, сад' срѣтьанъ! да тьу и вышше племениты' лица' момъ сыну у сватови' имати. Е! добро Старино! Мы смо ево дошли! Томе се я и радуємъ, придода Любомиръ, сад', Ваше є заповѣдати, а моє є слушати. Ей мой Старино! удараютьи га Монархъ рукомъ по рамену, камо намъ сад' момче оно време, кад' ти се оно съ Бугары по оны' пространны' польи' око' рѣке Каменчине повіясмо! Повіяо бы Вамъ се, Ваше Величество, тай и данась онако, рекне Богданъ. О! Те їошт' како! приложи Бучинъ. Само, вели, да сте га мало пре видли, како ти намъ лети на свомъ Зеленку пустый, као какавъ младить! На то нашъ Старый Херцеговацъ, погладивши шакомъ свою браду, и као поносито: На мою

душу, вели, нѣшто шала, а нѣшто и истина! Колико ме овако стара гледате; їошт' се я не бы живъ у руке дао. То рекне, и у другу собу за нѣшто изидье.

Царъ, гледетьи за ньимъ, Е! Да сте Вы, вели, ньега у оно време видѣли, кад' є младьій быо! Мене онда, приложи, млада іошт', мал' Бугари не изсѣкоше, да ми ньега ту не бы! Ено му се, вели, и сад' съ десне стране на образу познае, како га є єданъ мачемъ мазнуо. Но смѣшно є было, настави Царъ, кад' онъ мене изъ средъ непріятеля' избави, па ме нѣкако попреко и холерички погледавши: Юноша, вели, узмидеръ се ты на умъ! Истина! 21 годину онда, вышше нисамь ни имао. — Заръ ты, рече, тако мыслишь у бою поступати? На се, и на свой животъ заборавити? А не знашь ли, придода онако срдитъ, да є твой животъ са хилядама други' живота' скопчанъ? И да, вели, изгубимо ли тебе, изгубили смо све? Я, као младъ, пріимимъ сад' одъ ньега овако изобличенье къ сердцу; помыслимъ пакъ, да тьесе потоме о томъ онъ раскаяти, и опроштенье одъ мене поискати: но єсть! Не признае мой строгій Херцеговацъ, да се онъ мени замѣріо. Моє неволье сад' и съ ньимъ! Не могу я ову срамоту да снесемъ, да оиъ — истина Полковникъ — ал' мени, Прінцу и Препоясанику, онако рекне! По свршеномъ дакле сраженію и срѣтьно, као што знате, чрезъ насъ одржанной побѣди, потужившисе о овой обиди блаженопочившемъ родителю кажемъ, да му ништа друго не захтѣвамъ, него само, да ме предъ другима за опроштенье замоли. Сыне мой! рекне ми Покойный, Ты то одъ ньега да и не захтѣвашь! То быти не може! Знашь ли, рече, ты, да мужъ совѣстанъ, и у дѣли' свои' точанъ, испуняваютьи дужность свою, а особито у таквой прилици, кад' се судбомъ цѣлогъ народа слава и паденіе ньегово на онако мѣрило положи, да єднымъ само граномъ ил' тье она, или ово претегнути, — мужъ, велимъ, у онай паръ само отечество на своемъ сердцу осѣтьа, и Бога предъ со-

бомъ и у мысли своїой сматра, а не свѣтле тітуле и высока достоинства. И тако ти Вамъ я процессъ мой изгубимъ. Послѣ и самъ додьемъ къ себи, признамъ, да є онъ право и имао, и застыдимсе чисто, како самь я одъ онака мужа такво што и захтѣвати могао, кой є мени у оной моїой юношеской устремителности и животъ спасао! И овако дальe Царъ продужаваше разны' случаєва воєнну повѣсть, кою сад' по заповѣсти ньеговой и два млада Соколовичьа морала су слушати. Медьутимъ Старый є попечително наредьивао за царске служителье и войнике.

И текъ што имъ се у велику салу вечера унесе, у коїой сад' Господа съ Царемъ позовусе, ето ти имъ и Старога: Ваше Величество! рекне, и почитаєма Господо моя! Простите ми! Мене, вели, дужность моя мало Богме и позадржа. Заиста, Газда, одговори Царъ, да су намъ и пре ову вечеру донели, не вѣруємъ да бы смо те и чекали. Не бы было ни требе, Ваше Величество, мене чекати. Сатимъ Священикъ — Ісідоръ — очита молитву, и посѣдаю за трапезу.

При вечери продуже време у пріятельскомъ разговору и шали. Светотаръ устанѐ, и на служавнику златнымъ пеаромъ віна послужи Цара. Овай памти добро, рекне Царъ, што самь му у Столцу казао. Ево видишь, Сынко, додье намъ време, да ме и у Црной Гори послужишь. Любомире, Брате, за твоє здравльє, и за здравльє моє Косаре, Ваши' сынова такодье, да намъ и Богъ поживи, и да намъ добри буду. Принесшу ньему чашу къ устима загрме имъ трубе на алтану, и Любомиръ съ Фамиліомъ своїомъ учтиво Цару на здравици благодари. Сад' полете чаше около цѣле трапезе и шумъ радостный: У здравльє Царева! съ пѣніємъ „На многая лѣта“ испуни имъ цѣлый Дворъ. Потомъ напію у здравльє и прочой Господи, и Светозаръ стане спрам' трапезе и почне имъ у великій кимвалъ ударати, ко коме по заповѣсти Старога приступи и Драгиня, и будутьи да кимвалъ мало узъ стѣну поузвышенъ бяше, не

могаше дѣвица, премда и повысока бяше, добро га домашити. Зато їой притрчи Чедомиль и поднесе їой подножню, и тако ньи' двоє почну у кимвалъ ударати, а 6. красны' Нимфій поведу за Косаромъ и Милиссомъ слѣдуютьу пѣсму на гласъ: *Средѣ игры.* —

Радостію упоєни
Гледаютьи медьу нами
Срдце нашегъ Отечества
И цвѣтъ красный благородства,
Свѣтлу нашу Діядему,
Зато поймо данась Ньему!
Неманьичьа светой лози
Позавиде земни Бози.
На оружьє устадоше,
Но люто се преварише.
Силный Душанъ єръ подъ ноге
Ниспроверже своє враге.
Силномъ своїомъ храбростію
Онъ покори сву Грецію,
Ужаснусе Болгаріа,
Затрепета Византіа,
Престолъ древный Константіновъ
Потресесе страомъ Сербовъ.

Другій данъ рано, докле имъ гости їошт' спава'у, Старый, призвавши къ себи Косару и Косму съ Милиссомъ, совѣтуєсе съ ньима, да Светозара и Драгиню сад' у овой прилици благослове. Я самь, истина, рекне Старый, мысліо, баръ їошт' єдну годину пречекати: али дѣцо, я веть, као што и сами видите, ступамъ дубльe и дубльe у старость, приближавамсе веть и къ 70-ой години. Младъ, кажесе, може умрети, но старъ мора. Зато, дѣцо моя, боимсе, умретьу, а нетьу дочекати оно што желимъ, него у име Бога да мы ово дѣло приведемо къ концу. Ко зна, Косара сынко, бы ли ти се родитель другій путъ овамо и заканіо? Ово му се сад' догодило, па Богъ зна, кад' выше? Ктоме, овдѣ намъ є сад' и Царъ и толика су намъ ту Господа, као што самь я свагда и желіо, да моме Светозару, сыну момъ, кой ми

свагда на срдцу лежи, учинимо єдно лѣпо веселье, коє тье ми може быти у животу и послѣднье быти; — но оно мени при ступльенью момъ у тамный гробъ мой освѣтлява цѣлый живота мога орізонтъ, на подобіє сунца при ти'омъ вечеру, коє послѣдньима лучама своима орумени и аѳмосферу, и тако спустисе у западна нѣдра своя. При овымъ рѣчма потеку му сузе, и онъ мало умукне. — Но я, дѣцо моя, бришутьи честно лице своє, задоволянъ, — и како задоволянъ съ овогъ свѣта полазимъ, ако ми се само унапредакъ што не приключи, коє бы ми ову мою найветьу срѣтьу смутити и поколебати могло. Сву пакъ радость мою увеличава то, што самь Васъ изъ среде отечества овамо извео, и што видимъ и знамъ, какво дѣте за Светозара узимамъ, и какву имъ матерь по себи оставлямъ; — а за Чедомиля како Богъ да! Я нетьу ни ньему, ако узживимъ, време къ женитби одлагати. Ине треба, любезный Отацъ! одлагати, рекне Косара, особито за старієгъ, коме, као што рекосте, знамо кога узимамо. Гледайте Вы, Отацъ, придода Косма, те Вы то дѣло колико данась свршите. Дѣцу сте сами, и єдно и друго, воспитали, — и єдно и друго добро знате, немате нужде, дуго проматрати и испытивати. Я бы особито, приложи Косара, желила, да то сад' буде, што му є и дѣдъ овдѣ. Добро, рекне Старый, и осмѣнесе, — дайте и', нека намъ додьу, да имъ нашу желю одкрыємо. Косара одма оде, лѣпо и' обоє обуче, и ту и' доведе. Старый, као чедолюбивый отацъ, срдцемъ умильенъ, ти'о и' погледи, и видетьи и', како имъ є любезный стыдъ обоимъ юношеске образе оруменіо, мало потьутивши овако имъ слово съ кротостью поведе:

Светозаре сыне! и Драгиня, дѣте моє драго! Радостанъ є овай часъ за мене! Я ньега у моє найрадостніє часове сад' счислявамъ. Я самь га одъ Бога свагда доживити желіо, и Богъ є ево мою желю испуніо, — желю, коя є мене чисто оживлявала, да я Васъ єданпутъ овако одрастле, научене и овако савршене люде видимъ. Духъ

мой у мени, любовь моя отеческа къ Вама, срдце є моє у движеніє приводила, и оно є свагда умилне мысли къ Богу вѣчноме изъ себе испаравало, да я само дочекамъ Васъ срѣтьне видѣти. О томъ є свагда и моє попеченіє было; на то самъ я сва и до данась средства употребіо. Прво су ова была, Васъ лѣпо, као што єстество човѣческо изискує, воспитати, а друго, коима самъ се постарао, Вамъ нуждна къ честномъ животу Вашемъ снискати и прискорбити. Я самъ Вамъ драга дѣцо моя, и у єдномъ и у другомъ помотьію Бога милостивога добро до данась успѣо. У воспитанію Вашемъ прва су мени правила была, добро Вашемъ здравлю основаніє положити, а друго, Васъ моралномънаукомъ запоити, и срдца Ваша за Хрістіянску науку, као нову землю за чисто сѣме, предье предуготовити, нежели сте Вы и понятіє какво о овой имати почели были. За овымъ слѣдовало є, разумъ Вашъ просвѣтити, душевне Ваше силе развити, и у потребны' наука' Васъ наставити. И то самъ я, све сходно Вашемъ вѣку, Вашемъ понятію, чиніо. А съ каквымъ самъ я усердіемъ то, кад' самъ ову священу дужность на себе пріиміо, чиніо, то самъ Богъ и я, дѣцо моя, знамо. Мысао є мене много путій плашила, да Вамъ предье не умремъ, нежели Васъ, коє самъ као младе птитье у мои' отечески' нѣдри' угрѣвати почео, на Ваша собствена крыла пустимъ. Но Богъ є мою о Вама молитву, коя ми є изъ чиста срдца происходила, милостиво ево саслушао, и мене ево сподобіо, да я Васъ вежъ и у савршенной срѣтьи видимъ. Зато Вамъ и кажемъ, радостанъ є овай часъ за мене! Лѣпо самъ Васъ воспитао, да добри Хрістіяни, сирѣчь честни, морални и разумни люди будете; а иманья самъ Вамъ такодье, колико намъ є Богъ до данась благословіо, приобрѣо, и као трудољубива пчелица домъ самъ Вамъ нуждныма напуніо, тако, да не само Вы угодно — трудетьисе Богме и унапредакъ помало — поживите, но да имате чимъ и убоге уштедрити, и да имате на што и странна подъ свой кровъ призвати и госта дочекати.

Сад' дакле, мила моя дѣцо, ништа вышше мени не остає, ништа друго мени, Старомъ Отцу Вашемъ, на срдцу не лежи, него, да Васъ іошт' и честнымъ бракомъ обручене видимъ. И будутьи да Вы тимъ у новъ животъ ступате, и одъ такве точке њега почињете, одъ кое или тье Ваша до данась срѣтьа, савршенномъ учињена, Васъ слѣдовати, ил' тье Вамъ се она нарушити и измѣнити: зато, дѣцо моя, при овакой точки валя да се и позауставимо, и стварь быстро проразсудимо. И овдѣ се сад' Вама оставља на волю, — мы, Вамъ у овомъ не заповѣдамо. Испытайте Вы сами срдца Ваша, саєдинява ли њи честна любовь Ваша и къ Вашемъ сачетанью? Ако то не бы было, дѣцо моя: то бы смо и мы наше съ Вама намѣренье промѣнити морали, и сасвимъ бы смо другій разговоръ почели, наново бы о Вама промышлявали, и за свако особенну прилику тражили. Ню намъ веть и троица просе, и све люди знатни и први медьу благородныма домовма. За тебе гакодье толики су ме веть нудили, кои дтьери своє даю. Но мы у томе ништа противу Ваше волье учинити не смѣмо. Я самь Васъ истина досад' довольно и искусіо, да Вы єдно друго милуєте и радо имате, и може быти да тье Вамъ се нѣшто и необычно и странно учинити, зашто да я Васъ овако испытуємъ? аки бы ми Ваша любовь непозната была: али, дѣцо моя, мы, старіи Вашн, за дужность нашу ово признаємо, да оваку важну стварь, коя се вышше промѣнити не може, нашимъ окомъ больма промотримо, нежели да бы є сасвимъ на Васъ, тако младе, ослонили. Вы єдно друго любите: но ако Вы нисте єдно у другомъ сва качества точно испытали, сходствую ли она саобразно єдна съ другима? то се Вы и превariти можете, и Ваша любовь не бы Вамъ дуго потраяла, — може быти измѣнила бы се, ако се и не бы у срдцама Вашимъ сасвимъ угасила. Я, премда самь Васъ као брата и сестру одъ млады' їошт' ногтію Ваши' воспитао, дужанъ самь Вамъ казати, да то Вама никакву грану на путъ не полаже,

да Вы сирѣчь къ светомъ олтару приступити не можете, будутьи да нити какавъ союзъ крвный медьу собомъ имате, нити самь я Васъ, као Отацъ Вашъ, подъ какву заклетву метнуо, да Вы за свагда єдно другоме као братъ и сестра останете, и да се узети не можете, — то не! зашто самь я увѣкъ на то и ишао, да Васъ заєдно и лѣпо воспитамъ, да Васъ изучимъ и за Вашъ се животъ постарамъ, па да Вамъ мой благословъ и къ браку дамъ. Али сыне, и ты, дтьери моя, ако су Ваша чиста и дѣтиньска їошт' срдца, у мысли той бывшымъ Вамъ, да сте Вы братъ и сестра, тако се и сродила, да Вы у ньима нѣку любовь сродства осѣтьате: то знайте, да она, ако и' добро испытате, у пуной мѣри своѓъ задовольства къ браку склонитисе нетье. И я самь у момъ животу єданъ такавъ примѣръ и видіо, коє ме єи внимателнымъ на Васъ учинило, — и то є, дѣцо моя, узрокъ, да я Васъ овако испытуємъ, или паче да рекнемъ, напоминьемъ Вамъ, да Вы сами себе о томъ испытате.

Любезный Отацъ! проговори юноша, колико я Драгиню любимъ и радо имамъ, и колико я у себи предчувствуємъ, да тьу я съ ньомъ срѣтьанъ быти, срдце бы Вамъ моє, кад' бы проговорило, вышше казати могло, нежели я. О любови пакъ ньеной я самь, Отацъ, толико увѣренъ, колико и о суштеству ньеномъ. Ето нека Вамъ и Мамица каже! Случай їой є самъ одкрыо, колико су срдца наша саєдиньена. Насъ є обоє, любезный Отацъ, и Мамице наша мила, насъ є обоє судба наша веть до савршенне наше срѣтье привела, и нама вышше ништа не остає, развѣ, да Вашу отеческу руку на насъ дигнете, и да изъ уста' Ваши' благословъ чуємо. Мы такавъ одъ Васъ сад' желимо, за такавъ Васъ молимо! Драгиня є моя! — загрльивши є — я ню любимъ, — любимъ као будутьу супругу мою! Светозаръ є мой! сладкій Отацъ, мой, Мамице моя мила, кога я любимъ као срѣтьу мою, као мене саму, и вышше нежели мене. При овомъ сад' клекну обоє

предъ Старога, и онъ и' отеческомъ милостью пригрльивши: Чеда моя! Радости моя! рекне имъ, Богъ свеблагій да саслуша ово, у прсима моима біютье срдце, и ниспошлье на Васъ онай благословъ, кой Вамъ оно сад' у мени жели! Будите намъ срѣтьни! Будите добри! любетьи и' добрый Отацъ крозъ плачъ изговараше. Богъ да утврди медьу Вама праву любовь! загрльивши и' и Мати рекне. Овдѣ се, любезна дѣцо, све наше на овомъ свѣту желье свршую. Мени заиста, приложи Старый, тарутьи очи своє, вышше што, овако важно, и не остає, што бы самь у послѣдньи' мои' дани' одъ Бога желити могао! Но! Хвала Богу на ньеговомъ дару! Іошт' єданпутъ, дѣцо, приложи, їошт' єданпутъ да Васъ пригрльимъ! Ангели мои! Утѣшеніє моє! любетьи и' погледи на небо: Господи вседержителю, и источниче нашего блаженства! Благослови ихъ! Отче святый! Благослови намь ова чеда наша, ове двѣ младе душе твоє, у кои' си чисто срдце ты сладку къ саєдиньенью ньиномъ любовь уліо! у коима ты, о зиждителю міра, новый источникъ моє радости, и на славу имена твога будутьемъ ньиномъ породу данась одкрываш! Благослови и' светымъ твоимъ свыше благословомъ, да намъ буду добри, да намъ буду срѣтьни и многолѣтни! Утврди имъ у срдцама любовь! огради и' миромъ и тишиномъ.

Сатимъ полюби и' опетъ у чело, и пружи имъ руку, те є полюбе. Сад' и' опетъ пригрльи мати, братъ и сна'а, и излюбивши и' сердечно подьу у салу. Хвала Богу! рекне Старый онако радостанъ, и то дочекасмо. Но гледайте, приложи, сад', за чимъ сте, да по ручку (фруштуку) одма у цркву идемо. Ніє Ваша брига, Отацъ, одговори весела мати, майка имъ є све, што треба, приправила. Сто пута' є заръ сад' добрый Отацъ дѣцу свою, овай срѣтьный паръ, исподъ руке по сали водетьи и', къ прсима своима пригрльіо, и толико и' є пута полюбіо и срдцемъ благословіо.

На то веть и гости имъ оправесе, на коє съ готовымъ ручкомъ и изгледа'у. Любомиръ съ Ко-

саромъ и унуцима изидье предъ собу, изъ коє Цара съ младымъ Краљемъ и Богданомъ дочека. При ручку сад' у веселой шали и разговору каже Старый, шта є намысліо, коє свима особито мило буде. Право! повиче благочестивый Монархъ, я самъ дакле, приложи, кумъ, а єво (за Богдана) намъ Старога Свата! Али, вели, ако што мыслите, то данась нека буде, єръ сутра мы у име Божіє полазимо. Сатимъ погледи и на Чедомиля, кой га на служавнику чашомъ 'ладне воде служаше: А кад' тьемо, вели, овоме гиздавцу у сватови' поиграти? А! Іошт' є рано, Ваше Величество, за њега, рекне Старый. Найпре треба дѣвойку и заслужити, придода Бучинъ, као и братъ му. Мы тьемо му, возрази Мати, Свѣтла круно! довести какву Призренку, — но поносите су, вели, ко зна, хотье ли коя и потьи? Хмъ! Моє Косаре! возрази Царъ, Призренке наше поносите? Има право, Ваше Величество! рекне Бучинъ, оне су поносите, — смѣшетьисе — но притомъ єсу и добре, єръ саме себи момке избираю. Царъ, погледавши на Косару: Хмъ! Доскочи Бабайко! . . . . Они овако шалесе, ал' ето ти имъ и Монъ Амія! Поклонившисе Цару и свима учтиво приступи къ Светозару и нѣшто му лагано рекне. Овай сад' окренесе къ Драгиньи, и почне їой Французски говорити. На коє дѣвица съ нѣкомъ особитомъ лагкостью на овомъ єзыку станесе изражавати, коє свима, особиту Бучину, бяше мило, єръ љубляше овай мужъ како духъ и карактеръ Француза', тако и єзыкъ ньіовъ.

По ручку сад' сви весели подьу оправлятисе у цркву. Старый нашъ, пунъ радости, обучесе прекрасно у свою воєнну галлу. Горня ньегова дуга свита одъ црвена скерлета чисто гори на ньему Светозаръ такодье, као што є моимъ читательима познато, юноша, красанъ взоромъ, и дивна стаса, обуче намъ се сад у лѣтнье своє свилене и златомъ везене 'альине. Око' врата имадьаше ситно набране одоре, коє му сребрна копча са ситным' бріліантима исподъ ньегова бѣла

грла скопчаваше. Зелену доламу са златнымъ ланцима на єдну страну огрне. Мачъ драгимъ каменьємъ украшенъ припаше. На главу метне свой Македонскій калпакъ, за коимъ многостручна одъ сувогъ злата челенка, на подобіе пшеничны' класова, задѣвена бяше. По ньой такодье ситни брілянти и златне шльоке свѣтлостью спрам' сунца у очима трепта'у. Драгиню є мати у чисто бѣле, лагке и рѣдким' гранчицама извезене 'альине обукла, по коима златне шльоке блиста'усе. Око' ньеногъ млечнобѣлогъ дѣвоячкогъ грла крупный Індійскій бисеръ бяше. На руку' нѣны' драгоцѣнне наруквице съ велики рубины, одъ кои' луче снѣжне руке ньене оруменява'усе. На глави малый одъ разны' цвѣтова вѣнацъ. Пурпурный поясъ съ двѣ златне копче, насредъ кои' такодье по єданъ рубинъ бяше, исподъ самы' ньены' прсію младо и витко тѣло ньено опасиваше. Она овако обучена сѣдне съ Господиномъ Богданомъ и малымъ своимъ деверомъ Светоликомъ у прва кола. Монархъ са Светозаромъ, Космомъ и Милиссомъ, у друга, а у третья посадесе два стара пріятеля, Любомиръ и Бучинъ съ Чедомильемъ и Ісідоромъ. Проча сва Господа, сва прекрасно обучена, разредесе у 13. други' кола' купно са свои назадъ служительи. Двѣ младе Войводе подьу съ Кральемъ напредъ на коньма, будутьи да тако младый Краль захтѣваше. И тако измедьу два реда войника', кои исподъ двора даже до велике у селу цркве стали бя'у, кренусе изъ замка. Радостна мати, съ высокогъ алтана гледетьи ову великолѣпну любезномъ своимъ првенцу помпу, не може се задржати, да се не заплаче. О свеблагій Боже! рекне у себи, каква сладка я сад' чувствованія у момъ срдцу осѣтьамъ! Какву благодарность душа моя Теби као виновнику ове моє срѣтье сад' чувствуе.

На то, засіявшемъ овомъ великолѣпію при цркви, силный се народъ одъ жителя' тога мѣста сад' ту слегне. Онъ съ умильеньемъ погледавши ову свѣтлу свога, вышше Отца нежели Господи-

на, параду, кою онъ своmъ любезномъ унуку чиняше, радостнымъ гласомъ: Многая лѣта! и Аминь! ускликне. Велика црква и широка унаоколо порта испунисе сад' ти'имъ людства, као разроєны' пчела', шумомъ. Єдно се мимо друго утискиваше, гдѣ тье кое стати, шта ли тье пре ту гледати, Цара ли съ младымъ Кральемъ, кои имъ у очима не маньма красотомъ своїомъ заблистаю, нежели драгоцѣннымъ одѣяніемъ? Или тье гледати младога Светозара съ любезномъ ньеговомъ Драгиньомъ, кои се сад' земнымъ анґьелима уподоблява'у, и кои' и самъ найпростіи погледъ ньи све у умильенье нѣко приводьаше.

Свештенство є у цркви сасвимъ приправно на ньи чекало. Звона велика веть и третьій путъ загрме. Но не мало удивисе нашъ Старый Губернаторъ, кад' угледа ту сад' и Епіскопа изъ Никшитьа', кой съ многи Свештеницы сад' изъ цркве у своmъ свештенномъ одѣянію и съ кадіонидама на єданпутъ и онако изненада предъ Цара изидье и заблиста. Извините Ваше Царско Величество, рекне честный Епіскопъ, пропративши Цара у ньеговъ столъ, извините погрѣшку мою! Касніе мало о сверадостномъ Вашемъ къ нама пришествію извѣштьенъ будемъ, нежели бы самъ времена имао, моє подворенье у Двору учинити. Я и по'итимъ — мало самъ пре дошао — но казаше ми, да Ваше Величество веть у цркву полази. Тако я овдѣ у светомъ дому Божіемъ съ найдубльимъ почитаніемъ моимъ и у радостномъ срдца могъ движенію съ цѣлымъ овымъ священнымъ клиромъ Ваше Величество, купно и Ньегово Величество (обратившисе къ младоме Кралю) поздравлямъ. Царъ и Краль изяве му одъ своє стране пуно благоволеніе. Епіскопъ сад' са Свештеницы окренесе и къ прочой Господи, и по пристойности учине имъ своє поклоньеніе.

Сад' пѣвчицы съ єдне и друге стране за пѣвницама пѣніемъ затрубе, коє сто ученика', на обѣ стране у цркви раздѣльены', чистымъ своимъ дѣтиньскимъ гласомъ воспослѣдую. Епіскопъ са све-

штеницы святая благоговѣйно свршаваше. На време нарочито изидье єданъ, съ Епіскопомъ дошавшій Архімандрітъ на каѳедру, и да прекрасно слово. Ѳема му буде ова: Свака власть на земльи єсть одъ Бога. Онъ ово у теченію своегъ слова весма лѣпо и чувствително истолкує, да, кой се таквой Богомъ поставлѣной власти не повинує, тай се и самомъ Богу противи. Онъ ово найпре изъ светогъ писма повтори, но потомъ изъ природногъ човѣческогъ разума ствaрь слушательима ясніомъ учини. Доказуютьи, како бы савъ родъ човѣческій, кой є по єстеству своме нѣкимъ слабостима и страстима подложанъ, весма бѣдно стаяо, и непрестанне бы быле медьу людма свадньe и кровопролитія, да нiє власти, коя насъ у лѣпомъ реду држи, и коя слаба и смирена заштитьава и брани одъ силна, сурова и бѣсна, — слѣдовательно, рекне, самъ Богъ насъ управля посредствомъ оны', коима є власть надъ нама дао, и наше имъ жребiе у руке вручiо. Онъ при заключенью свога слова поздрави Монархе одъ стране цѣлогъ ту народа.

По служби приведу къ Светомъ олтару Светозара и Драгиню, као красный вѣнацъ цѣле ове благородне и свѣтле помпе, и ту и' Епіскопъ съ обычным' церимоніяма сачета и благослови. Любомиръ, весео, загрльи Бучина, и любетьисе ублажава'у часъ овай, кой и' Божество дочекати сподоби. Бучинъ извади кесу, и проспе веселой и несташной дѣци сребрне новце по Порти. То исто учини и Богданъ. Сад', излазетьи изъ цркве, любезно се сви са осветьеннымъ, у бракъ ступившимъ паромъ полюбе, и честитаю имъ. Царъ и Любомиръ преко Буряма обдаре све войнике, коима є Старый тай данъ и славный обѣдъ дао справити, и вiна имъ задовольно заповѣдiо однети, да се сви скупа тай данъ почасте и у касарна' провеселе.

Изъ цркве сад', узевши са собомъ и Епіскопа и много Свештеника', у истомъ поредку додьу у Дворъ. Светозаръ отвори изъ сале врата на алтанъ и Цара съ Епіскопомъ, Бучиномъ и

другима отмѣнныма лицама изведе, коє му Старый Отацъ сѣдне ту разговарати, а онъ узме младогъ Краля подъ руку, и подье съ њимъ и прочима по чистыма и ладныма собама про'одатисе. Косара загрльи сад' Драгиню, као првый путъ сна'у свою, излюби є срдачно и съ материњомъ милостью; па є поведе преко сале на алтанъ. Ту се сад' сви съ Косаромъ полюбе и честитаю ѓой новодобывену сна'у.

У очекиванью сад' обѣда старія се Господа съ Царемъ и Епіскопомъ на алтану разговара'у, а млади Соколовичьи Краля и прочу младу Господу ово мусікомъ забавля'у, ово у веселой шали време проводьа'у. Млади служительи подъ управомъ Двороправителя єдни чисту планинску воду, лимуновымъ сокомъ растворену, други прекрасну Требиньску шљивовицу и кіпрскій лікеръ на алтанъ Господи изнесу. За овыма 4 дѣвице съ бадемы и морскимъ грождьємъ изидьу, и најпре Монарха и Епіскопа, потомъ сву Господу редомъ послуже. Љубомиръ, уставши, удье у салу и погледи, како му є асталъ постављенъ. Смотри Арістіда и Харітона, кои такодье чинно обучени нѣшто ту младьимъ помага'у: Арістіде, сынко, рекне му, а и ты Харітоне, Вы тьете данась, као и другій путъ, овдѣ съ нама обѣдовати, — да се нимало не затежете ни стыдите. Зашто, изванъ достоинства, Вы данась, на овай мени знаменитый данъ, најветье одъ странны' и участіє у веселью могъ сына имате. Буряме, сынко! Ты тьешь Монарха дворити, а ты Пајко, младога Краля. Сатимъ смотри Светозара, кой Драгиню съ младымъ Неманьичьемъ преко собе исподъ руке водьаше. Видишь, сыне, рекне му, како добаръ Отацъ зна честна и послушна сына наградити и развеселити. Будите и Вы све добре, придода и прочымъ ту дѣвицама, коє се съ Чедомильемъ и другим' младитьима ту про'одьа'у, будите и Вы добре, као што є и моя Драгиня добра, па тье и Вама свакой Старый Вашъ Отацъ по єдногъ овако лѣпогъ момка дати. На то онако срдцемъ уми-

льенъ загрльи младога Неманьичьа: Сыне Србскій, рекне му, сладко срдце и надеждо наша! Чимъ тьу я, као старый Вашъ слуга, мотьи Вашимъ Величествама на Вашимъ милостима, на Вашой любови, кою мени и фамиліи моїой толико указуєте, чимъ тьу, велимъ, я игда благодарити? То рекши полюби га у чело. Све сте Вы то, рекне му великодушный Неманьичь, све сте Вы то, Отацъ, заслужили; но колико и' има, коима се чини, а заслужили нису! Мы се, приложи, радуємо, кад' само имамо коме за заслуге по могутьству достойну награду учиинти.

На то унесе имъ се и єло. Испунисе цѣла сала пайпріятніимъ мирисомъ. Сыне Светозаре! Я тьу се може быти при асталу съ Господомъ и заговорити, и нетьу мотьи свашта на умъ узети; зато гледатьешь и ты съ братьомъ, а казао самь и прочыма, да добро пазе, да се у чему не погрѣши. На Мамицу и не гледай. Време іой они на то дати нетье. Сатимъ истрчи къ Господи и поклонившисе Цару и Епіскопу, потомъ и другима, позове и' за софру, на кою сад' силна дьаконія донесесе. Царъ, ушавши у салу, погледи на асталъ: Газда Любомире! повиче, одкуд', душе ти, добы овако дивно постольє! (єръ фино сребро испословано бяше). Ваше Величество, одговори Старый, то є постольє сасвимъ ново, и купіо самь га у Рагузи сыну моме и дтьери, а я, приложи, имамъ за мене друго. Бѣда, брате, Старацъ! рекне Царъ Онъ ти у свачему мора нѣшто особито имати. Има лѣпъ вкусъ, Отацъ, приложи младый Неманьичь. Свака имъ є стварь у дому, ако и нієтако скупоцѣнна, лѣпа и у очима весма пріятна. Право има! Ваша Свѣтлость, рекну прочи, одъ вкуса све зависи.

Сатимъ стану на молитву, и Епіскопъ, благословивши трапезу, поклонисе Цару и Младоме. Царъ га сад' посади съ десне стране до себе. Младый салетіо бяше Драгиню, да сѣдне и она до ньегова Родителя съ лѣве стране: но она га моляше, да є остави, будутьи му у томе нипошто волю испунити не може. Царъ, окренувшисе, ка-

мо, вели, моя Кумица? Овамо! Я є нудимъ, рекне младый Урошъ; но стыдисе. Шта? Стыдисе? То мора быти! Кумице! Да сѣднешь овдѣ! Тако, моє дѣте! Та ты си намъ, приложи благій Монархъ, данась Царица овдѣ медь нама! Єръ сва ова, коя се данась чине, тебе ради чинесе. Да нієе, вели, невѣсте, не бы было ни сватова, ни овога веселья. И тако посадивши є Младый узме и самъ мѣсто до ньe; а прочу Господу Љубомиръ по чиину и старѣшинству посадьиваше. Бучина намѣсти до Епіскопа 30. лица' окруже првый асталъ, а 24. другій. Служительи сви прекрасно и чинно обучени, юноше благообразне и убучене, ставесе око' оба' стола' Господи послуживати. Светозаръ такодье не хтѣ сѣсти, но съ братомъ сваку точность око' трапезе наблюдаваше, да не бы младьи у чему погрѣшили. Пркосдеръ му сад' Бога ти кумице, рекне Царъ Драгиньи, што те мора да двори! Бурямъ, момакъ высокъ, — као што намъ є веть о ньему познато — и красна изгледа, сад' прекрасно обученъ и позлатьенъ, продье Цару за ледья и стане га дворити. Старый нашъ спази, да му ту нема Арістіда и Харітона, заповѣди, те му додьу, съ коима онъ на дну астала посадисе. Овай є данъ, вели, Ваша Величества, и Высокопочитаєма Господо моя, данъ за мене и тако найрадостніи, но Вы сте ньега Вашимъ присутствіемъ освѣтлили. Зато я самъ Вамъ, придода, пунъ радости! Я самъ Вамъ данась и излишно весео, и ништа сад' тако не желимъ, но да ми и Вы, мои найлюбезніи гости, весели будете. Благо нама гостима! одговори Царъ, кад' намъ є доматьинъ весео, свима тье намъ добро быти. А што Вы пытасте мало пре за нѣко уже? рекне Бучинъ Старомъ Свату, намигнувши на ньега. Та да вучемо ону петь наполье, Господине! одговори Богданъ. Слободно, любезный Господине, возрази на то Старый, слободно, вели, Вы сте Старый Сватъ, у Вашой є то власти! Како є годъ, приложи Царъ, онъ, вели, своє Херцеговце доведе у чувство! Лѣпо ти

намъ онъ њи учовѣча! Нигдѣ ти се вышше по оны' сели' сад' не чини оно, што се предъ тимъ чинило. Найпослѣ истреби измедъу њи' и вражку ону *Додолу*, *Лелья*, *Коледа*, и шта я знамъ какве їошт' одъ древны' времена' и погански' обычая' лудорiе. Ктоме како ти умѣде люде, и у цркву да иду, склонити. Научи и' землю болье обдѣлавати и привыкну и' къ трудолюбiю, тако, да се люди чисто обогатише. Све друго што є учинiо, рекне Бучинъ, но чудимъ му се, вели, како може и на ту мысао дотьи, да люде склони, онолику силну шуму око' Саввина' по гори оной искрчити и вiнограде посадити. И сад' га люди благосиляю. Па шта вышше? придода Богданъ, 4. потока изъ горе, прокопавши землю, саєдини, и састави поредъ села велику рѣку, и на њой потомъ поправи воденице и валярице. Све пакъ што ми є учинiо, рекне Царъ, све є добро, и на свему 'вала му велика; но што ми є школе по сели' лѣпо уредiо и люде у обычай увео, да дѣчицу свою на науке даю, то ми є особито по вольи учинiо. Я да самь Вама, Ваше Величество, приложи Богданъ, я, вели, не бы нашегъ Старогъ Господина ни овдѣ дуго задржавао. Нѣку годину, докле бы што и овдѣ поправiо, па бы га опетъ кренуо у другiй предѣлъ. Тамо око Дурмитора, при'вати Бучинъ, по оны' полудивльи' сели'. То како Вы судите, рекне Царъ, онъ бы морао чинити као и Отацъ Авраамъ, кой є на заповѣсть Божiю морао у друге земльe итьи, и безбожне народе своимъ примѣромъ учити. Да Васъ чує! (єръ Старый се бяше у дну софре съ другима заговорiо) како бы му мило было, што му желите! — а єдва самь га и свамо склонiо.

На то, позабавившусе Светозару при другомъ асталу, Чедомиль принесе Цару златный пеаръ съ вiномъ; Право, сынко, рекне му Царъ, синоть ме є, вели, твой братъ послужiо, пакъ ево достаде дѣвойку; а сад' ме служишь ты! Не захтѣвашь ли и ты море какву цуру? Газда Любомире! За твоє здравльe, брате! и за твоє дѣце, коя намъ данась благословъ Божiй къ светоме браку пріимише. Да намъ и' Богъ поживи! Да

намъ буду добри, срѣтьни и дуговѣчни! — Старый съ фамиліомъ устане, и чимъ Царъ чашу къ устима принесе, Светозаръ да знакъ на алтанъ, те му засвираю трубе, и потомъ загрме имъ све собе одъ пѣнія *многая лѣта!* Старый домаћинъ са своима благодаривши владателю на здравици пріими и самъ чашу: Да намъ Богъ поживи Њиова Величества, као срдце наше, коє насъ све оживлява! На то сви чаше узму, коє имъ у руку' око' трапезе єданъ съ другимъ кућаюћи зазвече, и *многая лѣта* шумомъ све се собе ту опетъ испуне.

Поутишавшымъ имъ се мало у двѣ собе са стране почну имъ кимвали благогласно ударати, и Царъ съ Епіскопомъ поведши разговоръ ободраваше проче, да се слободно веселе. Моє, вели, и Господина Епіскопа присутство да Вамъ веселымъ срдцама никаква предѣла не полаже! Свачему има време, по комъ мы валя да се владамо. Сад' наздраве Епіскопу и свештенству, потомъ благородству, одъ Бучина почевши даже и до найнижжи'. На конацъ захтѣсе Цару устати, и благодаривши Богу при трапези изидьу опетъ на алтанъ, и старія лица опетъ посѣдаю съ Владательемъ своимъ и са Епіскопомъ ту разговаратисе и про'ладьавати, а младьи почнусе по собама пролазити. Сала имъ се медьутимъ сад' спреми, и весела младежь устрепти на игру. Младый Немањичь буде првый, кой узме Драгиню, и узъ мусіку почне играти: Кад' ты ниси, брате, играо кодъ мене, и съ моїомъ Елісаветомъ; я тьу да играмъ кодъ тебе съ твоїомъ Драгиньомъ. Ваше Величество, одговори младый женихъ: Вы сте и тако мене, неполажутьи доброти Вашой къ мени границе, попремногу обвезали; Вы сте срдцемъ моимъ сасвимъ завладали: — чините одсад' са мномъ, што є Ваша воля. На то узме и самъ єдну дѣвицу, и тимъ дасе сад' поводъ и свима прочымъ, — єръ за тилый часъ велико се ту кола ухвати. И будутьи да Буряма сви ту за првога играча почитова'у, зато се по њему и његовой у игри системи сви сад' и водьа'у.

Играютьимъ имъ овако Господа и' съ алта-на гледаю, и часъ на часъ то єдномъ, то другомъ тапта'у. Нашъ старый Херцеговацъ, развеселъенъ, мотретъи лагку младежь, и любезно смѣшетъисе, како є свако весело и 'итро се окретье, погледи на Бучина, до кога сѣдьаше: Брате, вели, Айде душе ти, да мало и мы ове наше старе кости ту съ дѣцомъ по той сали протресемо. Бучину се ово да на смѣй, особито видетьи га, гдѣ онъ ово изванъ шале говори: Та не смѣйсе, тако ти вѣре, но айде! И будутьи да прочи не бя'у чули, на што онъ Вістіяра зове; зато запыта Царъ, чему се овай тако сладко смѣє? Но Бучинъ не може одъ смѣя одма на вопросъ ни да одговори, на коє Любомиръ управо: Та нудимъ га, Ваше Величество, вели, да мало и сами, као стари отцеви, нашой дѣци поиграмо; пакъ нетье. Ово се истина да сад' и прочыма на смѣй, будутьи да су имъ онда игре и потежке быле; а они обоица у зрѣлой веть старости бя'у: ничимъ манье и ово се Цару у нашемъ честномъ Старцу допадне, єдно пламенный онай и воєнный духъ ньеговъ, кой му старость їошт' сасвимъ угасила не бяше, а друго, ньегово простодушіє и чисто срдце, коє се ни у самой старости увеселъенья свога не лишава.

И тако на захтѣванье Монарха сви сад' повичу, да то буде. Бучинъ се доникле и изговара; но найпослѣ склонисе. Устане и узме свою дтьерь, а Любомиръ погледи на све дѣвице, коє ту у колу не бя'у, но на страни стоєтьи гледа'у, како ови играю. Смотри дакле сад' овдѣ и стару свою Ев'доѯію, кою су му сви у Двору чествовали, зашто му є она ову дѣцу изъ малена и одржала: Овамо Баба! весео Старацъ повиче, кад' си, вели, могла, ньега малогъ у пелене повіяти, и као мати нѣжно неговати га: валя да му сад' и у сватови' играшь. И тако ти намъ кукавну нашу Бабу све Херцеговачки по сали стане окретати, и будутьи да ова осимъ тога, што є была око' свои' 60. година', їошт' пуна и подебела жена бяше: то се

она са Старцемъ играютьи поштено ознои. Најпослѣ Богме морадоше ту и Арістідъ и Харітонъ, и сва његова челядь играти. Богъ да прости! сѣдши Любомиръ опетъ на своє мѣсто, и убрисавши зной съ лица, Богъ да прости! вели, ово башъ бяше добро! и смѣютьимсе прочымъ подмигнесе Бучину, како и онъ мораде играти. Ваше Величество! рекне Бучинъ, ово Вамъ є тако у воинству отврдло и закорѣло, да тъе душе ми имати смрть посла съ њимъ їошт' и послѣ 30. година'. На коє прочи станусе гро'отомъ смѣяти. А їошт', Господине, гдѣ є сад' дошао, придода Мирко Војвода, текъ тъе се сад' подмладити!

Они овако у игри, веселой шали и смѣю, али честно, и колико великимъ и паметнымъ људма пристои, проведу време, докле имъ мало и не за'лади. Пили су толико, да само весели буду, а не, да се коє и опіє, као што и сад' Господу и отмѣннія лица видити можемо, да ако се и развеселе, пію умѣрено и у дружству пѣваю, смѣюсе и љубезно се шале, но притомъ и на свой карактеръ, свою честь, и своє здравље, као люди честни и паметни, не заборављю.

Давши сад' времена младежи, по игри мало одданути, и по собама шетаютьисе мало се про'ладити, потомъ сви скупа изидьу наполье, мало протьисе. Єдни удьу у вертове, други изидьу на оглавакъ къ оњимъ великимъ растовима, а нѣки съ млады Соколовичьи и младымъ Кральемъ сѣдну на коње и изидьу и даље у шетню.

Сабравшымъ имъ се свима у вече на захтѣванье гостію постави имъ се асталъ насредъ авліе, и ту вечерати сѣдну. Епіскопъ, священости и їошт' нѣки, были су опростилисе и отишли, тако заоставши сви за єданъ асталъ смѣстесе. Сѣдетьимъ имъ при лагкой вечери младьи су како велику салу, тако и све редомъ собе освѣтлили были, и съ приправномъ мусікомъ на госте младежь є у сали чекала. Мусіка одъ поо їошт' вечере єдно по єдно одъ астала є одмамльивала. Најпослѣ устану имъ и Стари, и удьу у салу, гледати, како имъ бодра и безбрижна ту младежь играше.

Они и ово вече до 12. часова нотьи врло весело проведу. И Стари су опетъ играти морали. Господинъ Бучинъ играо є сад' съ Драгиньомъ, као са сна'омъ своїомъ, а потомъ и съ Милиссомъ; а Любомиръ съ Господьомъ Градоначалника изъ Столца и съ Косаромъ, найпослѣ и съ Драгиньомъ. Новакъ є само гледао и играти ніе смѣо, да не повреди ногу свою. кою є было покваріо. Светозаръ, Чедомиль и Краль, купно їошт' съ нѣки ту младитьи и войводама играли су промѣнително са свима дѣвицама.

За младье є наредьено было, да се и они у дольньемъ кату, колико имъ є воля, провеселе. Найпослѣ Косара, примѣтивши волю Монарха, кой постоянно сутраданъ на путъ потьи намѣраваше, да бы радъ спавати, но не хтяше їошт' мало дружству волье кварити, да донети пуншъ и нѣкій прекрасный ѳей, одъ когъ имъ цѣлый Дворъ замириса. На то попрестане имъ мало мусіка; но Царъ имъ рекне: весел'тесе, вели, Вы, младежи, и проведите Ваше, — Вы на насъ не гледайте. Светозаръ стане и' сад' све редомъ служити пуншомъ. Царъ пріими чашу, и допустивши му, да све обреди зовне га опетъ къ себи: Кумитьу! вели му, Ты си данась много играо, — вышше ти не дамъ. Сатимъ пружи му руку. Младить се учтиво поклони, и полюби Монарху руку. Онъ ньега любезно за руку придржавши: Сад' да идешь, вели, спавати; но да поранишь, Сыне, придода, па да ме лѣпо сутра, кад' си ме овако частіо, и испратишь. Баремъ, вели, у 9. часова да будешь обученъ и готовъ. Но! И то є рано! Ваше Величество, рекне Богданъ, смѣютьисе. Ништа зато! возрази добрый Неманьичь, у часъ у два ни преврило, ни прекипило! Єръ и самъ радъ самь испаватисе. Сад', кумитьу, све госте ове полюби у руку и иди спавати. Юноша, обредивши любльеньемъ своимъ све найпослѣ приступи къ своимъ дѣдовима и къ матери, кои га родительскимъ срдцемъ любетьи благосиля'у, и рекну му, да и опетъ Цара у руку полюби; — но Царъ му руке

вышше не даде, него отечески и онъ пригрльивши га у уста се съ ньиме полюби и одпусти га. Мати, одпративши га, повиче и на Чедомиля, кой їошт' играти хотяше, да и онъ спавати иде, а младьи нека се мало на тенани провеселе. Кумице! повиче Царъ на Драгиню, коя їошт' послѣдню игру съ Богданомъ продужаваше, доста є то, вели, дѣте мое, — Айде, иди спавати! Косара! Не дай їой вышше играти, да се не квари, — то младо и весело аки бы и знало, шта му є доста.

На то дѣвица изидье съ матеромъ и донесе на служавнику їошт' по єданъ ѳей. Ао моя Косара! рекне Царъ, кад' осѣти мирисъ, какавъ ти є, вели, сад' опетъ овай ѳей? Ово є нѣшто яко моя дтьерко! То є добаръ ѳей, Ваше Величество, возрази Косара. Само изволте Ваша Свѣтлость, придода Старый, пити га, па тьете, вели, осѣтити, како добро чини! Старино! повиче Царъ, смѣшетьисе, зато си намъ, вели, ты такавъ, што ты умѣшь живити!

Попивши дакле овако ѳей станусе по соба' разилазити, да спаваю, дозволивши младьимъ, да се веселе, ако тье и до саме зоре. Драгиня, любетьи свима руку, и пріимивши одъ свію любезный полюбацъ, подье съ матеромъ, кою Г. Юговичь до собны' врата' допрати, а потомъ вратисе къ прочымъ. Старый Любомиръ сад' съ Космомъ, Милиссомъ, Бурямомъ, и Монъ Аміемъ разредивши Монархе и сву Господу по соба' удье и самъ у свою, у коїой Светозара и Чедомиля застане, да веть у велике спаваю. Яо, Господине! Та како то? рекне Бурямъ, кой Старогъ Господина ту у собу допрати, гледетьи на Младога. А да? возрази Старый, да како ты мыслишь? Господине! То є нова мода! Чистидерсе ты, смѣшетьисе честный Старацъ, докле, вели, я нисамъ онай штапъ узео, па нетьешь погодити ти' врата'! Овай, пошто га свуче и послужи, полюби му руку, и излазетьи изъ собе: Господине, вели, да знате, да тьете намъ морати и за то їошт' єданъ данъ къ веселью поклонити. Добро! добро! по-

виче Старый и собу затвори. Бурямъ удье сад' къ прочыма: Богъ да прости! вели, те намъ се они разидьоше, — сад' є наше царство!

Косма сад' са своїомъ Милиссомъ и Старомъ Еѵдоѯіомъ, коима се їошт' спавати не хтяше, изидьу на алтанъ, и сѣдну, мало ове гледати, како имъ у невинной само шали и смѣю їошт' раскошствова'у. Ти'у имъ ноть мѣсецъ даже и по алтану остѣтліо бяше. Они овако разговараюсе; ал' ето ти имъ и Косаре! Милисса! Космо! вели, а што Вы не идете спавати? А гле и наше Старе! А што Вы изидьосте, Мамице? упыта Милисса. Та изидьо', вели, да надгледамъ ове; — мыслила самь, да Вы одосте спавати. Сатимъ посадисе и сама. Успавасте ли дтьерь? О! као и окупана! Како леже, заспа, као да три нотьи спавала ніє. Сна'а! Сна'а! Ніє вышше дтьи, возрази Косма. Е! та тако бы требало! ал' Мамица — Не! не! То само Мамица зна, кад' тье ню сна'омъ наименовати, — она є моя дтьи!

Медьутимъ Бурямъ у салу бяше донео пунъ єданъ легьенъ воде, па окупіо Арістіда, Пчелара — кой се мало и напіо быо, и нѣке служителье и дѣвице, да имъ нѣшто врача, увѣраваютьи и', да тье имъ онъ изъ ове воде дьаволе цітирати. Овай є врагъ, рекне Косара, науміо нѣку комедію съ овыма изиграти. Сад' погледайте сви у овай легьенъ, рекне Бурямъ. Но! видите ли шта у ньему? Видимо зрна пшенична. Избройте, колико и' има. Има и' 9. Добро! Сад' свакій валя да метнемо у ову воду по єдну мрву 'лѣба. То буде. Дайте ми сад' єданъ ножъ. Узме ножъ, и ньимъ 9. пута воду у легьену прекрсти. Сад' узмите изъ ове воде свакій по єдно зрно жита и метите себи у уста; но чувайте, да га не прогутате! Добро! узме легьенъ и принесе къ петьи, одъ кога сад' изброи преко сале 9. стопа'. Сад' Вы сви станите овдѣ у редъ, и прекрстите руке на прси, а я тьу, вели, овай прстенъ метути у легьенъ у воду, па кад' повичемъ одъ 3. до 7. пута', видитьете, како тье овай прстенъ изъ воде самъ изскочити,

и то тье намъ прва проба быти, хотье л' намъ врази дотьи? Онъ повуче легенъ мало ближже къ ньима, да болье видити могу, сагнесе, прстенъ, вели, овай морамъ насредъ среде положити, — ево видите га! Да не сумняте што? Сатимъ намѣ ти прстенъ и узме єданъ врбовъ прутитъ, па стане мало на страну и повиче: Ідоръ хипъ! трипутъ. А—я! Но до 7. пута', видитьете, мора изскочити: Ідоръ хипъ! И тако, чимъ онъ заусти, да седмый путъ ову рѣчь произнесе, ал' у легену пукне нѣшто, и прстенъ имъ чакъ у горньій сподъ изскочивши удари. Ови се сад' на то тргну. Онъ притрчи къ легену, и покаже имъ чисту воду, као што є и найпре была. Сад', вели, угасите свѣтье, или унесте и' у другу собу, па да се сви овомъ водомъ умыемо, и онда тьете оно, вели, видити, што нигда їошт' видѣли нисте. Ови, првомъ будутьи пробомъ увѣрени, да заиста нѣшто може быти, найохотніе то учине, само да виде, какви су дьаволи. Арістідъ єданъ као не вѣроваше томе, но изъ любопытства и онъ, да види само, на што тье дѣло ове варалице изитьи, не успротивисе ни самъ. Два служителя изнесу свѣтье у другу собу, и они се онако у помрчини сад' съ Бурямомъ скупе око' легъена. Бурямъ имъ сад' рекне, да тье се онъ найпре умыти, и оно, што онъ буде умываютьисе говоріо, да и они говоре, кад' се кой почне умывати. Сатимъ станесе рукама по легъену брчкати, аки бы се онъ тамо заиста умывао, а онъ, извадивши изъ джепа свога нѣкій црнъ као истый зифтъ прашакъ, и мутетьи овай по води, почне говорити нѣшто неуразимително; потомъ каже имъ, да се све двоє и двоє сада томъ водомъ умыю, и првый буду Арістідъ и Пчеларъ, коє онъ, кад' се умыю, постави у редъ, поступаютьи тако и съ прочима, даже до послѣдньега. Кад' све тако у єданъ редъ намѣсти, яви преко єдногъ служчета, да они изъ друге собе унесу свѣтье, а самъ мане рукомъ на оне, кои на алтану сѣдьа'у. Текъ ови у салу удьу, ал' свѣтье имъ унесу, при коима сад' кад' видище ове у

реду као штатуе укочене и црне као дьаволе, загрми имъ цѣла сала одъ смѣя, и тимъ имъ їошт' смѣшніе падне, што они по наредби Буряма онако укочени стоетьи, и управо на оне, у салу ушавше гледетьи, єданъ другога не видьа'у, слѣдователно и не знадьа'у, чему имъ се они смѣю? но мыслетьи, да имъ се смѣю, гдѣ они онако укочени у реду стоє, пакъ то єданъ, то другій, стану їошт' болье прси своє испучавати: — а кад' веть и сами узеше на умъ, чему имъ се они тако сладко смѣю, и кад' рече Бурямъ: „Оваке штатуе да намъ є Господинъ по верту поставіо,!“ погледе єданъ на другога, и єданъ другоме зацѣнесе смѣяти, свакій на себе и заборавивши, да су се на єдномъ Іордану купали, и да є свакій као Араѣвійскій анґьео постао. Сад' да и' измолуемъ! рекне Арістідъ. Иди сметеняче! повиче Пчеларъ, погледайсе, вели, и самъ на огледало, какавъ си! Арістідъ пакъ за себе не вѣроваше, зашто га є Бурямъ преваріо быо, да є ньему другу, чисту, воду подметнуо: а кад' га огледаломъ увѣре: О ты сотоняче! повиче на Буряма, чекай, вели, научитьу я тебе. Они овдѣ по довольномъ овако смѣю предъ саму веть зору разидьусе спавати.

Старый доматьинъ, како зору крозъ прозоре спази, устане, обучесе и изидье. Тишина му у цѣломъ Двору їошт' царствоваше. Онъ по ходнику горе и доле самъ шетаютьисе разсудьаваше о томъ, шта тье сад' съ Царемъ говорити? И како тье му мотьи укратко при полазку ньеговомъ пуне своє чувствованія' прси о многоважны' и публичны' дѣли' одкрыти и лѣпо исказати? Отворивши єданъ прозоръ у малый вертъ свой почне нѣшто своимъ вертару говорити. На то стражаръ царскій, кой стаяше наоружанъ предъ царски враты, гдѣ Царъ спаваше, зовне га, и каже му, да є Царъ буданъ, и чувши му гласъ захтѣва га къ себи.

Любомиръ сад', ушавши унутра, поздрави Цара съ добро ютро, онако іошт' у постельи суща. Ваше є Величество одъ свега мало одпочивати

могло, рекне му. Мало! любезный, но добро! одговори бодрый Монархъ. Мени є, вели, довольно, кад' вамъ я 4. часа сладко и спокойно одспавати мугу. Єто, придода за Младога, коме вышше спавати валя, — но добро, вели, што си ми дошао, примакни столицу овамо ближже, да се овако лежкаютьи мало съ тобомъ разговоримъ. Старый, примакнувши столицу: А не бы, рече, Ваше Величество ту намъ милость показати могло, їошт' и данась кодъ насъ задржатисе. О не може то быти, любезный мой! возрази Владатель, и самъ бы самь, вели, радъ быо; но нiє ми могутье, — дѣла ми моя не допуштаю. Любомиръ сад' сѣдне ту кодъ ньега, и до 7. часова у найкраснiємъ съ ньимъ ту разговору проведе. Монархъ га є съ великомъ охотомъ слушао, и чисто упоисе радостью, што му овай мудрый Старацъ многа ньегова предузетья одобри, и похвали, одъ многи' пакъ ньега и одврати, и доказа му, да нису добра. Но оле жалости! Одъ єдиногъ ньеговогъ намѣренья никоимъ га начиномъ одвратити не може, сирѣчь, да или се вышше за кою годину у ратъ не заплетье; како и тако са свію страна' непріятелье своє узсмириіо и себе осигурао бяше; — или баръ да се дома преко зиме примири, и на пролѣтьє, шта тье съ Грцима чинити, да гледа, доказуютьи му, да онъ има и тако многа полiтичка дѣла своя, коя тье мотьи преко зиме у Двору, на миру, прекрасно у добаръ поредакъ довести, и тимъ срдце цѣле землье и царства своґъ утврдити, — да гледи, нѣке Войводе, на коє онъ подозрѣваше, измѣнити, — и да войску свою, коя му надалеко разасута бяше, болье организирати, и къ Бугарскимъ є паче, нежели къ Грчкимъ границама приближавати, єръ Грцы, говораше му, толико су се смирили, и толико сте имъ силе ослабили, да намъ се одъ ньи' ни за много година' бояти нiє: — но Бугарску, говораше му, да гледа себи болье присвоити и законе своє у ньой утврдити, коя ньега одъ Влашке разставляше, а тимъ и союзу ньеговомъ съ Влашкимъ Войводомъ, сад' пріятельемъ,

и Младога Тастомъ, много препятствовати, и даномъ приликомъ вредъ нанети може. Укратко, да се даље не упушта, докле оно, што му є судба даровала, сасвимъ не утврди, и къ своmъ царству и народу не сроди, и у єдно тѣло політичко не сліє, — а наипаче да гледа Вукашина Мрнячевичьа — сад' веть Деспота — понизити, и силе му умалити. Ово су све были за нашегъ Душана спасителни Старца Любомира совѣти: ал' онъ, човѣкъ младъ їошт', около свои' 45. лѣта', пунъ крѣпости и жива духа, поуздасе много у себе, и предвидѣти не могаше, шта є судбина веть о њему заключила была. Али Бога є єдиногъ сила и владањє вѣчно; а човѣческа сва подлеже промѣнама времена! Да є овай Монархъ было мужъ великогъ духа, и да є онъ на вр'у благороднѣйше и свете лозе Неманьичьа' у щастію, и славомъ паче свію предкова свои' было процвѣтао, то видимо мзъ дѣла' његовы' велики', за коя є и *Силнымъ* кодъ свои', а кодъ странны' *Великимъ* названъ, то є истина: — но у єдномъ њега уєде гуя, што царство своє на многе части раздѣли, и што исте своє провінціялне предстателье яко осили. — Но вратимосе къ нашой повѣсти, и не изступаймо изъ реда њеногъ у Історію дубље.

Докле су се они овако разговарали, — ахъ! као да су и знали, да тье имъ ово и послѣдньій разговоръ быти! дотле се по наредби Косме и царски' чиновника' све веть за путъ спремило было, и съ готовымъ се ручкомъ на њи чекало. Буде веть и осмый часъ, кад' Монархъ обученъ и оправљенъ изъ своє собе изидье. Сабравшымъ имъ се свима у салу поведу опетъ свеобште и шальиве медьу собомъ разговоре. Младый краль будутьи їошт' устао не бяше: зато съ ручкомъ и не по'ите. Косара пошлье у вертъ єдну одъ дѣвица' свои', те набере пуну єдну котарицу цвѣтья, одъ кога нѣку часть узме, а проче съ Драгиньомъ унесе Светозару у собу, и поспу му по кревету. Лѣпо ти є, рекне му Драгиня, кад' га веть пробуде, сви устали, вели, а ты їошт' спаваш! Мани-

це! возрази Юноша, та ова мени веть поче заповѣдати! Има право, и валя да ти заповѣда. Одкад' є она устала, а касніе є одъ тебе легла! Е, Мамице, кад' є тако, на частъ Вамъ Ваша дтьи, мени жена и не треба. Удайте є за кога Вамъ драго. Єсть! А ниси чуо, како намъ є ючеръ Г. Епіскопъ казао? Єсамъ чуо, да нѣшто изъ светогъ писма рече, да є мужъ жени глава. Е! Шта їошт'? А ніе казао, да є жена мужу! вѣнацъ? Јо! онъ є то рекао само за добру жену! А я нисамъ добра? Ты си добра само кад' спаваш. Браца! повиче Чедомиль, деддеръ се ты сели у твое собе, ако се Вы мыслите инатити. Айдете дѣцо, рекне мати, айдете устайте, време є, ево, да и момакъ не чека, оправтесе, па додьте. Є л' устао, Лазо, Младый Неманьичь? Ніе! одговори слуга. Ови сад' одма оправесе и по'ите Кралю съ арфомъ у собу, и мыслетьи, да онъ їошт' спава, почну му ти'о ударати, на ков удье и Драгиня са їошт' три дѣвице, и почну му лагано пѣвати. Онъ се на ньи любезно осмѣне: Таквомъ се, вели, мелодіомъ паче успавлює, нежели буди. Дѣвице му се сад' поклоне и изидьу, а два служителя удьу и Краля обуку.

Сад' при ручку у веселой бесѣди и пристойной шали мало се и позадрже. Зато Старый Доматьинъ съ фамиліомъ своїомъ радовашесе, да тье имъ и на обѣду остати, и почну, ово Цара и Младога, а ово прочу Господу молити: но Царъ нипошто се выше задржавати не хтѣ, и примѣтвши намѣренье Любомира, како и' испратити желяше, ни подъ кой начинъ то чинити не дозволи му, — само допусти му, до изванъ села съ Косаромъ, Драгиньомъ и два унука испратити и', гдѣ и' на єдномъ брдашцу два ескадрона коньика' чека'у. Ту се сад' любезно излюбе, и разстанакъ имь се овай чрезвычайно чувствителнымъ учини. Любомиръ є са своїомъ фамиліомъ ту на брдашцу томъ сузама поливенъ стаяо, и доклегодъ нису за єдну гору зашли, єднако є за ньима гледао. И тако сад' нашъ Старый, пораженъ у ти'у нѣку меланхолію, вратисе.

При обѣду сад', а и цѣлый данъ тай, другогъ разговора нису ни имали, него, како су прошастый данъ весели были; како имъ се Царъ у свему задоволянъ, у лѣпомъ расположенью, весео и любованъ показивао; такодье и проча Господа, а особито Епіскопъ и Богданъ, съ каквымъ простодушіемъ, съ каквомъ любезномъ искренностью и повѣреньемъ са свакимъ имъ у Двору обходишесе, као да су имъ присни сродницы ньіови.

По поодне Старый, будутьи да є рано устао быо, дозволи своима домочадцима провеселитисе: а онъ оде, и наслонисе мало спавати. Косма дакле сад' са Светозаромъ, Чедомильемъ и свима у Двору, наново се, даже и до саме нотьи, провесели.

У вече при столу шалетьимъ имъ се заповѣди добрый и пунъ радости Отацъ своmъ возлюбльенномъ сыну Светозару и Драгиньи сна'и, да они сутраданъ єданъ пристоянъ обѣдъ сами одъ своє стране као нове газде справе, и да ньега съ матеромъ и свима у Двору на такавъ обѣдъ за свою собствену трапезу у свои' соба' позову. Хотьу, вели, я да видимъ, какве тьете Вы газде быти, и у каквомъ тьу я, дѣцо моя, поредку ваше собе и ваше ствари застати: али, придода, ты Косара и ты Милисса, да се не усудите отитьи имъ, и у чемъ нибудь исправляти и'. Я тьу єдномъ служителю налогъ издати, да онъ на то пази. Вы све, Богу хвала, имате, настави Старацъ, ваше прекрасне четыри собе, куйну, свой млекаръ (шпайскоммору) и све, штогодъ потребуєте, имате обилно. Добро, Отацъ, одговоре ово двоє, Вы тьете видѣти, како тьемо Васъ дочекати: но Отацъ любезный, придода младый газда, по учиньеной таквой проби опетъ насъ пріимате? То тье зависити одъ пробе, дѣцо моя, докле видимъ, како тьете умѣти госте дочекати. Я самъ за мою дтьерь добра, Отацъ, да тье она быти вредна, госте своє дочекати; но не знамъ, како тье намъ се сынъ Вашъ владати. Госта умѣти дочекати, возрази

Старый, и домъ свой у чистотьи и поредку држати, и не зависи толико одъ доматьина, колико одъ добре доматьице. Право! Отацъ! Стани! Стани! Послушай ме! Одъ бодра и паметна доматьина, зависи, да добра и доматьица буде. Драгиня є, моє дѣте, до данась добра была, и добра ти се предає; одъ данась ты тьешь рачунъ за ню давати, но у многоме и она за тебе. Зашто и одъ паметне и добродѣтелне жене много зависи, да и мужъ у своме дому добаръ газда буде.

Трептьутьа радость срдце є сад' овымъ двома занимала, како тье они, као нове газде, првый путъ у своє собе ове любезне имъ госте дочекати, чимъ боље, и каквымъ ветьимъ усердіємъ ньи мотьи послужити, благимъ ньинымъ желяма удовлетворити и увѣрити и', да тье они добре бити газде. Отишавшымъ имъ у чисте и прекрасно намѣштьене своє собе всує Драгиня разсматраше сад' по ньима, чега бы се рукама коснула, и шта бы она примѣтити могла, да иначе намѣсти, него што є мати ньена съ Космомъ све лѣпо и по вкусу намѣстила была. Драгиня, рекне юноша, знашъ ли шта? Овай, вели, малый орманъ съ порцелланомъ да помакнемо мало овамо! То самь, приложи, и одъ Мамице чуо, да тье спрам' врата' стоєтьи, некако се у собу удье, лѣпше у очи упадати, нежели овако. То учине, и Драгиня се радоваше, да су ипакъ баръ штогодъ поправити знали. Она їошт' съ воштаномъ у руци свѣтьомъ изъ собе у собу пролазетьи разсудьаваше, у коїой тье собы, и како тье асталъ дати намѣстити? Найпослѣ почне и своє сребрно постольє прегледати. Шта тьешь сад' опетъ са тимъ? рекне їой Светозаръ, кой веть безбрижно легао бяше, смѣшетьисе на ню, нетьешь ли їошт' сад' асталъ поставляти? Што ти є женско! Ты тьути, па спавай; а я знамъ шта чинимъ. Право велишь! Нетьу, придода, таким' стварма главе ни разбіяти. Та я знамъ, возрази, она, да сте таки вы мужки.

Сутраданъ рано она се хтяше ньему подкрасти, да се оправи и посао свой предузме, єръ на

веселомъ срдцу ньеномъ єднако бяше, какви тье имъ гости тай данъ у по'оде дотьи. Она се ти'о обуче, и све лагано на прстима къ вратма подье, смѣшетьисе у себи, како тье га предъ Старіима за спавача осудити и секирати га. На то онъ, кой се само чиніо да спава, гро'отомъ се насмѣє: Да знашь, вели, да тьу казати, да самь те єдва пробудіо! Єсть! кад' бы ти се вѣровало! Сатимъ изидье и младьимъ своимъ наредивши посао у куйни удье са двѣ своє служительнице асталъ намѣштати. Медьутимъ и младый намъ се газда оправи, и стане и самъ наредьивати све у лѣпомъ согласію съ ньоме, и весело обоє єдва чека'у време, да своє миле Родителье виде съ прочима, аки бы се были Богъ зна одъ когъ времена одъ ньи' разстали. Справе имъ дакле найизредніи обѣдъ. Дугій асталъ, чистымъ сребромъ покрывенъ, насредъ велике имъ собе блисташесе. Два младитьа, лѣпо обучена, и къ служби приправна, пошлю сад' по ньи', на коє чисто обучени чека'у.

Чедолюбивый Родитель, прекрасно такодье обученъ, узме подъ єдну руку Косару, а подъ другу Милиссу, за овымъ Косма Стару Еѵдоѯію и младу Пошу Цвѣту, а за ньимъ прочи сви, до 16. лица', и тако у разговору и шали подьу ходникомъ къ резиденціи овога сретьнога пара. Драгиня, спазивши и', истрчи имъ на срѣтеньє. Но, млада Газдарице, смѣшетьисе рекне добрый Отацъ: Єси л' рада гостима? Єсмо, любезный Отацъ, трептьутьи машаютьи имъ се рукама одговори Драгиня, и добро сте намъ дошли. Они є отечески изгрлье и излюбе. Светозаръ, стоєтьи на собны' двокрылны' у ходникъ врати' у десной руци воштану свѣтьу, а у лѣвой віно и єлей на сребрномъ сосуду држаше: Я Васъ любезни наши гости, рече, веселимъ ево віномъ и єлеомъ! Сатимъ полюбившымъ имъ се ту пропусти и' юноша у собу. Дѣцо моя мила! рекне Старый, я Васъ данась, као првый путъ у Вашемъ дому, са „*Помози Вамъ Богъ*!“ поздравлямъ. Сатимъ извади изъ свога джепа шаку чиста жита, и просувши имъ ово

на главе и унакрстъ по соби: Пшеница Вамъ, вели, одъ руке родила!

Сад', прогледавшымъ по собама ньіовымъ мило имъ буде, похвале и' и сѣдну обѣдовати. При обѣду Старый и Косара съ благоволеніемъ на ньи гледа'у, и сва примѣчава'у, како имъ сад' ово двое у свачему правило наблюдава'у, и съ каквомъ охотомъ и срдца свога движеньемъ угодити имъ настоява'у, коима се иначе угодити и не могаше, развѣ, знаке мудрости и добродѣтельи одъ себе показуютьи, чистъ поредакъ у свему у дому, и любезно согласіе медьу собомъ имаютьи. Они су єдно друго любезнымъ само погледомъ за штонибудь запыткивали; мысли су се ньине свагда срѣтале. Старый сад' найболье позна, колике є важности дѣло, кад' бы могло и свакоме быти, дѣцу, коя се къ єдномъ браку опредѣле, єднакимъ начиномъ и воспитавати. Они ти намъ и овдѣ и тай данъ весело проторжествую.

Я самь Вамъ задоволянъ, любезна чеда моя, полазетьи рекне имъ Старый. Вашъ поступакъ мени є у свему по вольи, и срдце се моє сад' испунява пріятномъ надеждомъ, да тьете Вы умѣти домъ свой управляти, да тьете знати, и Ваше младье у пристойномъ реду држати, и фамілію свою, ако Вамъ є Богъ дарує, срѣтьномъ учинити. И ово є, дѣцо моя, Вашъ Старый Отацъ — не, што бы я о Вама сумняо, но срдцемъ умильенъ захтѣо самь — єдну само пробу, као изъ шале съ Вама учиніо; — иначе мы Васъ ни у чему одъ насъ не разлучуємо; Вы съ нама у свему заостаєте, осимъ што су ове собе и адидьари, кои су Вамъ овдѣ дати, Ваши, а чимъ тье Вамъ време їошт' што приумножити, видитьемо. Млади сте, радитьете. Докле се моя сѣнь надъ Вама простире, и докле моя Васъ рука управля, живитьете као моя дѣца и као што сте и живили, а по моїой смрти, дѣцо, како Богъ да! Судба є, истина, дѣцо, Ваша на Васъ срѣтьно жребіе бацила; но Вы їошт' сила искусства потребуєте, да Вашой таквой срѣтьи отвѣтдати можете. Вы їошт' валя да учите,

како треба свѣтъ познавати, како треба нрави разногъ состоянія людій искусити, и како себе на благополучной той точки утврдити можете. Духъ мой, чеда моя, само є у Вама оживіо; али га време їошт' до оне зрѣлости довело ніе, у коїой му быти надлежи. Єдно само то, настави честный мужъ, мене тѣши и оживлява, што Вамъ є мати жена їошт' у снаги, млада и паметна, и што Вамъ є братъ ево у зрѣлы' веть година', на кое бы се я при концу мога живота поуздати могао. Зато, дѣцо моя драга, слушайте и'. Любовь медьу собомъ храните, и слабости єдно другоме сносити учитесе, па тье све добро быти. Благостояніе тье Ваше цвѣтати, и Богъ тье Васъ свагда благословити.

Одъ овога дана благодушный овай и често споминяемый нашъ Старацъ, любезни мои читательи, нова попеченія о фамиліи своїой предузме. Чедомиль ньеговъ любезный, кой веть 16.-то свое лѣто свршаваше, срдце ньегово узнепокояваше. Онъ дѣте ово вышше у Призренъ шиляти не хотяше, изъ узрока, да га не бы дѣдъ му къ себи присвоио, у дворска га дѣла временомъ уплео, и одъ матере и братье га на вѣки разставіо, кое се Любомиру сбогъ ньегове ти'е нарави никако не допадаше, но пошлье га, као што напредъ рѣчь имадосмо, у Дубровникъ, мѣсто такодье знаменито, и врло цівілізирано, кое заиста трговиномъ и стицаньемъ людій одъ свію страна' у многимъ струкама їошт' болье, него и самъ Призренъ цвѣташе, но нѣкако и ту засад' сбогъ єдногъ малогъ узрока, кой тье далье слѣдовати, нашемъ Старомъ не испунисе о юноши овоме желя. Єръ добрый пріятель ньеговъ, коме є онъ ньега и препоручіо быо, пошлье му дѣте ово по маломъ времену натрагъ, не нарочито сбогъ предреченогъ узрока, него да буде своmъ старомъ Отцу на Інсталлаціи (на кою и не приспѣ) и чрезъ писмо истый мужъ яви Любомиру нѣкій случай, радуютьи му се, као добрый пріятель, о прилици, коя му се ту на руку дає, да онъ съ племенитомъ єд-

номъ фамиліомъ у союзъ пріятельства додье. Но искусный овай своимъ любезнымъ унуцима Менторъ, проразсудивши, на каквой поклизной точки ньеговъ Чедомиль, ступаютьи на 17-то лѣто, стои, не надье за добро, вышше тамо шиляти га, премда му є и ово дѣте краснѣйше нрави было, благо и много мирніе одъ старієгъ брата, и тако одпише онъ своимъ пріятелю у Дубровникъ, захвали му на любови, и каже му у писму, да му се допада предложенье ньегово за онай честный домъ; но да притомъ онъ дѣте засад' при себи задржава, коме довольно посла, а и у дѣли' земальски' практіке и у Двору своимъ надье. Онъ ньега сад' у Канцелларіи съ братомъ и Секретаромъ задржаваше, а Драшковичь га и Светозаръ у послови' наставля'у и обучава'у; сад' на извѣстне нѣке часове къ себи га у свой кабинетъ призиваше, и у нѣки' особиты' дѣли' дворски' прихода' и рачуна' са Ісідоромъ упражняваше. Нѣкій путъ послао бы га съ Космомъ на своя села, и свою велику економію, гдѣ бы се и по двѣ недѣлье задржао.

И будутьи настане имъ и есень; велике врутьине мало попрестану; и небеса топлоту свою умѣре; време се найпріятніимъ учини: то намѣри нашъ Старый съ младымъ Войводомъ изитьи у землю и цѣло ово княжество протьи, посѣтити, и видѣти, како му послови ходе. Онъ разашлье кньиге на све стране по мѣсти' отмѣнніи', и яви Магистратима, и по маньи' мѣсти' судейскимъ домовима, свой долазакъ, да ако има што коє обштество о чемунибудь ньему као Князу предложити, приправно буде. У овой прилици дакле сад' поведе Старый и Чедомиля. И тако съ ньима изъ мѣста у мѣсто ходетьи, и свагдѣ се послова свои' ради за публікумъ задржаваютьи, цѣо мѣсецъ Октоврій проведу, и радостни се дома врате, гдѣ све здраво и на миру застану; — особито Староме буде мило, кад' затече, да му є добрый ньеговъ Косма не само віограде обрао, шльивике све отресао, и сву лѣтину прекрасно

увезао, него му їошт' и цркву сасвимъ веть оправіо. Космо мой! Сыне мой любезный! умильенъ Отацъ рекне му, ходи, да те загрльимъ! да те отеческимъ срдцемъ полюбимъ! Овако треба, полюбившисе сад' съ ньимъ, овако треба да се и Отацъ своме благопослушномъ сыну благодаранъ покаже, и, колико є ньиме и дѣлы нѣговы задоволянъ, да му изяви! И овако и вы, дѣцо моя, съ Ваши сыновы и съ Ваши младьи поступайте! Мила є младьима признателность старіи', — она ньи оживлява и у охотный подвигъ приводи. Єръ вышше любовь и лѣпа рѣчь чини, нежели стра'ъ, псовка и чангрызанье често, премда кадшто и безъ тога быти не може; но колико є могутье, чувайтесе сурова поступка съ младьима. Вы доволянъ примѣръ имате у мени. Вы сами видите, да се мени свако изъ любови, а не изъ стра'а повинує. Стра'ъ има и одъ мене: али, какавъ? као благовоспитанный сынъ што има одъ свога родителя. Єси ли, сыне, настави Старый, у цркви дао веть и кандила повѣшати и све, што треба, у редъ поставити? Све є, Отацъ, то готово: само докле уютру тамо одете, видитьете, како самь Вамъ све лѣпо уредіо! А за звона пишу л' намъ што изъ Дубровника, кад' тье намъ се послати? Право! повиче Косара, Вы имате, Отацъ, и єдно писмо изъ Дубровника! На ключъ, Драгиня! и донеси га изъ моє спаватье собе! Ондѣ є на орману. Кад' Старый узме писмо, и отвори, — одъ Сенатора! Пише му, да може дѣте Чедомиля сигурно послати. Читаютьи погледи на младитьа: Єси л' радъ ты кицоше, да те опетъ у Дубровникъ пошльемъ? Зашто не, Отацъ, одговори онъ, — ако сте у намѣренью томъ; то зашто бы сте и одлагали? Добро, вели, баръ за ову зиму итьитьешь! Ты га Космо не потребуєшь? смѣшетьисе рекне Старый. Та нашло бы му се посла, одговори Космa. Іошт', вели, люди нису намъ све ни овр'ли, а требало бы и віно одтакати и ракію петьи, тако мысліо самь га Настойникомъ учинити: — но кад' є веть радъ у Дубровникъ итьи; то морамъ другога гледати. А онъ

бы, велишь, то званіе на себе пріиміо? Каже, да воле него у Канцелларіи. Па шта бы ми и шкодило? возрази юноша. Я видимъ, вели, Браца, да Вама, кой око' економіе идете, поболье трбу'ъ расте, него нашемъ Секретару и Отцу Ісідору.

По шальивомъ овако разговору саобшти Старый писмо Недичьа Сенатора Косари, на кое она: Добро, вели, Отацъ, кад' она ніе вышше тамо, и нетьесе вышше вратьати: то и я налазимъ за добро, да се дѣте пошлье, баръ за ову зиму; а на лѣто, видитьемо. Я самь съ Гаговичьемъ быо, — у ньеговомъ дому! Право! возрази Косара, — дакле? О какви су врли то люди, Косара! Но ніе имъ у истый ма'ъ была дома! Тако — нисамь хтѣо ништа ни споминяти. Болье што нисте! Найпре валя дѣвойче видѣти. О кад' бы Богъ дао, да само можемо и съ ньимъ у томъ срѣтьни быти, као што смо съ овымъ старіимъ! О Драгиня намъ є дѣте, Отацъ, коїой подобне мы вышше нигда натьи нетьемо!

Сутраданъ рано изидье нашъ Старый Газда съ Арістідомъ и Космомъ своимъ къ цркви, и прогледи све, како му є лѣпо овай, и у свему по вольи, оправити дао. Іконе по іконостасу чисто као живе. Арістіду самомъ буде мило, па часъ на своє дѣло, а часъ на Старога погледаше. Кандила одъ чиста сребра, бѣлесе као млеко. Столови одъ зрѣле ора'овине, прекрасни. Одежде дивне укрутилесе одъ злата. Путири, крстови, света трапеза, све є то дивно испословано и све скупоцѣнно. Престолне іконе, великій образъ светогъ Архістратига Міхаила, рекао бы човѣкъ сад' тье проговорити. Горонь высокъ и тучомъ, као и црква, покрывенъ. Ніе тако велика црква, рекне Арістідъ, Господине, ал' є лѣпа и по вкусу. Та брате за мене и мой домъ доста є! На што ми ветьа? Сад' ништа друго, но да се освети, и да се звона їошт' донесу и мету. Лѣпо намъ, вели, и тако сад' пада, да є нарочито на Св. Архістратига Міхаила троносати дамо. Као што и учини. Пише кньигу у Никшитье по Митрополіта, кой му

додье, и съ обычнымъ торжествомъ 8.-гъ Ноемврiа посвети имъ цркву ову Богу и Св. Архiстратигу Міхаилу, у кой данъ завѣшта свою фамілію, да во вѣки праздникъ овай, као крстно име Царске Неманьичьа' фамілiе, обычно прославля. Тай се данъ у Двору съ Митрополітомъ любезно провеселе, и сутраданъ Старый, обдаривши овогъ честногъ мужа, купно и два калугьера изъ Монастыра, Ісідорова пріятеля, пошлье Косму са Светозаромъ, да и' до Монастыра испрати, и да одандѣ Косма узме Чедомиля, кой є напредъ у Монастыръ съ Матеромъ и Ісідоромъ отишао быо, и съ ньимъ у Дубровникъ иде, и тамо га остави, а Светозаръ са слугомъ да се врати дома.

Отцы Калугьери сад' Митрополіта тай данъ кодъ себе задрже. Светозаръ са Ісідоромъ читаютьи ту древну нѣку у рукопису кньигу заведесе съ истымъ у препирку, коє Косма слушати сѣдне. Мати, видетьи Чедомиля, сад' весела, а сад' нѣшто као позабринута и смутна: Дѣте моє, рекне му насамо, зашто се тако на часъ спустишь? Вальда ти є, сыне, потежко, што се овако одъ насъ разстаєшь? и нерадо заръ у Дубровникъ полазишь? Онъ, држетьи єданъ прутитъ у руци, ниспустіо бяше очи къ земльи и съ прутитьемъ се играше. Кажи, сыне, мени, повтори мати, као твоїой Мамици, ако што на срдцу имашь; па ако ниси у Дубровнику радъ остати; а ты съ Брацомъ Космомъ можешсе вратити, єръ онъ и тако не иде нарочито тебе ради тамо, но поради звона'. Мамице! Вы сте видѣли, возрази юноша, како самь я весео быо, кад' сте ме са Старымъ Отцемъ извѣстили, да тьу у Дубровникъ итьи, и кад' сте ме спремати почели: него: — Шта, сыне, него? Што те є Старый онолико свѣтовао? Не зато! А да? Старый Отацъ нѣшто на мене подозрѣва! При овомъ изреченью грону му сузе какогодъ киша. Онъ сад', штуцаютьи, єдва рѣчь произнесе: Подозрѣвате и Вы нѣшто, Мамице, на мене, и очевидно познаємъ, да є мене нѣко облагао. А! Чедомилю! Дѣте моє мило! Ты се сынко у томе ва-

рашь. И одкудʼ можешь то доказати, сыне, да мы што на тебе подозрѣвамо? Могу изъ Ваши' собственны' рѣчій, Мамице, доказати, рѣчій, коє Вамъ се у свему саглашаваю. Како то? Коє су то рѣчи? Како како? Шта ми имате онолико о дѣвицама споминяти? Заръ мыслите, да я любимъ? Чедомилю! Ты тьешь мене разсрдити! На ову се рѣчь младить тргне. Мамице! — полюбивши їой руку, — немойте пріимити къ срдцу! Помыслити можете, да колико є ко невинніи, толико му тежже мора пасти, кадʼ се што и найманье на ньега потвара; — а я тьу вамъ истину овдѣ исказати, одкудʼ сте почели подозрѣніе на мене имати. Али любезна Мамице, тако тьу Вамъ казати, ако тьете у себи задржати, и нетьетесе на мене разсрдити. Нетьусе сыне разсрдити, и завѣштавамъ ти се, да нетьу никоме ни казати. Я самь оно писмо Господина Сенатора Недичьа приликомъ одъ Старога добыо и прочитао. Видіо самь, шта о мени пише, но не знамъ за ово ючерашнье, шта у ньему стои. Но Мамице! Истину Вамъ предъ самымъ Богомъ исповѣдамъ, да самъ я у томе тако правъ, тако чистъ и невинъ, какогодъ што Вамъ є незлобный онай у дому младенацъ — Светоликъ — невинъ. Али тежко тьу я мотьи Ваше матернье срдце о томе увѣрити; тежко оваку са себе лягу спрати. Зашто, сыне, тежко? Заръ є твоя Мамица тако тврда срдца, и толико тупа, да она изъ твои' рѣчій истину не позна, или, ако є и позна, да є — Не, Мамице, — простите ми, пресѣкоʼ Вамъ рѣчь — не зато, него свако оно срдце, коє вышше кога люби, ветьма се и при малой погрѣшки плаши за ньега. Е, добро, сыне, и ту ти даємъ за право. Кажи ми дакле, шта є то было? Како си се ты съ томъ честномъ дѣвицомъ познао? Гдѣ си се првый путъ съ ньоме видіо? и проча, — а я твоє рѣчи, сыне, све пріимамъ за истинне. Мамице, све тьу Вамъ казати, и молимъ, саслушайте ме внимателно, па као паметни разсудите овай случай, и будите ми правый судія, да изъ Ваши' устаʼ я чуємъ, єсамъ ли у чему кривъ, или не? А то є было овако.

Првы' дана' їошт', дошавшу ми у Дубровникъ, єданъ данъ у Недѣлю изидьемъ я изъ цркве съ літургіе, и съ нѣки младитьи подьемъ дома: кад' ал' мене викне нѣко сазади: Соколовичь! Окренемсе, и видимъ истогъ Сенатора Недичьа, гдѣ стао бяше съ нѣколико лица' ту у Порти. Мане рукомъ на мене, и я му одемъ. Лѣпо онако обученъ, и подъ сабльомъ, учинимъ како њему, тако и страннымъ, по дужности компліментъ. Ово є, рекне ми за єдногъ ту Господара, кога самъ ветъ познавао, да є трговацъ; ово є, вели, Господаръ Ѳома Братовичь, мой кумъ, и ово є, — за єдну Госпою — његова супруга, а ова намъ є, приложи, Господична, Ваша сад' землякиня, изъ Његуша, Господина Гаговичьа дтьи, Єлісавета, коя є, вели, овдѣ, кодъ своє тетке, — за ту исту Госпою — на науки. Я се опетъ ту њима учтиво поклонимъ, — радуємсе, велимъ, да имамъ ту честь, познати и'. Нама є особито драго, рекну они, Васъ, као Соколовичьа, и славногъ оногъ мужа унука, познати; изволите насъ кой путъ посѣтити, да се їошт' и болье познамо, и шта я знамъ. Продье 5—6. дана', ал' мене окупн Г. Недичь: Айдете, да имъ одемо. Айде! помыслимъ у себи, зашто не? У честанъ домъ отитьи, и съ добрыма людма, као у страномъ мѣсту, познатисе, не быва ми на вредъ. Одемъ дакле съ њимъ. И будутьи по поодне; застанемо и' у верту. Светацъ нѣкій бяше, — лѣпо обучени шета'усе по верту исподъ листвены' дрва'. Мило имъ ту буде, кад' насъ видѣше, и сви насъ найлюбезніе предусрѣтну. Нека имъ є и полакъ онога одъ срдца было, колико намъ се сад' ту покажу, доста є. Онъ, она, три дтьери њине, єдна старица, и младьи имъ у дому, све то сад' око' насъ буде у движенію. Уведу насъ у лѣпе, велике и чисте собе, дигну бѣле съ прозора' завѣсе, посаде насъ на канапета, послуже насъ лімонадомъ и свакояким' посластицама, сѣдну намъ дѣвице, њине дтьери, пѣвати узъ арфу, — словомъ, свако угодьенье намъ чиня'у. Искусимъ изъ саме бесѣде доматьицу, коя є, како ме потомъ

извѣсте, сестра Гаговичьа, да є єдна паметна женска глава, и єдна што се ретьи може честнѣйша душа, жена повысока и сува, около свои' 40. година'. На лицу ньеномъ видисе да є морала у нѣко време и врло лѣпа быти. Но колико ми се она овдѣ сад' допадне; толико о доматьину узнегодуємъ. Єръ изъ нѣколико рѣчій ньеговы' искусимъ, да є онъ єданъ — не замѣрите ми што тьу ретьи — простакъ. Почне ми ту нѣшто о своимъ дтьерима и о мени коєшта булазнити, најпослѣ не пропусти ми и то, їошт' онако предъ дѣвицама, ретьи, да кад' бы онъ мене ту у нѣке домове одвео, да ме само нѣке госпе виде, не знамъ каквогь бы се онъ одъ ньи' дара зато удостоіо. Я ово одъ ньега съ великимъ негодованіемъ пріимимъ, и — право да кажемъ, мало се и разсрдимъ; али нисамь му се хтѣо показати, веть дамъ знакъ Сенатору, да подьемо. Овај примѣти на мени, защто? и одма устане. Текъ мы станемосе праштати, ето ти намъ *Єлице* — єръ тако *Єлісавету* зову. Дѣвица млада, око' свои' 14—15. лѣта'. Видетьи насъ ту сад' изненада сва порумени. Она најпре Сенатору, а потомъ и мени, учини комплиментъ, и продье къ прочымъ дѣвицама, кодъ кои' стане, и на мене два трипутъ погледи, и то као крадомъ. Но Мамице! онакавъ живъ знакъ добра и честна срдца, онако беззлобіе, любезный стыдъ, и невиность, коя се изъ самы' очію овоме дѣтету у простомъ само погледу сад' изяви, я Вамъ не бы знао, нити бы Вамъ умѣо описати, докле є сами не бы сте видѣли! Мени чисто жао буде, да є у томъ дому, не за какво друго безчестіе, будутьи тетка їой є, као што реко', фина єдна жена, но само гдѣ є газда, тетакъ їой — онако мало алькавъ на єзыку, ако є свагда онакавъ. И одма самь, Мамице, на Васъ помысліо, како бы сте Вы то дѣвойче возлюбили! Была бы Вамъ друга Драгиня! Ал' опетъ, возрази Мати, знамъ да ніе као наша Драгиня. Е! Мамице, ако тьете Вы на то итьи, да Вамъ она буде у свему као Драгиня, то Вы мени (тргнесе) — то Вы — мени — нетье-

те — вѣровати. Мати се на то насмѣє: Дерane ты! Шта си хтѣо ретьи? па изврте рѣчь! Младить се застыди и порумени. Ништа, сыне, ништа! Мамица се съ тобомъ шали. Но є ли каква и у лицу та дѣвица? Бестія єдна! кад' си ты тако првымъ погледомъ благу ньену наравь искусити могао, — и є ли што и у струку? Мамице, право да Вамъ кажемъ, не знамъ, може л' она друге дарове као наша Драгиня имати; али лица и струка што се тиче, не вѣруємъ, да бы много Драгиньи уступила. Е! Добро! запыта опетъ мати, како тье дальe быти? Я сад' са Сенаторомъ одемъ кутьи: кад' ал' другій данъ ето ти мени Єлице, коя съ Дафиномъ Братовичьа додье Сенаторовици на посѣтьенье. Ово бяше дѣвица веть у зрѣлы' година', коя, за угодити заръ Єлици, стане мене ту у лѣпомъ, и по истини, Мамице, честномъ разговору у присутству Сенаторовице забавляти, коєшта ми преповѣдати и невинно шалитисе. И кад' бы годъ дошла, свагда бы и Єлицу са собомъ довела, съ коїомъ се я такодье мало помало упознамъ. Оне су мене сад' вышше пута' салетале, да имъ одемъ, но я сбогъ Отца Дафинина немаютьи волье дуго самь се затезао, и нисамь имъ хтѣо отитьи. Найпослѣ рекнемъ у себи: Зашто я сбогъ ньега не бы самъ отишао? кад' ме веть толико зову, — а на дѣвицама овымъ ништа ружно, Мамице, или найманье моралномъ чувству противно примѣтити нисамь могао. Одемъ дакле, и посѣтимъ и' у дому. Госпоя стара, и мати дѣвица', као изъ шале пребаце ми, и мало ме укоре, што имъ кой путъ не одемъ. Іо! рекне Стара, вальда младомъ Господину нiє тако ни дозвольено, съ людма другога, и нижжегъ реда мѣшатисе. А! майко, одговоримъ їой я на то, немойте Вы то вѣровати. Мене су, приложимъ, мои Старiи тако учили, да я само измедьу честны' и добры' и измедьу худы' и злы' у саобраштаванью момъ разлику полажемъ; а не измедьу благородны' и простородны', или богаты' и сиромашны'; — него дѣла моя, Майко, мени времена на то не даю.

И тако почнемъ имъ я и мало чешће одлазити, но и Єлица съ Дафиномъ (другимъ младьимъ ніе є тетка ни повѣравала) ни єдну визиту мени дужна не остане. Али Богъ ми є, Мамице, у томе свидѣтель, да се нигда єдна ружна мысао срдца мога у такомъ съ ньима саобраштенью коснула ніе. Укратко — осѣтимъ я, да ова дѣвица дѣйствително любовь къ мени зачиње. Примѣтимъ и то, да сестра ѣой, иста Дафина, ветьма и ветьма стане око' мене настоявати, да и мене у мрежу ньене любови улови; но я срдце моє наоружамъ, и стрѣлу Амора одбіемъ. И тако, поуздавшисе у себе, аки бы я надъ овымъ несташнымъ Божитьемъ савршенно веть тріумфирао, почнемъ имъ сад' безбоязньено одлазити. Но у овомъ се преваримъ; єръ осѣтимъ и самъ, да самъ безъ ньє нѣшто неспокоянъ, а и при ньой не тако, као предъ тимъ, весео. Старіи намъ то узму на умъ, и сад' о дѣвойчету истомъ, кад' видѣше, да имъ се чисто губити почне, вознегодую. Кад' ал' наєданпутъ мени Сенаторъ лѣпымъ начиномъ забрани, вышше онамо одлазити; но престане и она овамо визите чинити, коє сѣтимсе да ѣой є запретъено быти морало. Мени є, истина, Мамице, съ почетка чрезъ нѣколико дана' безъ ньє потежко было, — но потомъ ништа! као да є нигда ни познавао нисамь. Я ню иначе сбогъ душевны' качества' ньены' и сад' любимъ; но притомъ срдце є моє мирно. Само то єдно кад' помыслимъ, да може быти она што, као слабіи полъ и нѣжнія срдца, сад' трпи; и лишена заръ спокойства онако млада уныва; кад' то, велимъ, помыслимъ, падне ми на срдцу тежко, и — право да Вамъ кажемъ — жао ме є за ню. Благодаримъ пакъ Богу, да я томе поводъ нисамь ни дао! Нек' обвинює сад' свою сестру, коя є у томъ посредствовала, и свою тетку, коя є такво што попустила. — То є све, любезна Мамице, што Вамъ я каза', и што є поводъ дало Сенатору, да Вамъ о мени пише.

Е, добро! сыне, — Ако є то све тако, као што си казао; то ты ниси кривъ ништа, нити иста та дѣвица подъ погрѣшку спада, — зашто є млада,

и у вѣку, у комъ срдцу своmъ слѣдує; а шта из-а-шта быти може, судити не умѣ: но крива є иста мати она, коя ову стварь на умъ узимала ніе. Сад' како се могу и честни родитељи сигурно поуздати, дозволити сыну своmъ, у млады' лѣти' и їошт' неискусномъ, са женскимъ поломъ саобраштење имати? не нарочито зато, што бы се човѣкъ бояо, да младитьа честна на невалялство не наведу, — оваки' є рѣдко, и не могу быти свѣту и людма персоне худа карактера толико сакрывене, да се не изяве: но зато, што многи, иначе честнѣйши люди, и родитељи, немаютьи довольногъ искусства о любови, попусте своїой дѣци, и не даю позора на млада ньина срдца, коя и у самой своїой невиности као двѣ каплье росе наблизу стоећьи гледе да се слію, у таквой прилици погрѣше и вышше путій дѣте своє несрѣтьнымъ учине. Зато истина нуждно є иначе младитьу свакомъ, имати нѣко саобраштење са женскимъ поломъ, будутьи да му и то служи къ изображенью срдца, учетьисе познавати и другу половину свѣта: али добро треба да родитељи очи отворе, каквымъ персонама своїъ сына у дружство и саобраштење са женскимъ поломъ валя да вовѣре. Такодье и мати паметна дужна є добро позоръ дати, куд' їой мила дтьерца одлази, и съ кимъ и каквымъ се младитьемъ она обходи, ако жели, да є или у мрежу любови онай као младу їошт' не улови, или, што є їошт' горе, да їой сасвимъ вратъ не скр'а. Та є, велишь, Госпоя Братовичька паметна єдна и честна жена, а такодье и на дтьерма никакво невалялство кажешь да ниси примѣтіо, — пакъ опетъ видишь, до чега се стварь довела. Зато ніе довольно, младежь чувати, да само у порокъ и невалялство не поклизне, но валя добро позоръ дати, да се и не залюбе, кад' извѣстни нису, хотье ли обѣ стране на то саизволити, да младымъ срдца саєдиньена не разставе, но бракомъ и' утврде и благословъ имъ даду. Іошт' шта вышше, на овай вторый пунктъ вышше готово валя пазити, нежели и на онай првый, зашто

онай првый не можесе лагко ни догодити, особито, кодъ лѣпо воспитаны' и дѣце обученне, и облагонравльене, — а у второмъ и найфинія срдца, найчестнія духа и характера, могу поклизнути и страдати. Но кажи ты мени, сыне, настави мати, како ты мыслишь? Я бы на свакій начинъ волѣла, кад' то дѣвойче засада тамо не бы было. Зашто? Мамице! Вы се зато вышше не бойте. А друго, мени є Сенаторъ мало нѣшто при полазку и наговѣстіо, да тье ню тетка нарочито за овай случай кутьи одправити, и я не вѣруємъ, да є досад' нису веть и одправили, коє бы самъ заиста и самъ на єдну руку волѣо, зашто, Мамице, премда я къ њој нигда вышше отиπао не бы; но она бы може бити любовь свою къ мени наново почела, и я самъ не знамъ, бы ли мени срдце моє и дозволило, да я њој баръ кадкад' мою наклоность не покажемъ, као да є тобоже тимъ утѣшимъ, а я бы ѓой тимъ любовь у срдцу њеномъ ѓошт' питао, коє бы ли самъ и могао толико суровъ и толико немилостивъ быти, спокойнымъ срдцемъ снети? — Словомъ, воліо бы сад', да или я тамо не идемъ, или кад' одемъ, тамо є не застанемъ. Зато, Мамице! но! — ніє ми ползе говорити! Зашто? сыне, Ты са мномъ валя да съ отвореннымъ срдцемъ говоришь. Немой ты мыслити, да я изъ твои' рѣчій благородна чувствованія твоя не познаємъ. То самъ Вамъ хтѣо ретьи, да є судба њена — при овомъ сад' проліє грозне сузе низъ своє юношеске образе, — онъ падне предъ ню, не као предъ свою милу родительницу, но као предъ какву Богиню, наслони ѓой свою поражену главу на матерње прси њене: Дозволите ми, сладка Мамице, єдва рѣчь произнесе, дозволте ми на овомъ источнику мога живота мало одпочинути, и сладкомъ овомъ изъ очію мои' росомъ оквасити га! Она на то тронута буде, пригрльи га материомъ милостью и ударе ѓой и самой сузе, коє любетьи њега саєдини съ његовыма: Чедомилю! Чедо моє мило! Зашт' се сыне майки не изявишь? Кажи срдце, шта си заустіо? Майка тебе нетье оста-

вити, она тебе люби и чествує, ил' самь ти се досад' сыне чимгодь грубомь и немайкомь показала, кад' као да не можешь повѣренья къ мени да имашь? Шта си хтѣо ретьи? Сатимъ убрише му лице и исправи га. Но! сыне, дижутьи га да не клечи, — Не, Мамице, не! Срдце се моє завѣштало, да я ово съ колѣна' мои' Вама изрекнемъ: Судба є исте дѣвице, коя мени, сладка Мамице, на срдцу лежи, жребіє њено у Вашу руку поврґла, — одь Васъ сад' зависи њена срѣтьа! Тако да є сад', Мамице моя любезна, себи представите, да є она, као благородно дѣте, изъ пуна дома изишла, на любезный гласъ свои' милы' родителя' и не окретьесе, но сузама поливена Васъ тражи, Васъ ште, изъ Ваши' уста', као изъ благословена источника, срѣтьу свою чека. Братъ є мой, премда сасвимъ невинно, као што самь и я у овомъ невинъ, єдну веть у црно завіо; — учините, да и я ову незавіємъ. Оно се мимоитьи и ніє могло; али — Доста! Доста! сыне, я много є! О благословено Небо! О любезно сходство наши' желя'! Сыне мой! убрисавши очи стисне му руку, буди утѣшенъ! Мамице сладка! Смѣмъ ли я изъ овогъ знака, изъ любезногъ стисньенья Ваше руке, срдцу момъ поласкати? Смѣшь, сыне! Смѣшь, дѣте моє! Желя є твоя испуньена, само, ако ти срдце твоє каже, да тьешь ты съ њомъ срѣтьанъ быти и да є све, што си ми казао, истина. Боже! возопи радостанъ юноша, я самь срѣтьанъ! Єлице моя мила! ты овай гласъ мой їошт' не чуєшь! Но кад' тье дотьи радостный часъ, да є Вы, Мамице, видите, да є Вы познате, да се и Ваше матернье срдце ове радости испуни, коїомъ се моє сад' прелива? Кад' ли тьу я, и како тьу їой, ако отишла буде, радость нашу саобштити, съ њомъ є дружески подѣлити? Она є отишла, рекне мати, но я то на себе пріимамъ. Сатимъ га смири и утѣши, и пошље га весела у Дубровникъ съ Космомъ, а она се врати съ прочима кутьи.

И будутьи сад' имъ веть и зима настане; сва пріятность природе измѣнисе; 'ладни вѣтрови сви-

рѣпо почну дыʼати; свако животно потражи себи зимницу, — покрыє на конацъ и снѣгъ лице землье и све на ньойзи предмете, — све се садʼ утиша, и све се, као у тиʼой нотьи смири. Но срѣтьный нашъ Старацъ, као добрый и мудрый Патерфаміліасъ, знадяше и ову часть године любезной своїой фамілїи пріятномъ учинити. Прво, онъ свакоме, кой коме пристои, посао даде, да свако, у дѣлу своме упражняваютьисе, и не осѣтьа, како му време пролази, нити се тужи, да му є ово дуго, ков лѣнье мучити обычествує. Цѣлый Дворъ ньеговъ уподобляваше се медной кошници, и сви домочадцы ньегови пчелама трудолюбивымъ, посредъ коиʼ бы онъ као любезна матица пролазіо, и прегледаютьи имъ послове ове бы похвальивао, и съ ньима се, показуютьи имъ свое задовольство, и нашаліо и насмѣяо; друге бы у чему кротко исправіо, и како што треба показао бы имъ; нѣке бы пакъ кадшто и накарао или и малымъ чимъ казніо. Женскій полъ, дѣвице, снаʼе ньегове и стара Εὐδοξία, єдне су вуну, свилу и памукъ преле, друге, нижегъ реда, ланъ и коноплю; нѣке су, као снаʼе, понайвышше лѣпо што са златомъ везле или што плеле, друге пакъ ткале и шиле. Мужки такодье. Косма настояваше надъ младьима, кои му, єдни около коняʼ, други окоʼ краваʼ, волова и свиняʼ ходяʼу, нѣки по подруміʼ окоʼ віна и ракіє, око купуса, брашна, и прочегъ настояваʼу и позорствоваʼу, да се каква у чему шкода не учини; други дрва изъ шумаʼ, къ сѣчи опредѣльена, приносяʼу, и градьу за воденице и сукнене Фабріке и валярице приправляʼу, коє Старый будутьегъ пролѣтья правити дати намѣраваше. Просту изъ села дѣчицу дао бы у топле собе своє, по 40—50. ньиʼ, сазвати, коя бы му по цѣлый данъ вуну чешљяла, и себи што заслужила, — словомъ ретьи, свакоме є онъ посла знао натьи, но знао є онъ ньима и часе ко увеселъенью опредѣлити, време имъ къ одмору и младыма на игру дати. И онъ, као Філісофъ, слѣдуютьи просту и свету природу, ніє се

нимало стыдіо, или што за непристойно држао, што є онъ великій Господинъ, тако радити, нити є њему сбогъ тога свѣтла нѣгова тітула княжеска одъ блистанья своѓъ губити могла. Кад' су могли, веляше онъ, у старо време Римски такодье Херои, Цареви и велики мужеви увесельење своє у обдѣлаванью землье, скотоводству и економіи своїой налазити, ґошт' у оно време, ков су потомъ златнымъ назвали; то зашто бы самъ се и я стыдіо? Єръ посао насъ не само одъ невалялства задржава и у раскошъ не падамо; него насъ и здраве чини, тѣло наше очвршћава и крѣпкимъ чини; ктоме посао намъ нуждна къ ужившењу нашемъ снискава, насъ богати, и не пушта насъ у сиромашство пасти. Његовъ Секретаръ, Сенатори, Канцеллисте, Светозаръ и прочи, кои му діпломатичко тѣло сачинява'у, извршавали су му такодье дѣла політичка и земальска са свакомъ точностью, ово у канцелларіи, ово пакъ у кабінету његовомъ. На време є нѣко извѣстно сабирао онъ и Господу, и знатна и благородна лица изъ землье, и съ њима є совѣтъ за землю и свой публікумъ држао. И цѣло є онъ цівилно ово тѣло, коме є онъ глава быо, тако лѣпо организирати знао, и у такій га лѣпъ поредакъ довести умѣо, да су му сви послови найсрѣтьніимъ каналомъ текли, коє є њега увеселявало, и свагда у лѣпомъ духа и срдца расположенью садржавало, — слѣдователно, быо є увѣкъ здравъ, и онако подъ сѣды веть власи као какавъ юноша пунъ снаге и руменъ. Онъ бы са Светозаромъ, Новакомъ и Бурямомъ и са своима ловцима сѣо на коня, и изишли бы куд' и по великомъ снѣгу у ловъ, и свуда бы онъ съ овы млады люди крозъ дубраве по гори и преко холмова какогодъ и они пролазіо, и нигда се потужіо не бы, да се яко уморіо, или на коню истресао. Обычай є имао, уютру добро ручати, по поодне око' два' часа' мало обѣдовати, но у вече опетъ добро є ео. Віна є умѣрено піо, и ноть'ю є ма-

ло спавао, коє бы нѣкій путъ по поодне съ поо часа, наслонившисе, надокнадіо. Али!

Онъ єданъ данъ по Рождеству Хрістову изидье гледати, како му люди звона у столпъ — торонь — на цркви намѣшта'у, коя су имъ на самый бадньій данъ изъ Дубровника донета была. Забринутъ нѣшто буде, што му Чедомиль по истымъ людма ништа писао не бяше. Весела ньегова фамілія, ту стоєтьи, рекне му: Ала, Отацъ, како тьесе селяни наши зачудити, докле чую на Ново Лѣто нова звона, кад' имъ изненада загрме! Само, рекне Старый, да Богъ да, да на миру будемо! Кад' намѣсте съ пѣніємъ и торжествомъ нѣкимъ звона, зауставе два изъ села свештеника и їошт' нѣколико селяна на обѣдъ. При асталу запыта га Косара, да му ніе што зло? Ніе ми, Богу хвала, ништа, но, вели, не могу изъ главе да избіемъ, што ми то дѣте ништа не писа? а нотьась самъ, придода, све о ньему нѣшто саняо. Е, Бога Вамъ Господине, рекну гости, валя заръ и сну вѣровати? Мыслите, рекне Косара, Отацъ, много о ньему; па зато га и саняте.

Кад' ал' у очи Новогъ Лѣта у поодне, ето ти имъ нѣкогъ трговца изъ Дубровника, кой му кньигу одъ Чедомиля съ любезнымъ поздравомъ дон се. Старый є радостанъ скочіо са столице и странногъ загрльіо. Пріими кньигу и читаютьи осмѣнесе: Хвала Богу! весели сви повичу, кои нестрпѣльиво на Старога и писмо гледа'у. Пасче єдно! развесельєнъ сад' добрый Отацъ рекне, да си ми, вели, овдѣ сад', како бы самь те лѣпо за уво потегліо! Но! Благодаримъ Богу, рече, я ово дана' набрину'се за ньега! Да писмо и Косари читати и заустави трговца на обѣдъ. Тай данъ сви буду весели, и Старый се сад' самъ себи чудяше, чега се ради онолико бринути могао! Косара пакъ овымъ писмомъ не бяше савршенно утѣшена, будутьи отишавшу веть трговцу їошт' єданпутъ узме писмо читати, и сад' по датуму види, да є то писмо давно писано, коє нит' є она, нити є Старый у радости онако у првый ма'ъ

примѣтіо быо: — но тьути и ништа не говори, да Старога наново не смути. Кад' у вече при асталу, Старый до излишія весео буде. Шалисе по обычаю съ фаміліомъ своїомъ, смѣєсе и пѣва. Будите ми, дѣцо, весели! Точите то віно, па пійте, да овако весели стару годину саранимо. Но како бы ми, настави, было, да нисамь одъ сына писмо пріиміо! Па їошт' ми се, деранъ єданъ, и не извинює ништа у ньему! Право, Косара! Та онъ намъ ни Нову Годину у писму не честита! Камо ти то писмо? Я онако у радости и не прочита' га внимателно, — Донеси! Е, Бога Вамъ, Отацъ, рекне Косара, валяда є заборавіо. Станесе дакле сад' мати изговарати и не хтяше му га дати. Но Старый не изостави, — желяше єднако їошт' га єданпутъ видѣти. Она му га мораде дати, коє онъ кад' прочита, смутисе и погледи на Косару. Ова се као силомъ сад' осмѣне: Видла самь, вели, и я то, Отацъ; но онъ є морао датумъ помести. Али Старый, наново забринутъ, подуго умукне, наконацъ слегнувши рамены: Да Богъ да, вели, да добро буде! Та молимъ Васъ, Отацъ, рекне Светозаръ, на што Вы слутите? Нисте Вы досад' такви были, да се за мало што уплашити можете. Не знамъ, сыне, рекне Старый, не знамъ, шта може быти; — но Вы сѣдите, а я тьу таки дотьи. Сатимъ устане, и подье у другу собу, грону му сузе на очи, и наслонисе на єданъ орманъ. Косара лагано удье за ньимъ, приближи му се састрагъ, и чує га, гдѣ плаче. Смутисе и сама їошт' ветьма, поблѣди у лицу и вратисе у салу, на кою сви съ укоченным' очима и у трепету погледе. Мамице! За Бога, шта є то? упыта Драгиня, на коє и Косару полію сузе низъ образъ. Старый, вели, нѣшто намъ плаче! Плаче! возопи Светозаръ, и потрчи у собу: Отацъ! За име Божіє, шта є то одъ Васъ? Ништа, сыне, вели, ништа! Остави ме мало, иди къ прочыма и тѣши и', — сад' тьу и я дотьи. Не! Отацъ, молимъ Васъ, айдете и Вы са мномъ! Хотьу, сыне, хотьу, дѣте моє мило! као сбуньенъ изговараше,

убрише очи и Светозару исподъ руке подье. Сладка моя дѣцо! рекне имъ, простите ми! Я моимъ чувствама одолѣти не могo', па видимъ, да самь и Васъ све смутіо. Сатимъ посадисе на свою велику столицу: Наточите ми, рекне, чашу віна, и будите ми добре волье. Ако намъ є што одъ Бога опредѣльено, то насъ и тако мимоитьи нетье. Буряме! Ты, сынко, рано да устанешь, — я у име Божіе зоромъ на путъ мыслимъ. Е л' ми какво предсказаніе? или су само праздна нѣка мечтанія? не знамъ; — но осѣтьамъ, да ми се срдце тако обтеретило, да я вышше сносити не могу, — я идемъ у Дубровникъ!

Текъ што онъ ово, у руци їошт' чашу држетьи, изговараше, засвира имъ труба на Двору. Но! Тронути и сви, али Любомиръ као громомъ ударенъ, — Шта тье то сад' быти? запытаюсе. Бурямъ стрчи доле. Светозаръ загрльи Старога: Отацъ! Сладкій Отацъ! Будите великодушни! Опоменитесе, да Вы насъ све оживлявате! И є л' могутье, да Васъ Ваше душевне силе тако наєданпутъ оставе? Не бойсе, сыне, не бойсе, дѣте моє, — Я тьу ударъ нѣкій судбе моє пріимити; но не мысли, да тьу подъ ньимъ пасти. Будите — онъ ову рѣчь заусти, — ал' ето ти имъ предъ Бурямомъ и преддворительемъ (кой свагда на велики' врати' стои), єдногъ странногъ у црны' альина' — съ писмомъ у руци великимъ — и подъ црнымъ печатомъ! Стра'ъ сад' у трепетъ приведе цѣлу фамілію. Изъ Дубровника? повиче Старый, и дрктьутьомъ рукомъ пріими писмо. Изъ Призрена, Ваше Сіятелство! одговори Странный. Ахъ! вальда є мой Отацъ! — возопи Косара. Старый, прочитавши мало, окаменисе. О Небо! повикне, є л' могутье? Опетъ баци очи на писмо, па на стра'омъ поражену око' себе фамілію: *Царъ намъ*, вели, *умр'о*! — То рекне, савъ преблѣди, ослаби на ногу', — Светозаръ не могаше га задржати, и само му у толико сад' помогне, да имъ ніе собомъ о сподъ лупіо. Фамілія на то врисне, и сви му полете. Полумртва онако на

трептьутье руке своє узму га и на постелю га дигну. Ништа овдѣ не бяше жалостніе видѣти, нежели Светозара и Драгиню, кои пали бя'у на Старога, и ліютьи сузный бисеръ сыновне любови на њега: Отацъ! Сладкій нашъ Отацъ! Каква є ужасна судба ова за насъ! Каква изненада сбы намъ се промѣна! О Боже свесилный! Оваку ли смрть Отацъ нашъ заслужи! Ахъ! Каква ли намъ се жалость къ жалости приложи! Косара сирота, како є у другу собу по нѣко средство ради помотьи потрчала; тако є кукавица поредъ ормана и пала, и сама се такодье безъ чувства учинила, — коє прочи сад' одъ Светозара и Драгиње скоро затає, и повративши є мало исправе є, и поведу у салу: Яо Отацъ! Яо славо наша! съ разсуты по рамени' власи вопіяше, и узме на руку нѣке укрѣпителне капльице и њима Старога умыє. Светозаръ му сад' къ устма принесе огледало, на коме їошт' пару изъ њега искусе. Косара му почне истомъ водомъ и руке трти, и тако єдва имъ мало къ себи додье. Сладкій Отацъ, проговорте! Или гласа нашегъ не чуєте? О Боже! Како онъ ово духомъ своимъ предвиди! Любезный Отацъ! Еда л' тако Вашегъ Светозара, Вашу Драгиню, оставляте? Ово изреченіе доведе га больма у животъ. Онъ сад' отвори очи, изъ кои' му потеку сузе, простре своє слабе руке на ова два њему любезна цвѣта: Чеда моя мила! єдва изговараютьи рекне имъ, не бойтесе! Светозаре Сыне, не бойсе! Срѣтьный, дѣцо моя, часъ мой мене мимоидье! Смрть одъ мене одступи! Но о колико бы и болье за мене — Но! Хвала буди небесама! одъ Бога є све! Ужасный овай случай изненада мене порази! Но не бойтесе! Дѣлимо судбу нашу! Саєдинимо сузе наше! Сатимъ исправисе, и сви се онако око' њега пригрлье, ліютьи єдно другоме сузе у нѣдра. Сѣдите сад', чеда моя, сѣдите и плачите овдѣ съ Вашимъ Старымъ Отцемъ, — плачите! Доста смо пѣвали! Учитесе сад' познавати судбе Божіе! Сад' є управо срдце наше пробудьено! О мило-

стивый свѣта управителю! Ко се овоме нада? Светозаръ му узме руку и приносетьи єкъ устима своимъ: Како себе осѣтьате? Отацъ любезный! Мы на другу тугу нашу и заборависмо! О дѣте моє! Не пытай ме! Нетье мени ништа быти! Не бойтесе! Камо та срѣтьа за мене, да намъ є онай остао, коме є сад' текъ живити требало: а да самъ я намѣсто ньега очи склопіо! ахъ! да не дочекамъ и не видимъ ово. Али — Богъ заръ самъ тако є захтѣо! Не бойтесе, дѣцо! Тѣшимосе упованіемъ на онога, безъ кога ништа быти не може! Утѣшитесе! Умѣритесе!

По довольномъ овако плачу и сѣтованью устане Старый, и по сали ходаютьи, утѣшителнымъ словомъ поублаживши мало фамілію свою, да писмо їошт' єданпутъ прочитати, и пошто се пуно извѣсти, да є Царъ на недѣлю дана' предъ Рождество Хрістово у Македоніи умр'о, и да су му тѣло войницы у монастыръ ньеговъ веть донели, гдѣ силный Народъ оплакавши га славно га погребе; да є само назебао и грозницу добыо, у коїой само 5. дана' проболує и престависе. Коє кад' све саслушаю, наново сви бризну плакати, погледе на ньеговъ любезный, одъ Арістіда измолованый образъ, и Старый, машутьи главомъ: Нигда те вышше у другомъ не добысмо! Ахъ! болье бы было, да те ни познали нисмо! Косара сад' скине истый образъ, и сви цѣлуютьи га запѣва'у: Яо сунце наше! Яо славо и дико наша! — Доста веть, дѣцо! Доста! рекне Старый, Ніє полэе сѣтовати! Што бы, бы! Да бы смо се сад' сви и потукли за ньимъ; мы га вышше не повратисмо, нити жалость нашу изъ срдца нашегъ у сузама излити можемо. Остає намъ, Сынко Косара, време къ плачу, докле смо годъ живи. Молимосе паче Богу, да намъ младогъ Краля пожи-ви, и достойнымъ га ньеговымъ сыномъ учини. На ове рѣчи сви се сад' приталоже, и онако у ти'омъ унынію дуго потьуте. Найпослѣ рекне имъ Старый, да иду спавати; а онъ съ Космомъ, Новакомъ и Секретаромъ до поонотьи проведе.

Сутраданъ рано разнесесе жалостный овай гласъ по свой земльи. Загрме звона свуда по цркважма. Ето на кога бы намъ судьено, рекне Косара заплакавшисе, новыма звонама зазвонити. Другій данъ пошлье Старый по Чедомиля у Дубровникъ, те имъ додье. Онъ сад' цѣлый Дворъ у црно обуче, и на Богоявльеніе съ цѣломъ своїомъ фамиліомъ пѣшице сидье у село у велику цркву, и како данъ буде красанъ и топалъ, то народъ многъ, кой се бяше сабрао літію носити, стаяше и по Порти, кои сад' видѣвши цѣлый дворъ, и свою Господу, у црно завієну, и гдѣ пѣшице у цркву иду, сви на ньи очи обрате и сви се смуте: а ступившымъ овымъ и у Порту погледе на дѣцу, коя попросто, но чинно, у црны' альина' обучена бя'у, и на лицу ньиномъ господскомъ, коє имъ мало блѣдо бяше, и невеселымъ очима ньіовымъ, изъ кои' ти'имъ погледомъ найживлю жалость изявлява'у, — кад' и' погледе, велимъ, и виде и', тако сви ту поражени буду, и свакій се готово сад' заплаче. Старомъ се тимъ срдце чисто повреди. Онъ се не могаше задржати, да сузе изъ очію свои' и овдѣ не испусти, Онъ изидье съ народомъ торжественно на потокъ, гдѣ су сад' воду осветьавали, и не съ малымъ удивльеньємъ на лицу свакога жалость и тугу примѣчаваше. Они га и нису као цара, него су га као отца жалили, и не као подданницы, но као найлюбезніи сынови ньегови, коє є народъ не само овдѣ, но свуда, по цѣломъ Царству, чиніо.

Полазетьи изъ цркве Старый зовне Свештенике и Старѣшине на обѣдъ. Народъ є за ньима гледао, и невина дѣчица крозъ народъ се протискиваше, да виде печалну Господу свою, єдно другоме говоретьи: Умр'о намъ Царъ! Кад' удьу у Дворъ, падну опетъ єдно другоме око' врата и плачутьи тако вопія'у: Да є баръ државу свою утврдіо, да є разсуте силе ньене опетъ сабрао; и дѣла своя політичка у болъій поредакъ довео: было бы и коєкако, — ал' овако изненада намъ умрети! и сына млада їошт', у ратови' и найсмут-

ніємъ времену оставити! Плакали смо и за Отцемъ његовымъ, бришутьи сузе своє рекну, но съ много болъомъ надеждомъ, да тьемо у сыну утѣшени быти (као што и буде) — сад' смо у њему изгубили и найтврдьій стубъ нашъ, на комъ намъ се царство основало. Шта учини у мало времена! Шта ли бы їошт' учиніо быо! О любезни мои! одговори Старый, колико су ми больма његова высока предпріятія позната; толико ми є дубля сад' у срдцу момъ рана; и колико ми є многи' у Двору несогласіє извѣстніе; толико ми се сад' оно ветьма стра'омъ испуњава.

При обѣду сад' другогъ разговора и немадоше, развѣ о њему, како имъ є предье 4. мѣсеца ту быо; како се веселіо; како се са свакимъ любезно разговарао, и проч. Но да се мы, любезни читательи мои, и не задржавамо при овомъ печалномъ предмету, кога силу я и нисамь у станью описати, какво є упечатльенье смрть Душанова у срдцу народа његовогъ учинила. Не иначе, но као да су и предвидити могли, да имъ є смрть његова престолъ царскій изъ самогъ основа тако потресла, и тако га къ паденью нагла, да га вышше нигда младый Неманьичь и єдинацъ у станью быти нетье исправити, и на онай га темель удесити и утврдити, на комъ є онъ 200. година' быо. Годину дана' ніє было чути у цѣломъ царству мусіке, ніє было видѣти предъ домовы дѣвице у колу, нит' су красне дтьери Србске гдѣгодъ запѣвале.

Но обратимо, добрый Читателю, їошт' єданпутъ сузно око наше на Сербію! Бацимо баръ їошт' єданпутъ плачевный погледъ нашъ на прва она у држави овой слѣдства, коя се по смрти бодрогъ њеногъ Монарха Душана появише, и коя су: Турцы, кои су пре їошт' изъ Азіє у Европу упузили, и себе у Грчкимъ нѣкимъ предѣлима угнѣздили были, одкуд' су свагда на Македонію и Албанію, красне ове земльe, Србской круни Душаномъ подчиньене, као гладанъ вукъ на сладкій залогай съ отвореннымъ челюстма гледали, узвол-

нуюсе сад', и видетьи мачъ Силногъ Цара повргнутъ, а сына ньегова, врло млада, и у жалость за любезнымъ родителъемъ своимъ сад' погружена, намѣре, оружьє сад' противъ Србаля дигнути. Младогъ Уроша бодрый духъ изненадномъ смртью Отца ньеговогъ толико скрушенъ, и толико у унынієъ баченъ бяше, да му се ништа милило ніе, да се ничега при'ватити не могаше, но у своіой задумчивости само сузе проливаше, и као дѣте одъ плачне своє матере чисто одступати не могаше: но повѣри сву силу воинства свога Вукашину Мрнячевичьу, Деспоту, и бывшемъ любимцу Родителя свога, — мужу, у оружію истина врло храбру, кога онъ сад', прогласивши себе за Цара, наопако како по себе, тако и по цѣлый народъ свой, Кральемъ постави. Но шта є онъ сирома'ъ, онако младъ їошт', и знати могао, да тье га башъ у томъ уєсти гуя! Овай истина сад' са своіомъ братьомъ, Угльешомъ и Гойкомъ и прочима знатныма Войводама, осѣтивши Турско умышльенье, одма сбере войску, и нечекаюћи непріятеля, да имъ се къ границама приближи, удари, и 70. хиляда' Турака тако силно у Македоніи разбіе. и тако срѣтьну побѣду надъ ньима одржи, да себи велику славу получи, и велико упечатльенье у срдце, не само младоме Цару, но и цѣломе Народу учини, да сви рекну: Судба тье намъ у овомъ мачъ Душановъ оживити. Особито се у овомъ рату сад' измедьу прочи' войвода' покажу Угльеша и нѣкій Крела. Ови се одъ прочи' и у искусству у оружію отликова'у.

Срѣтьна ова побѣда младогъ намъ Цара много обнадежди; но и Вукашину путъ отвори, да се осили, да на послѣдакъ и царствомъ цѣлымъ као Монархъ управляти почне. Онъ сву войску, сву наоружану силу, подъ свою руку подчинивши извуче вратъ свой исподъ зависимости одъ Цара и Двора. И онъ да є имао и душевне даре за овакавъ высокъ санъ и достоинство, као што є храбаръ, и купно съ братьомъ своїомъ у оружью вреданъ био: у сто добры' часова! Но были су

само силни тѣломъ, храбри и продрзльиви, тако, да куд' су годъ пусти нагли, тамо су силно и продирали, безъ свакогъ готово разсудьенья, како тье, и на што тье што изитьи, аки бы имъ она свештена мысао на срдцу и не лежала была: Цара и своє отечество бранити; за ползу и благостояніе народа крвь свою пролити, и за славу његову труде и подвиге предузимати: него само, да они учине крвно дѣло, и да покажу свою чудесну храброст, — на куд' пукло да пукло! И тако слѣпо поступаютьи напослѣдакъ слѣпо и пропадну. Но ніе сва штета ни у томъ, што они пропадну, него што су, лудо съ Турцима воюютьи, силе цѣлогъ отечества разсипали и суетно и' источавали. Они честымъ нападањемъ на Турке раздражили су ове дотле, да се ови изъ Азіе, као изъ какве кошнице, на одбрану своимъ, све вышше и вышше у Европу разрояваше, и овамо се тако умножаваше, да они лѣпо овымъ начиномъ све оне прекрасне Грчке предѣле, Силнымъ Стефаномъ завладане, себи одтргну, и тимъ Турчину путъ отворе, да се ови примакну даже и до самы' граница' собственне њине државе. Ето имъ храбрости њине безъ мудре главе! Они су храбростью своїомъ, онако неучени, само кодъ мудра Цара могли на Марсовомъ полю за орудіе служити, као што су кодъ Душана и важили, а не скиптръ држати и царска престола искати, коє ніе за праздне и буе главе, но за мудре, питоме и благочестиве. Зато є храброст за добыти, а мудрость да царствуе, као што намъ лѣпо о томъ и Соломонъ царъ говори: *Тобою* вели, *Царіе царствуютъ, силни пишутъ правду*, сирѣчь мудростью, — Тобою вельможи величаются и властители држатъ землю.

Младогъ су намъ Цара истина Вукашинови луди поступцы потомъ и пробудили, и онъ сироманъ намысли, овоме Ікару, кой неразумно на тудьи' крыли' летѣти починяше, власть одузети и њега смирити, пакъ кормило царства свога у свою руку пріимити; но по несрѣтьи ово за њега веть

буде касно, єръ Вукашинъ садъ на врʼу цѣле воєнне силе, и изванъ царства стояше. Садъ, шта є одавдѣ слѣдовало, познато є готово и свима Србльима нашимъ, нити я могу овдѣ, нити поредакъ овога дѣла мени допушта, такво што споминяти. — Но вратимосе паче къ честномъ нашемъ Старцу, и къ любезной фамілiи његовой у Црну Гору.

Онъ сѣдне и напише велику књигу своммъ младомъ Цару, у коіой га довольно тѣшаше, да умѣри своє сузе за любезнымъ родительемъ своимъ; да тѣши и печалну матерь свою, и да гледи за народъ и отечество своє, кога жребіє садъ купно са скиптромъ изъ умрле родительске руке пріими. Пише му и то, коиʼ у Двору валя да се придржава и совѣтомъ се води, коиʼ пакъ да се острегава и да добро око на њи и поступке њіове отвори. Понайвышше совѣтоваше га у књизи, да прибере войске своє къ границама, и да иʼ одма одъ Вукашина одтргнути гледи. Онъ њему опише и начинъ, како тье мотьи ово найудобніе учинити, и проча овака изліе му у књигу изъ своиʼ прсію. На конацъ онъ ни тимъ не буде задоволянъ, но онако старъ, и бригомъ за отечество своє и Цара поразслабльенъ, препоручи домъ и правльеніе своґъ Княжества Новаку, Драшковичьу Секретару, Светозару и Космы, пакъ предузме путъ даже и у самый Призренъ. Ту саєдини сузе своє са сузама прочиʼ, и до Маія мѣсеца у Двору проведе, ово цариду удовицу тѣшетьи, и младога Цара непрестанно совѣтуютьи: ово пакъ съ Богданомъ, Бучиномъ и прочима, коє є онъ за добре патріоте познавао, у согласію о средствиʼ, коима се може у тако време и при младомъ Цару држава утврдити, найприлѣжніе радетьи и послуютьи. И не само да му се Урошъ покаже, да тье се свагда постояно и найохотніе совѣтаʼ његовыʼ држати, но и проча ту силноименита предречена лица тврдо му се садъ завѣштаю, и изъ почитанія къ Любомировой оной горетьой за отечество любови и клетвомъ му потврде, да тье они данонотьно надъ Младымъ бдити, и њега свагда на

дужности његове опоминяти и увѣштавати га, да се само увѣкъ оны' правила' придржава, и по онымъ установльењама водисе, коя су они сад' медьу собомъ и у присутствію његовомъ и матере му тайно одъ други' свршили и установили. И тако ти намъ се нашъ Старый, довольно обнадежденъ, и довольно утѣшенъ, врати опетъ во своя си.

И будутьи да онъ свога Чедомиля искусіо бяше, да му се и за оно нѣколико мѣсецій у Дубровнику у дѣли' Магістратуалны' добро ползовао, и да онъ може свакій посао, кой му се даде, лѣпо одправляти; престане о томъ сасвимъ и мыслити, да га їошт' куд' на нѣко време пошлье, — но паче стане о томъ сад' разсудьавати, како тье и њега оженити, и равна га братьи његовой учинити. Онъ исчекуютьи сад' Господина Гаговичьа Жупана, да му додье, по кога є и писао быо, предузме нѣке градьанске законе, коє му є Царъ за поправльење быо вручіо, и стане поособно на Црну Гору, уколико што овой земьи сходно быти може, поправляти. И знаютьи, колико є ово дѣло трудно, на овако што многе и различногъ понятія главе склонити, приволѣти и у єдномысліє и' привести, да они оваку новость сви одобре и согласно пріиме, измысли вѣштый нашъ Старацъ, и мудрый за свеобште благополучіє політикъ, нѣко средство, коимъ видяше му се да найудобніе къ концу своимъ дотьи може, — то є ово. Онъ призиваше къ себи све понаособь главне люде, и свакоме ово, као нѣку тайну саобштаваше, молетьи га лѣпымъ начиномъ, да онъ одъ своє стране у собору саизволи и метне вотумъ свой на таке нове законе, да потврди и онъ, да су они весма добри, и за цѣлу землю весма полезни, да се њима уводи нѣко равновѣсіє, да за свакогъ, како благородногъ, тако и за простогъ земьедѣлца у свему право буде. Истина, придодаваше онъ свакоме, да тье овдѣ прва класса малый нѣкій уштрбъ имати; али защто и не бы сте Вы, любезни мои, такавъ уштрбъ и поднели, да

учините, што є предъ Богомъ право, и да съ мирніомъ совѣстью оно, што Вамъ є Богъ дао, уживате? да и кукавный, вели, нашъ простакъ на насъ не плаче, и на насъ къ Богу не уздане. Само, вели, Вы — наставіо бы — одъ Ваше стране то учините; а ако и прочи на то не саизволе, я не могу шта силомъ, — само, вели, да могу потомъ когагодъ имати, о коме бы самъ у Дворъ явіо, да є овай и овай, као благодушный градьанинъ, вотумъ свой метнуо. Мени истина, придода, не бы ни требе было, такво што Вама ни саобштити, но чекати истый данъ собора, и ондѣ бы свакій изявіо, кой како за свой публікумъ мысли; но у єдну руку и несумняютьи, да тье и' быти доста, кои тье вотумъ свой на исте законе метнути, я изъ моє къ Вама и къ фамілііи Вашой любови, желетьи, да и Вы у овомъ о себи какво изятіє не учините, и себе у классу Егоиста' не счислите, чимъ бы стесе и у Двору замѣрили, не пропуштамъ Вамъ пріятельски стварь тайно одъ прочи' саобштити, да знате у собору, коє Вамъ є стране совѣтніє придржаватисе, и т. д.

Овымъ дакле начиномъ онъ, као правдолюбивъ мужъ, као честный сограђанинъ и вѣрный рабъ Божій, кой се удостоява надъ многима быти поставльенъ, єдногъ по єдногъ све лѣпо наше благородне Црногорце у честну свою мрежу правде, кою є њему Мінерва дала, као рыбе по'вата и улови, и тимъ и' за своє имъ собственно добро превари, те они исте законе пріиме и одобре, будутьи се они сви у собору, свакій поособь Старцемъ напредъ одушевльени, тайну ону свакій за себе држетьи, у раздѣльенью вотума' єданъ другомъ на удивльенье согласе. Старомъ є то неописана радость была, да му се намѣренье овако срѣтьно извршити даде. Онъ имъ ту сад', онако весела срдца, такво слово избесѣди, доказуютьи имъ, какавъ тье имъ плодъ изъ ти' закона' време произвести, да су сви, радостью нѣкомъ упоєни, кад' є онъ свршіо слово своє, *„Многа лѣта Господину нашемъ!“* воскликнули. За-

коне ове„ одма по заклетви на ньи, свуда у Држави той по црквама разгласе и народу и' саобште. Ово сад' Старогъ намъ Соколовичьа сила поутѣши. Онъ чисто духомъ своимъ предчувствоваше, да ни єдна Провинціа, изъ кои' се царство Србско састояше, не може тако сигурна и изванъ сваке опасности быти, као Црна Гора, кою и єстество само тврдо оградьує. Дошавши са Собора кутьи, и толике силне и утѣшителне књиге заставши, у коима га, особито изъ Двора, увѣраваю, да є све добро и све срѣтьно, хвала Богу милостивоме, говораше, кой на насъ, и на Народъ Србскій, благодатъ свою показує, и насъ, вели, као древногъ Ісраиля, ако и погрѣшимо, опетъ милує, и по благости своїой насъ као и ньега опетъ не оставля.

Послѣ два' дана' по своме дома са Собора повратку изидье Старый Князъ са своїомъ фамиліомъ у великій вертъ свой, и надгледавши, како му люди у ньему раде, оде и у Пчелнякъ. У истый данъ, око' 18. Маія, многе му ту кошнице бя'у роєве пустиле. Стане съ дѣцомъ и гледи, како му люди съ Пчеларомъ око' роєва прилѣжава'у, — кад' ал' ето ти му єднога служителя: Господине, вели, изволите дома дотьи; странна нѣка Господа на Васъ чекаю. Онъ на то по'ити, и ступивши у преддворіє смотри странне, коє му Косара на алтанъ извела бяше. Отацъ! повиче Годомилъ, оно су, вели, Господинъ Юговичь и Господинъ Милорадъ! Старый дигне очи на алтанъ: Айдете Газда! повичу странни, камо сте? Дали сте се, вели, на Вашу економію, као да тьете Богъ зна колико їошт' живити! Любомиръ, пунъ радости: Добро сте ми дошли, любезни мои гости! Добро сте ми дошли! любетьисе съ ньима онако їошт' у ходнику, — Милораде, брате! возопи, одкуд' ты за волю Божію данась? Сатимъ удьу у салу: О радости моє, коїой се заиста нисамь надати могао! Драго намъ є, рекну странни — кои' їошт' троица ту бя'у дошла — и радуємосе, да смо Васъ све здраве застали. Сатимъ полюбесе и съ прочима.

Благодаримъ Богу! рекне Старый, сви смо здрави! но ето! — Како насъ видите. То изрекши бризне плакати и Богдана загрльи: Шта бы, брате, за име Божіе! Е! Шта знамо? Божія є воля тако была! Престанимо веть єданпутъ, и заборавимо на оно, што вышше повратити не можемо. Яо брате! тежко є добро заборавити! Све, све, приложи Любомиръ, но како му планъ не покваристе, да не иде зими. Опетъ Вы! Колико сте ми путій веть то рекли, и не бы се чудіо, да ми ко другій то каже. Та Вы сте га познавали найболье! Ко бы њега одвратити могао, кад' бы куд' науміо? Човѣкъ бяше преко мѣре силанъ, кой тежко за свашта слушати може. Кад' Вы њега нисте могли преокренути, кога є онъ найболье слушао; како бы смо мы могли были? О жалости наше, и вѣчите штете наше! Шта се учини! — Младый є здравъ? Богу хвала здравъ є, да болье быти не може, а и надеждомъ о себи одъ нѣкогъ времена осіява насъ као пролѣтно сунце: но скидайте те 'альине! Што є было, было! Мы га вышше не исплакасмо! Послови намъ у Двору прекрасно иду; закони намъ градьански силу свою не губе; воинство намъ є у своме поредку; држава намъ цѣла, Богу и Св. Архістратигу хвала, никаквогъ уштрба до данась ни у чему на свету не познає. Испуняваймо само дужность нашу, па се не боймо! Све є добро и добро тье быти. Мене твоє рѣчи оживляваю! На то сад' Богданъ извади му нѣка писма, одъ кои' єдно пружи Косари одъ Отца њеногъ, а єдно Светозару одъ Цара, коя ови одъ радости полюбе и почну читати.

При обѣду сад' ова два пріятеля Старомъ Любомиру сила ковшта напреповѣдаю, и сила га такодье утѣше и разговоре; но опетъ му нѣке Дворске кабале Богданъ претъути. Они важны' нѣки' дѣла' ради и недѣлю дана' при њему се позадрже. Любомиръ осмый данъ одпустивши ове радостно сад' изгледаше и Г. Бучина, кой имъ є преко писма явіо быо, да тье имъ скоро дотьи. Онъ намѣраваше нѣкимъ посломъ и у Дубровникъ

итьи; но єдно Бучина ради, а друго приспѣваше имъ и Праздникъ Сошествія Св. Духа, — нерадъ бяше одъ дома одтиснутисе. Лицемъ на праздникъ уютру ето ти му два млада Священика изъ села и съ ньима два црквена тутора, кои поздравивши га праздникомъ замоле га одъ стране обштества ньовогъ, ако бы имъ икако любовь учинити могао, да имъ съ фамиліомъ своїомъ на такавъ великій праздникъ у каѳедралну цркву додье, и своимъ долазкомъ народъ имъ обвесели. Добро! рекне Старый, поздравите ми Г. Проту, дотьитьу Вамъ, али подъ тимъ, вели, уговоромъ, да онъ данась, купно съ Вама, при мени на обѣду буде. И тако да явити своимъ свящeнику Ісідору, да на ньи не чека, но да у Архаггелской раніе літургію свр-ши, и самъ потомъ сидье доле. Сад', Косара! дѣте моє, отишавшымъ Свештеницама, рекне Старый, моя є воля, да Вы сви данась црно скинете, и да се данась, на овай великій праздникъ, сви лѣпо обучемо. Ово тье веть 5. мѣсецій брате быти, одкако смо се у црно завили. Я Вамъ, Отацъ любезный, рекне она, нисамь ништа смѣла споменути, — а и сама самь то желила; єръ мы га вышше не повратисмо, да бы смо нигда црно са себе и не скинули, а и тако, придода, до кой данъ чекамо найлюбезніегъ намъ и новога госта, да насъ Богъ ньимъ обвесели и утѣши, па не бы самь была рада, да насъ такавъ гостъ, а буди бы была и гоштья, у црномъ застане. А! имашь право, сынко! Да како! То є прва наша радость! Но како ти се види на ньой, хотье ли веть време быти? О да! До кой данъ! На то удье имъ Драгиня, кою онъ отечески пригрльивши: Дѣте моє любезно, рекне їой, я хотьу, да ми се данась лѣпо обучешь, у чисто бѣло, и я и Мамица, и сви, па тьемо доле у цркву итьи. О Отацъ! Далеко є! Не пѣшце, сыне! На коли', лѣпо и парадно! Мы престаємо вышше плакати, престаємо, дѣте моє, сѣтовати и црно носити. Мы у име Бога у прво се наше одъ данась станьє повратьамо. Да како ты мыслишь? Што намъ є одъ Бога, о ономъ не валя

да толико унывамо и тужимо; — мы валя да се и нашегъ Св. писма опоменемо, коє намъ говори: О умершемъ не плачите, яко неимущіи упованія (на Бога). Ако нисмо у првомъ кипльенью наша чувства побѣдити могли, кад' насъ є жалость посѣтила: сад', хвала Богу, Вашъ є Старый Отацъ утѣшенъ и опетъ весео, зато и Васъ све утѣшене и веселе опетъ видѣти желимъ; — но овамо 'альине! Обуцитесе данась, на Сошествіе Св. Духа, како найболье знате. Имате, благодаримо Бога, у што се обутьи. И тако сви се у лѣпо одѣло и благородно обуку, и кад' другій путъ звона благовѣсте, сѣдну на кола и сидьу у цркву.

По светой служби лѣпо узме Г. Проту, Туторе и оба Свештеника са собомъ на обѣдъ. Сад' му фамілія и цѣлый Дворъ чисто оживе, видетьи само ньега у лѣпомъ расположенью и весела. Сѣдетьимъ имъ їошт' при обѣду Драгиня му приступи и запыта, бы ли смѣла мало у кимвалъ ударати? Да како! весело повиче Старый, — слободно, дѣцо моя, — зашто не? Мы данась валя да сви весели будемо, єрбо Духъ святый, утѣшишитель нашъ, пріиде, и посѣти насъ Богъ благодатію своєю. Онъ ово само по благодушію Христіанскомъ и изъ любови къ своїой фамілії, а особито Драгинье ради у садашньемъ ньеномъ станью говораше; а не, што бы му срдце сасвимъ исподъ оногъ камена печали ослободьено было, премда є веть подоста и утѣшенъ быо. Сад', кад' види бодру и веселу юность около себе, коя му є толико дуго време унывала и тужила: Боже мой, помысли у себи, они сви изъ мене, као источника каквогъ, и жалость и радость себи поцрпляваю.

Уставши одъ трапезе изидьу сви у дивльій вертъ. Онъ, съ гостима разговараютьисе, лагано се шеташе, а дѣца му се съ Милиссомъ и дѣвицама почну играти и туда віяти. Косара бы често младу свою сна'у опоменула, да се не мори. Кад' имъ овако време мало поза'ладни, изидьу наполье, и чистомъ поляномъ исподъ Двора шетаютьисе ти'о се разговара'у, и додьу на зеленый

оглавакъ къ цркви и къ великимъ растовима. Ту стану и гледе высоку пїраміду, кою му бя'у тій дана', као надгробный споменикъ, люди свршили. Дивно дѣло, Ваша Свѣтлостъ, рекне Отацъ Прота, гледетьи на пїраміду и двѣ прекрасне статуе, коє съ єдне и друге стране, на мермерны' стубови' утврдьене, чиня'усе као да имъ плачу. Та ето, рекне Старый, дѣца моя, Косма и Светозаръ, навалище, да се то начини. Айде де! рекнемъ, дѣцо! нек' буде и то, као домъ, у кой Вамъ жели Вашъ Старый Отацъ првый унетисе, — а послѣ, како буде Божія воля! На пїраміди овой повысоко одъ чисто бѣла мермера изсѣченъ бяше грбъ Любомира Соколовичьа: нѣке хоругве, мачеви, доboши и проча. Предъ пїрамідомъ бяше такодье начињена єдна низка, но пространна, и одъ камена на сводъ сазидана пештера, — тако искусно сазидана бяше, да се єдва и помыслити могло, да ю є човѣкъ сазидао, но као да є одъ саме природе онака постала, — толико є нѣкій Італіанацъ єстеству подражавати знао. Старый имъ отвори желѣзна врата, крозъ коя се чрезъ решетку унутра видѣти могаше и онда, кад' су имъ затворена, и съ 5. степена' спустисе сад' съ гостима унутра. Ту имъ сад' искусно дѣло човѣка, єданъ грдно великій лавъ, одъ мермера изсѣченъ, као живъ у стѣни узиданъ лежаше. Старый сад', заваравши гостима очи, коснесе рукомъ истога лава, и исподъ ньега укажу нмъ се сад' друга одъ камена врата, крозъ коя се сад' одавдѣ у другу улазаше пештеру: Ово є, рекне имъ, мой вѣчный домъ, а ова є, вели, прва пештера, капелица, као што видите, єръ бя'у нѣколико светы' образа' и предъ ньима сребрна кандила. Кад' одавдѣ изидьу, опетъ Старый тако лагко иста врата затвори, и лавъ имъ се опетъ ту появи, да гости ни на умъ узети не могоше. Ово мѣстанце, рекне Старый, дао самъ осветити и опредѣліо самъ га за погребенье насъ свію. Сатимъ изидьу, и сѣдну на то зелено брдашце.

Чимъ они ту сѣли бя'у, и почну у село гледати, како имъ се проста дѣчица по нѣкой ту поляници играю и трче, ал' ето ти имъ нѣке Господе, до єдно њи' 13. лица', измедьу кои' наполу женска бя'у. Они сви богато и чисто обучени управо къ овыма на брдо подьу. Та ови иду къ нама! рекне Милисса. Ко тье намъ то быти, Отацъ? упыта Косара. Знате л', ко су намъ ово? приложи Прота. То тье Вамъ быти Г. Гаговичь Димитрій, а оно му є друго, вели, братъ његовъ изъ Његуша. Милоє? Онъ, Господине, но не знамъ, кад' му є дошао. Ето они иду къ нама! А гле! повичу гости наново и почнусе смѣяти, — Та ево имъ и третьегъ, Веселина, оногъ трбушка! Димитріе, вели, има и свой домъ овдѣ у селу. Сад' они, видетьи ове овдѣ на брдащцу, не хтѣше заилазити, по управъ къ овыма узъ брдо. Косара, видетьи Светозара и Чедомиля, гдѣ се ту вія'у, зовне и', и покаже имъ странне. Медьутимъ странни имъ се приближе. Милоє бяше высокъ човѣкъ, и лѣпъ, како у струку, тако и у лицу, около свои' 40. лѣта'. Ала Господине, смѣшетьисе Отацъ Прота на Милоя, како Вамъ ніе жао, тогъ човѣка узъ овако брдо мучити? Іо! Ко му рече, овако гоитисе, рекне Милоє. Веселинъ, изоставши мало, стане и подбочисе: Сад' си ме брате преваріо, али вышше нигда! єдва изговараютьи. Та тако и треба, брате, приложи Димитріе, да ти мало тай трбу'ъ спласне. На то сад' и ови имъ устану, любезно се съ њима загрлье и съ добро сте намъ дошли! поздраве и'. Простите ми, Свѣтлый князъ, рекне Милоє Жупанъ, моя є, вели, дужность была, мало и болье ускорити; ал' се не може. Ништа то, любезный Гаговичь, стиснувши га за руку одговори му Старый, ништа то! Добро сте Вы нама и сад' дошли! Косара сынко! Ово намъ є Госпоя Гаговичька — за Милоєвицу — а ову Госпою — за Димитрійницу — давно веть познаємо. Косара се сад' съ првомъ оцетъ полюби. Три дтьери Милоєве, и двоє мужке дѣчице, не разликова'усе медьу собомъ, коє є одъ кога лѣпше и

умилніе. Они приступе сад' къ Староме и полюбе му руку. Онъ њи отечески пріими, и найстарію дтьерь, коя имъ текъ сад' на 16.-то лѣто ступила бяше, придржавши за руку: Є л' намъ, вели, ово наша Єлица? Ніе то, Господине, одговоре Родительи, и покажу имъ другу, одъ ове младьу, коя у истый паръ съ Чедомильемъ поздравляшесе. Како то? рекне лагано Старый Милою, Та за кою, вели, мы рѣчь имадосмо? За ову младьу, Господине, проговори Мати, — старія намъ є, вели, веть и испрошена. А! право! возопи Старый, то ми є драго! Е! ово су мои унуцы! Ово намъ є Светозаръ, кога Вы, брате, веть и познаєте; а ово намъ младьій, Чедомиль! Косара погледи на Єлицу. Дѣвойче у 14-ой години, струка дична, два округла образчитьа њена као млекомъ наливена, и тиъ њенъ исподъ црны' трепавица' погледъ съ найлюбезніимъ стыдомъ, кой їой часъ на часъ лице оруменяваше, и свакоме є умилномъ чиняше, побуде нашу Косару весма. Она любко на ню осмѣнувшисе узме є за руку: Мило моє дѣте, рекне їой, као да си сестра моїой Драгињи. Я тебе любимъ. Госпоя Мамице! поклоните Вы мени ову Вашу дтьерь, — Вы имате їошт' двѣ. Ето, ако хотье, я не бранимъ. Дѣвица порумениви: Я самь, вели, у Дубровнику познавала младогъ Господина. Мога сына? Да како! Онъ є долазіо къ нама. Ал' ми є жао было, кад' є отишао. А имашь ты њега радо? срдце моє! О да! Онъ є врло добаръ! Мати се њена почне на то смѣяти: Богме, вели, милостива Госпоя, та каза, што їой на срдцу стои. Косари се ово допадне, она ню матерње загрльи и полюби! Чисто срдце, вели, притваратисе и не умѣ. Любезна невинности! Срѣтьный вѣкъ! милуютьи є рекне. Чедомиль ту стоетьи съ умильеннымъ срдцемъ на то гледаше. Айде, сыне, рекне му мати, айде узми подъ руку ову Господичну! Та ова є твоя познаница, а ты мени и не кажешь. Онъ є сад' пріими подъ руку, а Светозаръ узме Марицу, старію сестру, и тако подьу у Дворъ.

Дошавшымъ имъ у Дворъ запыта Старый насамо Косару, како їой се то дѣвойче допада? О Отацъ! возрази она, као ангьео! любезно дѣте и съ найчистіимъ срдцемъ. Та Вы сте нѣшто Гаговичьу, Отацъ, о томъ и напоминяли? Я самь му, рекне Старый, мало наговѣстіо; но нисамь ти хотѣо казати, незнаютьи, хотье л' ти се дѣте повольити? Мени є, Отацъ, она сасвимъ по вольи: но при свемъ томъ, рече, я тьу родительима учинити єдно предложенье, и ако на ньега саизволе, весма тье ми мило быти, — но изволте Вы, Отацъ, ньи по соба' проводити и разговарати, да я медьутимъ съ Монъ Аміємъ и младьима ужину приправимъ.

И тако да великій асталъ у придворію на 'ладу поставити и ужину пристойну изнети. При ужини сад' у разговору и веселой шали пробаве време и до саме нотьи, слѣдователно зауставе госте и на вечеру.

Старый сад' и Косара у овой прилици узму Жупана и Господьу ньегову у другу собу, даду призвати и Веселина. Любезни мои, рекне имъ Князъ, медьутимъ докле насъ на вечеру не позову, моя є воля ево съ Косаромъ, сна'омъ моїомъ, да се мы сад' о дѣлу нашемъ разговоримо, и по оной пословици, што тье быти єсенась, нека буде вечерась. Вы сте прво мени за Ваше дѣте мало наговѣстили. Я самь се съ моїомъ Косаромъ о томъ веть разговарао, и ни за чимъ вышше, да на овай разговоръ додьемо, стаяло намъ ніе, но да и мы видимо Вашу дтьеръ, а да и Вы видите нашега сына, — и Вы сте намъ по вольи учинили, што сте дѣте овако довели. Сад' дакле, ако намъ є одъ Бога судьено, да се опріятельимо, и средствомъ такогъ брака наша два дома союзимо, я не бранимъ. Дѣца су намъ овдѣ. Истина, да су намъ и єдно и друго їошт' за то млади: но велимъ, ништа зато! Мы посао овай можемо медьу нама сад' само уговорити, па на нѣко време и одложити га; а то тье быти їошт' болье, да се и єдна и друга страна їошт мало промыслимо: или

Вы за добро налазите — Не, Господине! привативши Милоє. Што бы смо се мы о томъ много промышлявали, ако є само Ваша воля; и ако се Вама за Вашегъ сына рано не види, за нашу дтьерь тако рано и ніє, — она тье намъ скоро на 15.-у годину настати, и мы, као њени родитељи, болье срѣтье за ню не желимо, него, у Вашъ є домъ дати. Она є овдѣ, — видѣли сте є. Дѣвойче намъ є, Богу хвала, здраво, воспитано и научено. А є ли лѣпо? придода Трбушко смѣшетьисе, то тьемо Младогъ Господина пытати. Мы о томъ, любезный Господине, не сумнямо, рекне Косара, што се науке и воспитанія каса, — а и у прочемъ дѣвойче се мени, докъ самъ є видла, допало и повольило. . . . . Старый на то, потьутивши: Изволте дакле, вели, и Вы о нашемъ сыну болье извѣститисе, — ктоме, настави, познато Вамъ буди, вели, любезни мои, и то, да овака стварь не зависи само одъ наше волье, но да видимо, вели, шта тье намъ и дѣца наша ретьи.

На ову садъ рѣчь Трбушко намъ се почне смѣяти: Мой Господине! Чествуємъ ту Ващу рѣчь, но што велите, да за то и њи треба пытати, — ако Вы на то оставите, то є посао тай готовъ! Шта тье намъ они на то ретьи? Оно, што бы самъ и я у њиномъ вѣку рекао, — Хотьу! па край! Єдно само Ваше изреченье тако млада њина срдца саєдинитье, какогодъ оне двѣ уютру капльице росе што се на зеленомъ листу єдна къ другой слію. А шта бы смо мы и знали, Милостивый Господине, рекне Гаговичька, о Вашемъ сыну извѣштаватисе? Ніє л' нама довольно, што намъ є онъ Вашъ унукъ, Вашъ сынъ, и што сте га Вы воспитали? Мы выше не захтѣвамо, — мы смо га и видѣли.

Изъ овы' дакле рѣчій њины' свакъ примѣтити може, да Г. Гаговичь врло желяше съ Княземъ опріятельитисе, и будутьи да є и разумѣо быо, да су и многи други то исто одъ своє стране желили: то овдѣ садъ мало као и навальиваше, боєтьисе, да му се не бы овака, за своє дѣте и

свою фамілію срѣтьна прилика мимоишла. Но и нашъ Старый, не, што бы се онъ одъ други' оволшебствовати дао, веть призна и самъ ову прилику, да є и за домъ ньеговъ добра, єръ познаваше, као што смо и вышше рекли, онъ ову такодье благородну фамілію, и люде као весма добре и честне, — зато желяше и самъ, купно съ Косаромъ, съ овыма се людма сродити и опріятельити.

Они овако у разговору на конацъ согласесе, загрльесе и полюбесе пріятельски, са узаимномъ жельомъ благослова любезной своїой дѣци одъ Бога. Сад' Любомиръ съ Косаромъ, Светозаромъ, Космомъ, Милиссомъ, и Ісідоромъ зовне насамо Чедомиля, и пристойнымъ начиномъ ову му стварь саобшти. Благообразный юноша закрасисе у лицу. Онъ учтиво предъ Старымъ стоєтьи кршетьи прсте своє слуша ньегове рѣчи. Любезный Отацъ! напослѣдакъ рекне, Вы знате, да я са срѣтьомъ моїомъ одъ Бога, па одъ Васъ зависимъ. Зато, како Вы за добро налазите, тако нека буде. Мени се, кад' захтѣвате, да Вамъ право кажемъ, — нѣжно смѣшетьисе рѣчь затезаше, — мени се — Но! Но! Не таи сыне оно, што ти само срдце на єзыкъ произноси, — кажи слободно, дѣте моє! . . . Светозаръ, смѣшетьисе, окрене главу мало на страну, и Старый, то спазивши, стане му прстомъ претити: Ты несташко! Добродѣтель да не измѣявашь! И знай, да є стыдъ свію добродѣтелььій добродѣтель! Кажи ты, сыне, твомъ Старомъ Отцу, милуютьи га рукомъ исподъ браде рекне му. — Мени се Єлица допада, Отацъ, я ню радо имамъ. Право сыне! Право повичу и прочи. Онъ на то полюби Староме руку, потомъ приступи и къ Матери. Сад' га у усхитьенью чисте любови братске загрльи Светозаръ и найсердечніє га излюби. На то приступе му и прочи, и сви се съ ньимъ излюбе.

Сад', сыне, право ми кажи и то, рекне Старый, у чему се теби Єлица найветьма допада? У томе, Отацъ, што є — добра. Да! Да! рекне му

Светозаръ, то ти є изъ главе, ал' ніе изъ срдца, зашто ти є на єзыку было, да рекнешь: Лѣпа. Ты тьути! одговори му братъ, — нисамь се ни я у твой посао мѣшао! При свемъ томъ, приложи младить, ако се Вама, любезный Отацъ, и Мамици у чему не уздопада, то мени не треба. Добро, Чедомилю! Ты си ню, сыне, текъ у Дубровнику нѣколико само путій видіо, и веть ти се допада, — ты си ню дакле срдцемъ возлюбіо, но у дальемъ смотренью нѣны' душевны' качества', хотье л' ти се и разумъ са срдцемъ твоимъ согласити, да є савршенно за супругу свою имати можешь, то тье се їошт' видѣти, — на то мы, сирѣчь на даре душевне, вышше и идемо, — премда мы сыне спрам' тебе и лѣпу хотьемо; — но признаємо, да вышше значи добра срдца и лѣпа разума дѣвицу избрати, нежели на єдну само красоту лица ньена ослонитисе. Зашто, дѣте моє, настави Косара, лѣпа дѣвица безъ други', словесной души сходны' дарова на нѣкій вачинъ уподобляваше шареной лутки, или оной у Есоповой басни ларви: Глава безъ мозга. Я бы желіо, Мамице, да є само и Вы толико искусите и познате, колико є я познаємъ, — найпослѣ не знамъ, можно, да су се и какве погрѣшке ньене моме їошт' неискусноме оку и подкрасти могле; зато изволте є и Вы болье промотрити, єръ качество душе познати єсть посао зрѣлієгъ разума, нежели што є мой.

При овимъ рѣчма ньеговымъ Старый смысленно погледавши на ньега, пакъ на матерь му, и потьутивши мало: Добро, Чедомилю, рекне му, добро, дѣте моє, я самь твоимъ одговоромъ весма задоволянъ. Но опетъ, сыне, теби нетье быти несносно, мени їошт' на єданъ малый вопросъ одговорити. Шта си ты на той дѣвици їошт', кромѣ лѣпоте ньене, примѣтити могао? кад' кажешь матери: Мамице: Само кад' бы сте є Вы толико познали, колико я! Я ништа друго, Отацъ, на ньой у нѣколико съ ньомъ часова примѣтити и нисамъ могао, развѣ то, да она има чисто срдце и любезну невиность. То їой се изъ самы' очію види,

и то на њой и съ малымъ вниманіємъ свакъ примѣтити може.

На ово братъ му, гледетьи доле на сподъ, у кой нѣкимъ штапитьемъ удараше, опетъ ти'о осмѣнесе. Драгиня, стоетьи поредъ њега (єрбо и она ту ушла бяше) Е! вели, шта ти сад' опетъ смѣшно пада? Та онъ добро каже; шта є и лѣпше одъ чиста срдца? и любезніе одъ невиности? Я то знамъ, одговори Светозаръ, и я таке добродѣтельи чествуємъ и любимъ: но ове само добродѣтельи нису намъ довольне къ савршенной єдне дѣвице доброти. Зашто ове добродѣтельи, ако немаю себи други' за основаніе, лагко прецвѣтаю; и єсу саме по себи слабе, будутьи и чисто срдце къ страстма є склонно, и сама невинность, коя є само цвѣтъ добродѣтельи, а и ніе управо добродѣтель, не принесе свакій путъ желаєма плода: — но иштесе къ совршенной добродѣтельи лѣпъ моралъ, изображенье срдца, благонравіе, честно одъ порока' уздржаванье, учтивость, побожность, стыдъ, у дѣли' трудолюбіе, и проча овака, коя одъ просвѣтьенья разума зависе, и на њему само утврдьена быти могу. Єръ дѣте, као дѣте, свако є невинно, и свако има чисто срдце: но докле? Докъ не одрасте. Е Бога ти! Имашь ли їошт' што, што ниси изброіо? О! Те колико їошт'! Нуждно є дѣвици кромѣ предречены' добродѣтелыій, сирѣчь унутрашньегъ изображенья, да има изображенье и споляшње, да є лѣпо цівілизирана, да се зна у свакой прилици са свѣтомъ обходити, да зна люде по классама разликовати, и — Доста! Доста! молимъ те, повиче Драгиня, Ты бы знао тако и цѣлу ноть читати! Да како ты мыслишь? Да се превари и онъ у томъ, као и я? О ты! Старый, смѣшетьисе, пружи Драгиньи штапъ: Подайдеръ му єданъ као строгомъ избирачу у мой одговоръ! Не смѣмъ, Отацъ! Войвода є! Яо! Нисамь Вамъ ни казала — На то їой онъ метне руку на уста. Е мыслишь, да те и я нисамь видла, приложи мати, кад' си сѣо на люлячку, па се люляшь; а тамо нѣке заповѣ-

сти младьима издаєшь! Е Бога Вамъ, Мамице! Пакъ! рекне Милисса, — младъ є! Сад' зна, што живи! Нека га їошт' за кою годину.

Старый сад' опетъ окренесе къ младьемъ: Чедомилю, сыне! Ты намъ твою волю исказа; од-сад' є веть наша брига. Айде сад' иди, вели, съ братомъ, и разговарай госте; сад' тьемо и мы дотьи.

Косара сынко! Шта велишь? Овай є посао готовъ! Но како тьемо? Я нисамь радъ, да се ово дѣло, као што они хотье, одма сад' къ своимъ концу приведе. Да како Вы мыслите, Отацъ? Моя бы воля была, баръ до Септемвріа пречекати: но шта ты мени рече, да тьешь имъ нѣшто предложити? Я бы самь желила, да намъ они дѣвойче заоставе кодъ насъ, да се дѣте мало нашемъ обычаю поучи, и да се съ фамиліомъ нашомъ позна, и мало сроди. То и не бы было съ горега: но я то, сынко, споменути не могу, да людма што противно не учинисе, зашто лагко се помыслити може, да мы дѣте ньино на искушенье зауставлямо. Ако н' узможете, Отацъ, или Вы Уйнице, рекне Косма, лѣпымъ начиномъ на ту мысао привести, да они сами то учинити саизволе, тако бы найболье было. Я колико на матери примѣчавамъ, они бы съ добромъ вольомъ ню оставили, приложи Милисса Косари: но Вы, Мамице, мотьитьете найлагкше ту стварь съ ньомъ свршити.

Сад' ушавшымъ имъ у собу къ овымъ: Любезна Ріо! рекне Старый лагано Госпои Гаговичьки, дѣло є одъ наше стране готово: но како Вы сад' на'одите за добро, поведши є мало на страну рекне їой. Я велимъ, придода, да оставимо мы посао овай до Септемвріа, а то тье ретьи, до три мѣсеца. Добро! Ваша Свѣтлость, є ли младитьу саобштено? И има ли дѣвойку у вольи? О да! Онъ ню милуе! Но єсте ли Вы дѣвици што говорили? Хотье ли она? Пытасмо є, но не хтѣ предъ Отцемъ изявитисе, — а послѣ мени насамо каза, да хотье, и да она ньега весма радо има,

кое самь я на ньой и предъ тимъ познала: но чинила самь се и невѣшта.

На то сад' удье Гаговичь. Ха! Добро! повиче Старый, ево намъ и пріятеля! Гаговичь се на ову рѣчь и осмѣне. Є ли дѣло веть до тога доведено, Господине, или ме у другомъ смыслу тимъ любезнымъ именомъ нарекосте? Єсть, любезный мой, єсть, одговори Старый, но да се полюбимо, и предье наша срдца, пріятельствомъ союжена, произнесу имъ, као дѣци нашой, къ сочетанію ньиномъ благословъ. Кад' су се полюбили, рекне Госпоя Гаговичька мужу: Шта велишь, Милое, Господинъ Пріятель радъ є одложити ово дѣло до Септемвріа. Пакъ? Какогодъ Господинъ пріятель узхтѣ, онако нека и буде. Вы, пріятелю, нашу дтьерь одъ данась у Вашъ домъ за Вашегъ сына, и у Ваша родительска нѣдра пріимате; — она одсад' постає Ваша дтьи, као што є и наша; а мы остаємо вовѣки добри пріятельи, пакъ сад' одлажите време, како Вы знате и како є Ваша воля.

При вечери сад' буду весели. Зазвече имъ здравице око' трапезе. Почну пѣвати и шалитисе. Наша любезна Єлица, сѣдетьи овако при софри до матере: Мамице, вели (рекне ѣой лагано) є заръ смо мы и пріятельи? чуютьи ове, гдѣ се пріятелье. На кое мати почнесе смѣяти: Моя, вели, дтьи ніе ни знала, да смо мы пріятельи. Пріятельи, срдце мое, да како! одговори Косара: А бы ли ты заостала овдѣ кодъ Госпое Пріе? упыта є мати шалетьисе. Видишь, како є кодъ ньи' лѣпо, какавъ Дворъ имаю, красне вертове, лѣпе конье, кола, па бы те Госпоя Прія почесто изводила у шетню. — — Не бойтесе, и не бы сте у томъ погрѣшили, возрази Косара, я бы ню држала као мое дѣте и као мою Драгиню. Они ово као и изъ шале овако почеше, но найпослѣ тако и учине. Родительи ню драговольно овдѣ заоставити обѣтьаю, кое предложенье и она съ веселымъ срдцемъ пріими, но недоумѣваше сад' о томъ, како є ню мати и могла пытати: Люби ли

она младога Соколовичьа? и бы ли желила за њега потьи? кад' су они пріятельи.

Сутраданъ по ручку станусе гости спремати да подьу. Веселинъ, шалъивъ, загрльи свою сыновицу и милуютьи є погледи на матерь њену: Ал' сте Вы, сна'о, врази! гдѣ Вы кукавно дѣвойче пописте. Ягње моє мило! Продадоше ми те! Е! да! Чико, я остаємъ кодъ моє Госпоє Пріє! Но молимъ Васъ, Чико, кажите ми (лагано му рекне) зашто се мы зовемо пріятельи? Онъ на то пригне къ њой главу, и нѣшто іой на то рекне. Е да! Како бы то было, да се мы зато пріятельимо? Зато! Зато! Дѣте моє! Да шта ты мыслишь? Заръ є то мала стварь? Хмъ! Боже мой! Та говорте лагано! А заръ є тайна? Но, сыне, хотьу ти пришаптати! — Е! Та то сте ми веть казали! Но! запытай ено и Стрыйну! Ако мени не вѣруєшь, и она тье ти казати! Аки бы ти я лагао! Ала Чико! Та я не кажемъ, да Вы лажете, но мыслимъ, да се Вы само шалите. Є л', Стрыйна, да се мы зато зовемо пріятельи (лагано нѣшто пришаптавши їой) — На коє ова сад' напрегнесе смѣяти: Силе те сапеле! вели, шта му є звекнуло у главу! Пытало га сирото дѣвойче! рекне сад' мужу, до себе стоєтьемъ, зашто се мы пріятельимо? А онъ їой казао, зато, вели, што ти се Тата са Старымъ Господиномъ погодіо, да му да єдну младу пауницу, а Старый њему єдногъ сокола у промѣну. Но! Пакъ їой є и истину казао, рекне Димитріє! Истину? возрази Єлица, — я то не вѣруємъ! Е! Ты не разумѣвашь; зато и не вѣруєшь! придода Трбушко. Но кад' бы самь ти казао; онда бы си видла, да тебе твой Стрыя не вара. Е! Дакле кажите ми! Я тьу ти казати, рекне їой лагано, но тако, ако тье кодъ тебе остати, зашто є ово тайна, кою они одъ тебе крыю. О! Само Вы кажите мени! К нисамь луда, да коме кажемъ. Добро! Отиди ты мало на страну, да се они што не сѣте, а я тьу сад' къ теби дотьи. Она на то, као да завара прочыма очи, одступи мало одъ њи', и стане за онай у преддворью растъ.

Овай врагъ намигне на проче: Сад' тьу Вамъ, вели, покварити посао! У тай паръ Воденичаръ (садашньій Пчеларъ) да се покаже са своимъ занатомъ, донесе ту на асталъ пуну єдну паницу млада у сатью меда. Ха! право! повиче Веселинъ, и наклописе сад' на медъ. Сатимъ се сад' при асталу, онако на полю сѣдетьи, мало заговоре, и Трбушко на дѣвицу и позаборави. Она доникле чекаше. — найпослѣ почне из-за раста: Пстъ! Пстъ! На коє Воденичаръ стане се обзирати. Бурямъ се овоме почне смѣяти: А што ты, вели, звѣрашь? Заръ си ты єданъ овдѣ? Сад' съ алтана повиче Косма: Старче! Чуємъ, Господине! Та камо се човѣче? Овай погледи на Буряма: Но! Я кажемъ, да мене нѣко зове! Сатимъ одтрчи, и пріими нѣкій тьупъ, да гостима напуни меда. Бога Вамъ, Господинъ Космо, рекне Бурямъ, Єсте ли Вы на ньега: Пстъ! чинили? Нисамъ! Но! Видишь, да се ниси, дедаче, нотьась изспавао. Сад' Бурямъ приступи къ Веселину, и опомене га, да га Єлица чека. Право! одговори овай, я, вели, и заборавіо. Устане и оде їой: но прочи ово ни на умъ не узеше. Ал' да не кажешь! опетъ їой сад' рекне. Видишь, вели, Ты мене ниси разумѣла. Птица Пауница, то си ты, а Сокоо птица, то є онай младьій братъ, сынъ Старога, — разумѣшь? Сад' дакле (растежутьи рѣчь, видетьи, съ каквомъ нестрпѣливостью желяшесе болье извѣстити) Ты си Пауница, є л'? Но, єсть! Я Васъ разумѣмъ, само говорите. Добро! Ты си Пауница! Слушай ме! А онъ є — Сокоо! Видишь, шта теби Чика твой каза! Ал' да тьутишь! Она мысляше, да тье онъ и далье што ретьи: ал' онъ положивши прстъ на уста, да тьутишь, вели, и поведе є. Е! Та Вы мени їошт' нисте све исказали, рекне му, и заустави га: Шта є далье? И їошт' ме не разумѣшь? Родительи су медьу собомъ учинили єдну лѣпу промѣну о Васъ двоє. Ты остаєшь дакле овдѣ, да се шеташь по овомъ пространномъ Двору, као єдна златоперна Пауница, а Младога мы узимамо са собомъ у Ньегуше. Видишь каква є то срѣтьа!

Дѣвойче се сад' наоблачи: Та добро, вели, па докле тако да буде? Како докле? Тако, докле я овдѣ, и онъ тамо? Іо, срдце моє, То се вышше не промѣнює. Ты остаєшь овдѣ одсад' дтьи ныіова, а онъ нашъ сынъ. Они тье тебе лѣпо, кад' имъ ты рекнешь, за кога удати, а мы ньему имамо веть у Ньегушу дѣвицу! Тако, голубице моя, видишь, како си срѣтьна! То рекне и подье; а она намргодьена погледи за ньимъ, и, На часть Вамъ та срѣтьа! повиче, мени не треба! Трбушко се засмѣє, и додье къ прочымъ. Враже ты! рекне му Гаговичька, Ты си ошетъ у нѣчемъ ню преваріо! На то изидье она, и заваравши прочыма очи мане главомъ на матерь, и подье узъ степеие. Сад' у ходнику кукавно дѣвойче, съ намѣреньємъ, да каже матери, да она нипошто ту остати нетье, зацѣнисе плакати. Но! Шта є то Єлице? Шта є тебби? Та шта ты слушашь Стрыца будало? Онъ се съ тобомъ шали! И тако сад' єдва є мало повратти; но казати нипошто она не хтѣ, докле имъ годъ Веселинъ, коме се трбу'ъ одъ смѣя тресаше, не искаже, како є, и у чемъ ю є преваріо, — те є тако увѣре, да она само на нѣко време ту остає, и кад' їой у чему не бы было по вольи, да се може къ Стрыйни своїой ситьи. Опростившымсе гостима и родительима ньенымъ, и отишавшымъ имъ, Косара съ матерньомъ любовлю предузме сад' попеченіе о овой младой и беззлобной, у невиности іошт' дѣвици, какогодъ нѣгда о любезной своїой Драгиньи. И она за кратко време у Двору овдѣ тако се привыкне, и тако съ честномъ овомъ Фамиліомъ сродисе и са свима позна, као да бы се ту и родила была. Нити она толико маряше за родительскій домъ вышше.

Данъ по данъ приспѣ и време, да намъ и наша Драгиня любезно своє низложи бреме. Првый овай честне ньене са Светозаромъ любови красный плодъ появисе у сыну, коимъ она сад', лицемъ на св. Константіна и Єлену, Светозара свога обдари, и цѣлый Дворъ Любомира обвесели.

Дѣте бяше крупно, лѣпо, и чисто, као што є у чистой и непорочной крви и зачето. И она се съ њиме срѣтьно разстала. Ово є была Старомъ нашемъ Соколовичьу радость, коя се описати не бы могла. Онъ сад' пріими младенца, као нѣжный цвѣтъ, на своє трепетьутье руке. Любетьи га испусти и радостну сузу на њега изъ очію свои'. Онъ га є и трипутъ бабици -- старой њиной Ев҃доѯіи — пружіо, и трипутъ га є опетъ къ своимъ, наново одушевльеннымъ прсима пригрльіо, гледетьи на њега, и читаютьи на лицу његовомъ све чертице любезнога свога Светозара, како су му очице свѣтле съ дугима трепавицама, пуне живости и нѣке любкости. Ангьеле мой милый! опетъ полюбивши га рекне, Сунце моє любезно, коє ми гробъ мой освѣтлявашь! Здравствуй ми и многолѣтствуй! Богъ, сыне, да на тебе свышше благодать свою изліє, као што и я радостну ову мою сузу на тебе изливамъ.

На то сад' ето ти имъ и Светозара, кой є рано съ братомъ у ловъ отишао. Єсу л' насъ чекали на ручакъ, слазетьи съ коня повиче на служителя, и по'ити узъ широке степене горе. Весела є мати младогъ отца цѣлу фамілію, дворяне и прве слуге и служителье, у велику салу сазвала, и съ готовомъ кафомъ и на асталу веть колачи, ликеромъ, морскимъ грождьемъ и прочима, на младитье чекала. Ево и' Отацъ! повиче Косара. Любомиръ, радостанъ, утрчи сад' у салу: Тьутите, вели, Вы сви, — ништа не говорите! Сад' удье Светозаръ унутра, и тргнесе: О! О! повиче, шта тье то сад' быти? Нисте л' се, вели, приправили, кога тутьи? Старый на то потргне єдну ружичну одъ свиле свезицу: Стани, кицоше! и сатимъ приступи му, опаше га њомъ, и викне на фамілію: Вежте ни єдну вѣру! Вежте! докле намъ напойницу не да! Младить се сѣти, и почнесе смѣяти: Яо Отацъ! Та ѣошт' и не знамъ, на што тьу Вамъ напойницу дати! Та Мамице! Браните ме! Чедомилю! Шта си стао? При овомъ мати га поспе пшеницомъ и цвѣтьемъ, а Старый га полюбцемъ сво-

имъ благосиляше: Жена твоя, сыне сладкій, яко лоза плодовита да ти буде! и любезна чада твоя яко гроздіє окрестъ трапезы твоєя! Юноши радость и благообразный стыдъ орумени лице. Онъ се сад' полюби съ цѣломъ фамиліомъ и дворянима, па хотяше къ Драгиньи у собу; — но мати му то не допусти. О Мамице, чешкаютъисе, како є ньой? Добро, сыне, не бринисе ништа! Али кажите ми баръ, шта є? Чему се имамъ радовати? На то бабица унесе у салу младенца: Сыну, дѣте моє мило, повиче, сыну се радуй! Онъ сад', испуньенъ радости, пріими любезно чедо своє, полюби га и ороси своє велике трепавице сузомъ умильенья, и предавши младенца опетъ Евдокіи загрльи Старога, и наслонивши му главу на прси: Дочекасте, любезный Отацъ, што сте одъ Бога желили, да видите, и на руке своє и праунуче своє пріимите.

При ручку сад' у веселомъ разговору и шали согласесе, да новородьеномъ младенцу *Любомиръ* име даду. Не! повиче Старый, него дѣдино име да му буде! О любезный Отацъ! возрази Светозаръ, мы нашегъ родителя ни познавали нисмо! Него Ваше име, Отацъ! Да бы намъ и Ваше жребіє на ньега пало! Да бы Ваше добродѣтельи съ ньимъ наслѣдіо! и Ваша намъ лѣта доживіо. На ово сви сад' повикну: Любомиръ, Отацъ! Любомиръ! Боже благослови! рекне Старый, Нека буде и тако! Піймо му дакле за здравльє! Служитель тад' стане точити, нѣкимъ шльивовицу, а нѣкимъ и ликеръ: Да намъ Богъ поживи младога Любомира! радостно сви ускликну. Но на св. крштенью приложе му и друго име: *Константінъ*, будутьи да се на тай данъ родіо.

Красна наша Драгиня, надъ коїомъ є цѣла фамілія лебдила, оздрави имъ лѣпо и устане На лицу ньеномъ ни найманьій уштрбъ не показиваше-се. Светозаръ є ню (као што намъ є и познато) и предье любіо; но сад' му є Богиня у очима была, и она є ньему такодье найнѣжнія, и у любови найчувствителнія свагда и безъ найманье промѣне

БИБЛИОТЕКА МАТИЦЕ СРПСКЕ У НОВОМ САДУ

остала. Іошт' имъ се любовь дражайшимъ одъ себе плодомъ увѣкъ понавляла, и чисто имъ се подмладьивала.

Они пишу у Призренъ Гд. Бучину. Яве му ову радостну вѣсть, и моле га да имъ додье. И тако при концу веть Аггуста додье имъ и овай славный мужъ съ нѣколико благородны' лица', кой такодье съ великомъ радостью пріими сад' на своє отеческе руке младенца, и любезнога праунука своєгъ. Любетьи и благосиляютьи га рекне Любомиру: Ево брате! Узриши сыны сыновъ твоихъ! Но Богъ насъ, вели, сподоби и праунука доживѣти! — Будутьи, брате, тако благоволи Богъ, рекне Любомиръ, и полюбисе съ њимъ.

Любомиръ сад' пише у Његушъ по Гаговичьа, кой му съ цѣломъ своїомъ Фамиліомъ додье. И првый данъ Септемврія такодье съ великолѣпнымъ торжествомъ *Чедомиля* и *Єлицу* любезни родительи благословише, и они бракомъ светымъ сочетани буду. Само што мусіку другу засад' сбогъ смрти Цара Старый дозволити не могаше, развѣ мусіку доматьу, кимвале, — но 6. цѣлы' дана' до излиха веселили су се.

Ево насъ, любезный мой читателю! веть и къ послѣдньемъ честногъ живота Любомировогъ періоду. Онъ, кад' веть као любезна медьу пчелама матица, посреди Фамиліє своє, кою онъ срѣтьно око' себе разрояваше, стоєтьи, види, како є Дворъ свой и племе своє лѣпо уредіо, како га є обогатіо, колико облагородіо и прославіо, кад' види своєгъ сестритьа и два своя унука, у свему савршена и ожењена, и кад' веть свою Фамілію посредствомъ брачногъ союза такодье са знатномъ и якомъ у овой земьи Фаміліомъ Гаговичьевомъ саєдини и опріятельи; наконацъ кад' види, да цѣлогъ Народа у овомъ княжеству срдце и благовольєніє себи и Фамілiи своїой толико присвои, да су га сви као отца любили, као благодушногъ мужа сматрали, и као права Філософа чествовали; кад' намъ онъ то, велимъ, све види, и до чега є стѣтьно успѣо позна и искуси, опо-

менесе, да є старость истина честна, но да она ніє дуголѣтна, слѣдователно, онъ призна сад' за совѣтно, да кормило правленія, како свога дома и фамиліе, тако и цѣле ове Губерніе, као на пробу нѣку уступи своме сестритьу Косми и двома унуцима своимъ, Светозару и Чедомилю, да види само, како тье му ови млади люди у дѣли' поступати умѣти. Єдно, веляше онъ у себи, да се извѣстимъ їошт' за живота, коме, и съ каквомъ чадеждомъ я мой домъ и народъ при момъ издысанью подъ управу оставлямъ, а друго, вели, докле се и самъ їошт' при нѣкой снази на' одимъ, могу и' у многомъ исправити, и погрѣшке имъ какве поправити, докле се, као у дѣли' їошт' неискусни, мало и сами не привыкну и не утврде.

Зато онъ єданъ данъ зовне свою Косару, као єдну жену, коя мужкій духъ и срдце притяжаваше, саобшти свою намѣру, и каже їой ясно, изъ когъ узрока онъ то учинити намѣраваше. Она му ово одобри. Да дакле сад' къ себи призвати свога сестрића и оба унука, купно са женама њиныма. Простре имъ ту слово поученія, и одкрыє имъ намѣру свою. Време є веть, рекне имъ, любезна дѣцо моя, да Вы мене, овако стара, мало у тишшій животъ поставите. Притомъ, настави имъ, я Вамъ управу коначно и не предаємъ, да я себе одъ одъ свію дужностій мои' изузмемъ, и само на уединьеный животъ себе оддамъ, — то не! Єръ докле Вамъ годъ я узживимъ, и доклегодъ Божія воля буде, да Вамъ и я што радити узмогу, то тьу чинити. Одъ части я тьу Вамъ надъ доматьи пословы настоявати; одъ части и у дѣли' публичны' бытьу Вамъ помотьникъ, у коима тьете Вы свагда и одсад' одъ мене и мои' совѣта' зависити. Но само, вели, изъ тога узрока я ово чинимъ, што намъ є смрти часъ неизвѣстанъ; єръ младъ може умрети, но старъ коначно мора. Зато хотьу за Васъ раніе што, и овако у болъемъ їошт' присутству духа, што є потребно, да уредимъ, да се не бы по смрти моїой медьу Вама каково несогласіе появило; а цѣло се благостояніе

єдногъ дома и фамілиє, какогодъ и цѣле земље и државе, на узаимномъ согласію и медьуусобной любови оснива. Зато я, за утврдити Васъ у ове двѣ добродѣтельи, желимъ, да за свакогъ одъ Васъ єднако, и што є право, установимъ и узаконимъ. Єсамь ли пакъ я по опредѣльенью момъ добро, шта є за кога, погодіо, то тьу Вамъ одкрыти и на Ваше такодье разсудьенье дати, и не буде ли Вамъ у чему по вольи, Вы мени слободно изявите, — я самь готовъ, мою погрѣшку и поправити. А друго и то дѣцо моя, приложи имъ, я самь радъ и раніе мало видѣти, како тьете Вы, свакій на своїой точки стоєтьи, дѣла своя одправляти умѣти, да свакогъ одъ Васъ могу и самъ у чему исправити и упутити га.

Я судимъ, чеда моя любезна, овако, да прво, што намъ се иманья нашега тиче, Вы у ньему будете у свему равни. Дѣобе медьу Вама у томъ никакве да не буде. Богъ и Царъ дао намъ є, да сви задовольно имати можете. Одсад' дакле єднако радите, па єднако, као братья, у согласію и любови уживайте. О како є то лѣпо видѣти, гдѣ се братья у єдномъ дому слагати могу, и гдѣ се не чує: Ово є моє. а то є твоє! него: Ово є наше, а и то є наше, као што намъ и Ѱалмопѣвацъ на єдномъ мѣсту каже: Се, что добро, или что красно? но єже жити братіи вкупѣ. Друго пакъ чина и званія што се каса, мыслимъ, да Вамъ нисамь ни у овомъ, дѣцо, погрѣшіо, шта самь коме опредѣліо. Я самь на то ишао, да што є за кога сходно одберемъ. И будутьи да Вамъ є братъ Вашъ Светозаръ самымъ Царемъ за Војводу наименованъ и потомъ, као што Вамъ є познато, у Собору Ньегушкомъ за такво га явно избранъ и потврдьенъ: зато я желимъ, да по смрти моїой онъ Вамъ на мѣсто моє, на мою столицу Княжеску сѣдне, тітулу мою онъ да наслѣди, и за Губернатора да се призна, као што намъ и у Прівілегіяма, Вама познатымъ, стои, на коима се и самъ Царъ подписао, и ков намъ є сад' и младый Урошъ потврдіо. Зато сва дѣла політичка съ

Дворомъ и Држава́ма подъ именомъ ньеговымъ да иду. Такодье и воинствомъ, себи подчиньенымъ, онъ по званію своме да има управляти, но тако, да онъ тебе Космо, као старіегъ брата, умѣсто мене чествує, люби, и безъ твогъ знанья, безъ согласія съ тобомъ, ништа нити починье, нити довршує. Дозволимо му и то, да тье онъ быти у многимъ струкама дѣла политички одъ тебе и искусніи, коє тье ньему упражньенье у томъ донети: ничимъ манье онъ да свагда за дужность себи призна, свако дѣло теби саобштити.

Космa пакъ да економію свою и свію свеобшту, као и досад, води, и управля; но и то, сынко Космо, да све са знаньемъ Светозара и брата Вамъ Чедомиля буде. И како годишньи приходи, тако и расходи у дому, свой троици да се извѣстныма чине, а купно и Вашой матери.

Чедомиль съ матеромъ да Вамъ управля само домомъ. И онъ, како одъ матере, тако и одъ Васъ двоице, да зависи, будутьи да Вамъ є братъ наймладьій. Али и ово само да буде у одношенью на ньеговъ вѣкъ, а у наслѣдію и благама онъ є съ Вама и остає равань.

Сад, дѣцо, подъ истымъ моимъ съ Вама расположеніемъ да зависите сви троица одъ ове Ваше добре, паметне и чедолюбиве матере! Да є свагда, као и досад, любите, чествуєте, и съ ньенымъ такодье согласіемъ дѣла Ваша да извршуєте и т. д. и за младье, и за све, Старый овай Господинъ нареди, коимъ наредьеньемъ они сви буду задовольни, и сви драговольно пріиме одъ ньега съ отеческимъ ньеговымъ благословомъ и званіе, и у братскомъ медьу собомъ согласію почну домомъ и државомъ овомъ управляти, а ньега, као стара веть мужа, у тишшій мало животъ поставе, кой ипакъ на сва дѣла ньіова найприлѣжніе позоръ даваше, како му ови млади люди домомъ управля́у, како му ньеговогъ дома благостояніе купно съ благостояніемъ народа све больма процвѣтаваше, и како му є народъ савъ, кой бы онъ почесто и онако старъ посѣтіо и ис-

пытао, у свему весео и задоволянъ. Дворъ Царскій дѣла Сведозарова такодье весма похваљиваше.

Онъ ово све и у првой години одъ сынова свои' искусивши обрадуєсе и благодари Богу. О! колико самь я срѣтьанъ, рекао бы, и какво сладко утѣшеніе мене и у гробъ мой спроводи!

Онъ сад' простре руке своє сиротиньи, и убогима, милостынье раздаваше, и посведневно у цркву одходьаше. Изъ цркве кад' бы изишао, узео бы Светолика и малогъ Любомира, съ коима бы ушао у вертъ, и ходаютьи по ньему лагано прегледао бы, како му єупословань. Мотріо бы око' Двора, сишао бы у касарне и посѣтіо бы свога Новака, и надгледао бы воинство. Отишао бы и у фабріке, коє му се текъ подигле бя'у, гдѣ му се сваке струке сукно дѣлаше. Кадшто бы по'одіо и свога Арістіда и Пчелара, као своє старе и любезне пріятелье, съ коима бы и по нѣколико часова у лѣпомъ и шальивомъ разговору провео. Онъ сад' овако безъ труда и безъ велика попеченія живетьи чисто се наново подмлади. Онъ дочека и одъ Чедомиля свога праунуче, коме даду дѣдино име *Младенъ*. Дочека и другогъ сына одъ своє Драгинье, коме Светозаръ изъ любови къ матери, као Гркињи, *Агавонъ* име захтѣ, на коє и прочи саизволе. По нѣкомъ времену роди и Милисса такодье сына, и будутьи на Ново Лѣто, тако нареку му име Василій. И овако далѣ послѣдовало є, да се Староме свагда радость къ радости прилагала.

Но случай єданъ и овдѣ, кой тье и слѣдовати, наруши нашемъ старомъ Херою любезну ову тишину, у коїой се онъ само два лѣта одъ многолѣтны' трудова свои' покоя наслађаваше. Судьено му заръ бяше, їошт' єданпутъ мачъ у руку узети, и їошт' єданпутъ свѣтлый свой шлемъ на сребровласу главу свою метнути, и миломъ своме отечеству на одбрану притетьи.

У єданъ лѣтньій данъ при за'оду сунца додье му Светозаръ съ Новакомъ и Бурямомъ съ

пута. Сяшу конье и посадесе за асталъ, кой имъ на двору поставльенъ бяше, да вечераю. Драгиня, весела, изведе му малогъ сына Любомира, и у наручіяма донесе му и Агаѳона. Онъ сад' не знадяше, кога тье пре на руке своє пріимити, и коє пре онако зажельенъ полюбити. Докле онъ овако дѣцу свою милуютьи съ ньима тьереташе, ето му и Старогъ Отца, кой изъ верта идутьи водяше и малога Светолика за ручицу. Светозаръ при асталу съ прочима сѣдетьи съ умильенъемъ нѣкимъ на ньи сад' гледаше, како малый, лѣпо обученъ и цвѣтьемъ искитьемъ, као анґьелче, Старога нѣшто запыткиваше, и онъ му одговараютьи часъ на часъ бы му се главомъ пригнуо. Погледайте, Мамице, рекне Светозаръ матери и прочыма ту, како є, вели, то лѣпо у натури видѣти престарѣла и подъ сѣды' власи' мужа, и млада їошт' и невинна отрока! Колико є, придода, велико сад' разстояніе медьу ньима; и срдца имъ у беззлобію на нѣкій начинъ сходствую. Наравь є сад' и єдногъ и другогъ найкраснія, — и колико намъ є онай беззлобный младенацъ міо и любезанъ; толико намъ є и Старый за ньегову зрѣлость почитаємъ и пріятанъ. Како онъ у онакой веть зрѣлости своїой задовольство себи нѣко налази и съ ньимъ, као съ малымъ дѣтетомъ, у разговору! Како ми и сад', Мамице, мило пада, кад' се оногъ времена опоменемъ, кад' є онъ и съ нама тако поступао! О златно време! и любезный вѣкъ дѣтинь! Нигда се заборавити не може! Али онъ є благозранномъ цвѣту подобанъ. Не трає дуго. Скоро прецвѣта.

То рекши устане и изидье предъ Старога, съ коимъ се сад' любезно полюби. Но како є, сыне? Єсте л' здраво и мирно путовали? Хвала Богу! Отацъ, здрави смо были. Поздравили су Васъ Пріятель, Прія, и сви. А были сте кодъ ньи'? Два дана су насъ задржали! Єсу л' сви здрави? Хвала Богу! сви су здрави. Та мы, Отацъ, по пріятелю Гаговичьу съ ньима смо родъ! По ньему, сыне, да како! Радивоя Войводе сестра є

родьена наша стара Госпоя Прія Гаговичька. Сатимъ Светозаръ дигне малога на руке и додьу къ асталу. Новакъ се такодье садъ съ ньимъ полюби и сѣдну вечерати. — Но! дѣцо! рекне Старый, пошто веть мало поѥду, како ѥ? Шта се чуѥ за тогъ? Ѥ ли истина, да се Степанъ съ войскомъ своїомъ къ Зенти приближава?

Новакъ. Гласъ пріимисмо, Господине, тай, да се съ воинствомъ своимъ къ Албанскимъ границама привукао, и да ту вышше одъ три' Недѣлье' лежи. Какво ѥ пакъ намѣреньѥ ньегово, ґошт' се извѣстно не зна. Ѥдни говоре, да тьесе къ Ерцеговини окренути; други пакъ утврђаваю, да ѥ онъ науміо Шкутаре обсѣсти.

Светозаръ. Само да намъ онъ къ Шкутарима као за ледья не заилази; а лагко бы съ ньимъ было, кад' бы онъ у Ерцеговину ступіо.

Старый. Войске има много?

Новакъ. Тако казую, да много людство има, и то све Албанезе и Грке.

Старый. Како наши? Шта се разговараю?

Светозаръ. Добро! Войводе су намъ у приправности, — свакій са своїомъ войскомъ на нокту чека. Ово дана' изгледаю и на пріятеля Гаговичьа, да имъ додье. Али! Отацъ! Што Вамъ тай човѣкъ има момке! Да и' се чисто човѣкъ нагледати не може!

Старый. Колико има, како сте Вы изъ Дучине?

Новакъ. Данась 8. дана'.

Старый. Послѣ нисте на Ньегуше ни ударали?

Светозаръ. Нисмо, Отацъ, — было намъ ѥ за'одно.

Старый. То стесе Вы дуго коѥгдѣ забавили! Стои л' намъ воинство у добромъ поредку?

Новакъ. Хмъ! Добро ѥ све! Но опетъ нисмо свуд' еднако нашли.

Светозаръ. Поправили смо, Отацъ, свуда, гдѣ смо што и найманье примѣтити могли.

Старый. Не чуюсе какве тужбе одъ Народа, или войника'?

Новакъ. А не! Нико се засада ништа ие тужи, развѣ, што се мало одъ ти' сад' боѥ.

Старый. По касарна' сте были?

Светозаръ. О да, Отацъ! Гдѣ смо годъ дошли. Были смо и у нѣколико Магістрата'.

Старый. (Дуго потьутивши) Я не знамъ, рече, заиста, шта ѥ тай човѣкъ науміо? и на што тье найпослѣ дѣло ньегово изитьи? На ѥдну страну онъ, а на другу му сынъ, — скочили текъ Народъ узнемиривати и бунити.

Светозаръ. Не само то Отацъ, но какавъ поводъ даѥ и другима!

Новакъ. Онъ заиста не бы требало да то чини. Та на што му врагу вышше, него што има? У Романіи толике землье и цѣлу Акарнанію! Ніѥ му то доста?

Старый. Е мой Новаче! Не бы требало да то чини, и на што му, велишь, вышше? А требало ѥ, да онъ Мрнячевичьа Кральемъ прогласи? А! Ніѥ сирома'ъ ни онъ у томъ кривъ, но она. Ал' тако ѥ, гдѣ се жена у послове, кои нису за женску главу, умѣша и уплете. Синишу я добро познаѥмъ. Онъ ѥ свагда ѥданъ честанъ мужъ было; а сынъ му ѥ, истый Стефанъ, такодье, колико се чуѥ за ньега, поштенъ ѥданъ младитъ; — но мысле то, кад' може Мрнячевичь Кральемъ быти, кой ніѥ ни одъ племенитородны', зашто не бы смо мы были, кои одъ Царске крви происходимо? Одтуд' раздоръ и вражда произидье, и одтуд' се найпослѣ, као одъ ѥдне варнице, и великій пожаръ може появити. И мыслишь, да тье само онъ ѥданъ быти, кой тье у срдце своѥ ту мысао пустити, да круну пожели? О! Бытье и' ту! и има и' веть и вышше! Но не знамъ, хотье л' се кой медьу оныма великима натьи, да се появи у ньему чувство човѣчества, и да помысли на свето оно Хрістово изреченіѥ: Свако царство, коѥ се на вышше частій раздѣли, паштье. Приличніѥ бы Младый — но всуѥ, кад' му мати готово у свему

пали и жари, и чини по своїой вольи — приличніе бы, велимъ, и было, да є онъ Синишу, као своґъ стрыца, тітуломъ кральевскомъ почествовао, нежели Вукашина. Но што имъ драго! Я Богме свѣтъ раменомъ не исправи'! Чинитьу, докле узмогу, све, што се мене и мои' дужностій каса, да немамъ зашто Богу и моїой совѣсти одговоръ давати, а одъ прочи' како буде! Я не могу шта силомъ.

Сѣдетьимъ имъ їошт' овако при асталу, ето ти имъ єдноґъ човѣка на коню, кой, чимъ у Дворъ ступи, трубомъ засвиравши огласи имъ, да є куриръ. Бурямъ потрчи предъ ньега, и онъ скочивши съ коня пріидье къ Староме, и поклонившисе ту свима извади нѣко писмо. Господинъ, писмо отворивши, понуди доносителя за асталъ посадитисе. Читаютьи писмо доникле ма'не главомъ! И синоть си пошао! упытавши га. Синоть! Ваша Свѣтлость, испивши чашу віна одговори куриръ, синоть, вели, їошт', и подоцне, но морао самъ цѣлу ноть и данасъ цѣо данъ итьи. То ми є веть, придода, и третьій конь. Буряме! повиче Старый, иди, вели, и таки момку овомъ найбольеґъ коня дай избрати и овдѣ довести. Новаче! Светозаре! Вы идите доле у касарне, и заповѣдите, да се три гарнизона одма сасвимъ на путъ справе, пакъ по'итите, да можете баръ два часа одпочинути, будутьи да сте съ пута дошли. А ты сынко, повечерай ето што скоріе, и добро се тога віна поднапій, па по'ити, да сутра у ово доба можешь опетъ тамо приспѣти; — медьутимъ я тьу съ одговоромъ быти готовъ. То рекне и по'ити са Секретаромъ у Канцеларію. Шта є, Отацъ? упыта Светозаръ, и сви у нѣкій трепетъ приведени бя'у. Шта є? Ето то є, да морамо што скоріе итьи предъ войску, одговори Старый. Синиша, вели, са сыномъ своимъ и съ цѣломъ своїомъ войскомъ продрео є веть и до Шкутара' и градъ є обколіо. Ево читайте! Войводе намъ изъ воєнноґъ собора являю и пишу, да морамо одма, безъ и найманьеґъ закас-

ньенья, путъ предузети, и данъ нотъ на помоть имъ итьи.

Сбунисе сад' цѣлый Дворъ. Полете имъ слуге и чиновницы на све стране. На вратъ на носъ станусе оправляти. Завриште имъ коньи, чили онако изъ шталла' изведени; зазвече имъ штитови, кад' и' повукоше, и заблиста имъ се спрамъ мѣсеца свѣтло оружьє, — све то за два часа буде оправльено. Светозаръ, као младъ, оде, и мало се у своїой соби и наслони: но Старый, Новакъ, Бурямъ, и прочи, ту нотъ и не трепуше. Сирота Драгиня, да могаше, продужила бы была она два часа, да їой се Светозаръ мало изспава, кой текъ што є съ пута дошао быо, опетъ є овако изненадно на путъ итьи морао. Она часъ на алтанъ истрчаваше и гледаше, како слуге на двору Старога оправля'у, часъ у собу свою на прстима улазаше и надвиравашесе надъ Светозара, како їой спава. Она, сузама орошена, сад' му се главомъ пригне, и полюби му румене ньегове у ти'омъ сну образе; сад' се окрене къ светомъ распятію, предъ коимъ кандило горяше, и почнесе за ньега и Старогъ своегъ Отца найчувствителніє Богу молити. И тако сирота и сама очію свои' не сведе. Погледала бы на Буряма, съ каквомъ веселостью и съ каквомъ се вольомъ пустый оправляше, какогодъ да у сватове и на весельє полазаше. Старый такодье, као паметанъ и благодушанъ мужъ, знаютьи, како му сад' ово цѣлой фамиліи падаше, за утѣшити є, показиващесе преко мѣре весео. Пійте момцы! повикао бы на слуге, а и на саме чиновнике воєнне и войнике, точ'те, вели, то віно, пакъ пійте и будите добре волье! Видите, каква намъ є лѣпа мѣсечина! Како тье то лѣпо да се путує! У здравльє, Юнацы! Васъ свію! Хо! Хо! Хо! На мою душу добро и нотью пада! Дѣцо! Сыновн мои! Видите ли ову бѣлу браду, и ове моє сѣде власи? 52. веть године, одкако Вамъ я оружіє пашемъ, и Богъ ме є свагда такомъ срѣтьомъ обдаривао, да гдѣ самъ годъ кад' съ моима людма, а найпа-

че съ любезны мои Ерцеговцы, кои' є истый духъ и у Црногорци', гдѣ самъ годъ, велимъ, съ њима нагао, тамо самъ продрео, непріятеля поразіо, и славну увѣкъ побѣду надъ њимъ оддржао! О! Видѣтьете Вы и сад', шта тье одъ оны' Албанеза' и Грка' да буде! Само то єдно, да момцы на мене пазе, и штогодъ я заповѣдимъ, и преко Чиновника' имъ у комъ случаю явимъ, да онако найточніє извршую, па тьемо видити, чія тье майка запѣвати, чія ли тье кукавица заплакати.

Поднапившымсе по нѣколико пута' овако оправльенымъ суштимъ изидье Старый горе у салу, гдѣ сабере сву свою милу фамілію, и простре имъ слово къ утѣшенію прекрасно, особито опомене Косару и насамо, да се она ништа не брине, нити да се шта за њи бои, но да и' она, као мати зрѣла и паметна, тѣши медьутимъ и разговара и све проче. — На то ето ти му и Светозара, лѣпо обучена, и за њимъ Драгинье невеселе. А што си ню будіо? Могао си є оставити нек' спава, рекне Старый, загрльивши є. На коє Светозаръ почнесе смѣяти: Ніє Вамъ та, Отацъ, вели, ни тренула, нити є легала. Но! но! веть, возрази она, ты опетъ морашь свашта казати! Сатимъ полюби Отцу руку, и погледи га, како имъ се лѣпо бяше, ако є и старъ, као какавъ младитъ накитіо. Видите ме, вели, дѣцо моя любезна, єсамъ ли Вамъ, вели, сад', као другій путъ, кад' Вамъ по вертови' гнюрамъ? Ово є животъ за мене, ако хотьете да знате, животъ мой, у комъ самъ Вамъ я одрастіо и остаріо. По маломъ овако и веселомъ разговору време буде, да се и опросте. Косара приступи къ Буряму, и погладивши га по образу: Буряме, сынко! Пребуди нашъ и у свакомъ случаю опоменисе насъ и любови наше! Сатимъ спусти му у нѣдра єдну свилену кесицу, пуну дуката', — то исто учини и Драгиня, но заплакавшисе не може му ништа друго ретьи, развѣ: Буряме! Ты си нашъ! На коє Старый: Нашъ, сыне, да како, вели, и кад' самъ я њега иучемъ одъ моє фамілиє и разлучавао? Бу-

рямъ є моє десно крыло, повиче Светозаръ, удараютьи га по рамену, онъ є мени штитъ мой пернатый, онъ, пакъ мой старчить Харітонъ! (кой такодье съ Арістідомъ дошао бяше да и' испрати). Бурямъ машисе Косари руци, и любетьи є: Милостива Господьа! рекне їой, кажите ми, молимъ Васъ, на што ово мени? и чега самь я кодъ Васъ желянъ? Я чествуємъ овай красный даръ Вашъ, и любимъ опетъ руку ову, коя ми га у нѣдра и на срдце моє спусти; но молимъ понизно — Буряме! возрази Косара, ты знашь сынко мою наравь! Я самь теби и сто путій рекла, да ты мени, кад' я што теби, као момъ сыну и момъ дѣтету дамъ, ништа не говоришь. Онъ на то: Добро, милостива Господьа, поклонивши їой се рекне, добро, вели. Увѣрите само Ваше матернье срдце, да я ньега разумѣвамъ, — о разумѣвамъ, и гласъ онай изъ ньега тьутетьій чуємъ. Онъ отвара срдце моє, моє чувство човѣчества у ньему. Сатимъ полюби руку и Драгиньи, коїой само єдпымъ поклономъ главе захвали. Сад' се сви измедьу радостногъ: *Съ Богомъ*! и сузногъ! *Срѣтьанъ путъ*! излюбе и поврве низъ степене у дворъ на своє халовите конье, кои имъ землю копытама бѣсно ископава'у. Светозаръ, шалетьисе съ братомъ: Чедомилю! вели, Чувай брате жене, и забавляй дѣцу, докле и мы додьемо. Ао пасья вѣро! повиче Старый, сѣдши веть на коня, само да си ми ближже, ала бы те за ту рѣчь потегліо за уво! Ништа! Отацъ, возрази Чедомиль, видимъ, вели, да ми у той шали и завиди; но шта му знамъ, кад' є радъ Войводомъ быти, валя да и на войску иде. На то Воденичаръ латисе єдногъ коня, кога ту наймирнієгъ угледа, пакъ узяше и самъ. Ха! повиче му Арістідъ, Сад' му, вели, подайте єдну кошницу! Но штета, што му ту ніе и Баба Пола, да види свога Драгойла! Куражно момче! Воденичаръ на то потера коня на ньега, а овай бѣжи! преко двора. Ха! Є ли? А зашто бѣгашь одъ мене, кад' нисамь куражанъ? Сатимъ їошт' больма разобада кокавно клюсе, на коє Бурямъ погледи,

и пљеснесе рукама: Боже мой! Є ли могутье, вели, да є и Ахіллесъ страшніи быо? Што ти є оно текъ одъ оногъ рода! Онъ, ако є и старъ, и пчеларъ, и шта му драго, текъ сє опетъ нѣшто познає, да є юначке крви. Не говори, молимъ те, Буряме, повиче Арістідъ, похолитьешь га, и пріимитье ти рѣчи за истинне, па га нико сносити нетье мотьи! Овако у шали и смѣю у име Бога одтиснусе на путъ.

Новакъ є съ гарнизонима напредъ, одпустившымъ имъ курира, быо изишао, кога, возсіявшу веть сунцу на нѣки' поляна' сустигну. Сад' Соколовичьи у сва околна мѣста распошлю курире, обявити народу, де войске, гдѣ се годъ коя находи, къ труппама нѣовымъ одправля, и да се къ Шкутарима сбираю. И тако стичутьимсе малымъ оддѣльеніяма воинства са свію страна' подъ хоругву Княза ова уподоблява'усе малымъ поточитьима, кои слитіємъ своимъ уєдно саставляю велику рѣку. Мило буде сад' Князу, кад' приспѣвши къ Шкутарскомъ єзеру, и по нѣки' ту равница' воинство своє у лѣпъ редъ поставивши, 12. хиляда' пѣшака' и 8. хиляда' коняника', найодбраніи' юнака', прегледи и изброи. Његовымъ долазкомъ оживи сад' стра'омъ утомльеный духъ градьана. Радость и' све у движеніе приведе. Старѣшине града но'ите му на срѣтеніе. Окруже га сад' Войводе и Полковницы. Врата имъ се градска одъ стране єзера отворе, кою страну їошт' непріятель засѣо не бяше. Три є части града веть обколіо быо, но ову четврту сбогъ потѣсна мѣста измедьу града и єзера засѣсти не хтѣ.

Старый овай Херой, и благодушный Велизарій Србскій, сотворивши совѣтъ съ Войводама, двама Жупанима и Полковницима, како тьесе ударити, увѣраваше и моляше и', да наблюдаваю законъ воєнный, и да свакій Полковникъ, Чиновникъ, и самъ простъ войникъ, у испуняванью дужностій свои' благороднымъ начиномъ са самымъ непріятелъемъ поступа, єръ не идемо мы,

веляше онъ, противу язычника' и инородны', (кома такодье, колико право воєнно намъ допушта, дужни смо човѣчество показати) него идемо противу наши' самы', — и не идемо съ намѣромъ, ако намъ срѣтъа и дозволи, ньи погубити, ньи коначно ногама нашима попрати, но идемо съ намѣреньємъ, ньи славно побѣдити, подъ священну круну нашу ньи опетъ подчинити, и у редъ съ нама, изъ кога они покусишесе изступити, опетъ привести и смирити. Зато братьо моя, юнацы и сынови мои, гледатьемо, да, ако и умочимо руке наше у крви ньиной, не изступимо предѣлъ и границу, кою намъ честный нашъ воєнный карактеръ полаже, и не покажемо имъ се суровн, свирѣпи, и глупи варвари. Єръ нисмо мы жедни неваляле крви ньине, но съ благороднымъ побудьеньємъ подигосмосе за славу и свеобште благостоянье народа нашегъ воєвати. Помыслите само то, настави Князъ, любезни мои, да мы сви, кои се єданъ народъ зовемо, и подъ єдну свету круну нашу подлежимо, єдно и цівилно тѣло саставлямо. Тѣло є ово подобно тѣлу нашемъ физическомъ, да какогодъ што є ово, докле му обтеченьє крви крозъ све членове єднако и безъ препятствія быва, коє саставля и садржава све членове ньегове у хармоніи, здраво и къ дѣлу способно: тако и цівилно наше тѣло, докле є лѣпо саєдиньено, и членови ньегови, изъ кои' намъ се оно састои, пребываю у согласію и узаймной любови, кажемо, да намъ є морално здраво, и дѣла велика свршавати способно: но како намъ се и у овомъ нѣки членови покваре, и изъ свеобштега реда мало изступе, то одма, сбогъ тѣсногъ союза ньіовогъ съ прочима, цѣло и ово тѣло, као и физическо, осѣти намъ нѣкій болъ, и сви обратимо очи наше на оне, одъ кои' намъ такавъ болъ происходи. И какогодъ што одъ тѣла физическогъ, разболѣвшой намъ се коїой части ньеговой, ноги, руки, или прсту, нисмо ради потребну намъ такву часть одма одсѣтьи и бацити, но пробамо и сва могутьна средства, не бы л' їой се

се помотьи могло, да є се не лишимо; и найпослѣ, кад' веть видимо, да не само што се ньой помотьи не може, него їошт' болъ свой на друге око' себе частице простире: то паче одсѣчемо є и бацимо, нежели да намъ сбогъ ньє цѣло тѣло страда и погине. Равнымъ начиномъ и съ тѣломъ цівилнымъ поступити намъ валя, сирѣчь, употребити найпре могутьна средства ко исцѣльенью таквы', кои су у моралну болесть пали, пакъ нису л' намъ ова довольна: то чинимо оно, што благостояніе здравы' одъ насъ чинити изискує. Зато, велимъ, гледаймо, да, съ колико намъ буде могутьно, съ маньомъ штетомъ, и съ маньимъ одъ обѣ стране кровопролитіемъ, оддржимо надъ ньима побѣду. Храбрости Ваше, крѣпке мышце, и вѣрности што се Ваше тиче, познаютьи Васъ, да сте Црногорцы, Херцеговцы и прави Србльи, нетьу Вамъ ништа ни говорити. Єръ моє срдце толико є о Вама увѣрено, колико само може правогъ Отца срдце о любезнымъ ньеговымъ и вѣрнымъ сыновима быти увѣрено, сыновима, кои су ньему свакій путь лаґровымъ вѣнцемъ главу украшавали. Зато и суди' за добро, слово Вамъ паче ко умѣренью храбрости и Ваше хероическе смѣлости укратко изретьи, нежели да бы я што за потребно признао, Васъ на храбрость побудьавати, и пламенитый духъ Вашъ ветьма распальивати. Човѣколюбиво Ваше срдце, и благородный Вашъ юначкій карактеръ, не допушта мени ни то, да Васъ опоминьемъ, да не бы сте Вы любезнымъ нашымъ овдѣ градьанима, коима мы на одбрану идемо, какавъ вредъ чинили; будутьи бы ли и могло што у натури човѣческой мрзкіе, и за морално чувство и великій юначкій духъ несносніе и быти, нежели оногъ бѣдногъ, кой исподъ непріятельска мача избѣгне, и Вама подъ заштиту, подъ Вашъ мачъ, и на Ваше прси юначке стра'омъ разслабльенъ падне, увредити и какве му обиде чинити. Єръ Римляни, у оно їошт' време као паганцы, по чувству моралномъ нису могли опростити, но на смрть осу-

дили су нѣкогъ юношу, кой є само єдну малу птицу удавіо, коя му є, бѣжетьи одъ друге нѣке изъ воздуха на прси слетѣла была, да бы є сироту онъ одбраніо. Какво дакле валя нама чувство къ людма, къ Хрістіанима, као што смо и сами, и къ Србльима, своmъ роду, имати! Зато Вамъ кажемъ, мени є веть познато, да Вы, любезни мои и храбри Србльи, а нарочито Вы Црногорцы и мои Херцеговцы, мени є познато, да у Вашимъ юначкимъ прсима и човѣколюбиво срдце обытава. Градьани тье Васъ любезно као своє госте, своє пріятелье и одбранителье пріимити, и онымъ, што є коме Богъ дао, Васъ драговольно дочекати. Буде ли изъ любови, и безъ новаца, коме є могутье, да такво што войнику своmъ учинити може, добро! пріимите учтиво и захвалите му: не буде ли то, платите имъ за све, што Вамъ се да, єръ Вы свакій, съ колико кой поштено на край изитьи може, снабдѣвени сте. Одъ непріятеля пакъ, што кой добыє, то є ньегово. Ктоме юнацы, и любезни отечества нашегъ сынови, опоминьемъ Васъ, кои са мномъ у градъ удьете, лѣпъ поредакъ военный храните и наблюдавайте. Вы пакъ, кои на полю остаєте, не заборавляйте такодье на свою дужность, и не сметьите съ ума, да Вамъ є непріятель предъ очима.

И овако далье посовѣтовавши и', 16. хиляда изванъ града, коє по нѣки' касарна', коє и подъ ведрымъ небомъ, єръ лѣпо бяше, остави, а 4. хиляде оддѣли са собомъ у градъ повести. Онъ, на коню сѣдетьи, изсуне мачъ свой, и ньимъ прекрстивши воинство своє, комъ се такодье сад' обнажени у рукама мачеви спрамъ мѣсеца заблистаю, подье съ ньимъ у градъ, кой имъ савъ освѣтльенъ бяше, и улице по ньему свуд' лѣпо очиштьене народомъ се сад' испуне, и Княза сви радостни као своmъ отца найлюбезніє пріиме. Свако се ту по улица' утискиваше, да само види своmъ мудрогъ старца, и одъ толико година' на гласу хероя, кой имъ сад' овако подъ бѣломъ брадомъ, у юначкомъ одѣлу, и съ голымъ у руци

мачемъ на коню предъ свои Црногорцы, какогодъ нѣгда Іисусъ Навинъ предъ Ісраилтяны, улицомъ идяше. Не знадя'у чисто жительи, или тье ньега тако сѣда, но у лицу здрава їошт' и лѣпа старца гледати, кой имъ се у очима ньіовымъ нѣкомъ светителю уподобляваше, или тье мотрити на младогъ ньеговогъ унука, као на благозрачна юношу, исподъ кога конь варнице копитама изъ каменья избіяше, и онъ се на ньему виткимъ своимъ струкомъ то на едну, то на другу страну народу покланяше, кои любезнымъ изъ очію свои' погледомъ своимъ све у нѣко умильенье приводяше. Спроводительи ньини, кои имъ слѣдова'у, момцы найодабранїи, као да и' є една майка изродила.

Старога, као Княза, са Светозаромъ и Бурямомъ допрате овако у домъ градоначалника, а Новака съ воинствомъ, у велике касарне на пренотьіе. Іошт' ньима при вечери сушт'мъ донесу имъ гласъ, да имъ се непріятель, разумѣвши, ко му є у градъ ушао, одъ стѣна' градски' натрагъ повукао и узбіо. Господине младый! повикне весео Бурямъ, ала тье сутра да се крвави! Онъ, нестрпѣльивъ, истрчи на градске бедеме, и прегледаше пространне оне равнице, по коима многе ватре непріятеля' као звѣзде видя'усе.

Другїй данъ рано, чимъ восточна на небу отворе имъ се врата, и сунце имъ изъ пурпурногъ своегъ чертога младыма своимъ лучама крозъ свѣжій ютренньій воздухъ высоке холмове и вр'ове зелены' шума' позлати, огласе ти намъ се воєнни инструменти, кои сад' обѣ силне войске у движеніе поставе. По заповѣсти Княза 8. хиляда' ньеговогъ воинства съ десне стране на непріятеля нападну, и толико съ лѣве стране. Ово сад' напріятеля на двѣ части разстави, посредъ кои' сад' Князъ са 4000. самы' свои' коняника' подье. Потресесе чисто сподъ земный, кад' се сад' непріятель на непріятеля устреми. Зазуи и савъ воздухъ одъ тежке лупе широки' штитова. Коплья се ту стану кршити. Бритки' мачева стане

звизга около юначки' шлемова. И тако за тилый часъ обагри имъ се росно поље войничкомъ крвлю. Гомилама поврви сад' непріятель на Княза и младогъ нашегъ Светозара, као на срдце цѣлога, себи противногъ воинства. Са свію страна' и копља джилитке на ньи полете, — но всуе! Єръ Херцеговцы, момцы као лавови, неодступно штитовима и' своима сад' одсвуда закланя'у, а Црногорцы, коима сад' Бурямъ началствоваше, у оклопима и съ штитовима такодье као люти рысови непріятеля предъ собомъ и око' себе на землю свальива'у, и путъ Староме, куд' бы се годъ окренуо, отвара'у. Сви градьани, мало и велико, у трепету съ бедемова гледа'у. Стра'ъ и надежда сваку душу ту сад' отеготьаваше. Часъ люти Албанези, кад' бы потрчали, рекао бы, свет'е мотьи ове погазити; но ови бы и', као иста стѣна, круто дочекивали, и приближивши имъ се тако бы и' люто и живо и 'итро напали, да бы и' све, као сноплье, на землю поваляли.

Други се свуд' по полю бя'у расштркали, и на нѣке чете раздѣльени стояше и' пуцнява медьу собомъ. Єданъ по єданъ съ коня бы се текъ свалio, и конь бы му, онако пустъ, утркуютьи се вриштао. На єданъ ма'ъ сад' изниче имъ и Синиша, кой такодье са своимъ сыномъ, окруженъ самым' коняницима посредъ свои', устремисе на Княза и гарду ньегову. Буряму сад' подивлячену, кой чисто изванъ себе бяше, вышше ніе ни требало, но само да ове види. Юнацы! продересе, овамо! Одбрано! Вы пазте на Господина! Чимъ онъ ово изрекне, и на коню къ Синиши полегне, съ обѣ стране одбране се склопе. Сад' колико они на Княза и Младогъ, толико ови на Синишу и сына му напрегнутым' силама полете. И тако сад' штитъ узъ штитъ, раме узъ раме, конь узъ коня, — све то у єдну массу сбисе и сли! Свакій сад' изванъ себе буде. Синиша, къ коме Бурямъ продираше, савъ блѣдъ и безъ капи крви учинисе. Само єданъ Князъ, кой є и Богъ зна колико путій у подобной

прилици бывао, присутствіе духа храняше, и Младога до себе ободраваше. Помѣшаннымъ тако суштымъ стои звека мачева, одъ кои варнице, а одъ юнака' каплье крви као киша све и' окропляваше.

Наѣданпутъ Князъ, манувши' мачемъ на заштиту свою, коя му одма мало надесно варакне, и себи лѣпше положеніе у'вати, да знакъ трубачу, у рогъ дунути, на коѣ полете му други коняницы, кои, гледаютьи на мачъ ньеговъ, како имъ ма'ну, сви се у редъ ставе, и наѣданпутъ пресѣку лінію непріятеля. Право! повиче сад' веселымъ гласомъ Старый, Бодро, юнацы! Наша є побѣда! Сад' Бурямъ, видетьи, да непріятельской гарди помоть дотьи вышше не може, будутьи и' є Старый коняницима своима раздвоіо; као истый орао, кад' се надъ маньима птицама появи, или као кобацъ, кад' медьу пилитье слети, почне и' на землю поражавати, и за єданъ часъ путъ себи къ Синиши провали, на кога сад' повиче: Синиша, брате: Предайсе! Нема ништа! Буряме! Животъ му поштеди! Милета! Ранко! Иване! Држите Вы ове, бранте момка одъ ньи'! На то Бурямъ счепа Синишу за прси и съ ньимъ пуфъ о землю! На коѣ загрми гласъ радостный народа съ бедема: Право! Виватъ! Но Стефанъ, сынъ му, полети сад' Буряму за ледьа, улучивши прилику, кад' се прочи, готово сви, мало на страну одъ Буряма устремили бя'у, одъ коѣ стране нови оныма у помоть сад' потеку. Но лоша сад' срѣтьа и Стефану буде, еръ у истый ма'ъ, кад' онъ узмане мачемъ, да Буряма састрагъ по голой и разбарушенной глави лупи, Светозаръ га у намѣренью преду'итри, и своимъ мачемъ — но тилутьемъ, да га не осакати — тако га звекне по десной руци, да му є мачъ изъ ньe одма изскочіо, и четврть заръ часа онъ за свою руку не знадяше. На коѣ народъ сад' опетъ съ бедемова то смотривши усугуби свой радостный гласъ: Виватъ Младый Соколовичь!

Сатимъ сад' лѣпо обоицу и Синишу и Стефана у'вате, и простресе громовитый преко цѣле войске гласъ, да су овв у'ватьени, и да є Князъ побѣду одржао. На коє Албанези и Грцы почну сад' бѣгати, но всуе! Єръ Князъ одма преко Телала яви, да койгодъ бѣга, има се убити, а кой се преда, и самъ подъ хоругву Княза додье, да се помилуе, и одъ оногъ часа за вѣрна сына отечеству призна и пріими. На ово сад' сви се зауставе и предаду. Градьани на то дотрче съ двои колы, и на єдна метну Синишу и Стефана, као сужне, а на друга повысока и лѣпа дигну Княза и младогъ Светозара, и тако и' у градъ съ мусікомъ и пѣснено сад' у тріумфу увезу.

Тай данъ градьани сви, радости о срѣтьной побѣди испуньени, найсвѣтліемъ торжеству посвете. Частетьимъ имъ се свимъ скупа градьанима и войницима, на 100. имъ є заръ мѣста коло младій, дѣвояка, момака и дѣце играло. Магістратъ имъ цѣлый, сва Господа и царски Чиновницы, како воєнногъ, тако и дипломатичкогъ реда, купно и све воинство, коє бяше и по касарнама и на полю изванъ града, све се то частило, и три дана до излиха веселило.

На конацъ благочестивый Князъ овай своїомъ кротостью, своїомъ мудростью и краснорѣчіемъ, за та три дана Синишу, коме онъ ту свакy любовь и почесть изъ призрѣнія къ царской фамиліи показиваше, у тако чувство доведе, и о поступку своме раскаятисе учини, да се и онъ и сынъ му съ ньимъ, као Княземъ те земље, помири, и завѣшта му се, да унапредакъ нит' тье онъ, нити сынъ му игда противъ Цара Уроша и противъ земље и отечества свога оружіе дитьи, но да тьесе они онымъ, што имъ є у часть пало, свагда задовольныма показивати, коє завѣштаньє своє они явно у цркви и клетвомъ потврде. И тако четвртый данъ сабере онъ са сыномъ своимъ опетъ воинство своє, коє имъ изъ 30. хиляда' саставляшесе, и любезно съ Княземъ и Светозаромъ, са Жупанима и свима Войводама опро-

стившисе вратисе мирно у своє земльe, одъ кои' и дошли бя'у; а нашегъ Старогъ съ воинствомъ ньеговымъ, само доматьимъ, Войводе єдва и шестый данъ дома одпусте.

Ово є, любезни мои читательи, нашемъ Старомъ Соколовичьу послѣдньій ратъ быо, у комъ онъ и послѣдню побѣду срѣтьно и славно одржи, и ньоме, као вѣнцемъ, све проче побѣде своє украси, и дѣла своя хероическа, у вѣчну кньигу писана, као златномъ побѣдомъ запечати. Онъ є и у овой битки, но само єдну рану достао, Светозаръ му 3. Новакъ 2. а Бурямъ 7. Но ране су имъ ове лагке быле, и Старый и' своимъ само балсамомъ све излѣчи, кой балсамъ онъ свагда у сраженію поредъ себе носяше.

Они су одма другій данъ по учиньеномъ сраженію и срѣтьно одржанной побѣди дома у Пиперинъ явили, и фамілію свою радостномъ вѣстью обвеселили, коїой се сад' то нѣколико дана' дуго време учини, докле имъ се они у Шкутарима позадрже. Хиляду є заръ путій любезна наша Драгиня на зеленый онай холмъ къ растовима онима истрчала, и своимъ окомъ Отца и Светозара одъ оне стране поискала, одъ кое имъ дотьи надлежаше. Она оде и четвртый веть путъ съ дѣвицама у вертъ, и опетъ свѣжа цвѣтья набере, да оплете вѣнацъ Светозару своме, и као знакъ побѣде, кад' га дошавшегъ загрльи, на главу му метне: а три су їой веть увенула была. Любезна ньена Мати на ню сад' съ алтана гледетьи, како охотно съ дѣвицама на авліи цвѣтьє одбираше, и вѣнацъ великій савіяше: Иди лудо, смѣютьисе на ню, не квари то цвѣтьє, ко зна, кад' тье намъ они дотьи? Данась, Мамице, возрази она весела, данась зацѣло, овай тье момъ Светозару, момъ Войводи, на главу дотьи. Добро, добро, рекне мати, отитьитье, вели, онъ теби и за онима другима, кое си плела. Оне се овако разговара'у, и веть око' велики' заранака бяше, ал' наєданпутъ загрме имъ топови, добоши, тромпете, и остали воєнни инструменти, на кое она сад' у

усхитьенью скочи, и съ недовршеннымъ у руци вѣнцемъ на овакавъ гласъ потрчи, за коїомъ и све дѣвице ньене съ котаричицама цвѣтья полете. Всуе Косара, смѣютьи їой се, викаше є, да се врати и баръ лѣпо обуче, єръ на врутьини бяше у своемъ немару — неглиже — и у єдной само бѣлой лѣтньой 'альиници, гола грла и съ папучама на боси' ногу' предъ ньи полетѣла, и онако у трептьутьой своїой радости угледавши свога Светозара, кой їой предъ войскомъ на коню поредъ Старога имъ Отца и съ голымъ у руци мачемъ идяше, и войницы за ньима, сви зеленымъ шимширомъ накитьени, ти'о имъ слѣдова'у, радостна распростре своє нѣжне руке: Светозаре, сунце моє ярко, повиче, и коня му за узду у'вати. Чиста ова радость побуди и старогъ имъ Отца: Помози Богъ, дѣте моє мило, рекне їой, и заустависе на коню. Отацъ сладкій! повикне она, и притрчи му руци. На то сад' юноша съ коня скочи, любезно є къ прсима своима приключи, и не можесе задржати, да и онъ свою радостну сузу са сузомъ ньеномъ не саєдини. Она сад' у овомъ єнѳузіазму на вѣнацъ свой и позаборави, и мало касніє му на главу га- дигне, — на то и дѣвице имъ изъ свои' котарчица' цвѣтьє предъ ньи просипати стану. Светозаръ, повратившымъ имъ се мало, наново є полюби, и погледавши на ню насмѣєсе: Драгиня, вели, моя, знашь ли, како ми сад' у очи падашь? Само, придода, да имашь єдну канту у руку', коїомъ се вертъ полива, пакъ си иста она, кою самъ те првый путъ у Платоновомъ верту при Агапіини' родительи' видѣо. Она на то нѣжно осмѣнувшисе погледи на Старога и мало се застыди: Простите ми, вели, я Богме и немадо' времена обутьисе. Ништа то сыне, ободраваше є Старый, ништа то! Ништа, Драгиня, скочивши на коня рекне и младить, ты си, вели, зато опетъ наше дѣте! Хмъ! А одкад' ми ты постаде човѣкъ, кад' самь я и теби дѣте? Сатимъ подьу къ Двору, предъ коимъ и' сви изъ Двора радостно чека'у.

Мамице, повиче Светозаръ, знате л', вели, коме Вамъ є сад' ова Ваша дтьи у той краткой 'альиници и тако боса и головрата подобна? Діани, кад' изъ лова додье! Молимъ Васъ, приложи, Арістіде, да ми є овако сад' абриссуєте! Ту имъ се сад' сви срадую, загрльесе и полюбе. Драгиня одтрчи, те имъ се лѣпо обуче, и Новакъ съ Бурямомъ гарнизоне у касарне одведе, и опетъ врати имъ се съ прочима чиновницима на вечеру. Додьу имъ и изъ села Свештеницы съ Отцемъ Протомъ, Тутори, Старѣшине, Старцы, Димитріе Гаговичь — Пріятель ньинъ — и прочи многи, кои имъ се срадова'у о срѣтьной ньіовой надъ непріятельи побѣди. Старый и' зауставляше на вечеру!; но они не хтѣше. Зато позове и' све сутрадашъ на обѣдъ, и да тай данъ велику и славну часть.

Повратившисе сад' нашъ Князъ Любомиръ изъ рата начне опетъ у нѣдри' любезне своє фамиліе спокойствовати, утѣшенъ будутьи найпаче о земльи и отечеству, што Синишу, срѣтьно побѣдивши га, смири, и опетъ га Цару и земльи, као мужа найзнатніегъ, поврати. Онъ стане сад' промышлявати и о воспитанію свои' праунучадій: єръ дѣца растя'у, и време ньино мало помало изискиваше, да и учити почну. Онъ имъ кромѣ Ісідора, кой и' наставляше, прибави їошт' два изредна мужа за наставнике. Ктоме онъ и самъ, колико бы му годъ време дозволѣло — будутьи да онъ и сад' безъ посла не живляше — предузео бы и' и провидіо, у чему му они и колико успѣваю? Понайвышше бы пакъ онъ наставнике ньине поучавао и опоминяо о начину воспитанія дѣце. Онъ бы свагда при асталу на ньи петоро: Светолика, Константіна или Любомира (кога онъ сбогъ ньеговы' велики' и црны' трепавица' и лѣпы' очію, *Чарновєм*ъ называти обычествоваше) Василія, Младена и Агаѳона, свагда бы, велимъ, онъ на ньи мотріо, и примѣчавао бы ньіовъ темпераментъ, ньіову наравь, и разумъ ньіовъ, и одавдѣ бы онъ за свакога одъ ньи' нѣка

правила и особена изводіо, и како родителье ньіове, тако и ньіове учителье и воспитателье увѣкъ бы опоменуо, како съ коимъ дѣтетомъ поступати валя, да се за добра и честна мужа оно изобразити може.

Онъ истина и сву ову дѣчицу, коя му сад' као у своимъ пролѣтью благонадеждно процвѣтава'у, отечески и равномѣрно любляше, о свакомъ одъ ньи' попеченіе носяше, о свакомъ се одъ ньи' радоваше: но опетъ, колико бы годъ путій на свогъ Чарноя и малогъ Агаѳона погледао, свагда бы у своимъ отеческимъ прсима сладьу їошт' нѣку сумпаѳію осѣтіо, одъ части заръ, што му ова два младенца одъ Светозара и Драгиньe бя'у, као одъ прве ньегове дѣце, коя су ньега у Єлісіуму печалногъ утѣшила, и праздно му оно у срдцу ньеговомъ родительскомъ за ньеговымъ єдинцемъ мѣсто испунила: а одъ части, што му и само єстество Чарноя и Агаѳона паче проче дѣце свима добротама украсило и облагородило бяше. Онъ низашто вышше не желяше, да дуже поживи, развѣ, да їошт' и ову любезну лозицу своє честне крви мало больма оснажену, и одъ погибели безопаснію увиди, да му мало у болю зрѣлость и савршенніи разумъ и ова дѣца додьу; да имъ и онъ самъ баръ нѣко къ свакой добродѣтельи основаніе постави и ньи на ньему утврди. И Богъ є ньему и у томъ ньегову добру желю испуніо. Годину по годину онъ и вышше праунучадій доживи, и любезный ньеговъ Чарноє веть и на 16-о лѣто настане, а Агаѳонъ му 14-о навршаваше. Они му бя'у здрави, красни и благонаравни; но само добромъ надеждомъ они му сад' отеческо ньегово срдце испуне, а желаємогъ плода добродѣтельи ньіове онъ вышше и не дочека, премда као паметанъ мужъ, умѣрено живетьи, и у свакомъ задовольству и пристойной себи одъ любезне своє Фаміліє неги послѣднье дане своє проводетьи, свагда здравъ баше, и при дубокой веть єсени своїой цвѣтъ нѣкій на лицу своимъ храняше.

Али наступившу му веть и на 84-у свога вѣка годину почне му сама старость сву снагу сисати, почнесе губити, и безъ свакогъ бола стане слабити, и мало помало у тѣлу нестаяше га. Напослѣдакъ толико намъ изнемогне, да и у постелю летьи принудьенъ буде. Фамілія га сад' окружи, и невесела ни очію свои' съ ньега не скидаше. Онъ погледи на свога Светозара, кой му є найчувствителніи быо, и кой любезне сузе своє одъ ньега крыяше: Светозаре! сыне! слабымъ веть гласомъ рекне му, Ты плачешь! А зашто? моє дѣте мило! На ову рѣчь ньегову бризну сад' и сви плакати, кои су се и тако дотле єдва задржавали были. Заплаче имъ се, на ньи гледетьи, и самъ. Примакни, сыне, столицу, бришутьи сузу свою рекне Светозару, примакни, дѣте моє, мало ближе, и сѣди овдѣ кодъ мене. Дѣцо моя! рекне имъ, чеда моя сладка! Вы жертвуйте мени кою сузу вашу. Оне су мени, као одъ моє дѣце, сладке и пріятне; єръ оне изъ чистогъ извора истичу: али умѣрено то ми учините и на срдцу не сокрушавайтесе. Мой тье сад' одъ Васъ разстанакъ, и моє на вѣки одъ Васъ одсутствіє, све Васъ смутити, — но Вы немате зашто мене вышше жалити, немате зашто плакати, єръ Вамъ я умиремъ, као што и сами видите, у оно време, кад' ми веть живити не треба, и кад' Вамъ вышше низашто служити не могу, слѣдователно Вы у мени вештественно сад' ништа не губите. Задржите ме само у спомену Вашемъ, и често ме тимъ спомените: Овако є нашъ Отацъ радіо; овако бы онъ то и то и сад' учиніо; овако є онъ насъ, Богъ да намъ га прости! учіо, да и мы чинимо; мы смо га у свему слушали, па намъ є у свему добро и было. Мы ньега по вольи Божіой и изгубисмо; мы сад' ньега вышше не чуємо: но онъ намъ є оставіо добаръ примѣръ одъ себе; оставіо намъ є полезне совѣте за насъ. Зато примѣру ньеговомъ, рецыте, да подражавамо, и по совѣту ньеговомъ да се управлямо, и тако се нетье у на-

шемъ благостоянію уштрбъ нащъ у ньему познати, нити тье намъ се срѣтьа измѣнити. Тако мыслите, дѣцо моя, тако рецыте и тако творите, и то не уздышутьи, дѣцо моя, не плачутьи, но весело, опоменувшисе свагда, да самь Вамъ я срѣтьно и довольно поживіо, срѣтьно и честно као Хрістіянинъ и животъ мой окончао, срѣтьне на конацъ и Васъ све видіо и оставіо. О мой Светозаре, дѣте мое мило! Давно є мени свануло! Давно веть я као вѣрный рабъ Божій у віноградy ньеговомъ дѣламъ: а како самь дѣлао, свима є познато, познато Богу, познато моїой совѣсти. Сад' се дакле моє сунце къ западу клони. За'одъ ньеговъ мени се приближава. Послѣдньe се луче ньегове у мрачный гробъ мой сбираю. Слѣдовательно мой се данъ оканчава, и Господинъ мой, кой ме є у овай віноградъ и послао, мене захтѣва, мене зове, да му се вратимъ и заслужену мазду одъ ньега пріимимъ. Зато, дѣцо моя, я Васъ морамъ оставити, морамъ итьи. На часть Вамъ сва та земна блага, слава и све сласти, за коя самь я и одъ много веть година' душевна моя чувства губити почео, и за коя ми одъ нѣкогъ времена и тѣлесна сва престадоше. Я идемъ пріимити друга блага, другій и новый животъ и нова чувства. О моя дѣцо! Онай, кой є знао живѣти, зна заиста и умрети. Да тьете вы мой гробъ посѣтити, я о томе и не сумнямъ: но я Васъ молимъ, а особито тебе Светозаре, тебе сыне мой и преко гроба и во вѣки молимъ, немойте ретьи: Овдѣ почива Отацъ нашъ! него рецыте: Овдѣ лежи оно земно тѣло, у комъ є Отацъ нашъ 84. лѣта провео, и сад' намъ се вѣчногъ покоя, вѣчногъ блаженства, као вѣрный рабъ Божій, наслађьава, и — Овдѣ тьемо и мы, ако намъ Богъ дозволи, временомъ своимъ и наша тѣлеса низложити, и наше кости съ костима ньеговым' саєдинити. То тье дѣцо быти души моїой мило, то пріятно, — а не плакати, не уздысати и мене за изгубльена држати. Онай є плача достоянъ, и онай є изгуб-

льенъ, кой ніе знао, како е на овомъ свѣту живіо, кой, мыслетьи, да се само за овай свѣтъ родіо, ніе дужность честногъ човѣка извршавао. Опетъ теби говоримъ, Светозаре, опоменисе сыне, како самъ те учіо. Я съ надеждомъ сад' томъ умиремъ, да оставлямъ у теби сына по себи, кога самъ я, таленте твое познавши, тако воспитао, да умѣсто мене ты подпора нашой фамілія будешъ, да ты дѣло мое наставишъ, и да наше отечество оно у теби и твоїой братьи надье, што у мени данась губи. О Боже! Я самъ се трудіо, потъутивши рекне, разумъ твой, сыне, толико усовршити, и ньега тако истанчати и просвѣтити, да крозъ ньега свѣтле оне луче одъ престола, звѣздама посутогъ, на комъ намъ вѣчна истина сѣди, у срдце твое проницаваю, и я самъ, теби, о Боже, благодаримъ, срѣтьно и у томъ успѣо; а кад' е то, могу ли се я и посумняти, да тьешъ ты дѣло наставити, да тьешъ сваку добродѣтель возлюбити, и вѣрнымъ се и ты у овомъ віограду Божіемъ дѣлательемъ учинити.

Помысли само, сыне, то, настави Старый, да є на тебе такво жребіе пало, да ты за многе поживишъ. Опоменисе, дѣте мое любезно, оне рѣчи, кою ми є много путій Царъ, као Отацъ Отечества, повторіо: Остави ми у твои' унуци' Любомира! Светозаръ тье мени умѣсто тебе быти! Онъ то не доживи. При овымъ рѣчма ударе му сузе, — онъ клоне, и мало умукне. Косара му притрчи: Ахъ Отацъ! Любезный нашъ Отацъ! повиче, заръ насъ веть оставляте? Мудра бесѣда Ваша, сладке рѣчи Ваше, єда л' намъ престаю? Пстъ! повиче Светозаръ, да се утишаю, Престаните, вели, крозъ плачъ єдва и самъ проговараютьи, престанте, да мирно испусти духъ свой! Принесе му сад' свѣтьу, и священицы му почну ти'о молитву читати. Но онъ послѣ нѣколико мінута' опетъ къ себи додье, погледи на све: Часъ мой додье! рекне имъ ти'о, но простите ми! Опростите Вы нама, сладкій Отацъ!

єдва проговараютьи возразе ови, простите намъ, и молитесе за насъ Богу, къ коме сад' и идете. Онъ и' све опрости, и узведе очи своє къ Богу: Отче, вели, Пріими духъ мой! — Но опетъ баци слабый погледъ свой на предрагу плачну фамілію свою. Вы мыслите, єдва изговараютьи рекне имъ, Вы мыслите, да мене што боле! О не! Мене, дѣцо, не боле ништа, но само — само што престаю — у мени оне — животне — а! силе! — послѣдня пара моя мени се у прси моє — купи! Но молимъ Васъ, не плачите! Не цвѣлите ту сироту дѣцу! за своє прауноке, кои у єдномъ чопоритьу сад' сузама поливени предъ ньиме ста'яу. Нити се и Вы грозите моє смрти. Она є по тупоумномъ човѣческомъ разсудьенью грозна и непріятна; иначе предъ моимъ окомъ, коимъ веть у ону вѣчность проницавамъ, она є добра, и єсть ми ангьео мой, кой ме ево хотье у вѣчный животъ да уведе. — Светозаре! Чуємъ Отацъ! Ево ме Отацъ! при'вативши му руку. Ово є мати твоя, сыне! — за Косару — и мудра мати. Зато їой првенство у дому, у колико се нье каса, да їой се не одузима. У прочемъ, дѣте моє, люби фамілію сву, као што самь и я тебе, сыне, любіо. Воспитавай дѣцу сву безъ разлике, као што самь и я тебе и братью ти воспитао. Одступите мало, да їошт' єданпутъ дѣцу видимъ! Дѣца сад' предъ ньимъ у поо круга редомъ клекну. Онъ имъ пружи слабу свою руку: Пріимите благословъ мой! Будите добри! Отацъ небесный да Васъ благослови! На то му дѣца полюбе руку. Сад' ми, вели, дигните мало главу. Косара му притрчи, и малчицо исправи га, и Светозаръ му десну свою руку подметне подъ главу, а лѣву му наслони на прси, и онъ имъ се опетъ за нѣколико магновенія' сад' безъ чувства учини, и на єданъ ма'ъ савъ стресесе. Отче, вели, и Хрісте сладчайшій! Пріими духъ мой! То изрекне, и у любезны' наручія' свога Светозара издане, и онъ му очи затвори. Светозаръ ма'не сад' рукомъ на све, те се утишаю, и дѣцу

заповѣди извести наполье. Сви се сад' грозно заплачу; но гласа одъ себе пустити дуго не смѣдя'у. У тишини овако Светозаръ му лагано принесе главу свою на прси његове, и тьутетьи чистыма и' орошаваше сузама. На конацъ мати му ти'о приступя: Доста! сыне, Доста! рекне му, Умѣрисе! и сама єдва рѣчи произносетьи. Умершій пожути имъ сад' као истый восакъ. Милиса, Драгиня, Єлица, и проче ту њине дѣвице и служавке, єдна другу грљетьи, крістале своє и топле сузе саединява'у. Косара, у жалость погружена, съ прекрштенным' рукама стояше мртвацу вышше главе, и гледетьи честну тѣнь ову умѣрено плакаше. — До зоре сви се у црно обуку. Црнымъ и финымъ сукномъ — чоїомъ — исту собу, цѣлый ходникъ, степене, и сву дужь Двора застру. 5. хиляда' войника', єдни на коньи', други пѣшце, лѣпо обучени, и свакій съ црнымъ знакомъ, разсвитаютьусе дану Дворъ имъ окруже. Велико имъ звоно у цркви огласи, на коє сад' силный имъ се Народъ са свію страна' ту слегне. Другъ друга съ плачемъ обимаше: Умре намъ Господинъ! вопія'у. Ахъ Отацъ, брате, Отацъ нашъ любезный умре намъ, а не Господинъ, другій одговараше. Три дана наизмѣнце народу се у собу къ умершемъ улазити дозволи, кога заиста сви као благодѣтелногъ своегъ Отца оплакива'у. И плачне су матере крозъ толпу народа съ маломъ своїомъ дѣчицомъ проту-ривалесе: Видите, чеда любезна, говоретьи имъ, овогъ Господина, што овдѣ лежи, видите и упамтите га! Онъ є нашъ Отацъ, нашъ Благодѣтель быо. Ове су любезне рѣчи нове сузе сад' благородной овой фамілііи производиле, нова и упечатльенья у срдца Светозара и Чедомиля чиниле. Светозаръ погледи на свога првенца: Чуешь ли, сыне, рекне му, ова сладка изреченія, ове любезне рѣчи народа? Упамти и' и златны словы запиши и' на срдце твое!

Време веть изискиваше, да ову, многима сузама орошену грудву земльe однесу на мѣсто

опредѣльено, да є она опетъ у праъ и пепео претвори. Одъ Двора до цркве имъ Архангьелске стали су у два реда войницы. Народъ цѣлый просторъ унаоколо покрыо бяше. У сузама бы га окупати могли, кое су се ту Народу за њимъ излиле, кад' су га видили, да се веть у гробъ носи. Невинни младенцы, и просты' селяна дѣчица, на чопоритье предъ црквомъ стоетьи: Є л' то онай Старый Господинъ, едно друго пыташе, што намъ є у школу долазіо, и књиге намъ доносіо? што намъ є, кад' смо добро знали, и новаца давао, насъ у вертъ одводіо, и своїомъ рукомъ вотья намъ брао? О! Пакъ зашто да намъ онъ умре? Такавъ добрый єданъ Господинъ!

Стара Госпоя Сарра, коя є у његовомъ заведенію у школама дѣвойчице учила, съ 50. дѣвойчица', єдногъ возраста сушти' и у црно обучены', кои' свака съ котарчицомъ у руци разногъ цвѣтья бяше, изидье сад' предъ овай свящченный гробъ, кой сами воєнни Чиновницы носа'у, и застирутьи предъ њимъ стазу ону цвѣтьемъ говораше: Пріими душе благій овай знакъ благодарности одъ ове невинне дѣчице, коїой си ты Отацъ быо, — пріими съ чистомъ овомъ сузомъ, кою ти она на дугій твой путъ даю! Другоячіимъ си Ты цвѣтьемъ стазу любезне Твоє жизни застирао; другоячіе тьесе и вѣнцы безсмертномъ имену Твомъ одъ њи' Теби сплетати.

Сатимъ овако у великолѣпномъ Епіскопа и многи' Священика' и Господе спроводу донесу и спусте у цркви ову священу тѣнь, и свршивши надъ њомъ святая съ торжественнымъ пѣніемъ унесу є у малу капелицу, у коїой сад' 50. ученика', сва млада и невинна їошт' дѣчица, у црне такодье стихире обучена, дѣтиньскимъ своимъ, ангьелскоме подобнымъ гласомъ одпою намъ нашемъ Старомъ херою, и моралномъ філософу пѣсну, одъ Ісідора сачиньену, коя є укратко садржавала, прво, знатна његова воєнна дѣла,

друго, ньегове добродѣтельи у приватномъ и на конацъ у княжескомъ животу. Оддавши му дакле съ овымъ пѣніємъ послѣднье цѣлованіє унесу га и изъ ове капелице у гробницу, коя имъ на сводъ, и као каква пештера огругла бяше, — сад' многима кандилама освѣтльена и мирисомъ ароматическимъ испуньена, и ту га у мраморный гробъ положе, — и Народъ имъ се єдва до саме нотьи разидье.

Светозаръ потомъ съ братьомъ и фаміліомъ своїомъ многе милостынье разда, многе сиромашке домове, болнице и школе, у коима су се убоги ученицы благодѣянія почившегъ имъ Отца препитавали, посѣтьаваютьи тѣшаше и говораше имъ, да они у Старомъ ништа друго не губе, развѣ, што га вышше не виде; у прочемъ, што се благодѣянія' тиче, оно тье, вели, своимъ каналомъ итьи, као што є ньему живившу ишло.

Као што имъ то овай младый и благодушный мужъ съ братьомъ своїомъ заиста и засвѣдочи, и свима познати даде, да у ньему правый духъ Любомировъ живи, и да исто срдце Любомирово за няродъ и свакога и у ньеговымъ прсима біє. Савъ дакле сад' Народъ, фамілія и сви Дворяни, искусивши у ньему второгъ себи Любомира, возрадуюсе и до излиха возлюбе га. Благосиляше га свака душа, и преузноша'у га похвалама свуда. Онъ, колико є быо красанъ тѣломъ, и у лицу свагда, и у зрѣломь веть вѣку свомъ, толико се красанъ и благозрачанъ свима появи душомъ и срдцемъ своимъ, тако, да су у цѣлой той земльи, измѣнившусе времену, и второгъ даже вѣка, съ умильеньємъ срдца споминяли га, и уздышутьи єдно другомъ говорили: Камо намъ сад' нашъ Светозаръ, наша Драгиня; нашъ Чедомиль и ньегова Єлица? Камо Косма и Милисса? и любезна Мати наша Косара? Све и' време у вѣчный къ дражайшемъ ньиномъ Отцу пресели Єлісіумъ!

КРАЙ.

БИБЛИОТЕКА МАТИЦЕ СРПСКЕ У НОВОМ САДУ

47 — 50

БИБЛИОТЕКА МАТИЦЕ СРПСКЕ

Р19 Ср II 150/2.1